

Российский государственный гуманитарный университет

 Orientalia
et **Classica**

Труды Института восточных культур и античности

XVI

История и культура
традиционной
Японии

● Orientalia et Classica

Russian
State University
for the Humanities

●**Orientalia**

etClassica

**Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies**

Issue XVI

History and Culture of Traditional Japan

Moscow
2008

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**

et Classica

**Труды Института восточных культур
и античности**

Выпуск XVI

История и культура традиционной Японии

Москва
2008

УДК 008.001(520)
ББК 63.3(5Япо)я43
И90

Orientalia et Classica:
Труды Института восточных культур и античности
Выпуск XVI

Под редакцией И.С. Смирнова

Художник Михаил Гуров

ISBN 978-5-7281-0934-1

© Институт восточных культур
и античности, 2008
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2008

Предисловие

Настоящий сборник статей является итогом Восьмой ежегодной конференции «История и культура традиционной Японии», проведенной Институтом восточных культур и античности РГГУ и Всероссийской ассоциацией японоведов. Он продолжает традиции, заложенные сборниками «История и культура Японии» (2001) и «Политическая культура древней Японии» (2006). Его особенностью является введение в оборот многих источников, которые не попадали ранее в поле зрения отечественных и западных японоведов.

В сборнике помещены статьи и переводы как признанных ученых, так и представителей молодого поколения японоведов. Сборник открывается статьей М. В. Грачева, в которой он продолжает свои исследования древнеяпонского чиновничества. Особую ценность представляет широкое привлечение самых разнообразных источников (в том числе актового материала и эпиграфических данных), которые не были введены в оборот в отечественном востоковедении, что позволяет существенно уточнить, каким образом сформировалась японская аристократия.

Статья Е. Б. Сахаровой представляет собой детальное описание провинциального уровня управленческой системы периода Нара. Эта тематика является малоисследованной в мировом японоведении. Тем ценнее тот вклад, который вносит Е. Б. Сахарова, углубляя наши знания об этом важнейшем периоде древней Японии.

А. Бачурин обратился к проблематике, совершенно не представленной в отечественном японоведении. До этого времени мы ограничивались констатацией факта, что астрологические представления оказывали существенное влияние на стиль жизни японских аристократов, однако как конкретно это происходило, оставалось нам неизвестным.

М. Ю. Шабалина представила статью, в которой рассматривается карьера Фудзивара Сёси, которая достигла статуса императрицы. Проследивая шаг за шагом этапы ее карьеры, автор описывает те механизмы, которые управляли политической жизнью хэйанского двора.

Л. Федянина публикует перевод памятника, посвященного становлению культа Тэндзин (Сугавара Митидзанэ). Важность этого источника (впервые переведенного на иностранный язык) обуславливается, в частности, широчайшим распространением этого культа и в современной Японии. Данный текст позволяет проследить, как «работали» культурные механизмы, превратившие жизнь высокопоставленного придворного в житие.

Ю. Гвоздиков предлагает вниманию читателя перевод средневековой «Повести без названия» («Мумё дзоси»). Важность этого памятника определяется тем, что в нем приведены «литературоведческие» суждения персонажей относительно тех художественных произведений на японском языке (как известных нам, так и не сохранившихся), которые находились в реальном информационном обороте. Таким образом, «Мумё дзоси» представляет собой начальный этап формирования литературной критики.

О. Витязева исследует идеальный образ хэйанской аристократки. В этот образ входит не только внешность, но и овладение этикетом, моральные качества.

А. А. Дулина вводит в оборот новый класс текстов — книги «хинагата» (период Эдо), которые позволяют судить о том, какими эстетическими критериями руководствовались мастера кимоно при создании своих произведений.

А. Н. Мецераков представил перевод одного из первых жизнеописаний знаменитого императора Мэйдзи. По этому тексту, впервые переведенному на европейский язык, хорошо видно, как вступали во взаимодействие автохтонные и западные представления о верховной власти.

Н. Овсянников знакомит читателя с фрагментом автобиографии Саиондзи Киммоти — одного из интереснейших политических деятелей конца XIX — начала XX вв. Данный текст также впервые переводится на европейский язык.

А. Н. Мецераков

Регламентация служебной деятельности японских чиновников в VII–VIII вв.: к вопросу о методах контроля государственного аппарата в древней Японии

М. В. Грачёв

Государство «рицурё:» представляло собой высокоцентрализованное образование с точки зрения как соподчинения различных административных учреждений, так и жестко структурированной бюрократии. Иерархия бюрократии осуществлялась благодаря трем важнейшим социальным маркерам: чиновничьему рангу, должности и титулу-«кабанэ». Однако, если титул-«кабанэ» только указывал на положение чиновника в общей родовой иерархии и системе сакральных генеалогий, и не был непосредственно связан с экономическими льготами и правовыми преимуществами конкретного представителя бюрократии¹, то ранг и должность позволяли пользоваться такими привилегиями. В этом, по всей видимости, заключалась одна из важнейших причин столь детальной проработки процесса пожалования рангом, назначения на должность и дальнейшего повышения по службе.

Поскольку получение ранга не только вводило его обладателя в состав чиновничества, но и давало право на получение конкретной должности в государственном аппарате (что в перспективе открывало возможности служебной карьеры и дос-

---

¹ Конечно же, такая зависимость была и особенно явственно она обнаружилась в период Хэйан, когда экономическое положение, а также правовые преимущества, того или иного представителя придворной знати были непосредственно связаны с его родовитостью. Но, как бы там ни было, в правовых источниках периодов Нара — ранний Хэйан (кодексы «Тайхо:рё:», «Ёро:рё:», а также комментарии к ним) экономические и правовые привилегии чиновника связываются именно с его рангом и должностью (или рангом старшего родственника, например, в случае получения «теневого ранга»), а не со значительностью принадлежавшего этому чиновнику титула-«кабанэ».

тойного существования), то государство стремилось максимально определить критерии, в соответствии с которыми оценивались все потенциальные «кандидаты» на получение ранга и должности.

Согласно древнеяпонским летописным и правовым источникам, создатели нарского высокоиерархичного государства стремились к воплощению «идеального чиновника», для которого главной жизненной целью должно быть служение людям на государственном поприще. Для этого особое значение уделялось созданию эффективной системы контроля чиновничьего аппарата.

Существовало множество методов контроля бюрократического аппарата, но все они могут быть условно разделены на две большие группы.

Во-первых, это методы, которые предусматривают наказания чиновников в случае совершения каких-либо преступлений, не имеющих, на первый взгляд, непосредственной связи с осуществлением служебной деятельности (убийство, участие в драке и нанесение увечий, прелюбодеяние и т. д.).

Во-вторых, это методы, имеющие целью недопущение так называемых «служебных правонарушений», либо предусматривающие наказания за уже осуществленные на государственной службе деяния.

Методы контроля чиновничества должны были выполнять важнейшую функцию — с их помощью можно было следить за соблюдением принципов, которые не только определяли облик японского чиновничества в целом, но и впоследствии сформировали бы совокупный образ идеального государственного служащего.

В данной статье мне хотелось бы остановиться именно на методах контроля служебной деятельности чиновников. Мой интерес был продиктован следующим обстоятельством: детализация способов контроля процесса служебной деятельности является одним из признаков зрелости государства, а потому уточнение различных аспектов оформления таких методов позволяет прояснить особенности процесса складывания государственного аппарата, как в древней Японии (VII–VIII вв.), так и его дальнейшей эволюции в период раннего средневековья (IX–XII вв.).

Любой человек с момента включения его в состав чиновничества должен был соответствовать тем критериям, которые

предусматривались для государственных служащих². По мнению составителей законодательного свода «Тайхо: рицурё:» («Уголовные установления [периода] Тайхо:»), регламентация должна была распространяться на все стороны жизни и деятельности чиновника: от повседневной рутины до государственной службы. Так, к примеру, считалось, что чиновник должен был не только хорошо выполнять свои служебные функции, но и в семейной жизни являть пример добродетели. И чем выше поднимался чиновник по служебной лестнице, тем большие требования к нему должны были предъявляться, поскольку, исходя из конфуцианских принципов управления государством, огромное значение которых для древнеяпонских правоведов не вызывает никаких сомнений, только добродетельный муж и отец способен руководить своими подчиненными³.

Среди факторов, регулировавших повседневную деятельность чиновников, особое место занимала общеслужебная ответственность.

Все чиновники юридически прикреплялись к месту службы и должны были исполнять присущие им обязанности, строго следуя законодательным нормам. Такие нормы были установ-

---

² Помимо принципов этики и морали, согласно конфуцианской традиции, сформулированных еще Конфуцием, существовал также ряд черт характера и моделей поведения чиновников, которые считались недостойными для государственного служащего и могли быть присущи исключительно недобродетельным людям. Среди признаков недобродетельности особенно выделялись мятежность, предательство, неподчинение приказам вышестоящих, жестокость, непочтительность и корыстолюбие. Подр. см.: *Колпакова В. В.* Управление как процесс совершенствования // *Общество и государство в Китае*. Вып. 20,. М.: Наука, 1989, с. 164.

³ Согласно представлениям китайской политической науки, государь рассматривался в качестве «отца и матери народа», а его чиновники представлялись его «руками и ногами», а также «глазами и ушами». Но и сами чиновники, важнейшая функция которых состояла в исполнении воли правителя на местах, тоже считались «отцами и матерями народа». В древней Японии подобные представления были широко распространены, о чем свидетельствуют как документальные, так и нарративные источники периодов Асука и Нара. Например, см.: *Сёку нихонги* (Продолжение *Анналов Японии*). Сер. «Син Нихон котэн бунгаку тайкэй». Под ред. Аоки Кадзуо и др. Т. 1–5. Токио: Иванами сётэн, 1989–1996. Ёро:, 5-6-10, 721 г.; Дзинги, 3-6-14, 726 г.

лены в кодексе «Тайхо: рицурё:»⁴, согласно которому уголовно-наказуемыми преступлениями считались:

- а) неправильное выдвижение в чиновники⁵;
- б) невыполнение чиновником своих обязанностей⁶;
- в) приписывание чиновником себе несуществующих служебных успехов⁷;
- г) беспричинная неявка чиновника на службу⁸;
- д) опоздание в прибытии к месту службы⁹;
- е) самовольный уход со службы по личным причинам¹⁰;
- ж) неразрешенная подмена дежурных¹¹
- з) незаконное использование пропуска¹² и т. д.

Подлежала всесторонней регламентации и делопроизводственная деятельность. К служебным правонарушениям относились:

---

⁴ В современном японоведении к кодексу «Тайхо: рицурё:» сложилось двойственное отношение. Одни исследователи считают, что «Тайхо: рицурё:» копировал китайский законодательный свод «Тан люй шу и» («Уголовные установления Тан с разъяснениями», 653 г.) и на территории Японии фактически не применялся на практике, поскольку противоречил многим нормам обычного права. Другие ученые полагают, что действенность «Тайхо: рицурё:» в древней и раннесредневековой Японии имела место. Не вступая в дискуссию о значимости кодекса «Тайхо: рицурё:» для японского общества VIII–XII вв., хотелось бы отметить: во-первых, необходимость использования данного свода обусловлена тем, что он как нельзя лучше отражает «идеальный» вариант придворной службы для чиновника, то есть тот образец, к которому было необходимо стремиться; во-вторых, в источниках периодов Нара и Хэйан встречается немало случаев не просто цитирования отдельных положений кодекса «Тайхо: рицурё:», а именно дискуссий относительно возможности или невозможности применения той или иной статьи из этого свода, что, несомненно, говорит о важности данного источника в деле восстановления древних и средневековых японских реалий.

⁵ Рицурё: (Уголовные и гражданские законы). Под ред. Иноуэ Мицусада и др. Сер. «Нихон сисо: тайкэй». Токио: Иванами сётэн, 1994, с. 61–62.

⁶ Рицурё:.. Указ. соч., с. 63.

⁷ Рицурё:.. Указ. соч., с. 79.

⁸ Рицурё:.. Указ. соч., с. 53, 63.

⁹ Рицурё:.. Указ. соч., с. 63–64.

¹⁰ Рицурё:.. Указ. соч., с. 53–54.

¹¹ Рицурё:.. Указ. соч., с. 54–55.

¹² Рицурё:.. Указ. соч., с. 57–58.

- а) допущение ошибок при первоначальном составлении документа¹³;
- б) ошибки при повторном переписывании документа¹⁴;
- в) самовольное исправление ошибок в документах¹⁵;
- г) неправильное оформление документов¹⁶;
- д) задержка прохождения документов по инстанциям¹⁷;
- е) передача документов неустановленному правилам лицу¹⁸;
- ж) нарушение порядка подачи документов¹⁹ и т. д.

Более того, обстоятельно определялась и сама процедура подачи документов, а любые отклонения от установленной практики должны были строго пресекаться. Вот как, например, описывается в «Тайхо: рицурё:» процесс подачи докладной записки в вышестоящую инстанцию: «Всякий, кто не подал доклад государю о деле, когда полагалось подать доклад, или подал доклад о деле, о котором не следовало подавать доклада, наказывается 70 ударами тяжелых палок. Если же полагалось сообщить в вышестоящее ведомство о каком-то деле, но сообщено не было, или не следовало сообщить наверх, но было сообщено, то виновного наказывать 50 ударами легких палок. Даже если кто-то подал доклад, либо сообщил наверх, но не дождался ответа, то виновного наказывать в соответствии с вышеустановленными нормами»²⁰. Не меньший интерес вызывает еще одно распоряжение: «Если о каком-то деле сообщено не через управляющее учреждение (напр., управление подчиненной министерству Народных дел подаст докладную в министерство Казны.- М. Г.), а, минуя его, либо полагалось направить распоря-

---

¹³ Рицурё:. Указ. соч., с. 70–71.

¹⁴ Рицурё:. Указ. соч., с. 69–70.

¹⁵ Рицурё:. Указ. соч., с. 70.

¹⁶ В первую очередь имеется ввиду неправильное подписывание документа. Рицурё:. Указ. соч., с. 72.

¹⁷ Рицурё:. Указ. соч., с. 69, 74–76.

¹⁸ Рицурё:. Указ. соч., с. 75.

¹⁹ Рицурё:. Указ. соч., с. 72.

²⁰ Рицурё:. Указ. соч., с. 71–72. В «Тан люй шу и» зафиксирована аналогичная статья, однако китайский кодекс предусматривал более тяжелые наказания: 80 тяжелых палок в первом случае и 60 — во втором. Тан люй шу и цзянь цзе («Тан люй шу и» с комментариями). Т. 1–2. Сост. Лю Цзюнь-вэнь. Пекин, Чжунхуа шуцзюй чубань, 1996, Т. 1, с. 790–792.

жение в нижестоящее ведомство, но оно не было отправлено, или не полагалось отправлять распоряжение вниз, но его отравили, то во всех этих случаях наказывать виновных 50 ударами тяжелых палок»²¹.

Служебная деятельность чиновника включала в себя различные компоненты, но в первую очередь подразумевала количество времени проводимого на службе²². Как явствует из законодательного свода «Тайхо:рё:» («Гражданские установления [периода] Тайхо:»), важнейшим условием успешного прохождения регулярной служебной аттестации являлся «срок службы»²³.

²¹ Рицурё:. Указ. соч., с. 71–72.

²² В этом плане очень плодотворной кажется гипотеза Ёсимура Такэхико. Это японский ученый, опираясь на исследования японских китаистов Ватанабэ Синьитиро:, Накадзима Сатоси, Накамура Хиитои и Оота Юкио, высказал предположение, что основным видом «пожалования» чиновников (независимо от того обладает он рангом или нет) своему государю было время, проведенное на службе. Ёсимура Такэхико обратил внимание, что с особой тщательностью разработаны те положения кодекса «Тайхо:рё», которые связывают «успешность» (или «неуспешность») регулярных служебных аттестаций с количеством служебного времени. См. Ёсимура Такэхико. Сихо: то ко:но: (Служба и подношения) // Нихон сьякай си (История японского общества). Т. 4. Токио: Иванами сётэн, 1986. Эта гипотеза получила дальнейшее развитие в работах Ооцу Тоору и Сакаэхара Товао. Ооцу Тоору. Кодай-но тэнно:сэй (Императорская система в древности). Токио: Иванами сётэн, 1999; Сакаэхара Товао. Дзё:дзицутё:-ни цуйтэ (О фиксации выходов на службу) // Кодай Тю:сэй-но сэйдзи то бунка (Политика и культура в древности и средневековье). Токио: Сибункаку сьуппан, 1994. Чрезвычайно интересным в этом плане представляется мнение А. Н. Мещерякова, что в период Нара время являлось важнейшей составляющей «подношения» государю со стороны любого его «подданного» (на какой бы ступени социальной иерархии он не находился), будь то крестьянин (основная форма эксплуатации которого заключалась в трудовой повинности) или чиновник. Мещеряков А. Н. Пожалование и подношение в официальной культуре Японии VIII века // Вещь в японской культуре. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003.

²³ Помимо «срока службы», не менее значимым считалось и качество службы. К примеру, в одном из хэйанских произведений сказано: «Пренебрегать службой нельзя... Человек с чином должен вдохновлять своих подчиненных. Если высокопоставленный чиновник успешно руководит подчиненными, то он прославится как человек, который может справиться с любым делом. Если ты не можешь идти на службу, подай прошение об отпуске с объяснением причины. Не сообщив при-

Количество дней, которое регулярный чиновник (категория «тё:дзё:») должен был находиться на службе, составляло 240 дней в год²⁴ (при этом отчетный год состоял из 360 дней). Таким образом, если чиновник по каким-то причинам (болезнь, траур и т. д.) не являлся в служебное присутствие более 120 дней в году, то он не аттестовывался, что автоматически приводило к его увольнению²⁵. Для нерегулярных чиновников (ка-

---

чины, службу оставлять нельзя. Никогда так не поступай! Будь прилежен. Обвинение в неявке в служебное присутствие — самое страшное. В дни придворных праздников и общегосударственных ритуалов надевай официальное платье и заранее отправляйся ко двору. Высшие придворные чиновники, а также главы и помощники глав гвардейских управ, в служебные дни должны заранее являться на свои места. Гражданские же чиновники, хотя их служба и не так сложна, должны усердно работать в соответствующих ведомствах. Больше всего следует бояться слухов о том, что ты пренебрегаешь своими обязанностями. Не следует принимать на службу людей ленивых, даже если они талантливы и добродетельны. Но если человек усерден, хоть и не очень умен, такого стоит продвигать по службе». Кудзё: усё:дзё: икай (Наставления правого министра Кудзё:) // Кодай сэйдзи сякай сисо: (Общественно-политическая мысль древней Японии). Под ред. Ямагиси Токухэй и др. Токио: Иванами сётэн, 1979, с. 117, 120–121.

²⁴ Рицурё:. Указ. соч., с. 295; Рё:-но гигэ (Официальные комментарии к [кодексу «Тайхо:|рё:»). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио: Ёсикава ко:-бункан, 1998, с. 160; Рё:-но сю:гэ (Собрание комментариев к [кодексу «Тайхо:|рё:»). Сер. «Кокуси тайкэй». Токио: Ёсикава ко:-бункан, 1998, Т. 3., с. 609.

²⁵ Согласно комментариям к кодексу «Тайхорё:», существовало два вида увольнения с должности: во-первых, отрешение от должности вследствие совершения какого-то преступления (убийство, кровосмешение и т. д.); во-вторых, увольнение с должности в ситуациях не имеющих отношения к совершению чиновником преступления. Всего упоминается семь таких оснований для увольнения: 1) возраст (70 лет и более); 2) окончание срока назначения на должность (к примеру, для управителей провинций срок службы составлял шесть лет); 3) ликвидация ведомства (например, в 742 году сразу после подавления мятежа Фудзивара Хироцугу было упразднено управление Дадзайфу, а его функции были переданы в ведение чиновников провинции Тикудзэн, в результате чего многие служащие Дадзайфу оказались «[чиновниками] без должностей»; 4) сокращение штата; 5) старость или болезнь родителей (необходимость ухаживать за своими родителями зачастую диктовала намеренный отказ от службы); 6) траур после смерти родителей (хотя по сравнению с Танским Китаем сроки траура, предусмотренные кодексом «Тайхо:рё:», значительно сокращены, тем не менее

тегория «бумпан») минимальный срок пребывания на службе составлял 140 дней в году²⁶. Для мелких служащих «тё:най» и «сидзин» (безранговые чиновники, выполняющие различные поручения, например, охрану своего господина) такой срок был установлен в 200 дней в году²⁷. Получается, что в течение одного месяца чиновник категории «тё:дзё:» должен был в среднем отработать не менее 20 дней. Для чиновника «бумпан» этот срок составлял приблизительно 11,7 дней, а для мелких служащих «тё:най» и «сидзин» — 16,7 дней.

Можно было бы усомниться в том, что положение кодекса «Тайхо:рё:» о минимальных сроках службы для успешного прохождения регулярной аттестации реально функционировало. С одной стороны, в соседнем Китае (откуда, собственно, и было позаимствовано это положение) установление аттестационных сроков шло очень медленно. Впервые минимальный срок пребывания на службе для ранговых и безранговых чиновников был установлен еще при династии Ранняя Хань (207 г. до н. э. — 8 г. н. э.), тем не менее действенность этого положения до периода Суй (581–617) вызывает у исследователей серьезные сомнения. Следовательно, для того чтобы система регулярных аттестаций служащих могла реально функционировать, понадобилось несколько столетий, в течение которых данная практика показала бы свою жизнеспособность. С другой стороны, с того момента как в Японии было официально объявлено о создании регулярного чиновничества²⁸ до времени составления

траур мог длиться от 7 дней до одного года); 7) отсутствие на службе более установленного срока. Рё:-но сю:гэ, Указ. соч., Т. 2., с. 474.

²⁶ Рицурё. Указ. соч., с. 295; Рё:-но гигэ. Указ. соч., с. 160; Рё:-но сю:гэ, Указ. соч., Т. 3., с. 609.

²⁷ Там же.

²⁸ Речь идет о указе государя Ко:току, обнародованном, как это видно из «Нихон сёки», в 646 году. Нихон сёки (Анналы Японии). Под ред. Сакамото Таро: и др. Т. 1–5. Токио: Иванами сётэн, 1996. Тайка, 2-8-14, 646 г. И хотя в этом указе сказано: «То, как вы служили Нам в прошлом, — отменяется (т. е. упраздняется существовавшая ранее практика служения. — М. Г.). Отныне устанавливается чиновничество, которому жалуются ранги и должности», тем не менее, большинство исследователей раннеяпонской государственности полагает, что периодом наибольшей активности в деле создания служилого сословия стало время правления государя Тэмму (673–686) и государыни Дзито: (686–697).

кодекса «Тайхо:рё:» (702 г.), где письменно зафиксирована процедура регулярных служебных аттестаций (Закон XIV), прошло около полувека. По сравнению с количеством времени, которое понадобилось для того, чтобы в соседнем Китае реально ввести в действие положение об аттестации чиновников, в Японии его прошло очень мало, к тому же, для молодого японского государства это был совершенно незнакомый опыт, поскольку традиционная система управления строилась по преимуществу не на практике привлечения наиболее «талантливых» и «деятельных», а на реалиях родового общества. Не случайно в японской историографии существует особый термин для наименования системы управления «до периода Тайка» (т. е. до середины VII столетия). По-японски этот термин звучит: «сидзоку сэйдзи» (досл. «управление, основанное на родовом принципе»). В основе этой практики управления лежал институт «удзи-кабанэ», когда основным социальным маркером являлся титул знатности «кабанэ».

Исходя из вышеизложенного, вполне логично было бы предположить, что внедрение новой системы служения, одной из основ которой являлась практика регулярных аттестаций, должно было войти в противоречие с традиционной системой управления, когда важнейшим критерием в системе отношений «государь»–«подданный», является знатность последнего (определялась высотой его титула–«кабанэ») и его принадлежность к тому или иному кровнородственному образованию–«удзи». Но как бы странно это ни показалось, система регулярных аттестаций чиновников в период Нара работала достаточно эффективно. О ее эффективности красноречиво свидетельствуют различные источники периода Нара, к которым, помимо законодательного свода «Тайхо:рё:»²⁹, можно отнести историческую хронику «Сёку нихонги», актовый материал, содер-

---

²⁹ Считается, что направленность древнеяпонских законодательных источников такова, что они по преимуществу определяют «идеальный вариант» государственной структуры, к которому необходимо стремиться. А потому фиксация какой-либо процедуры (или практики) только в законодательных сводах не может являться серьезным доказательством ее реального функционирования. В этом плане совершенно справедливым кажется сравнение А. Н. Мещеряковым японских исторических хроник с «автобиографией государства, а его законодательных источников с «автопортретом». Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. М.: Наука, 1991, с. 16–17.

жащийся в многотомном собрании «Дай Нихон комондзё»:»³⁰, а также эпиграфику «моккан» на деревянных табличках.

В подтверждение слов о действенности системы служебной аттестации в нарской Японии можно привести следующие доказательства.

Во-первых, каждые двадцать четыре минуты³¹ (5 раз в час-«токи») среди всего присутствующего на рабочих местах состава производилась переключка. Не обнаруженный во время одной переключки чиновник наказывался десятью ударами легких палок. Если его не обнаруживали и во время второй переключки, то наказание удваивалось. Если и третья переключка не заставала чиновника на месте, тогда он рассматривался как беспричинно не явившийся на службу в данные сутки. Такой чиновник наказывался 20 ударами легких палок³², а докладная

---

³⁰ Свод «Дай Нихон комондзё» («Старинная документация Великой Японии») начал издаваться еще в самом начале XX века. В него вошли различные виды актового материала (указы, донесения, сообщения, циркуляры, списки подворных переписей, налоговые реестры и т. д.). Источниковедческую ценность этого свода трудно переоценить, поскольку актовый материал (по сравнению с другими видами древне-японских источников) обычно содержит максимум ненамеренной информации, ибо он не подвержен идеологической ангажированности в такой степени, в какой ее испытывают хроники и законодательные документы.

³¹ В оригинале для обозначения временного промежутка используется иероглиф «тэн» (кит. «день»). Один «тэн» равнялся $\frac{1}{5}$ частью часа («токи»), поскольку «токи» приблизительно соответствовал двум современным часам, то один «тэн» был равен 24 минутам. Однако, в зависимости от сезона длительность часа («токи») могла изменяться приблизительно от 22 (зимой) до 26 минут (летом). Дай гэнкай (Великое море слов). Т. 1–5. Токио: Фудзамбо:, 1936, Т. 3, с. 484; Цы юань (Источник слов). Т. 1–4., Пекин: Шанъу инь шугуань, 1983, Т. 4, с. 3581. Подробное исследование протяженности дня по хэйанским источникам см.: *Момо Хироюки*. Кокироку-но кэнкю: (Изучение [мужских] дневников). Т. 3. Токио: Сибункаку сьуппан, 1986, с. 171–224.

³² Удары легкими бамбуковыми палками считались самым простым из пяти видов наказаний (смертная казнь, каторжные работы, ссылка, битье тяжелыми палками, битье легкими палками). Конечно, на чиновников пятого ранга и выше физические наказания не распространялись, однако поскольку, согласно нормам установленным кодексом «Тайхо: рицурё:», приходилось откупаться от палочных наказаний, то это сказывалось на финансовом состоянии придворного чиновника. К примеру, чтобы откупиться от 20 ударов легкими палками, было необ-

о его правонарушении отправлялась в контролирующее ведомство (бэнкан)³³.

Если чиновник не явился на службу в течение трех дней, то наказание увеличивалось на одну степень (т. е. до 30 ударов легкими палками), однако если устанавливалось, что прогул был осуществлен по преступным соображениям, то виновный наказывался полутора годами каторжных работ³⁴.

За опоздание к месту службы также были предусмотрены суровые наказания. Один день просрочки наказывался 10 ударами легких палок. Если чиновник опоздал более чем на 10 дней, то начиная с 11-го дня просрочки виновный за каждый день наказывался 20 ударами легких палок (соответственно с 21-го дня — 30 ударами и т. д.). Наконец, если задержка произошла по преступным мотивам, то виновного наказывали одним годом каторжных работ³⁵.

Во-вторых, в период Нара эффективно действовала практика ежемесячных отчетов чиновников о своей деятельности (яп. «ко:саку»)³⁶. Как видно из «Нихон сёки», подобная процедура

ходимо внести в казну немалую сумму — 2 кин (около 2 килограммов) меди (монетой или в слитках). Рицурё: Указ. соч., с. 15. Если учесть, что вес медных монет (мон) первой чеканки доходил до 3,75 грамм, то в два килограмма умещалось около 530 монет. О грандиозности данной суммы может говорить такой факт: прожиточный минимум для крестьянина составлял 0,5 мон в сутки, следовательно 530 монов составляли почти трехлетний прожиточный минимум простого человека. По всей видимости, определение столь больших сумм в качестве откупного от физических наказаний для чиновников должно было предостеречь государственных служащих от совершения общеслужебных правонарушений.

³³ Сохранилось несколько упоминаний таких проверок в «моккан-нах». Моккан кэнкю: (Изучение мокканов). 1987, № 7, с. 17; Хэйдзё:гу: моккан (Мокканы дворца Хэйдзё:). Т. 1–6. Нара, Нара кокурицу бункадзай кэнкю:дзё:, 1969–2004, Т. 6, с. 8574, 9069.

³⁴ Рицурё: Указ. соч., с. 53, 63. Точно такие же наказания были предусмотрены и кодексом «Тан люй шу и». Тан люй шу и цзянь цзе. Указ. соч., Т. 1, с. 712, 717.

³⁵ При этом, если из-за опоздания какого-либо чиновника, сменяемый им служащий сам задержался с отъездом, то в случае его опоздания к новому месту службы наказание для такого чиновника уменьшалось сразу на две степени. Рицурё: Указ. соч., с. 63–64. Аналогичная статья есть и в китайском кодексе. Тан люй шу и цзянь цзе. Указ. соч., Т. 1, с. 721.

³⁶ Практика подачи отчетов в Китае отмечена уже в источниках периода Чжаньго. При династии Ранняя Хань подобная процедура

стала складываться уже при государе Тэмму (673–686). По всей видимости, во времена правления государя Тэмму и государыни Дзито (686–697) подобные отчеты составлялись раз в год³⁷. К тому же церемония подачи отчетов могла быть отменена по причине плохой погоды. В начале VIII века данная процедура подверглась детализации. Теперь «гражданские и военные чиновники от начального ранга и выше» были обязаны первого числа каждого месяца являться во дворец, где все управления «предоставляли официальный доклад» о своей деятельности за предшествующий месяц³⁸. Все отчеты отправлялись сначала в канцелярию («бэнкан»), где их проверяли, а результаты докладывали государю. После этого отчеты из канцелярии переправлялись в Министерство Центральных дел (Тю:мусё:), где и хранились, а если появлялась необходимость, то предоставлялись в Дайдзё:кан³⁹. Позднее отчеты «обладателей пятого ранга и выше, служащих в пяти [столичных] гвардейских управах» стали

приобретает упорядоченный характер. Отчеты подавались раз в месяц; за предыдущий месяц отчитывались в первый день нового месяца. Четко прописывалась и механика прохождения отчетов по инстанциям. В результате все отчеты доставлялись в Государственный департамент (Шан шу шэн). В период Тан, когда письменное делопроизводство достигло очень высокого уровня развития (по подсчетам японского исследователя Накамура Хироити, только в актовом материале танского периода насчитывается около 600 образцов ежемесячных отчетов), еще более усложнился и сам механизм предоставления ежемесячных отчетов. Поскольку на основании этих отчетов принималось решение о продвижении (или увольнении) того или иного чиновника, а также поощрении или наказании всего ведомства, то к форме и хранению этих документов предъявлялись особые требования. Так, любые исправления в отчетах могли привести к наказанию (понижению в ранге или увольнению с должности) лица, ответственного за сохранность такого документа. *Накамура Хироити*. То:дай сэйтёку кэнкю: (Изучение императорских указов периода Тан). Токио: Кю:ко сёин, 1991, с. 116–127. Он же. То:дай ко:бунсё кэнкю: (Изучение актовых материалов периода Тан). Токио: Кю:ко сёин, 1998, с. 456–473.

³⁷ Нихон сёки, Тэмму, 7-10-26, 678 г.; 12-12-17, 683 г.; Дзито:, 4-4-14, 690 г.

³⁸ Ридзурё:. Указ. соч., с. 344; Сёку нихонги, Тайхо:, 2-9-14, 702 г; Тэмпё:, 2-6-1, 730 г.

³⁹ Ридзурё:. Указ. соч., с. 344; Сёку нихонги, Тайхо:, 2-9-14, 702 г. Рё:-но сю:гэ, Указ. соч., Т. 3., с. 705.

храниться в Военном Министерстве (Хё:бусё:)⁴⁰. Наконец, усилился контроль за проведением ежемесячных отчетов. Теперь, даже в случае «ненастной погоды и сильной грязи, по причине которой могла быть утеряна благопристойность наружного вида [чиновника]», хотя церемония доклада и отменялась, но отчеты все равно отправлялись в соответствующие инстанции⁴¹. Отчеты-«ко:саку» сохранились и среди документов хранилища Сё:со:ин (всего около 50 единиц). Подавляющее большинство этих документов связано с деятельностью Управления по переписке сутр (Сякё:дзё:), организованного в 30-е годы VIII века при дворце государыни Ко:мё: (супруга государя Сё:му, правил в 724–749 гг.)⁴². Кроме этого, сохранилось несколько отчетов за 761 и 763 годы из Управления по строительству храма То:дай-дзи (Дзо: То:дайдзи-но цукаса)⁴³ и Управления по строительству храма Исиямадзи (Дзо: Исияма докоро)⁴⁴, что может служить дополнительным подтверждением действенности процедуры написания отчетов в течение каждого месяца⁴⁵.

---

⁴⁰ Сёку нихонги, Кэйун, 4-5-2, 707 г.

⁴¹ Рицурё:. Указ. соч., с. 344. Как явствует из «Рё:но сю:гэ», если раньше роль чиновника при предоставлении отчета была чрезвычайно важна (сперва он сам зачитывал отчет, а только потом этот отчет передавался по инстанциям), то теперь отчет отправлялся в вышестоящее ведомство (сперва в канцелярию, а потом в министерство) вне зависимости от присутствия или отсутствия чиновника во время церемонии подачи доклада. Рё:но сю:гэ, Указ. соч., Т. 3., с. 706–707. По всей вероятности, это свидетельствует об усложнении механизмов обращения документации в системе государственного управления (для развития служебной документации особенно характерным стал переход от устной к письменной традиции).

⁴² См., напр., Дай Нихон комондзё (Старинная документация Великой Японии). Т. 6. Токио: То:кё: дайгаку сёппанкай, 1906, с. 85, 135, 173, 223, 291, 317, 324, 368, 374, 391, 398, 407, 417, 446, 469, 476, 498; Т. 7. Токио, 1907, с. 195, 225, 227, 228, 231, 237, 238; Т. 8. Токио, 1907, с. 222, 285, 313, 567, 569, 571; Т. 11. Токио, 1913, с. 515, 523, 529, 534, 539.

⁴³ Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 5, с. 125, 188, 195, 375.

⁴⁴ Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 5, с. 137, 163.

⁴⁵ При этом из актовых материалов свода «Дай Нихон комондзё» видно, что время представления официального отчета-«ко:саку» о деятельности за предшествующий месяц соответствует процедуре установленной кодексом «Тайхо:рё:», то есть отчет подавался первого числа нового месяца. Например, отчет Управления по строительству храма

Во-третьих, японское государство, персонифицируемое в политической элите, стремилось к максимальной детализации процесса государственной службы, что выражалось в установлении срока ежедневного пребывания во дворце. Трудно сказать насколько хорошо была разработана процедура нахождения при дворе в первой половине VII века, однако уже в «Нихон сёки» зафиксировано несколько указов, направленных на установление четких сроков присутствия во дворце⁴⁶. Так или иначе, но уже в кодексе «Тайхо:рё:» по этому поводу говорилось следующее: «Столичные чиновники должны приходить до открытия [дворцовых] ворот⁴⁷ и уходить из дворца после закрытия [дворцовых] ворот⁴⁸. Провинциальные чиновники должны приходить с восходом солнца и уходить после полудня. Если много дел, то [всем] уходить в зависимости от обстоятельств. Ночные дежурные под это положение не подпадают»⁴⁹.

Таблица 1. Время пребывания на службе в государевом дворце

Источник	Время начала службы	Время окончания службы	Минимальное время пребывания на службе	Максимальное время пребывания на службе	Средний показатель пребывания на службе
Нихон сёки (правление государя Дзёмэй)	час зайца (5–7 часов утра)	час змеи (9–11 часов утра)	2 часа (с 7 до 9 часов утра)	6 часов (с 5 до 11 часов утра)	4 часа (с 6 до 10 часов утра)
Нихон сёки, (правление государя Котoku)	час тигра (3–5 часов утра)	час лошади (11–13 часов)	6 часов (с 5 до 11 часов)	10 часов (с 3 до 13 часов)	8 часов (с 4 до 12 часов)

То:дайдзи за 2-ю луну 5-го года Тэмпё: хо:дзи (761 г.) был представлен вышестоящему ведомству в 1-й день 3-й луны того же года, а отчет за 3-ю луну 761 года датирован 1-м днем 4-й луны того же года. Дай Нихон комондзё, Указ. соч., Т. 5, с. 125, 188.

⁴⁶ Нихон сёки, Дзёмэй, 8-7-1, 636 г.; Котoku, Тайка, 3-4-29, 647 г.

⁴⁷ Дворцовые ворота открывали после второго удара утреннего барабана, т. е. приблизительно в 6 часов утра. Рё:но сю:гэ. Указ. соч., Т. 4, с. 875.

⁴⁸ Дворцовые ворота закрывались с заходом Солнца, т.е. между 3 и 4 часами по полудни. Рё:но сю:гэ. Указ. соч., Т. 4, с. 875.

⁴⁹ Рицурё:. Указ. соч., с. 664. В Танском Китае чиновники являлись на службу с восходом солнца, а уходили со службы, если не было неотложных дел, в час лошади (11–13 часов), т. е. находились на службе от 5 до 7 часов. Тан лüй шу и цзянь цзе. Указ. соч., с. 713.

Тайхо:рё:	Открытие дворцовых ворот (около 6 часов утра)	Заккрытие дворцовых ворот (15-16 часов)	9 часов (с 6 до 15 часов)	10 часов (с 6 до 16 часов)	9, 5 часов (с 6 до 15.30)

Из представленной таблицы видно, что процедура посещения дворца не только со временем подвергалась детализации, но и имела тенденцию к увеличению времени служебного присутствия: от 4 часов до 9,5 часов (в среднем). Конечно, длительность пребывания во дворце, непосредственно связанная с традиционной системой «страж» (яп. «токи»), могла изменяться в зависимости от времени года, но в любом случае для нашего исследования более важным является то обстоятельство, что при определении количества времени, которое японский чиновник должен находиться на службе, творцы нарской государственности исходили из «идеальных» соображений, когда у чиновника должно быть минимальное количество свободного времени⁵⁰.

В-четвертых, в период Нара большое значение придавалось составлению «табеля посещения двора и выходов на работу»⁵¹, поскольку ежедневные записи присутствия чиновников на службе были просто необходимы для поддержания чиновной системы в рабочем состоянии, а также служили основанием для выплаты жалования⁵² и проведения аттестаций⁵³. В японских актовых материалах и эпиграфике «моккан» содержится большое количество сведений о «выходах на службу» (яп. «дзё:дзицу») как в дневное, так и в ночное время⁵⁴. Рамки данного

⁵⁰ По-видимому, с этой же целью не только строго определялся порядок отпусков, предоставляемых чиновникам по определенным и совершенно конкретным поводам, но и со временем установилось правило: чем выше ранг чиновника, тем более ограничен по времени размер его отпуска. Рицурё: Указ. соч., с. 430–433; Сёку нихонги, Тайхо:, 1-5-7, 701 г.

⁵¹ Сёку нихонги, Тайхо:, 1-5-1, 701 г.; Кэйун, 4-5-2, 707 г.

⁵² Сёку нихонги, Ё:ро:, 1-2-25, 717 г.; Тэмплё:, 17-5-25, 745 г; Тэмплё: ходо, 3-6-25, 759 г.

⁵³ Сёку нихонги, Вадо:, 1-4-11, 708 г.; 2-10-2, 709 г.; 5-5-17, 712 г.

⁵⁴ В «Дай Нихон комондзё» фиксируются отчеты о ежемесячных выходах на службу приблизительно для 200 чиновников. При этом информативность данных сообщений различна. Для одних служащих (около 20 человек) количество сообщений настолько велико, что позво-

исследования не позволяют привести здесь весь массив данных нарсских источников о посещаемости чиновниками места службы. По этой причине мы ограничимся только несколькими примерами, которые на наш взгляд весьма показательны.

Таблица 2. Сведения о выходах на службу в период Нара (по материалам «моккан» и «Дай Нихон комондзё»)

Имя	Ранг	Категория	Кол-во утренних смен (в год)	Кол-во ночных смен (в год)	Общ. кол-во выходов на службу (в год)	Кол-во утр. смен (в месяц)	Кол-во ночн. смен (в месяц)
Ато-но Сукунэ Отари	восьмой старший ранг верхней ступени	тёдзё				25	20
Идзумо-но Оми Ясумаро	без ранга	?	320	185	505		
Ито-но Оми Момодзима	без ранга	?	326	206	532		
Камицукэно-но Кими Махито	пятый внешний младший	бумпан				11	9

ляет провести попытку реконструкции отдельных сторон их служебной деятельности. Примером может являться служба чиновника Управления по переписыванию буддийских сутр Ното-но Осихито. Подробнее см. *Саказхара Товао*. Хэйдзё:кё: дзю:мин-но сэйкакуси (Быт населения столицы Нара) // То:дзё:но сэйтэй (Экология городов). Токио: Тю:о: ко:ронся, 1996, с. 227–232. Другую группу (около 50 человек) представляют те чиновники, сведения о которых включают послужной список за один-три года. Примером может служить годовой отчет о выходах на службу Осака-но Имики Томоёри в течение 759 г. В отчете, в частности, говорилось: «Первый лунный месяц: 20 дневных смен. Второй лунный месяц: 28 дневных и 25 вечерних смен. Третий лунный месяц: 9 дневных и 8 вечерних смен. Четвертый лунный месяц: не служил. Пятый лунный месяц: 10 дневных и 9 вечерних смен. Шестой лунный месяц: не служил. Восьмой лунный месяц: 26 дневных и 21 вечерняя смена. Девятый лунный месяц: 29 дневных и 27 вечерних смен. Десятый лунный месяц: 25 дневных и 23 вечерних смен. Одиннадцатый лунный месяц: 28 дневных и 26 ночных смен. Двенадцатый лунный месяц: 18 дневных и 15 вечерних смен». Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 3, с. 452. Наконец, последнюю группу составляют чиновники, о службе которых сохранились только отрывочные сведения.

	ранг нижней ступени						
Коти-но Одзимаро ⁵⁵	не известен	?				30, 28, 29, 29, 22, 20, 27, 29 ⁵⁶	3, 2, 3, 1, 24, 20 ⁵⁷
Оварида-но Митатэ ⁵⁸	не известен	?				24, 20	18, 19, 19, 3
Сазки-но Сукунэ	седьмой младший ранг нижней ступени	тё:дзё:	352	?	?		
Фудзии-но Мурадзи Нэмити	шестой старший ранг верхней ступени	тё:дзё:				23	19
Фунэ-но Хана-но Хариёси	старший начальный ранг верхней ступени	бумпан	198	91	289		
Хата-но Со:такэ	младший начальный ранг нижней ступени	бумпан	182	51	233		

Как видно из представленных примеров, «минимальный срок» служебного присутствия для различных категорий чиновничества, установленный в кодексе «Тайхо:рё:» (для категории

⁵⁵ На одном из «мокканов» зафиксирован отчет о служебной деятельности чиновника по имени Коти-но Одзимаро за период со второго по девятый лунные месяцы 4-го года Вадо: (711 г.). Несмотря на то, что часть текста не сохранилась, оставшаяся надпись содержит немало ценной информации для исследователей чиновничества в древней Японии. Текст этого «моккана» см.: Хэйдзё:кё: моккан (Мокканы столыцы Нара). Т. 2. Нагая о:кэ моккан (Мокканы из усадьбы принца Нагая). Нара: Нара кокурицу бункадзай кэнкю:дзё:, 2001, с. 2084.

⁵⁶ Количество выходов на службу со 2-го по 9-й лунный месяц соответственно.

⁵⁷ Данные о «ночных дежурствах» в 2, 3, 4, 5, 8 и 9-м лунных месяцах.

⁵⁸ Сохранились сведения как о дневных выходах на службу (за 2, 3 и 4-й лунные месяцы), так и о «ночных дежурствах этого чиновника (за 2, 3, 4 и 8-й лунные месяцы). Хэйдзё:кё: моккан. Указ. соч., с. 2084.

«тё:дзё:» — 240 дней в году или 20 дней в месяц; для категории «бумпан» — 140 дней в году или 11,7 дней в месяц) не являлся невыполнимым. Этот срок представлял собой норму, в соответствии с которой оценивались «заслуги» конкретного чиновника и принималось решение о его дальнейшей службе.

Помимо этого, древнеяпонская эпиграфика-«моккан» содержит и другие сведения, позволяющие предположить эффективность системы контролирования чиновничества. Так, многие «мокканы» содержат записи об аттестации за предыдущий год⁵⁹. Оценка могла быть как положительная («кёдзё:»⁶⁰ и «кё-тю:»⁶¹), так и отрицательная («кёфу»⁶²), но гораздо важнее то, что на основании этой оценки принималось решение и возможности допущения к следующей аттестации. Не менее интересной служебной характеристикой является «фуси» (досл. «не служил»)⁶³. Представляется, что каждый случай отсутствия на службе сначала заносился на «деревянную табличку», а потом переносился в «табель выходов на службу». Наконец, на эпи-

---

⁵⁹ Более того, «мокканы» фиксируют множественные упоминания различных видов служебных аттестаций. К примеру, по двум, трем, четырем, пяти, шести, восьми или десяти пунктам. Моккан кэнкю:. Указ. соч., с. 11; Хэйдзё:гу: моккан. Указ. соч., Т. 4, с. 3773; Т. 5, с. 6232, 6233, 6236, 6238, 6240, 6254, 7024.

⁶⁰ Досл. «в прошлом [году] высшая [оценка]». Всего такую характеристику содержит 67 «мокканов». Напр., см.: Хэйдзё:гу: моккан. Указ. соч., Т. 4, с. 3795; Т. 5, с. 6380.

⁶¹ Досл. «в прошлом [году] средняя [оценка]». Всего такую характеристику содержит 12 «мокканов». Напр., см.: Хэйдзё:гу: моккан. Указ. соч., Т. 4, с. 3829.

⁶² Досл. «в прошлом [году] не [аттестован]». Как явствует из «мокканов» такая запись могла появиться по двум причинам: из-за смерти чиновника или в случае неудовлетворительной оценки во время служебной аттестации. Всего сохранилось 72 упоминания «кёфу» в «мокканах». См.: Хэйдзё:гу: моккан. Указ. соч., Т. 4, с. 3797, 3833.

⁶³ Хэйдзё: кё: моккан. Указ. соч., Т. 1, с. 401. Интересные сведения об этом содержит и свод «Дай Нихон комондзё». Так, в отчете за 760 год сказано, что мелкий служащий Хата-но Кунитари только в течение одного месяца являлся на службу 23 дня, отсутствовал по болезни 4 дня и не служил по другим причинам 3 дня. Другой чиновник — Икэбэ Отамаро 16 дней находился в служебном присутствии, 11 дней пропустил по болезни, а 3 дня не являлся на службу по иным причинам. Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 4, с. 427. Также см.: Т. 3, с. 280; Т. 5, с. 468.

графике сохранились упоминания об оценках за государственный экзамен⁶⁴, что может являться дополнительным свидетельством эффективности общегосударственной системы образования в период Нара.

Любопытные сведения о ежегодных послужных списках имеются и в собрании актовых материалов «Дай Нихон комондзё».

Вот несколько примеров:

1. [На пост] «оммё:си»⁶⁵. [Оценка] высшая из средних. «Оммё:си» Гао Цзинь-цан, [чиновник] седьмого старшего ранга нижней ступени. 58 лет. [Проживает в] Правой половине столицы. Профессия: [знаток] «Тай и [ши]», «Дунь цзя»⁶⁶, карт звездного неба, гадания, математических трактатов и геомантии. [Выходил на службу] 309 дней [в году]. [Его] достоинство [в том, что он] проявляет неустанное усердие и трудолюбие. Соответствует [посту], поскольку при гадании по небесным светилам и панцирям черепах в большинстве случаев получает положительные результаты⁶⁷.

2. [На пост] «оммё:си». [Оценка] высшая из средних. «Оммё:си» Фуми-но Имики Хиромаро, [чиновник] седьмого младшего ранга нижней ступени. 50 лет. [Проживает в] Правой половине столицы. Профессия: гадание по пяти стихиям и геомантия. [Выходил на службу] 294 дня [в году]. [Его] достоинство [в том, что он] проявляет неустанное усердие и

---

⁶⁴ К положительным оценкам относились: «дзё:до:» (высший разряд, 78 упоминаний) и «тю:до:» (средний разряд, 44 упоминания). Отрицательными оценками считались: «гэдо:» (низший разряд, 1 упоминание) и «фудай» (1 упоминание). В одном из «мокканов» сказано, что чиновник был аттестован по высшему разряду, поскольку в течение пяти лет выходил на работу 1329 дней в утреннюю смену и 1274 в вечернюю. Из другой таблички явствует, что служащий, отработавший за год 200 утренних и 192 вечерние смены, был аттестован только по среднему разряду. Например, см.: Хэйдзё:гу: моккан. Указ. соч., Т. 5, с. 6235, 6247, 6262, 6508; Т. 6, с. 8642, 9903, 9905.

⁶⁵ Должность в штате Астрологического управления «Оммё:рё:». Обычно «оммё:си» переводится как астролог, однако на самом деле его компетенция была гораздо шире. Рицурё: Указ. соч., с. 164.

⁶⁶ «Тай и ши» — книга о способах гадания по звездам, а «Дунь цзя» — трактат о методах тайной маскировки в целях сокрытия от вредоносных сил или шпионажа. Согласно «Рё:но гигэ» относились к разряду «тайных книг» (яп. «исё»). Рё:но гигэ. Указ. соч., с. 334.

⁶⁷ Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 24, с. 552.

трудолюбие. Соответствует [посту], поскольку при гадании по небесным светилам и панцирям черепах в большинстве случаев получает положительные результаты⁶⁸.

3. [На пост] «рококу хакасэ»⁶⁹. [Оценка] высшая из средних. «Рококу хакасэ» Икэбэ-но Фухито Оосима. [Чиновник] седьмого старшего ранга верхней ступени. 57 лет. [Проживает в] Правой половине столицы. Профессия: мастеровой. [Выходил на службу] 311 дней [в году]. [Его] достоинство [в том, что он] проявляет неустанное усердие и трудолюбие. Соответствует [посту], поскольку [умеет] детально проводить проверки и хорошо разбирается в различных тонкостях своего дела⁷⁰.

4. [Оценка] высшая из средних. Старший писарь Морибэ-но Мурадзи Тоёсаки. [Чиновник] большого начального ранга верхней ступени. 49 лет. [Проживает в] Правой половине столицы. Профессия: мастеровой. [Выходил на службу] 319 дней [в году]. [Его] достоинство [в том, что он] проявляет неустанное усердие и трудолюбие. Соответствует [посту], поскольку старательно ведет записи и не скрывает допущенные ошибки⁷¹.

5. [На пост] «тэммон хакасэ»⁷². [Оценка] высшая из средних. «Тэммон хакасэ» Ван Чжун-вэнь, [чиновник] шестого младшего ранга нижней ступени. 45 лет. [Проживает в] Правой половине столицы. Профессия: [знаток] «Тай и [ши]», «Дунь цзя», карт звездного неба, гадания, математических трактатов и геомантии. [Выходил на службу] 270 дней [в году]. [Его] достоинство [в том, что он] проявляет неустанное усердие и трудолюбие. Соответствует [посту], поскольку при гадании по небесным светилам и панцирям черепах в большинстве случаев получает положительные результаты⁷³.

6. «Дзикан»⁷⁴ Сазки-но Сукунэ Имаэмиси, [чиновник] шестого старшего ранга верхней ступени. 31 год. Прожи-

⁶⁸ Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 24, с. 552.

⁶⁹ Должность в штате Астрологического управления. Согласно «Тай-хо:рё:» был ответственным проверку отсчета времени и обучал этому ремеслу студентов. Рицурё:. Указ. соч., с. 164.

⁷⁰ Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 24, с. 554.

⁷¹ Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 24, с. 555.

⁷² Должность в штате Астрологического управления. Был ответственный за составление календарей и карт звездного неба, а также обучал этому ремеслу студентов. Рицурё:. Указ. соч., с. 164.

⁷³ Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 24, с. 553.

⁷⁴ Общее наименование всех чиновников, занимающих должности помощников глав различных управлений и ведомств.

вает в Лево́й половине столи́цы. [Снача́ла] служи́л «тонэ́ри» во дво́рце насле́дника престо́ла. В 16-м го́ду Тэ́мпё:⁷⁵ сдал экза́мен на [чино́вничи́й] ра́нг. В 25-й де́нь 4-го лу́нного ме́сяца 17-го го́да Тэ́мпё:⁷⁶ [ему́] бы́л пожа́лован се́дьмой мла́дший ра́нг ни́жней сту́пени. 17-й го́д Тэ́мпё:.. [Оце́нка] вы́сшая из сре́дних. [Выхо́дил на слу́жбу] 352 де́ня [в го́ду]. [Его́] досто́инство [в то́м, что он] про́являет неуста́нное усе́рдие и трудолю́бие. Соотве́тствует [посту́], поско́льку усе́рдно сле́дит за сна́ряже́нием, а в пове́дении приде́ржива́ется риту́ала... 20-й го́д Тэ́мпё:⁷⁷. [Оце́нка] вы́сшая из сре́дних. [Выхо́дил на слу́жбу] [...] сот́ни де́ней [в го́ду]. [Его́] досто́инство [в то́м, что он] про́являет неуста́нное усе́рдие и трудолю́бие. Соотве́тствует [посту́], поско́льку беспристра́стен, [уме́ет] хоро́шо докла́дывать и вы́полнять распо́ряже́ния. 1-й го́д Тэ́мпё: сё:хо:⁷⁸. [Оце́нка] вы́сшая из сре́дних. [Выхо́дил на слу́жбу] [...] сот́ни де́ней [в го́ду]. [Его́] досто́инство [в то́м, что он] про́являет неуста́нное усе́рдие и трудолю́бие. Соотве́тствует [посту́], поско́льку овладе́л отли́чным зна́нием слу́жебных де́л и не огра́ничивает [дру́гих] в про́движении [по слу́жбе]⁷⁹.

Вышеприведенные данные позволяют существенно дополнить сведения нарративных источников о том, как выглядел «табель посещения дворца» в период Нара. По всей видимости, существовала как краткая, так и расширенная формы такого «табеля». Краткая форма содержала самые необходимые о чиновнике данные: имя, ранг, возраст, место проживания, количество выходов на службу⁸⁰ и сведения о деловых качествах чиновника⁸¹. Такой «табель» изначально записывался на «мок-

---

⁷⁵ 744 г.

⁷⁶ 745 г.

⁷⁷ 748 г.

⁷⁸ 749 г.

⁷⁹ Дай Нихон комондзё. Указ. соч., Т. 25, с. 87–88.

⁸⁰ Чаще всего указывалось итоговое количество дневных и ночных выходов на службу, а также общее число «рабочих смен» в году. Однако в особых случаях фиксировался весь график выходов на службу (днем и ночью) по месяцам.

⁸¹ Кодекс «Тайхо:рё:» содержит описания 42 деловых императивы для чиновников в зависимости от того поста, на который претендовал во время аттестации тот или иной кандидат. Рицурё:. Указ. соч., с. 285–290. «Мокканы» содержат упоминания различных деловых качеств чиновников: «проявляет усердие по службе, сдержан и осмотрителен в поведении, осуществляет ночную охрану дворца в соответст-

кане», а потом сведения о служебной деятельности конкретного чиновника переносились на бумагу. Зафиксированная на бумаге расширенная форма «табеля», помимо записанных на «мокканах» данных о чиновнике, содержала и дополнительные сведения:

- год составления «табеля»;
- название ведомства, где служит чиновник;
- наименование, как занимаемой должности, так и того поста, на который претендует чиновник;
- краткое описание этапов служебной карьеры (первая должность, дата первых квалификационных экзаменов на чин, дата первого пожалования рангом и сведения обо всех поощрениях и повышениях по службе);
- оценки на всех предыдущих аттестациях;
- сведения о достоинствах чиновника⁸²;
- сведения о профессиональных умениях.

«Табель» мог составляться как на одного чиновника, так и содержать сведения о целой группе служащих (обычно не более десяти человек).

Таким образом, материалы законодательных сводов «Тайхо:рё:» и «Тайхо: рицурё:», государственных хроник «Нихон сёки» и «Сёку нихонги», собрания актовых материалов «Дай Нихон комондзё», а также сведения содержащиеся в эпиграфике «моккан» о служебной деятельности чиновников позволяют сделать следующие выводы.

История Японии в VII–VIII веках непосредственно связана с проведением широкомасштабных преобразований в области государственного строительства, одним из направлений которых стало создание централизованного аппарата управления. В результате целенаправленной государственной политики в VII–VIII веках в Японии был сформирован разветвленный бюрократический аппарат, основу которого составляло ранжированное чиновничество. Стратификация внутри чиновничества была более детализированной, чем внутри любого другого сословия

вии с правилами»; «не пропускает очередные дежурства и не допускает ошибок в служебных делах»; «успешно проходит все служебные аттестации» и т. д. Хэйдзё:кё: моккан. Указ. соч., Т. 30, с. 6091.

⁸² Согласно кодексу «Тайхо:рё:», существовало четыре основных достоинства для служащих государственного аппарата. Рицурё:. Указ. соч., с. 284.

(даже малейшее колебание статуса внутри служилого сословия весьма существенно влияло на социальное положение любого его представителя). Формальным показателем принадлежности к чиновничеству являлся ранг, на основании которого предоставлялись социально-юридические и экономические привилегии для конкретного чиновника. Внутрисословным маркером для чиновничества являлась должность (именно должность, а не ранг определяла место чиновника в общегосударственной чиновно-должностной иерархии).

В рамках оформления государственного аппарата проводилась политика контролирования различных сторон жизни чиновничества. По мнению составителей общегосударственных летописных сводов «Нихон сёки» и «Сёку нихонги», а также кодексов «Тайхо:рё:» и «Ё:ро: рицурё:», должна была осуществляться жесткая регламентация служебной деятельности чиновников. Актовые материалы из свода «Дай Нихон комондзё» и эпиграфика-«моккан» свидетельствуют о высокой степени эффективности подобной методики. Однако реальное осуществление политики контроля служебной деятельности чиновничества на практике столкнулось с определенными трудностями. Во-первых, актовый и эпиграфический материал не содержит убедительных доказательств действенности вышеописанной методики для представителей придворной аристократии⁸³. На чиновников, обладающих рангами от пятого и выше, по всей вероятности, фактически не распространялись правила, связанные обязательным ежедневным присутствием во дворце, а также сезонной отчетностью. Представляется, что методика контролирования низко- и среднерангового центрального и местного чиновничества должна была выполнять задачу проверки служащих государственного аппарата на профессиональную пригодность. Во-вторых, государственную политику по созданию аппарата управления в период Нара нельзя назвать хоро-

---

⁸³ В большинстве случаев речь идет либо о мелких служащих, которые не имели ранга, либо о низкоранговых чиновниках. К примеру, в отчетах о выходах на службу в вечернее время, зафиксированных на «мокканах», в основном говорится о безранговых чиновниках. При этом высота ранговой позиции, упоминаемых в данном случае людей, не превышает шестого старшего ранга нижней ступени. См. Базу данных «мокканов» на сайте: <http://202.209.14.242/>

шо продуманной, поскольку некоторые волевые решения не способствовали распространению принципа меритократии. В рамках определенной денежной политики государство в случае предоставления ему денежных средств (их размер строго фиксировался) повышало в ранге ранжированных чиновников или представляло к рангу лиц, не имеющих таковых⁸⁴. И хотя чиновники шестого старшего ранга и выше могли воспользоваться деньгами для повышения в ранге только в случае особого государева рескрипта, тем не менее, именно государство стимулировало практику покупки рангов, которая в период Хэйан получила дальнейшее развитие (можно было купить не только пятый придворный ранг, но и должность, как в провинциальной управе, так и в столичном ведомстве)⁸⁵. В итоге практика

---

⁸⁴ В хронике «Сёку нихонги», говорилось следующее: «Обладание деньгами дает возможность в зависимости от их наличия осуществлять торговлю. Однако народ к тому не приучен и того не понимает. Торгуют мало, денег не копят. Поэтому повелеваем в зависимости от накопленной суммы предоставлять повышение в ранге. Носителям нижней степени 6-го младшего ранга: повышение на одну степень при условии накопления более 10 кан (1 кан = 1000 мон. — М. Г.) и повышение на две степени при условии накопления более 20 кан. Носителям начального ранга и ниже: повышение на одну степень при условии накопления каждых 5 кан. Если носитель верхней степени большого начального ранга или же носитель начального ранга получил нижнюю степень 8-го младшего ранга, то далее для получения повышения в одну степень надо накапливать 10 кан. Носителям 5-го ранга и выше, а также носителям 6-го старшего ранга: ожидать государева указа при условии накопления 10 кан. Если же кто-то возьмет денег взаймы и обманет государство, эти деньги подлежат конфискации, а сам он — принудительным работам сроком на один год. Заимодавец подлежит такому же наказанию...» (пер. А. Н. Мещерякова). Сёку нихонги, Вадо:, 4-10-23, 711 г.

⁸⁵ На самом деле первые случаи продажи пятого ранга отмечены уже в VIII веке, однако по преимуществу речь шла о пятом внешнем (т. е. провинциальном) ранге. При этом стоимость рангов была огромна. Первое упоминание такого случая в «Сёку нихонги» относится к 747 году, когда чиновник Кавамата-но Мурадзи Хитомаро из провинции Кавати за деньги (1 миллион медных монет) был повышен сразу на 11 ранговых степеней. Сёку нихонги. Тэмпё:, 19-9-2, 747 г. Тем не менее, есть примеры продажи и пятого внутреннего (т.е. столичного) ранга. Например, в 765 году чиновник без поста Тами-но Имики Исомаро, имеющий восьмой старший ранг верхней ступени, предоставил государству один миллион монет и десять тысяч снопов неочищенного

продажи рангов оказала отрицательное воздействие на идеи создания японского чиновничества по китайским конфуцианским образцам⁸⁶ и стала одним из мощнейших факторов, способствовавших распаду «государства рицурё».

На протяжении VIII столетия японское придворное чиновничество превратилось в своеобразную культурную элиту, на основе которой в период Хэйан окончательно оформилось «аристократическое общество»⁸⁷, где реальное положение человека в системе социальных связей придворного общества определялось тремя важными факторами: 1) официальной должностью и рангом чиновника; 2) происхождением (т. е. древностью и знатностью рода) и 3) сиюминутной влиятельностью. А поскольку принадлежность к придворному обществу конкретного индивида всегда зависела от признания ее другими членами двора, то для человека, вовлеченного в придворный круг, постоянно возникала необходимость тщательно продумывать все нюансы поведения по отношению ко всякому человеку при дворе. Давление же со стороны людей, низших рангом или относительно менее привилегированных, так или иначе, побуждало знатных людей к сохранению своих привилегий, и, наоборот, давление сверху побуждало отягощенных им людей к попыткам избавиться от этого бремени, уравниваться с первыми, иными словами вынуждало и их вступать в круг конкуренции за статус. Таким образом, если необходимость сохранения дистанции с внешним миром привязывала каждого придворного человека ко двору и вовлекала его в «придворную механику», то

риса, за что ему был пожалован пятый младший ранг нижней ступени (т.е. был повышен сразу на 9 ранговых степеней). В 767 году чиновник без поста Хата-но Имики Манари, седьмой старший ранг верхней ступени, предоставил государству два миллиона монет и десять быков, за что был пожалован пятым младшим внешним рангом нижней ступени (т.е. был повышен сразу на 5 степеней). Сёку нихонги. Тэмпё: дзинго, 1-10-19, 765 г.; Дзинго кэйун, 1-8-23, 767 г.

⁸⁶ Как известно, кодекс «Тайхо:рё» не предусматривает возможности приобретения ранга за деньги, скорее наоборот, категорически не приемлет такой вариант получения рангов и продвижения по службе.

⁸⁷ О структуре хэйанского двора см., напр., *Ооцу Тоору*. Митинага то кю:тэй сякай ([Фудзивара] Митинага и придворное общество). Токио: Ко:данся, 2001; Сасаяма Харуо. Хэйан-но тё:тэй (Хэйанский двор). Токио: Ёсикава ко:бункан, 1993; Такахаси Ёсихико. Хэйан кидзоку (Хэйанская аристократия). Токио: Хэйбонса, 1986.

внутри придворного общества сила конкуренции постоянно подталкивала человека вперед. В этой ситуации «ритуалы» и «обряды» служили, прежде всего, средствами «мотивации» и «принуждения», в силу которых придворная знать считала сама себя привязанной к «придворному церемониалу», а, значит, и ко двору. Практикуемые же «нормы этикета и морали» были своеобразным «самоописанием придворного общества», поскольку в них каждому индивиду было указано на его статус, престиж и его относительное положение во власти.

Провинциальное управление в период Нара

Е. Б. Сахарова

Административно-территориальная система в VIII веке состояла из четырех основных звеньев — округа–провинции–уезды–села¹. Такая структура повторяла систему административного деления Танского Китая (618–907). Однако окружной уровень деления фактически не работал², значение сел и стоявших во главе их сельских старост по сравнению с Китаем было не столь велико³. Фактически основными единицами административно-территориального управления были провинции и уезды.

В японской историографии наблюдается определенный дисбаланс в изучении этих двух территориальных единиц. Уездное управление изучено гораздо подробнее, ему посвящено значительно больше публикаций. Хотя в период с 60-х гг. XX в. по настоящее время в результате археологических раскопок обнаружено около 30 провинциальных и около 70 уездных управ, что составляет соответственно примерно 44% и 11% от общего числа провинций и уездов, исследований по археологии уездных управ публикуется на несколько порядков больше, чем по

---

¹ Всего насчитывалось 7 округ (То:кайдо:, То:сандо:, Хокурикудо:, Сангиндо:, Сангё:до:, Нанкайдо:, Сайкайдо:). Согласно источнику X века «Энгисики» («Внутриведомственные инструкции годов Энги»), насчитывалось 68 провинций и 591 уезд.

² См.: Сахарова Е. Б. Окружной уровень административно-территориального деления в Японии VIII века // Япония. Путь кисти и меча. 2004. № 1.

³ Дело в том, что уездными управителями назначались, как правило, представители местной знати, должность уездных управителей была пожизненной и часто наследственной. В Танском Китае, где управители уездов назначались из центра, и где запрещалось назначать на должность уездных управителей местных уроженцев, вновь прибывшие чиновники попросту не могли обойтись без помощи сельских старост // Хирикава Минами. Кодай тихо: моккан-но кэнкю:. «Ёсикава кобункан», 2003, с. 189.

археологии провинциальных⁴. За последние 60 лет вышли лишь две монографии, посвященные провинциальному управлению, обе они были изданы более тридцати лет назад⁵.

Такой дисбаланс объясняется во многом справедливым мнением, согласно которому именно в руках местной уездной знати была сосредоточена власть на местах в VIII в.⁶ Соответственно именно это направление считается наиболее значимым для изучения местного управления.

В то же время признается, что именно провинции рассматривались государством в качестве основной единицы влияния центра на местах⁷. Особое значение провинций отражено в законодательных сводах, и подтверждается результатами археологических раскопок. Общеизвестно и то, что уже в начале периода Хэйан (794–1185) начинается упадок уездных управ, властные полномочия которых все чаще поглощаются провинциями, и именно провинции становятся основным центром власти на местах в период Хэйан.

В данной работе предпринята попытка выделить основные этапы эволюции провинциального управления, а также выявить наиболее существенные качественные сдвиги, происходившие в сфере провинциального управления на протяжении VIII в. Основным объектом исследования при этом неизбежно становится провинциальное чиновничество.

---

⁴ Среди вышедших за последнее время публикаций, посвященных археологии древних административных зданий и казенных учреждений, 40% — посвящены уездным управам, и лишь 12% — провинциальным. — Нара бунка дзай кэнкю:дзэ: // Кодай-но канга исэки. 1. 2003, с. 11.

⁵ Фудзирока Кэндзиро:. Кокуфу (Провинциальные управы). Сер. «Нихон рэкиси со:сё», «Ёсикава кобункан», Токио, 1969; Ёсимура Сигэки. Кокуси сэй хо:кай-ни кансуру кэнкю (Распад системы провинциального управления). Токио, 1957.

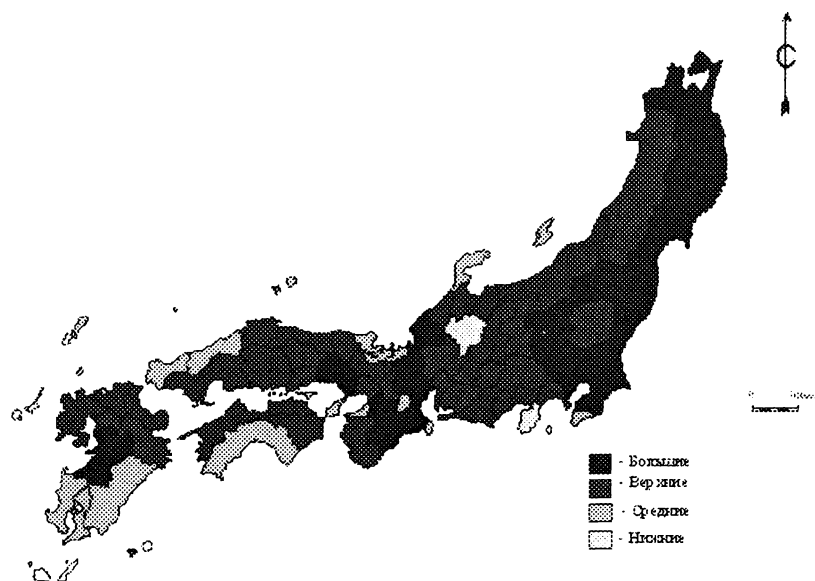
⁶ Такэнака Ясухико. Хассэики-ни окэру кокуси-о мэгуттэ сёсо: // История. 1995. № 149.

⁷ Такэнака Ясухико, ук. соч.; Batten B. L. Provincial Administration in Early Japan: From *Ritsuryo: kokka to O:cho: kokka* // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1993, Vol. 53, No. 1, p.110; Kiley C. Provincial Administration and Land Tenure in Early Heian / Ed. by Shively D. H. and McCullough. Vol. 2, Cambridge: "Cambridge University press", 1999, p. 253; Сакаэха Тобао. Тэмпё: дзидай. Токио, «Сю:эйся», 1991, с. 158–159.

Данные законодательных сводов и археологии

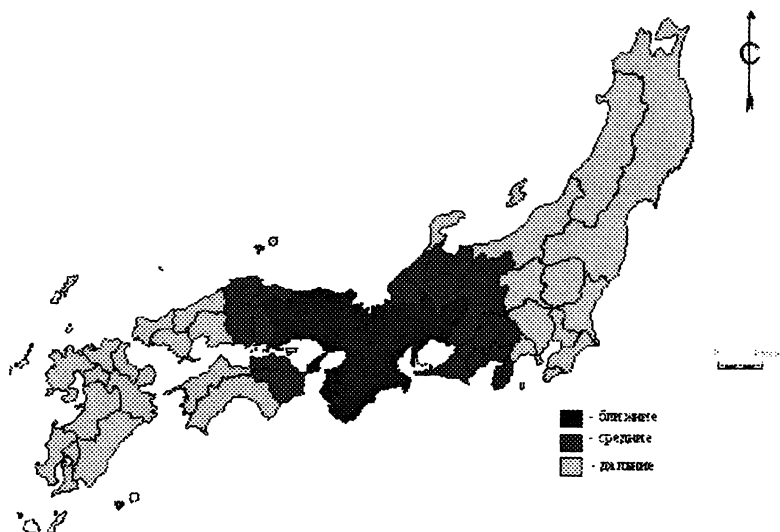
Согласно «Энгисики», провинции, в зависимости от количества населения, общей площади и стратегической значимости, делились на большие, верхние, средние, нижние. Штат большой провинции состоял из управителя провинции (*ками*, 守), помощника управителя (*сукэ*, 介), старшего (*дайдзэ:*, 大掾) и младшего (*сэ:дзэ:*, 小掾) инспекторов, старшего и младшего секретарей (*сакан*, 目), трёх писцов (*сисэ:*, 史生), профессора (*хакасэ*, 博士), врача (*иси*, 医師).

Большие, верхние, средние, нижние провинции (по «Энгисики»)

Кроме того, все провинции делились на ближние-средне-дальние. Ближними провинциями считались те, которым требовалось десять дней, чтобы доставить налоги в столицу, средним требовалось двадцать дней, дальними — тридцать. К ближним провинциям относились — Мино, Ооми, Микава, Овари, Ига, Исэ, Сима, Кии, Вакаса, Танго, Тамба, Харима, Тадзима, Инаба, Мимасака, Бидзэн, Авадзи. К средним — Этидзэн, Эттю, Хида, Синано, Сува, Каи, Суруга, То:то:ми, Идзу, Ава (о.Сикоку), Сануки, Биттю:, Бинго, Идзумо, Хо:ки. К далёким — Сагами, Ава (о.Хонсю), Мусаси, Ко:дзукэ, Симоцукэ, Хитати,

Хитати, Симо:са, Кадзуса, Этиго, Муцу, Дэва, Тоса, Иё, Ивами, Аки, Суо, Нагато, Цусима, Ики, Тикудзэн, Тикуго, Хидзэн, Хиго, Будзэн, Бунго, Хю:га, Оосуми, Сацума, Ното, Садо, Оки.

Ближние, средние, дальние провинции (по «Энгисики»)

Круг обязанностей управителей провинций описан в законе довольно подробно, тогда как об обязанностях уездных управителей напротив говорится крайне лапидарно⁸.

«Большая провинция

Управитель провинции (1). Ведает синтоистскими храмами, подворными списками, воспитанием народа, поощрением земледелия и разведения шелковицы, поддержанием порядка на подведомственной территории⁹, вы-

⁸ Мори Кимиаки. Кодай гунси сэй-но кэнкю: (Исследование системы уездного управления в древности). Токио: «Ёсикава кобункан», 2000, с. 122–123.

⁹ Комментарий «Рё:но сюэ»: «В законе о крестьянских дворах сказано: «Управитель провинции раз в год объезжает подведомственные ему уезды. Наблюдает за нравами и обычаями. Расспрашивает о долгожителях. Переписывает заключенных. Оправдывает невинно обиженных. Тщательно проверяет достоинства и недостатки в управлении и в [применении] наказаний. [Должен] знать печали простого на-

движением [кандидатов на государственные должности], [выявлением] почтительных сыновей и верных долгу, пашнями и земельными участками, добрым и подлым людом, разбором тяжб, [сбором] поземельного рисового налога и натуральной повинности, казенными зернохранилищами, трудовой повинностью, военнослужащими, вооружением и военной музыкой, почтовыми станциями и почтовыми лошадьми, сигнальными постами, укреплениями и пастбищами, пропусками, казенными и частными лошадьми и быками, бесхозным имуществом, а также буддийскими храмами, поименными списками монахов и монахинь.

Обязанности управителей других провинций приравнять к этим.

[Управители] провинций Муцу, Дэва, Этиго ведают также пирами и наградами¹⁰, карательными походами и лазутчиками.

[Управители] провинций Ики, Цусима, Хюга, Сацума, Оосуми отвечают за усмирение и оборону границ, а также за натурализацию чужеземцев.

[Управители] управители трех провинций с заставами ведают заставами и заграждениями (провинции Мино, Исэ и Этидзэн. — Е. С.), а также пропусками через заста-
вы»¹¹

«Большой уезд

Старший уездный управитель (1). Заботится о подведомственных территориях, ведет рассмотрением уездных дел. Обязанности управителей других уездов приравнивать к этому»¹².

Согласно японским законам *рицурё*:, управитель провинции сосредотачивал в своих руках и те функции, которые по танским законам были распределены между управителями уездов

рода. Разъясняет [принципы] пяти постоянств (кит. *у чан* — пять постоянств/устоев поведения. — Е. С.). Поощряет земледелие». — Рё:-но сюэ, серия «Кокуси тайкэй». Токио: «Ёсикава ко:бункан», 1994–1996, Т. 1, с. 164.

¹⁰ Комментарий «Рё-но гигэ»: «Имеется в виду устройство больших пиров и раздача наград». — Рё-но гигэ, серия «Кокуси тайкэй». Токио: «Ёсикава ко:бункан», 1996, с. 61. В «Рё:-но сюэ» поясняется, что пиры и раздачи устраиваются для умиротворения не внесенных в списки крестьянских дворов. — Рё:-но сюэ, Т. 1, с. 164.

¹¹ Рё-но гигэ, серия «Кокуси тайкэй». Токио: «Ёсикава ко:бункан», 1996, с. 61.

¹² Рё-но гигэ, с.62.

и главами деревень. Это особенно наглядно демонстрирует процесс составления счётно-налоговых записей¹³. В Китае, согласно законодательству, уездная и деревенская администрация принимала участие в составлении счётно-налоговых записей, тогда как в Японии функции по их составлению возлагались на провинциальную и столичную администрацию (Тайхо:рё:, VIII-19,18; IX-23). И в Японии, и в Китае счётные записи предписывалось составлять в трех экземплярах, но в Японии два из них отправлялись в *Дадзё:кан* (Государственный Совет, высший орган управления), а один оставался в провинциальном управлении, в Китае же один экземпляр отправлялся в центр, и по одному экземпляру оставалось в провинции (*чжоу*) и в уезде (*сянь*)¹⁴.

В японских законодательных сводах провинциальный чиновник недвусмысленно ставится выше уездного, даже если ранги этих чиновников равны. В комментариях к статье закона «Правила этикета», предписывающей уездному управителю спешиваться при встрече с провинциальными чиновниками, особо оговаривается, что под провинциальными подразумеваются все чиновники, включая писцов (Тайхо:рё:, XVIII-11). Уездному управителю предписывается спешиваться также при встрече с провинциальными профессорами (*хакасэ*) и врачами. Лишь в том случае, если последние местные уроженцы, спешиваться уездному управителю не нужно¹⁵.

Кроме того, в законе «О рангах и постах» должности уездных управителей, также как должности других уездных чиновников, не упоминаются вовсе¹⁶.

Дело в том, что в отличие от уездного чиновничества, пополнявшегося представителями местной знати, провинциальные чиновники присылались из центра. И если должность уездного

---

¹³ Должны были составляться ежегодно и состояли из подворных и налоговых списков. — Рё:- но гигэ, 1996, с. 96.

¹⁴ *Иноути Сэйдзи*. Рицурё: сэйтэки кокугун сэй-но сайкэнто: (Еще раз к вопросу об изучении системы провинциального и уездного управления в эпоху рицурё) // Рицурё: кокка-но тихо: сихай (Местное управление государства рицурё:), под редакцией Торао Тосия. Токио: «Ёсикава ко:бункан», 1995, с. 72–73.

¹⁵ Рё:-но сюгэ, Т. 3, с. 715–717. Согласно законодательству, провинциальные писцы, профессора и врачи, как и уездные управители, обладали восьмым рангом.

¹⁶ Мори Кимиаки. Указ. соч., с. 123.

управителя была пожизненной и нередко наследственной, то провинциальные чиновники регулярно ротировались. Таким образом, именно провинциальные чиновники символизировали власть государства на местах.

Провинциальные управы

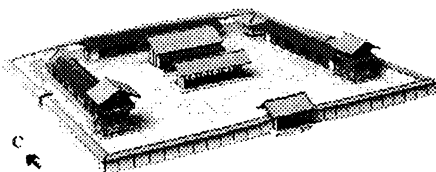
Наиболее наглядным выражением этой идеи стало сооружение в масштабах всей страны провинциальных управ. Раскопанные к настоящему времени комплексы провинциальных управ обнаруживают высокую степень стандартизации, тогда как для уездных управ характерна гораздо большая вариативность. Провинциальные управы располагались, как правило, на главных государственных дорогах (по числу округ таких дорог было 7); неподалеку от управы обычно находился провинциальный буддийский монастырь (*кокубундзи*). Почти все обнаруженные на сегодняшний день провинциальные управы были основаны в начале VIII в. Исключение составляют лишь управы Идзумо и Тикуго, восходящие к концу VII в.

Важнейшими элементами провинциальной управы были: собственно управа (*кокутё*); комплекс хозяйственных построек (встречаются как разбросанные постройки, так и расположенные на отдельно огороженной территории) — кухня, конюшни, ремесленные мастерские (кузня, ткацкие мастерские, рудники, мастерские по производству лаковых изделий, бумаги, зеркал, черепицы и т. п.); казенное жилье, предоставлявшееся присылавшимся из центра управителям провинций и другим провинциальным чиновникам; зернохранилища.

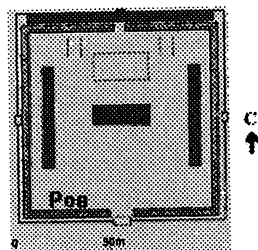
Для всех обнаруженных на сегодняшний день управ («*кокутё*») характерны следующие общие черты.

1. Территория управы имеет квадратную или прямоугольную форму.
2. Управа окружена дощатым забором, земляной насыпью или глинобитной оградой, иногда также рвом.
3. Большинство провинциальных управ фасадом обращены на юг.
4. С юга на север ведет центральная дорога, берущая начало от центральных южных ворот.
5. На центральной оси север-юг на севере или чуть севернее центра находится главное здание.

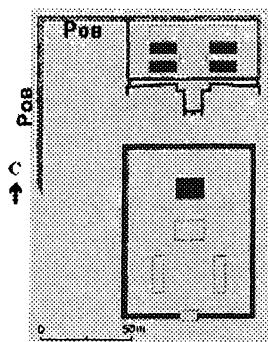
6. Перед главным зданием и позади него могут располагаться передний и задний павильоны чуть меньших размеров. Справа и слева от главного здания симметрично расположены боковые павильоны.
7. Перед главным зданием (или перед передним павильоном) находится площадь, иногда мощеная (провинция Хоки).

1

2

3

1. Провинциальная управа Хоки, вторая половина IX в. (реконструкция).
2. Провинциальная управа Симоцукэ, вторая половина VIII — начало IX вв.
3. Провинциальная управа Идзумо, вторая половина VIII в.*

* Иллюстрации 1–3 приводятся по изданию: *Сакаэхара Товао*. Тэмпё: дзидай (Эпоха Тэмпё:). Сер. «Нихон-но рэкиси»-4. Токио: «Сю:эйся», 1991, с. 186–187, 191.

С течением времени архитектура провинциальных управ претерпевает следующие изменения.

1. Во второй половине VIII — начале IX вв. свайные постройки сменяют здания с каменным фундаментом, более широкое применение получает черепица¹⁷.

¹⁷ Приблизительно в это же время, предположительно в период с 749 по 757 гг., свайные постройки Тронного зала и Тёдоин дворцового комплекса Нара сменяют здания, возведенные на каменном фундаменте. — *Одзава Цуёси*. Нихон кодай кю:то ко:дзо-но кэнкю (Изучение дворцовых и столичных комплексов древней Японии). Токио: «Аоки сё-тэн», 2003, с. 320.

2. В IX в. веке передний павильон перед главным зданием исчезает, а общее пространство площади увеличивается.
3. В X в. провинциальные управы приходят в упадок, или же их архитектура и планировка претерпевают существенные изменения¹⁸.

Размеры провинциальных управ («жокутё:»)

Провинция	Размеры провинциальной управы (восток-запад —север-юг)
Хоки	227 м × 273 м
Хидзэн	77 м × 105 м
Мино	? 66 м × ? 70 м
Симоцукэ I (1-я половина VIII в.)	86,4 м × 90 м
Симоцукэ II (2-я половина VIII в.)	94,5 м × 94,5 м
Муцу (укрепление Тага)	140 м × 150 м
Ооми	72,8 м × 108 м
Мино	? 66 м × ?70 м
Идзумо	72 м × 97 м
Дадзайфу	119 м × 215 м

Размеры зернохранилищ, бывших одним из важнейших элементов комплексов провинциальных управ, чаще всего колебались в пределах 40–50 м², но встречаются и зернохранилища площадью свыше 100 м² (в то время как площадь обычных зернохранилищ не превышала 20 м²)¹⁹.

В реализацию крупномасштабного проекта по сооружению провинциальных управ были вовлечены и уездные управы. Среди черепицы, найденной на предполагаемом месте расположения провинциальной управы Мусаси (совр. префектуры Сайтама, Токио, Канагава), встречаются экземпляры черепицы с названиями почти всех уездов (согласно «Энгисики» в состав Мусаси входил 21 уезд) этой провинции.

¹⁸ Яманака Тосидзи. Кодай тихо: канга исэки-но кэнкю: (Изучение древних органов местного управления по данным археологических раскопок). Токио, 1994, с. 233.

¹⁹ Сакаи Хидэя. Кокуфу то гу:кэ. Тихо: канга исэки кара мита дзи-цудзо: (Провинциальные и уездные управы по данным археологических раскопок) // Сякай сю:дан то сэйдзи сосики (Социальная структура и система политического управления), сер. «Рэтто:но кодай си: хито, моно, кото»-3. Токио: «Иванами сётэн», 2005, с. 94–95.

Помимо символической и ритуальной функций, провинциальные управы выполняли и чисто практические цели — здесь протекала повседневная служба провинциальной администрации.

Провинциальное чиновничество

Провинциальное чиновничество можно условно разделить на три группы: чиновники, занимавшие высшие ступени в провинциальной иерархии (управители, помощники управителей и примыкающие к ним инспекторы), низовой уровень провинциального чиновничества (секретари и писцы), а также нерегламентированный законом слой нерегулярных служащих.

В нашем распоряжении больше всего данных имеется о чиновниках первой группы. В основном это данные погодной хроники «Сёку нихонги» («Продолжение анналов Японии», сост. в 794 году). Кроме этого, я обращалась к составленному японским ученым Миядзаки Ясумицу своду назначений и упоминаний провинциального чиновничества («Кокуси бунин» («Назначения провинциальных чиновников»)²⁰, где собраны данные не только «Сёку нихонги», но и практически всех источников, содержащих упоминания провинциальных чиновников²¹. Учет представленных в «Кокуси бунин» сведений позволяет, во-первых, составить картину в меньшей степени искаженную редакторской правкой составителей «Сёку нихонги», а, во-вторых, получить представление о низовом уровне провинциального чиновничества (секретарь, писец) почти не представленном на страницах официальной хроники. Так как хроника «Сёку нихонги» охватывает период с 697 по 791 гг., данные «Кокуси бунин» также будут рассматриваться за этот период.

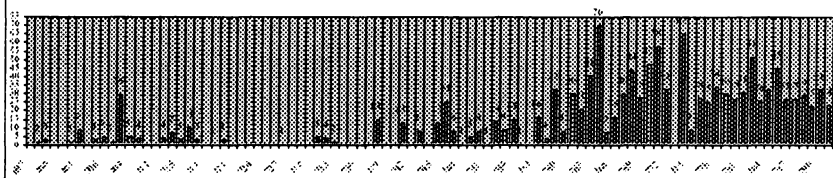
---

²⁰ Кокуси бунин. Сост. Миядзаки Ясумицу. Токио, Т.1, 1989.

²¹ Здесь невозможно перечислить все источники, использованные при составлении «Кокуси бунин». Самые информативные из них — документы сокровищницы Сёсоин, «Кугё: бунин» (свод послужных сведений о чиновниках третьего и выше рангов), поэтическая антология «Мантё:сю» (вт. половина VIII в.).

График №1. Количество назначений провинциальных чиновников (управители, помощники управителей, инспекторы) по данным «Сёку нихонги»

Исходя из данных, представленных на графике № 1, назначения провинциальных чиновников в «Сёку нихонги» можно условно разделить на пять основных этапов.

1. Период с 697 по 724 гг., время правления Момму, Гэммэй и Гэнсё:. В это время количество назначений невелико, а их пик приходится на 708 год, когда Правым министром (при вакантной должности Левого министра) становится Фудзивара-но Фухито (759–720). В этот период продолжается начавшаяся при Тэмму (672–686) и Дзито: (786–697) активная деятельность государства по созданию эффективной административно-территориальной системы управления. К числу наиболее важных мер предпринимавшихся государством относятся: создание новых провинций и уездов, строительство комплексов провинциальных управ, регламентация разных сторон деятельности провинциальных властей²², регламентация перечня и количества налоговых платежей²³.
2. Период с 724 по 738 гг., часть правления Сёму (724–749), количество фиксируемых хроникой назначений чрезвычайно низкое. По сравнению с предшествующим периодом активность государства в сфере провинциального управления заметно снижается, что можно объяснить, в частности, завершением начального этапа административного строительства, требовавшего многочисленных регламентаций. В то же время большее внимание начинает уделяться методам контроля за провинциальными чиновниками.
3. Период с 738 по 749 гг., т.е. до конца правления Сёму. С 738 года доминирующее положение при дворе занял Татибана-но

²² Указ о порядке назначения и аттестации провинциальных врачей и профессоров, пожалование ключей от амбаров, провинциальных печатей, почтовых колокольцев и т. д. — Сёку нихонги, Тайхо:, 1-6-8, 701 г.; Кэйун, 2-4-22, 705 г.; Вадо, 1-4-11, 708 г.

²³ Сёку нихонги, Вадо, 7-1-25, 7-2-2, 714 г.

Мороз²⁴ (684–757), при котором количество назначений заметно возрастает. В качестве важного средства контроля на местах государство активно использует буддизм. Один из крупнейших проектов этого времени — сооружение провинциальных монастырей (кокубундзи)²⁵, немало способствовал повышению престижа провинциальных властей.

4. Период с 749 по 764 гг., время доминирования Фудзивара-но Накамаро (706–764)²⁶. На это время приходится переломный этап, количество назначений, фиксируемых хроникой, неуклонно растет.
5. Период с 764 по 781 гг., правление Сё:току (764–770), Конин (770–781), часть правления Камму (781–806). Количество назначений стабилизируется на неизменно высокой отметке.

Известно, однако, что первые 20 свитков хроники (697–758) гораздо подробнее, чем свитки с 21 по 40 (758–791)²⁷. Поэтому, пользуясь работой, проделанной Миядзакэ Ясумицу, я составила хронологический график упоминаний провинциальных чиновников в других источниках. Чтобы сопоставление было по возможности более корректным, данные были отобраны следующим образом: учитывались только упоминания управителей, помощников управителей и инспекторов, т. к. чиновники более

²⁴ Татибана-но Мороз был членом императорской фамилии. Известен также как принц Кадзураги, в 736 году был отделен от императорской фамилии и получил родовое имя Татибана.

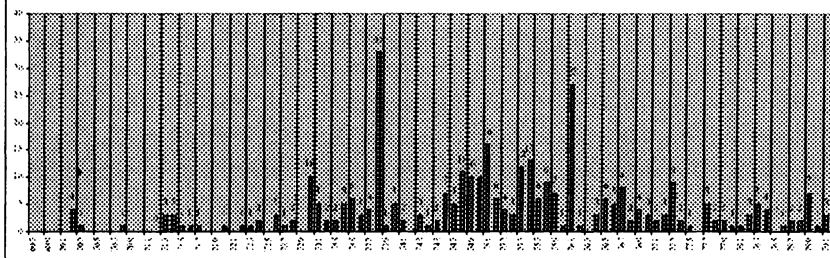
²⁵ Сёку нихонги, Тэмпё:, 13-3-24, 741 г. Согласно указу 741 г., в каждой провинции надлежало выстроить один женский (10 монахинь) и один мужской монастырь (20 монахов), а также семиярусную пагоду.

²⁶ Фудзивара-но Накамаро был вторым сыном Фудзивара-но Мутимаро (680–737), принадлежал к южной ветви рода Фудзивара. В 734 году был пожалован младшим пятым рангом нижней степени, в 745 году стал Министром Народных Дел и государственным советником (*санги*), то есть входил в состав Государственного Совета (*Дадзё:кан*). В 749 году стал Дайнагоном (старший государственный советник) и возглавил *Сиби тью:дай* (параллельный и не предусмотренный законом орган управления). После восшествия на престол императора Дзюннин (758–764) ему было пожаловано имя Эми-но Осикацу — одно из свидетельств его претензий на власть в стране. Во время вооруженного противостояния двух лагерей (Кокэн-Доке: — Дзюннин-Накамаро) Накамаро потерпел поражение и был убит в 764 г. в провинции Ооми, на западном побережье озера Бива.

²⁷ Мещеряков А. Н. Хроника «Сёку нихонги». Свиток I (Предисловие) // *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности*. Выпуск. VII. Политическая культура древней Японии. М., 2006, с. 13.

низкого уровня в «Сёку нихонги» почти не упоминаются; в том случае, если один и тот же чиновник в одной и той же должности упоминался многократно в течение короткого промежутка времени, за единицу отсчета был взят срок 4 года, т.к. таков был срок службы провинциального чиновника²⁸, т.е. такой чиновник фиксируется на графике не чаще, чем раз в 4 года.

График №2. Упоминания провинциальных чиновников (управители, помощники управителей, инспекторы) в других источниках

В результате в целом была получена сходная картина — низкое число упоминаний в период с 697 по 724 гг., рост количества упоминаний в период доминирования Татибана-но Мороз, высокое число упоминаний — при Фудзивара-но Накамаро. Безусловно, нужно иметь в виду то обстоятельство, что ко второй половине VIII столетия бюрократические методы управления с опорой на письменную документацию были уже прочно усвоены, и в дальнейшем объемы письменной информации имели отчетливую тенденцию к росту²⁹.

Тем не менее, в данном случае и данные письменных источников, и данные археологии указывают на вторую половину столетия как на начало качественно нового этапа в эволюции провинциального управления. Как уже говорилось, со второй половины VIII столетия начинается качественно новый этап в

²⁸ Срок службы провинциальных чиновников неоднократно менялся. С 701 по 706 гг. он составлял шесть лет, с 706 — четыре года. В 758 году вновь — шесть лет, с 764 года — снова четыре года. Однако в действительности провинциальные чиновники, особенно управители провинций, сменялись чаще, чем то было предписано законом.

²⁹ Мещеряков А. Н. Объем письменной информации в Японии VIII–X вв. // Ландшафт и этнос. М., 1999, с. 89–110.

архитектуре провинциальных управ — свайные постройки сменяют здания на каменном фундаменте, более широкое распространение получает черепица, одним словом, управы обретают еще более величественный вид.

Большинство японских исследователей объясняют изменения в архитектуре провинциальных управ повышением значения ритуалов, проводившихся на их территории. Именно это направление исследований является магистральным в современной японской историографии³⁰.

Данные о назначениях провинциальных чиновников не противоречат этой точке зрения. Если в первой половине VIII века на должности управителей провинций назначались, как правило, чиновники пятого ранга (исключение составляют лишь назначения в провинции центральной области Кинай³¹), то во второй половине VIII века управителями провинций все чаще назначаются чиновники четвертого и даже третьего рангов. Непосредственным следствием этого становится рост количества совмещенных должностей, когда чиновник, занимая должность в столичном аппарате, по совместительству служил (или числился) провинциальным чиновником (Таблица № 1).

Табл. № 1. Количество совмещённых должностей (по данным «Сёку нихонги»)

Должн.	Мом- му (697– 707)	Гэм- мэй (707– 715)	Гэнсё: (715– 724)	Сё:му (724– 749)	Кокэн (749– 758)	Дзюн- нин (758– 764)	Сё:то- ку (764– 770)	Ко:нин (770– 781)	781– 791
Упр. пров.	0	0	0	2	1	14	25	52	52
Пом. упр.	0	0	0	0	0	2	13	18	22
Инспек- тор								3	8
Всего	0	0	0	2 2,06%*	1 1,51%	16 7,96%	38 16,96%	73 22,01%	82 22,84%

* процент совмещённых должностей по отношению к общему числу назначений.

³⁰ *Сато Макото*. Нихон кодай-но кю:то моккан (Древнеяпонские дворцовые и столичные комплексы и моккан). Токио: «Ёсикава кобункан», 1997, с. 10. *Като Томоясу*. Куни, гун-но гё:сэй то моккан (Провинциальное и уездное управление по данным моккан) // Моккан кэн-кю:. 1993. № 5, с. 169.

³¹ Провинции центральной области Кинай — Ямато, Ямасиро, Кава-ти, Идзуми, Сэццу.

Разумеется, чем выше был социальный статус провинциального чиновника, тем более пышными ритуалами и более многочисленной свитой сопровождался его приезд в провинцию (в том случае, если чиновник доезжал до места службы).

Рост количества фиксируемых в «Сёку нихонги» назначений в провинции был продиктован причинами прежде всего экономического порядка. Уже в 30-е гг. VIII века основным источником доходов провинциального чиновничества становятся проценты от рисовых ссуд³². В 734 было установлено количество риса, который провинциям разрешалось сдавать в ссуду (колебался в зависимости от статуса провинции)³³. В 745 году размер разрешенных ссуд был пересмотрен в сторону увеличения³⁴. В 757 году был регламентирован размер дохода от ссуд, полагавшийся провинциальным чиновникам разного уровня³⁵. В процентном соотношении это распределение выглядит так:

Управитель провинции	37,5%
Помощник управителя провинции	25%
Инспектор (ы)	18,75%
Секретарь (и)	12,5%
Писец (ы)	6,25%

В «Энигисики» говорится также, что столичным чиновникам, занимающим по совместительству должности в провинциях, надлежит получать ранговое и сезонное жалование по месту службы в провинции³⁶. По-видимому, попытки переложить расходы по выплате жалования чиновникам-совместителям на провинции предпринимались уже в VIII веке. В «Руйдзю: сандай кяку» («Классифицированный сборник нормативных установлений трех периодов», начало X в.) в указе 809 г. цитируется указ 768 года, предписывающий получение рангового и сезонного жалования по месту службы в провинции³⁷.

³² Сёку нихонги, Тэмпё:, 6-1-15, 734 г.; Сёку нихонги, Тэмпё:, 8-5-17, 736 г.

³³ Сёку нихонги, Тэмпё:, 6-1-15, 734 г.

³⁴ Сёку нихонги, Тэмпё:, 17-11-27, 745 г.

³⁵ Сёку нихонги, Тэмпё: Хо:дзи, 1-10-11, 757 г.

³⁶ Энигисики, сер. «Кокуси тайкэй». Токио: «Ёсикава ко:бункан», 1977, Т. 2, с. 339, с. 492.

³⁷ Руйдзю: сандай кяку, Дайдо, 4-1-26, 809 // Серия «Кокуси тайкэй». Токио: «Ёсикава ко:бункан», 2003, Т. 1, с. 254–5. Ёситару Мата-

Если сопоставить данные о количестве назначений в провинции (по данным «Сёку нихонги» и «Кокуси бунин») и данные «Энгисики» о количестве риса, разрешенного для ссудных операций, окажется, что именно на провинции, где размеры ссуд были наибольшими, и приходится наибольшее количество назначений³⁸.

Табл. № 2. Количество риса (в снопах), разрешенного для ссудных операций (по «Энгисики»)

Провинция	Количество разрешенного для ссудных операций риса	Провинция	Количество разрешенного для ссудных операций риса
Ямасиро	150.000	Садо	80.000
Ямато	200.000	Тамба	250.000
Кавати	149.477	Танго	170.000
Идзуми	80.000	Тадзима	340.000
Сэццу	185.000	Инаба	300.000
Ига	135.000	Хоки	250.000
Исэ	300.000	Идзумо	300.000
Сима	–	Ивами	155.000
Овари	200.000	Оки	40.000
Микава	200.000	Харима	440.000
То:томи	280.000	Мимасака	330.000
Суруга	250.000	Бидзэн	381.150
Идзу	65.000	Биттю	300.000
Каи	240.000	Бинго	240.000
Сагами	300.000	Аки	228.000
Мусаси	400.000	Суо	210.000
Ава (о.Хонсю)	150.000	Нагато	110.000
Кадзуса	400.000	Кири	175.000
Симоса	400.000	Авадзи	45.000

но. Гоннин кокуси-но ниммэй-о мэгуру (К вопросу о назначениях на должности «гоннин» в провинциальных управах) // Хисутория. № 122, 1989, с. 69–70.

³⁸ Идея сопоставления количества назначений в провинции с количеством разрешенного для ссуд риса принадлежит Ёситару Матано — Ёситару Матано. Гоннин кокуси-но ниммэй-о мэгуру (К вопросу о назначениях на должности «гоннин» в провинциальных управах) // Хисутория. № 122, 1989. Ёситару Матано сопоставил оборот рисовых ссуд с назначениями на должности гоннин (временно исполняющие обязанности). Я лишь расширила рамки сопоставления, учтя все назначения в провинции, и получив в целом аналогичный результат.

Хитати	500.000	Ава	200.000
Ооми	400.000	Сануки	350.000
Мино	300.000	Иё	350.000
Хида	40.000	Тоса	200.000
Синано	350.000	Тикудзэн	200.000
Кодзукэ	300.000	Тикуго	200.000
Симоцукэ	300.000	Хидзэн	200.000
Муцу	603.000	Хиго	400.000
Дэва	250.000	Будзэн	200.000
Вакаса	90.000	Бунго	200.000
Эгидзэн	400.000	Хюга	150.000
Кага	300.000	Оосуми	85.000
Ното	150.000	Сацума	85.000
Эттю	300.000	Ики	50.000
Этиго	310.000	Цусима	–

Число желающих занять доходные должности в провинциях намного превышало число вакансий. Официально установленный штат провинций был невелик. Согласно расширению штата, предпринятому в 779 году, количество чиновников колебалось в зависимости от статуса провинции: в больших провинциях — 13 человек, в верхних — 8, в средних — 6, в нижних — 4 (не считая профессоров и врачей, которых приходилось по одному на каждую провинцию; Табл. № 3).

Табл. № 3.
Штат провинций

«Рё:-но гигэ»							
Статус провинции	Управитель	Пом. управителя	Инспектор	Секретарь	Писец	Профессор (хакасэ)	Врач
Большая	1	1	2 (ст. и мл.)	2 (ст. и мл.)	3	1	1
Верхн.	1	1	1	1	3	1	1
Средн.	1	–	1	1	3	1	1
Нижн.	1	–	–	1	3	1	1
Указ 728 года («Сёку нихоги»)							
Статус провинции	Управитель	Пом. управителя	Инспектор	Секретарь	Писец	Профессор (хакасэ)	Врач*
Большая	1	1	2 (ст. и мл.)	2 (ст. и мл.)	4	1 на 3–4 провинции	1
Верхн.	1	1	1	1	3		1
Средн.	1	–	1	1	2		1
Нижн.	1	–	–	1	2		1

Указ 779 года («Сёку нихоги»)							
Статус провинции	Управитель	Пом. управителя	Инспектор	Секретарь	Писец	Профессор (хакасэ)	Врач
Большая	1	1	2 (ст. и мл.)	2 (ст. и мл.)	5	1	1
Верхн.	1	1	1	1	4	1	1
Средн.	1	–	1	1	3	1	1
Нижн.	1	–	–	1	2	1	1

*с 766 года штат провинциальных врачей был сокращен — один врач должен был работать в трех-четырёх провинциях, срок службы врачей и профессоров составлял шесть лет.

В связи с этим со второй половины VIII века, особенно после 764 года, растёт количество сверхштатных назначений в провинции (*ингай кокусси*, 眞外国司)³⁹. При этом назначенные сверх штата чиновники не всегда доезжали до провинций, т. к. занимали должности в столице⁴⁰. В 770 власти попытались отменить сверхштатные должности, ставшие тяжелым финансовым бременем для провинций⁴¹, но уже через пять лет были вынуждены официально увеличить штат в 22 провинциях (Исэ, Микава, То:то:ми, Суруга, Мусаси, Хитати, Мино, Симоцукэ, Муцу, Этидзэн, Эттю, Тадзима, Инаба, Хо:ки, Харима, Мимасака, Биттю, Ава, Иё, Тоса, Хиго и Бунго) на уровне секретарей⁴². Согласно «Энгисики», всем этим провинциям разрешалось использовать для ссудных операций от 200 тысяч и выше снопов риса (Табл. № 2).

После увеличения штата провинций в 779 году (Табл. № 3) упоминания о сверхштатных чиновниках исчезают со страниц источников⁴³. Однако с начала IX века появляется новая категория не предусмотренных штатом должностей. Теперь таких чиновников стали называть «временно исполняющие обязанно-

³⁹ Сверхштатная должность для центрального аппарата впервые фиксируется в «Сёку нихонги» в 720 году. Первое же упоминание сверхштатного провинциального чиновника встречается в докладной записке провинции Ооми 746 года, где упомянут сверхштатный помощник управителя провинции. — *Камэда Такаси*. Нара дзидай-но сэйдзи то сэйдо (Система государственного управления в эпоху Нара). Токио: «Ёсикава кобункан», 2001, с. 219.

⁴⁰ Камэда Такаси. Указ.соч., с. 225–6.

⁴¹ Сёку нихонги, Хоки, 1-9-3, 770 г.

⁴² Сёку нихонги, Хо:ки, 6-3-2, 775 г.

⁴³ Камэда Такаси. Указ.соч. с. 228.

сти» (*гонкан*, 権官), они также не всегда доезжали до места службы и также назначались в провинции с высоким оборотом рисовых ссуд⁴⁴.

Естественно, провинциальные чиновники, ротировавшиеся обычно чаще, чем раз в 4 года, были активно заняты личным обогащением, о чем недвусмысленно говорится в «Сёку нихонги».

«Многие управители провинций в погоне за личной выгодой несправедливо осуществляют сбор земельного налога и чинят обман при получении процентов по ссудам. Потому тяготы простого народа множатся, а государственные амбары пустеют»⁴⁵.

«Казённый рис (*кузэто*: — Е.С.) был учрежден для того, чтобы в первую очередь восполнить казённые недоимки. Во вторых, чтобы пополнить запасы провинциальных [амбаров], и только оставшиеся после этого излишки разрешено было распределять между чиновниками провинциальных управлений. Однако Нам докладывают, что ни в одной провинции эти установления не соблюдаются, казенный рис растрачивается, а когда наступает время подачи счётно-налоговых книг [в Дадзё:кан], растраты списывают на неуплаты [по ссудам]. Поэтому сменяемый управитель провинции затягивает передачу дел, а вновь прибывшему бывает трудно принять дела управления. Это не соответствует принципам.

Чиновники, обладающие четвертым рангом и выше, относятся к разряду «благородных» (*ки*. — Е. С.) и получают высокое жалование. Несмотря на свою высокую репутацию, заняв по совместительству должности в провинциях, они бессовестно растрачивают казённый рис и взимают [с простого люда высокие проценты]. Поэтому при смене управителей провинций в делах остается множество неразрешенных вопросов. В соответствии с высочайшими законами виновный должен понести наказание. Потому, отныне, если сменяемый управитель провинции не передаст дел в течение 120 дней, лишать его рангового жалования и кормовых дворов, дабы впредь это послужило уроком»⁴⁶.

---

⁴⁴ Исследование об этом слое провинциального чиновничества см.: Ёсихару Матано. Указ. соч.

⁴⁵ Сёку нихонги, Тэмпё: Сё:хо:, 6-9-5, 754 г.

⁴⁶ Сёку нихонги, Энряку, 1-12-4, 782 г.

Неудивительно поэтому, что в Японии, в отличие от Китая, ни в эпоху Нара, ни в последующую эпоху Хэйан практически не был создан образ идеального управителя провинции⁴⁷. Напротив, управитель провинции в хэйанской литературе — как правило, жадный, жестокий и корыстолюбивый.

Низовой уровень. Секретари и писцы

Низовой уровень провинциальной администрации также пополнялся за счет центрального чиновничества.

Судзуки Кэйдзи, проанализировавший немногочисленные данные источников о низовом уровне провинциальной администрации, пришел к следующим выводам.

1. В эпоху Нара обычной была практика, когда столичные чиновники низких рангов назначались на должности секретарей и писцов в провинции, а затем вновь занимали должности в столичном бюрократическом аппарате.
2. Этот слой чиновничества привносил на места бюрократические методы управления, основанные на китайской политической культуре, и стал важнейшим каналом обменных процессов между столицей и провинциями⁴⁸.

В отличие от своих более высокопоставленных коллег, большую часть времени проводивших в столице, низкоранговые чиновники действительно отправлялись на место назначения, и именно на их плечи ложилась основная часть повседневных дел управления в провинциях. Срок службы секретарей, также как

---

⁴⁷ Мураи Ясучико. Рицурё: сэй-но кёдзицу (Система «рицурё»: реальность и вымысел). Токио: «Коданся гакудзюцу бунко», 2005, с. указ. соч. 197. Для VIII века известны лишь два примера идеальных провинциальных чиновников. В «Сёку нихонги» приводится жизнеописание Мити-но Киби Обитона (?–718), управителя провинций Тикуго и Хиго [Сёку нихонги, Ёро, 2-4-11, 718 г.]. В «Кадэн» («Жизнеописание рода Фудзивара», 60-е гг. VIII в.) в качестве образцового чиновника вообще и образцового управителя провинции Ооми, в частности, описывается Фудзивара-но Мутимаро (680–737). В обоих случаях образ идеального чиновника копирует китайские образцы из «Хань шу». Наш перевод «Кадэн» см. *Orientalia et Classica*. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск. VII. Политическая культура древней Японии. М., 2006, с. 182–255.

⁴⁸ Судзуки Кэйдзи. Гэкю: кокуси-но нинъё: то ко:цу: (Назначения и [служебные] передвижения низкорангового провинциального чиновничества) // Моккан кэнкю:. 1992. № 14.

и для управителей, помощников управителей и инспекторов составлял четыре года⁴⁹. Чиновники низового уровня ротировались не так часто, как слой помощников и помощников управителей. Это справедливо, прежде всего, в отношении писцов. До 758 года срок службы писцов составлял шесть лет, в 758 году он был сокращен до четырех лет⁵⁰. В указе 758 года говорится:

«Согласно установлениям-кяку, провинциальные писцы сменяются раз в шесть лет. Желających [занять должности] много, а вакансий мало. Поэтому многие доживают до седых волос, так и не дождавшись назначения, и, вернувшись домой ни с чем, в душе таят обиду. Отныне устанавливается четырехлетний срок службы писцов, дабы повсеместно увеличилось число вакансий»⁵¹.

То, что писцы играли чрезвычайно важную роль в провинциальном управлении, подтверждают и немногочисленные данные сохранившейся официальной документации. Например, известно, что, нередко именно писцы провинциальных управ назначались ответственными за доставку различного рода отчетной документации в столицу⁵².

Учебные тексты с выписками и прописями из китайских канонических текстов находят не только в столице, но и на периферии. Например, на моккан, найденном в укреплении Акита (где располагалась провинциальная управа провинции Дэва, современная префектура Акита) содержится пропись отрывка из «Вэнь сюань»⁵³.

Провинциальным чиновникам необходимо было также владеть навыком составления официальной документации. Среди моккан, найденных на территории дворцового комплекса в Хэйдзёкё: (другое название Нара) в слое приблизительно середины VIII века, встречаются учебные моккан, в которых отра-

⁴⁹ См. прим. 21.

⁵⁰ Впоследствии срок службы писцов дважды менялся: в 764 году был установлен шестилетний срок службы писцов, а в 779 году — снова четырехлетний.

⁵¹ Тэмпё: ходзи, 2-10-25, 758 г.

⁵² *Такэнака Ясухико*. Указ. соч., с. 11. Например, в 756 году писец провинции Сагами выполнял функции ответственного за доставку итоговой годовой отчетности // Там же; Дай Нихон комондзё, Токио, 1901–1940, Т. 1, с. 114.

⁵³ *Сато: Макото*. Сюцудо: сирё:-но кодай си (Древняя история по эпиграфическим источникам). «Токио дайгаку сюппан кай», 2002, с. 15.

батываются различные виды официальной *провинциальной* документации⁵⁴. По-видимому, получив должность в провинции или надеясь на ее получение, чиновник низкого ранга заранее готовился к исполнению своих обязанностей⁵⁵.

В источнике X в. «Ко:нин сики» («Внутриведомственные инструкции годов Ко:нин»⁵⁶) перечислены следующие навыки, необходимые кандидатам на должность провинциальных писцов: умение читать гражданские и уголовные законы, установления-кяку и внутриведомственные инструкции-сики, «Идзё: тэнкун» (наставление, написанное императрицей У-хоу, 624–705 гг., для наследника), а также знание арифметики⁵⁷. В указе «Сёку ни-хонги» от 759 г. также подчеркивается, что управление провинциями должно опираться на законы и осуществляться в соответствии с «Идзё: тэнкун»⁵⁸. Таким образом, очевидно, что стандарты, отраженные в «Ко:нин сики», существовали уже в VIII веке.

Начатки арифметики были необходимы, прежде всего, для учета и регистрации налоговых поступлений, а также осуществления ссудных операций с рисом. Находки учебных моккан с записью таблицы умножения также зафиксированы как для центра, так и для периферии⁵⁹.

Таким образом, низкоранговый провинциальный чиновник должен был получить конфуцианское образование, хорошо ориентироваться в законодательных сводах и поправках к ним, а также обладать начатками арифметических знаний. Неслучайно поэтому среди низкоранговых провинциальных чинов-

---

⁵⁴ Судзуки Кэйдзи. Гэкю: кокуси-но нинтё: то ко:цу: (Назначения и [служебные] передвижения низкорангового провинциального чиновничества) // Моккан кэнкю. 1992. № 14, с. 228.

⁵⁵ Там же, с. 228.

⁵⁶ «Внутриведомственные инструкции годов Ко:нин», составлены в первой трети IX в., содержали 40 свитков с внутриведомственными инструкциями-сики с 701 по 819 гг., до нас дошли лишь фрагменты.

⁵⁷ Судзуки Кэйдзи. Санги то кодай дзицуму кандзин (Счетные палочки и повседневная служба чиновников в древности) // Моккан кэнкю, 1996. № 18, с. 250–251; Ко:тай-сики. Ко:нин-сики. Энгисики. Сер. «Кокуси тайкэй». Токио: «Ёсикава кобункан», 1977, Т. 1, с. 10–11.

⁵⁸ Тэмпё: ходзи, 3-6-22, 759 г.

⁵⁹ Судзуки Кэйдзи, Ук.соч., с. 261.

ников было немало представителей иммигрантских родов (выходцев из Кореи и Китая).

Данные о чиновниках этого уровня, имеющиеся в нашем распоряжении, фрагментарны и отрывочны. Всего за период с 697 по 791 гг. в разных источниках содержатся упоминания 244 провинциальных чиновников уровня секретарей и писцов. Из них мы знаем родовые и личные имена 204 чиновников, принадлежащих к 129 родам. По крайней мере, 25,5% (52 рода) из них — роды иммигрантского происхождения.

В целом провинциальное чиновничество было одним из основных каналов проникновения столичной культуры на периферию. Во многом благодаря провинциальному чиновничеству, в особенности низкоранговому, на местах были прочно усвоены бюрократические методы управления, продолжавшие использоваться и в условиях распада государства *рицурё*: и после его распада.

Роль низкорангового провинциального чиновничества и в период Нара, и в последующий период Хэйан была столь значительна, что на страницах хэйанской литературы появляется образ идеального чиновника этого уровня («Кондзяку моногатари», первая половина XII в.; «Син сару гакуки», вторая половина XI в.)⁶⁰, резко контрастирующий и противостоящий образу алчного и недобродетельного управителя провинции.

Нерегулярные служащие

Уже в первой половине VIII столетия в провинциях появляются разные категории нерегулярных служащих. Среди них можно выделить следующие:

1. писцы (*сёсё*; 書生), привлекавшиеся к составлению различного рода документации⁶¹;

---

⁶⁰ *Оборо Яхисаси*. Оотё: то кидзоку (Императорский двор и аристократия). Токио: «Сю:эйся», 1991 (сер. «Нихон-но рэкиси»-6), с. 150–151; *Мураи Ясухико*. Ричурё: сэй-но кёдзицу (Система «рицурё»: реальность и вымысел). Токио: «Коданся гакудзюцу бунко», 2005, с. 197.

⁶¹ Самое раннее свидетельство существования писцов (*сёсё*) в провинциях содержится в комментариях «Рё:но Сю:гэ» к статье о составлении подворных реестров закона о крестьянских дворах, составленных к концу 30-х гг. VIII в. (Тайхо:рё:, VIII-19). — *Мори Кимиаки*. Кокусёсё:-ни кансүру кисотэки ко:сацу (Базовое исследование [системы] провинциальных писцов) // Нихон ричурё: сэй ронсю (Сб. «Дискусси-

2. лица, сопровождавшие чиновников, доставлявших в столицу провинциальную документацию и отчетность (*дзассё*: 雑掌)⁶²;
3. чиновники, обладавшие внешними рангами⁶³, но не занимавшие должностей и проживавшие на территории провинции (*гэсанви*, 外散位), также привлекались к исполнению разных текущих дел провинциальной управы.

Каково было хотя бы приблизительное количество таких нерегулярных служащих, неизвестно. Но уже в 735 году в провинциях была установлена квота чиновников категории «гэсанви», колебавшаяся в зависимости от статуса провинции⁶⁴. Такие чиновники выполняли различные поручения в провинциальных управлениях и там же проходили аттестацию.

Существование перечисленных выше категорий служащих подтверждают и данные моккан. Писцы (*сёсё*) упомянуты в двух моккан, найденных при раскопках Дадзайфу (Главное управление области Сайкайдо:)⁶⁵, а также в моккан, найденном при раскопках укрепления Акита (где располагалась провинциальная управа провинции Дэва, совр. префектура Акита, г. Акита). Моккан из укрепления Акита имеет точную датировку — 792 год. В моккан, найденном в местечке Касии-В (префектура Фукуока, г. Фукуока) упоминается категория *дзассё*.

Помимо перечисленных выше категорий нерегулярных служащих, существовала еще одна группа — свита, сопровождавшая отправлявшегося к месту назначения управителя или помощника управителя провинции. О последней группе мы практически ничего не знаем. Однако первое упоминание о ней содержится уже в указе 719 года⁶⁶.

онные вопросы японской системы *рицурё*; посвященный шестидесятилетию профессора Сасаяма Харуо). Токио: «Ёсикава кобункан», Т. 2, 1993. 1993, с. 278.

⁶² Первые упоминания такого слоя служащих провинциальных управлений относятся к 717 и 738 гг. — Сёку нихонги, Ёро, 1-9-22, Дай Нихон комондзё, Токио, 1901–1940, Т. 1, с. 138. Мори Кимиаки. Там же.

⁶³ Внешние ранги — ранги со старшего пятого начальной степени по младший начальный ранг нижней степени, составлявшие нижние 20 ступеней 30-ти ступенчатой системы ранжирования чиновников.

⁶⁴ Сёку нихонги, Тэмплё, 7-5-20, 735 г. Точные цифры в указе не приведены.

⁶⁵ Совр. префектура Фукуока, город Дадзайфу.

⁶⁶ Руйдзю: сандай кяку, Т. 2, с. 285–6.

Таким образом, во второй половине VIII века расширение штата произошло как на уровне высших должностей (управители, помощники управителей, инспекторы) — за счет сверхштатных назначений, так и на низовом уровне — за счет официального расширения штата секретарей и писцов и за счет появления нерегулярного слоя служащих.

Прежде считалось, что появление специализированных управлений (*тогоро*, 所) в составе провинциальных управ относится ко второй половине IX века. Однако данные моккан позволили скорректировать эту точку зрения. Среди моккан и керамики с надписями тушью, найденных при раскопках провинциальной управы Симоцукэ, встречаются надписи, в состав которых входит иероглиф «управление». Один из таких моккан, на котором была записана докладная «управления по сооружению черепичного склада» (текст докладной не сохранился)⁶⁷, был найден в слое 90-х гг. VIII века. Японские историки отмечают, что управления-тогоро конца VIII века еще не отличались столь высокой степенью специализации и самостоятельности, как в конце IX–XI вв., однако их появление хронологически совпадает с началом упадка уездных управ в конце VIII века (фиксируется по данным археологии) и, несомненно, отражает начавшийся процесс поглощения уездных управ провинциальными⁶⁸.

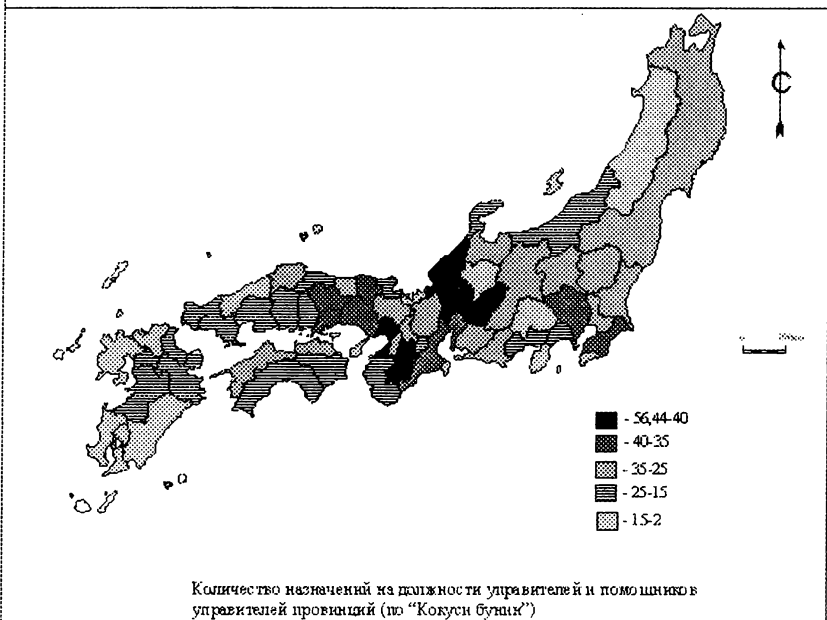
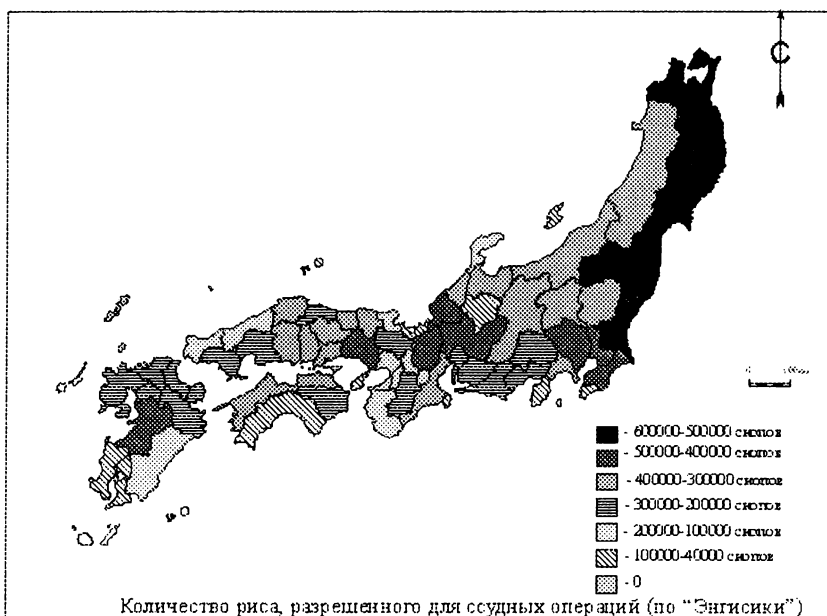
Итак, и данные археологических раскопок, и данные о назначениях провинциальных чиновников указывают на вторую половину VIII века как на начало качественно нового этапа в системе местного административно-территориального управления в целом, и провинциального в частности. Применительно к провинциальному управлению качественные сдвиги в самом общем виде заключались в следующем:

1. центр перераспределения доходов окончательно смещается в провинции;
2. происходит увеличение штата на всех уровнях провинциальной администрации;
3. формируется слой непредусмотренных штатом служащих;
4. начинается процесс поглощения уездных управ провинциальными.

---

⁶⁷ Като Томоясу. Куни, гун-но гё:сэй то моккан (Провинциальное и уездное управление по данным моккан) // Моккан кэнкю:. 1993. № 5, с. 158.

⁶⁸ Като Томоясу. Указ. соч., с. 159.

Запреты на направления (*катаими*) в период Хэйан

А. Бачурин

Культура периода Хэйан (794–1185) традиционно рассматривается в отечественной и западной историографии через призму художественной литературы. «Вся культура — в руках одного сословия и в значительной степени в пределах одного города. Каковы же были ее основной тон и характерное содержание? Ответить на этот вопрос нетрудно: вся хэйанская литература — лучший материал для суждений об этом», — писал академик Н. И. Конрад¹. Картина жизни хэйанских аристократов, носителей «блестящей культуры» эпохи, чаще всего встречающаяся в работах исследователей, обязана своей спецификой именно такому подходу к выбору источников, а также определенному преувеличению степени «реалистичности» хэйанской литературы². Так, принято считать, что аристократы большую часть досуга посвящали занятиям изящными искусствами и во всех своих действиях в первую очередь руководствовались соображениями красоты, или «эстетизма»: «Культ красоты во всех ее многообразных проявлениях, служение прекрасному — вот что руководило хэйанцами в их действии и мышлении»³.

---

¹ Н. И. Конрад. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М., 1974. С. 200.

² На это обращает внимание, например, Сигэта Синъити, описывая в своей книге «Аристократы на кулаках» «то, о чем не писала Идзуми Сикибу» — жестокость и насилие в жизни хэйанской аристократии. Сигэта Синъити. Нагуриу кидзокутати (Аристократы на кулаках). Токио, 2005. С. 12, 229.

³ Н. И. Конрад. Указ. соч. С. 203. Приведем еще несколько характерных цитат: «Мысли хэйанской знати, несомненно, в основном были заняты церемониями, нарядами, изящным времяпрепровождением». Дж. Б. Сэнсом. Япония: краткая история культуры. СПб., 1999. С. 241. «Хэйанский царедворец стремился к тому, чтобы все его действия были изысканно-утонченными (яп. *мияби*)». Р. Н. Varley. Japanese Culture. Tokyo, 1986. P. 56.

В этой связи весьма показательно то, что японские исследователи гораздо шире, чем представители отечественной и западной японистики пользующиеся нехудожественными источниками (например, мужскими дневниками), характеризуют мир хэйанской аристократии не как мир «поэтизированного поступка», а, скорее, как ритуализованный «мир запретов»⁴. Классическим примером того, насколько глубоко была регламентирована даже повседневная жизнь аристократа, является следующий отрывок из наставлений правого министра Фудзивара-но Моросукэ (908–960) «Кудзё: удзё:сё: юйкай»: «Как встанешь, сразу же семь раз произнеси имя звезды, под которой родился. Затем возьми зеркало и посмотри на свое лицо. Выясни по календарю, благоприятный или неблагоприятный сегодня день. Затем почишь зубы и помой руки, обратившись на запад. Затем следует произнести имя Будды и [названия] обычно почитаемых синтоистских святилищ. <...> Затем подстриги волосы (стричься надо раз в три дня, а не каждый день), и ногти на руках и ногах (в день быка подстригать ногти на руках, в день тигра подстригать ногти на ногах). Затем, если день для этого благоприятен, соверши омовение (раз в пять дней)»⁵. Попытка простой количественной оценки места запретов в жизни хэйанской аристократии также приводит к интересным результатам: оказывается, аристократ до 40 дней в году мог проводить в своей усадьбе, соблюдая «воздержание от скверны» (яп. *моноими*)⁶.

Следовательно, неотъемлемой частью работы по реконструкции картины быта хэйанской аристократии является анализ системы запретов и ее роли в жизни аристократов. Задача настоящей статьи — анализ обширной части этой системы, а именно комплекса представлений и практик, связанных с запретами на пребывание или совершение некоторых действий в определенном направлении от жилища, на территории, где, как считается, «странствуют» (яп. *юге:*) соответствующие божества⁷.

---

⁴ *Куроита Нобуо*. Хэйан о:тё:но кю:тэй сякай (Придворное общество в эпоху Хэйан). Токио, 1995. С. 253.

⁵ Кудзё удзё:сё: юйкай (Наставления правого министра Кудзё) / Нихон сисо тайкэй. Т. 8. Токио, 1979. С. 115.

⁶ Хо:дзё: Рэйко. Моноими ко: (О моноими) / Оммё:до: со:сё. Т. 1. Токио, 2000. С. 227.

⁷ Такие запреты получили название *катаими*. В настоящей статье мы для краткости будем называть их «запретами на направления».

В статье особое внимание будет уделено проблемам становления и развития комплекса запретов на направления; механизм действия запретов и календарные циклы «странствий» божеств описываются в Приложении.

В основе комплекса *катами*, зафиксированного в хэйанских источниках, лежат представления, проникновение которых в Японию из Китая через Корейский полуостров можно проследить начиная с VI в. В древнем Китае, по всей видимости, такие запреты были связаны с идеей о неблагоприятном воздействии определенных звезд и планет на деятельность человека. Первые упоминания о запретах на направления встречаются при описании событий военной истории: так, в философском трактате IV в. до н. э. «Ши-цзы» говорится: «У-ван собирался напасть на Чжоу-вана. Юй Синь сказал ему: «Суй на севере — нельзя выдвигать войско на север». Но У-ван его не послушал»⁸. В трактате III в. до н. э. «Сюнь-цзы» содержится развернутое описание последствий нарушения этого запрета: «У-ван собирался напасть на Чжоу-вана. Выдвинувшись и направившись на восток, навстречу Тайсуй, он нарушил запрет на движение войск. Когда подошли к реке Фань, ее воды вышли из берегов. Когда прибыли в Хуай, земля провалилась. Когда подошли к горе Гун-тоу, гора обрушилась. Хо Шу в страхе сказал: «За три дня пути случилось пять бедствий, не значит ли это, что исход битвы будет неблагоприятным?»⁹. В главе «Небесный узор» философского трактата «Хуайнань-цзы», описывается цикл движения Тайсуй по небу и говорится, что «те, кому навстречу движется Тайсуй, Большой год, — унижены, кто оказывается к нему спиной — в силе»¹⁰.

---

⁸ У-ван — основатель династии Западная Чжоу, правил предположительно в 1027–1024 гг. до н. э., Чжоу-ван — последний ван династии Шан-Инь. О звезде Суй см. прим. 11. Годы жизни Ши-цзы — ок. 390 г. до н. э. — ок. 300 г. до н. э. Ши цзы ичжу. Пер. и комм. Ли Шоукуй / Эр ши эр цзы фаньчжу цюань. Т. 7. Харбин, 2003. С. 82.

⁹ Сюнь-цзы — один из крупнейших философов древнего Китая (ок. 313 или ок. 298 до н. э. — ок. 238 или ок. 215 до н. э.). Сюнь-цзы. Комм. Фудзии Сэнъэй / Син сяку камбун тайкэй. Т. 5. Токио, 1988. С. 198.

¹⁰ «Хуайнань-цзы» — «Философы из Хуайнани», ок. II в. до н. э. Философы из Хуайнани / Хуайнаньцзы. Пер. А. Е. Померанцевой. Сост. И. В. Ушаков. М., 2004. С. 59.

Как полагают некоторые исследователи, в период III–VII вв. в Китае возобладало представление о том, что агентами неблагоприятного воздействия являются не сами наблюдаемые небесные тела, а спускающиеся с них на землю божества, причем циклы «странствий» этих божеств не связаны непосредственно с циклами движения планет и звезд¹¹. Отметим также, что уже в VI в. даосские отшельники изучали календаристику с тем, чтобы обезопасить себя от враждебных духов, которые, как считалось, появляются в горах в определенные дни шестидесятидневного цикла. Так, даосский философ и алхимик Гэ Хун (284–343) в своем сочинении «Баопу-цзы» сообщает, что существуют благоприятные и неблагоприятные дни для хождения в горы и что человек должен «в установленный Небом день и в установленный Небом час применять различные методы, дабы избавиться от ужасных бесов и демонов»¹². Слова Гэ Хуна свидетельствуют о высокой степени разработанности календарного дела: «Я с юных лет имел стремление уйти в горы и поэтому обратился к изучению книг по искусству следования календарю. Всего существует более шестидесяти свитков подобных сочинений, и совершенно невозможно освоить их до конца»¹³.

---

¹¹ B. Frank. *Kata-imi et Kata-tagae : étude sur les interdits de direction a l'époque Heian*. Paris, 1998. P. 50. Косвенным подтверждением этой гипотезы является тот факт, что около I в. н. э. произошло окончательное разделение циклов движения видимых планет и циклов движения небесных божеств. Так, в древности считалось, что существует небесное божество — звезда Тайсуй («Большой год») или Тайинь («Великая тень»), которое связано с планетой Юпитер (Суйсин — «Звезда года», Мусин — «Звезда элемента „дерево“»), но цикл обращения которого (с запада на восток, «тигр»–«заяц»–«дракон» и т. д.) обратен циклу обращения Юпитера (с востока на запад, «бык»–«крыса»–«свинья» и т. д.). Изначально цикл движения Тайсуй рассчитывался в зависимости от реального цикла движения Юпитера, продолжительность которого составляет 11,86 года, но с введением в 85 г. календаря «Сы бу ли» («Календарь четырех разделов»), для него был установлен более удобный двенадцатилетний цикл, не связанный с циклом движения Юпитера. *Иидзима Тадао*. Тэммон рэкихо: то оммё: гогё: сэцу (Астрономия, календаристика и учение о пяти элементах) / Иидзима Тадао тёсаку сю:. Т. 4. Токио, 1979. С. 88.

¹² Гэ Хун. Баопу-цзы. Пер. с кит., коммент., предисл. Е. А. Торчинова. СПб., 1999. С. 273, 276.

¹³ Там же. С. 272.

Как уже отмечалось выше, проникновение описанного комплекса представлений в Японию начинается в VI в. Согласно «Нихон сёки», с сер. VI в. из Пэкче в Японию регулярно прибывали календаристы и гадалы, а также доставлялись книги по календарному делу и астрономии¹⁴. Обучение таких специалистов в самой Японии было организовано в VII в.: в записи «Нихон сёки» от 603 г. говорится, что три или четыре ученика-японца стали изучать календаристику, астрономию, магию и «искусство становиться невидимым» у буддийского монаха Квангына, прибывшего из Пэкче¹⁵. Во второй половине VII в. описываемые практики заняли свое место в системе государственных институтов: по образцу танского ведомства астрономов и летописцев Тайшицзю и ведомства гадалов Тайбушу был создан «Отдел [по делам] инь и ян» — Оммё:рё:. В состав Оммё:рё:, которое впервые упоминается в записи «Нихон сёки» от 675 г., входили астрологи (яп. *онъёдзи*, занимались гаданием и геомантией), календаристы (яп. *коёми хакасэ*), астрономы (занимались наблюдением за движением небесных светил), хронологи и часовщики¹⁶. В записи хроники «Сёку Нихонги» от 757 г. приводится перечень китайских сочинений, которые должны были изучать специалисты Оммё:рё:¹⁷. В частности *онъёдзи* предписывалось изучать «Чжоу и», «Синьсюань инь ян шу», «Хуан-ди цзинь гуй» и «У син да и»¹⁸. Из этих четырех текстов, по

---

¹⁴ «Нихон сёки» — «Анналы Японии», сост. в 720 г. Нихон сёки — Анналы Японии. Пер. со старояпонского и комм. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. Т. 2. СПб.: Гиперион, 1997. С. 13, 16.

¹⁵ Нихон сёки. Указ. соч. С. 93.

¹⁶ Нихон сёки. Указ. соч. С. 226. Ричурё:. Комм. Иноуэ Мицусадэ / Нихон сисо: тайкэй. Т. 3. Токио, 1976. С. 164.

¹⁷ «Сёку Нихонги» — «Продолжение „Анналов Японии“», сост. в 797 г. Сёку Нихонги, Тэмпё: хо:дзи 1-11-9 (757).

¹⁸ «Чжоу и» — «Канон перемен эпохи Чжоу», состоит из канонической части — «И цзин» (VIII–VII вв. до н. э.) и комментирующей части — «И чжуань» (VI–IV вв. до н. э.). И цзин — Чжоу и. Система Перемен — Циклические Перемены. Пер. с кит. Б. Б. Виноградского. М., 1999. «Синьсюань инь ян шу» — «Вновь составленная книга [по искусству] инь и ян», не сохранилась. Текст с таким названием объемом в 30 свитков упоминается в «Цзю Тан шу» («Старая история династии Тан», 945 г.) и «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан», 1060 г.), в качестве автора указан Ван Цань (177–217), а также в «Нихон коку гэн-дзай сё мокуроку» («Каталог книг, имеющихся в Японии», сост. Фудзи-

всей видимости, непосредственно проблеме запретов был посвящен «Синьсюань инь ян шу»: такой вывод можно сделать на основании цитат из этого сочинения, которые содержатся в дневниках японских аристократов и в работах *онъёдзи*¹⁹.

Помимо указанных текстов в Японии были известны и другие китайские сочинения по календарному делу и запретам. Так, в документах хранилища Сё:со:ин от 748 г. упоминается «Инь ян шу» («Книга [по искусству] *инь* и *ян*»)²⁰ — очевидно, составленный Люй Цаем (600–665) по указу императора Тайцзуна компендиум по учению о пяти элементах, также известный как «Да Тан инь ян шу» («Книга [по искусству] *инь* и *ян*, [составленная при династии] Тан»)²¹. В самом раннем из сохранившихся японских трактатов о запретах, «Оммё: дзассё» (Книга, [содержащая] различные [сведения по искусству] *инь* и *ян*) Камо-но Изёси (1066–1136)²², встречается большое количество цитат из несохранившихся сочинений «Шан шу ли» («Календарь „Шан шу“») и «Ли ли» («Примеры из календарей»), которые не упоминаются в китайских каталогах книг, но упоминаются в японском каталоге IX в. «Нихон коку гэндзай сё мокуроку». Также в Японии были известны такие не сохранившиеся до

вара-но Сукэё, 847–897) — объемом в 50 свитков, в качестве автора, очевидно, ошибочно, указан Люй Цай (600–665). «Хуан-ди цзинь гуй» — «Золотой сундук Желтого императора». Текст с похожим названием объемом в три свитка упоминается в «Синь Тан шу» и объемом в 10 свитков — в «Нихон коку гэндзай сё мокуроку». В даосском каноне «Дао цзан» содержится текст «Хуан-ди цзинь гуй юй хэн цзин» объемом в один свиток, посвященный вопросом гадания о благоприятных и неблагоприятных днях. Дао Цзан. Т. 4. Шанхай, 1988. С. 1003–1010. «У син да и» — «Общий смысл [учения о] пяти элементах», сост. Сяо Цзи (ок. 530 — ок. 610), текст сохранился только в японских списках, посвящен изложению учения о пяти элементах. У син да и. Ред. Накамура Сё:хати. Токио, 1973.

¹⁹ См. например, записи из дневника правого министра Фудзивара-но Санэсукэ «Сё:ю: ки»: Каннин 4-10-23 (1020), Дзиан 3-9-1 (1026).

²⁰ Дай Нихон комондзё. Т. 2. Токио, 1998. С. 522.

²¹ В «Цзю Тан шу» и «Синь тан шу» упоминается «Инь ян шу» объемом соответственно в 50 и 53 свитка, в обоих случаях в качестве автора указан Люй Цай, в «Нихон коку гэндзай сё мокуроку» упоминается «Да Тан Инь ян шу» объемом в 51 свиток, автор — Люй Цай. «Инь ян шу» упоминается в японских хрониках, дневниках и трактатах *онъёдзи*.

²² Оммё: дзассё / Накамура Сё:хати. Нихон оммё:до: сё но кэнкю: (Исследование японских трактатов по *оммё:до:*). Токио, 2001.

наших дней работы по запретам, как «Бай цзи ли» («Календарь ста запретов») Люй Цая²³ и «Цюнь цзи лун цзи» («Собрание запретов») неизвестного автора²⁴. Необходимо упомянуть и сутру из буддийского канона «Су яо цзин»²⁵, списки которой привозили в Японию из Китая японские буддийские монахи Ку:кай (774–835) в 806 г., Эннин (795–864) в 847 г. и Энтин (814–891) в 858 г.

Объемы информации, заимствованной из Китая, можно оценить по каталогу «Нихон коку гэндзай сё мокуроку», где упоминаются 83 книги по астрономии (общим объемом в 461 свиток), 54 книги по календаристике (167 свитков), 154 книги по «учению о пяти элементах» (сюда входят сочинения по гаданию и запретам — 979 свитков)²⁶.

Первые результаты изучения полученных из Китая текстов появились уже в сер. IX в. Считается, что автором первых японских комментариев на китайские сочинения был глава Оммё:рё: Сигэока-но Кавахито (ум. 874 г.)²⁷. В X столетии появились первые собственно японские трактаты по гаданию, календаристике и запретам: «Су:ки кё:» («Писание о важнейшем [в искусстве гадания]», 1 свиток) Дзихи-но Мурадзи Икая, «Сэндзи рякукэцу» («Сокращенные записи об гадании», 1 свиток) Абэ-но Сэймэя (921–1005), «Рэкирин» («О календаре», 10 свитков) Камо-но Ясунори (917–977), «Оммё: дзассё» Камо-но Изёси²⁸. Из пере-

---

²³ Текст с похожим названием объемом в один свиток упоминается в «Синь Тан шу», в качестве автора указан Люй Цай.

²⁴ В японских и китайских каталогах не упоминается, но упоминается в трактатах *онъёдзи* и в хронике «Хонтё: сэйки» — «Записи о правлении [государей] Японии», сост. Фудзивара-но Митинори (1106–1159), охватывает 935–1153 гг.). Хонтё: сэйки / Кокуси тайкэй. Токио, 1964. Т. 9. С. 626.

²⁵ «Су яо цзин» — яп. «Суку ё: кё:», полное название переводится как «Сутра о счастливых и несчастливых часах и днях и о благоприятных и неблагоприятных звёздах и созвездиях, рассказанная бодхисаттвой Манджушри и другими святыми», переведена на китайский Амгхаваджрой (705–774).

²⁶ Нихон коку гэндзай сё мокуроку. Сю:сё: то кэнкю: (Каталог книг, имеющихся в Японии. Сверенный текст и исследование). Сост. Фудзивара-но Сукэё. Ред. Ядзима Гэнрё:. Токио, 1984. С. 151–182.

²⁷ Руйдзю кокуси (Классифицированная национальная история) / Кокуси тайкэй. Т. 6. Токио, 1964. С. 104.

²⁸ Эти сочинения перечислены в каталоге «Хонтё: сёсэки мокуроку» («Каталог книг Японии», сост. во 2-й пол. XIII в.). Скорее всего, «Дзихи-

численных работ сохранились только трактаты Абэ-но Сэймэя и Камо-но Изёси.

Судя по всему, корпус китайских текстов, сформировавшийся к X в. в Японии, был весьма неоднороден, кроме того, различные японские специалисты по «искусству *инь* и *ян*» (яп. *оммё:до:*) имели доступ к разным частям этого корпуса. Следует также учитывать, что чтение китайских сочинений само по себе было весьма сложной задачей для японцев. Очевидно, составители первых японских трактатов по *оммё:до:* стремились обобщить информацию, почерпнутую из известных им китайских источников и представить результаты своей работы в концентрированном виде²⁹.

Приведем несколько примеров, на основании которых можно составить представление о модели становления «искусства *инь* и *ян*» в Японии.

В записи хроники «Сёку Нихон ко:ки» от 841 г. говорится, что *онъёдзи* Харудзоно-но Таманари привез из Китая сочинение под названием «Нань и» и познакомил с ним студентов Оммё:рё.³⁰ Обладание редкими китайскими текстами позволило Харудзоно-но Таманари стать одним из авторитетных специалистов в области календаристики. Так, в разделе «Благоприятные дни трех сокровищ» «Оммё: рякусё» говорится: «В отношении «благоприятных дней трех сокровищ» существует [три] трактовки: министра Киби³¹, монаха-брахмана³² и Харудзоно-

но Мурадзи Икай» — искаженное написание какого-то иного имени. Вада Хидэмацу. Хонтё: сёсэки мокуроку ко:сё: (Исследование «Каталога книг Японии»). Токио, 1936. С. 499–502.

²⁹ Такого мнения придерживается известный исследователь *оммё:до:* Накамура Сё:хати. *Накамура Сё:хати*. Указ. соч. С. 11.

³⁰ «Сёку Нихон ко:ки» — «Продолжение “Поздних записей о Японии”», сост. в 869 г. Возможный перевод названия «Нань и» — «Сложные обряды» или «Сложные [вопросы искусства] *инь* и *ян*». Это сочинение не упоминается ни в китайских, ни в японских каталогах. Сёку Нихон ко:ки, Дзё:ва 8-1-23 (841).

³¹ Киби-но Макиби (695?–775), государственный деятель и ученый, правый министр. Провел 18 лет в танском Китае (717–735), откуда привез множество книг, в частности, «Календарь Пятидесяти» («Да-янь ли», см. ниже).

³² Буддийский монах Бодхисена (704–760), прибыл в Японию из Китая в 736 г. В 751 г. стал *со:дзё:* (самый высокий чин в японской

но Таманари. Календаристы пользуются трактовкой министра [Киби] и, основываясь на ней, записывают в календарях указания [о благоприятности или неблагоприятности того или иного дня]. Но прочие [специалисты] считают, что эти дни неблагоприятны и не пользуются трактовкой [Киби-но Макиби]»³³.

В отличие, например, от процесса развития в Японии буддийской традиции, важную роль в котором и как средство легитимации, и как канал передачи обрядовых практик играли личные контакты с китайскими и индийскими монахами, развитие «искусства *инь* и *ян*» в Японии с начиная с сер. IX в. происходило с опорой преимущественно на китайские тексты. Так, в записи «Нихон Монтоку тэнно: дзицуроку» от 853 г. говорится: «Оммё:рё: докладывает: «Во всех провинциальных и уездных [управах], а также в женском и мужском монастыре каждой провинции необходимо, согласно методу, описанному в книгах по [искусству] *инь* и *ян*, каждый год проводить усмирение разрушительного *ци*». Надо следовать этому»³⁴.

Таким образом, японское «искусство *инь* и *ян*», одной из составляющих которого было учение о запретах, складывалось из элементов многих материковых традиций (индийской астрономии, китайской военной мысли, астрологии, календаристики, даосизма и т. д.). Особенности структуры и бытования комплекса китайских текстов по «искусству *инь* и *ян*», который сформировался в Японии к IX в. (неоднородность; ограниченность доступа к текстам; сложность текстов для понимания), обусловили неизбежность дискуссий и сосуществования различных трактовок в отношении одних и тех же понятий.

Параллельно процессу становления *оммё:до:*, протекавшему в институциональных рамках Оммё:рё:, шел процесс распространения практик и представлений, связанных с «искусством *инь* и *ян*», и, в частности, с запретами в среде аристократии. Справедливо считается, что в этом процессе важную роль иг-

---

буддийской иерархии), руководил обрядом «открытия глаз» статуи Будды в храме Тодайдзи в 752 г.

³³ Оммё: рякусё. Указ. соч. С. 163.

³⁴ «Нихон Монтоку тэнно: дзицуроку» — «Истинные записи о [правлении] государя Монтоку в Японии», сост. в 879 г. *Фудзивара-но Мотоцунэ* и др. Нихон Монтоку тэнно: дзицуроку, Ниндзю 3-12-8 (853).

рали календари, которые были для аристократов (наряду с личным общением со специалистами Оммё:рё:) одним из основных источников информации о запретах³⁵.

Несмотря на то, что количество фрагментов календарей VIII–IX вв., сохранившихся до наших дней, невелико³⁶, на основании имеющихся материалов можно составить представление о структуре и внешнем виде календаря. Особый интерес в этом отношении представляют три сравнительно больших фрагмента календарей на 746, 749 и 756 гг. из хранилища Сё:со:ин. Как и все календари до XIII в., эти календари имеют форму *гутю: рэки* — «календаря с подробными указаниями» относительно благоприятности или неблагоприятности того или иного дня. Все записи в календарях *гутю: рэки* делались иероглифами. Начиная с XIII в. распространение получили календари *кана гоёми*, в которых те же указания и часть служебных обозначений записывались фонетической азбукой, что делало их понятными для простолюдинов³⁷. Опишем принципы организации календаря *гутю: рэки*.

В начальной части календаря указывался девиз правления, номер года, количество дней в году, приводился список «больших» (30 дней) и «малых» (29 дней) месяцев. Затем описывалась астрологическая картина на год: положение «восьми божеств» и божества Тоситоку (кит. Суйдэ)³⁸. После этого в календаре на 756 г. (это единственный из календарей VIII–IX в., у которого сохранилась начальная часть) перечислены благоприятные и неблагоприятные дни четырех категорий (*дзё:кити* — очень благоприятные, *дзикити* — благоприятные, *кэйкё:* — неблагоприятные, *куэнити*, «дни, когда собирается зло», — самые неблагоприятные) и десять особых дней, благоприятных или неблагоприятных для определенных действий.

---

³⁵ *Ямасита Кацуаки*. Оммё:до: ни окэру тэнкё но ко:сацу (Исследование текстов по оммё:до:) / Оммё:до: со:сё. Т. 1. Токио, 2000. С. 207.

³⁶ В результате археологических раскопок были обнаружены фрагменты тринадцати календарей, датирующиеся 729–848 гг. *Сато: Макото*. Сюудо: сирё:-но кодайси (Древняя история и материалы раскопок). Токио, 2002. С. 36. В хранилище Сё:со:ин сохранились три фрагмента календарей 746, 749 и 756 гг.

³⁷ Самый древний из сохранившихся календарей *кана гоёми* датируется 1229 г. *Хиросэ Хидэо*. Коёми (Календарь) / Нихон си сё хякка. Т. 5. Токио, 1984. С. 152.

³⁸ См. Приложение.

Свиток с основной частью календаря был разделен на две горизонтальные части. Сверху обозначались дни месяца, а в нижней части свитка помещались указания относительно того, для чего благоприятен и для чего неблагоприятен каждый конкретный день.

В рассматриваемом календаре на 756 г. содержится всего два указания относительно запретных направлений. В начальной части говорится, что в направлении, где в течение всего года находится Тайсай, нельзя производить земельные работы, так как земля может провалиться; далее говорится, что направление, где в течение года находится Тоситоку, благоприятно для всех действий.

Согласно «Энгисики», календаристы должны были представить предназначенный для государя календарь *гутю: рэки* (яп. *гутю: горэки*) в Оммё:рё: до 1 дня 8 месяца, календарь «семи светил» (яп. *ситиё: горэки* — особый календарь для государя, в котором подробно отмечалось положение небесных тел, подавался государю в 1 день 1 месяца³⁹) — до 11 дня 12 месяца, календари *гутю: рэки*, предназначенные для рассылки в столичные и провинциальные ведомства (яп. *ханрэки*) — до 21 дня 8 месяца⁴⁰. Согласно своду законов «Ё:ро: рицурё:», Оммёрё должно было представлять календарь на следующий год в Тю:мусё: (Министерство центра) до 1 дня 11 месяца, после чего Тю:мусё: осуществляло церемонию поднесения календаря государю⁴¹. Согласно «Энгисики», объем *гутю: горэки* составлял 2 свитка (первый свиток охватывал первую половину года, второй — вторую), объем *ситиё: горэки* — 166 свитков⁴². Очевидно, со временем круг адресатов *ханрэки* сокращался: так, в обрядовом своде второй половины X в. «Сайгу: ки» говорится уже о 120 свитках *ханрэки*⁴³.

³⁹ Сайгу: ки / Синто: тайкэй. Тё:ги сайси хэн. Т. 2. Токио, 1993. С. 316.

⁴⁰ Энгисики — «Внутриведомственные инструкции годов Энги», сост. к 927 г., введены в действие в 967 г. Энгисики / Кокуси тайкэй. Т. 26. Токио, 1972. С. 436.

⁴¹ «Ё:ро: рицурё:» — «Законы „Рицу“ и „рё:“ годов Ё:ро: (717–724)», сост. в 718 г. под руководством Фудзивара-но Фухито (659–720), введен в действие в 757 г. Рицурё:. Указ. соч. С. 476.

⁴² Неясно, означает ли это, что всего календарей на год было 83 или 166. Энгисики. Указ. соч. С. 435.

⁴³ «Сайгу: ки» — «Записи из правой части столицы», сост. Минамото-но Такаакира (914–982). Сайгу: ки. Указ. соч. С. 294.

Причиной ослабления и прекращения функционирования системы централизованного распределения календарей к X в. были сложности, которые Оммё:рё: испытывало в связи с получением бумаги из Дзусё:рё: — архивного отдела Тю:мусё:⁴⁴. Тем не менее, сама традиция календарного дела продолжила свое существование, но уже не в системе государственного аппарата, а преимущественно в «горизонтальной» системе экономических отношений непосредственно между календаристами и аристократами: первые свидетельства о том, что календаристы составляли календари по частным заказам аристократов, используя предоставленную для этих целей бумагу и получая за это вознаграждение, относятся к XI в.⁴⁵. Известны также случаи копирования календарей в канцеляриях аристократических родов. В процессе копирования могла опускаться начальная часть календаря, а также записи о запретах⁴⁶.

В рассматриваемый период свитки календарей использовались аристократами в качестве носителя личных дневниковых записей: при переписывании календаря между днями специально оставляли пустое пространство в несколько строк (яп. *мааки*), как это видно, например, по фрагменту календаря на 987 г., наиболее древнему из сохранившихся оригиналов хэйанских ка-

⁴⁴ В записи «Хонтё: сэйки» от Тэнгё: 4-11-1 (941) говорится: «Тю:мусё: поручило календаристам Оммё:рё:, как и прежде, составить [*гутю:*] *горэки* и *ханрэки*, но сегодня государь не соизволил [появиться] в Южном павильоне [церемония поднесения календаря проводилась в павильоне Сисиндэн, который находился на южной стороне центральной части дворца]. Распорядитель церемонии обратился в Гэкикёку [один из отделов Дадзё:кан, Высшего государственного совета], и поднести государю *горэки* было приказано *найси* [фрейлинам]. *Ханрэки* также передали в Гэкикёку. Свитков *ханрэки* было не столько, сколько обычно, а всего 11. Оммё:рё: донесло, что ответственные за бумагу сказали, что бумаги нет, и не предоставили бумаги, поэтому составили столько [календарей], насколько хватило [бумаги]». Хонтё: сэйки. Указ. соч. С. 68. В записи «Хонтё: сэйки» от Сё:ряку 4-11-1 (993) говорится: «В этом году Дзусё:рё: не предоставило бумаги, поэтому *ханрэки* не составлялись. <...> Раньше такого не было». Хонтё: сэйки. Указ. соч. С. 171.

⁴⁵ В «Сё:ю:ки» (Тё:ва 3-10-2, 1014) говорится: «Онъё:дзи Каса-но Ёситака доставил новый календарь (бумага была выдана вчера), и ему было даровано *хики* [21,2 м] шелка».

⁴⁶ *Ямасита Кацуаки*. Ханрэки сэйдо-но хо:кай то рэкикэ Камо си (Распад системы ханрэки и род календаристов Камо) / Оммё: со:сё. Т. 4. Токио, 1993. С. 344–345.

лендарей⁴⁷. К концу периода Хэйан ведение дневника становится обычной практикой не только для государя, канцлера (яп. *кампаку*) или регента (яп. *сэссё*), но и для менее знатных аристократов.

Таким образом, составить представление об особенностях календарей X в. можно на основе анализа дневниковых записей этого периода. Например, сравнение дневника Фудзивара-но Тадахира (880–949) «Саданобу-ко: ки»⁴⁸ с рассмотренными выше календарями VIII в. показывает, что к X в. список календарных запретов расширился за счет запретов из сутры «Су яо цзин». Так, в записи «Саданобу-ко: ки» от 13 дня 4 лунного месяца 20 года Энги (920) обозначено, что этот день является «днем ракшаса» (яп. *расэцу*) — согласно «Су яо цзин», днем, неблагоприятным для любых дел⁴⁹.

Как было показано выше, положение «восьми божеств» отмечалось в японских календарях уже в сер. VIII в. В календарях непосредственно упоминались запреты на направления, связанные с Тайсай и Тоситоку. Также, согласно указу от 757 г., *онъёдзи* предписывалось изучать «Синьсюань инь ян шу», в котором, судя по цитатам из этого сочинения, упоминался, в частности, запрет, связанный с божеством Дайсё:гун⁵⁰. Тем не менее, в источниках периодов Нара и Хэйан отсутствуют упоминания о соблюдении запретов, связанных с божествами Тоситоку, Дайон, Сайкё:, Сайха, Сайсэцу, О:бан, Хё:би, входившими в число «восьми божеств», а единственное упоминание о

---

⁴⁷ Момо Хироюки. Рэкихо:-но кэнкю: (Исследования по календаристике) / Момо Хироюки тэсаку сю:. Т. 7. Токио, 1990. С. 10–14.

⁴⁸ Фудзивара-но Тадахира — видный государственный деятель периода Хэйан, четвертый сын *кампаку* Фудзивара-но Мотоцунэ (836–891), с 930 г. *сэссё*: при государе Судзаку (923–952, правил 930–946), с 941 г. — *кампаку*. Сам дневник «Саданобу-ко: ки сё:», составленная сыном Фудзивара-но Тадахира, Фудзивара-но Санэёри (900–970). Тем не менее, считается, что Санэёри сохранил часть оригинальных «примечаний» относительно благоприятности или неблагоприятности дней. *Ямасита Кацуаки*. Указ. соч. С. 345, 354.

⁴⁹ Рэкирин мондо: сю: («Собрание вопросов и ответов о „Рэкирин“») / Накамура Сё:хати. Нихон оммё:до: сё но кэнкю:. Токио, 2001. С. 395.

⁵⁰ См. прим. 19.

запрете, связанном с положением Тайсай, содержится в записи от 1023 г. из дневника правого министра Фудзивара-но Санэ-сукэ (982–1032) «Сё:ю: ки», где приводится докладная записка Камо-но Тадаюки от 952 г. с обоснованием причин запрета на строительство ворот к северу от чьей-то усадьбы⁵¹. В числе прочих причин в докладной записке упоминается и положение Тайсай: «В «Ли ли» говорится, что [направление], где находится Тайсай, неблагоприятно для того чтобы атаковать, рыть землю, предпринимать любые действия. В нынешний год Тайсай находится в направлении «крыса».

Японские и западные исследователи *оммё:до:* традиционно считают, что до сер. IX в. в Японии отсутствовало явление запретных направлений, а первое свидетельство о соблюдении подобных запретов относится к 859 г. Заметим, что в хронике «Нихон ко:ки» содержится запись от 810 г., которая свидетельствует о том, что запреты на направления были известны уже в IX в.: «В государевом указе от Дайдо: 2-9-28 (807) говорится: «Предсказатели толкуют пустое, говоря о тысяче опасностей. Гадатели лгут, сообщая о десятках тысяч запретов. <...> О том, что Сё:гун перемещается в четырех средних направлениях. Обо всем этом говорится в книгах по гаданию, но эти сочинения не отражают истины. Изволим, основываясь на заветах мудрецов и святых, отказаться от указаний в календарях». Министры подумали и сказали: «Указания в календарях использовались [многими] поколениями государей. Браки между мужчинами и женщинами — залог увеличения населения. Труд крестьян — основа государства. Нижайше просим использовать, как раньше, указания в календарях, чтобы восстановить порядок среди вещей»⁵². Фраза «Сё:гун перемещается в четырех средних направлениях» представляет собой неточную цитату из «Ли ли» или «Синьсюань инь ян шу»: «Дайсё:гун — дух Венеры, высший гость на Небе, правитель дворца Великого Единого — Цзывэй. Он не появляется в четырех младших направлениях, но всегда перемещается в четырех старших направлениях точно в одном направлении. Меняет положение раз в три года. [В направлении, где находится Дай-

---

⁵¹ Сё:ю: ки, Дзиан 3-9-2 (1023).

⁵² «Нихон ко:ки» — «Поздние записи о Японии», сост. в 840 г. Нихон ко:ки, Ко:нин 1-9-28 (810).

сё:гун], нельзя совершать никаких действий»⁵³. «Четыре младших направления», согласно «Оммё: рякусё», — направления «тигра», «обезьяны», «змеи», «свиньи»⁵⁴. «Четыре старших направления» — это, очевидно, направления «крысы», «зайца», «лошади» и «петуха». Таким образом, приведенная цитата свидетельствует о том, что уже в IX в. календаристам был известен цикл перемещений Дайсё:гуна (скорее всего, по «Синьсюань инь ян шу») и они сообщали государю о соответствующих запретах.

С сер. IX в. начинают практиковаться и другие запреты на направления. В обрядовых сводах «Сайгу: ки» и «Бокудзан сё:» цитируется запись от 910 г. из несохранившегося дневника государя Дайго (885–930, правил 897–930) «Дайго тэнно: гоки»: «Послал Киёцура⁵⁵ узнать у правого министра [Фудзивара-но Токихира]⁵⁶, что делали в случае закрытого направления (яп. *катасимари*) в то время, когда он служил отрекшемуся государю [Уда (867–931, правил 887–897)]. Министр [Токихира] сказал: «В предыдущее правление не воздерживались (яп. *ими*) [от направлений] Накагами и Тайхаку. Эти [запреты соблюдались] со времени годов Дзё:ган [859–877]. Что касается более позднего периода, когда я служил отрекшемуся государю [Уда], то о случаях закрытых направлений мне не известно. Правда, отрекшийся государь Нинва⁵⁷ однажды воздержался от подношения еды божествам *ками*, избегая запрета (яп. *ими-о сакэру*)»⁵⁸.

В хронике «Нихон сандай дзицуроку», которая составлялась под руководством Фудзивара-но Токихира, действительно со-

---

⁵³ Согласно «Оммё: дзассё», так говорится в «Ли ли». Оммё: дзассё. Указ. соч. С. 95. Согласно «Сёю:ки» (Каннин 4-10-23, 1020) и «Рэкирин мондо: сю», так говорится в «Синьсюань инь ян шу». Рэкирин мондо: сю: Указ. соч. С. 364. «Рэкирин мондо: сю» — «Собрание вопросов и ответов о „Рэкирин“, сост. в 1414 г. Камо-но Ариката (?–1444).

⁵⁴ Оммё: рякусё. Указ. соч. С. 155.

⁵⁵ Фудзивара-но Киёцура (867–930).

⁵⁶ Фудзивара-но Токихира (871–909) — видный государственный деятель периода Хэйан, первый сын кампаку Фудзивара-но Моточунэ (836–891), с 901 г. правый министр.

⁵⁷ Государь Уда.

⁵⁸ Дайго тэнно: гоки, Энги 3-6-10 (910). Сайгу: ки. Указ. соч. С. 191. Бокудзан сё / Синто: тайкэй. Тё:ги сайси хэн. Т. 3. Токио, 1993. С. 82. «Бокудзан сё:» — «Записи с Северной горы», обрядовый свод, сост. Фудзивара-но Кинто: (966–1041).

держатся две записи о соблюдении запретов на направления, относящиеся к годам Дзё:ган. В записи от 859 г. говорится: «Государыня переехала из Восточного дворца в усадьбу правого министра [Фудзивара-но Ёсими (811–867)], находящуюся на Третьей улице в западной части столицы. В прошлом году, в 29 день 8 луны, государыня, разделив повозку с государем, переехала из Рэйдзэй-ин в Восточный дворец⁵⁹. Сейчас она хотела отправиться в дворец на Пятой улице, но на некоторое время переехала в усадьбу министра, чтобы избежать запрета (*ими-о сакэру*)»⁶⁰. В записи от 865 г. говорится: «Государь [Сэйва (850–880, правил 858–876)] переехал из Восточного дворца в палаты Дайдзё:кан⁶¹. В 11-ю луну он собирался переехать во дворец, но Оммё:рё: сообщило, что так как государь родился в год лошади старшего брата металла, в нынешнем году направление «пресечения жизни» (яп. *дзэцумё:*) для него — *кань* (северо-запад). Государев дворец находится в направлении *кань* от Восточного дворца. Поэтому постановили избегать этого [направления]»⁶².

Одними из немногих источников, содержащих информацию о функционировании запретов на направления в сер. X в., являются обрядовые своды «Сайгу: ки» и «Бокудзан сё:», в которых, наряду с непосредственными описаниями придворных обрядов, содержится большое количество цитат из несохранившихся дневников государей и аристократов. Так, упомянутый выше отрывок из «Дайго тэнно: гоки», в котором описывается консультация государя Дайго с Фудзивара-но Токихира, произошедшая накануне государева выезда из дворца с целью совершения подношения божествам в рамках обряда *канъи-макэ* (осуществляется в 11 день 6 и 12 месяцев), был призван, по замыслу составителей «Сайгу: ки» и «Бокудзан сё:», в ряду прочих цитат проиллюстрировать прецеденты отмены или пе-

---

⁵⁹ Рэйдзэй-ин находился к юго-востоку от территории Дайдайри, на которой располагался государев дворец (Дайри) и правительственные учреждения. Восточный дворец (То:-гу:) — место жительства государыни, располагался в Дадайри к юго-востоку от Дайри.

⁶⁰ Нихон сандай дзицуруку, Дзё:ган 1-4-18 (859).

⁶¹ Здание Дадзё:кана (Большого государственного совета) располагалось к югу от Дайри.

⁶² Нихон сандай дзицуруку, Дзё:ган 7-8-21 (865). Запрет на направление *дзэцумё:* — один из запретов, связанных с «восемью триграммами», см. Приложение.

реноса времени государева выезда из-за действия запрета на направление. В «Бокудзан сё:» эта цитата из «Дайго тэнно: гоки» приводится под заголовком «Отмена выезда в случае действия запрета на направление» вместе со следующей цитатой из не-сохранившегося дневника Фудзивара-но Моросукэ «Кю: рэки»: «Государыня⁶³ сказала: «В правление [государя Дайго] в годы Энги [901–923], хоть направление [выезда] и было закрытым (яп. *катафусагари*), но запрет не соблюдали и [для совершения обряда *канъимаке*] выезжали в час овна [13:00–15:00] и возвращались в час тигра [3:00–5:00]. Политический советник (яп. *санги*) [Фудзивара-но Тадахира] ответил: «Либо не будем соблюдать запрет, либо будем собирать чиновников [для проведения обряда]. Думается, что если не совершать выезд, можно будет избежать трудностей». И он сказал секретарям Дайдзё:кан (яп. *гэки*), что выезд не состоится»⁶⁴.

В «Бокудзан сё» приводится ряд примеров изменения времени проведения обряда *канъимаке* в связи с действием запрета на направление: «Тэнгё 3-11 (948). Накагами в направлении «петух». [Государь] вернулся во дворец в третьей четверти часа крысы [0:00–0:30]. Тэнряку 9-11 (955). Накагами в направлении «заяц». Необходимо вернуться во дворец до часа крысы»⁶⁵. В «Сайгу: ки» по этому поводу сказано: «В случае запрета на направление (*катаими*) — возвращаться во дворец [после совершения обряда] раньше или отменить выезд»⁶⁶. Для нашего исследования важно отметить, что приведенная цитата из «Сайгу: ки», по всей видимости, является одним из наиболее ранних случаев употребления термина *катаими*.

К X в. также относятся первые свидетельства о существовании практик, целью которых было изменение направления дей-

---

⁶³ Супруга государя Дайго Фудзивара-но Онси (Ясуко) (885–954), дочь *кампаку* Фудзивара-но Мотоцунэ (836–891).

⁶⁴ Кю: рэки, Тэнгё: 2-6-11, 939. Бокудзан сё: Указ. соч. С. 82. В дневнике самого Фудзивара-но Тадахира говорится, что в этот день запад был «закрытым направлением». Саданобу-ко: ки, Тэнгё: 2-6-11 (939).

⁶⁵ Там же. Обряд *канъимаке* проводился в павильоне Тю:ка-ин, находившемся к западу от Дайри, и государь выезжал из Дайри через западные ворота (Оммё:-мон). Следовательно, особое внимание уделялось запретам, связанным с направлениями «петуха» (запад) и «зайца» (восток).

⁶⁶ Сайгу: ки. Указ. соч. С. 183.

ствия запрета. Такие практики получили название *кататагаэ* («изменение направления») или *ими-о тигаэру* («изменять [действие] запрета»). Термин *кататагаэ* впервые упоминается в предисловии к стихотворению Ки-но Томонори из антологии «Кокин вака сю:» (№ 876): «Когда [поэт] пришел в чужой дом для того, чтобы совершить *кататагаэ*, хозяин предложил ему собственное платье...»⁶⁷. Фудзивара-но Тадахира называет, очевидно, похожие действия *ими-о тигаэру*: «Чтобы изменить действие запрета [на направление], остался на ночь в ведомстве [Тайра-но Токимоти], главы ремонтной службы дворца»⁶⁸.

Как это следует из источников XI–XII вв., «изменение действия запрета», в частности, могло состоять в том, чтобы определенное время, предшествующее моменту появления божества (от одного до 45 дней), провести вне дома, в результате чего божество появлялось на территории, находящейся в определенном направлении от такого временного жилища, а не от собственной усадьбы. Такие действия совершались в том случае, если нельзя было, например, избежать проведения строительных работ в направлении, на которое в скором времени будет распространяться запрет. Например, в 18 день 2 лунного месяца 2 года Тё:ва (1013) к югу от усадьбы *кампаку* Фудзивара-но Митинага (966–1027) Цутимикадо-дэн должно было начаться сооружение одного из павильонов в храме Хо:ко:-дзи, и с 14 по 19 дни этого месяца (пять дней с дня крысы старшего брата огня) Дайсёгун должен был находиться на юге. В 11 день 2 лунного месяца Митинага переезжает в усадьбу Минамото-но Масамити, которая находилась на Третьей улице (Сандзё:), то есть к югу от Хо:ко:-дзи⁶⁹.

Перед тем как перейти к рассмотрению функционирования запретов на направления в XI–XII вв., подытожим наши рассуждения относительно истории комплекса таких запретов в период VIII–X вв.

---

⁶⁷ Кокин вака сю:. Прим. Сазки Умэтомо. Токио, 1989. С. 205. «Кокин вака сю:» — «Собрание старых и новых песен», поэтическая антология, сост. по указу государя Дайго в 905 г.

⁶⁸ Саданобу-ко: ки, Энтё: 4-8-18 (926).

⁶⁹ Мидо: кампаку ки, Тё:ва 2-2-11 (1013).

Очевидно, запреты на направления были известны придворным чиновникам уже в сер. VIII в. Первые дискуссии о необходимости соблюдения таких запретов (а именно запрета, связанного с Дайсё:гуном) относятся к IX в. Их итогом стало признание того, что соблюдение запретов — один из важных факторов поддержания миропорядка. С сер. IX в. вводятся запреты, связанные с божествами Накагами и Тайхаку, но в течение X в. эти запреты соблюдаются нерегулярно. Запрет, связанный с Тайхаку, был заимствован из «Су яо цзин», и его введение, очевидно, являлось частью более широкого процесса распространения запретов из «Су яо цзин» в течение IX в.

Для обозначения запретного направления использовались термины *катасимари* и *катафусагари*; в случае соблюдения запрета, то есть отказа от перемещения в запретном направлении, использовалось выражение *ими-о сакэру*. К X в. уже были известны способы изменения направления действия запрета, такие практики получили название *кататагаэ* или *ими-о тигаэру*. Термин *катаими* для обозначения запрета на направление, по всей вероятности, начинает употребляться не ранее X в.

Период XI–XII вв. является одним из наиболее хорошо документированных периодов японского средневековья: сохранилось более трех десятков дневников государственных сановников, в которых дается подробнейшее описание событий придворной и частной жизни аристократов этой эпохи. К этому же периоду относятся и самые ранние из сохранившихся японских сочинений, посвященных календарным запретам: «Оммё: дзасё» Камо-но Изёси и «Оммё: рякусё» Абэ-но Ясутика.

В хэйанских источниках упоминаются запреты *катаими*, связанные с божествами Дайсё:гун, Накагами, Доку, Тайхаку, О:со:, Кондзин и с «восемью триграммами». Весьма часто запреты упоминаются без указания их причины. Так, в записи из дневника *кампаку* Фудзивара-но Митинага (966–1027) «Мидо: кампаку ки» от 1004 г. говорится: «Пошел во дворец. Принцесса крови Окисада изволит мучаться от теплового удара. Из-за *катаими* ночью вернулся [домой]»⁷⁰. В данном случае можно установить причину запрета: усадьба Митинага, Цутимикадо-дэн,

---

⁷⁰ Мидо: кампаку ки, Канко: 1-доп. 9-25 (1004).

находилась к востоку от дворца, а в 25 день месяца Тайхаку располагается на западе, следовательно, Митинага не мог провести ночь во дворце, так как направление дворца являлось запретным. Запрет, связанный с Тайхаку, чаще других запретов упоминался в дневниках, т. к. считалось, что Тайхаку менял положение каждый день и три раза в месяц (в 5, 15 и 25 дни) оказывался на западе, то есть ограничивал пребывание во дворце государственных сановников, чьи усадьбы в основном находилось в северо-восточной части столицы, т.е. к востоку от дворца⁷¹.

В рассматриваемый период аристократы получали информацию о запретах из календарей, от своего окружения и благодаря консультациям с *онъёдзи* (в этот период ведущие позиции в Оммё:рё: занимали представители родов Абэ и Камо), причем сведения, полученные из разных источников, могли не совпадать. Так, например, в «Мидо: кампаку ки» содержится следующая запись от 1015 г.: «Временный старший советник (яп. *гон-дайнагон*) [Фудзивара-но Ёримити]⁷² сказал, что, согласно докладу [Абэ-но] Ёсихира⁷³, государыня [Кэнси]⁷⁴ может въехать во дворец в 3 день следующей луны, но [Ёримити] посмотрел в календарь [и обнаружил], что с последнего дня луны Накагами находится на западе, и непонятно, как следует поступать. Вызвали Ёсихира и спросили его об этом. Тот не смог ничего возразить и сказал, [что тогда можно будет въехать во дворец] в 28 день 11-й луны. Я доложил об этом государю через командующего 2-го класса (яп. *тюдзё:*) — главу Куро:до:-докоро⁷⁵. Государь ответил, что государыня может въехать во дворец, осуществив *кататагаэ*, но я доложил, что это невоз-

---

⁷¹ Подробнее об этом см. *Кано: Сигэфуми*. Кататагаэ ко: (О кататагаэ) / Тю:ко бунка, 24. Кобэ, 1979. С. 46. *Кано: Сигэфуми*. Кататагаэ ко: (О катаими) / Акита дайгаку кё:ику гакубу кэнкю: киё: (дзимбун какаку, сякай какаку), 23. Акита, 1972. С. 165.

⁷² Фудзивара-но Ёримити (992–1074) — первый сын Фудзивара-но Митинага.

⁷³ Абэ-но Ёсихира (954–1026) — *онъёдзи*, сын Абэ-но Сэймэя.

⁷⁴ Фудзивара-но Кэнси (994–1027) — дочь Фудзивара-но Митинага, с 1012 г. супруга (*тюдзю:*) государя Сандзё: (976–1017, правил 1011–1016).

⁷⁵ Куро:до:-докоро — «Архивное управление», с IX в. — секретариат при государе.

можно»⁷⁶. Кэнси находилась в усадьбе Бива-дэн, располагавшейся к востоку от дворца, а в период с 30 дня 10 лунного месяца по 4 день 11 лунного месяца Накагами должен был быть на западе, поэтому в 3 день 11 лунного месяца перемещаться из Бива-дэн во дворец было нельзя. Отметим, что Митинага отказался от идеи совершить *катагаэ*, что позволило бы Кэнси въехать во дворец раньше, стремясь, очевидно, обеспечить максимальную ритуальную защиту для своей дочери, которая могла стать матерью наследника престола.

Случай спора между двумя *онъёдзи* по поводу запрета, связанного с Накагами, описан в «Сё:ю: ки». В записи от 1014 г. Фудзивара-но Санэсукэ сообщает следующее⁷⁷:

«Сегодня в час зайца [15:00–17:00] будут крыть крышу спальни корой *хиноки*.

[Камо-но] Мицүёси⁷⁸ Асоми докладывал: „Тайсай в направлении \"тигр\", 2-я луна — луна звезды Тинсэй⁷⁹, в 8 день 3-й луны Накагами поднимается на небо, 4-я луна — луна звезды Синсэй⁸⁰, в 5-ю луну следует воздержаться [от проведения работ], 6-я луна — луна звезды Кэйгокусэй⁸¹, в 9 день 7-й луны Накагами поднимается на небо, 8-я луна — луна звезды Тинсэй, в 9-ю луну следует воздержаться [от проведения работ], 10-я луна — луна звезды Тайхакусэй⁸², в 11 день 11-й луны Накагами поднимается на небо, 11-я луна — луна звезды Сайсэй⁸³ (доклад был представлен в 5 день 2-й луны, поэтому о 1-й луне года не говорится). В дни и луны пяти звезд надо особо воздерживаться от того, чтобы рыть землю и крыть крыши. Когда Накагами поднимается на небо, также воздерживаться от того, чтобы крыть крыши. Итак, в настоящем году в зависимости от луны существуют различные запреты на то, чтобы крыть крышу в спальне. Начать крыть крышу следует в час зайца 6 дня 3-й луны (день зайца младшего брата металла), в 8 день (день змеи младшего брата воды) остановить работы, в 27 день (день крысы старшего брата воды) продолжить крыть крышу, в 1 день 4-й луны (день

---

⁷⁶ Мидо: кампаку ки, Тё:ва 4-9-26 (1015).

⁷⁷ Сё:ю: ки, Тё:ва 3-3-6 (1014).

⁷⁸ Камо-но Мицүёси (939–1015) — календарист, сын Камо-но Ясунори.

⁷⁹ Тинсэй — Сатурн.

⁸⁰ Синсэй — Меркурий.

⁸¹ Кэйгокусэй — Марс.

⁸² Тайхакусэй — Венера.

⁸³ Сайсэй — Юпитер.

дракона старшего брата огня) остановить работы, в 7 день 7-й луны (день зайца младшего брата металла) продолжить крыть крышу, в 9 день (день змеи младшего брата воды) остановить работы“. <...>

Люди сказали: „После начала работ не надо соблюдать запреты, связанные с месяцами пяти звезд. О том, что Накагами поднимаются на небо, никогда прежде не слышали. Не обязательно соблюдать такие строгие запреты“.

Мицүёси возразил: „[Когда речь идет о] спальне, необходимо особо строго соблюдать запреты“.

[Абэ-но] Ёсихира сказал: „О Накагами знают не все. <...> Со дня змеи младшего брата воды Накагами пять дней пребывает во дворце Сё:ё:-кю: (кит. Чжаояо-гун). Со дня собаки старшего дня земли Накагами пять дней пребывает во дворце Тайби-кю: (кит. Тайвэй-гун). Со дня зайца младшего брата воды Накагами один день пребывает во дворце Ко:тэн-кю: (кит. Хуантянь-гун). Со дня дракона старшего брата дерева Накагами пять дней пребывает во дворце Сибо:-кю: (кит. Цзыфан-гун). Всего на небе он пребывает 16 дней, а на земле — 45 дней. Когда Накагами во дворце Сё:ё:-кю:, нельзя проводить строительные работы и пилить лес. Когда Накагами во дворце Тайби-кю:, нельзя устанавливать ворота и двери, сооружать очаги, рыть колодцы. Когда Накагами во дворце Ко:тэн-кю:, нельзя возносить молитвы богествам. Когда Накагами во дворце Сибо:-кю:, нельзя копать землю. Когда Накагами в Центральном дворце, нельзя воевать. Еще говорится⁸⁴: "Проводить строительные работы нельзя, когда Накагами находится на небе, во дворце Сё:ё:-кю:. В остальные же дни, когда Накагами находится в других дворцах, следует воздерживаться от различных действий, но только в течение пяти дней со дня змеи младшего брата воды нельзя проводить строительные работы. После этого не надо воздерживаться от строительства". После начала работ совсем не обязательно соблюдать запреты. И запреты, связанные с месяцами пяти звезд, следует соблюдать только при начале работ. Согласно главе о запретах, которые следует соблюдать строго, следует соблюдать запрет в месяцы звезды Кэйгокусэй и в месяц звезды Тинсэй“. <...>

На следующий день обратился к Мицүёси, и тот ответил: <...> „Говорится, что "в течение пяти дней со дня змеи младшего брата воды, [когда Накагами] находится во дворце Сё:ё:-кю:, нельзя проводить строительные работы". Но фразы

---

⁸⁴ Очевидно, Абэ-но Ёсихира цитирует какое-то не сохранившееся до наших дней сочинение.

"после этого не надо воздерживаться от строительства" далее нет. А поскольку этой фразы нет, то [можно представить], что будет, если проводить строительные работы".

[Решение Фудзивара-но Санэсукэ]. Сегодня [3-6] работы начнутся, завтра продолжатся, послезавтра [3-8] будут приостановлены, и с 13 дня можно продолжать работы. После начала работ запреты соблюдать не обязательно».

Позже Фудзивара-но Санэсукэ так описал причины принятия этого решения: «Все мне сказали, что [после начала строительства] запреты соблюдать не надо и что о подобном никогда не слышали. [Камо-но] Мицүёси настаивал на своем, но я все обдумал [и решил], что запреты соблюдать не обязательно»⁸⁵.

Приведенный случай позволяет сделать ряд важных выводов в отношении модели бытования и воспроизводства практик, связанных с запретами. Если изначально монополия на информацию об «искусстве *инь* и *ян*» в силу особенностей процесса ее заимствования из Китая целиком принадлежала специалистам Оммё:рё:, а государь и аристократия выступали относительно пассивными реципиентами этой информации, то к XI в. ситуация существенным образом изменилась: аристократия накопила опыт соблюдения запретов и обладала определенными критериями для выбора «оптимального минимума» запретов. В рассматриваемом примере явно прослеживается напряжение между схемой, предлагаемой в тексте, на который ссылаются Камо-но Мицүёси и Абэ-но Ёсихира (очевидно, это один из несохранившихся китайских или один из первых японских трактатов), и мнением неназываемых «людей», которые не готовы принять столь строгую схему. Формально Камо-но Мицүёси оказывается прав, но Фудзивара-но Санэсукэ делает свой выбор, отдавая предпочтение не авторитету текста, а авторитету сложившейся практики. Позиция же Абэ-но Ёсихира представляет собой попытку компромисса: не отвергая схемы, описанной в трактате, он пытается привести ее в соответствие с практикой, то есть предложить заведомо приемлемое решение, используя для этого прием толкования по принципу «разрешено все, что не запрещено».

Важным событием в XI в. стало введение запрета, связанного с божеством Кондзин. История этого запрета подробно из-

---

⁸⁵ Сё:ю: ки, Тё:ва 3-4-1 (1014).

ложена в дневниках аристократов. Так, в дневнике главы Военного министерства (яп. *Хё:бусё:*) Тайра-но Нобунори (1112–1187) «Хё:хан ки» говорится⁸⁶: «[Запрет], связанный с Кондзином — «семью смертями»⁸⁷ то вводился, то отменялся на протяжении правлений [многих государей] с древних времен. [Глава Оммё:рё:] Камо-но Аринори, [его заместитель] Абэ-но Ясутика и другие чиновники доложили так: «В правление государя Сиракава [(1053–1129, правил 1072–1086)] Киёхара-но Садатоси Махито представил [государю] сочинение «Тайный календарь Кондзина» («Кондзин кэцурэки»). После этого доклада запрет был введен, но во время строительства храма Хоссё:-дзи и дворца Тоба-дэн ⁸⁸ [относительно этого запрета] разгорелись споры, и строительство завершили, отменив запрет. Но затем в правление отрекшегося государя Тоба [(1103–1156, правил 1107–1123)] ⁸⁹, [Киёхара-но] Нобутоси Махито в годы Тё:сё: (1132–1135) и Хо:эн (1135–1141) обращался [к отрекшемуся государю с просьбой ввести запрет]. На этом все не закончилось: в первый и второй годы Хо:гэн (1156, 1157) [Киёхара-но] Тосиясу и [Киёхара-но] Нобумори обращались ко двору, но специалисты по *оммё:до:*, историографы и специалисты по [конфуцианской] классике [из Дайгакурё:⁹⁰] представили доклад, после чего состоялся совет государственных сановников, и запрет был отвергнут⁹¹. Из Куро:до:-докоро были передано указание секретарям подготовить указ об этом⁹²».

---

⁸⁶ Хё:хан ки, Нинъан 3-6-22 (1168).

⁸⁷ См. Приложение.

⁸⁸ Строительство храма Хоссё:-дзи началось в 1075 г., а в 1086 г. для отрекшегося государя Сиракава на территории храма был построен Северный павильон. Строительство дворца Тоба для государя Сиракава началось после его отречения. Южный павильон был завершён к 1103 г. Следовательно, запрет, связанный с Кондзином, был отменен после 1086 г.

⁸⁹ Здесь под «правлением» отрекшегося государя Тоба подразумевается период после смерти отрекшегося государя Сиракава (1029 г.), в течение которого Тоба обладал полнотой власти.

⁹⁰ Дайгакурё: — отдел столичной школы чиновников Тю:мусё:.

⁹¹ Согласно «Хё:хан ки» это решение было принято в 13 день 12 месяца 2 года Хо:гэн (1157).

⁹² В «Хё:хан ки» приводится текст этого указа, датированного Хо:гэн 2-12-23 (1157).

В той же записи «Хё:хан ки» приводится описание совета, состоявшегося в годы Хо:гэн. Чиновники решили следующее: «О запрете, связанном с Кондзином, сложно сказать что-то определенное. В танском сочинении «Синь сюань инь ян шу» о нем не говорится. В сочинении [Камо-но] Ясунори «Рэкирин» о нем также ничего нет. С древности и до наших дней этот запрет не практиковался. В годы О:току [1084–1087] старший секретарь Дайдзё:кан (*дайгэки*) [Киёхара-но] Садатоси представил доклад, после чего запрет стал соблюдаться, но специалисты по искусству *инь* и *ян* представили прошение о том, чтобы прекратить соблюдение этого запрета. И сейчас историографы и специалисты по [конфуцианской] классике просят не вводить этот запрет. Критиковать отклонение от нормы — значит предотвращать опасность. Нельзя соблюдать те запреты, о которых не говорят специалисты по искусству *инь* и *ян*. Так, император Мин-ди⁹³ династии Поздняя Хань отверг запреты, которые поддерживали чиновники, и отменил указы [о соблюдении этих запретов]. Хотя в недавнее правление⁹⁴ запрет действовал, со временем все изменяется».

Несмотря на то, что запрет не был введен в 1157 г., в 1160 г. специалист по китайской фонетике (яп. *он-хакасэ*) из Дайгакурё: Киёхара-но Махито Тосиясу представил доклад с просьбой «как и прежде, соблюдать запрет на направление, в котором находится Кондзин — «семь смертей». Аргументировал свою просьбу Киёхара-но Тосиясу так: «Во 2 году Хо:гэн (1157) на основании докладной специалистов Оммё:рё: и прочих ведомств было велено отменить этот запрет. С тех пор Поднебесная неспокойна, то и дело гремят войны, в столице бедствия и пожары»⁹⁵. В 1161 г. Тосиясу поддержал *гон-дайнагон* Фудзивара-но Киммити, и государь Нидзё: (1143–1165, правил 1158–1165) издал указ о необходимости соблюдения запрета, связанного с Кондзином, что опять вызвало протест Камо-но Аринори и Абэ-но Ясутика. Наконец, в 26 день 6 лунного месяца 3 года Нинъ-ан (1168) был издан указ об отмене запрета.

---

⁹³ Император Мин-ди (28–75) правил в 57–75 гг.

⁹⁴ Очевидно, речь идет о правлении государя Сиракава, при котором соблюдался запрет, связанный с Кондзином.

⁹⁵ Хё:хан ки, Нинъан 3-6-22 (1168).

Но дискуссии о необходимости соблюдать этот запрет продолжались и после его официальной отмены. В дневнике Великого министра Фудзивара-но Канэдзанэ (1149–1207) «Гёкуё:» содержится отчет о консультации по поводу этого запрета с *онгёдзи* Абэ-но Ясумоти, которая состоялась в 1173 г.: «Я спросил: „Нужно ли соблюдать запрет, связанный с Кондзином — „семью смертями“?“ Ясумоти ответил: „Не нужно. Но в „Бай цзи ли“ говорится: „Если нарушить [запрет, связанный с] одним из [направлений двенадцати] божеств, произойдет семь смертей“⁹⁶. Поэтому члены семьи Киёхара после Киёхара-но Ёритака Махито⁹⁷ заявляли о том, что необходимо соблюдать этот запрет. Но специалисты по искусству *инь* и *ян* не практикуют этот запрет: для них основным источником является „Синь сюань инь ян шу“, а в этом сочинении о *катами*, связанном с Кондзином, не говорится. К тому же запретов, подобных этому, не сосчитать. Если соблюдать их все, то ни в какой стороне нельзя будет ничего строить. Хотя [запрет, связанный с Кондзином], иногда вводился, в конце концов, он был отвергнут. Да и в древности, во времена [Абэ-но] Сэймэя и [Камо-но] Ясунори, его не было“⁹⁸.

Отдельного внимания заслуживает фигура Киёхара-но Ёритака, который, очевидно, первым обнаружил упоминание о Кондзине в «Бай цзи ли». В сборнике рассказов *сэцува* «Дзоку кодзи дан» он характеризуется как «человек талантливый во многих искусствах, изучивший классические китайские сочинения, сочинения по истории, математике, [искусству] *инь* и *ян*, и календаристике»⁹⁹. Не являясь сотрудником Оммё:рё:, он консультировал двор по вопросам календаристики и запретов. Так, в дневнике *санги* Минамото-но Цунэёри (985–1039) «Сакэй ки» в записи от 1035 г. описывается следующий случай: «В 17 день будут рыть колодец в Кисаки-мати¹⁰⁰. Оммё:рё: представило соот-

⁹⁶ «Двенадцать божеств» — «двенадцать ветвей», циклические знаки, соответствующие двенадцати направлениям.

⁹⁷ Киёхара-но Ёритака (978–1053), старший секретарь Дадзё:кана, дед Киёхара-но Садатоси.

⁹⁸ Гёкуё:, Дзё:ан 3-1-13 (1173).

⁹⁹ «Дзоку кодзи дан» — «Продолжение „Преданий прошлого“, сост. в 1219 г. Дзоку кодзи дан / Син Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 41. Токио, 2004. С. 774.

¹⁰⁰ Кисаки-мати — павильон Дзё:нэй-дэн, находившийся в северной части Дайри.

ветствующий доклад. Но старший секретарь Дайдзё:кан [Киёхара-но] Ёритака доложил, что в луну звезды *Тинсэй* нельзя рыть землю. <...> Пригласили Ёритака, а также заместителя главы Оммё:рё: [Абэ-но] Токитика <...> в Куро:до:-докоро. Ёритака доложил о том, что в луну звезды *Тинсэй* нельзя рыть землю, приводя примеры из комментария на «Гэцу рё:»¹⁰¹, а также из сочинений [Сигэока-но] Кавахито и [Камо-но] Ясунори. Токитика же, хоть и не указал на какие-то сочинения, но сказал, что, согласно тайным преданиям (яп. *кудэн*), в месяц звезды *Тинсэй* нельзя рыть землю при строительстве, <...> а относительно колодцев никаких [запретов] нет. Слова Ёритака были весьма убедительны, поэтому работы по строительству колодца были отложены»¹⁰².

Многие исследователи отмечают, что история запрета, связанного с Кондзином, изложена в «Хё:хан ки» с позиции Оммё:рё:, в реальности же этот запрет был достаточно хорошо известен. Действительно, японская исследовательница Канаи Токико нашла в дневниках аристократов 20 упоминаний о соблюдении рассматриваемого запрета в период 1098–1173 гг.¹⁰³. Более того, сами *онъёдзи* иногда утверждали, что запрет надо соблюдать¹⁰⁴ или признавали, что «хотя специалисты по искусству *инь* и *ян* о нем не знают, в последние правления он соблюдается»¹⁰⁵.

Из описаний дискуссий о Кондзине, проходивших при дворе в XII в., видно, что многие чиновники самостоятельно оценивали опасность нарушения запрета и выдвигали аргументы за или против его соблюдения, основываясь на соответствующих прецедентах. Так, например, в 1114 г. после пожара в жилище отрেকшегося государя Сиракава на Второй улице обсуждалось, куда следует переехать отрешенному государю: в усадьбу на Шестой улице (Рокудзё:-дэн), или в усадьбу Цутимикадо-дэн. Первое предполагало нарушение запрета, связанного с Кондзином, второе — запрета, связанного с «восемью триграммами»

---

¹⁰¹ «Юэ лин» или «Гэцу рё:» — либо глава из «Ли цзи» («Книга ритуалов», IV–I вв. до н. э), либо обрядовый свод «Хонтё: гэцу рё:», сост. Корэмунэ-но Кинката (н. X в.).

¹⁰² Сакэй ки, Тё:гэн 8-5-1 (1035).

¹⁰³ Канаи Токико. Кондзин-но ими-но хассэй (Происхождение запрета, связанного с Кондзином) / Оммё:до: со:сё. Т. 1. Токио, 2000. С. 273.

¹⁰⁴ Эйсё: ки, Касё: 2-4-29 (1107).

¹⁰⁵ Тю:ю: ки, Эйкю: 2-8-5 (1114).

(направление ю:нэн). В итоге временный средний советник (яп. *гон-тю:нагон*) Фудзивара-но Мунэтада (1062–1141) решил, что «запрет на направление ю:нэн — наиболее серьезный; раз специалисты по искусству *инь* и *ян* не знают о направлении Кондзина, это, должно быть, не самое неблагоприятное направление», и, следовательно, государь должен переехать в Рокудзё:-дэн¹⁰⁶. В дневнике *санги* Фудзивара-но Тамэтака (1070–1130) «Эйсё: ки» в записи от 1107 г. описывается, как чиновники приняли решение не соблюдать запрет, связанный с Кондзином, при проведении строительных работ, основываясь, в числе прочего, на том, что запрет не соблюдался при строительстве Хосё:-дзи¹⁰⁷.

Также следует отметить, что распространение рассматриваемого запрета, очевидно, шло по той же схеме, что и распространение запретов на направления в VIII–X вв.: источником информации о запрете был китайский текст; обнаруживший запрет чиновник представлял ко двору соответствующий доклад, но только после официального введения запрета при дворе он получал распространение в среде аристократии.

Исследователи *оммё:до*: зачастую высказывают мнение, что к XII в. соблюдение запретов превратилось в формальный ритуал: аристократы не верили в силу запретов и совершали определенные действия следуя необходимому ритуалу¹⁰⁸. Такой вывод делается на основании различных примеров вольного отношения к запретам или даже пренебрежения какими-то запретами. Помимо некоторых подобных случаев, упомянутых нами, известны также прецеденты, когда аристократы забывали о запретах; из-за большого количества запланированных на соответствующий день дел не соблюдали запретов (например, «воздержание от скверны» (*моноими*), при котором полагалось находиться дома); в силу различных причин по собственной воле изменяли продолжительность периода *кататагаэ*¹⁰⁹.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Эйсё: ки, Касё: 2-4-29 (1107).

¹⁰⁸ Окамото Мицухиро. Инсэйки-ни окэру кататагаэ (Кататагаэ в период инсэй) / Оммё:до: со:сё. Т. 1. Токио, 2000. С. 196. В. Frank. Op. cit. P. 90.

¹⁰⁹ Окамото Мицухиро. Указ. соч. С. 196.

Тем не менее, мы считаем, что подобная оценка не вполне корректна. С одной стороны, в силу особенностей имеющегося массива источников невозможно количественными методами оценить динамику отношения аристократии к запретам на направления и, в частности, сделать вывод об «утрате веры» в запреты на основе того факта, что в XII в. о несоблюдении запретов говорится чаще, чем в н. XI в. Причина этого в том, что и количество дневников, и удельное количество дневниковых записей о *катаими* в период XI–XII в. существенно возросло¹¹⁰. Следовательно, доля записей о несоблюдении запретов в процентном отношении могла остаться неизменной (впрочем, попытки статистически обосновать вывод об «утрате веры» в запреты, насколько нам известно, не предпринималось). С другой стороны, наш анализ дискуссий о *катаими* и случаев принятия тех или иных решений о соблюдении запретов в XI в. и XII в. не выявил каких-либо существенных различий в базовых принципах отношения аристократов к соблюдению запретов (ориентация на традицию и прецеденты; принятие решений с учетом сопутствующих им в каждом конкретном случае рисков и неудобств).

Очевидно, причина, по которой делаются выводы об «утрате веры» в запреты, состоит в том, что исследователи рассматривают комплекс практик, связанных с запретами, как некую самодостаточную изолированную систему. Японские исследователи запретов видят свою задачу преимущественно в построении моделей практик, направленных на соблюдение или изменение действия запретов на направления. При этом по умолчанию полагается, что хэйанские аристократы в своих действиях руководствовались схожими формальными схемами и что, вообще говоря, конечной целью таких действий было непосредственно само «соблюдение запретов», необходимость которого проистекала из «веры» в запреты. Отклонение же от схемы или несоблюдение запрета автоматически трактуется как следствие «утраты веры» в запреты.

---

¹¹⁰ Если в «Мидо: кампаку ки» (охватывает 998–1021 гг.), «Сё:ю: ки» (охв. 982–1032) и дневнике *гон-дайнагона* Фудзивара-но Юкинари (972–1028) «Гон ки» (охв. 991–1011) суммарное количество записей о *катаими*, согласно подсчетам Кано: Сигэфуми, составляет 105 случаев, то в дневнике *кампаку* Фудзивара-но Тададзанэ (1078–1162) «Дэн ряку» (охв. 1098–1118) запреты на направления упоминаются около 180 раз. Кано: Сигэфуми. Кататагаэ ко:. Указ. соч. С. 46.

Представляется, что соблюдение запретов корректнее было бы рассматривать не как какую-то конечную цель, обладающую безусловной ценностью, а как одно из возможных средств, часть всеобъемлющей системы средств и целей, в рамках которой каждый конкретный человек в каждом конкретном случае стремился принять наиболее сбалансированное решение. Очевидно, что основной целью соблюдения запретов было обеспечение безопасности или удачного исхода каких-то действий. Но это не предполагало следования некой фиксированной схеме, напротив, каждый раз стратегия поведения выбиралась таким образом, чтобы обеспечить баланс между приемлемым уровнем безопасности и приемлемым уровнем неудобств, связанных с соблюдением запретов¹¹¹. В случае необходимости обеспечить максимальную защиту допускались относительно серьезные издержки (случай отказа Фудзивара-но Митинага от вполне «законного» способа обойти запрет, совершив *катами*). Иногда единственным способом обеспечения максимально возможного уровня безопасности становилось нарушение того запрета, который предполагал наименее тяжелые последствия (случай переезда отрешенного государя Сиракава в Рокудзё:-дэн). Но в любой ситуации оценка последствий соблюдения или нарушения запрета, как это видно из многочисленных дискуссий о запретах, осуществлялось с учетом соответствующих прецедентов.

Таким образом, мы полагаем, что представления и практики, связанные с запретами на направления, распространившись сначала при дворе, а затем проникнув и в частную жизнь аристократов, закрепились в форме определенных поведенческих диспозиций, которые, в свою очередь, могли актуализироваться, порождая своеобразные реакции на конкретные условия. Фактор запретов на направления стал определять действия представителей хэйанского аристократического общества в одном ряду с политическими, экономическими, религиозными и прочими факторами, и зачастую не только не уступал, но и превосходил их по величине вклада в «равнодействующую» поведения аристократов.

---

¹¹¹ Именно этим, очевидно, объясняется то, что все попытки воссоздания строгой «программы действий», связанных с соблюдением или «обходом» (*кататагаэ*) запретов, по мнению самих исследователей, не увенчались удачей. См., например: *B. Frank. Op. cit. P. 77.*

Приложение

I. Циклические знаки

1. «Десять стволов» (яп. *дзиккан*)

甲	<i>ки-но э</i>	старший брат дерева
乙	<i>ки-но то</i>	младший брат дерева
丙	<i>ка-но э</i>	старший брат огня
丁	<i>ка-но то</i>	младший брат огня
戊	<i>цути-но э</i>	старший брат земли
己	<i>цути-но то</i>	младший брат земли
庚	<i>кин-но э</i>	старший брат металла
辛	<i>кин-но то</i>	младший брат металла
壬	<i>мидзу-но э</i>	старший брат воды
癸	<i>мидзу-но то</i>	младший брат воды

2. «Двенадцать ветвей» (яп. *дзю:ни си*)

子	<i>нэ</i>	крыса
丑	<i>уси</i>	бык
寅	<i>тора</i>	тигр
卯	<i>у</i>	заяц
辰	<i>тацу</i>	дракон
巳	<i>ми</i>	змея
午	<i>ума</i>	лошадь
未	<i>хицудзи</i>	овен
申	<i>сару</i>	обезьяна
酉	<i>тори</i>	петух
戌	<i>ину</i>	собака
亥	<i>и</i>	свинья

3. Восемь триграмм (яп. *хаккэ*, кит. *ба гуа*)

乾	кит. <i>цянъ</i> , яп. <i>кэн</i>
兌	кит. <i>дуй</i> , яп. <i>да</i>
離	кит. <i>ли</i> , яп. <i>ри</i>
震	кит. <i>чжэнь</i> , яп. <i>син</i>
巽	кит. <i>сюнь</i> , яп. <i>сон</i>
坎	кит. <i>канъ</i> , яп. <i>кан</i>
艮	кит. <i>гэнь</i> , яп. <i>гон</i>
坤	кит. <i>кунъ</i> , яп. <i>кон</i>

II. Направления

乾	亥	壬	子	癸	丑	艮
戊			(север)			寅
辛						甲
酉	(запад)			(восток)		卯
庚						乙
申			(юг)			辰
坤	未	丁	午	丙	巳	巽

III. Шестидесятилетний (шестидесятидневный) цикл

1. Крысы ст. брата дерева	31. Лошади ст. брата дерева
2. Быка мл. брата дерева	32. Овна мл. брата дерева
3. Тигра ст. брата огня	33. Обезьяны ст. брата огня
4. Зайца мл. брата огня	34. Петуха мл. брата огня
5. Дракона ст. брата земли	35. Собаки ст. брата земли
6. Змеи мл. брата земли	36. Свиньи мл. брата земли
7. Лошади ст. брата металла	37. Крысы ст. брата металла
8. Овна мл. брата металла	38. Быка мл. брата металла
9. Обезьяны ст. брата воды	39. Тигра ст. брата воды
10. Петуха мл. брата воды	40. Зайца мл. брата воды
11. Собаки ст. брата дерева	41. Дракона ст. брата дерева
12. Свиньи мл. брата дерева	42. Змеи мл. брата дерева
13. Крысы ст. брата огня	43. Лошади ст. брата огня
14. Быка мл. брата огня	44. Овна мл. брата огня
15. Тигра ст. брата земли	45. Обезьяны ст. брата земли
16. Зайца мл. брата земли	46. Петуха мл. брата земли
17. Дракона ст. брата металла	47. Собаки ст. брата металла
18. Змеи мл. брата металла	48. Свиньи мл. брата металла
19. Лошади ст. брата	49. Крысы ст. брата воды
20. Овна мл. брата	50. Быка мл. брата воды
21. Обезьяны ст. брата дерева	51. Тигра ст. брата дерева
22. Петуха мл. брата дерева	52. Зайца мл. брата дерева
23. Собаки ст. брата огня	53. Дракона ст. брата огня
24. Свиньи мл. брата огня	54. Змеи мл. брата огня
25. Крысы ст. брата земли	55. Лошади ст. брата земли
26. Быка мл. брата земли	56. Овна мл. брата земли
27. Тигра ст. брата металла	57. Обезьяны ст. брата металла
28. Зайца мл. брата металла	58. Петуха мл. брата металла
29. Дракона ст. брата воды	59. Собаки ст. брата воды
30. Змеи мл. брата воды	60. Свиньи мл. брата воды

IV. Восемь божеств (яп. хассе:дзин)

Тайсай (кит. Тайсуй), Дайсё:гун (кит. Дацзяншэнь), Дайон (кит. Да-инь), Сайкё: (кит. Суйсин), Сайха (кит. Суйпо), Сайсэцу (кит. Суйша), О:бан (кит. Хуанфань), Хё:би (кит. Баовэй). Цикл перемещений «восемь божеств» приводится во многих трактатах по *оммё:до*.

Циклический знак года («ветвь»)	Тайсай	Дайсё:гун	Дайон	Сайкё:
крыса	крыса	петух	собака	заяц
бык	бык	петух	свинья	собака
тигр	тигр	крыса	крыса	змея
заяц	заяц	крыса	бык	крыса
дракон	дракон	крыса	тигр	дракон
змея	змея	заяц	заяц	обезьяна
лошадь	лошадь	заяц	дракон	лошадь
овен	овен	заяц	змея	бык
обезьяна	обезьяна	лошадь	лошадь	тигр
петух	петух	лошадь	овен	петух
собака	собака	лошадь	обезьяна	овен
свинья	свинья	петух	петух	свинья

Циклический знак года («ветвь»)	Сайха	Сайсэцу	О:бан	Хё:би
крыса	лошадь	овен	дракон	собака
бык	овен	дракон	бык	овен
тигр	обезьяна	бык	собака	дракон
заяц	петух	собака	овен	бык
дракон	собака	овен	дракон	собака
змея	свинья	дракон	бык	овен
лошадь	крыса	бык	собака	дракон
овен	бык	собака	овен	бык
обезьяна	тигр	овен	дракон	собака
петух	заяц	дракон	бык	овен
собака	дракон	бык	собака	дракон
свинья	змея	собака	овен	бык

V. Тоситокү (кит. Суйдэ)

В разделе «Благоприятные и неблагоприятные [дни и направления, связанные с] различными божествами, которые указываются в календаре» трактата «Оммё: рякусё» говорится: «Тоситокү благоприятен для всех дел. Очень благоприятно строить [в том направлении, где нахо-

дится Тоситоку]. Направление, в котором находится Тоситоку — счастливое направление»¹¹².

Циклический знак года («ствол»)	Направление
ст. брат дерева, мл. брат земли	старший брат дерева
ст. брат огня, мл. брат металла	старший брат огня
ст. брат земли, мл. брат воды	старший брат земли
ст. брат металла, мл. брат дерева	старший брат металла
ст. брат воды, мл. брат огня	старший брат воды

VI. «Странствующие» (яп. *юге:*) божества¹¹³

Вопрос о характере «странствующих» божеств остается открытым, так как в имеющихся китайских и японских источниках информации на этот счет почти не содержится. Возможно, в Китае эти «божества» изначально были связаны со звездами или понимались как проявления энергии *ци*, а затем стали приобретать зооморфные или антропоморфные черты. Неизвестно, имела ли место какая-то эволюция представлений относительно этих божеств в Японии, хотя некоторые исследователи утверждают, что в Японии процесс «антропоморфизации» продолжился, и «странствующие» божества были восприняты как близкие по характеру к синтоистским божествам *ками*¹¹⁴.

Тем не менее, несмотря на то, что в источниках встречаются отдельные упоминания о совершении в отношении рассматриваемых божеств религиозных обрядов, некоторые из которых были похожи на синтоистские обряды¹¹⁵, следует заключить, со «странствующими» божествами в период Хэйан был непосредственно связан лишь комплекс *катами* и *кататагаэ*. На основании того, что «точкой отсчета» направлений при расчетах циклов «странствий» этих божеств выступала усадьба (место постоянного проживания), можно предположить, что «странствующие» божества понимались как домашние божества, божества конкретной усадьбы.

¹¹² Оммё: рясукё. Указ. соч. С. 159.

¹¹³ Термин *югё:* использовался в хэйанских дневниках для обозначения присутствия божества на территории, находящейся в определенном направлении от усадьбы. Хотя в источниках не встречается выражения «странствующие божества», эта категория не является искусственной, так как в трактатах по *оммё:до:* циклы перемещений этих божеств и связанные с ними запреты обычно описывались в отдельном разделе.

¹¹⁴ B. Frank. Op. cit. P. 171–176.

¹¹⁵ Например, в «Хё:хан ки» (Хо:гэн 3-8-2, 1158) упоминается обряд «усмирения земли» (*титин-сай*), который проводил Камо-но Аринори. В ходе этого обряда осуществлялись подношения Дайсё:гуну, О:со:, Доку, «духу колодца». В дневнике министра (*найдайдын*) Накаяма Тадатика (1131–1195) «Санкай ки» (Дзисё: 2-11-12, 1178) в ряду синтоистских святилищ (*дзиндзя*) упоминается «святилище Дайсё:гуна» (*Дайсё:гун-до:*).

Интересно отметить, что в дневнике Фудзивара-но Канэдзанэ «Гё-куё:» божества Кондзин и Дайсё:гун называются «злыми божествами» (яп. *акудзин*)¹¹⁶, а в энциклопедии «Сю:гай сё» цитируется докладная записка Камо-но Ясунори: «Запрет на направления Накагами и Тайхаку строже, чем на направления Дайсё:гуна, О:со: и «восьми триграмм», поскольку [запрет, связанный с] направлениями Дайсё:гуна, [О:со: и «восьми триграмм»] распространяется на большее количество дней»¹¹⁷.

Проблема определения площади действия запрета. Очевидно, считалось, что «странствующие» божества появляются на строго ограниченной территории. В энциклопедии «Сю:гай сё» приводятся следующие слова Камо-но Ясунори: «Если земляные работы проводят соседи, то запрет, связанный с Дайсё:гуном и О:со:, распространяется на 45 шагов. Запрет, связанный с «восемью триграммами» распространяется на территорию от 40 до 300 шагов. Но если сам проводишь земляные или строительные работы, то запрет не зависит от расстояния». О Доку говорится: «В пределах деревни запрет распространяется на 45 шагов. За пределами деревни — на 25 шагов. Если жилище отгорожено дорогой, рекой или расщелиной, запрет не действует». Вероятно, это цитата из некоего китайского источника, так как далее приводятся слова Камо-но Мицусёи о том, что в случае Киото «деревню» следует понимать как площадь, соответствующую четырем кварталам¹¹⁸.

1. Дайсё:гун. В «Рэкирин мондо: сю:» приводится следующий цикл перемещений Дайсё:гуна:

Дни	Направления
крысы ст. брата дерева—дракона ст. брата земли	заяц
крысы ст. брата огня—дракона ст. брата металла	лошадь
крысы ст. брата земли—дракона ст. брата воды	центр
крысы ст. брата металла—дракона ст. брата дерева	петух
крысы ст. брата воды—дракона ст. брата огня	крыса

В остальное время Дайсё:гун находится в «Основном дворце», т. е. в том направлении, где он должен находиться согласно 12-летнему циклу. В «Рэкирин мондо: сю:» говорится: «Пять дней, [когда Дацзяншэнь странствует в направлении «Основного дворца» на этот год], можно не воздерживаться от строительства, хоть это и запретное направление. Но если нарушить запрет в течение пяти дней его странствий в других направлениях — будет большое несчастье»¹¹⁹.

¹¹⁶ Гёкуё:, Дзё:ан 3-8-21 (1173).

¹¹⁷ «Сю:гай сё» сост. То:ин-но Кинката (1291–1360). Сю:гай сё / Кайтэй дзо:хо кодзицу со:сё. Т. 22. Токио, 1993. С. 497.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Рэкирин мондо: сю:. Указ. соч. С. 391.

2. Накагами (Тэнъити, кит. Тяньи). В «Рэкирин мондо: сю:» цитируется «Инь ян шу»: «В день петуха младшего брата земли Тяньи на шесть дней спускается с неба на северо-восток и превращается в змею с головой человека. В день зайца младшего брата дерева он на пять дней перемещается на восток и превращается в рыбу с головой человека. В день обезьяны старшего брата металла он на шесть дней перемещается на юго-восток и превращается в сокола с головой человека. В день тигра старшего брата огня он на пять дней перемещается на юг и превращается в фазана с головой человека. В день овна младшего брата металла он на шесть дней перемещается на юго-запад и превращается в овна с головой человека. В день быка младшего брата огня он на пять дней перемещается на запад и превращается в лошадь с головой человека. В день лошади старшего брата воды он на шесть дней перемещается на северо-запад и превращается в дракона с головой человека. В день крысы старшего брата земли он на пять дней перемещается на север и превращается в черепаху с головой человека. Со дня змеи младшего брата воды он на 16 дней поднимается на небо и странствует по дворцам Чжаояо, Тайвэй, Хуантянь и Цзыфан. А со дня петуха младшего брата земли он спускается на землю и странствует в восьми сторонах света. <...> Если нарушить запрет и совершить любые действия в направлении, где странствует Тяньи — будет большое несчастье. Если выступить войной в этом направлении, то луки сломаются; если рожать ребенка в этой стороне, то он умрет. Это — самое неблагоприятное направление».

В «Рэкирин мондо: сю:» приводится следующий цикл перемещений Накагами:

Дни	Направление
день петуха мл. брата земли, 6 дней	северо-восток («гэнь»)
день зайца мл. брата дерева, 5 дней	восток («заяц»)
день обезьяны ст. брата металла, 6 дней	юго-восток («сюнь»)
день тигра ст. брата огня, 5 дней	юг («лошадь»)
день овна мл. брата металла, 6 дней	юго-запад («кунь»)
день быка мл. брата огня, 5 дней	запад («петух»)
день лошади ст. брата воды, 6 дней	северо-запад («цян»)
день крысы ст. брата земли, 5 дней	север (крыса)
день змеи мл. брата воды, 16 дней	поднимается на небо

3. Доку (кит. Ту-гун)¹²⁰. В «Рэкирин мондо: сю:» цитируется: «Цюнь цзи лун цзи»: «Ту-гун — божество земли». Также в «Рэкирин мондо: сю:» цитируется «Шан шу ли»: «Весной Ту-гун в печи, летом в воротах, осенью в колодце, зимой в саду». Там, где находится Доку, нельзя осуще-

¹²⁰ Гун — министр в древнем Китае.

ствлять земляные работы. В «Рэкирин мондо: сю:» приводится следующий цикл перемещений Доку:

Дни	Направление
крысы ст. брата дерева—змеи мл. брата земли, 6 дней	крыса
лошади ст. брата металла—быка мл. брата огня, 8 дней	входит в земаю
тигра ст. брата земли—овна мл. брата воды, 6 дней	заяц
обезьяны ст. брата дерева—змеи мл. брата воды, 10 дней	входит в земаю
лошади ст. брата дерева—свиньи мл. брата земли, 6 дней	лошадь
крысы ст. брата металла—овна мл. брата огня, 8 дней	входит в земаю
обезьяны ст. брата земли—быка мл. брата воды, 6 дней	петух
тигра ст. брата дерева—крысы мл. брата воды, 10 дней	входит в земаю

4. Тайхаку (кит. Тайбо, также Хитое-мэгури, Хитохи-мэгури). В «Сую цзин» приводится следующий цикл перемещений Тайхаку:

Дни месяца	Направление ¹²¹
1, 11, 21	восток
2, 12, 22	юго-восток
3, 13, 23	юг
4, 14, 24	юго-запад
5, 15, 25	запад
6, 16, 26	северо-запад
7, 17, 27	север
8, 18, 28	северо-восток
9, 19, 29	восток
10, 20, 30	поднимается на небо

Далее говорится: «Если поступать согласно этому распорядку, то во всех делах будет победа и удача. Если поступать против хода Тайбо, то во всех делах будет неудача. В войне не будет победы, и от переездов и странствий не будет пользы. Всегда надо поступать согласно этому распорядку, и во всех делах будет удача»¹²².

¹²¹ В «Оммё: рякусё» говорится, что запрет распространяется только на «строгое направление» (для востока — направление «зайца» и т. д.). Оммё: рякусё. Указ. соч. С. 157.

¹²² Тайсё: синсю: дайдо:кё:. Т. 21. Токио, 1928. С. 399.

5. О:со: (кит. Вансян). О: (кит. ван «монарх») — состояние, когда *ци* одного из пяти элементов набирает наибольшую силу; со: (кит. сян «канцлер») — предшествующее состояние. В древнем Китае использовались различные схемы, согласно которым в зависимости от времени года рассчитывалось направление действия *ци* соответствующего элемента. Запрет на направления о: и со:, изначально, по-видимому, был связан именно с представлениями о неблагоприятном действии *ци* пяти элементов.

В «Оммё: дзассё» приводится следующий цикл перемещений О:со и говорится, что, согласно «Синьсюань инь ян шу», в этих направлениях запрещены ремонтные, строительные и земляные работы¹²³:

Период	Направление
<i>риссюн</i> ¹²⁴ — <i>сюмбун</i>	о:— <i>гэнь</i> , со:— <i>чжэнь</i>
<i>сюмбун</i> — <i>рикка</i>	о:— <i>чжэнь</i> , со:— <i>сюнь</i>
<i>рикка</i> — <i>гэси</i>	о:— <i>сюнь</i> , со:— <i>ли</i>
<i>гэси</i> — <i>риссю:</i>	о:— <i>ли</i> , со:— <i>кунь</i>
<i>риссю:</i> — <i>сю:бун</i>	о:— <i>кунь</i> , со:— <i>дуй</i>
<i>сю:бун</i> — <i>ритто:</i>	о:— <i>дуй</i> , со:— <i>цянь</i>
<i>ритто:</i> — <i>то:дзи</i>	о:— <i>цянь</i> , со:— <i>кань</i>
<i>то:дзи</i> — <i>риссюн</i>	о:— <i>кань</i> , со:— <i>гэнь</i>

6. Кондзин (кит. Цзиньшэнь). В энциклопедии «Сю:гай сё» цикл передвижений Кондзина цитируется по «Бай цзи ли». Также говорится, что «если нарушить этот запрет, то в семье умрет семь человек»¹²⁵.

Годы	Направление
ст. брат дерева, мл. брат земли	лошадь, овен, обезьяна, петух
мл. брат дерева, ст. брат металла	дракон, змея, собака, свинья
ст. брат огня, мл. брат металла	крыса, бык, обезьяна, петух
мл. брат огня, ст. брат воды	крыса, бык, тигр, заяц
ст. брат земли, мл. брат воды	тигр, заяц, собака, свинья

В «Хоки най дэн» приводятся следующие шестидесятидневный и годовой циклы передвижений Кондзина¹²⁶:

¹²³ Оммё: дзассё. Указ. соч. С. 96.

¹²⁴ «Риссюн» — «начало весны», в зависимости от года могло выпадать на к. 12 — сер. 1 лунного месяца. Каждый из указанных в таблице интервалов составляет около 45 дней.

¹²⁵ «Сю:гай сё». Указ. соч. С. 502.

¹²⁶ Полное название трактата — «Сангоку со:дэн оммё: канкацу хоки най дэн кингю гёкуто сю:» («Собрание золотой птицы, [живущей на Солнце] и яшмового зайца, [живущего на Луне], тайное предание круглого и четырехугольного коробов для жертвенного зерна об основах [искусства] инь и ян, предание трех стран»), сост. в XIV в., впоследствии

Дни	Направление
тигра ст. брата дерева, 5 дней	юг
тигра ст. брата огня, 5 дней	запад
тигра ст. брата земли, 5 дней	центр
тигра ст. брата металла, 5 дней	север
тигра ст. брата воды, 5 дней	восток

Время года, день	Направление
весна, зайца мл. брата дерева, 5 дней	восток
лето, лошади ст. брата огня, 5 дней	юг
осень, петуха мл. брата металла, 5 дней	запад
зима, крысы ст. брата воды, 5 дней	север

Также в «Хоки най дэн» указываются дни *маби* — дни, когда Кондзин не оказывает неблагоприятного воздействия.

Время года	Циклический знак дня («ветвь»)
весна	бык
лето	обезьяна
осень	овен
зима	петух

VII. Запреты «восьми триграмм».

Запреты «восьми триграмм» — общее название для четырех благоприятных (*сэйки*, *ё:ся*, *тэнъи*, *фукутоку*) и четырех неблагоприятных (*ю:нэн*, *кагай*, *дзэцумё:*, *кири*) направлений, определяющихся в зависимости от возраста человека. В «Оммё: дзассё» говорится: «*Ю:нэн* — нельзя строить, переезжать; *кагай* — нельзя рыть ямы и проводить земляные работы; *дзэцумё:* — надо воздерживаться от этого направления; *кири* — нельзя рубить деревья; *ё:ся* — благоприятно для того, чтобы слуги строили дома»¹²⁷. Соответствующие циклы приводятся в «Оммё: дзассё», «Рэкирин мондо: сю:», «Сю:гай сё».

Возраст	ю:нэн	кагай	дзэ- цумё:	кири	сэйки	ё:ся	тэнъи	фуку- току
1,8,16...	ли	гэнь	цянъ	канъ	чжэнь	кунъ	дуй	сюнь
2,9,17...	кунъ	чжэнь	канъ	чжэнь	гэнь	ли	сюнь	дуй
3,10,18...	дуй	канъ	чжэнь	ли	цянъ	гэнь	ли	кунъ
4,11,19...	цянъ	сюнь	ли	сюнь	дуй	канъ	чжэнь	гэнь
5,12,20...	канъ	дуй	кунъ	кунъ	сюнь	цянъ	гэнь	чжэнь
6,13,21...	гэнь	ли	сюнь	ли	кунъ	дуй	канъ	цянъ
7,14,22...	чжэнь	кунъ	дуй	цянъ	ли	канъ	цянъ	канъ
15,23,31...	сюнь	цянъ	гэнь	дуй	канъ	ли	кунъ	ли

вии дополнялся. Хоки най дэн / Накамура Сё:хати. Нихон оммё:до: сё но кэнкю:. Токио, 2001. С. 254–255.

¹²⁷ Оммё: дзассё. Указ. соч. С. 117.

Придворная карьера Фудзивара Сёси

М. Ю. Шабалина

Данная статья представляет собой попытку реконструировать часть биографии дочери Фудзивара Митинага, Сёси: от ее представления ко двору в 999 г., последовавшее вскоре повышение ее статуса до императрицы, первое время, проведенное ею в этом статусе (до 1002 г.). Необходимость такой работы продиктована в первую очередь тем обстоятельством, что указанный временной промежуток был одним из ключевых в жизни Митинага, поскольку от того, сумеет ли Сёси первой из жен государя родить сына, зависело не только последующее продвижение по службе самого Митинага, но и дальнейшее процветание его потомков.

Для написания работы были выбраны два основных синхронных источника: дневник Фудзивара Митинага «Мидо: кампакуки» и «историческое повествование» «Эйга моногатари», приписываемое кисти Акадзомэ-но Эмон, фрейлины *нё:бо*: из свиты матери Сёси — Минамото Ринси. Авторы двух источников были чрезвычайно близки к Сёси, поэтому они богаты информацией о ней.

Дневник Фудзивара Митинага «Мидо: кампакуки» («Записи канцлера из павильона Мидо») по своему жанру представляет подневные записи на *камбуне*, касающиеся службы Фудзивара Митинага, и предназначенные для чтения потомками. Японский термин *ки* (*кироку*), который буквально означает «записи», можно переводить на русский язык как «дневник» с обязательной оговоркой, что подобные дневники несут в себе не личную информацию, а объективные записи, отчет о том, что произошло на службе за предыдущий день. Каждый год, 1 числа 11 луны¹ придворным раздавался годичный гороскоп, состоящий из двух свитков (каждый на полгода), некоторый аналог современного ежедневника, в котором вместе с датой и астрологической информацией на каждый день отводилось по три пустых строчки. Существование таких гороскопов известно еще и в период Нара².

Как следует из наставлений Фудзивара Моросукэ³, проснувшись утром, аристократ был должен вписать на свежую голову события прошлого дня в эти три свободных строчки. Если ему не хватало места, он мог перейти на обратную сторону свитка. Впоследствии такие «дневники» использовались как источник информации о порядке проведения придворных ритуалов⁴ или для составления соответствующих энциклопедических справочников⁵.

Мужские дневники — чрезвычайно ценный исторический источник, поскольку это поденные записи на протяжении всего периода службы чиновника, лишённые субъективности и эмоциональности женских дневников⁶, но работа с *кироку* представляет ряд ограничений для исследователя. Во-первых, в центре мужского дневника всегда стоят события службы, он фиксирует только одну из сфер жизни, хотя и весьма важную. События частной жизни, жизнь большой усадьбы чиновника, его домочадцев попадают в дневник только в связи с официальной службой.

Вторым существенным недостатком мужских дневников как исторического источника можно назвать степень сохранности текста: так, на период 995–1012 гг., время, на которое приходится придворная карьера императрицы Сё:си, мы располагаем следующими *кироку*: дневник Фудзивара Митинага «Мидо: кампакуки», дневник Фудзивара Санэсукэ «Сё:ю:ки», дневник Фудзивара Юкинари «Гонки», что даёт возможность сопоставить сразу три синхронных источника. Это невероятная удача, учитывая, что в период Хэйан есть промежутки в десятки лет, выпадающие из мужских дневников. Однако даже наличие нескольких источников не позволяет провести реконструкцию в полном объёме: лакуны в трех дневниках подчас совпадают, и единственным источником подчас становится «Эйга моногатари»⁷.

Наконец, ещё одна трудность для историка состоит в том, что мужские дневники до сих пор не комментированы⁸, японские историки, как правило, ограничиваются только сверкой рукописей и устранением разночтений в различных списках *кироку*⁹.

«Эйга моногатари» представляет собой повествование о роде Фудзивара, охватывающее 141 год (887–1028)¹⁰, главную часть которого составляет рассказ о времени Фудзивара Митинага, сочинение, порожденное на грани литературного повествования

*моногатари*¹¹ и китайской исторической традиции. Это сочинение пестрит историческими неточностями¹². В то же самое время, автор «Эйга моногатари», сознательно отказываясь от сухого изложения, присущего китайским текстам, стремится воссоздать эпизод так, словно автор был его непосредственным свидетелем¹³. Благодаря этому в «Эйга моногатари» есть словесные портреты многих придворных, в том числе и Сё:си, что невозможно обнаружить в мужских дневниках.

Политическая обстановка при дворе

По прошествии семи лет с момента восшествия на престол императора Итидзё: власть в женском дворце была монополизирована старшей дочерью Фудзивара Мититака, Тэйси. Пока Мититака был жив, никто из придворных не осмеливался представлять своих дочерей во дворец, но эпидемия 1 года Тё:току (995), унесшая жизнь Мититака, принесла серьезные перемены и в жизнь женской половины дворца. У Тэйси остался только один покровитель, младший брат Корэтика, который тоже вскоре вытесняется с политической сцены Митинага.

К началу годов Тё:току (995–999 гг.) императрица Тэйси все еще была фавориткой императора, ей удалось родить принцессу Сю:си, но положение Тэйси было весьма незавидным. Отношение придворных к Тэйси ясно из слухов, которые ходят по дворцу после пожара в 6 луне 1 года Тё:хо (999): О:э Масахира намекает Фудзивара Юкинари, что возвращение монахини-императрицы во дворец стало причиной гибели танской династии¹⁴.

Тэйси после ухода с политической сцены Корэтика была лишена поддержки как внутри семьи (в первую очередь, со стороны матери императора, Сэнси), так и при дворе. Тэйси сохраняла свои позиции лишь потому, что другой дамы, способной родить наследника, еще не было¹⁵. Придворные спешат представить своих дочерей ко двору: во 2 году Тё:току (996 г.) с промежутком в 5 месяцев представляются целых три дамы: Гиси (24 года), старшая дочь Фудзивара Кинсуэ, Гэнси (19 лет), старшая дочь Фудзивара Акимичу, и Сонси (15 лет), старшая дочь Фудзивара Канэмита. Гиси и Сонси не пользуются успехом у императора, только Гэнси, казалось, способна заменить императрицу Тэйси. Вскоре после представления ко двору, в 6 луне

3 года Тё:току (997 г.), она забеременела, что безмерно обрадовало не только императора, но и Сэнси, его мать. Вполне возможно, что если бы ей удалось родить мальчика, вся слава Митинага досталась бы Акимицу, но родить ребенка у Гэнси не получилось, попавшая в неловкое положение дама удаляется из дворца в свою усадьбу¹⁶. Видимо, именно отсутствие при дворе альтернативы Тэйси, императрицы без какой-либо политической поддержки, и побудило Митинага представить ко двору двенадцатилетнюю девочку.

Численность женского дворца к середине периода Хэйан сильно сокращается: с поступлением во дворец Сё:си у императора Итидзё: насчитывается только две императрицы, три наложницы *нё:го* и одна наложница *микусигэдono*, в то время как у императора Дайго (897–930), правление которого в период Хэйан считалось наиболее близким к идеалу, было две императрицы и целых тринадцать наложниц¹⁷, у императора Мураками (946–967) была одна императрица и девять наложниц¹⁸. Но уже во времена императора Рэйдзэй (967–969) из-за усиления позиции Фудзивара из дворца исчезают наложницы-дочери *дайнагонов*, *тю:нагонов*, *сё:нагонов* из рода Минамото, принцессы также уже не могут рассчитывать на достойную карьеру при дворе¹⁹.

Представление ко двору

Во 2 луне 1 года Тё:хо (999) Митинага спешно проводит для Сё:си церемонию завязывания пояса *мо* — формально она становится взрослой²⁰. К середине периода Хэйан граница между «взрослым» и «ребенком» становится размытой: средний возраст проведения церемонии совершеннолетия составляет 13 лет и 8 месяцев, хотя нередки случаи проведения и в 18, и в 20 лет²¹. По всей видимости, церемония завязывания пояса *мо* означала не столько физическое превращение ребенка во взрослого, сколько начало подготовки к свадьбе или к представлению дамы во дворец²². Снижение возраста проведения церемонии совершеннолетия как для аристократов, так и для аристократок является характерной особенностью середины периода Хэйан; вполне обычным становится присвоение первого ранга в одиннадцать²³ или двенадцать²⁴ лет, император Итидзё: всту-

пает на трон в одиннадцать лет сразу же после проведения церемонии совершеннолетия²⁵.

После проведения церемонии совершеннолетия Сё:си получает различные подарки, которые означают не столько поздравления, сколько политическую поддержку²⁶: от Тэйси Сё:си получает ящичек для благовоний, от Сэнси, матери императора, — два одеяния, от наследного принца Иясада — лошадь.

Спустя три дня императорский посланник Фудзивара Юкинари приезжает в усадьбу с указом о присвоении Сё:си ее первого ранга (император дарует Сё:си третий ранг младшей степени)²⁷. Тэйси получает свой первый, младший четвертый ранг лишь через полтора месяца после представления ко двору, десятилетняя Кэнси, младшая сестра Сё:си, получает четвертый ранг по случаю завязывания пояса, позже Канси (младший четвертый) и Киси (младший третий) тоже получают первый ранг после прохождения церемонии завязывания пояса, но присвоение первого ранга аристократам после совершения церемонии совершеннолетия начинается именно с Сё:си²⁸.

Через полгода после завязывания Сё:си пояса мо²⁹ Митинага обращается за помощью через Фудзивара Юкинари к своей младшей сестре Сэнси, матери император Итидзё:, та спрашивает мнение императора о представлении ко двору Сё:си³⁰. Митинага полностью полагается на политическое влияние Сэнси, и она оправдывает его надежды. Влияние Сэнси, видимо, можно объяснить тем, что уже нет в живых ни отца императора, государя Энью:, ни отца матери Сэнси, Фудзивара Канэиэ. Митинага для императора — только дядя, тогда как Сэнси — мать. Примечательно, что в истории с представлением Сё:си, как позже и в истории с присвоением Сё:си титула императрицы, Сэнси действует вместе с куро:до Фудзивара Юкинари, своего рода связным звеном между императором и Государственным советом, с одной стороны, и регентом или канцлером, с другой³¹. Митинага, формально не участвуя в переговорах с императором, оказывает на него двойное влияние — официально, через Юкинари, который в разговорах с императором выступает как чиновник, выполняющий свои обязанности, и неофициально — через Сэнси, мать императора.

Император не имел ничего против представления ко двору двенадцатилетней девочки, и на следующий день, 15 числа³²

Сэнси сообщает это Митинага через Юкинари. Желание императора видеть дочь Митинага во дворце, подтверждается тем, что Сё:си присваивается третий младший ранг — выше, чем у остальных наложниц императора, но ниже, чем у Тэйси³³.

Подготовка начинается 25 числа 9 луны³⁴ с определения путем гадания благоприятного дня для представления ко двору, Митинага продумывает все детали, чтобы Сё:си ничем не уступала другим придворным дамам. 21 числа 10-й луны Митинага обращается к придворным с просьбой написать *вака* на ширму Сё:си в ее будущих покоях императрицы³⁵. Сочинение стихотворений на ширмах — одно из хэйанских развлечений, но в данном случае это еще и способ выяснить, насколько появление Сё:си во дворце будет приветствоваться придворными. Оказалось, что Сё:си ждет довольно-таки теплый прием: только один Фудзивара Санэсукэ отказался от сочинения, сославшись на то, что сочинение *вака* не входит в обязанности придворных, а экс-император Кадзан, такие видные придворные, как Фудзивара Кинто:, Такатоо, Ясухира, Саданобу, Минамото Тосиката, с готовностью откликнулись³⁶, и уже 30-го числа Юкинари, переписав стихотворения на ширмы из цветной бумаги, картины на которых выполнил Ясукаи Цунэнори³⁷, преподносит их Митинага³⁸.

Митинага начинает набирать свиту Сё:си, проводит самый строгий отбор, и, как свидетельствует «Эйга моногатари», выбирает дам не по происхождению, а по личным качествам. Необходимо отметить, что набрать свиту, не уступающую свите Тэйси, найти *нё:бо:*, способных затмить Сэй-Сё:нагон³⁹, было весьма трудно, и, вероятно, что в этом Митинага помог опыт работы управляющим делами императрицы Сэнси⁴⁰. Служанок *варава* присылают Сэнси, император Итидзё:, наследный принц. Сё:си сопровождает огромная свита: сорок *нё:бо:*, шесть *варава*, шесть служанок низшего разряда.

Перед переездом во дворец Сё:си переезжает в западную часть столицы, так как непосредственное перемещение невозможно из-за *катаими*⁴¹, запрета на передвижение в определенном направлении, поскольку оно совпадает с перемещениями Срединного божества *Накагами*⁴².

День представления выбран Митинага весьма удачно: главная соперница, Тэйси, удалилась из дворца, чтобы разрешиться

от бремени, так что Сё:си может привлечь все внимание императора к себе.

Церемония представления (1 день 11-ой луны⁴³) ко двору Сё:си удалась. Если придворные проигнорировали удаление из дворца Тэйси, то при представлении ко двору Сё:си присутствуют одиннадцать придворных⁴⁴. Правый цензор Фудзивара Митиката читает «Шу цзин», за что получает надлежащее вознаграждение. Акадзомэ-но Эмон подчеркивает, что Сё:си — вполне взрослый человек, в ее облике нет ничего детского: «волосы тянутся за шлейфом ее платья на 5–6 сун^{ов}»⁴⁵, что считалось признаком красавицы. При этом она мимоходом замечает, что нынешняя мода ограничиваться только несколькими слоями одежды вместо десяти и более и кажется странной — «неужели дамам не холодно?»⁴⁶ Скорее всего, это результат борьбы император Итидзё: с придворной роскошью⁴⁷.

Первые два дня вместе с Сё:си во дворце проводит ее мать, Ринси — вероятно, чтобы помочь маленькой девочке привыкнуть к незнакомой обстановке, но скоро и она вынуждена покинуть дворец из-за *кэгарэ*, ритуальной нечистоты, связанной с беременностью⁴⁸. Женой императора стала двенадцатилетняя девочка, не способная еще выполнить свою главную роль — родить наследника. Средний возраст в период Хэйан для представления ко двору — 16 лет и 4 месяца, низший приходится на Сё:си — 12 лет. Средний же возраст матери при рождении первенца составляет 21 год и 4 месяца⁴⁹. Получается, что было вполне обычным представлять девушку во дворец на 3–5 лет раньше, чем она могла родить императору наследника. Видимо, этот запас во времени отводился на адаптацию во дворце, на налаживание отношений с императором. Но Митинага представляет Сё:си в 12 лет. Возможно, Митинага рассчитывал, что император Итидзё: вспомнит время, когда ему была представлена Тэйси, когда император сам был еще мальчиком⁵⁰. Однако, как свидетельствует «Эйга моногатари», это не способствовало появлению у императора увлечения Сё:си. Сначала, действительно, ширмы с *вака* сыграли свою роль, и император, возвращаясь утром в свои покои, задерживается по пути у Сё:си, рассматривая их. Но в то же время перед маленькой девочкой он чувствует себя стариком, император мечтает, как было бы хорошо, если бы его дочь была бы как Сё:си⁵¹. Сцена, описанная

в «Эйга моногатари», несколько утрирована — Митинага отмечает⁵², что император посещает Сё:си 7 числа и два раза — 14 числа, можно предположить, что посещения императора вызваны не столько восхитительным убранством покоев, сколько тоской из-за невозможности увидеть Тэйси и младенца. Покоюми Сё:си становится павильон Фудзицубо в северо-восточной части дворца Итидзё:ин⁵³.

Вскоре после представления ко двору (7 числа 11 луны) во дворце зачитывается указ о присвоении Сё:си титула наложницы нё:го⁵⁴, что свидетельствовало о благожелательном отношении императора, в первую очередь, видимо, к Митинага, поскольку с Сё:си он увидится первый раз только вечером этого дня, поговорит немного и уйдет. Придворные — Фудзивара Митицуна, Санэсукэ, Токимицу, Кинто:, Тадасукэ, Масанобу и другие — спешат с поздравлениями в покои Сё:си. Пользуясь случаем, Митинага с гордостью показывает Фудзивара Санэсукэ, отказавшемуся сочинить стихотворение для Сё:си, всю красоту ее покоев, в том числе и вака, написанные кистью знаменитого каллиграфа Юкинари⁵⁵.

7 число 11-го месяца ознаменовалось еще и рождением у императора Итидзё: первого сына, будущего принца Ацуюсу. Мать императора, Сэнси, присылает младенцу меч, но придворные встречают появление на свет наследника прохладно⁵⁶. Во дворце отмечают присвоение Сё:си звания нё:го, а не рождение Тэйси мальчика. Как сказал один из придворных на пиру по поводу присвоения Сё:си звания нё:го, Тэйси постриглась в монахини, она уже не императрица, она не может родить наследного принца⁵⁷. Может быть, именно из-за того, что рождение Тэйси принца Ацуюсу не воспринималось при дворе всерьез, в своем дневнике Митинага ничего не упоминает об этом событии, хотя, возможно, причина лишь в том, что дневник Митинага на конец четвертого года Тё:току (998) почти не сохранился.

Юная императрица

Спустя примерно год после появления Сё:си во дворце, в начале 12 луны 1 года Тё:хо (999)⁵⁸ император Итидзё: обращается за советом к Юкинари относительно повышения статуса Сё:си до императрицы. 7 числа Юкинари отправляется в усадьбу Митинага — *Цутимикадотэй* — и, рассказывая ему о новостях

придворной жизни, сообщает и о своем разговоре с императором. Митинага сразу же пишет письмо Сэнси и просит Юкинари передать ей письмо и помочь ему похлопотать за Сё:си. Видимо, о намерении императора повысить Сё:си Юкинари сообщил Митинага еще до 7 числа, поскольку Митинага уже продумал свои дальнейшие шаги. В этот же день Юкинари едет к Сэнси, в усадьбу *Хигаси сандзё:ин*, там он показывает послание Митинага, Сэнси пишет письмо, призванное убедить императора и вручает его Юкинари. Юкинари тут же выезжает во дворец, преподносит императору письмо Сэнси, сообщает о мнении Митинага.

Император оказывается в затруднительном положении: с одной стороны, именно он предложил повысить ранг Сё:си, с другой — император, похоже, не ожидал, что Митинага так быстро, словно уже ожидая такое предложение, начнет оказывать на него давление. Как сохранить высокое положение Тэйси, сделать следующим наследным принцем Ацуюсу и одновременно не испортить отношения с Митинага и Сэнси — вот о чем, наверное, всерьез задумался император. Ища поддержки, он спрашивает мнение Юкинари, который, однако, только поддержал Митинага — ведь это идея самого императора, так почему бы и не присвоить Сё:си титул императрицы? Юкинари предлагает повременить с повышением статуса из-за траура по императрице, скончавшейся 1 числа 12 луны. На вопрос Юкинари, можно ли передать Митинага, что все уже решено, император соглашается: «Так и следует поступить». Юкинари сразу же отправляется к Сэнси и сообщает ей волю императора. Затем Юкинари приезжает в усадьбу Митинага, показывает ему письмо Сэнси и передает слова императора. Митинага, из-за болезни весь день не выходивший из своих покоев, делает вывод, что повышение Сё:си — уже решенное дело, и безмерно благодарит Юкинари, говоря, что будет помнить его поддержку вовеки и отблагодарит даже детей Юкинари. Митинага просит Юкинари переписать несколько образцов текстов по случаю присвоения титула императрицы, а Абэ Сэймёю приказывает вычислить благоприятный день для проведения церемонии. Судя по следам от зачеркнутой записи в дневнике Митинага от 10 числа⁵⁹, он вызвал к себе Абэ Сэймёя и решал с ним все вопросы, связанные с присвоением титула императрицы: благоприятный день для оглашения приказа, для удаления из дворца,

для возвращения во дворец и т. д. Похоже, что именно неподобающая поспешность Митинага заставила императора позже взять свои слова назад — Митинага начал готовиться уже через три дня после того, как Юкинари передал ему слова императора, не получив даже и приказа императора, не отблагодарив его. Митинага, похоже, тоже весьма сожалел о своей поспешности, начисто вымарав дневниковую запись, чтобы потомкам ничего не было известно о происшедшем.

Вечером 14 числа Юкинари приезжает к Митинага и преподносит ему три текста по случаю присвоения Фудзивара Онсититула императрицы⁶⁰. 24 числа Юкинари наносит визит Сэнси, содержание их беседы неясно, возможно, они обсуждали ответные действия Митинага. В этот же день Сэнси вместе с Юкинари отправляется во дворец — вероятно, она намерена сама переговорить с императором о Сё:си, официальным поводом для визита Сэнси стала глазная болезнь императора⁶¹. 27 числа Юкинари заглядывает в покои Сэнси во дворце, и она сообщает ему, что император, действительно, согласен. Сэнси и Юкинари вместе удаляются из дворца. Юкинари отправляется к Митинага и еще раз убеждает его в согласии императора⁶². Главная причина частых визитов Юкинари к Митинага в том, что Митинага еще не виделся ни с императором, ни с Сэнси, поэтому знает все только со слов Юкинари. 29 числа Юкинари занят решением с Митинага различных вопросов, как вдруг его неожиданно вызывают во дворец⁶³. Император приказывает Юкинари не сообщать никому, что он дал согласие на повышение Сё:си, поскольку, видимо, императору стали известны действия Митинага, только и ждавшего, что император заговорит о повышении. Юкинари оказывается в трудном положении — ведь он уже сообщил Митинага о согласии императора, и поэтому Юкинари прилагает все усилия, чтобы разубедить его. Дневник Митинага за это время не сохранился, дневник Фудзивара Санэсукэ — тоже, и только благодаря дневнику Юкинари нам известно о разговоре, имевшем место между императором и Юкинари. Главным аргументом Юкинари становится праздник *О:харано*, в котором необходимо участие императрицы из рода Фудзивара. Тонкость спора в том, что император не принадлежит к роду Фудзивара, для него он ничем не лучше, например, рода Минамото, Татибана или Сугавара. Юкинари произносит

перед императором следующую речь⁶⁴: «Сейчас у нас три императрицы из рода Фудзивара: Сэнси, Дзюнси и Тэйси. Но все они постриглись в монахини, так что никто не может участвовать в родовых праздниках. То, что императрица получает от двора, предназначено для исполнения обязанностей перед божествами, а после пострижения в монахини они не могут их исполнять, и пожалования превращаются в напрасную трату средств. Иногда у нас появляются странные знамения, это все из-за того, как свидетельствует гадание, что божества не почитаются должным образом. В годы Эйсо (989–990) в нашей стране было четыре императрицы, это недостойный пример, словно в бурные времена ханьского императора Ай Ди. Но сейчас при дворе — только две императрицы. Неужели не было бы правильно прибавить к ним еще одну, чтобы она могла справлять свои обязанности перед божествами? Наша страна — страна богов, поэтому следует ставить долг перед ними превыше всего. Императрица Тэйси вступила на путь Будды, поэтому она не может служить божествам. Только благодаря благоволению императора за ней сохранили и титул императрицы, и даже ранговые поля. Может быть, стоит все-таки сделать Сё:си императрицей, чтобы она могла участвовать в родовом празднике? Сама природа праздника *О:харано* такова, что в нем должны участвовать императрицы. Поскольку нынешние императрицы не могут в нем участвовать, Митинага как глава рода участвует в нем, но, видимо, не этого хотят божества. А ведь это недолжное почитание божеств. Я тоже происхожу из рода Фудзивара, поэтому и говорю о празднике *О:харано*, но присваивать Сё:си титул императрицы или нет, — на это воля императора».

В конце первой луны, примерно через месяц после начала всей истории, Юкинари все-таки получает от императора приказ сообщить о разрешении на присвоении титула императрицы⁶⁵. Юкинари предлагает, что будет, наверное, лучше, если новость до Митинага донесет Сэнси. Император соглашается. Видимо, Юкинари отправляется к Сэнси, и вместе с ней — к Митинага. Митинага опять начинает подготовку, приказывая Юкинари переписать для него «Записи о назначениях женского дворца»⁶⁶. 28 числа глава куро:до Минамото Масамицу приходит в покои Сё:си и в присутствии Митинага сообщает ей о решении императора повысить ее, о необходимости начать подготовку, в ча-

стности, определить благоприятный день. Это традиционный для хэйанского двора вариант повышения: император принимает решение о повышении, потом к будущей императрице отправляют императорского посланника, который сообщает волю государя, и только после этого начинается собственно подготовка к предстоящей церемонии. Митинага предстает перед императором и исполняет благодарственный танец. Судя по сохранившимся источникам, это первый раз, когда император Итидзё: и Митинага встретились в связи с повышением Сё:си. Далее Митинага в сопровождении Юкинари отправляется в покои Сэнси, и исполняет перед ней благодарственный танец. Юкинари преподносит Митинага «Записи о назначениях женского дворца». Далее Митинага в сопровождении Юкинари отправляются в *Нидзё:тэй*, там они решают различные дела, связанные в предстоящим повышением, а потом — вместе отправляются в *Цутимикадотэй*. Там Митинага вызывает Абэ Сэймэя, они выбирают благоприятный день для удаления из дворца, для оглашения приказа о представлении к титулу императрицы, для возвращения во дворец⁶⁷. Далее Митинага и Юкинари вдвоем отправляются во дворец и вдвоем же уезжают из него. 10 числа 2 луны Сё:си удаляется из дворца в *Нидзё:тэй*, а 11 числа во дворец возвращается Тэйси. 18 числа во дворце проводится церемония празднования 100 дней, исполнившихся принцу Ацуюсу. 22 числа на *дзин-но садэмэ*, собрании придворных, среди прочих вопросов обсуждается и вопрос о проведении церемонии присвоения Сё:си титула императрицы. 25 числа Сё:си переезжает в *Цутимикадотэй*, в этот же день Юкинари наносит визит Митинага. В этот же день в присутствии императора и многочисленных придворных Сё:си присваивается титул императрицы.

Акадзомэ-но Эмон, фиксирующая события постфактум, пишет, уже зная о том, что Сё:си получит титул императрицы⁶⁸. В ее сочинении не упоминается о той нелегкой работе, которую проделали Митинага, Сэнси и Юкинари, чтобы Сё:си получила титул императрицы. Как пишет Акадзомэ-но Эмон, слухи о том, кому же достанется титул императрицы, взволновали дворец. Мотивировку повышения Сё:си Акадзомэ-но Эмон приводит просто невероятную: «Поскольку Тэйси занята воспитанием принца и совсем не появляется во дворце, то почему бы ее место не занять милой Сё:си?»

25 числа во дворце оглашается долгожданный указ о присвоении Сё:си титула императрицы⁶⁹, однако император отсутствует во дворце, словно желая подчеркнуть, что оно не представляется ему важным. Для Сё:си учреждается штат императрицы: управляющим делами императрицы назначают дайнагона Минамото Токинака, заместителем управляющего — советника Масанобу, помощником — Масамицу, занимавшего должность *куродо-но то*⁷⁰, Сё:си также жалуются земли в кормление⁷¹. Юкинари тоже получает свое должное вознаграждение за помощь: в начале 3-ей луны он подает прошение о снятии с должности *куродо-но то* в связи с повышением до советника⁷². Сё:си удаляется из дворца в *Цутимикадотэй*, чтобы произвести все необходимые приготовления для появления во дворце в качестве императрицы. 4 числа 3 луны она устраивает подношения всем божествам в благодарность за повышение⁷³. 13 числа во дворце происходит пир по поводу повышения Сё:си, после которого она должна вернуться во дворец⁷⁴.

27 числа Тэйси удаляется из дворца из-за беременности, ставшей неприятной новостью для Митинага.

Митинага старается изо всех сил, чтобы Сё:си во дворце затмила своим величием всех дам⁷⁵. 5 числа четвертого месяца он докладывает императору⁷⁶, что все готово к переезду Сё:си, который состоится через день⁷⁷. Сё:си возвращается в северо-восточную часть дворца Итидзё:ин⁷⁸. Церемония представления ко двору, как свидетельствует «Эйга моногатари», действительно удалась, в покоях Сё:си в Фудзицубо появились атрибуты императрицы — скамеечка для обедов, статуи корейской собаки *комаину*⁷⁹ и китайского льва *сиси* перед пологом, дамам, прислуживающим Сё:си, позволено носить запрещенные цвета⁸⁰, однако император, кажется, не выказывает особого расположения к новой императрице. Он появляется в покоях Сё:си только месяц спустя, 4 числа 5 месяца⁸¹. Акадзомэ-но Эмон опять подчеркивает, что Сё:си — вполне взрослая дама, и императору она тоже кажется повзрослевшей⁸², однако в действительности, похоже, тринадцатилетняя Сё:си и ее покои не привлекали императора, поскольку 28 числа 5 луны Сё:си опять удаляется в усадьбу отца⁸³, *Цутимикадотэй*. Она возвращается она во дворец только в 9 луне. Сэнси, мать императора, которая никогда бы не поддержала Тэйси, старается подбодрить Сё:си,

обмениваясь с ней *вака* на праздник *Танабата*⁸⁴. 7 числа 9 луны император, чтобы не допустить окончательного ухудшения отношений с Митинага, отдает приказ о возвращении Сё:си во дворец⁸⁵, и Сё:си радостно возвращается на следующий день. 21 числа император наносит визит Сё:си, однако остается в разочаровании: кроме детских игр его там по-прежнему ничего не ждет, во дворце скучно без Тэйси, он предпочитает вызвать во дворец Гэнси⁸⁶.

Как прошел остаток года, узнать уже, видимо, невозможно: дневник Митинага не сохранился, «Эйга моногатари» упоминает лишь, что 15 числа 12 луны двадцатипятилетняя Тэйси умирает во время родов принцессы Биси, повергнув императора в такую тоску, что он забывает обо всех дамах, включая Сё:си⁸⁷. Известие о смерти Тэйси, несомненно, порадовало Митинага — формально Сё:си стала первой во дворце, однако до рождения наследника было еще очень далеко.

Воспитание принца Ацуюсу

Третий год Тё:хо: (1002), не сохранившийся в дневнике Митинага, ознаменовался новым проектом Митинага. Тринадцатилетней Сё:си, еще не способной родить наследника, нужно было что-то, что могло привлечь к ней императора. Принц Ацуюсу воспитывался Корэтика и его возвышение до наследного принца как первенца, вследствие чего Корэтика возвышался бы до регента, было самым нежелательным для Митинага исходом. Трудно сказать, кто был автором этой идеи — Митинага, Юкинари, или император, но во второй луне Сё:си принимает Ацуюсу на свое воспитание⁸⁸, а сам Митинага обязуется заботиться о принце, справлять все необходимые обряды. Как свидетельствует «Эйга моногатари», император стал чаще посещать покои Сё:си, всякий раз приводя с собой Ацуюсу⁸⁹. Через полгода Ацуюсу переезжает в покои Сё:си⁹⁰, и уже 11 числа 8 луны Митинага устраивает для Ацуюсу обряд первого кормления животной пищей⁹¹. Отношения Митинага и императора Итидзё: вновь налаживаются, но Сё:си оказывается вынужденной покинуть дворец из-за опасной болезни Митинага⁹². Возвращается она только в 11 луне⁹³. За это время Митинага устраивает в Цутимикадотэй празднование сорокалетия Сэнси, император тоже присутствует на нем⁹⁴. Но в начале 11 луны Сэнси серьезно

заболевает, Сё:си пытается подбодрить ее, по-взрослому рассудительно советует вызвать врачевателя⁹⁵, но 22 числа 12 луны Сэнси умирает⁹⁶.

13 числа 11 луны во дворце, в присутствии императора совершается обряд надевания *хакама* для Ацуясу⁹⁷. Принц Ацуясу, поддерживаемый и императором, и Митинага, воспринимается всем двором в качестве будущего наследника.

Заключение

Подводя итоги данной работы, хотелось бы отметить две основных тенденции.

Во-первых, синхронные источники хорошо демонстрируют разделение культуры на две сферы: мужскую и женскую. Как правило, информация женских источников неточна или неполна, поскольку автор описывает то, о чем знает лишь понаслышке, или же описывает только результат, не зная о том, какая «работа» была проделана до этого. Хороший пример этому — история с присвоением Сё:си титула императрицы в мужских дневниках и в «Эйга моногатари». Именно вследствие подобного культурного разделения нам так мало известно о хэйанских дамах: все, что мы знаем, получено или из литературных источников, или из мужских дневников. Как хорошо прослеживается на примере Сё:си, по дневнику отца мы можем восстановить только ее основные поступки, но их мотивировку мы можем только предполагать.

Во-вторых, биография Сё:си довольно хорошо проявляет основные черты характера самого Митинага, его роль в политической жизни двора. Митинага часто везло, как, например, во время эпидемии 995 года, унесшей жизни верхушки придворной аристократии и открывшей Митинага путь наверх. Важную роль в успехе Митинага сыграли, видимо, и личные пристрастия императора, который предпочел в качестве политического союзника его, а не Корэтика. Видимо, головокружительная карьера Митинага объясняется прежде всего его личными качествами: умением воспользоваться ситуацией, быстротой действий. Молодой Митинага подчас действует неподобающе поспешно, чем вызывает неодобрение императора, как, например, в истории с присвоением Сё:си титула императрицы. На этом же сюжете хорошо прослеживается умение Митинага использовать

различные придворные механизмы политической игры, умело оказывать давление на императора, формально не вступая в игру. Митинага всегда стремится быть первым, лучшим, что проявляется, в частности, в том, что он добивается, что Сё:си в двенадцать лет становится императрицей.

Примечания

¹ *Хасимото Ёсихико*. Хэйан-но кю:тэй то кидзоку (Хэйанский двор и аристократия). Токио: Ёсикава ко:бункан, 1996, с. 252

² *Хасимото Ёсихико*. Указ. соч., с. 235

³ Кудзё: усё:дзё: юйкай (Наставления правого министра из рода Кудзё:)/ Кодай сэйдзи сякай сисо:. Токио: Иванами сётэн, 1979 г.

⁴ Например, дневник Минамото Такаакира «Сайгу:ки», дневник Фудзивара Санэсукэ «Сё:ю:ки»

⁵ Как, например, энциклопедический сборник «Кодзируйэн».

⁶ *Хасимото Ёсихико*. Указ. соч., с. 246.

⁷ Таков четвертый год Тё:току (998), о событиях которого нам известно только из «Эйга моногатари».

⁸ Единственное исключение представляет собой «Мидо: кампакуки», в котором откомментированы только 8 лет.

⁹ *Хасимото Ёсихико*. Указ. соч., с. 247.

¹⁰ *William H. McCullough, Helen Craig McCullough*. Tale of Flowering Fortunes: Annals of Japanese Aristocratic Life in the Heian Period. Stanford University Press, 1980, p. 50.

¹¹ Считается, что основным стимулом к написанию «Эйга моногатари» был успех «Гэндзи моногатари».

¹² Исследователи «Эйга моногатари» насчитывают порядка 385 фактических ошибок в первых 30 главах, из которых 210 хронологических, и 101 — неверно указанный пост аристократа (Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 33)

¹³ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 26

¹⁴ *Китаяма Сигэо*. Фудзивара Митинага. Токио: Иванами сётэн, 1995, с. 64.

¹⁵ *Курамото Кадзухиро*. Сэккан сэйдзи то о:тё:кидзоку (Политика сэккан и хэйанская аристократия). Токио: Ёсикава ко:бункан, 2000, с. 135–136.

¹⁶ Там же, с. 138–39.

¹⁷ Императрицы: дочь императора Уда, принцесса Иси и Фудзивара Онси, дочь Фудзивара Мотоцунэ; наложницы: Минамото Васи (дочь императора Ко:ко:), Фудзивара Но:си (дочь Фудзивара Садаката), Фудзивара Вакако (дочь Фудзивара Садаката); младшие наложницы: Фудзивара Ёсики (дочь Фудзивара Суганэ), Минамото Тё:си (дочь Минамото Тоно:), Фудзивара Со:си (дочь Фудзивара Канэсукэ), принцесса Манси (дочь принца Сукэми), Фудзивара Сэнси (дочь Фудзивара Норинага), Минамото Хо:си (дочь Минамото Хисааки), дочь Минамото Нобору, дочь

Фудзивара Корэхира, дочь Минамото Тосими (*Яманака Ютака*. Гэндзи моногатари о ёму (Читая «Гэндзи моногатари»). Токио: Ёсикава ко:бункан, 1993, с. 25–26).

¹⁸ *Яманака Ютака*, указ. соч., с. 121

¹⁹ Там же, с. 122.

²⁰ *О:цу Тоору*. Митинага то кю:тэй сякай (Митинага и придворное общество). Токио: Ко:данся, 2001, с. 48–49.

²¹ *Фукуто: Санаэ*. Хэйан о:тё:но кодомоатати (Дети в период Хэйан). Токио: Ёсикава ко:бункан, 2004, с. 274.

²² Там же, с. 281.

²³ Фудзивара Юкинари.

²⁴ Фудзивара Кинто:.

²⁵ *Фукуто: Санаэ*. Указ. соч., с. 278–280.

²⁶ Там же, с. 283.

²⁷ *О:цу Тоору*. Указ. соч., с. 49.

²⁸ *Фукуто: Санаэ*. Указ. соч., с. 284.

²⁹ Гонки (Дневник Фудзивара Юкинари). Токио: Дзокугунсё руйдзю: кансэйкан, 1996, Тё:току-4-8-14

³⁰ *Курамато Кадзухиро*. Итидзё: тэнно: (император Итидзё:). Токио: Ёсикава ко:бункан, 2003, Император Итидзё:, с. 88–89.

³¹ *Яманака Ютака*. Указ. соч., с. 75.

³² Гонки, Тё:току-4-8-15.

³³ *Курамато Кадзухиро*. Указ. соч., с. 139.

³⁴ Мидо: кампакуки (Записи канцлера из павильона Мидо). Токио: Сибункаку сюппан, 1984, Тё:хо-1-9-25, Император Итидзё:, с. 98–99.

³⁵ Мидо, Тё:хо-1-10-21.

³⁶ Мидо, Тё:хо-1-10-27.

³⁷ Знаменитый мастер Яматоз, его имя упоминается даже в «Гэндзи моногатари» (*О:цу Тоору*. Митинага и придворное общество, с. 146).

³⁸ Гонки, Тё:хо-1-10-30, Сё:юки (Дневник Фудзивара Санэсукэ). Токио: Иванами сётэн, 1992, Тё:хо-1-10-30.

³⁹ Знаменитая фрейлина нё:бо: из свиты Тэйси, прославившаяся своим литературным талантом, в основном благодаря «Запискам у изголовья» (ок. 1000 г.).

⁴⁰ *Китаяма Сигэо*. Фудзивара Митинага, с. 66.

⁴¹ Мидо, Тё:хо-1-10-25, Яманака Ютака. Читая «Гэндзи моногатари», с. 131.

⁴² Гэндзи моногатари дзутэн (Иллюстрированная энциклопедия «Гэндзи моногатари»). Токио: Сё:гаккан, 1997, с. 161.

⁴³ Мидо, Тё:хо-1-11-1.

⁴⁴ *Дайнагоны* Минамото Токинака, Фудзивара Митицуна, Фудзивара Канэтада, *тю:нагоны* Фудзивара Токимицу, Тайра Корэнака, советники *санги* Фудзивара Канэхира, Сугавара Сукэмаса, Фудзивара Акинобу, Фудзивара Тадасукэ, Фудзивара Масанобу, Минамото Тосиката (Сё:юки, Тё:хо-1-11-2), Император Итидзё:, с. 99, *О:цу Тоору*. Митинага и придворное общество, с. 49.

⁴⁵ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 218. Один *сун* — 3,03 см.

- ⁴⁶ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 218.
- ⁴⁷ Один из первых указов император Итидзё:, см. Нихонкиряку, Эйэн-2-7-25, *Курамото Кадзухиро*. Император Итидзё:, с. 16, *О:цу Тоору*. Митинага и придворное общество, с. 65.
- ⁴⁸ Мидо, Тё:току-4-11-3, *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 99.
- ⁴⁹ *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 100–101.
- ⁵⁰ Там же, с. 101.
- ⁵¹ Там же, с. 103–104; Tale of Flowering Fortunes, p. 219–220.
- ⁵² Мидо, Тё:току-4-11-14; *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 103.
- ⁵³ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 219.
- ⁵⁴ Мидо, Тё:току-11-7.
- ⁵⁵ *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 99–100.
- ⁵⁶ Сё:юки, Тё:току-4-11-7; Гонки, Тё:току-4-11-7; *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 102.
- ⁵⁷ Гонки, Тё:току-4-11-7.
- ⁵⁸ Гонки, Тё:хо-1-12; *Курамото Кадзухиро*. Политика Сэккан и хэйанская аристократия (с. 156–164).
- ⁵⁹ Мидо, Тё:хо-1-12-10.
- ⁶⁰ Гонки, Тё:хо-1-12-14.
- ⁶¹ Гонки, Тё:хо-1-12-24; *Курамото Кадзухиро*. Император Итидзё:, с. 107.
- ⁶² Гонки, Тё:хо-1-12-27.
- ⁶³ Гонки, Тё:хо-1-12-29.
- ⁶⁴ *О:цу Тоору*. Указ. соч., с. 238–239.
- ⁶⁵ Гонки, Тё:хо-2-1-28.
- ⁶⁶ Мидо, Тё:хо-2-1-28.
- ⁶⁷ Мидо, Тё:хо-2-1-28.
- ⁶⁸ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 221.
- ⁶⁹ Мидо, Тё:хо-2-2-25; *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 114. «Эйга моногатари», как всегда, ошибается с датой — она приводит начало 3 луны (Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 223).
- ⁷⁰ *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 111.
- ⁷¹ Указ от 16 числа 3 луны (Мидо, Тё:току-2-3-16).
- ⁷² *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 112.
- ⁷³ Мидо, Тё:току-2-3-4.
- ⁷⁴ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 223, в Мидо упоминаний нет.
- ⁷⁵ Мидо, Тё:току-2-3-28.
- ⁷⁶ Мидо, Тё:току-2-4-5.
- ⁷⁷ По версии «Эйга моногатари» — 13 числа (Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 224).
- ⁷⁸ Мидо, Тё:току-2-4-7; *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 114.
- ⁷⁹ У животного слева был открытый рот, у животного справа — закрытый. Как предполагается, это верование пришло в Японию из Индии или Персии через Корейский полуостров, поэтому собаки и стали называться корейскими. В середине периода Хэйан их стали ставить во дворце вместе со статуей китайского льва *сиси*, чтобы они охраняли дворец от всех злых духов.
- ⁸⁰ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 224–225.

- ⁸¹ Гонки, Тё:току-2-5-4; *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 114.
- ⁸² Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 225.
- ⁸³ Мидо, Тё:току-5-28; *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 114.
- ⁸⁴ *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 118.
- ⁸⁵ Там же, с. 120–121.
- ⁸⁶ Там же, с. 121.
- ⁸⁷ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 231; *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 123.
- ⁸⁸ *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 126–27; Гонки, Тё:хо-3-2.
- ⁸⁹ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 252.
- ⁹⁰ *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 127.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же; Гонки, Тё:хо-3-9-9; Tale of Flowering Fortunes, p. 234.
- ⁹³ *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 127; Нихонкиряку.
- ⁹⁴ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 241; *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 127.
- ⁹⁵ Tale of Flowering Fortunes. Op. cit., p. 244.
- ⁹⁶ Ibid., p. 247.
- ⁹⁷ *Курамото Кадзухиро*. Указ. соч., с. 127.

«Китано Тэндзин энги» как исторический источник культа Сугавара Митидзанэ

Л. Федянина

«Китано Тэндзин энги» — комплексный источник культа Тэндзин, наиболее полно описывающий историю его возникновения и развития. Под именем Тэндзин обожествлен Сугавара Митидзанэ (845–903), один из наиболее выдающихся деятелей японской истории и культуры. Содержание культа значительно изменялось на протяжении его более чем тысячелетней истории, и сегодня Тэндзин является божеством знания и учености, которое почитают в сотнях святилищ по всей стране. Многочисленнее только святилища, посвященные Инари и Хатиману. Таким образом, культ Тэндзин является один из самых популярных в современной Японии.

Подобно большинству японских культов, культ Тэндзин имеет синкретический характер и сложился на основе местных верований в условиях широкого распространения материковых религиозных учений. Он стал результатом синто-буддийского синкретизма, и вплоть до разделения синто и буддизма в 1868 г. его институтами были синтоистские святилища и буддийские монастыри. Для письменной фиксации своей истории и для проповеднической деятельности культ Тэндзин позаимствовал буддийский жанр *энги*. *Энги* (縁起, кит. юань *ци*, санскр. *пратитья-самутпада*) — важнейшая категория буддийской философии, имеющая значение «причинности», «причинной зависимости», «взаимозависимого порождения». Помимо основного философского значения, этот термин приобрел и сопутствующее: он означал начало чего-либо, происхождение, появление. В Японии словом *энги* также обозначали тексты, повествовавшие о происхождении и истории буддийских и синтоистских храмов и поддерживающие предания об их основателях и подвижниках, связанных с ними чудесах и т. д.

Первые известные *энги* о божестве Тэндзин датируются 1194 г.: это так называемые «Кэнкю-хон», то есть «Книга годов

Кэнкю» (годы Кэнкю 1190–1199). Известный сегодня текст «Кэнкю-хон» дошел до нас в составе тринадцатого свитка «Китано бунсо» («Собрание документов Китано») монаха Сюэн (1786–1859), который скопировал текст «Кэнкю-хон», хранившийся в семье Годзё, потомков Митидзанэ. Таким образом, сегодня нам доступен только список 1828 г. В тексте указана точная дата написания оригинала: 5 год Кэнкю (1194 г.), 24-й день десятой луны. Эта дата спорна, но японские ученые единодушны во мнении, что «Кэнкю-хон» написана примерно в это время и является первой из известных *энги* культа Тэндзин¹.

Появление всеобъемлющей истории культа именно в конце XII в. обусловлено рядом причин, из которых, прежде всего, следует назвать логику развития самого культа. К этому времени уже появились многочисленные и различные по характеру письменные источники, отражавшие отдельные моменты его появления и развития. Однако единого текста, дающего полную картину становления и содержания этого широко распространенного и популярного культа, не существовало.

Внутренняя потребность культа в создании собственной истории совпала с политическими устремлениями рода Кудзё, стоявшего за созданием первых *энги* о Тэндзин. Время создания «Китано Тэндзин энги» (Кэнкю-хон) пришлось на период становления первого сёгуната (конец XII в.²), когда в жизни Японии происходили глубокие политические и социальные перемены. Тогда на востоке страны, в районе Канто, в Камакура, был создан новый политико-административный центр. Власть распределилась между императором в Киото и военным правительством в Камакура. Посредниками между императорским двором и сёгуном выступали представители рода Кудзё, весьма значимые на политической сцене: например, основатель первого сёгуната Минамото Ёритомо поддерживал регента Кудзё Канэдзанэ (1149–1207).

---

¹ *Сакамото Таро*. Предисловие / Китано. Сер.: Синто тайкэй (Собрание памятников синто). Дзиндзя хэн (Храмы). Т. 11. Китано. Токио: Сэйкося, 1978. С. 13–14.

² В отечественном японоведении датой установления первого, Камакурского, сёгуната принято считать 1185 г. Японские историки называют несколько дат от 1183 до 1192 г.

Существуют две версии авторства *энги*. Согласно одной из них, автором был младший брат Канэдзанэ, монах Дзиэн (посмертное имя Дзитин, 1155–1225), сын Фудзивара Тадамити (1097–1164). Дзиэн был не просто рядовым монахом, но главой школы Тэндай; известен как поэт и автор первого исторического трактата в Японии³. В таком случае, очевидно намерение автора написать историю культа, в становлении которого важную роль сыграл его род. Известно, что первые иллюстрированные «Китано Тэндзин энги» («Дзёкю-хон») составил в 1219 г. Кудзё Митиизэ (1191–1252), внук Канэдзанэ. Это прямое и неоспоримое свидетельство внимания Кудзё к культу Тэндзин. Согласно другой версии, автором является Сугавара Тамэнага, потомок Митидзанэ, принадлежавший к духовенству святилища в Китано или, по крайней мере, к духовенству школы Тэндай, в ведении которой тогда находилось святилище⁴. В этом случае стремление Тамэнага написать историю культа с акцентом на роли Кудзё объясняется зависимым положением автора от рода Кудзё. В любом случае, на основе анализа содержания текста становится очевидным, что автор принадлежал к духовенству самого святилища в Китано или школы Тэндай.

К концу XII в. чрезвычайно широко распространилась идея о том, что мир вступил в период «конца Закона» (*маппо*), когда не осталось даже подобия истинного учения Будды. Эволюция культа Тэндзин во многом определялась появлением новых школ буддизма и общим оживлением религиозной жизни. Однако при этом взаимодействие синтоистских и буддийских представлений стало еще более прочным. Тэндзин, первоначально почитавшийся в рамках культа «разгневанных духов» и «священных духов», приобретал черты человеколюбивого божества, которое защищает от ложных обвинений и награждает за честность. Широко распространившийся амидаизм, оформив-

---

³ «Гукансё» («Записки глупца»), сочинение в семи свитках, повествующее об истории Японии со времен первого легендарного императора Дзимму до императора Дзюнтoku (1197–1242). Первое в средневековой Японии сочинение, посвященное философии истории. См. Мещеряков А. Н. Первый историк Японии — Дзиэн // Народы Азии и Африки, 1989, № 5, с. 37–46.

⁴ Сакамото Таро. Предисловие / Китано. Сер.: Синто тайкэй. Дзиндзя хэн. Т. 11. С. 13–14.

шийся в самостоятельные школы ⁵, привлекал обещанием легкого пути спасения. В своих ранних откровениях (942 г., 947 г.) Тэндзин обещал вознаграждать тех, кто поклоняется ему, что переключается с обещанием спасения в амидаизме.

Таким образом, очевидно, что создание в конце XII в. концептуальной истории формирования культа Тэндзин, зафиксированной в «Китано Тэндзин энги», обусловлено политической и религиозной ситуацией того времени.

«Кэнкю-хон» написана по-японски, графически передается *канамадзир*и *бун* — «письмом, смешанным со знаками каны»⁶, т. е. частично китайскими иероглифами, частично знаками каны. Сюэн указывает, что внешнее заглавие свитка, прикрепляемое снаружи, было «Тэндзин ки» («Записи о Небесном боже-стве»)⁷.

При чтении *энги* сразу же обращает на себя внимание эпизодичность повествования (несмотря на то, что в варианте «Кэнкю-хон» отсутствуют иллюстрации, играющие определенную сюжетообразующую роль). Подобная эпизодичность вообще характерна для японской литературы, примером чего могут служить «Исэ-моногатари» и «Гэндзи-моногатари». Проблема фрагментарности описания в японской литературе является одной из ключевых.⁸ И. А. Боронина отмечает, что эпизодичность романа «Гэндзи-моногатари» имеет связь с поэзией *танка* и древней драмой. Она также указывает, что жанр *эмаки-моно* (рассказы в картинах, чередующиеся с текстом) способствовал сближению литературы с живописью и эпизодичности описания⁹. Однако представляется, в случае «Кэнкю-хон» повествование через отдельные фрагменты объясняется не только

---

⁵ Школы Дзёдо сю и Дзёдо синсю. Дзёдо сю — школа Чистой земли, основатель Хонэн (1133–1212). Дзёдо синсю — Истинная школа чистой земли, основатель Синран (1173–1262).

⁶ Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М.: Наука, 1974. С. 258.

⁷ Китано си (История Китано). Т. 2. Токио: Кокугакуин Дайгаку сюпанбу, 1909.

⁸ См., в частности, Мещеряков А. Н. Древняя Япония. Культура и текст. М.: Наука, 1991.

⁹ Боронина И. А. Классический японский роман. М.: Наука, 1981. С. 90–91.

особенностью японской литературы, но и особенностями составления данного текста. Он представляет собой соединение отдельных сюжетов из письменных памятников разного времени. Разнохарактерный материал расположен в хронологическом порядке в соответствии с четко определенным авторским замыслом.

Рассмотрим подробнее, какие источники легли в основу «Кэнкю-хон». Прежде всего, это две биографии Митидзанэ, составившие основу его жизнеописания в *энги*. К середине X в. появляется самая ранняя из его известных биографий «Китано Тэндзин го-дэн» («Жизнеописание божества Тэндзин из Китано»)¹⁰. Предполагается, что ее составил Аrimi, внук Митидзанэ, в 931–947 гг. для «Синкокуси» («Новой истории страны»)¹¹. Эта биография ничего не говорит о Митидзанэ как о божестве, а ее заглавие является позднейшим дополнением. Однако наряду с точным и подробным перечислением должностей и рангов, а также исторических и поэтических трудов, уже в этой биографии появляются первые легендарные сведения о Митидзанэ: история о стрельбе из лука и о праздновании его пятидесятилетия.

Вторая по времени составления биография Митидзанэ, «Канкэ го-дэн ки» («Записи о жизни Сугавара Митидзанэ») написана в 1106 г. Сугавара Нобуцунэ, прямым потомком Митидзанэ¹². Это более объемный и композиционно сложный текст, чем первая биография. Ее примечательной особенностью являются ссылки на использованные источники¹³. Включенная в биогра-

---

¹⁰ Это название является более поздним, чем сам текст.

¹¹ «Синкокуси» («Новая история страны») — намечавшееся продолжение «Риккокуси». Император Мураками назначил главным составителем этой истории Ооэ Асацуна (886–957) См. Сакамото Таро. Риккокуси (Шесть национальных историй). Токио: Ёсикава кобункан, 1970. С. 331–338.

¹² Канкэ го-дэн ки (Записи о жизни Сугавара Митидзанэ) / Китано. Сер.: Синто тайкэй. Дзиндзя хэн. Т. 11. С. 83–91.

¹³ В начале биографии указаны «Нихон сёки» («Анналы Японии») и «Сёку Нихонги» («Продолжение анналов Японии»), «Сидзоку сисё» («Собрание записей о родах»), «Синсэн сёдзироку» («Вновь составленные родовые списки»), «Сугавара тайкэй тё» («Записи семьи Сугавара»); в конце — «Канкэ бунсо» («Литературные наброски Сугавара Митидзанэ»), «Канкэ косю» («Позднее собрание Сугавара Митидзанэ»), «Сандай дзидзироку» («Истинные записи о трех правлениях»), «Кугё бунин» («Занятие должностей высшими аристократами», различные дневники.

фию легенда о чудесном происхождении Митидзанэ является позднейшей припиской 1118 года¹⁴: она помещена в самом конце текста памятника, после подписи и даты¹⁵.

Некоторые эпизоды автор *энги* основывает на произведениях самого Митидзанэ. Прежде всего, это относится к его стихотворениям, которые часто цитируются или пересказываются в тексте. Особое внимание уделяется предисловию Митидзанэ к буддийскому трактату «Кэнъё дайкай-рон» («Рассуждение о выявлении великих заповедей») школы Тэндай¹⁶.

Значительную часть источников составляет религиозная литература, прежде всего записи откровений и видений его адептов. Автор *энги* частично пересказывает важный культовый источник «Докэн сёнин мэйто ки» («Записи о путешествии в потусторонний мир святого Докэн»)¹⁷, появившийся примерно в 940–941 гг. Коррекция посмертного образа Митидзанэ этим источником определяет буддийскую составляющую культа: «Докэн сёнин мэйто ки» отражает новый этап развития культа Тэндзин, когда буддизм, не возражавший против культов народных богов, принимал их, не нарушая пути к своей конечной цели (*нирване*)¹⁸.

Записи откровений, данных Аяко (в 942 г.)¹⁹ и Тарумаро (в 946 г. или 947 г.)²⁰, которые также пересказываются в *энги*,

¹⁴ Канкэ го-дэн ки (Записи о жизни Сугавара Митидзанэ) / Китано. Сер.: Синто тайкэй. Дзиндзя хэн. Т. 11. С. 88.

¹⁵ Этот отдельный дан называется «Тэндзин кэгэн ки» («Записи о воплощении божества Тэндзин»); он написан Ооэ Сукэкуни со слов Фудзивара Ёсинака, главы ремонтного управления.

¹⁶ Этот трактат — один из основных трудов Эннина (794–864), преемника основателя школы Сайтё. В трактате комментируются и толкуются заповеди школы Тэндай.

¹⁷ Через несколько лет появляется его расширенный вариант «Записи о видениях монаха Нитидзо» («Нитидзо муки»).

¹⁸ Докэн сёнин мэйто ки (Записи о путешествии в потусторонний мир святого Докэн) / Китано. Сер.: Синто тайкэй. Дзиндзя хэн. Т. 11. С. 77–80.

¹⁹ Китано Тэмман Дайдзидзай Тэндзингу Ямасиро-но куні Кадоно-но кори Увабаяси-но го энги (Энги об основании храма Китано Тэмман Дайдзидзай Тэндзин в провинции Ямасиро, уезде Кадоно, деревни Увабаяси) / Китано. Сер.: Синто тайкэй. Дзиндзя хэн. Т. 11. С. 8–9.

²⁰ Тэнкё кунэн сангацу фуцука тори-но токи Тэмман Тэндзин готакусэн ки (Записи об откровении Тэмман Тэндзин во 2-й день третьей луны в девятый год эры Тэнкё) / Китано. Сер.: Синто тай-

свидетельствуют о следующем этапе развития представлений о духе Митидзанэ — этапе, когда культ Тэндзин уже оформлялся в самостоятельный. Записи монаха Сайтин «Китано-дэра со Сайтин кибун» («Записи Сайтин, монаха из храма в Китано») (ок. 977 г.), на которые опирается автор *энги*, рассказывают о создании святилища (не упоминая о роли Аяко), а затем о его развитии и процветании благодаря покровительству Фудзивара Моросукэ²¹. Автор *энги* также пересказывает содержание серии последующих откровений, явленных в Анракудзи²².

Автор *энги* использовал такие источники как исторические хроники, в частности, «Нихон кираку» («Краткая хронология Японии») ²³ и «Фусо рякки» («Краткая история Японии») ²⁴, памятники XI–XII вв.

При составлении своего текста автор *энги* нередко использовал художественные произведения. Так, например, вступление к *энги* является цитатой из молитвенного послания 1012 г. при-

---

кэй. Дзиндзя хэн. Т. 11. С. 42–44. Это откровение в данной записи датируется 946 г. Существует также запись этого откровения под названием «Записях об откровении Тэмман Тэндзин в час курицы в двенадцатый день третьей луны в год младшего брата огня и овцы, первый год эры Тэнряку («Тэнряку ганнэн хи-но то хицудзи сангацу дзю:ни нити тори-но токи Тэмман Тэндзин такусэн ки»), датируемая 947 г.

²¹ Китано-дэра со Сайтин кибун (Записки монаха Сайтин из храма в Китано) / Китано. Сер.: Синто тайкэй. Дзиндзя хэн. Т. 11. С. 29–30.

²² «Эйкан ни нэн року гацу нидзю ку нити такусэн ки» («Записи откровения 29-го дня шестой луны второго года эры Эйкан», т. е. 984 г.); «Сёряку саннэн дзюни гацу ёкка такусэнки» («Записи откровения в 4-й день двенадцатой луны третьего года эры Сёряку», т. е. 992 г.); «Сёряку ённэн хати гацу хацука такусэнки» («Записи откровений в 20-й день восьмой луны четвертого года эры Сёряку», т. е. 993 г.). См. Китано Тэндзин го-такусэн кибун (Тексты записей откровений божества Тэндзин из Китано) / Китано. Сер.: Синто тайкэй. Дзиндзя хэн. Т. 11. С. 34–61.

²³ «Нихон кираку» — краткая неофициальная история Японии от эры богов до правления императора Итидзё (986–1011), составленная в конце XI в.

²⁴ «Фусо рякки» — краткая неофициальная история Японии от легендарного императора Дзимму до правления императора Хорикава (1086–1070), составленная в начале XII в.

дворного чиновника и известного литератора Ооэ Масахира²⁵, в котором тот превозносил таланты Митидзанэ как государственного деятеля, а также как величайшего литератора и родоначальника словесности²⁶.

Одним из источников *энги* стало собрание жизнеописаний императоров и высших сановников дома Фудзивара «Оокагами» («Великое зеркало», вторая половина XI в. или начало XII в.)²⁷. Один из разделов второго свитка «Оокагами» посвящен левому министру Фудзивара Токихира. В нем описывается политическая борьба Фудзивара Токихира с Митидзанэ, приводится множество легенд, возникших после его смерти и связанных с мезьей его духа своим обидчикам. Автор *энги* цитирует японские песни, помещенные в «Оокагами» и приписываемые Митидзанэ. Однако они не входят в собрание его трудов и до сих пор не атрибутированы.

Еще одно литературное произведение, послужившие источником материала для *энги* — «Годансё» («Извлечение из рассказов Оэ») ²⁸. В этом обширном собрании текстов немало историй о Митидзанэ, четыре из которых в переработанном виде вошли в *энги*.

Характеризуя божество Тэндзин, автор *энги* заимствует истории о нем также из трудов Фудзивара Киёсукэ (1104–1177). В его литературоведческом трактате «Фукуро дзоси» (1157) и по-

---

²⁵ Это стихотворение известно благодаря тому, что оно помещено в «Хонтё мондзуй» («Лучшие сочинения японского двора»). «Хонтё мондзуй» — антология сочинений на китайском языке авторов начала IX–XI вв., составленная Фудзивара Акихира (989–1066). Сочинения распределены по 39 тематическим рубрикам. Точная дата составления «Хонтё мондзуй» не установлена; чаще других указывают 1037–1045 гг. и 1060 г. В антологию вошли тексты Сугавара Митидзанэ.

²⁶ Хонтё мондзуй, свиток 113. Цит. по Касаи Масааки. Тэндзин энги сэцува-но сэйрицу / Сугавара Митидзанэ то Дадзайфу Тэммангу. Т. 1. С. 491.

²⁷ Оокагами — Великое зеркало. Пер. Е. М. Дьяконовой. СПб: Гиперион, 2000.

²⁸ Ооэ Масафуса. Годансё (Извлечение из рассказов Оэ). Сер.: Син Нихон котэн бунгаку тайкэй (Новое собрание классической литературы Японии). Т. 32. Токио: Иванами сётэн, 1997. Памятник представляет собой сборник 447 рассказов о жизни аристократов. Сборник основан на рассказах чиновника и известного литератора Ооэ-но Масафуса (1041–1111), записанных около 1110 г. Фудзивара Сэнтомо.

этической антологии «Сёку сикавакасю» («Продолжение сборника «Цветы стихов») (ок. 1165) помещены легенды о Тэндзин, в которых тот обрисован как милосердное божество²⁹.

Таким образом, текст «Кэнкю-хон» состоит из многочисленных фрагментов, заимствованных из различных источников. Каждый фрагмент представляет собой отдельный сюжет, поэтому текст *энги* распадается на 38 данов в соответствии с такими сюжетами. В оригинале текста (списке Сюэна) отсутствует разделение по данам. Однако многие последовавшие за «Кэнкю-хон» иллюстрированные *энги* естественным образом разделялись на даны в соответствии с рисунками. Поэтому некоторые исследователи для удобства работы и простоты сравнения списков разбивают на даны и «Кэнкю хон». В тексте выделяются четыре композиционные части — вступление, жизнеописание Митидзанэ и его смерть (даны 1–16), обожествление духа Митидзанэ (даны 16–38), заключение.

Хронологическая канва служит одной из связей, придающих цельность разновременным и разнородным частям и известиям, почерпнутым из многочисленных источников. По содержанию текста *энги* подразделяется на две части. Первая часть представляет собой жизнеописание героя в традициях агиографического жанра. Вторая часть — описание возникновения и развития святилища в Китано, рассказанная через историю культа Тэндзин. Обращает на себя внимание точность датировок в первой части *энги*, которые перепроверяются по другим источникам того времени и являются вполне достоверными. В первой части *энги* автор преимущественно использует фактические данные, расцвечивая их немногочисленными легендами, поэтому каждое событие датировано зачастую не только годом, но днем и месяцем. В отличие от фактографической первой части *энги*, для второй характерны яркие и пространные описания, обращение к воображению и эмоциям читателя. Здесь точные даты встречаются гораздо реже, хотя автор продолжает располагать события в хронологическом порядке. Появляются такие указания на время события, как «во времена

---

²⁹Фукуро дзоси, свиток 4. Дзоку сикавакасю, свиток 8. Указ. по Хативара Тацуо. Комментарии / Дзися энги (Энги храмов и святилищ). Сер.: Нихон сисо тайкэй (Собрание произведений японской мысли). Т. 20. Токио: Иванами сётэн, 1975. С. 414.

императрицы Тайкэн» или другие недетализированные указания на время правления императора.

Соединив все фрагменты *энги* одной хронологической основой, автор внес в произведение больше единства, переработав его составные части с использованием одних и тех же приемов и положив в основу своего труда мировоззрение и дидактику буддизма. Интерпретируя факты, тщательно отобранные из более ранних источников, автор *энги* уделяет основное внимание проявлениям сверхъестественного и объявляет Митидзанэ воплощением бодхисаттвы Каннон. Так автор, отражая процесс превращения человека в божество, творит на основе истории жизни обычного человека «жизнь» божества.

Уже во вступлении автор *энги* сообщает, что история культа Тэндзин представляется как история поклонения воплощению бодхисаттвы. Далее рассказывается о полной чудес жизни Митидзанэ (необычайное появление на свет—сверхъестественные способности—добродетельная жизнь—несправедливое изгнание—прижизненное превращение в божество) и деяниях в других рождениях (месть духа Митидзанэ обидчикам—повелитель грозных божеств, почитающий Закон Будды,—покровитель почитающих его—защитник Закона Будды, карающий за непочтение к нему,—покровитель невинно оклеветанных). Следует иметь в виду, что мы имеем дело с памятником агиографической литературы, методы и выводы которого радикально отличаются от принятых в исторических и религиоведческих исследованиях. Автор *энги* намеренно обошел вниманием такие важные факторы и компоненты, как служебная карьера и исторические труды Митидзанэ; народные и оппозиционные элементы культа; почитание Тэндзин как покровителя словесности; родовой характер его почитания — хотя эти факты были ему известны. Акцентирование внимания на литературных талантах Митидзанэ связано с буддийской и конфуцианской традициями: с одной стороны, он рассматривается как воплощение Бодхисаттвы и поэтому обладает замечательными способностями, с другой стороны, китайская образованность предполагала мастерское владение кистью. Изображение духа Митидзанэ в рамках народных верований не гневным, но пришедшим спасти мир свидетельствует о преимущественно буддийской интерпретации его культа, имевшего синкретический характер.

Изучая историю культа Тэндзин по «Китано Тэндзин энги» необходимо помнить, что, хотя этапы формирования культа Тэндзин в общих чертах прослеживаются в тексте, хронологически они смещены или размыты. Это объясняется не только особенностями авторской обработки исторических сведений, но и использованием источников более поздних, чем описываемые события. Так, «Нихон кираку» и «Фусо рякки» связывают с проклятием духа Митидзанэ близкие ему по времени события: кончину его политических соперников (Суганэ, 855–908, Фудзивара Токихира, 871–909) и множество стихийных бедствий (эпидемии, наводнения, засухи, землетрясения). Однако, как убедительно доказывает Герберт Плюшов, эти два памятника весьма тенденциозны и неадекватно описывают события. Многие печальные происшествия и природные катаклизмы, случившиеся сразу же после смерти Митидзанэ, объясняются в них действиями разгневанного духа умершего, хотя в источниках X в. такая трактовка отсутствует³⁰. На тенденциозность и недостоверность «Нихон кираку» и «Фусо рякки», по крайней мере, в отношении культа Тэндзин, также указывает японский исследователь Касаи Масааки³¹. Подобную тенденцию мы наблюдаем и в литературных произведениях «Оокагами» и «Годансё».

«Китано Тэндзин энги» («Кэнкю-хон») стали официальной версией становления культа, не подвергавшейся сомнениям на протяжении столетий, а только дополнявшейся все новыми легендами и чудесами. В настоящее время известно свыше 120 произведений, называемых «Тэндзин энги». Наиболее поздние из них созданы в конце периода Эдо (первая половина XIX в.). Некоторые содержат только тексты, некоторые — тексты с иллюстрациями, некоторые — только иллюстрации. В целом, каждые *энги* отражают дух эпохи, в которую они были созданы, и фиксируют содержание культа Тэндзин на тот момент.

---

³⁰ *Herbert Plutschow. Ideology and Historiography: The Case of Sugawara no Michizane in the Nihongiryaku, Fuso Ryakki and the Gukansho / Historiography and Japanese Consciousness of Values and Norms. International Symposium. Kyoto, 2001.*

³¹ *Kasai Masaaki. Тэндзин энги сэцува-но сэйрицу (Формирование сказаний Тэндзин энги) / Сугавара Митидзанэ то Дадзайфу Тэммангу (Сугавара Митидзанэ и Дадзайфу Тэммангу). Т. 1. Токио: Ёсикава ко-бункан, 1975. С. 486, 489.*

* * *

Для перевода «Китано Тэндзин энги» («Кэнкю-хон») использовался текст, помещенный в томе «Дзися энги» («Энги храмов и святилищ») серии «Нихон сисо тайкэй» («Собрание произведений японской мысли»)³². В этом издании на основании позднейшего списка³³ восполнены отсутствующие отрывки текста.

---

³² Дзися энги (Энги храмов и святилищ). Сер.: Нихон сисо тайкэй (Собрание произведений японской мысли). Т. 20. Токио: Иванами сё-тэн, 1975. С.144-168.

³³ Комментатор текста Хагивара Тацуо восстановил утраченный текст на основании «Кэмпо-хон».

Китано Тэндзин энги

Много божеств оберегают столицу, но [в храме в Китано] истине небывалые чудеса, и каждый человек непременно еще раз придет на поклонение к Красной ограде. Хлопнешь в ладоши — непременно ответит, посмотришь с почтением — непременно появится. Это так же [непременно], как отражение осенней луны в глади воды, как сочетание рассветного звука колокола и утреннего инея.

Ах, как прекрасен храм Китано-мия! [Здесь] император складывает ладони, простые люди склоняют головы. Со времен правления императора Итидзё:³⁴ со дня первого посещения храма императором в первом году эры Канко: — в год ко:син, в 21-й день — день синтю:, десятой луны³⁵ и до сегодняшних дней Кэмпо:³⁶ прошло двести с лишним лет, сменились 82 мудрых правителя³⁷. Сколько людей за эти долгие годы пришло поклониться Тэмман Дайдзи Тэндзин! В далеком прошлом он стал великим предком изящной словесности, основоположником высокой поэзии. Он умело управлял страной, помогал осуществлять замыслы императора и освещал всю страну, подобно луне и солнцу в небесах. Ах, до чего прекрасно воплощение бодхисаттвы³⁸ в человеческом теле³⁹!

---

³⁴ Император Итидзё: (980–1011): время правления 986–1011.

³⁵ Т. е. в 1004 г. Эра Канко: — 1004–1012. Год *ко:син* — старший брат, дерево; дракон. День *синтю:* — младший брат, металл, бык. Дата указывается по разным системам исчисления времени. Год — по девизу правления императора и по китайскому циклическому календарю, день — по лунному календарю и китайскому циклическому календарю. Месяц — по лунному календарю.

³⁶ «...сегодняшних дней Кэмпо», т. е. до 1213–1219 гг. Следует обратить внимание, что это восполнение текста «Кэнкю-хон» по данным последующего списка «Кэмпо-хон».

³⁷ В тексте ошибка: на самом деле до годов Кэмпо: сменились 18 императоров (от Итидзё: до Дзюнтoku).

³⁸ Здесь в тексте *кэгэн* (化現) — временное явление будды или бодхисаттвы в материальном теле в этом мире.

³⁹ Здесь в тексте *гондзя* (権者) — человеческое тело, в которое воплощается будда или бодхисаттва, чтобы спасти людей.

Усадьба Сугавара — это дом советника⁴⁰ Сугавара Корэёси⁴¹. Советник Корэёси как-то увидел ребенка пяти-шести лет, игравшего в южном саду его дома, и тут же подумал, что всем своим обликом дитя не похоже на простого человека. [Советник] спросил: «Из какого ты рода и зачем пришел сюда играть?» Мальчик ответил: «Нет у меня дома. Нет у меня ни отца, ни матери. Я хочу, чтобы Вы взяли меня в сыновья». Советник Корэёси очень обрадовался, обнял и погладил ребенка. [Советник] наставлял [мальчика] в науках, и его чудесные способности росли с каждым днем.

Его называют Великий министр Сугавара⁴², о чем сказано в «Записях»⁴³.

---

⁴⁰ В тексте — *сё:ко*: (相公), китайское название *санги*, т. е. советника. По японской традиции указывается последняя должность Сугавара Корэёси.

⁴¹ Сугавара Корэёси (812–880) — отец Митидзанэ. Сын Сугавара Киётада (см. прим. 79), потомственный ученый. В 839 г. сдал письменные экзамены на занятие должности чиновника. Занимал должности ревизора в Столичной школе чиновников, помощника главы Столичной школе чиновников, старшего дворцового писаря, советника по словесности, воспитателя престолонаследника. При императоре Монтоку (850–858) получил старший пятый ранг младшей ступени, в 853 г. назначен на должность главы Столичной школе чиновников (при этом сохранил должность советника по словесности). Был первым помощником главы Ведомства инспекций цензоров, впоследствии занимал должности управителя Правой части столицы, главы Министерства наказаний. В 872 г. назначен на должность советника (*санги*), затем также и на должность старшего помощника в Министерстве церемоний. В 879 г. пожалован третий ранг. (*Сакамото Таро*. Сугавара Митидзанэ / Сер.: Дзимбуцу сосё (Жизнь замечательных людей). Т. 100. Ёсикава кобункан, 1974. С. 16).

⁴² Великий министр Сугавара — *Кан дзо: дай сё:коку* (菅贈大相国). *Кан* (菅) — китайское чтение первого иероглифа фамилии Сугавара; *дзо:* (贈) означает, что данная должность пожалована после смерти; *дай* (大) — великий; *сё:коку* (相国) — китайское наименование должности министра (главного, левого и правого). В данном случае указана последняя должность Митидзанэ, полученная им посмертно: должность Главного министра.

⁴³ «Записями» называются «Записи о жизни Сугавара Митидзанэ» («Канкэ го-дэн ки»), поскольку весь абзац (включая последнее предложение) является цитатой из «Канкэ го-дэн ки». Различие лишь в том, что «Канкэ го-дэн ки» написаны по-китайски, а *энги* — по-японски. «Канкэ го-дэн ки» — вторая по старшинству биография Митидзанэ, со-

Тем временем, [ребенку] исполнилось одиннадцать лет, и советник Сугавара⁴⁴ попросил: «Напиши, пожалуйста, на пробу какое-нибудь стихотворение», и не успел он договорить, как мальчик мгновенно сложил:

Сияние луны подобно блеску снега ясным днем.

Цветы сливы — как сверкающие звезды.

Прекрасная луна обходит небеса.

В садах аромат цветов, подобных драгоценным камням.⁴⁵

В 13–14 лет он уже превзошел в науках самого советника. Никто из мудрецов не мог сравниться с этим ребенком.

Вода затянута льдом, прислушаешься — не слышно шума волн.

Ветви деревьев засыпаны снегом, посмотришь — словно цветы.⁴⁶

Такие прекрасные стихи сложил [он] в четырнадцать лет, любясь в одиночестве зимой⁴⁷.

Позволим себе одно отступление: после того, как Великий Учитель Дэнгё:⁴⁸ ездил в страну Тан и привез оттуда совершен-

---

ставленная в 1106 г. его потомком Сугавара Нобунэ (сохранилась в списке 1478 г.). Цитируемый абзац является позднейшей припиской после основного текста «Канкэ го-дэн ки». Приписка сделана Ооэ Сукэкуни в 1118 г.: это первое письменное свидетельство «божественного» происхождения Митидзанэ.

⁴⁴ Советник Сугавара — Корёси. В тексте *Кан сёко* (菅相公), где *кан* — китайское чтение первого иероглифа фамилии Сугавара, а *се-ко*: — китайское наименование советника.

⁴⁵ Стихотворение помещено в «Канкэ бунсо:» («Литературные наброски Сугавара Митидзанэ»), первое собрание стихотворений и других произведений Сугавара Митидзанэ, подготовленное им самим

⁴⁶ Отрывок из стихотворения, помещенного в «Канкэ бунсо:» (см. прим. 12).

⁴⁷ Зимой — в тексте «двенадцатый месяц» (*ро:гэцу*, 臘月), конец года.

⁴⁸ Великий Учитель Дэнгё (*Дэнгё: дайси*, 伝教大師) — Сайтё (767–822), основатель школы Тэндай, одна из ключевых фигур в истории японского буддизма. Выходец аристократической семьи, долгое время был близок к императорскому двору. В 804–805 гг. обучался в Китае в храмах школы Тяньтай. Сайтё внес огромный вклад в идеологическое укрепление императорской власти после перенесения столицы в город Хэйан (совр. Киото). Основанная им школа стала со временем фактически государственной церковью.

«Великий Учитель» (*дайси*, 大師) — титул, который император даровал уважаемому в буддийском мире и правительственных кругах мо-

ные заповеди бодхисаттвы⁴⁹, он хотел открыть *кайдан*⁵⁰ на горе Хиэй⁵¹ и распространять это учение и дальше, но другие школы воспротивились этому. Тогда Учитель написал «Рассуждение о выявлении заповедей»⁵² в трех свитках и поднес его императору эры Ко:нин⁵³. В тринадцатом году эры Ко:нин⁵⁴, в двадцать первый день шестой луны императорским указом, невзирая на недовольство других школ, было разрешено соорудить место для посвящения в монашеский сан на горе Хиэй⁵⁵. Однако мнения ученых мужей по этому поводу разделились, и они спо-

---

наху, как правило, после его смерти. Сайтё был удостоен этого титула первым в Японии (в 866 г.). Дэнгё: — посмертное буддийское имя.

⁴⁹ Совершенные заповеди бодхисаттвы — учение Великой колесницы (Махаяна). Одно из основных ее отличий от Тхеравады (Хинаяна, Малая колесница) — учение о бодхисаттвах и пути бодхисаттв.

⁵⁰ *Кайдан* (яп.) — место проведения церемоний принятия буддийскими монахами заповедей; важнейший элемент церковной буддийской организации. Первый *кайдан* в Японии сооружен в 755 г. в храме То:дайдзи под руководством китайского монаха Цзяньчжэня (яп. Гандзин) (687/688–763) из школы Рицу. Затем при жизни Цзяньчжэня были сооружены еще два *кайдана* в храмах Цукэякусидзи и Цукусикандзи. Утверждение монашеского звания сопровождалось принятием заповедей, систематизированных в китайской *винае* (разделе буддийского канона, в котором зафиксированы различного рода предписания и запрещения, адресованные монахам и монахиням) и канонизированных в учении школы Рицу. Несмотря на некоторые модификации, набор обетов явно носил хинаянистский характер. Стремясь к независимости основанной им школы, Сайтё хотел получить разрешение учредить собственный *кайдан*. Он мотивировал это необходимостью принятия заповедей нового типа, более совершенных (по его мнению), чем общепринятые.

⁵¹ На горе Хиэй находился созданный Сайтё тэндайский монастырь Энрякудзи.

⁵² «Рассуждение о выявлении заповедей» («Гэнкай-рон», 顯戒論, 820 г.) — одно из основных сочинений Сайтё, в котором он излагает суть заповедей Великой колесницы, в развернутом виде представляет организационную структуру школы Тэндай и подготовку ее монахов.

⁵³ Император эры Ко:нин — император Сага. Эра Ко:нин — 810–824. Правление императора Сага — 809–823.

⁵⁴ 822 г.

⁵⁵ Разрешение было получено уже после смерти Сайтё. До этого посвящения основывались на заповедях Тхеравады и проводились в трех храмах: То:дайдзи, Цукэякусидзи, Цукусикандзи. См. прим. 17.

рили друг с другом. Великий Учитель Дзикаку⁵⁶, печалась от такой глупости и скорбя о таком заблуждении, начал составлять «Рассуждение о выявлении великих заповедей»⁵⁷, но сделал только наброски и не успел завершить свой труд. Никто не может предвидеть своей судьбы, и внезапная болезнь поразила [Великого Учителя]. Он наказывал: «Если у меня есть единомышленники, которые исполнят, что я желаю, то и после смерти мое тело не сгниет и возрадуется». Высокочтимый Аннэ⁵⁸ глубоко проникся этими словами Учителя и за двенадцать лет закончил его труд: записал тринадцать работ в восьми свитках. [Высокочтимый Аннэ] хотел, чтобы о них знали в трех мирах и десяти сторонах⁵⁹, и он, повесив себе на шею [свитки], пришел в дом советника Корэёси и спросил того: «Не напишите ли Вы к ним предисловие?» Тот задумался: «Этот труд — опора императорского дома, основа всего живого⁶⁰. Сам я не напишу. А попрошу-ка я лучше Митидзанэ, хоть это и мой сын». И он обратился к сыну. В то время, в месяц инея⁶¹ восьмого года эры Дзё:ган⁶², Тэндзин⁶³ было только двадцать один или двадцать

---

⁵⁶ Дзикаку — посмертное имя монаха Эннин (794–864), преемника Сайтё.

⁵⁷ «Рассуждение о выявлении великих заповедей» («Кэнъё: дайкай-рон», 顕揚大戒論) — один из основных трудов Эннина, в котором комментируются и толкуются заповеди.

⁵⁸ Аннэ (794–868). Ученик Сайтё и Эннина. Пятый глава школы Тэндай (после Сайтё, Гисина, Энтё и Эннина). «Высокочтимый» (和尚) — *касё*: в школе Тэндай, *осё*: или *васё*: в других школах — обращение к монаху высокого ранга.

⁵⁹ «... знали в трех мирах и десяти сторонах», т. е. знали в прошлом, настоящем и будущем на востоке, западе, юге, севере, северо-востоке, северо-западе, юго-востоке, юго-западе, вверху и внизу. Иными словами, знали всегда и повсюду.

⁶⁰ «... всего живого». В тексте сочетание иероглифов *сю*: (много) и *сэй* (рождать) — 衆生, которое в зависимости от чтения имеет разные значения. *Сю:сэй* — 1) всё живое, 2) множество людей. *Сюдзё*: (буд.) — всё живое.

⁶¹ Месяц инея — одиннадцатая луна.

⁶² 866 г.

⁶³ В данном случае имеется ввиду Митидзанэ, обожествленный под именем Тэндзин. Помимо этого *Тэндзин* (天神) имеет следующие значения: 1) небесное божество синтоистского пантеона (в противоположность земным божествам, *миги*); 2) дэвы, живущие на небесах и охраняющие Закон Будды.

два года⁶⁴, он обладал небольшим рангом и еще оставался студентом, изучающим словесность⁶⁵. Однако это предисловие, написанное [Митидзанэ] по велению отца, ученые мужи школы Тэндай в своих спорах о заповедях Великой и Малой колесницы, об уловках и истинном учении⁶⁶ вплоть до последнего времени принимают за основной довод именно потому, что оно создано божеством, воплощенным в человеке. Всё не упомяну, приведу в пример только часть:

Наша страна ищет истину в душе и взывает Закон в своих пределах. Те, кто раньше следовал учению, неукоснительно соблюдали предписания⁶⁷, а те, кто позднее оттачивал свой дух, еще и распространяли совершенные заповеди⁶⁸. К тому же те, кто шли первыми, перевернули повозку и им не вернуться, а те, кто шли позже, — выдерживают верное направление⁶⁹ и непременно достигнут [цели]. ...⁷⁰ Очень жаль, что яростные при-

⁶⁴ В то время Митидзанэ было 22 года по старояпонскому подсчету лет. Примерно до эпохи Мэйдзи японцы вели счет лет человека не с нуля, а с первого года: в момент рождения младенцу исполнялся год.

⁶⁵ В 862 г. Митидзанэ стал студентом Столичной школы чиновников, который изучал словесность (*мондзё:сё*; 文章生). Первые упоминания о ранге в различных источниках относятся к 967 г., когда ему был пожалован старший шестой ранг нижней ступени.

⁶⁶ «... об уловках и истинном учении» (*гондзицу*, 権実): уловки — условно-истинные положения, подготовка к восприятию истин высшего порядка (тождество *сансары* и *нирваны*, наделенность всех живых существ природой Будды). Эти истины высшего порядка и есть истинное учение. В школе Тэндай с ними соотносится содержание «Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» (*Хоккэжэ*).

⁶⁷ Речь идет о последователях учения Тхеравады, или Малой колесницы, поскольку в данном тексте утверждается о превосходстве учения Великой колесницы. Предписания (*рицуги*, 律儀) — установления Малой колесницы, которым необходимо следовать на пути к освобождению.

⁶⁸ Речь идет о последователях учения Великой колеснице в духе школы Тэндай: совершенные заповеди — *энкай*, 円戒: трактовка заповедей бодхисаттв, т. е. заповедей Великой колесницы, с точки зрения «Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» («Хоккэжэ»), основной сутры школы Тэндай. Кроме того, заповеди бодхисаттвы изложены в «Сутре о сетях Брахмы» («Боммо:кё», см. прим. 39), которую высоко ценил Сайтё и которую он противопоставлял заповедям школы Рицү.

⁶⁹ «... верное направление»: в тексте — «указывать на юг» (*минами-о сасу*, 南を指す), юг — правильное направление.

⁷⁰ Здесь — пропуск текста предисловия.

верженцы [Закона] самовольно придерживаются только малых предписаний⁷¹ и отрицают путь Великой колесницы. В конце концов, разрушая учение о сетях Брахмы⁷², принимают учение молодых монахов⁷³, и, отбросив три основных заповеди⁷⁴, следуют правилам мирян⁷⁵. За деревьями не видят леса! ...⁷⁶ Наш Великий Учитель Дзикаку всесторонне изучил, в чем состоит несовершенство трех учений⁷⁷, и заново указал на самое совершенное⁷⁸.

---

⁷¹ «... придерживаются только малых предписаний»: имеются ввиду заповеди Малой колесницы.

⁷² «... учение о сетях Брахмы» — *боммо:сю*; 梵網宗. Сети Брахмы (*Боммо*) — сокращенное название «Сутры о сетях Брахмы» (санскр. «Брахмаджала-сутра», яп. «Боммо:кё:»), важнейшей сутры в учении Великой колесницы. Ее перевод на китайский язык в 406 г. приписывают Кумарадживе (344–413? или 350–409), но, по-видимому, сутра только сложилась в V веке. «Сутра о сетях Брахмы» иначе называется сутрой заповедей, т.к. описывает заповеди бохисаттвы и путь бодхисаттвы.

⁷³ «... учение молодых монахов» (*сямисю*; 沙弥宗): молодые монахи (*сями*) — монахи, не прошедшие полного посвящения, принявшие только десять заповедей.

⁷⁴ Три основных заповеди (*сан дзюкё*; 三聚教 или *сандзюдзё:кай*, 三聚淨戒) — три основных обета бодхисаттвы: избегать дурного, творить благое и помогать всему живому.

⁷⁵ «... правилам мирян»: дословно «не монашескому учению» (*хи:со:кё*; 非僧教).

⁷⁶ Здесь — пропуск текста.

⁷⁷ Три учения (*сандзо:кё*: 三藏教, *цу:кё*: 通教, *бэккё*: 別教) — три учения из «четырех учениях о доктринах обращения», тэндайской типологии буддийских учений по содержательному принципу. *Сандзо:кё*; «учения о трех хранилищах», включает в себя доктрины Тхеравады (три хранилища — Типитака, корпус хинаянистских сутр). *Цу:кё*; «учения проникновения», — первые учения Махаяны, «проникновение» в нее. *Бэккё*; «особые учения», — комплекс доктрин, предназначенных только бодхисаттвам. Эти три типа доктрин, согласно тэндайской классификации, Будда Шакьямуни проповедовал в первые четыре периода своей проповеднической деятельности (всего — пять периодов).

⁷⁸ Т. е. указал на «совершенное учение», «учение круга» (*энгё*, 円教), доктринальный комплекс школы Тэндай. Это четвертое учение в «четырех учениях о доктринах обращения». Это проповеди Будды в последний, пятый период, когда он открыл сокровенный смысл своего учения. В школе Тэндай их называют «венцом Закона». Такая высокая оценка объясняется тем, что здесь отразились две категории буддий-

Так [он] написал. Увидев эти знаки, встанешь на путь великой добродетели, обретишь полное понимание⁷⁹. Вот благо от буддийских трактатов и прочих трудов бодхисаттвы, воплощенного в человеке!

В двенадцатый год эры Дзё:ган⁸⁰, в начале весенней поры, в доме Мияко-но Ёсика⁸¹ его ученики и последователи занимались стрельбой из лука. Пришел туда и [Митидзанэ]. Хозяин дома подумал: «Он все время сидит дома за закрытыми дверями, склонившись над письмом. Он, наверно, и не знает, как правильно держать лук». И, скрывшись за соломенным занавесом, попросил Митидзанэ пробы ради пустить стрелу. Весь облик Митидзанэ — как он стоял с луком, как вложил стрелу, как с силой натянул тетиву — настолько напоминал Э Юйцзи⁸², что все очень удивились, словно увидели перед собой самого мастера. Дважды [Митидзанэ] пускал стрелу, и дважды попадала она в цель. Вот уж воистину меткое попадание! Удивленный Мияко-но Ёсика с чувством изрек: «Точное попадание — предзнаменование того, что ты сдашь экзамен⁸³».⁸⁴

Вскоре, в двадцать третий день третьей луны того же года состоялся экзамен на получение должности⁸⁵. Мастер слова Мияко-но Ёсика был экзаменатором; каждая строка [ответа на]

ской философии, являющиеся краеугольными для данного направления: учение о вечности Будды и всеобщности спасения.

⁷⁹ Это предложение основано на высказывании Митидзанэ из его предисловия к «Рассуждению о выявлении великих заповедей»: «... последуешь добродетели, обретишь понимание...».

⁸⁰ 870 г.

⁸¹ Мияко-но Ёсика (834–879) — чиновник и литератор, советник по словесности, один из составителей «Монтоку дзицуроку» («Истинные записи о правлении Монтоку»).

⁸² Э Юйцзи, более известен как «стрелок Инь». Мастер по стрельбе из лука из царства Чу (VIII–III вв. до н. э.).

⁸³ Экзамен на получение должности чиновника (*сэкисаку*, 射策).

⁸⁴ История со стрельбой из лука является вымышленной, однако она встречается уже в «Жизнеописании Сугавара Митидзанэ» («Канкэ гогэн»), написанной до 947 г., на котором основан данный отрывок *энги*.

⁸⁵ Письменный экзамен на получение должности чиновника. С 867 г. Митидзанэ продолжал обучение в Управлении Столичной школы чиновников за счет государства и по существовавшим правилам должен был в течение семи лет сдать устный и письменный экзамен на степень *сю:сай* (秀才, эрудит).

оба вопроса⁸⁶ была исполнена нескольких значений, и сверх этого уже нечего было прибавить. Ответы на вопросы [Митидзанэ] написал необычайно красивым слогом и правильно изложил суть. Однако, желая походить на обычных людей, он притворился, что не знает, как ответить в одном месте, и изобразил задумчивость. В это время в ворота вошел Татибана Хиромии⁸⁷, обутий для верховой езды и, увидев, что Митидзанэ затрудняется с ответом, [вскочил на лошадь], и, погоняя ее, отправился к отшельнику из Сага⁸⁸ и рассказал ему, мол, так-то и так-то. Отшельник подумал и ответил на вопрос. [Татибана Хиромии] тут же вернулся на экзамен и тихонько передал ответ Митидзанэ⁸⁹. Поэтому стали считать, что поступки бодхисаттвы, воплощенного в человеке, не предсказуемы [простыми смертными]. Известно, что после этого посторонним людям запрещалось приходить на место проведения экзамена.

В шестом году эры Кампё:⁹⁰ в девятую луну все ученики [Митидзанэ] — и высокого, и низкого происхождения — собра-

---

⁸⁶ Письменный экзамен состоял в сочинениях по двум темам. Вопросы писали на дощечках, которые переворачивали чистой стороной вверх, и экзаменующийся выбирал такой «билет». Митидзанэ достались следующие вопросы: «Объяснить значение понятия *сидзоку* (клан)» и «Причина землетрясений».

⁸⁷ Татибана Хиромии (837–890) — ученый и чиновник. С 860 г. — студент Высшей школы чиновников, изучающий изящную словесность. Занимал должности контролера, главы архивного управления, был воспитателем наследного принца. С 884 г. — советник по словесности, государственный советник (*санги*). Умер в должности государственного советника, занимая старший четвертый ранг. Посмертно получил должность среднего советника (*тюнагон*) и младший третий ранг. Дочь Хиромии была наложницей императора Уда.

⁸⁸ Сага — район на северо-западе Киото.

⁸⁹ Эта история с подсказкой также описана в «Го:дансё:» («Извлечение из рассказов Ооэ»), сборнике рассказов Ооэ-но Масафуса, записанных ок. 1110 г. Фудзивара Санэтомо).

⁹⁰ 894 г. Годы Кампё: — 889–898.

С момента последнего описываемого события прошло 24 года. В энги не описаны этапы чиновничьей карьеры Митидзанэ. За это время он дослужился до четвертого ранга и занимал следующие должности: помощник главы Управления по делам иностранцев; младший дворцовый писарь; младший помощник в Военном министерстве; младший помощник в Министерстве народных дел; младший помощник в Министерстве церемоний; советник по словесности; временный младший

лись в Китидзё:-ин⁹¹, чтобы провести праздничную церемонию в честь пятидесятилетия учителя⁹². Тогда в саду, где проводилась церемония, увидели старца в соломенной обуви, доходившей до голени. В руках он держал *гаммон*⁹³ и золотой песок; медленно приблизившись к главному павильону, он положил это на стол перед павильоном и, не говоря ни слова, быстро ушел. [Все] подумали, что это очень странно, и стали читать *гаммон*.

Говорят, что ученики Канкэ⁹⁴ собрались, чтобы праздновать его пятидесятилетие. Хотя мои следы сотрутся, и никто не вспомнит мое имя, но я многократно внимал чистому учению [Митидзанэ] и исправлял многие ошибки и заблуждения. Древние говорили: за добродетель обязательно воздастся, слово всегда отзовется. Я хочу, чтобы смысл [этих слов] навсегда запечатлелся в моем сердце, но не могу достичь этого. Поэтому сегодня я принес этот золотой песок в твою благую обитель⁹⁵. Золото — знак полноты моих чувств, песок⁹⁶ — молитва о твоём долголетии. Не спрашивайте, что за человек, [который поднес *гаммон* и золотой песок], примите его намерения. Живущий в

управитель провинции Кага; управитель провинции Сануки; глава архивного управления; левый контролер среднего разряда; главалевой части столицы; *санги*; старший помощник в Министерстве церемоний; левый контролер старшего разряда; глава инспекторов по особым поручениям; помощником главы во дворце престолонаследника, глава посольства в Китай (не было отправлено).

⁹¹ Китидзё:-ин — родовой храм Сугавара, построен Киётада, дедом Митидзанэ. Сначала каждый год в десятую луну в храме проводилась буддийская служба *китидзё: кэка* (吉祥悔過), очищение от грехов и моление о спокойствии в стране, о богатом урожае. Позднее, в 17-й день десятой луны, в годовщину смерти Сугавара Киётада, в храме ежегодно стала проходить буддийская служба *хоккэ хакко*: (法華八講), подношение и чтение на протяжении четырех дней (утром и вечером) восьми частей «Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы» («Хоккэкэ:»).

⁹² О счете лет см. прим. 31.

⁹³ *Гаммон* (願文) — 1) записанные на бумаге просьбы к буддам, бодхисаттвам и синтоистским божествам; 2) стиль послания.

⁹⁴ Канкэ (菅家) — Сугавара Митидзанэ.

⁹⁵ «... в твою благую обитель»: в тексте используется буддийский термин «благое поле» (*фукудэн*, 福田), т. е. место порождения добродетелей, подобное полю, дающему урожай.

⁹⁶ Бесчисленные песчинки означают бесчисленные годы.

далеком северном дворце⁹⁷ преисполнен глубокого почтения к тебе, живущему в южном направлении⁹⁸.

Так было написано. Помощник главы монашеской общины⁹⁹ Сё:эн, руководивший проведением церемонии, восхитился: «Какая честь! Ведь это послание самого императора! Какая редкая удача!» Так сказал он, не уступая в красноречии самому Фуруна¹⁰⁰.

В седьмой год эры Кампё:¹⁰¹, в двадцать шестой день третьей луны правитель годов Энги¹⁰², пребывавший тогда в Весеннем дворце¹⁰³, повелел¹⁰⁴: «Слышали мы, что в стране Тан есть

⁹⁷ «... северном дворце» (*хоккэцу*, 北関) — северные ворота императорского дворца или сам императорский дворец. Эти слова говорят о том, что *гаммон* написан императором, который, согласно принципам *фэнишуй*, жил на севере столицы. Старец, принесший *гаммон*, — посланник императора.

⁹⁸ Эта история о старце, принесшем *гаммон* на празднование пятидесятилетия, появляется уже в «Жизнеописании Сугавара Митидзана» («Канкэ го-дэн»).

⁹⁹ Помощник главы монашеской общины (*сё:со:дзу*, 小僧都) — название должности в общеправославной иерархии. *Со:дзу* — вторая ступень в должностной иерархии буддийских монахов на государственном уровне, так называемая *со:го:* (僧綱), или *со:кан* (僧官): *со:дзё:* (僧正), *со:дзу* (僧都), *рисси* (律師). Первое письменное упоминание должностей *со:дзё:* и *со:дзу* относится к 624 г., должности *рисси* — к 683 г. Впервые система *со:го:* упоминается в императорском указе 701 г. Законодательное оформление системы *со:го:* мы встречаем в «Рё:но ги гё», сборнике толкований к «Законам Ё:ро: рё:» (первый введен в действие с 834 г., второй с 757 г.). В «Рё:но ги гё» указываются следующие должности: *со:дзё:*, *дайсо:дзу* и *сё:со:дзу* (старший и младший *со:дзу*), *рисси*. (Кокуси дайзигэн (Большой словарь истории Японии), Ёсикава Кобункан, 1987, Т. 8. С. 526, 552.)

¹⁰⁰ Фуруна — один из десяти учеников Будды, известный своим красноречием.

¹⁰¹ 895 г.

¹⁰² Имеется в виду будущий император Дайго (годы правления 897–930, годы Энги 901–923), в описываемое время еще принц Ацугими.

¹⁰³ Словосочетание «Весенний дворец» (*То:гу:*) имеет два написания при одинаковом прочтении: Восточный дворец (東宮) и Весенний дворец (春宮). Восточное направление ассоциировалось с весной, поэтому возможно равноправное употребление обоих названий: «Весенний дворец», «Восточный Дворец». Это дворец, в котором жил наследный принц. В данном случае, указание на то, что правитель годов Энги пока еще был наследным принцем (см. прим. 69).

человек, который за один день сложил сто стихотворений. У тебя непревзойденный поэтический талант, к тому же ты очень быстро складываешь стихи¹⁰⁵. Не сложишь ли ты нам за час¹⁰⁶ десять стихотворений?» Принц назвал десять тем для них, и Митидзанэ сложил стихотворения в час от курицы до собаки¹⁰⁷ и поднес их принцу.¹⁰⁸

Для проводов весны не нужны повозка или лодка.

Просто расстанусь с последними соловьями и опавшими цветами.

Если бы я смог поведать красавице-весне свои чувства,

То уходящая весна остановилась бы сегодня ночью в доме поэта.

Эти стихи вошли в «Собрание японских и китайских стихов для декламации» и «Собрание стихов Японии»¹⁰⁹.

В следующем году опять было дано высочайшее повеление: «Знаем Мы, что весной прошлого года ты в короткое время

¹⁰⁴ Отрывок от этих слов до слов «Нынешнее приглашение [во дворец Судзаку] покажется подданным необычным» отсутствует в тексте «Кэнкю-хон» и восстановлен комментатором текста на основании «Кэмпо-хон».

¹⁰⁵ «... быстро складываешь стихи» — в тексте дословно сказано: «следуешь за семью шагами». Это отсылка к китайской легенде: Цао Пэй (187–226), правитель царства Вэй, завидовал своему младшему брату, поэту Цао Чжи, и повелел ему сложить стихотворение за семь шагов. Цао Чжи выполнил это задание. Выражение «семь шагов» (七步 *сипи хо*, или *нана аюми*) стало обозначать способности быстро и умело складывать стихи.

¹⁰⁶ Длительность этого промежутка времени примерно равна двум астрономическим часам. Сутки делились на двенадцать часов в соответствии со знаками зодиака.

¹⁰⁷ От часа курицы до часа собаки, т. е. примерно с 18 до 20 часов.

¹⁰⁸ Об этом случае упоминается в пятом свитке «Канкэ бунсо:» (см. прим. 12).

¹⁰⁹ «Собрание японских и китайских стихов для декламации» («Вакан ро:эй сю:») — антология стихов китайских и японских поэтов (1013 г.). Составитель Фудзивара Кинто (966–1041). «Собрание стихов Японии» («Фусо:сю:») — собрание китайских стихов 76 поэтов со времени правления императора Ко:ко: (884–887) до времени правления императора Итидзё: (986–1011). Составитель — Ки-но Тадана. Словом «Фусо:» (кит. Фусан) сначала называли восточные области Китая, затем — земли к востоку от Китая. Здесь — фигуральное обозначение Японии.

сложил десять стихотворений. А сейчас за то же время сложи двадцать стихотворений на двадцать тем и преподнеси Нам». Митидзанэ, не отказываясь, без промедления сложил двадцать стихотворений от часа курицы до часа собаки¹¹⁰ и выполнил высочайшее повеление.¹¹¹ Такого никогда не бывало ни в Китае, ни в нашей стране! В прежние времена дед [Митидзанэ]¹¹², занимавший третий ранг, основал школу, где обучали разным наукам, называлась она Канкэ ро:ка¹¹³. Во времена министра Сугавара¹¹⁴ эта школа особенно процветала.

В девятый год эры Кампё:¹¹⁵, в шестую луну [Митидзанэ] повысили в должности от среднего советника до старшего советника¹¹⁶, и в тот день же последовал высочайший указ о его назначении еще и на должность командующего¹¹⁷. Митидзанэ трижды отказывался¹¹⁸, и трижды высочайший указ запрещал

---

¹¹⁰ См. прим. 74.

¹¹¹ Об этом случае упоминается в пятом свитке «Канкэ бунсо:» (см. прим. 12).

¹¹² Сугавара Киётада (существуют также чтения Киёкими, Киётото) (770–842) — ученый, в 804 г. ездивший в составе посольства в Китай. Был помощником управителя в провинции Овари. По возвращению в столицу занимал различные должности: глава Столичной школы чиновников, левый контролер младшего разряда, младший помощник в Министерстве церемоний и т. д. С 818 г. советник по словесности. В 838 г. получил третий ранг. Один из составителей «Административных законов с комментариями» («Рё-но гигэ»).

¹¹³ Частная школа при доме Сугавара, созданная Сугавара Киётада.

¹¹⁴ Министр Сугавара — Сугавара Митидзанэ. Здесь его называют по последней должности, полученной уже посмертно. При жизни он также был министром, но затем его понизили в должности.

¹¹⁵ 897 г.

¹¹⁶ *Тю:нагон* (中納言) и *дайнагон* (大納言) соответственно. В действительности Митидзанэ назначили исполняющим обязанности старшего советника (*гон-дайнагон*, 権大納言).

¹¹⁷ Митидзанэ назначили на должность командующего Правой гвардией (*уконоэ тайсё:*, 右近衛大将). В то же время его политический противник, Фудзивара Токихира (871–909), получил должность старшего советника (*дайнагон*) и командующеголевой гвардией, *саконоэ тайсё:*. (Левая часть считалась главнейшей.)

¹¹⁸ При назначении на высокие посты традиционно трижды подавали прошение об отказе от должности. В 17-й день второй луны, 4-й день третьей луны, 28-й день третьей луны Митидзанэ подавал проше-

отказ. После того, как в десятую¹¹⁹ луну того же года правитель годов Энги¹²⁰ вззошел на престол, Митидзанэ стал его всемогущим помощником, и в первый же год эры Сё:тай¹²¹, во вторую луну получил повышение: стал Правым министром¹²².

В третий год эры Сё:тай¹²³, по-видимому, в восьмую луну [Митидзанэ], тщательно собрав, преподнес императору [Дайго] собрание своего деда, занимавшего третий ранг¹²⁴, собрание советника Сугавара¹²⁵ и свое собственное собрание в двенадцати свитках¹²⁶.

Император был так восхищен всеми стихами, что изволил сложить:

Издавна дом Сугавара славился своими учеными.

Поднесенное ныне соцветие сочинений сияет, словно золото.

Прочтя лишь пару строк, ощущаешь прелесть этих стихов.

Тем более прекрасно наслаждаться стихами трех поколений!

Звук чист, как отшлифованный блестящий камень.

Слог красив, словно расцветенные облака.

К тому же, творения Сугавара превосходят творения

Бо-Цзюй-и¹²⁷!

Теперь его поэзия останется в шкатулке, покрытой пылью.¹²⁸

ние об отказе от должности командующего Правой гвардией, текст которого помещен в «Канкэ бунсо:» (см. прим. 12), свиток 10.

¹¹⁹ На самом деле в 7-ю луну. По всей видимости, этот отрывок базируется на «Жизнеописании божества Тэндзин из Китано» («Китано Тэндзин го-дэн»), где допущена аналогичная ошибка. Вероятно, она возникла при переписке, т. к. иероглифы «семь» и «десять» сходны по написанию.

¹²⁰ Император Дайго.

¹²¹ 898 г. Годы Сё:тай — 898–901. После вступления на престол, в 26-й день четвертой луны 898 г. император Дайго поменял девиз правления (с Кампё: на Сё:тай), поэтому 898 г. — это и десятый год эры Кампё: и первый год эры Сё:тай.

¹²² В действительности Митидзанэ назначили на должность правого министра в 899 г. Тогда же Токихира был назначен Левым министром.

¹²³ 900 г.

¹²⁴ Речь идет о «Собрании Сугавара» («Канкэсю:»), собрании стихотворений и других литературных произведений Сугавара Киётада в 6 свитках.

¹²⁵ Речь идет о «Собрании советника Сугавара» («Кансё:ко:сю:»), собрании стихотворений и других литературных произведений Сугавара Корёси в 10 свитках.

¹²⁶ Речь идет о «Собрании литературных произведений Сугавара Митидзанэ» («Канкэ бунсо:») (см. прим. 12), собрании стихотворений и других литературных произведений Сугавара Митидзанэ.

¹²⁷ Бо Цзюй-и (772–846) — знаменитый китайский поэт, популярность которого в литературных кругах Японии (особенно в описываемое время) была очень большой.

В третий год эры Сё:тай, в третий день первой луны правитель годов Энги пожаловал во дворец Судзаку¹²⁹ и, встретившись с бывшим правителем годов Кампё:¹³⁰, тайно совещался. Они тщательно обдумывали: «Если два министра, левый и правый, будут управлять страной, то подданные возропщут. Не лучше ли выбрать одного и положиться на него? Кого же выбрать? Старший министр¹³¹ — старший сын Сё:сэнко:¹³², потомка тайсёккана¹³³ в девятом поколении, старший брат императрицы¹³⁴, дядя императора Судзаку и императора Мураками¹³⁵. Поистине, его род весьма уважаем. Однако, хоть он и происходит из рода потомственных помощников императора¹³⁶, ему еще нет полных тридцати лет и по внутренним устремлениям и врожденным способностям ему не сравниться с почтенным Сугавара. Министр Сугавара хоть и не из рода потомственных помощников императора, но черпал воду из реки

---

¹²⁸ Эти стихи императора Дайго помещены в «Позднее собрание Сугавара Митидзанэ» («Канкэ ко:сю:»), второе собрание произведений Митидзанэ, подготовленное им самим и дополненное другими составителями после его смерти.

¹²⁹ Дворец на третьей линии, где, начиная с императора Сага (время правления 809–823), проживали бывшие императоры.

¹³⁰ Император Уда, правивший с 887 г. по 897 г. Годы Кампё: — 889–898.

¹³¹ Фудзивара Токихира назван старшим, т.к. он занимал более высокую должность Левого министра.

¹³² Сё:сэнко: — посмертное имя Фудзивара Мотоцунэ (836–891), первого кампаку (регента взрослого императора).

¹³³ Это одно из обозначений Фудзивара Каматари, основоположника рода Фудзивара, занимавшего высочайшую ступень тайсёккан (大織冠), которой впоследствии соответствовал старший первый ранг.

¹³⁴ Фудзивара Ясуко, жена императора Дайго, сестра Фудзивара Токихира.

¹³⁵ Императоры Судзаку и Мураками в момент описываемых событий еще не родились. Оба они были сыновья Фудзивара Ясуко (см. прим. 101). Годы правления императора Судзаку: 930–946, императора Мураками: 946–967.

¹³⁶ «... помощников императора». «Помощник» в тексте энги обозначен как сэцуроку (摂籙), т. е. сэссё: (摂政) — регент при малолетнем императоре. Дед Токихира, Фудзивара Ёсифуса (отец Токихира, Мотоцунэ, был приемным сыном своего дяди, Ёсифуса), стал регентом (сэссё:) при малолетнем императоре Сэйва, который вззошел на престол в 9 лет.

Вэйшуй¹³⁷ и чтит ветер горы Шаншань¹³⁸. Если выбирать мудрость и чтить добродетель, то подходит именно он. Ху Гуан был из крестьянской семьи, а достиг должности министра под именем Боши. Хуан Сянь был сыном лекаря при коровах, а под именем Шуду заправлял в столице¹³⁹. По этой причине бывший и нынешний император долго совещались, а потом призвали к себе [Митидзанэ] и сказали: «В деле управления страной ты один будешь посредником между императором и подданными». Левый министр¹⁴⁰, видя такое благоволение обоих императоров [к министру Сугавара], в злобе покинул место службы во дворце. Тогда министр Сугавара сказал императору: «Левый министр — выше меня. Императорский указ о том дан раньше. Приношу свои извинения, но [Левый министр], наверное, разгневадается. Не должно так быть!» Дрожа от ужаса, [Митидзанэ] уклонился от предложения. [Государь] подумал: «Нынешнее приглашение [во дворец Судзаку] покажется подданным необычным». Он придумал тему стихотворения «Приход весны замечен в иве» и, пойдя на хитрость, объявил: «Это причина приглашения [министра Сугавара] во дворец. Всем следует поднести стихотворения на эту тему». Левый министр с радостью вернулся [к обязанностям] и присутствовал на стихотворном вечере. В тот день кро-

---

¹³⁷ Указание на способности Митидзанэ. Хагивара Тацуо, комментатор текста «Китано Тэндзин энги» в книге «Энги храмов и святилищ» (Дзися энги (Энги храмов и святилищ). Сер.: Нихон сисо тайкэй (Собрание произведений японской мысли). Т. 20. Токио: Иванами сётэн, 1975), указывает, что здесь имеется в виду Вэйшуй (渭水, яп. Исуй), река в Китае, на берегу которой жил в уединении, ловя рыбу, Тай Гунван (太公望, яп. Тайко:бо:), он же Люй Шан (呂尚, яп. Рё Сё:). Затем, призванный чжоусским вождем Вэнь-ваном, он помог его сыну У-вану разгромить иньцев и утвердить новое государство Чжоу (1100–256 гг. до н. э.).

¹³⁸ Указание на мудрость Митидзанэ. Комментатор текста Хагивара Тацуо предполагает, что здесь имеется ввиду гора Шаншань (商山, яп. Сё:дзан), где во времена первой династии Хань (202 г. до н. э. — 8 г. н. э.) укрылись четыре старца, бежавшие от смуты.

¹³⁹ Ху Гуан (胡広, яп. Коко:) и Хуан Сянь (黃憲, яп. Ко:кэн) (поздняя династия Хань, 25–220 гг.) — выходцы из народа, получившие высокие чины и занявшие важное положение. Оба упоминаются в «Истории поздней Хань».

¹⁴⁰ Левый министр — Фудзивара Токихира, занимавший тогда эту должность.

ме обычных даров оба императора¹⁴¹ и императрица пожаловали еще и одежду со своего плеча. [Министр Сугавара] был на вершине своей славы, но и положение левого министра немного изменилось.¹⁴²

К тому же, хоть и говорится, что императоры совещались тайно, но небесные божества знают об этом, и земные божества знают, и мы знаем. За год об этом узнали повсюду, и Левый министр изо всех сил очернял перед государем [Митидзанэ]. Вместе с Хикару-кё:, Садакуни-кё: и Суганэ-асон¹⁴³ он, лживо выступив от имени императора, пригласил чиновника из Главного астрологического управления¹⁴⁴ и пожаловал ему разные редкие сокровища. Тот совершил поклонение различным богам и за пределами столицы, в горах и полях, закопал многие маги-

---

¹⁴¹ Бывший император Уда и нынешний император Дайго.

¹⁴² Этот отрывок с описанием совещания двух императоров взят из «Записи откровения 29-го дня шестой луны второго года эры Эйкан» (Эйкан ни нэн року гацу нидзю ку нити такусэн ки). Кроме того, о совещании императоров упоминается в «Краткой истории Японии» («Фусо: рьякки»), краткой неофициальной истории Японии от легендарного императора Дзимму до правления императора Хорикава (1086–1070), составленной в начале XII в.

¹⁴³ Кё: (卿) — почтительное обращение к человеку, занимавшему должность советника и выше, а также третий ранг и выше. Асон, асо-ми (朝臣) — в описываемое время почтительное обращение, использовавшееся после имени у людей четвертого ранга или после фамилии у людей третьего ранга и выше. Хикару-кё: — Минамото Хикару, занимавший с 900 г. должность старшего советника (*дайнагон*) и имевшего младший третий ранг. Садакуни-кё: — Фудзивара Садакуни, занимавший с 900 г. должность среднего советника (*тю:нагон*) и носившего младший третий ранг. Суганэ-асон — Фудзивара Суганэ (855–908), четвертый сын Фудзивара Ёсимаса (четвертый младший ранг верхней ступени, глава гвардейской управы). В 899 г. Суганэ был младшим помощником главы министерства церемоний и советником по словесности. В 900 г. стал главой Архивного управления, младшим военоначальником правой гвардейской управы.

¹⁴⁴ Главное астрологическое управление (*Онъё:рё:*, букв. Управление сил инь-ян), входившее в Министерство общих дел (*Накацукаса*), занималось астрологическими, астрономическими, метеорологическими наблюдениями и геомантией, отправляло императору доклады о необычайных природных явлениях, отвечало за службу времени и составление календарей.

ческие сокровища¹⁴⁵. Однако министр Сугавара использовал магические средства, чтобы защитить себя, своих детей и внуков от вредоносной магии, и в последнее время его потомки в восьмом-девятом колене процветают, и конфуцианские ученые непрестанно появляются в нем. Светлейшему повелителю годов Энги тогда исполнилось только шестнадцать или семнадцать лет, он был еще слишком молод, но добродетель его вышла за пределы страны¹⁴⁶, благоволение его глубже тени горы Цукуба¹⁴⁷, звезды выстраивались в порядке в высоком небе¹⁴⁸, волны звучали мягко в голубом море¹⁴⁹.

В четвертый год эры Сётай¹⁵⁰, двадцать девятого¹⁵¹ дня первой луны из-за несправедливого обвинения левого министра [Митидзанэ] неожиданно перевели на должность временного помощника наместника Дадзайфу¹⁵², и был обнародован высочайший указ о его изгнании. Министр Сугавара, не в силах

¹⁴⁵ С начала абзаца до этого места текст почти дословно позаимствован из «Записи откровения 29-го дня шестой луны второго года эры Эйкан» («Эйкан ни эн року гацу нидзю ку нити такусэн ки»).

¹⁴⁶ «Добродетель его выходит за пределы страны» — цитата из предисловия к «Собранию старых и новых японских песен» («Кокин вака сю:»), составленного в 905 г. Означает, что благодаря добродетели повелителя страна мудро управляется и процветает. Встречается также в 11 свитке «Лучших сочинений японского двора» («Хонтё: мондзуй»), собрании известных произведений на китайском языке, составленном Фудзивара Акихира (989–1066); во втором свитке «Собрания японских и китайских стихов для декламации» («Вакан ро:эй сю:») (см. прим. 76); «Извлечении из рассказов Ооэ» («Го:дансё:») 9см. прим. 56).

¹⁴⁷ Гора к северу от Киото.

¹⁴⁸ Источник не известен, однако эта цитата встречается также в первом свитке «Сказания о годах Хогэн» («Хо:гэн моногатари»), сложившегося примерно в то же время, когда были написаны энги. Согласно комментарию монаха Сюэн, высокое небо — дворец императора, звезды — ранги и должности чиновников.

¹⁴⁹ Согласно комментарию Сюэн, волны — народ, голубое море — земля, страна.

¹⁵⁰ 901 г. В 7-ом месяце этого года девиз правления был изменен на «Энги».

¹⁵¹ В тексте — ошибка. В действительности в 25-й день.

¹⁵² Временный помощник наместника Дадзайфу (*гон-но соцу*): в силу стратегической важности на о. Кюсю существовало особое управление провинциями о. Кюсю, возглавлявшееся наместником.

вынести такую печаль, сложил стих и отправил его монаху-императору Тэйдзи¹⁵³.

Я стал подобен грязи и опавшим листьям в бегущей воде.
Господин, будь запрудой, чтобы остановить меня¹⁵⁴.

Монах-император прочел эти строки, и слезы комом стали у него в горле. Он подумал: «Ведь император — мой сын, и если я попрошу его, он, наверное, выполнит мою просьбу». Пешком, по грязи и пыли, дошел он до ворот Дзё:сай, миновал Бураку-ин и Сингон-ин, приблизился ко Дворцу Сэйрё:дэн¹⁵⁵. Однако глава Архивного управления Суганэ-кё:¹⁵⁶, пребывавший в глубокой злобе [на Митидзанэ] из-за того, что когда-то, во время игр в ночь ко:син¹⁵⁷ [Митидзанэ] ударил его, не доложил императору [о приходе бывшего императора]. Монах-император в отчаянии изливал свою горечь в саду под грушей, а когда ве-

---

¹⁵³ Монах-император Тэйдзи — монашеское имя бывшего императора Уда, который в 897г. отрекся от престола в пользу своего сына Ацугими, ставшего императором Дайго.

¹⁵⁴ Это японское стихотворение *вака*, поэтому его нет в собраниях трудов Митидзанэ, составленных им самим. Помещено в «Оокагами» («Великое зеркало»), собрание жизнеописаний императоров и высших сановников дома Фудзивара (вторая половина XI в. или начало XII в.)

¹⁵⁵ Постройки на территории дворцового комплекса Дайдайри. Дзё:сай-мон — ворота близ северо-западного угла. Бураку-ин — павильон для проведения различных церемоний и обрядов на юго-западном участке дворцового комплекса. Сингон-ин — расположенный в центральной части комплекса зал для медитаций императора. Дворец Чистоты и Прохлады, Сэйрё:-дэн, — обычное местопребывания императора, где также иногда проводились различные придворные церемонии.

¹⁵⁶ См. прим. 110.

¹⁵⁷ В ночь дня ко:син (старший брат, металл, обезьяна) существовал обычай бодрствовать. По буддийским представлениям в эту ночь поклоняются гневному божеству в виде ребенка с синим лицом (изображено на мандале «Мира чрева»), способному изгнать злобных и вредоносных духов. По исконно японским представлениям, в эту ночь поклоняются божеству Сарутахико, сопровождавшего Ниниги-но микото, потомка Аматаэрасу, при его схождении на землю. Считалось, что если заснуть в эту ночь, то из человека вылезет живущее в нем насекомое (или червь) и расскажет о скрываемых неприглядных делах.

чернее солнце стало клониться к горам, он в слезах возвратился назад, думая, что случилось недоразумение.¹⁵⁸

После этого, по высочайшему указу из двадцати трех детей [Митидзанэ] четырех сыновей отправили в разные стороны. Скромно живущих дочерей оставили в столице, младшие малолетние сыновья уехали вместе с отцом и с грустью вспоминали родной Ко:байдэн¹⁵⁹, обмениваясь клятвами даже с бесчувственными травами и деревьями¹⁶⁰.

Цветы сливы, несущие свой аромат с восточным ветром!

Хоть нет хозяина дома, не забывайте цвести весной.

Цветы сакуры! Если вы не забыли своего хозяина,

Отправьте мне весть с попутным ветром.

Уезжая, [он] оставил именно такие стихи, полные печали¹⁶¹.

Нет у человека своего места. Его судьба в руках Повелителя Неба.¹⁶² Неожиданно из министра и командующего [Митидзанэ] превратился во временного помощника наместника Дадзайфу, сменил почетное звание советника и помощника императора на презренное имя ссыльного. Утирает [он] слезы, падающие на рукав, точно утренняя роса, и рыдает, уткнувшись в подушку, словно раздается голос кукушки.¹⁶³

¹⁵⁸ Упоминание об этом эпизоде есть в «Го:дансё» (см. прим. 56) и «Фуко: рякки» (см. прим. 109). «Го:дансё», так же, как и энги, сообщают, что не пустил бывшего императора Фудзивара Суганэ. В «Фуко: рякки» говорится, что не пустил его Ки Хасэо.

¹⁵⁹ Ко:байдэн — название усадьбы Митидзанэ в Киото.

¹⁶⁰ Этот фрагмент не поддается адекватному толкованию. Можно предположить, что дети обменялись клятвами помнить или вернуться даже с растениями, которые, несмотря на отсутствие души, согласно учению школ Тэндай и Сингон, также достигнут состояния будды.

¹⁶¹ В другом варианте энги («Дзё:кю:хон») добавлено: «из-за этой песни слива взлетела и перенеслась к нему». Этот отрывок повествует, как появилась известная легенда о сливе, перенесшейся из столичного сада Митидзанэ на Кюсю.

¹⁶² Небо (ко:тэн, 皇天): возможные переводы — «Небо», «Повелитель Неба», «император». Нет у человека своего места. Его судьба в руках Повелителя Неба. Это первые строки из стихотворения Митидзанэ на китайском языке «Дзёи иппяку ин» («Поэма в двухстах строках»), помещенного в «Позднее собрание произведений Сугавара Митидзанэ» («Канкэ косю:»).

¹⁶³ Этот абзац (за исключением двух первых цитированных предложений) — пересказ на японском языке некоторых строк из «Поэмы в двухстах строках» (см. прим. 129).

Родился он в четвертом году Дзё:ва¹⁶⁴, и во времена правления императоров Ниммё: и Монтоку¹⁶⁵ был еще малым ребенком. Он начал службу с годов Дзё:ган¹⁶⁶, и при выездах пяти императоров¹⁶⁷ даже садился на [коней, известных словно] Рё-кудзи¹⁶⁸, стоял перед паланкином императора, а теперь он только настегивает почтовую лошадь, сбившую копыта¹⁶⁹.

«В годы Нинна¹⁷⁰, направляясь на службу в провинцию Сануки¹⁷¹, [я, подобно] Ганьнин, перерезал парчовый канат¹⁷², и развлекался в волнах южных морей. А теперь навстречу пришла небесная рыбацкая лодка с поломанной кормой и разбитым носом. Преодолев безграничное море страданий в мире рождений, вверил себя и свою душу Закону¹⁷³, и попутный ветер вынес меня к спасительной Мацубара¹⁷⁴. Чжуань Шо, занимавшийся земляными работами на далеком берегу¹⁷⁵, Фан Ли с

---

¹⁶⁴ 837 г. Годы Дзё:ва — 834–848. На самом деле Митидзанэ родился не в 837 г., а в 845 г. (12-й год Дзё:ва).

¹⁶⁵ Правление императора Ниммё: — 833–850, императора Монтоку — 850–858.

¹⁶⁶ Годы Дзё:ган — 859–877. В 9-ом году Дзё:ган (867 г.) Митидзанэ был назначен на свою первую должность: он стал младшим инспектором провинции Симоцукэ.

¹⁶⁷ Императоры Сэйва (858–876), Ё:дзэй (876–884), Ко:ко: (884–887), Уда (887–897), Дайго (897–930).

¹⁶⁸ Рёкудзи — имя одного из восьми известных скакунов чжоусско-го правителя.

¹⁶⁹ «... а теперь он только настегивает почтовую лошадь, сбившую копыта»: Митидзанэ ехал в Дадзайфу на почтовых лошадях, причем был дан указ не менять ему лошадей. О том, что ему не меняли на станциях лошадей, Митидзанэ упоминает в «Поэме в двухстах стихах» (см. прим. 129), откуда взята эта строка.

¹⁷⁰ Годы Нинна — 885–889.

¹⁷¹ Во 2-ом году Нинна (876 г.) Митидзанэ был назначен управителем провинции Сануки.

¹⁷² Ганьнин (甘寧, яп. Каммэй) из китайского царства У так любил прекрасное, что даже лодку привязывал парчой, которую потом без сожаления разрезал («История Трех царств» — «Сангокуси»).

¹⁷³ Закону Будды.

¹⁷⁴ Мацубара (松原) — название места на территории современного г. Фукуока (о. Кюсю), куда направлялся Митидзанэ. Досл.: «поле сосен» (сосна — символ духа Митидзанэ).

¹⁷⁵ Чжуань Шо (яп. Фуэцу) — министр шанского правителя У Дина, который разыскал Чжуань Шо среди рабочих, занимавшихся земляными работами.

его быстроходной лодкой¹⁷⁶, я сам — какими прошлыми деяниями определяется судьба? Блуждая в плывущей пустоте в сопровождении диких гусей, раздвигающих облака, не стану ли цикадой, впивающейся в кору дерева и поющей на исходе дня? Продолжаю примешивать слезы к предрассветным волнам озера у трех ущелий¹⁷⁷, просыпаться по ночам от дикого ветра в опасных горах. Оглядываясь назад, вижу, что я, недостойный, получил великие милости, [и это хуже], чем если бы я заглядывал в бездонный пруд. На утлой лодке пересекал я великую реку¹⁷⁸, и ответственность моя была тяжелее огромного камня. После того, как я покинул столицу, прошло много времени, но не вьется утренний дымок, и нет места, где остановиться на ночь. Как уменьшить понесенный ущерб? Хочу обелить дурное имя ссыльного. Теперь я просто складываю ладони и молюсь Будде, отдаваясь после многочисленных раздумий от греховных дел. Я думаю о печали будд в трех мирах. Чудесная Сутра Одной Колесницы¹⁷⁹, спаси меня в последующей жизни!» — так написал¹⁸⁰. Любой человек, услышав это, не удержится от слез.

До самой глубины души преисполняешься печалью, когда услышишь стихи в двадцать восемь строк, созданные [Митидзанэ], как было predetermined¹⁸¹, при воспоминании стихов Лэ Тянь¹⁸² «Три друга, верных в тиши кабинета»¹⁸³.

---

¹⁷⁶ Фан Ли (范蠡, яп. Ханрэй) в период воюющих царств (V–III вв. до н. э.) выиграл для своего правителя Юэ решающее сражение, но, не дожидаясь награды, скрылся на быстроходной лодке.

¹⁷⁷ Озеро у трех ущелий, прорезанных Янцзы. Труднопроходимый водный путь.

¹⁷⁸ «На утлой лодке пересекал я великую реку, ...» — по-видимому, эти слова следует понимать как управление государством при слабых и недостойных силах Митидзанэ.

¹⁷⁹ В тексте «Итдизё: мё:тэн», то есть Чудесная Сутра Одной Колесницы. Это одно из названий «Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы».

¹⁸⁰ Вольный пересказ отрывка из «Поэмы в двухстах строках» (см. прим. 129).

¹⁸¹ В тексте *сюксю*: (宿習) — буддийский термин, дословно «прижившаяся привычка». Обозначает скрытую силу, которая действует в этой жизни и определяется деяниями прошлой жизни.

¹⁸² Лэ Тянь — другое имя Бо Цзюй-и. Упоминающиеся здесь стихи были весьма популярны при дворе японского императора.

После того, как гонец от правителя изгнал меня,
Отец и сыновья расселились по пяти далеким местам.
Не вымолвить слова, только кровавые слезы в глазах.
Смотрю вверх — молюсь небесным богам, смотрю вниз —
молюсь земным богам.

Далекie облака плывут туда, плывут сюда.
Дни второй и третьей луны еле тянутся.
Нет известий от друзей, охраняющих заставы.
Живу в горчайшей дреме, не вижу даже снов.
Я здесь вдали от гор и рек — так долго идти до них.
Пейзаж вдоль дороги все более унылый и мрачный.
Прибыл на место ссылки — равнина. С кем разделить мне
трапезу?
Дождь осенних ветров, а теплой одежды нет.
Прежде три друга были вечной радостью.
Теперь три моих друга стали вечной печалью¹⁸⁴.

В этом отрывке семь рифм. Сердце разрывается от печали при этих стихах в двадцать восемь строк!

Всего-то слышишь песню, сложенную вдали от родины, когда очень одиноко, и посвященную той, кто на севере¹⁸⁵, а прe-исполняешься глубокой печалью:

Оглядывался, пока не скрылись ветви деревьев возле
твоего дома¹⁸⁶.

Услышав [крики] диких гусей над осенними туманами, он сложил:

Я — ссыльный, ты — гость.
Наша с тобой судьба — печально блуждать.
Поправив изголовье, размышляю о дне возвращения:
Сколько лет мне будет тогда? Прилетай будущей весной!¹⁸⁷
И эти стихи тоже проникают в самую душу.
Три-четыре месяца назад покинул дом.
Льются слезы в далеком путешествии.

---

¹⁸³ «Три друга, верных в тиши кабинета», яп. *кита мадо санъю*: *Кита мадо* — окно на север, так называли кабинет. Тремя друзьями Бо Цзюй-и называет поэзию, сакэ и музыкальный инструмент *кото*.

¹⁸⁴ Стихотворение помещено в «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95).

¹⁸⁵ Имеется в виду оставшаяся в столице жена Митидзанэ.

¹⁸⁶ Это японское стихотворение *вака*, помещенное в «Оокагами» (см. прим. 121).

¹⁸⁷ Стихотворение помещено в «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95) под названием «Слышу перелетных гусей».

Все подобно сну.

Иногда молюсь голубому небу.¹⁸⁸

Удивительно, что эти стихотворения, запечатленные в самом сердце, он только читал вслух [и не записывал], но в великой стране Тан¹⁸⁹ и знатный, и низкий услаждали себя чтением [этих] стихотворений и не считали пустым делом.

Время от времени подобные стихотворения, от случая к случаю, он складывал и в пути, и в Цукуси¹⁹⁰, где пробыл целый год. Он сложил много стихотворений, но среди них особенно печальна та песня, что написана им при виде тумана:

По вечерам над полями и горами поднимается туман.

Он еще больше разжигает пламя моих стенаний.¹⁹¹

Или же [сложенные им строки] во время дождя:

Никто не прячется под небом от дождя,

Не сохнет [под дождем] промокшая одежда.

Слышавшие это люди не могли сдержать слез!

В третий год эры Сё:тай¹⁹², в девятый и десятый день девятой луны был праздник¹⁹³ у императора, [Митидзанэ] занимал тогда третий старший ранг и пребывал в должности Правого министра и командующего Правой гвардией. Он цвел, как раскрывающаяся хризантема, и восхищение императора изливалось подобно благодатному дождю. На следующее утро после девятого дня [Митидзанэ] сложил:

Ты умножаешь свои весны и осени, а твой министр стареет.

Запаздывает моя благодарность за твои безграничные

милости.¹⁹⁴

---

¹⁸⁸ Это стихотворение вошло в «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95) под названием «Моя песня».

¹⁸⁹ Великая страна Тан — Китай под управлением династии Тан (619–907).

¹⁹⁰ Старое название Кюсю.

¹⁹¹ Это японское стихотворение *вака*, помещенное в «Оокагами» (см. прим. 121).

¹⁹² 900 г.

¹⁹³ В девятый день девятой луны 900 г. во дворце императора проходил Праздник хризантем, один из пяти основных сезонных праздников.

¹⁹⁴ Здесь приведен отрывок из стихотворения Митидзанэ, помещенного в «Позднем собрании произведений Сугавара Митидзанэ» («Канкэ ко:сю:») (см. прим. 95) под названием «Строки, сложенные на

Восхищенный император снял со своего плеча одежды и на-
кинул на плечи министра. Тот привез их с собой в Цукуси и
часто рассматривал, вспоминая столицу. На следующий год¹⁹⁵ в
десятый день девятой луны он сложил:

Год назад в этот же вечер был я во дворце Сэйрё:дэн¹⁹⁶,
Только мои стихи тронули сердце.
Пожалованные одежды сейчас со мной.
Разложив их, каждый день вдыхаю оставшийся аромат¹⁹⁷.

«И правда, стихотворения Канкэ¹⁹⁸ непостижимы для нас.
Стихотворения Бо Цзюй-и мы понимаем», — говорили сочини-
тели древности.

Видна лишь черепица на башне¹⁹⁹,
Слышен лишь колокол в храме Каннон.²⁰⁰

Такие строки он сложил, превосходящие даже сложенное Бо
Цзюй-и:

Припав к изголовью, слышу колокол храма Иай²⁰¹.
Приподняв занавес, вижу снег на вершине Сяну.

Советник Гоэ²⁰² во время экзамена²⁰³ использовал рифмо-
ванный иероглиф в качестве хё:сэй²⁰⁴, и советники словесности

следующий день после девятого дня на тему «Осенние мысли». На
празднике император задал тему «Сю:си» (秋思, «Осенние мысли»), и
стихотворение Митидзанэ понравилось ему более прочих.

¹⁹⁵ В первый год Энги, т. е. в 901 г. Со второй луны этого года на-
чинается жизнь Митидзанэ в ссылке.

¹⁹⁶ Дворец Сэйрё:дэн: см. прим. 122.

¹⁹⁷ Это стихотворение вошло в «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95) под на-
званием «Десятый день девятой луны».

¹⁹⁸ Канкэ — см. прим. 61.

¹⁹⁹ ... на башне — в стихах дословно «на башне здания правления
Дадзайфу».

²⁰⁰ Отрывок из стихов, вошедших в «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95)
под названием «Не выходя за ворота».

²⁰¹ Иай — «оставшаяся любовь», нечто, ценившееся умершими при
жизни.

²⁰² Имеется ввиду Ооэ Асацуна (886–957), придворный чиновник и
ученый, составлявший по приказу императора Мураками «Новую ис-
торию Японии» («Синкокуси»). Занимал должности старшего помощни-
ка в Министерстве народных дел, советника по словесности (мондзё:
хакасэ), правого контролера старшего разряда, дослужился до госу-
дарственного советника (санги).

того времени хотели расценить это как провал. И тогда советник Гоз прочитал вслух стихотворение [Митидзанэ] «Журавль пролетит тысячу ри, но не отдалятся от земли»²⁰⁵, но никто ему не внял, поэтому он сказал: «Я слушал, что говорил министр Сугавара!» Добродетельный правитель годов Энги²⁰⁶, запечатлев эти слова в своем сердце, повелел: «Какими бы ни были способности и познания советников словесности, им не сравниться с министром Сугавара. Поскорее зачитайте экзамен». Советники словесности того времени замолчали и уступили²⁰⁷.

[Митидзанэ] собрал стихи, сложенные им после восьмой луны третьего год эры Сё:тай²⁰⁸ в Западных землях²⁰⁹ и назвал их «Позднее собрание». В третий год эры Энги²¹⁰, в первую луну, почувствовав себя больным, он положил собрание стихов в шкатулку и отправил среднему советнику Хасэо-кё:²¹¹. Когда советник Ки²¹² увидел, что ему прислали, он возвел глаза к Небу, пал на Землю и застонал. «Это человек непревзойденных способностей и необычайного стихотворного таланта, нет ему в мире равных! Хоть и поднялся он до должности министра, но не забросил занятия прекрасным. Его сочинения на устах у многих людей. Когда потомки будут говорить о сочинительстве, они не смогут не назвать Канкэ!» — так хвалил [Митидзанэ] со-

²⁰³ Экзамен на занятие министерской должности (*то:сё:*, 登省) включал задание сочинить стихотворение.

²⁰⁴ *Хё:сэй*, или *хё:сё:* (平声) — один из четырех видов тонирования слога.

²⁰⁵ Стихотворение из «Канкэ бунсо:» (см. прим. 12). Там вместо «земля» написано «облаков».

²⁰⁶ Император Дайго.

²⁰⁷ Этот рассказ также встречается в пятом свитке «Го:дансё:» (см. прим. 56).

²⁰⁸ 900 г.

²⁰⁹ Имеется ввиду место ссылки на о. Кюсю.

²¹⁰ 903 г.

²¹¹ Средний советник Хасэо — *тю:нагон* Ки-но Хасэо (845–912), ученик Митидзанэ, ученый, советник по словесности, чиновник третьего старшего ранга. Один из составителей «Указов годов Энги» («Энги кяку»). Здесь повествуется о том, как Митидзанэ составил второй сборник своих произведений, названный позднее «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95).

²¹² Советник Ки — см. предыдущее примечание.

ветник Хасэо²¹³. В одном из стихотворений «Позднего собрания» даже бесчувственный услышит печаль. [Митидзанэ], успокоившись сердцем, сложил его в полнолуние в пятнадцатый вечер девятой луны.

В былые дни успеха носил я шпильку и пояс²¹⁴.
Теперь я — разжалованный и сосланный пленник диких трав.

Свет луны — как зеркало, но он не отражает мою невинность.

Дыханье ветра — как меч, но оно не прервет мою печаль.

Все, что вижу и слышу, ранит мне сердце.

Эта осень — только печаль.²¹⁵

Каждый раз, как слышишь эти стихи, они проникают в самую душу!

Так, пока он был в Цукуси, написал молитвословие²¹⁶, говорящее о его невинности и поднялся на высокую гору. Когда он семь дней подряд взывал к Небу²¹⁷, текст молитвословия вознесся в небеса и, раздвигая облака, исчез вверху²¹⁸. Считается, что, миновав дворец Тайсяку, молитвословие поднялось до Бонтэн²¹⁹.

---

²¹³ Этот эпизод основан на отрывке из «Жизнеописания божества Тэндзин из Китано» («Китано Тэндзин го-дэн»). Похвала Ки Хасэо является цитатой из этого произведения.

²¹⁴ Шпилька для волос, поддерживающая особый головной убор, и плетеный пояс указывают на принадлежность чиновничеству.

²¹⁵ Стихотворение из «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95), куда оно помещено под названием «Печальный вечер» («Сю:я»). Здесь приводится без двух первых строк.

²¹⁶ В тексте — *саймон* (祭文), т. е. молитвословие (*норито*) в китайском стиле, подносимое богам во время празднеств.

²¹⁷ Небо — в тексте Тэндо 天道, Путь Неба.

²¹⁸ Этот эпизод встречается в «Го:дансё:» (см. прим. 56).

²¹⁹ Тайсяку, санскр. Индра, и Бонтэн, санскр. Брахма, — божества древнеиндийской мифологии, вошедшие в буддийский пантеон и ставшие охранителями буддийского Закона. Индра, охранитель восточного направления, пребывает на вершине горы Сумеру. «Брахма в древнеиндийской мифологии один из главных богов — создатель мира. В буддизме — бог Брахма («великий небесный царь Брахма», «небесный царь Брахма», «царь Брахма», «Великий Брахма») управляет миром Саха, пребывает на небе Брахмы. Буддийская мифология не признает Брахму в качестве творца мира; он, как и все боги подчиняется законам кармы. В Китае Брахма никогда не был известным божеством, и его культ распространения не получил, в Японии же, на-

Будда Шакьямуни неисчислимое множество лет тому назад находился у Будды Тэйся²²⁰, семь дней и семь ночей сидел в медитации и сложил песнь, прославляющую Будду Тэйся:

На небе и земле, в этом мире, в жилище четырех небесных царей²²¹,

Во дворце Индры, у дэвов, во всех десяти направлениях нет [никого, подобного Будде Тэйся].

Истинно верующие, пастыри и подвижники

Обошли землю, леса и горы — равного ему нет.

Поэтому он разом преодолел девять кальп и раньше Мироку²²² стал буддой²²³. Министр Сугавара в своем теле²²⁴ семь дней и ночей поклонялся Владыке Неба²²⁵, позабыв себя, служил Будде, старался с чистым сердцем, и! — стал Тэмман Дайдзидзай Тэндзин.

оборот, этот культ был весьма распространен в VII–VIII вв.» (Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы. Пер. с кит., коммент., заключ. статья А. Н. Игнатовича. М.: Янус-К, 1998. С. 469).

²²⁰ «... пребывая у Будды Тэйся» (санскр. *Tīśya*), — еще не ставшие буддами Майтрейя (яп. Мироку) (см. прим. 189) и Шакьямуни находились у Будды *Tīśya*, постигая Закон Дхармы. Семь дней и семь ночей Шакьямуни пребывал в медитации, а затем сложил хвалебный гимн, что помогло ему преодолеть девять кальп и достичь состояния будды.

²²¹ Четыре небесных царя (*ситэнно*, 四天王) — защитники четырех сторон света, живущие на склонах горы Сумеру.

²²² Мироку (санскр. Майтрейя) — бодхисаттва, который достигнет состояния будды после Шакьямуни и явится в человеческий мир.

²²³ Отрывок от слов «Будда Шакьямуни» и до слов «стал буддой» почти полностью копирует отрывок из «Абидацума Куся-рон» (Рассуждения о «Вместилище Абхидхармы»), канонического текста японской школы Куся. (См. *Макабэ Тосинобу*. Тэндзин синко-но кисотэки кэнкю (Фундаментальное исследование культа Тэндзин). Оомия: Нихон котэн-сэки тюсяку кэнкюкай, 1984, С. 86–87).

²²⁴ «...в своем теле» — в тексте «в теле соответствия» (*гэнсин*, 現身). Это одно из трех тел Будды: Тело Дхармы, или Тело Закона (*хоссин*), — базисная ипостась Будды, Тело воздаяния (*хо:син*) — тело, которое обретают бодхисаттвы, ставшие буддами, Тело соответствия (*гэнсин*, *о:дзин*) — тело, в котором Будда является в мир проповедовать свое учение. Есть и другие толкования трех тел Будды. Подробнее см. Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы. Пер. с кит., коммент., заключ. статья А. Н. Игнатовича. С. 514.

²²⁵ В тексте — «голубое небо» (*со:тэн*, 蒼天). Это словосочетание также синонимично словосочетанию *дзё:тэй* (上帝), что означает «небесный бог», «хозяин небес», «владыка неба».

В третий год эры Энги, в двадцать пятый день второй луны [Митидзанэ] возвестил, что расстанется с пятью основами тела и ума²²⁶, в которых обитают двенадцать причин страданий²²⁷. Когда-то в Центральной Индии, среди деревьев сала²²⁸ во вторую луну²²⁹ среди многих печалей пятьдесят два вида живых существ²³⁰ проливали кровавые слезы. Теперь, в Дадзайфу, в храме Эноки-дэра, во вторую луну, в двадцать пятый день при расставании [с Митидзанэ] у людей из шестидесяти с лишним провинций волосы встали дыбом от ужаса²³¹. Останки Десятиименного²³², который, не умирая, ушел из этого мира, предали огню, и выбрали место для могилы [Митидзанэ] возле Сидо:²³³ в провинции Тикудзэн, и решили упокоить [останки] там. По пути повозка внезапно остановилась посреди дороги, и сколько ни тянули сильных откормленных быков из Цукуси, они не сдвинулись. На этом месте решили сделать могилу, и теперь там храм Анракудзи. При кончине министра Сугавара по всей

---

²²⁶ Пять основ: пять *скандх* (пять категорий *дхарм*), составляющих тело и ум живых существ в мире желаний и в мире форм.

²²⁷ Двенадцать причин страданий: 12 внутренне присущих и внешних причин страданий всего живого, то есть закон взаимозависимого существования, одна из основополагающих доктрин буддизма. Согласно этому закону, «вращение» живого существа в «круге перерождений» обуславливается 12-ю причинами.

²²⁸ Деревья сала — деревья, под которыми, по преданию, скончался Будда Шакьямуни.

²²⁹ Вторая луна (яп. *кисараги*) — время, когда Будда Шакьямуни покинул это мир и перешел в нирвану.

²³⁰ Пятьдесят два вида живых существ — небожители, люди, звери и птицы, все живые существа, присутствовавшие при переходе Будды Шакьямуни в нирвану.

²³¹ В тексте *ми-но кэ косо ёдатикэрэ*, т. е. «волосы встали дыбом».

²³² Десятиименный — Будда Шакьямуни. Термин происходит от десяти уважительных имен, или титулований, Будды: 1) Так Пришедший, или Так Ушедший, яп. Нёрай; 2) Достойный Подношений, яп. О:гу; 3) Все Истинно Знающий, яп. Сё: хэнти; 4) Идущий Светлым Путем, яп. Мё:гё:соку; 5) В Добrote Уходящий, яп. Дзэндзэй; 6) Знающий Мир, яп. Сэкэнгэ; 7) Наидостойнейший Муж, яп. Мудзё:си; 8) Все Достойно Устраивающий, яп. Тё:го:дзё:бу; 9) Учитель Богов и Людей, яп. Тэннинси; 10) Просветленный, или Почитаемый в Мирах, яп. Буцу Сэсон.

²³³ Сидо: — одно из зданий на территории монастырского комплекса Анракудзи.

земле, словно дождь, проливались слезы, по всей стране не смолкал плач.

Вскоре после этого тринадцатый настоятель монастыря²³⁴ Энрякудзи²³⁵ Хоссё:бо:²³⁶ Сонъи²³⁷, которому посмертно пожаловали должность со:дзё:²³⁸, — в то время ему было только лет сорок, точно не помню, — самой жаркой летней ночью²³⁹, еще до наступления пятой стражи²⁴⁰, пребывал на вершине Симэйдзан²⁴¹. И вот, когда он, взыскав истины²⁴², преисполнился

²³⁴ Настоятель монастыря — *дзасю* (座主).

²³⁵ Энрякудзи — первый (и основной) монастырь школы Тэндай на горе Хиэй, созданный основоположником школы Сайтё (см. прим. 18).

²³⁶ Хоссё:бо: — одно из прозваний настоятеля Сонъи.

²³⁷ Сонъи (865–940) — тэндайский монах. В четырнадцать лет поступил в монастырь Энрякудзи. Учился у главы школы Энтин, в 926 г. стал настоятелем Энрякудзи. По приказу императора проводил моления о дожде. В 938 г. получил должность *дайсо:дзу* (см. прим. 66). В год смерти Митидзанэ ему было 38 лет. Рассказ о том, что дух Митидзанэ явился Сонъи, отсутствует в «Жизнеописании Сонъи, посмертно получившего должность со:дзё: («Сонъи со: со:дзё дэн»), которое сложилось во второй половине X в.

²³⁸ См. прим. 66.

²³⁹ В тексте: «летней ночью в *сампуку*». *Сампуку* — три дня *каноз* (младший брат металла), по одному в каждом сезоне: в сезоны *сё:сё* (малая жара, с 7–22 июля, пятый летний месяц), *тайсё* (большая жара, с 23 июля — 7 августа, шестой, последний, летний месяц) и *риссю*: (начало осени, 8–23 августа, первый осенний месяц), то есть в одиннадцатый, двенадцатый и тринадцатый сезоны в двадцати четырех сезонах сельскохозяйственного года, исчисляемого по старому японскому и китайскому календарю. Считается самым жарким временем.

²⁴⁰ Пятая стража — примерно с 3 до 5 часов.

²⁴¹ Симэйдзан — одна из вершин г. Хиэйдзан, на которой расположен монастырь Энрякудзи (см. прим. 18, 202).

²⁴² «... взыскав истины» — дословно «в окне девяти сознаний, на полу десяти колесниц» (*кусики-но мадо-но ути, дзю:дзё:-но юка но хотори*). Девять сознаний (буд. термин) — восемь сознаний (яп. *хассики*), которыми обладает живое существо, и сущность абсолютной истины (яп. *аммара*). Восемь сознаний: 1) сознание, которое осознает видимое глазом, 2) сознание, которое осознает слышимое ухом, 3) сознание, которое осознает обоняемое носом, 4) сознание, которое осознает осязаемое языком, 5) сознание, которое осознает осязаемое прикосновением тела, 6) сознание, которое осознает осмысливаемое разумом, 7) сознание, которое систематизирует результаты деятельности первых шести сознаний, 8) сознание, сохраняющее результаты работы первых семи сознаний.

мудростью Будды²⁴³, и перед алтарем, [где постигают] три тайны²⁴⁴, очистился сердцем при созерцании луны²⁴⁵, неожиданно раздался стук в дверь кельи, [настоятель] отодвинул створку и увидел министра Сугавара, принявшего временный облик²⁴⁶. С глубоким почтением и боязнью [монах] попросил того войти в зал с изображением Будды и спросил: «Что привело вас сюда?». Тот ответил: «Я получил разрешение Бонтэн и Тайсяку²⁴⁷. Запрета земных и небесных богов тоже, кажется, нет. Я хочу пойти в столицу и войти во дворец императора, известить о своей печали, и сотворить месть. И только ты²⁴⁸, обретя в соблюдении многих обрядов силу, сможешь меня остановить. Даже если получишь императорский указ, извинись и верни его. Извечная связь²⁴⁹ наставника и его прихожан именно в этом»²⁵⁰. И тогда Хоссё:бо: сказал: «Отношения наставника и прихожан — это связь, зарождающаяся не в этом мире, поэтому если я закрою глаза [на происходящее], наверное, случится что-то плохое! Вся страна — это земля государя. И что делать проживающему в этих владениях, если государь трижды направит указ?»²⁵¹. Министр Сугавара несколько переменялся в лице, словно ему захотелось пить, и он откусил предложенный ему гранат, выплюнул [кусок] на дверь и вышел. Этот гранат полыхнул пламенем, и дверь загорелась. Монах сотворил магический знак «полить

---

²⁴³ «... преисполнился мудростью Будды»: дословно «преисполнился чистейшей водой» (*тисуй-о татае*): выражение, уподобляющее мудрость Будды чистейшей воде.

²⁴⁴ Три тайны — движения тела, слова и мысли Махавайрочаны.

²⁴⁵ «... очистился сердцем при созерцании луны»: *кангэцу-о сумасите*, где *кангэцу* — любование луной. Здесь абсолютная истина уподобляется луне, и настоятель храма медитирует путем визуализации данного образа. Практика визуализации образа будды или какого-либо символа абсолюта была распространена в школах Тэндай и Сингон.

²⁴⁶ В тексте — *кэрай*, 化来 (принимать вид и приходить).

²⁴⁷ См. прим. 186.

²⁴⁸ Ты — *дзэнсицу* (禪室), вежливое обращение к высокородному, принявшему монашество.

²⁴⁹ Связь — *тигири* (契) в значении *эн* (縁): причинно-следственная связь, отношения между явлениями прошлого, настоящего и будущего.

²⁵⁰ Возможно, прихожанином здесь называется Митидзанэ, последователь школы Тэндай.

²⁵¹ Существовал обычай перед вступлением в должность формально отказаться от нее, пока не последует третий указ о назначении.

водой»²⁵², и огонь исчез. Опаленная огнем дверь кельи сохранилась до сих пор.

Вскоре после этого прогремел гром и ударила молния. Передают, что сверкание было такое, как при появлении слоя воды и слоя металлов²⁵³ во времена образования этого мира²⁵⁴. Во Дворце Сэйрё:дэн только один господин Хон-ин²⁵⁵ обнажил меч и, пристально вглядываясь, сказал: «Когда ты служил при дворе, ты следовал за мной. Пусть теперь ты даже стал божеством, но будет неразумным, если ты не проявишь почтительность ко мне».

В это время посмертно удостоенный должности со:дзё:²⁵⁶ трижды получил указ государя²⁵⁷ и пришел с горы Хиэй к императорскому дворцу. Разлившиеся воды реки Камо отступили, и, он прошел по реке словно посуху. Сила, приобретенная от соблюдения обрядов, была необычайной, и государь немало удивился. Вскоре после этого [Сонъи] часто умиротворял Небесное божество²⁵⁸.

В восьмой год эры Энги²⁵⁹, в десятую луну Суганэ-кё: самым первым подвергся божественному наказанию: он скончался.

²⁵² «... сотворил магический знак «полить водой» т. е. сложил руки горстью и изобразил, что льет воду. «Полить водой», *сясуи*, 灑水, — в эзотерическом буддизме льют воду для подношений на тело или алтарь, тем самым очищаясь.

²⁵³ Слой воды и слой металлов этого мира — кольца гор и мировой океан вокруг горы Сумеру. Согласно традиционным буддийским представлениям, в мире желаний, где живут почти все живые существа, за исключением некоторых высших божеств и чрезвычайно продвинутых йогингов, в центре плоской земли находится устремленная в невообразимую высь гора Сумеру. Вокруг нее располагаются дворцы тридцати трех богов мира Брахмы. Гора Сумеру окружена несколькими кольцами гор, образованных различными металлами. За ними простирается гладь мирового океана, в котором находятся четыре континента.

²⁵⁴ Образование этого мира — дословно «становление начала калып», *ко:сё сэй*, 劫初成.

²⁵⁵ Хон-ин — так именовали Фудзивара Токихира (871–909) по названию его резиденции Хон-ин.

²⁵⁶ Имеется ввиду Сонъи, настоятель Энрякудзи (см. прим. 18, 202). О должности со:дзё: см. прим. 66.

²⁵⁷ Указ о назначении на должность.

²⁵⁸ Небесное божество — Тэндзин, под которым, по-видимому, подразумевается дух Митидзанэ.

²⁵⁹ 908 г.

В девятый год той же эры²⁶⁰ в третью луну министр Хонин²⁶¹ премного страдал [от болезни], и, хоть он и принимал лекарство, составленное по рецепту [самого] Киики²⁶², никакого толка не было, и тайное искусство семьей Абэ и Камо²⁶³ лишь понапрасну растрачивало подношения богам. [Министр] раздумывал, не отступились ли [от него] светлые божества святилища Касуга²⁶⁴, и сердцем понял, что здесь замешан дух министра Сугавара²⁶⁵. [Он] думал, что его спасет только сила, полученная от соблюдения многих обрядов, [и выбрал] почтенного Дзё:дзо:²⁶⁶ ученика Сэйрё:бо:, *рисси* Гэнсё:²⁶⁷ сына советника Дзэн²⁶⁸. Почтенному Дзё:дзо: тогда не исполнилось еще и два-

---

²⁶⁰ 909 г.

²⁶¹ См. прим. 222.

²⁶² Киики, или Гиба (по версии «Кэмпо-хон»), — известный индийский врач, живший во времена царевича Сиддхарты.

²⁶³ Роды Абэ и Камо в эпоху Хэйан славились своими познаниями и умениями в магии *оммёдо*.

²⁶⁴ Святилище Касуга — родовой храм рода Фудзивара, где почитают божеств Такэмикадзути-но микото, Ивануси-но микото, Амэ-но кояно-но микото, Фудунуси-но микото.

²⁶⁵ Министр Сугавара — в тексте *Кан сё:дзё:*, где *Кан* (菅) — первый иероглиф фамилии Сугавара, а *сё:дзё:* (丞相) — одно из обозначений должности главного министра, которую Митидзанэ пожаловали в 993 г.

²⁶⁶ Дзё:дзо: (887–964) — монах школы Тэндай. Сын Миёси Киёюки. С детских лет прислуживал в покоях императора Уда, затем поступил в монастырь Энрякудзи (см. прим. 18, 202), где изучал эзотерический буддизм у Гэнсё. В девятнадцатилетнем возрасте удалился от мира, ведя затворнический образ жизни, неоднократно уединялся в горах. Особую известность получил в двадцать пять лет, когда предавался буддийским занятиям под проливным дождем в горах Нати. Практиковал на горе Хакусан, считавшейся обителью духов. Находясь в одном из столичных монастырей, в 940 г. участвовал в молениях за подавление восстания Тайра Масакадо.

²⁶⁷ Сэйрё:бо: — одно из прозваний монаха Гэнсё. *Рисси* — третья ступень в должностной иерархии буддийских монахов на государственном уровне, см. прим. 66.

²⁶⁸ Советник Дзэн — Миёси Киёюки (847–918), чиновник и ученый; советник по словесности и глава столичной школы чиновников. Назван советником, т. к. занимал должность *санги* (советник). Дзэн (善) — онное чтение второго иероглифа его фамилии. См. о нем *Грачев М. В.* Миёси-но Асоми Киёюки. «Икэн Дзю:ни кадзё:» — «Рекомендации в двенадцати пунктах» (914 г.) // Политическая культура древней Японии. М.: РГГУ, 2006, с. 108–181.

дцати²⁶⁹, но уже с десяти лет он служил посланником божеств²⁷⁰ и превзошел своих сотоварищей по знанию тайного и явного учений²⁷¹. Не было в мире равных ему в его многочисленных способностях и умениях: [он превосходил всех] в искусстве толкования санскритских знаков²⁷², в написании текстов, в игре на духовых и струнных инструментах, в астрономии, в искусстве предсказания, в гадании по панцирю черепахи и гадательным палочкам, в наставлении на путь Будды, в обретении чудесной силы от творимых молитв и заклинаний, в искусстве врачевания, в музыке голоса озлобления²⁷³. И в четвертый день четвертой луны²⁷⁴ его призвали для молитв. В тот день около полудня советник Дзэн пришел навестить больного, а из правого и левого уха министра вылезли головы голубых змей и возвестили: «Я написал прошение, воззвал к Бонтэн и Тайсяку, получил от них разрешение и теперь хочу отплатить заклятому врагу, но твой сын Дзё:дзо: скоро начнет изгнание духов. Останови его!». Советник испугался, как Шэ Гун, встретившийся с настоящим драконом²⁷⁵, и поведал [услышанное] сыну. Дзё:дзо:, узнав об этом, ушел на закате. Вскоре после этого министр

²⁶⁹ В 909 г. ему было 22 года.

²⁷⁰ Посланник божеств (*гохо:*, 護法) — дух ребенка, служащего посланником божеств, которые охраняют буддийское учение. На эту роль назначались люди, весьма преуспевшие в овладении Законом.

²⁷¹ Тайное и явное учения (*кэммицу*, 顯密) — эзотерический буддизм (в Японии — буддизм школ Сингон и Тэндай) и учение Будды, которое можно передать словами.

²⁷² Искусство толкования санскритских знаков (*ситтан*, 悉曇) — учение эзотерического буддизма о том, что в санскритском алфавите зашифрованы доктрины учения.

²⁷³ «... в музыке голоса озлобления» (憤怒声の音曲) — этот отрывок не поддается толкованию.

²⁷⁴ Этот эпизод описывается в «Фуссо: рякки» и также датирован девятым годом эры Энги, четвертым днем четвертой луны. Токихира пригласил монаха Дзё:дзо:, чтобы тот произнес заклинания против злобного духа Митидзанэ. Но дух Митидзанэ является отцу Дзё:дзо:, Миёси Киёюки, и велит ему остановить своего сына. Дзё:дзо:, послушавшись отца, покидает покои Токихира, и тот вскоре умирает.

²⁷⁵ Шэ Гун (撰公) очень любил изображение дракона и украшал ими одежду и предметы интерьера. Однако когда ему явился настоящий дракон, он очень испугался.

Хон-ин скончался.²⁷⁶ Было ему тогда тридцать девять лет. Его дочь, бывшая наложницей государя²⁷⁷, тоже скончалась. Старший сын, командующий Ясутада, живший на Восьмой линии, скончался очень молодым. Вот как! Когда он заболел, человек, обретший чудесную силу в соблюдении обрядов, возносил [за Ясутада] молитвы, и когда, читая сутру Якуси²⁷⁸, возвысил он голос при словах «так называемый военоначальник Кубира²⁷⁹», [Ясутаде] послышалось «задуши меня²⁸⁰», он испугался и, не открывая глаз, скончался. Вскоре скончался и третий сын [Токихира], средний советник Ацутада²⁸¹. Люди этого рода умирали до сорока лет, и ни у кого не было потомства²⁸². И только правый министр Акитада из Томи-но ко:дзи²⁸³ достиг должности министра и получил второй ранг. Он весьма боялся министра Сугавара, и хотя занимал должность министра шесть лет, но в это время даже обходился без сопровождающих при выездах. Часть своей еды он клал на четырехугольный поднос и подносил [божеству]. При входе в его дом стоял маленький бочонок с черпачком, и Акитада, набрав воды, сам мыл руки. Однако в его семье были только потомки, следовавшие пути Будды и ставшие со:дзу²⁸⁴, хо:ин²⁸⁵, со:дзё:²⁸⁶. Были только Синъё из

²⁷⁶ Этот рассказ о болезни и смерти Токихира, который призывал для изгнания духов монаха Дзёдзо, встречается в «Фуссо рякки».

²⁷⁷ «...наложницей государя»: *нё:го* (女御) — высокий ранг наложницы императора или наследного принца. В данном случае речь идет о Хо:си, наложнице бывшего императора Уда.

²⁷⁸ Сутра Будды Исцелителя (Якуси-кё:).

²⁷⁹ Военоначальник Кубира — одно из двенадцати божеств-охранителей, связанных с Буддой Исцелителем (Якуси) и защищающих все живое. В некоторых буддийских традициях они соответствуют двенадцати знакам зодиака.

²⁸⁰ Игра слов: «так называемый военноначальник Кубира» — *иваю ру Кубира тайсё:*, «задуши меня» — *варэ кубиран*.

²⁸¹ Фудзивара-но Ацутада, младший третий ранг, *тю:нагон*. Умер в 943 г. в возрасте 38 лет.

²⁸² Рассказ о кончине Ясутада и сведения о кончине Ацутада также есть в «Оокагами» (см. прим. 121).

²⁸³ Дворец Фудзивара в Киото.

²⁸⁴ *Со:дзу* — см. прим. примерно 66.

²⁸⁵ *Хо:ин* (法印) — сокращение от *хо:ин дайосё:*, или *хо:ин дайвадзё:* (法印大和尚). В 864 г. были учреждены следующие ранги монахов в зависимости от их учености и добродетели: *хо:ин* (法印), *хо:эн* (法眼), *хо:-*

Миидэра²⁸⁷, Кайко: из Ко:фукудзи²⁸⁸, Монкё: из Ивакура²⁸⁹. И особенно печально, что третий сын Ацутада, помощник главы Штаба императорской гвардии Сари²⁹⁰, раздумывая над положением своей семьи, решил, что в мире ему нечего делать, стал монахом и умер. От такого становится страшно.

Жил человек по имени Кимитада²⁹¹, контролер старшего разряда²⁹², внук императора Комацу²⁹³, двоюродный брат пра-

кё: (法橋), при этом ранг *хо:ин* получили *со:дзу* (см. прим. 66) и *осё:* (см. прим. 25).

²⁸⁶ *Со:дзё:* — см. прим. 66.

²⁸⁷ Синтё — согласно генеалогическому собранию «Знатные и низкие роды» («Сомпибуммяку») у Акитада был внук по имени Синтё, занимавший должность *гон со:дзё:*. Миидэра — имеются два храма с таким названием: 1) Миидэра (Хо:риндзи) школы Сётоку в совр. преф. Нара, 2) Миидэра (Онцзё:дзи) в Ооцу.

²⁸⁸ Кайко: — согласно «Сомпибуммяку» у Синтё (см. прим. выше) был младший брат Кайко:, занимавший должность *дай со:дзу* (см. прим. прим. 66) и должность управляющего (*бэтто:*) храма Ко:фукудзи. Ко:фукудзи (г. Нара) — храм школы Хоссо:, бывший родовым храмом семьи Фудзивара.

²⁸⁹ Монкё: — согласно «Сомпибуммяку», сын Сари (см. прим. ниже). Монкё: занимал должность *дай со:дзу* (см. прим. прим. 66). Ивакура — территория в совр. Киото, ранее — деревня Ивакура близ Киото.

²⁹⁰ Сари — согласно «Сомпибуммяку» у Ацутада был внук по имени Сари, занимавший должность помощника главы правой части Штаба императорской гвардии и имевший старший пятый ранг нижней ступени. В 967 г. стал монахом.

²⁹¹ Минамото Кимитада — внук императора Ко:ко:, глава Архивного управления, правый контролер старшего разряда, управитель провинции Ооми, поэт. Умер в 946 г.

²⁹² *Дайбэн*, *тю:бэн* и *сё:бэн* — контролеры трех разрядов (старший, средний и младший) в Палате большого государственного совета (Дадзё:кан). Осуществляли связь между левой и правой секциями совета и соответствующими четверками министерств, а также верховный надзор над их деятельностью (левые чиновники — Министерство общих дел (Тю:мусё:), Министерство церемоний (Сикибусё:), Министерство гражданской администрации (Дзибусё:) и Министерство народных дел (Мимбусё:), правые чиновники — Военное министерство (Хё:бу сё:), Министерство юстиции (Гё:бу сё:), Министерство финансов (О:кура сё:) и Министерство двора (Кунай сё:). Расследовали упущения ведомств, осуществляли связь со специальными уполномоченными из провинций.

²⁹³ Комацу — император Ко:ко: (830–887), названный так по месту рождения во дворце Комацу Годы правления — 884–447.

вителя годов Энги. В двадцать третий год эры Энги²⁹⁴, в четвертую луну он внезапно умер, а по прошествии трех дней воскрес и сказал своим близким: «Вам следует пойти со мной во дворец к императору». Услышав это, люди подумали, что он помутился рассудком, но Кимитада настойчиво повторял эти слова, и его сыновья Нобуакира и Нобутака, придя на помощь, отправились с ним во дворец. От двери Такигути²⁹⁵ он [начал] докладывать о своем деле. Повелитель годов Энги, удивившись, вышел навстречу, и то, что он слышал, было действительно пугающим. «[Я], Кимитада внезапно умер и оказался перед воротами Подземного Дворца, а немного погодя увидел человека ростом более дзё:»²⁹⁶. На нем были красивые одежды и шапка, а в руках — подставка с [написанным] золотом текстом. Он читал, и я стал внимательно прислушиваться. «Повелитель годов Энги поступил бессердечно», — звучали слова. Тут я понял, что это министр Сугавара. В это время выстроились тридцать четыре служителя подземного мира в красных и фиолетовых одеждах, и второй по счету человек, слегка усмехнувшись, сказал: «Правитель годов Энги был довольно невнимательным. Может, следует сменить девиз правления?», — сообщил [Кимитада] императору и тут же ушел²⁹⁷.

Правитель услышал это и невероятно испугался. В двадцатый день четвертой луны²⁹⁸ министру Сугавара вернули его бывшую [должность Правого министра] и, повысив на одну ступень, пожаловали старший второй ранг. В этот день сожгли

---

²⁹⁴ 923 г.

²⁹⁵ Такигути («вход водопада») — место падения водного потока (на территории дворцового комплекса) к северо-востоку от дворца Сэйрё:Дэн (см. прим. 122). Там располагалась караульня Такигути.

²⁹⁶ Дзё: — 3,03 м.

²⁹⁷ Рассказ о Кимитида есть в «Го:дансё:» (см. прим. 56).

²⁹⁸ 923 г. В «Нихон кираку» в записи за первый год эры Энтё:, двадцатый день четвертой луны записано: «Высочайшим указом покойному Сугавара-асоми младшего второго ранга, временному помощнику наместника Дадзайфу вернуть его настоящую должность правого министра и пожаловать ему посмертно старший второй ранг. Высочайший указ от четвертого года эры Сё:тай, двадцать пятого дня первой луны выбросить». Об указе от четвертого года эры Сё:тай, двадцать пятого дня первой луны см. следующее прим.

и выбросили высочайший указ²⁹⁹ от четвертого года эры Сё:тай, двадцать пятого дня второй луны³⁰⁰.

По этой же причине в двадцатый день пятой луны девиз правления Энги сменили на Энтё:³⁰¹. Министр Сугавара также явился в измененном виде в Сэйрё:дэн, предстал пред лицом императора и поведал о прошлом³⁰². К тому же именно в это время самые различные боги вызывали многие стихийные бедствия!

В восьмой год эры Энтё:³⁰³, в двадцать шестой день шестой луны³⁰⁴ в юго-западную колонну дворца Сэйрё:дэн попала молния и случился пожар. Загорелись верхние одежды старшего советника Киёцура, он повалился на пол, катался и кричал, но огонь не погас. У правого контролера среднего разряда Марё-асоми обгорело лицо, и он упал под колонну, Корэсигэ-асоми взял лук, чтобы противостоять³⁰⁵, но дух убил его, у стражника императорской гвардии Тадацуми обгорели волосы, и он умер. Ки Кагэцура задохнулся от пламени и в мучениях умер. Это было делом повелителя огня, грома и молнии, третьего посланника из 168 000 приверженцев Тэмман Тэндзин. С этого дня вошла в тело государя немочь, ему становилось все хуже и хуже, и в двадцать третий день³⁰⁶ девятой луны он передал правление своему одиннадцатому сыну, ставшему императором Судза-

---

²⁹⁹ Указ о назначении в Дадзайфу и фактическом изгнании Митидзанэ из столицы.

³⁰⁰ В тексте ошибка: не второй луны, а первой луны.

³⁰¹ В «Нихон кираку» причиной смены девизов правления называется смерть наследного принца Ясуакира в 923 г. (в 21-й день третьей луны), матерью которого была младшая сестра Токихира. В «Нихон кираку» записано, что народ очень скорбел, громко рыдал, подобно ударам грома, и счел эту смерть мезтью духа покойного Митидзанэ.

³⁰² Рассказ об этом есть в «Записях об откровении в третий год эры Тэнряку (949 г.)» («Тэнряку саннэн такусэн ки»).

³⁰³ 930 г.

³⁰⁴ Запись об этом есть в «До:кэн сё:нин мэито ки» («Записи о путешествии в потусторонний мир святого Докэн», примерно 940 г.), «Фусо:рякки» (см. прим. 109), «Нихон кираку» (см. прим. 265).

³⁰⁵ Звук пущенной стрелы, вибрирующей тетивы отпугивал злых духов.

³⁰⁶ В «Кэмпо-хон» и «Дзёкю-хон» — двадцать второй день, что соответствует действительности.

ку³⁰⁷. В двадцать девятый день девятой луны, в возрасте сорока шести лет, он принял монашество. И вскоре скончался.

В то время жил человек, которого называли святой Нитидзо:³⁰⁸. Настоящее его имя было До:кэн, но благодаря учению бодхисаттвы Конго:дзао:³⁰⁹ он сменил имя и стал называться Нитидзо:. В четвертый год эры Дзё:хэй³¹⁰, с шестнадцатого дня четвертой луны этот человек затворился в тесной пещере горы Кимпусэн³¹¹ и совершенствовался на пути Будды; в первый день восьмой луны ровно в полдень он внезапно скончался, а в тринадцатый день воскрес! В то время благодаря умению³¹² Конго:дзао: он увидел каждый уголок в трех мирах³¹³ и на шес-

---

³⁰⁷ Император Судзаку (923–952), годы правления 930–946.

³⁰⁸ Нитидзо:, до временной смерти и воскресения называвшийся До:кэн. Сын или племянник Миёси Киёюки.

Последующие четыре абзаца являются кратким изложением «До:кэн сё:нин мэйто ки».

³⁰⁹ Конго:дзао: (санскр. Ваджрасаттва) — одно из воплощений будды Махавайрочана, в эзотерическом буддизме бодхисаттва, изображаемый на мандалах обоих миров («Алмазного мира» и «Мира Чрева»). Стал особо почитаем в культе гор. Явился Эн-но гё:дзя, основателю *сю:гэндо:*, во время его практики на горе Кимпусэн. Один из основных почитаемых божеств в *сю:гэндо:*. В школе Сингон — второй (после будды Махавайрочаны) из восьми наставников-основоположников, передававших учение.

³¹⁰ Эра Дзё:хэй — 931–938. Четвертый год—934 г.

³¹¹ Кимпусэн — священная гора в культе гор и в *сю:гэндо:*.

³¹² Умение, или уловки (*дзэнгё: хо:бэн*, 善巧方便) — средства, умелые приемы или комплекс средств и приемов для просветления «различных по способностям и находящихся в неодинаковых условиях живых существ». (Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы. Пер. с кит., коммент., заклоч. статья А. Н. Игнатовича. С. 516). См. также прим. 33.

³¹³ Три мира — три сферы бытия согласно древнеиндийской и буддийской космологии. 1) Мир желаний, нижняя из сфер. «Его образуют ад, земное пространство и шесть небес. ... Обитатели мира желаний обладают телами и сознанием и, в отличие от обитателей двух других миров, пятью желаниями». 2) Мир форм, средняя из сфер. Там обитают только боги, «которые еще сохраняют свои тела (питаюсь светом) и сознание, но не имеют пяти желаний. Мир форм образован несколькими группами небес...Общее число небес мира форм, по разным источникам, колеблется от семнадцати о двадцати одного». 3) Мир без форм, верхняя из сфер, состоит из четырех небес. «В этом мире происходит полное освобождение от материальных тел...» (Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы. Пер. с кит., коммент., заклоч. статья А. Н. Игнатовича. С. 513).

ти путях³¹⁴. Там он находился в месте пребывания Тэмман Дайдзи Тэндзин³¹⁵, во Внутренней и Внешней обители Тушита³¹⁶, во дворце повелителя Эммы³¹⁷, в аду и прочих местах. Суть радостей и горестей тела, души и их окружения, предопределенных прошлым³¹⁸, ничуть не отличается от их описания в священных сутрах. Тэмман Тэндзин называли Повелителем грозных и добродетельных дэвов³¹⁹, его странствия в десяти направлениях подобны церемонии выезда императора при восшествии на престол. Выглядит он так, что не описать словами. Не счесть его сторонников и приверженцев самых разных видов и форм. Они — и как защитники храма³²⁰, и как

³¹⁴ Шесть путей, или шесть состояний, или шесть миров. «Миры-состояния, в которых могут переродиться, в зависимости от их кармы, живые существа, не вступившие на путь Будды и не вышедшие из круга перерождений». Это мир ада, мир голодных духов, мир животных, мир асур, мир человека, мир небесных божеств (Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы. С. 523).

³¹⁵ Имя Тэмман Тэндзин более позднего происхождения, чем описываемые события, и оно еще не встречается в «До:кэн сё:нин мэито ки» (см. прим. 271).

³¹⁶ Тушита (санскр.), яп. Тосоцу — четвертое из шести небес мира желаний (см. прим. 280). Во Внешней обители живут небожители. Во Внутренней обители «пребывает бодхисаттва Майтрея в ожидании времени своего сошествия на землю в человеческий мир» (Сутра о цветке лотоса чудесной Дхармы. С. 516).

³¹⁷ Эмма (санскр. Яма) — повелитель царства мертвых в древнеиндийских верованиях, инкорпорированных в буддизм.

³¹⁸ ...тела, души и их окружения, предопределенных прошлым — эсё: *нихо:*, 依正二報, т. е. два воздаяния — э (依) и сё: (正). Эхо: (воздаяние э, 依報) — сфера обитания живых существ, их окружение. Сё:хо: (воздаяние сё:, 正報) — само живое существо.

³¹⁹ Повелитель грозных и добродетельных дэвов — Дайдзё: Итоку Тэн (大政威徳天), одно из первых названий духа Митидзанэ. *Дайдзё:* происходит, вероятно, от «главного министра» (太政大臣, *дайдзё:* *дайджин*), *Итоку* (威徳) — от Дайитоку мёо (大威徳明王), имени одного из пяти пресветлых царей. После отождествления духа Митидзанэ с божеством огня и грома его дух стал ассоциироваться с пресветлым царем Дайитоку мёо: Божеству огня и грома приносили в жертву быков, а Дайитоку мёо изображали верхом на быке (первоначально — на морской короле, но поскольку в Японии нет такого животного, то его заменили на быка). *Тэн* (天) — общее название божеств-охранителей Закона, вошедших в пантеон буддийских богов из индуизма.

³²⁰ Защитник храма (*Конго:рикиси*, 金剛力士) — божество, защищающее буддийское учение. Два полуобнаженных скульптурных изобра-

божества грома, злые духи, лесные духи³²¹ и ракшасы³²². Место, где живет [Тэмман Тэндзин] — огромное озеро. Не видно его краев и берегов, и подобно оно Четырем великим морям³²³. Посередине озера — большой остров. Цветы, птицы и растения на нем великолепны: такие, как говорится в сутре Будды Амиды³²⁴ о крае Высшей радости. В середине острова — четырехугольный алтарь примерно в восемь локтей³²⁵. В середине алтаря — лотосовый цоколь. На лотосовом цоколе стоит прекрасная пагода. Внутри пагоды на осях из красивых камней висят свитки «Сутры о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы», написанной золотыми буквами, там — храм школы Тэндай³²⁶. К востоку и западу от него висят две мандалы³²⁷. На севере, на расстоянии примерно одного ри, стоит большой замок. Убранство его великолепно, сияние³²⁸ ярко. Именно здесь живет Повелитель грозных и добродетельных дэвов.

жения этих божеств (*нио*). обычно устанавливали перед входом в буддийский храм.

³²¹ Лесные духи (*яся*, 夜叉) — по древнеиндийским верованиям духи, обитавшие в лесах. В буддизме стали считаться одними из восьми видов существ, охраняющих Закон.

³²² Ракшасы (*расэцу*, 羅刹) — общее название злобных, агрессивных и вредоносных для человека существ.

³²³ Четыре великих моря — огромное море (или мировой океан), окружающее с четырех сторон гору Сумеру.

³²⁴ Амида, (санскр. Амитабха) — Будда Западного края. Еще будучи на пути бодхисаттвы, он дал клятву, став буддой, создать свою страну, в которой будет возрождать всех обратившихся к нему живых существ. Став буддой, он создал на Западе свою Чистую землю Высшей радости. Сутра Амиды — одна из «Трех Сутр о Чистой Земле» (яп. *Дзёдо самбу кё*), канонического текста амидаизма, переведенного на китайский язык ок. 402 г. Кумарадживой.

³²⁵ Локоть (*тю*.; *хидзи*) = 2 сяку = 60,6 см.

³²⁶ Отрывок от слов «написанная золотыми буквами...» отсутствует в «До:кэн сё:нин мэито ки».

³²⁷ Мандала — схематическое изображение системы мироздания. В эзотерическом буддизме использовались две мандалы: мандала «Алмазного мира» (*Конго:кай*) и мандала «Мир Чрева» (*Тайдзо:кай*). Первая символизирует неунничтожимый потенциальный аспект Вселенной, вторая символизирует динамический аспект Вселенной. В центре каждой из мандал — Будда Махавайрочана.

³²⁸ Сияние (*ко:мё*.; 光明) — свет, сияние мудрости и милосердия, исходящие от будды или бодхисаттвы.

«Этот остров — место, где [я] непрерывно размышляю», — так изрек он. И изволил сказать святому Нитидзо: «Сначала я думал так. В прошлой жизни я изошелся слезами, поэтому я хотел погубить Японию: затопить ее, сделать огромным морем, а через восемьдесят четыре года создать твердь и устроить там свою обитель. Но поскольку [это страна], где Фугэн³²⁹, Рю:мё:³³⁰ и другие распространяют учение Будды, я, всей душой преданный Закону, простил. Сила тайного и явного учения довольно умерили мою злобу. Кроме того, Так Пришедший³³¹ далекого прошлого, великие³³² в теле закона³³³ благодаря обету милосердия взяли³³⁴ себе имена светлых божеств и теперь во множестве живут в этой стране. Силой своей мудрости они несколько успокоили меня, поэтому я не причину большого вреда. Однако подчиняющиеся мне 168 000 вредоносных божеств в некоторых случаях причиняют вред и даже мне трудно их остановить». Нитидзо: выслушал это и со страхом и почтением сказал: «В Японии множество людей, и знатных, и низких, называют вас Божеством грома и молнии и почитают наравне с Просветленным³³⁵. По какой же причине такая злоба?». Великий повелитель дэвов изволил ответить: «Вся страна [нанесла] мне великую обиду и ущерб. Каждому следует почитать меня. Пока я не стану буддой, разве смогу я забыть такую горечь? Однако если люди будут верить в меня, сотворят мое изображение, будут повторять мое имя и усердно молиться мне, то я

---

³²⁹ Фугэн (санскр. Самантабhadра) — бодхисаттва Всеобщая Мудрость.

³³⁰ Рю:мё: — Нагарджуна. 1. Крупнейший буддийский философ, живший на юге Индии примерно в 150–250 гг. 2. Один из патриархов школы Сингон, возможно, вымышленная личность.

³³¹ Так Пришедший (яп. *Нёрай*, санскр. *Татхагата*) — т. е. пришедший из истинности, абсолюта — одно из самых распространенных титулований Будды Шакьямуни. См. прим. 199.

³³² Великие (яп. *дайси*, санскр. *махасаттва*) — выдающийся человек. Обычно так называют бодхисаттву, реже — будду.

³³³ См. прим. 191 о трех телах будды.

³³⁴ «... обету милосердия» (*хиган*, 悲願) — обеты, или клятвы, определяющие путь бодхисаттвы. Основной обет гласит: сколько бы ни было велико число живых существ, без усталости выводить их на путь спасения.

³³⁵ Просветленный (яп. *Сэсон*, санскр. *Бхагават*) — одно из десяти титулований будды. См. прим. 199.

откликнуться на это, как эхо откликается голосу». Такую клятву дал он! Когда Нитидзо: поведал об этом бодхисаттве Конго:дзао:, тот сказал: «Я хотел дать тебе знать о главных причинах бедствий в мире, вот и доставил тебя к Повелителю грозных и добродетельных дэвов».

Этот святой Нитидзо: при помощи чудесной силы Конго:дзао: достиг царства царя Эммы³³⁶, в сопровождении посланника царя обошел множество адов³³⁷. В одном из них есть место под названием «Железная пещера страданий». Там было четыре человека. Тела — черные, как сажа, на плечи одного из них накинута одежда. Трое остальных, совершенно голые, сидели, скрючившись, на красном пепле: не было ложа, чтобы лечь, и они плакали и стонали. Посланник царя Эммы объяснил: «Тот, на кого накинута одежда — мудрейший повелитель страны годов Энги. Трое остальных — его слуги. И господин, и его слуги одинаково подвергаются страданиям». И вот правитель годов Энги подозвал к себе Нитидзо:, и тот с почтением и трепетом приблизился к господину. Повелитель сказал: «Нет больше ко мне почтения. В подземном царстве господин тот, кто безвиновен, и не важно, знатного или низкого он происхождения. Я — сын Конго:каку Дай о:³³⁸, однако низвергнут в «Железную пещеру страданий». Долго я правил страной, и за это время совершил множество добрых дел и немало плохих. Сначала я получил воздаяние за плохие дела, и теперь беспрерывно страдаю. Однако я любил и уважал Закон, а, значит, потом буду возрожден в Каракутэн³³⁹. Так называемый Повелитель грозных и добродетельных дэвов, затаив злобу, сжигает и разрушает Закон Будды, вредит всему живому. Все воздаяние за эти плохие дела падает на меня. В моей прошлой жизни я совершил пять тяжелых проступков. И все они связаны с Повелителем грозных и добродетельных дэвов. Во-первых, я толкнул отца на трудный путь, заставил его страдать. Во-вторых, сам я, сидя в высоком дворце, оставил отца внизу. В-третьих, обвинил невинного

---

³³⁶ См. прим. 284.

³³⁷ Согласно буддийским представлениям существует несколько адов, пребывание в которых определяется предыдущей жизнью и является конечным по времени.

³³⁸ Имя духа императора Уда.

³³⁹ Пятое из шести небес в мире желаний (см. прим. 280). Обитатели этого неба живут необычайно долго и наслаждаются жизнью.

мудреца, служившего мне. В-четвертых, желая долго править, способствовал разрушению Закона Будды. В-пятых, из-за своих врагов причинял вред многим живым. Эти пять проступков моей прежней жизни привели к мучительному воздаянию после смерти». Он наказывал святому Нитидзо: во избежание таких мучений [совершать] добрые дела, которые ведут к хорошему воздаянию.

Также Конго:дзао: сказал, что 168 000 божеств Повелителя грозных и добродетельных дэвов — божество воды и огня³⁴⁰, божество грома и молнии, божество ветра, божество дождя, злой дракон³⁴¹ и другие — наполнили всю страну и наносят ей огромный вред, и силы добрых божеств уступают их силам. Разрушение гор, землетрясения, разрушение замков, порча вещей, болезни и мятежи — все это дело божеств, подчиняющихся Повелителю грозных и добродетельных дэвов. 617 пожаров в столице в четырнадцатом году эры Энги³⁴² во второй день пятой луны, сгоревшие в То:дайdzi³⁴³ в семнадцатом году эры Энги³⁴⁴ в первый день второй луны сто двадцать четыре монашеские кельи и зал для лекций в одиннадцать *ма*³⁴⁵, пожар в Су:фукудзи³⁴⁶ в двадцать первом году той же эры³⁴⁷, пожар в Хо:рю:дзи³⁴⁸ в третьем году эры Энги³⁴⁹, сгоревшие в Энрякуд-

³⁴⁰ *Суйка* (水火) — божество, вызывающее наводнение и пожары.

³⁴¹ *Докурю:дзин* (毒竜神) — чудище, насылающее проклятия.

³⁴² 914 г.

³⁴³ То:дайdzi — основной храм школы Кэгон, построенный в 749–751 гг. в Нара и являвшийся центром государственного буддизма в период Нара. В нем находится шестнадцатиметровая статуя сидящего Будды Вайрочана. В То:дайdzi был сооружен первый в стране *кайдан* (см. прим. 17). Несмотря на развитие других школ, в конце XII в. продолжал оставаться крупнейшим центром буддизма.

³⁴⁴ 917 г.

³⁴⁵ *Ма* — 1) пролеты между колоннами, 2) единица длины, примерно 1,8 м.

³⁴⁶ Су:фукудзи — один из древнейших буддийских храмов, возведенный в 668 г. в Ооцу.

³⁴⁷ 921 г.

³⁴⁸ Хо:рю:дзи — один из древнейших буддийских храмов. Возведен в 607 г. близ Нара.

³⁴⁹ 903 г. В «Кэмпо-хон» указан третий год Энтё: (925г.). Согласно записям монастыря Хо:рю:дзи, в 935 г. там действительно случился пожар: сгорел *Ко:до*: (Павильон для проповедей).

зи³⁵⁰ в пятом году эры Дзё:хэй³⁵¹ сорок с лишним павильонов, в том числе и центральный, вооруженный мятеж Сумитомо и Масакадо³⁵² — свидетельства деяний посланцев Тэндзин.

Вдумываясь в прошлое и размышляя о будущем, [понимаешь, почему произошли] сражение Садато: и Мунэто:³⁵³; смута после первого года эры Хо:гэн³⁵⁴; соперничество домов Минамото и Тайра³⁵⁵; пожар третьего года эры Ангэн или же первого года эры Дзисё:³⁵⁶, вспыхнувший в переулке Томи-но ко:дзи улицы Хигути и добравшийся до Дайгоку-дэн, Сингон-ин, галереи Хассё:-ин, Судзаку-мон, Оотэммон, Кайсё:мон³⁵⁷; разрушение

---

³⁵⁰ Энрякудзи — см. прим. 18, 202.

³⁵¹ 935 г.

³⁵² Мятеж Сумитомо и Масакадо — восстание Фудзивара Сумитомо против центральной власти на западе и Тайра Масакадо на востоке страны. Фудзивара-Сумитомо в 936 г. отказался повиноваться центральной власти, ему удалось взять под свой контроль побережье Внутреннего Японского моря и север о-ва Кюсю. Восстание было подавлено в 941 г. Тайра Масакадо в 939 г. объявил себя «новым императором» и учредил свой «двор» в местечке Исии в провинции Симоса. В 940 г. он был разбит правительственными войсками.

³⁵³ Имеется в виду случившееся в 1051–1062 гг. вооруженное столкновение в северо-восточной части страны (провинции Муцу и Дэва) между правительственными войсками под предводительством Минамото Ёриёси и главы знатного местного рода Абэ Ёритоки. На стороне последнего сражались его сыновья Садато: и Мунэто:.

³⁵⁴ Эра Хо:гэн — 1156–1159. Смута годов Хо:гэн (*Хо:гэн-но ран*) — соперничество внутри императорского дома и противостояние внутри правящей ветви Фудзивара, вылившееся в вооруженное столкновение между бывшим императором Сутоку и Фудзивара Ёринага с императором Госиракава и Фудзивара Тадамити. Последние опирались на силы Тайра Киёмори и Минамото Ёситомо.

³⁵⁵ Междоусобные войны между домами Минамото и Тайра, длившиеся примерно сто лет (с конца XI в. до конца XII в.).

³⁵⁶ Эра Ангэн — 1175–1177. Третий год эры Ангэн — 1177 г. Эра Дзисё: — 1177–1181. В первом году этой эры в Киото случился большой пожар, затронувший и императорский дворец. Этот пожар описан в «Ходзёки» («Записки из кельи») Камо-но Тёмэй.

³⁵⁷ Хэйан был построен в виде прямоугольника, вытянутого с севера на юг. Северную, наиболее почётную сторону, занимала резиденция государя — комплекс правительственных учреждений Дайдайри, в центре которого находился собственно дворцовый ансамбль, в частности, Дайкоку-дэн — церемониальный дворец. Сингон-ин (см. прим. 122). Из двенадцати ворот резиденции центральные, обращённые к югу, назывались Судзаку-мон. Хассё:-ин — одно из названий Тё:до:-

Ко:фукудзи³⁵⁸ домом Тайра; мгновенно сгоревшая в огне в То:дайдзи позолоченная бронзовая статуя Русяна Нёрай³⁵⁹ высотой пять дзё: три сяку пять сун³⁶⁰; голод годов Тё:сё: и Ё:ва³⁶¹; великое землетрясение первого года эры Бундзи³⁶²; тайфун пятого года той же эры; наводнение годов Кэнкю:³⁶³. Знающие люди говорили: «Бедствия страны — от подчиняющихся Тэндзин божеств, которые не прекращают работы».

В пятый год эры Тэнгё:³⁶⁴ в двенадцатый день седьмой луны Аяко из рода Тадзихи, жившей в Западной части столицы на Седьмой линии во втором квартале, получила откровение:³⁶⁵ «Когда я прежде жил в миру, я долгие годы часто отдыхал в Уконо баба³⁶⁶. Это тихое место в окрестностях столицы, и ничто не сравнится с ним. Однако с тех пор, как меня понапрасну обвинили и отправили в Западные земли — хоть так и было предопределено — в глубине души не утихает злоба, которая сжигает сердце. Я не знаю, когда вернусь в столицу, но пламя в

ин, построек большого императорского дворцового комплекса Дайдайри, где находились чиновники восьми министерств. Оотэммон — главные (южные) ворота Тё:до:-ин, Кайсё:мон — средние ворота Тё:до:-ин.

³⁵⁸ В 1180 г. по приказу Тайра-но Киёмори его войска вошли в Нара и сожгли храмы Ко:фукудзи и То:дайдзи, конфликтовавшие с Тайра.

³⁵⁹ Во время пожара в То:дайдзи пострадала бронзовая статуя Будды Вайрочаны (яп. *Русяна*, или *Бирусяна*), самая большая в Японии. *Нёрай* — см. прим. 199.

³⁶⁰ Дзё — 3,03 м, сяку — 30,3 см, сун — 3, 03 см.

³⁶¹ Годы Тё:сё: — 1132–1135, годы Ё:ва — 1181–1182. В 1134 г. случились наводнение, голод, эпидемия. В 1182 г. — сильный голод («Хо:дзё:ки», Камо-но Тё:мэй).

³⁶² Годы Бундзи — 1185–1190. В 1185 г. произошло крупное землетрясение (о нем упоминается в «Хо:дзё:ки» Камо-но Тё:мэй).

³⁶³ Годы Кэнкю: — 1190–1199.

³⁶⁴ Эра Тэнгё: — 938–947. Пятый год — 942 г.

³⁶⁵ Это откровение впервые записано в «Энги об основании храма Китано Тэмман Дзидзай Тэндзин в провинции Ямасиро, уезде Кадоно, деревни Увабаяси» («Китано Тэмман Дзидзай Тэндзингу: со:кэн Ямасиро куни Кадоно гун Увабаяси го: энги»). «Энги ...» представляют собой версию Аяко об основании храма в Китано и записаны ее родственником в 960 г

³⁶⁶ Скаковая площадка, принадлежавшая Уконоэфу (Управлению Правой гвардии). Каждый год в пятую луну чиновники Уконоэфу и Саконоэфу (Управление Левого гвардии) проводили здесь соревнования.

груди утихает, как только я тайно направляюсь в это место. Построй там для меня небольшое святилище³⁶⁷. [Аяко], стесненная своим низким происхождением, не построила святилища в Уконо баба, а соорудила священную ограду³⁶⁸ возле своего бедного жилища, пять лет почитала и поклонялась [духу Митидзанэ]. Однако сердце божества не отзывалось, и тогда, следуя откровению, в первый год эры Тэнряку³⁶⁹, в девятый день шестой луны святилище перенесли в Китано и стали поклоняться там. Об этом сказано в «Записях»³⁷⁰.

В девятый год эры Тэнгё:³⁷¹ во дворце в Хира провинции Ооми было дано откровение семилетнему сыну нэги³⁷² Мива-но Ёситанэ. О подробностях лучше справляться в «Го-такусэн ки»³⁷³. Было сказано: «Мои вещи я впервые получил, когда при-

---

³⁶⁷ Святилище (*хокура*, 神庫) — место поклонения местным японским божествам.

³⁶⁸ Священная ограда (*мидзугаки*) — ограда вокруг святилища или священного места. Подразумевается, что она соорудила небольшое место поклонения возле своего дома.

³⁶⁹ Первый год эры Тэнряку — 947 г. Эра Тэнряку — 947–957.

³⁷⁰ По-видимому, под «Записями», как и в первой ссылке при описании чудесного рождения, подразумеваются «Записи о жизни Сугавара Митидзанэ». Первоисточником «Записей ...» являются «Энги об основании храма Китано Тэмман Дзидзай Тэндзин в провинции Ямасиро, уезде Кадоно, деревни Увабаяси» (см прим. 332).

³⁷¹ 946 г. Это откровение зафиксировано в «Записях об откровении Тэмман Тэндзин в час курицы в двенадцатый день третьей луны в год младшего брата огня и овцы, первый год эры Тэнряку (947 г.)» («Тэнряку ганнэн хи-но то хицудзи сангацу дзю:ни нити тори-но токи Тэмман Тэндзин такусэн ки»). Оно помещено также в «Краткой истории Японии» («Фусо: рьякки») (см. прим. 109) за 946 г. Возможно, автор *энги* пользовался последним источником, поэтому он указал 946 г.

³⁷² *Нэги* — сан священнослужителя в синтоистском святилище, следующий за главой причта (*канниси*).

³⁷³ «Го-такусэн ки» — указание на «Записи об откровении Тэмман Тэндзин в час курицы в двенадцатый день третьей луны в год младшего брата огня и овцы, первый год эры Тэнряку (947 г.)». Эти записи (сокр. «Тэнряку го-такусэн ки»), записи откровений 984 г. (2-ой год эры Эйкан), 992 г. (третий год эры Сё:ряку), 993–994 гг. (четвертый и пятый годы эры Сё:ряку) помещены в сборник под названием «Тэммангу: такусэн ки». Откровения, данные после годов Эйкан, случились в Дадзайфу. За исключением откровений 993–994 гг. (четвертый и пятый годы эры Сё:ряку), все вышеперечисленные записи излагаются в «Краткой истории Японии» («Фуссо: рьякки»).

был сюда. Это останки Будды, пояс с драгоценными камнями, большой серебряный меч, скипетр и зеркало³⁷⁴. Среди моих последователей есть два человека по имени Оимацу и Фукубэ. Скипетр я передал Оимацу, останки Будды — Фукубэ. Они пришли со мной из Западных земель. Эти двое очень отличаются от других! Им следует доверять. Я решил разместить их подле себя. Оимацу уже давно следует за мной. Когда я прежде был министром, то увидел во сне, как во мне выросла сосна, и тут же сломалась. Это означало мою скорую ссылку. Сосна — это я сам. Пламя моего гнева³⁷⁵ переполнило Небо, и множество божеств грома и демонов подчинились мне; всего их 105 000³⁷⁶. Беды мира — дело моих рук. И Тайсяку³⁷⁷ поручил все это мне. Он возвестил [мне]: «В мире стало много неверующих, насылай на них всякие болезни», и поэтому я повсюду направляю своих демонов и насылаю болезни. На неверующих падает молния и повергает их! Демоны насылают на них болезни кожи. Но при этом, если в мире есть печалующиеся и страдающие живые существа, я только и думаю, как их спасти! Пока я был в Западных землях, я не переставал молить Будду³⁷⁸, чтобы после завершения моей ничтожной земной жизни я мог бы спасти всех, кого, как и меня, постигло внезапное несчастье, и прочих страждущих, чтобы я мог бы исправить тех, кто причиняет вред другим. И стало так, как я хотел. Возле моего святилища нельзя убивать зверей и птиц, иначе мой гнев еще больше возрастет, и в душе появится желание причинить несчастье. Все люди произносят [имена] Камо и Хатиман³⁷⁹, а мое — нет. Я от всего сердца буду охранять людей,

---

³⁷⁴ В «Кэнкю-хон» написано *сяку но кагами* (尺の鏡), где *сяку* означает меру длины, т. е. «зеркало размером в сяку». В «Кэмпо-хон» написано *сяку то кагами* (笏と鏡), где *сяку* означает «скипетр», т. е. «скипетр и зеркало».

³⁷⁵ Гнев: здесь употреблено слово *синъи* (瞋恚), означающее один из «трех ядов», то есть гнев. Три яда (*сандоку*, 三毒) — буд. термин, означающий жадность, гнев и ропот.

³⁷⁶ В «Тэнряку го-такусэн ки» (см. прим. 340) указывается такое же число, а в «Кэмпо-хон» — 168 000.

³⁷⁷ Тайсяку — Индра.

³⁷⁸ В тексте *буттэн* (仏天), что можно перевести как 1) будда, 2) будда и небесные божества.

³⁷⁹ Два святилища Камо, Нижнее и Верхнее, в селении Камо, в окрестностях будущей столицы Хэйан, были построены в VII в. Позднее их божества стали считаться божествами-покровителями столицы. В

которые обращаются ко мне. И к какому бы божеству не обращались, [ему] меня не остановить. Именно Уконо баба -земля для отдохновения. Я переселюсь туда. В том месте, где я буду обитать, следует посадить сосны. Пока я жил в этом мире, я занимался общественными делами, и не раз задерживал рис для Будды³⁸⁰ — эта вина велика. Хотя и стал я теперь вездесущим³⁸¹, много у меня печалей. Хорошо бы на том месте построить Зал Самадхи Цветка Дхармы и время от времени разяснять Великое учение Будды. Непостижима важнейшая причина, по которой Будда пришел в этот мир³⁸². В стихотворении «Три-четыре месяца назад покинул дом» из последнего собрания³⁸³ говорится:

[Увидев] белые от инея лапы дикого гуся, думаю,
а не привязано ли к ним послание из родного дома?
[Увидев] иней на голове дикого гуся, думаю,
вернусь ли домой?

Людам, которые помнят и произносят эти строки, наверное, это придется по душе».

Так сказал, и ребенок очнулся. Ёситанэ³⁸⁴ хорошенько запомнил, что говорилось в откровении, пришел в Уконо баба и

Нижнем святилище Камо (Симо Гамо-но дзиндзя) почитается Тамаёри-но химэ-но микото (мать первого императора Дзимму), и ее отец Камо такэ цуноми-но микото, сопровождавший императора Дзимму в его восточном походе. Именно в честь этого божества река Камо носит свое имя. В верхнем святилище Камо (Ками Гамо-но дзиндзя) почитается Камо вакэ икадзути-но микото, сын Тамаёри-но химэ-но микото. Хатиман — синтоистское божество, которое давало откровения о восхождении императора на престол. В 798 г. по инициативе высшего буддийского духовенства и с одобрения властей он был объявлен «великим бодхисаттвой». Хатиман считался покровителем воинов. Под этим именем почитается дух легендарного императора Одзина.

³⁸⁰ Рис для Будды (*Хотокэ-но то:бун*, 仏の燈分). В период Хэйан двор направлял в определенные храмы субсидии в основном в виде риса, которые назывались *то:бунрё:*.

³⁸¹ Вездесущий (*дзидзай*, 自在). Это выражение имеет следующие значения: 1) свободно, без помех, по велению сердца, неограниченно; 2) входит в имя одно из наименований Шивы (自在天、大自在天).

³⁸² В тексте *ититайдзи-но иннэн*, т. е. важнейшая причина, по которой Будда пришел в этот мир, чтобы спасти все живое.

³⁸³ Т. е. в «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95).

³⁸⁴ Последующий отрывок об основании святилища основан на «Записях Сайтин, монаха храма в Китано» («Китано-дэра со: Сайтин кибун»), написанных предположительно в 977 г.

направился к монахам Сайтин, Хо:ги, Нансэй из храма Асахи-дэра³⁸⁵. Пока они вместе подробно обсуждали все это, за одну ночь выросло несколько десятков³⁸⁶ сосен, и вдруг появился лес в несколько хо³⁸⁷. Словно проявился божественный дух, и множество людей разом посадили [деревья]. Сразу же после этого монах Сайтин, Каму-но Хиромунэ, следовавший за Аяко настоятель храма Мандзо: и Хосигава Сю:эй, соединив свои помыслы, берегли росу святилища в густом лесу и поклонялись ветру в священных соснах. После этого чуда стали поистине удивительными, а вознаграждение и наказание — небывальными. С первого года эры Тэнряку³⁸⁸ до эры Тэнтоку³⁸⁹, на протяжении четырнадцати лет святилище перестраивалось пять раз.

В третий год эры Тэнтоку³⁹⁰, год цути-но то хицудзи³⁹¹, правый министр Кудзё:³⁹² построил здание и принес в дар многие сокровища. В молитвословии³⁹³ по этому поводу написано:

Во время [службы] при дворе [ты] прославил древнее имя и занял высокое место. Будучи министром³⁹⁴ в этом мире³⁹⁵, по своему разумению управлял страной. После смерти ты по велению сердца³⁹⁶ принял временный образ божества³⁹⁷, отвечаешь на все молитвы, охраняешь во всем мире и знатных, и низких. Поэтому Моросукэ не жалеет сил в стремлении к истине и бес-

³⁸⁵ Асахидэра — храм в северо-западном углу Уконо баба.

³⁸⁶ В «Записи Сайтин, монаха из храма в Китано» (см. прим. 351) тоже «десятков», однако в «Кэмпо-хон» — «тысяч».

³⁸⁷ Хо — мера площади, равная 3,3 кв.м.

³⁸⁸ 947 г.

³⁸⁹ Эра Тэнтоку — 957–961.

³⁹⁰ 959 г.

³⁹¹ Год младшего брата земли и овцы. Отсюда начинается текст на основе «Записи Сайтин, монаха из храма в Китано».

³⁹² Кудзё: — так здесь называется Фудзивара-но Моросукэ (908–960), сына регента (сэссё:) Тадахира (880 — 949), который был младшим братом Токихира.

³⁹³ Молитвословие: *саймон* (祭文), см. прим. 183.

³⁹⁴ «Министром» — в тексте дословно «лодка и весла» (сю:сю:, 舟楫), что иногда означает лодку, корабль. Так в переносном смысле называют помощника государя, министра.

³⁹⁵ В тексте *сикай* (四海), т. е. «четыре моря»: см. прим. 291.

³⁹⁶ По велению сердца — в тексте *дзидзай* (自在). См. прим. 349.

³⁹⁷ В тексте дословно «принял временный след» (*атотару*, 跡垂る). Будды и боддхисаттвы временно принимали образ божеств-ками и являлись в Японии, чтобы спасти в ней все живое.

престанно возносит молитвы. Божественный покровитель бережет мое счастье денно и ночью, поэтому у меня много потомков, мужчин и женщин. Мужчины стали опорой страны, по своему разумению во всем помогают правителю, а, кроме того, стали предками наследного принца. Женщины стали матерью императора, супругой императора, матерью повелителя. С почтением и страхом прошу, чтобы наша фамилия Фудзивара передавалась в роду множеству потомков, наследовалась их многочисленными домами, и по мере того, как Тэндзин почитают на этой земле, пусть мой род не слабеет наравне с двумя принципами³⁹⁸, сияет вместе с солнцем, луной и звездами, а божественный покровитель бережет мое счастье денно и ночью.

Считается, что с тех пор и по наши дни процветание [дома], непрерывность регентов, продолжающаяся связь с императорским родом — все это сила веры господина Кудзё:³⁹⁹ и милость Тэмман Тэндзин. Во времена, когда отправили министра Сугавара на Западный остров⁴⁰⁰, господин Таданобу⁴⁰¹, младший брат министра Хон-ин, был [всего лишь] правым контролером старшего разряда⁴⁰². К тому же, он не участвовал в хитроумном плане старшего брата, и, будучи душевно близок с министром Сугавара, обменивался с ним известиями, не прерывая духовной связи. Поэтому [между Тэндзин и] господином Таданобу возникла связь⁴⁰³, и род [Таданобу] особенно охранялся и получал милости, так что в его роду не переводились регенты⁴⁰⁴, и правили они страной по своему разумению. И в «Готакусэнки»⁴⁰⁵ записано, что великая радость была, когда третий сын Кудзё:-доно⁴⁰⁶, Хо:ко:-ин⁴⁰⁷, и другие проезжали Китано.

---

³⁹⁸ Два принципа (*ниги*, 二儀): инь-ян или земля и небо.

³⁹⁹ Фудзивара Моросукэ.

⁴⁰⁰ О. Кюсю.

⁴⁰¹ Таданобу — посмертное имя Фудзивара Тадахира.

⁴⁰² Удайбэн. См. прим. 259.

⁴⁰³ В тексте *тигири* (契) в значении эн (縁). См. прим. 216.

⁴⁰⁴ *Сэссё*: (摂政).

⁴⁰⁵ Весь отрывок о Таданобу основан на «Сё:ряку саннэн дзю:ни га-цу ёкка такусэнки» («Записи откровения в 4-й день двенадцатой луны третьего года эры Сё:ряку», т. е. 992 г.).

⁴⁰⁶ Фудзивара Моросукэ.

⁴⁰⁷ Фудзивара Канзё (929–990), сын Моросукэ.

В «Готакусэн ки»⁴⁰⁸ написано:

Про меня, Тэмман Дайдзидзай Тэндзин, говорят, что я в одно мгновение обхожу три мира⁴⁰⁹. Мое обычное место пребывания — мир спасенных живых существ⁴¹⁰. Четыре Бодхисаттвы — Фугэн, Мондзю, Каннон и Дзидзо:⁴¹¹ — приходят вместе, чтобы объяснять [Закон] и направлять все живое к спасению⁴¹². Я по велению сердца каждый день прихожу поклониться во дворец Тайсяку⁴¹³, дворец царя Эммы⁴¹⁴, дворец Бонтэн⁴¹⁵, в Пять Индий⁴¹⁶, в столицу Великой Тан город Чанъань, в храм Симин⁴¹⁷, в храм Цинлун⁴¹⁸, замок Кунму в Силла, дворец императора в Японии, а также в чудесные храмы и святилища пяти провинций и семи дорог⁴¹⁹. Также приходят и все те, все,

⁴⁰⁸ Следующий абзац написан на основе «Эйкан ни нэн року гацу нидзю ку нити такусэн ки» («Записи откровения 29-го дня шестой луны второго года эры Эйкан», т. е. 984 г.).

⁴⁰⁹ Три мира — миры, где возрождается и умирает все живое. См. прим. 280.

⁴¹⁰ Мир спасенных живых существ: *сайдосюдзё:кай*, 済度衆生界, где *сайд* 済度 — спасение буддой и бодхисаттвами всего живого для достижения ими нирваны.

⁴¹¹ Бодхисаттвы Фугэн — см. прим. 300. Бодхисаттва Мондзю (санскр. Манджушри) — «хранитель Рая на Востоке», легендарный сподвижник Будды Гаутамы. Олицетворяет мудрость, разум и волю. Бодхисаттва Каннон (санскр. Авалокитешвара) — богиня милосердия в японском буддизме. Сосредотачиваясь на звуках имени этого божества, обретают спасение. Бодхисаттва Дзидзо: (санскр. Кшитигарбха) в период после смерти Будды Шакьямуни и до прихода Будды Майтрейи живет в мире без будды, спасая все живое в шести мирах.

⁴¹² Буд. термин *кэдо* (化度) — разъяснять Закон и вести все живое к спасению.

⁴¹³ См. прим. 186.

⁴¹⁴ См. прим. 284.

⁴¹⁵ См. прим. 186.

⁴¹⁶ Пять Индий — вся Индии (Северная Индия, Южная Индия, Восточная Индия, Западная Индия. Центральная Индия).

⁴¹⁷ Симин (яп. Сэймэй, 西明寺) — храм в Чанъань.

⁴¹⁸ Храм Цинлун (яп. Сэйрю:, 青竜寺) — построен в 582 г. первым суйским императором Вэнь-ди под другим названием. В 711 г. переименован в храм Цинлун. В 804 г. японский монах Ку:кай изучал там буддизм.

⁴¹⁹ Пять провинций и семь дорог (*гокиситидо*:, 五畿七道): пять центральных провинций (Ямасиро, Ямато, Сэццу, Кавати, Идзуми) и семь

кто следует за мной, все духи, некогда бывшие и низкими, и благородными, затаившие глубокую злобу и отвернувшиеся от мира. Однако моими спутниками не стали те, кто без причины преисполнен злобы. В конце эры Энги⁴²⁰ во дворце Тайсяку собрались светлые божества, устанавливающие порядок в Японии, и пока они размышляли, в стране происходили многочисленные стихийные бедствия.

Во времена императора-монаха Энъю:⁴²¹ с начала годов Дзё:гэн⁴²² и до пятого года эры Тэн:гэн⁴²³, на протяжении семи лет, дворец императора⁴²⁴ горел трижды⁴²⁵. Для очередной постройки дворца собрались плотники⁴²⁶, они строгают потолочную балку в Южном дворце, а вечером протерли ее и ушли. Когда они пришли на следующий день, то увидели, что балка в одном месте немного закоптилась. Они сочли это странным, а когда как следует присмотрелись, то увидели, что за одну ночь жучки проточили отверстия, которые складывались в стих:

Хоть и постройте, я, Сугавара, сожгу снова!
Пока не стихнет боль в груди (Пока есть щели
между досками)⁴²⁷.

Этот стих возвестил знатым господам о [необходимости] перестройки и ремонта в храме в Китано, и, подумав, двор согласился. Говорят также, что это случилось во времена императора-монаха Итидзё:, когда императорский дворец горел четыре раза за десять лет.

Во времена правления императора-монаха Итидзё: [Сугавара] повысили со второго старшего ранга до первого младшего

трактов (То:кайдо:, То:сандо:, Хокурикудо:, Сангъиндо:, Сангё:до:, Нанкайдо:, Сайкайдо) — метафорическое обозначение всей страны.

⁴²⁰Эра Энги — 901–923.

⁴²¹ Император Энъю: (959–991), время правления 969–984 гг. Этот отрывок написан на основе текста «Оокагами» (см. прим. 121).

⁴²² Эра Дзё:гэн — 976–978.

⁴²³ 982 г. Эра Тэнгэн — 978–983.

⁴²⁴ В тексте указывается императорский дворцовый комплекс Дайри.

⁴²⁵ В 5-й луне 976 г., в 11-й луне 980 г., в 11-й луне 982 г.

⁴²⁶ Плотники, поочередно прибывавшие в столицу, в Строительный отдел (*Мокукурё:*) для выполнения трудовой повинности.

⁴²⁷ Прием *какэктоба*: обыгрываются омонимы *мунэ*, что означает «грудь» и «конек крыши», и *итама*, что означает «боль» и «щель между досками».

ранга⁴²⁸ и пожаловали должность Левого министра.⁴²⁹ В четвертый год эры Сё:ряку⁴³⁰, в девятнадцатый день восьмой луны императорский гонец Сугавара Мотомаса с грамотой о присвоении придворного ранга и указом о назначении прибыл в Дадзайфу. В двадцатый день в час овцы⁴³¹ он пришел в Ан-ракудзи, поставил на стол шкатулку с грамотой, дважды помолился и стал читать. И тогда чудесным образом проступило китайское четверостишие. Мотомаса очень удивился и испугался.

Я удивлен, что императорский гонец вдруг удалил шипы
[клеветника]⁴³².

Я благодарен за повышение ранга и должности.

И хоть я рад милости императора, полученной уже в могиле,
Но и живому, и мертвому постыдно имя ссыльного.

Этот текст передали в Гэки⁴³³, где он хранится и по сей день. Почерк совершенно такой же, как у То:фу:⁴³⁴. Считается, что, воистину, верны слова Великого учителя Ко:бо:⁴³⁵: «Министр Сугавара — это я в наше смутное время. Оно То:фу: — это я в благоприятные времена»⁴³⁶. Многие рассудили, что ответ императору [свидетельствует] о недовольстве божества, и в пятый год эры Сё:ряку⁴³⁷ [Митидзанэ] пожаловали первый

⁴²⁸ Ошибка: в 993 г. ему пожаловали старший первый ранг.

⁴²⁹ Последующий текст написан на основании «Сё:ряку ённэн хати гацу хацука такусэнки» («Записи откровений в 20-й день восьмой луны четвертого года эры Сё:ряку», т. е. 993 г.)

⁴³⁰ В 993 г. Эра Сё:ряку — 990–995.

⁴³¹ Час овцы — от 13 до 15 часов.

⁴³² Стихотворение помещено в «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95) и считается одним из творений Митидзанэ в облике божества.

⁴³³ Гэки — отдел, занимавшийся подготовкой текста императорских указов, докладов наверх и т. д.

⁴³⁴ Оно То:фу: (894 — 966) — знаменитый каллиграф.

⁴³⁵ Великий учитель Ко:бо: (Ко:бо: дайси) — посмертное имя Кукая (774–835), основателя школы Сингон.

⁴³⁶ Об этом рассказывается в 22-м свитке «Сэйдзи ё:ряку» («Основные документы, относящиеся к управлению»), собрании различных указов, материалов об административных процедурах и дворцовых обрядах, составленное около 1002 г. и приписываемое Корэмунэ Котосукэ.

⁴³⁷ 994 г.

старший ранг и должность главного министра⁴³⁸. На этот раз душа божества смягчилась, и [оно] дало в откровении такие стихи⁴³⁹:

Вчера я был слугой презренным в императорском дворце.
Сегодня я покойник, очистившийся от стыда в Западной
столице⁴⁴⁰.

Как быть мне, скорбному в жизни и радостному в смерти?
Пусть вскоре исполнится мое желание хранить устои
государства.

Говорят, что [Тэндзин] поклялся каждый день семикратно хранить того человека, который хоть раз произнесет этот стих⁴⁴¹.

Считается, что процветание храма в Китано, родового святилища министра Сугавара, началось со времен правления императора Мураками⁴⁴². Если те, кого несправедливо обвиняли в чем-либо, приходили [в храм] и склоняли голову, то немедленно получали божественную милость. Если же кто просил о повышении ранга и должности или молил о счастье и долголетию, то его просьбы исполнялась. Тэндзин сразу же поддерживал веру, а неверие наказывал.

Во времена императрицы Тайкэн⁴⁴³ у одной из фрейлин⁴⁴⁴ пропала одежда. Подозреваемая [в краже] фрейлина⁴⁴⁵ отпросилась на семь дней, затворилась в святилище⁴⁴⁶ в Китано и воззвала:

---

⁴³⁸ Должность главного министра Митидзанэ пожаловали в конце 993 г., а старший первый ранг — ранее. См. прим. 395.

⁴³⁹ Эти стихи помещены в «Канкэ ко:сю:» (см. прим. 95), а также входят в записи откровений за 993–994 гг.

⁴⁴⁰ Дадзайфу.

⁴⁴¹ История о пожаловании должности главного министра написана на основании «Записей о видениях в пятый год эры Сё:ряку, 994 г.» (Сё:ряку гонэн такусэнки).

⁴⁴² Император Мураками (926–967) — время правления 946–967 гг. Тогда, в 959 г., Фудзивара Моросукэ совершил щедрое пожалование храму Тэммангу: в Китано.

⁴⁴³ Императрица Тайкэн (1101–1145). Супруга императора Тоба (на престоле с 1107 г. по 1123 г.) с 1118 по 1123 г.

⁴⁴⁴ Фрейлина, нё:бо: (女房) — дворцовая прислуга высокого ранга.

⁴⁴⁵ Также нё:бо: (см. прим. 411).

⁴⁴⁶ Святилище — мия (宮).

Взываю к тебе, когда-то ставший богом Тэндзин!⁴⁴⁷
 Не понимаю, почему про меня такое говорят?

Укравшая одежды прислужница⁴⁴⁸ Сикисима, мать монахини Кирисихара, предстала перед императором-монахом Тоба⁴⁴⁹ и сама преподнесла [одежды]⁴⁵⁰.

Жил человек по имени Нисюн, сын главы Министерства управления Мититоси⁴⁵¹, высокопоставленный монах⁴⁵² храма Сэсондзи⁴⁵³, весьма чтимый [последователями] тайного и явного учений⁴⁵⁴. Прислуживавшая императору-монаху Тоба фрейлина⁴⁵⁵ сказала, что Нисюн падок на женщин. «Как стыдно!» — подумал этот высокопоставленный монах, затворился в Китано и воззвал:

Наверное, божества думают: как печально!
 Один человек мешает другому!

Тогда эта фрейлина, будучи в одних алых хакама⁴⁵⁶, держа в руках посох⁴⁵⁷ и приговаривая «Это возмездие за то, что я на-

⁴⁴⁷ В тексте *арахитогам* (あら人神). Это слово имеет несколько значений: 1) *ками*, которые иногда являются в теле человека, чтобы проявить свою силу, 2) одно из названий божеств Сумиёси, 3) одно из названий Тэндзин.

⁴⁴⁸ *Дзо:си* (雑仕), прислуга низкого ранга.

⁴⁴⁹ Император Тоба (1103–1156), годы правления 1107–1123.

⁴⁵⁰ Этот отрывок также встречается в литературоведческой работе «Фукуро дзо:си» Фудзивара Киёсукэ (1104–1177), написанной в 1157 г., а также в поэтической антологии «Дзокусикасю:», составленной им же.

⁴⁵¹ Глава Министерства управления (*дзибукё:*) Фудзивара Мититоси (1042–1099), занимал также должность среднего советника (*тё:нагон*), имел второй младший ранг.

⁴⁵² Высокопоставленный монах, *адзюри* — 1) уважительное название высокопоставленного монаха; 2) монашеский ранг в школах Сингон и Тэндай, 3) титул монаха, достигшего определенной ступени совершенствования в эзотерическом буддизме и получившего тайные знания на особой церемонии.

⁴⁵³ Храм Сэсондзи основан Фудзивара Юкинари (972–1027) в конце X — начале XI вв. в Киото на месте резиденции Монодзоно, в которой жили принцы крови, знатные сановники из рода Фудзивара. Фудзивара Юкинари был известным каллиграфом и впоследствии его стиль каллиграфии называли «стиль храма Сэсондзи» (Сэсондзи рю:).

⁴⁵⁴ *Кэммицу*, см. прим. 238.

⁴⁵⁵ Так же *нё:бо:* (см. прим. 411).

⁴⁵⁶ *Хакама* — часть традиционного костюма. У мужчин это широкие шаровары, похожие на юбку, у женщин — юбка.

говорила пустое на Нисюн», пустилась в безумный пляс. Позвали этого высокопоставленного монаха из Китано, он один раз произнес заклинание Фудо:⁴⁵⁸ и фрейлина очнулась. А для высокопоставленного монаха привели лошадь по имени Усудзуми⁴⁵⁹.

А вот еще один недавний случай. Один высокопоставленный монах из храма Ниннадзи⁴⁶⁰ ехал в повозке и хотел проехать перед священным паланкином⁴⁶¹, который несли из Китано в Западную столицу⁴⁶² к месту временного пребывания божества⁴⁶³. Быки⁴⁶⁴, которые везли повозку, упали перед [паланкином] и вскоре умерли. Монах убежал босиком⁴⁶⁵. И таких случа-

---

⁴⁵⁷ Посох (сякюдзё; 錫杖) — посох с многочисленными колокольчиками, который носили монахи и отшельники.

⁴⁵⁸ Фудо: (мё:о:) — «неподвижный царь света», один из четырех пресветлых царей, которые оберегают верующих от злых духов и охраняют буддийское учение. Считается защитником всей страны. Заклинание Фудо: (дзикудзю, 慈救呪) — заклинание, помогающее избежать бед и исполнить желания. В буддийском контексте возможен перевод как «дхарани», «мантра».

⁴⁵⁹ Усудзуми означает «светлая тушь». Этот отрывок встречается в трудах, более поздних, чем «Кэнкю-хон». Это сборники *сэцува* «Дзиккинсё:» (или «Дзиккунсё:») 1252 г. и «Коконтёмондзю:», составленный в 1254 г. Татибана Нарисуэ. В более ранних трудах он не обнаружен.

⁴⁶⁰ Храм Ниннадзи — один из крупнейших монастырей школы Сингон, построен в 888 г. императором Уда (на престоле с 887 г. по 897 г.) по велению предыдущего императора Ко:ко: (на престоле с 884 г. по 887 г.). Приняв монашество, Уда удалился в Ниннадзи, в котором затем из поколения в поколение проживали члены императорской семьи, ставшие монахами. Ниннадзи стоял во главе так называемых *мондзэки дзин*, т. е. монастырей, где проживали члены императорской семьи, ставшие монахами.

⁴⁶¹ Священный паланкин (или переносное святилище), — *микоси*, куда во время определенных празднеств переходит священный объект, являющийся символом божества (*синтай*).

⁴⁶² Одно из названий Киото.

⁴⁶³ Место временного пребывания божества, *отабисё*, — место, куда во время определенных празднеств доставляют на время священный паланкин.

⁴⁶⁴ Быки играют значительную роль в культе Тэндзин: они везли погребальную повозку Митидзанэ. Существует предположение, что их место в культе Тэндзин — отголосок древних обрядов: при поклонении божеству грома проводили церемонию заклания быка.

⁴⁶⁵ Источник этого отрывка неизвестен.

ев столько, что для записи не хватит даже кистей из Чу⁴⁶⁶, их не сочтет даже Ли Шоу⁴⁶⁷.

Праздник в восьмой луне тоже начался при императоре Мураками⁴⁶⁸. По распоряжению двора это стало обязанностью Министерства казны. Могущество и слава божества внушают благоговение, проводятся такие ритуалы, каких мало в наше время. И когда в четвертый день восьмой луны священный паланкин⁴⁶⁹, сверкая среди листвы в западных горах и преодолевая зелень кустов Китано, постепенно приближается, поднимаясь по дороге Ниси-но Оомия, тогда перед глазами сияют украшения на паланкине, и вера все крепче. Мужчины и женщины, старые и молодые в величайшем почтении складывают ладони. Когда священный паланкин вносят в зал для поклонений⁴⁷⁰, монахи, живущие в монастыре, обходят вокруг и звенят [колокольчиками] посохов, подчеркивая могущество божества. Благодаря уловке бодхисаттвы⁴⁷¹, скрывшего свое сияние и сравнившегося с пылью страданий⁴⁷², исчезают тяжкие грехи и живых, и мертвых. При этом, если говорить о подлинном, то

---

⁴⁶⁶ В тексте «трудно записать бамбуком из Чу». «Бамбук из Чу», 楚竹 — это выражение берет свое начало в хронике поздней Хань, где написано «бамбук из Чу и Юэ». Из бамбука, обильно произрастававшего в землях царства Чу, изготавливали кисти для письма.

⁴⁶⁷ Ли Шоу неоднократно упоминается в хронике поздней Хань. Известно, что он прославился как счетовод при мифическом императоре Хуан-ди.

⁴⁶⁸Т. е. в 946–967 гг. Однако праздник, ежегодно проводимый 4-го августа, ведет начало с 987 г. Именно тогда император Итидзё: отдал указ о проведении праздника в святилище в Китано. Проводится до сегодняшнего дня.

⁴⁶⁹ См. прим. 428.

⁴⁷⁰ Павильон для поклонения — *хайдэн*. На территории святилища может быть множество построек. Одна из них — *хайдэн* — предназначена для поклонения и находится перед основным залом *хондэн*, в котором обычно размещается священный объект, являющийся символом божества (*синтай*).

⁴⁷¹ Уловка бодхисаттвы (*хо:бэн*, 方便), см. прим. 33, 279.

⁴⁷² «... скрывшего свое сияние и сравнившегося с пылью страданий»: *вако:до:дзин* (和光同塵). Это один из приемов будд или бодхисаттв, заключающийся в сокрытии сияния своей мудрости и уравнивании в страданиях с другими. Предназначен для спасения всего живого. В особенности это относится к буддам, ставшими японскими *ками*.

[Тэндзин] — след⁴⁷³ Кандззон⁴⁷⁴, проявление Одиннадцатиликой⁴⁷⁵. Он спустился с высокой горы Истинного⁴⁷⁶, явил собой спасителя⁴⁷⁷ Западного рая, оставил Чистую Землю Высшей Радости⁴⁷⁸ и проявился в образе Тэмман Тэндзин. Он наказывает неверующих и объемлет искренне верующих, в настоящем и будущем создает все земли, в этом мире он дарует долголетие, а на склоне лет, посадив человека на плот из чистого золота, отправляет его в Западный край Высшей Радости. С радостью побудем рядом с ним. Следует искренне верить и усердно посещать [его святилище].

Запись завершена в пятый год эры Кэнкю:⁴⁷⁹, в двадцать четвертый день десятой луны.

---

⁴⁷³ След (*суйдзяку*, 垂迹) — проявление в миру в образе синтоистского божества подлинного (*хондзи*, 本地) будды (бодхисаттвы).

⁴⁷⁴ Кандззон — Каннон. См. прим. 378.

⁴⁷⁵ Одно из наименований Каннон. См. прим. 378.

⁴⁷⁶ «... Истинного» — *хоссё*: (法性), что означает истинную сущность всего живого, истинные принципы мира.

⁴⁷⁷ Спаситель — *фусё* (捕処), высшая ступень состояния бодхисаттвы, предшествующая переходу в состояние будды.

⁴⁷⁸ Чистая земля будды Амида: см. прим. 291.

⁴⁷⁹ 1194 г.

«Мумё: дзо:си» («Записки без названия»)

Ю. Е. Гвоздикова

«Записки без названия» («Мумё: дзо:си» 無名草子), имеющие в истории японской литературы репутацию первого критического сочинения по жанру *цукури-моногатари* («сделанные повести»), были созданы неизвестным автором в начале XIII века. Памятник представляет большой интерес, так как открывает новое направление в японской литературоведческой мысли — критические заметки о произведениях японоязычной прозы (*моногатари хё:рон* 物語評論). Ведущие позиции в иерархии жанров занимала поэзия, принципы стихосложения осмысливались в многочисленных поэтологических трактатах (*карон* 歌論). Одно из самых ранних сочинений по жанру *цукури-моногатари* («Гэндзи сяку» 源氏釈 Фудзивара-но Корэюки, XII в.), написанное на четыре века позже, чем первое литературоведческое сочинение по поэзии («Какё: хё:сики» 歌経標式 Фудзивара-но Хаманари, VIII в.), было посвящено не анализу «Повести о Гэндзи», а разбору включенных в него стихотворений. Появление «Мумё: дзо:си» знаменует собой новый этап осмысления сочинений *цукури-моногатари* — воспроизводя традиционный подход к повестям (анализ поэзии, а не прозы), «Записки без названия» одновременно содержат также рассуждения о языке произведений, подробный разбор отдельных сцен, образов героев, построения сюжета. Автор «Мумё: дзо:си» своими размышлениями о повестях, сводящихся главным образом к перечислению того, что нравится или не нравится в произведениях, демонстрирует пока что только зарождение литературоведческой мысли. Основанием для предпочтений автора служит способность текста удовлетворять ожидания, связанные с прочтением сочинения жанра *моногатари*. Отраженные в «Записках без названия» ожидания средневекового читателя дают возможность реконструировать главные элементы, отличающие произведение жанра *цукури-моногатари* от сочинения других жанров той эпохи, выделить некоторые особенности построе-

ния такого сочинения, его типичные мотивы и сюжетные линии. Кроме того, «Записки без названия» — памятник исключительного значения для восстановления утерянных частей дошедших повестей и ценный источник информации о целом ряде утраченных *моногатари*.

Об изначальном названии памятника нет сведений. Появление заглавия «Мумё: дзо:си» исследователи объясняют тем, что, за неимением первоначального названия, такое название безымянному сочинению присвоили позднее его переписчики.

Рассуждая о предполагаемом создателе памятника, не оставившем своего автографа, большинство ученых сходятся во мнении, что «Записки без названия» — творение женщины¹. Наиболее вероятным автором произведения признается Сюдзэйкё:но Мусумэ (俊成卿女, Дочь Сюдзэй)². Ее кандидатура удовлетворяет трем условиям, сформулированным японскими филологами: автор — высокообразованная женщина, сведущая в вопросах поэзии и прозы; она принадлежит или тесно связана с домом Микохидари; зрелые годы ее жизни должны захватывать период между 1199 и 1203 годами [Исида Ёсисада, 1972; Ко:тю: Мумё: дзо:си, 1976; Кувабара Хироси. — Мумё: дзо:си, 1976, С. 133–153; Хигути Ёсимаро, 1982; Томикура Токудзиро:, 1988; Кубоки Тэцуо. — Мумё: дзо:си, 1999, С. 295–296]. Эти данные подтверждаются биографическими сведениями о потенциальной создательнице «Записок без названия»³.

Дочь Сюдзэй в действительности приходилась Фудзиварано Сюдзэй не дочерью, а внучкой. Она родилась предположи-

---

¹ Между тем, некоторые исследователи приписывают авторство «Записок без названия» мужчине из дома Микохидари 御子左家 или Кудзё: 九条家 (части ветви Сэкканкэ (撰関家, Регентский дом) рода Фудзивара), написавшему их от лица дамы: Ямагиси Токухэй называет автором крупного поэта, филолога и судью поэтических турниров Фудзивара-но Сюдзэй 藤原俊成 (1114–1204) [Ямагиси Токухэй, 1925, С. 304–305]; Гоми Фумихико — поэта и художника Фудзивара-но Таканобу 藤原隆信 (1142–1205) [Гоми Фумихико, 1991]; Фукадзава То:ру — мыслителя и поэта, главу буддийской школы Тэндай, — монаха Дзиэн 慈円 (1155–1225) [Фукадзава То:ру, 1998, С. 309–310].

² Впервые данную версию выдвинул Сугияма Кэйитиро: [Сугияма Кэйитиро:, 1929, С. 60–84].

³ Биография Дочери Сюдзэй подробно изложена Кувабара Хироси в: Мумё: дзо:си, 1976, С. 133–153.

тельно в 1171 году в семье Фудзивара-но Мориёри 藤原盛頼 и Хатидзё:ин Сандзё: 八条院三条 (дочь Фудзивара-но Сюдзэй и сестра Фудзивара-но Тэйка 藤原定家, 1162–1241), воспитывалась родственниками по материнской линии, очевидно, проводила время с дядей Тэйка и дедом Сюдзэй (чем и объясняется упоминание их имен в «Записках без названия»)⁴, была начитанна и образованна. В 1192 году она связала себя узами брака с поэтом Минамото-но Мититомо 源通具 (1171–1227), который способствовал её участию в известных поэтических турнирах. На одном из них («Эйгу утаавасэ» 影供歌合, 1201 г.) поэтесса произвела впечатление на императора-инока Готоба (1180–1239, правил с 1183 по 1198 г.), принявшего ее к себе на службу в 1202 году. В возрасте 43 лет Дочь Сюдзэй приняла постриг. После смерти дяди Тэйка она унаследовала его поместье в Косибэ (нынешняя префектура Хёго), в котором прожила до конца своих дней, скончавшись, вероятно, в 1252 году. О ее критических взглядах на поэзию, нашедших отражение, в частности, в «Записках без названия», может свидетельствовать последний из дошедших до нас документов, принадлежащих ее кисти, — письмо от 1252 года, известное как «Письмо Монахини из Косибэ» («Косибэ-но Дзэнни сё:соку» 越部の禅尼消息). Адресованное сыну Тэйка, Тамэиз 為家 (1198–1275), оно содержит рассуждения об императорской антологии «Сёкугосэн вакасю:» (続後撰和歌集, «Продолжение второго собрания японских песен», 1251 г.), собранной Тэйка.

Время создания «Записок без названия» устанавливается также лишь предположительно, так как иных данных, кроме содержащихся в самом тексте, на этот счет не имеется. Известный филолог Ямагиси Токухэй, положивший начало изучению этого критического сочинения, ограничил возможный период создания памятника шестью годами — с 1196 по 1202⁵.

---

⁴ В тексте памятника упоминаются имена трех представителей дома Микохидари: Самми Нью:до: (三位入道, Вступивший на путь Третьего ранга) — Фудзивара-но Сюдзэй, Тэйка-но Сё:сё: (定家少将, младший военачальник Тэйка) — Фудзивара-но Тэйка и Таканобу 隆信 — Фудзивара-но Таканобу.

⁵ Ямагиси Токухэй проанализировал ранги и должности появляющихся в тексте исторических лиц. Имя Тэйка всегда сопровождается указанием должности сё:сё: 少将. В этом звании он прослужил 12 лет (1189–1201 гг.). Таким образом, памятник появился в этот промежуток

Верхнюю границу указанного периода уточнил затем Исида Ёсисада, сократив вероятный период написания «Записок без названия» до четырех лет (1198–1202)⁶. Последние исследования японских филологов сужают указанный временной промежуток до шестнадцати месяцев (август 1200 г. — ноябрь 1201 г.)⁷.

«Записки без названия» представляют собой по преимуществу длинный диалог между тремя-четырьмя дамами. Разговор, которому молодые особы посвятили ночь, вложен в уста старой монахини, играющей роль слушательницы по отношению к участницам беседы и рассказчицы по отношению к читателям памятника. Диалогическая (катехезисная) форма изложения

времени. Упоминание о 7-ом годе Кэнкю: (1196 г.) позволяет сдвинуть верхнюю границу его написания на 7 лет вперед. Имеющееся в тексте высказывание Тэйка о «Восьми поэтических собраниях» («Хатайдасю:» 八代集), в число которых он не включил «Синкокинвакасё:» (新古今和歌集, «Новое собрание старых и новых песен Японии», составление началось в 1202 г.), указывает на то, что «Мумё: дзо:си» были написаны до 1202 г. [Ямагиси Токухэй, 1925, С. 276–352].

⁶ О собрании «Роппякубан утаавасэ» 六百番歌合 (1193 г.) в памятнике сказано, что появилось оно «в ту пору, когда господина Кудзё: звали еще Садайсё:». Речь идет о составителе сборника Фудзивара (Кудзё:)-но Ёсичунэ 藤原 (九条)義経 (1169–1206) — поэте и чиновнике, занимавшем высокие государственные посты. Пост командующего левой охраной (*садайсё:* 左大将) он оставил в 1198 г. Кроме этого, 7-ой год Кэнкю: появляется в сочинении в связи с домашним собранием «Гёкукасю:» 玉花集 (собрано Фудзивара-но Тосисада 藤原俊貞), работа над составлением которого, начатая в 1196 году, продлилась около двух лет — до 1198 г. [Исида Ёсисада, 1972].

⁷ Аргументация данной концепции строится вокруг имени Фудзивара-но Таканобу, которое не сопровождается в памятнике рангом или названием должности. В начале 1198 г. он был назначен Главой Управления правой части столицы (*укё:-но дайбу* 右京大夫), и Тэйка в своем дневнике «Записки при полной луне» («Мэйгэцуки» 明月記) называет Таканобу с указанием этой должности (запись за 25-й день 7-й луны 1200 г.). Чуть позже его имя как участника поэтических турниров «Готоба Ин сёдо хякусю» 後鳥羽院初度百首 (25-й день 8-й луны 1200 г.) и «Сэнтю: дзю:нин утаавасэ» 仙洞十人歌合 (12-й день 9-й луны 1200 г.) не сопровождается указанным званием, т. е. он перестал занимать данный пост в конце июля — в августе 1200 г. Нижняя граница написания памятника определяется ноябрем 1201 года, когда император-монах Готоба отдал распоряжение составить антологию «Синкокинсю:» [Хигути Ёсимаро. Фукуродзо:си, Мумё: дзо:си но сэйрицу дзики ни цуйтэ, 1982].

роднит «Записки без названия» с более ранними сочинениями Китая и Японии — как историческими⁸, так и религиозно-философскими. Ярким образцом второго вида диалогического изложения является трактат Ку:кай (774–835) «Три учения указывают и направляют» («Санго: сиики» 三教指帰, 797 г.), записанный в виде беседы между представителями трех учений. Примером автору «Записок» мог также послужить известный отрывок из «Гэндзи моногатари» (гл. «Дерево-метла»), посвященный ночной беседе приятелей принца Гэндзи о дамах. Их трое (То:но Тю:дзё:, Хидари-но Ума-но Ками и То: Сикибу-но Дзё:), как и дам в «Записках без названия»; Гэндзи выполняет ту же роль, что и монахиня, — слушает дискуссию своих друзей, делая ее, как самый опытный в обсуждаемых делах участник разговора, значимой для читателя. Есть среди дам «Мумё: дзо:си» молодая девушка (*вакаки хито* 若き人, *рэй-но хито* 例の人), которая выполняет особую функцию как участница диалога — она задает наводящие вопросы своим собеседницам, определяя таким образом ход и направление беседы.

Темы, избранные дамами для диалога, позволяют произвести наиболее общее деление памятника на четыре раздела: 1) введение; 2) обсуждение повестей; 3) обсуждение поэтических антологий; 4) обсуждение знаменитых женщин эпохи Хэйан. Некоторые образы, мотивы и композиционные приемы, использованные во введении (образ 83-летней монахини, мотивы странствия, посещения храма, преодоления некоторого пути до того места, где происходит диалог главных героев, и др.) и последующих разделах памятника, заимствованы, возможно, из более ранних сочинений жанра *рэкиси моногатари* — «О:кагами» 大鏡 («Великое зеркало», XI в.), «Имакагами» 今鏡 («Нынешнее зеркало», 1170 г.), «Мидзукагами» 水鏡 («Водяное зеркало», 90-е гг. XII в.) и сборника *сэцува* «Хо:буцусю:» 宝物集 (1178 г.)⁹. Однако автор «Мумё: дзо:си» использует эти образцы по-новому, подчиняя их целям своего сочинения.

---

⁸ Диалогическую форму исследователи возводят к древней традиции диалогических песнопений во время ритуала посадки риса [Дьяконова Е. М., 2000, С. 16–17].

⁹ Подробные исследования на этот счет принадлежат: Хигути Ёсима-ро. Мумё: дзо:си но хоттан, 1982; Мори Масато, 1978; Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986; Ясуда Норико, 1991; Исино Кэйко, 2003.

Второй раздел памятника посвящен обсуждению двадцати шести произведений жанра *цукури-моногатари* и двух сочинений жанра *ута-моногатари*. Из двадцати шести *цукури-моногатари* до наших дней полностью или частично дошли лишь семь сочинений («Гэндзи моногатари», «Сагоромо моногатари», «Ёру-но Нэдзамэ», «Хамамацу Тю:нагон моногатари», «Има Торикаэбая моногатари», «Мацура-но Мия», «Ариакэ-но вакарэ»), все остальные произведения утрачены. Погружение в мир повестей начинается с разговора о «Повести о Гэндзи», которой отдана одна треть всего сочинения. Последующие произведения разбираются в порядке убывания их «гениальности», известности и важности, по мнению автора «Записок без названия», для развития жанра *цукури-моногатари*.

Поэтическим антологиям, которые не являются главной темой «Записок без названия», посвящено несколько страниц сочинения. По общему признанию исследователей [Такаси То:ру. — Мумё: дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 172; Кубоки Тэцуо. — Мумё: дзо:си:, 1999, С. 306], обсуждение собраний поэзии (антологий), составление которых монополизировали мужчины, необходимо дамам для того, чтобы обратить внимание на бедственное положение женщин на этом поприще, с одной стороны, и на успехи, достигнутые ими в создании образцов повествовательной литературы, с другой стороны. Дамы перечисляют семь императорских антологий из так называемых «Восьми собраний», упоминают восемь домашних сборников поэзии и три собрания ста стихотворений на заданные темы.

В заключительном разделе «Записок без названия» речь идет о судьбах и литературных достижениях пятнадцати выдающихся женщин эпохи Хэйан. Эта часть памятника глубоко изучалась японскими исследователями на предмет заимствований из других сочинений [Кувахара Хироси, 1971; Кавасима Кинуэ, 1986]. Главными источниками для автора «Мумё: дзо:си:» могли послужить: «Хо:буцусю:», «Кохонсэцувасю:» (古本説話集, ок. 1130 г.), «Кондзяку моногатари» (今昔物語, «Стародавние повести», между 1130 и 1140 гг.), «О:кагами», «Мурасаки Сикибу никки» (紫式部日記 «Дневник Мурасаки Сикибу», XI в.), «Макура-но со:си» (枕草子, «Записки у изголовья», X в.), «Эйга моногатари» (栄花物語, «Повесть о процветании», ок. 1092 г.), «Имакагами», антологии «Кокинсю:» (古今集, «Собрание старых и новых песен

Японии», 905 г.), «Сю:исю:» (拾遺集, «Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии», 1005 г.), «Госю:исю:» (後拾遺集, «Позднее собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии», 1086 г.) и, возможно, другие сочинения. Несмотря на такое широкое привлечение художественной литературы эпохи Хэйан для написания собственного текста, создатель «Записок» всегда смотрит на нее с иного, нового ракурса и, используя для своих целей, создает принципиально другой текст.

Для русского перевода «Записок без названия» были использованы самые последние комментированные публикации памятника, одна из которых появилась в 2004 году в издательстве «Идзуми сёин» 和泉書院 [Мумё: дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004]. Данную публикацию, в которой учтены результаты всех предыдущих исследований памятника, подготовили члены «Общества по изучению «Записок без названия», объединяющего девятнадцать ведущих специалистов по данному сочинению. Для перевода также широко привлекались публикации памятника, подготовленные Кавасима Кинуэ и Нисидзава Масадзи [Синтю: Мумё: дзо:си, 1986], Кубоки Тэцуо [Мумё: дзо:си:, 1999], а также ряд работ филолога Катаока Тосихиро, содержащих важные комментарии по отдельным частям «Записок без названия» [Катаока Тосихиро, 1984, 1986, 1987, 1988, 1995, 1996, 1997]. На английский язык памятник был переведен в 1984 году Мишелем Марра, сопроводившим перевод краткой вступительной статьей. Результаты последующих значимых исследований сочинения японскими филологами пока не получили освещения в европейских трудах. В отечественном японоведении отсутствуют какие-либо работы, посвященные «Запискам без названия», в том числе их перевод на русский язык.

Японские комментаторы памятника для удобства восприятия текста выделили в нем условные разделы. Русский перевод повторяет подобное деление, отсутствующее в оригинальном тексте. Названия разделов заключены в квадратные скобки. В квадратных скобках также даны редкие дополнения переводчика, основанием для которых всегда служили исследования комментаторов сочинения.

«Записки без названия» содержат многочисленные стихотворения *вака*: в случае наличия признанного и устоявшегося перевода некоторых стихотворений на русский язык, давался

именно этот перевод (по возможности параллельный, подстрочный его вариант). Японские имена и термины в исследовании не склоняются. Двоеточие (как, например, в названии храма *Сайсё:ко:ин*) обозначает долготу гласного.

Статьи комментария к переводу включают: 1) пояснение топонимов, встречающихся в тексте буддийских терминов, информацию о персоналиях; 2) расшифровку скрытых в тексте ссылок на стихотворения из классических поэтических собраний; на отрывки из известных прозаических произведений и религиозных сочинений средневековой японской литературы (для удобства в примечаниях повторена содержащая скрытую ссылку фраза из перевода памятника курсивом, за которой в круглых скобках следует ее иероглифическое написание и транскрипция кириллицей); 3) изложение обстоятельств истории создания, проблем атрибуции, сюжета / состава обсуждаемых в «Записках без названия» повестей и поэтических сборников; необходимые указания сюжетного плана, пояснение конкретных сцен из повестей, роли тех или иных действующих лиц, на которые указывают героини памятника; 4) биографические сведения о пятнадцати женщинах, судьбы которых стали темой обсуждения персонажей «Записок без названия» в заключительном разделе «Женщины».

Список литературы

Гоми Фумихико. Фудзивара Тэйка но дзидай: тю:сэй бунка но кукан (Эпоха Фудзивара Тэйка: Пространство средневековой культуры). Токио, 1991.

Дьяконова Е. М. О:кагами — Великое зеркало. История средневековой Японии в жизнеописаниях ее главнейших деятелей // О:кагами — Великое зеркало / Пер. с древнеяп., исследование и коммент. Е. М. Дьяконовой. СПб., 2000.

Исида Ёсисада. Мумё: дзо:си сакуся ко: (Размышления об авторе «Записок без названия») // Исида Ёсисада. Синкокин сэкай то тю:сэй бунгаку (Мир «Синкокинсю:» и средневековая литература). Токио, 1972.

Исино Кэйко. Мумё: дзо:си но исо: (Топология «Записок без названия») // О:тё: дзёрю: бунгаку но синтэмбо: («Новый обзор произведений «литературы женского потока») / под ред. Ито: Хироси. Токио, 2003.

Кавасима Кинцү. Мумё: дзо:си: дзёсэй рон но хо:хо: то ко:сэй — сэцува но сэсю то дзюё: о тю:син ни («Записки без названия»: методы ведения и структура дискуссии о женщинах — вокруг заимствований и адаптации мотивов из сэцува) // Кокубунгаку гэнго то бунгэй, 1986, № 100.

Кавасима Кинүз, Нисидзава Масадзи. Синтю: Мумё: дзо:си (Новые комментарии к «Запискам без названия»). Токио, 1986.

Катаока Тосихиро. Мумё: дзо:си тю:сяку, дзёсэй хё: — соно ити // Бунрин, 1984, № 19; Мумё: дзо:си тю:сяку (II), дзёсэй хё: — соно ни оё-би Гэндзи моногатари хё: — соно ити // Бунрин, 1986, №21; Мумё: дзо:си тю:сяку (III), Гэндзи моногатари хё: — соно ни // Бунрин, 1987, № 22; Мумё: дзо:си тю:сяку (IV), Сагоромо моногатари хё: // Бунрин, 1988, №23; Мумё: дзо:си тю:сяку (V), Торикаэбая моногатари хё: // Бунрин, 1995, №29; Мумё: дзо:си тю:сяку (VI), Хамамацу тю:нагон моногатари хё: // Бунрин, 1996, №30; Мумё: дзо:си но ко:дзо:, сэнсю:хё: о мэгуттэ // Моногатари бунгаку но хомбун то ко:дзо:. Осака, 1997.

Ко:тю: Мумё: дзо:си (Коммент. Судзуки Хиромити) (Комментарии к «Запискам без названия»). Токио, 1976.

Кувахара Хироси. Мумё: дзо:си но дзёсэй рон (Дискуссия о женщинах в «Записках без названия») // Тю:ко бунгаку, 1971, № 8.

Мори Масато. Мумё: дзо:си но ко:дзо: (Структура «Записок без названия») // Кокуго то кокубунгаку, 1978, 55:10.

Мумё: дзо:си (Коммент. Кувабара Хироси) — Синтё: нихон котэн сю:сэй. Токио, 1976.

Мумё: дзо:си (Коммент. Кубоки Тэцуо) — Симпэн нихон котэн бунгаку дзэнсю:, Т. 40. Токио, 1999.

Мумё: дзо:си: тю:сяку то сирё: («Записки без названия»: комментарии и материалы), Мумё: дзо:си риндокай (Общество по изучению «Записок без названия»). Осака, 2004.

Сугияма Кэйитиро. Мумё: дзо:си ко: (Размышления о «Записках без названия») // Кокуго кокубун но кэнкю:, 1929, № 35.

Томикура Токудзиро. Мумё: дзо:си хё:кай (Критический анализ «Записок без названия»). Токио, 1988.

Фукадзава То:ру. Мумё: дзо:си но топородзи: (Топология «Записок без названия») // Ко:дза хэйан бунгаку ронкю:, 1998, № 13.

Хигути Ёсимаро. Мумё: дзо:си но хоттан (Начало «Записок без названия»); Фукуродзо:си, Мумё: дзо:си но сэйрицу дзики ни цуйтэ (О времени создания «Фукуродзо:си» и «Мумё: дзо:си») // *Хигути Ёсимаро.* Хэйан Камакура дзидай санъицу моногатари но кэнкю: (Исследование утраченных повестей эпох Хэйан и Камакура). Токио, 1982.

Ямагиси Токухэй. Гэндзи моногатари кэнкю: но сёки (Первые сочинения по изучению «Повести о Гэндзи») // Кокуго то кокубунгаку, 1925, 2:10.

Ясуда Норико. Мумё: дзо:си но ро:ни: хицурокуся но якувари о мэгуттэ (Образ старой монахини в «Записках без названия»: о ее роли как фиксирующей услышанное) // Нагоя дайгаку кокуго кокубунгаку, 1991, № 69.

Mumyo:zo:shi. Introduction and Translation by Michele Marra // Monumenta Nipponica, 1984, XXXIX:2 (p. 129–145), 3 (p. 281–305), 4 (p. 409–434).

[Введение]

Нестерпимая печаль охватывает меня при мысли, что восемьдесят три года¹ своей жизни бесцельно растратила я в праздности. Когда с горечью поняла, что лишь по [счастливой] случайности была рождена в человеческом облике² и после смерти моей не останется ничего, что стало бы напоминанием обо мне³, я остригла волосы и окрасила одежды⁴. Но лишь обликом своим едва встала я на Путь Будды, сердце же мое осталось прежним. Летят годы, и счастливые дни прошлых лет не забыть мне, как бы я ни старалась. Не угасает любовь к милым сердцу людям, которых давно уж нет со мной, и беззвучно плачу я украдкой, таясь ото всех, оттого и не высыхают края рукавов простой монашеской одежды⁵. В поисках утешения брожу каждое утро по полям, пробираясь сквозь высокие заросли и смахивая платьем росу. В корзинку, висящую на локте, собираю цветы, которые преподношу потом Будде. Видеть свое отражение в зеркале стало уж совсем невыносимо — с годами «являет оно взору все более снега и белогривых волн»⁶. Стесняясь своего неприглядного вида, обычно сторонюсь я людских глаз.

Бродила я как-то в окрестностях Химугасияма⁷, собирала цветы. День меж тем понемногу начал уступать место ночи, дом мой был далеко. Тогда решила я остановиться на ночлег там, куда приведут меня ноги⁸. И когда шла, повторяя пришедшие мне в голову слова: «Три мира, пребывающие в вечном непостоянстве, подобны полыхающему дому в огне»⁹, натолкнулась на распахнутые ворота храма Сайсё:ко:ин¹⁰.

Я радостно вошла внутрь. Убранство храма и статуя Будды были так прекрасны, что мне невольно подумалось: «Должно быть, таков и рай Чистой земли будды Амида...»¹¹ И ощутила я, как понемногу растет во мне желание [проститься с этой жизнью] и очутиться в том раю. Во многих старых храмах, что возведены были по велению императоров и их приближенных, возносила я молитвы, но ни в одном из них так сильно не ощущала присутствие духа его устроителя. Любуясь позолоченными колоннами, стягами с россыпью из драгоценных камней и восхитительными картинами на дверях¹², я с завистью представ-

ляла, как беспредельно, должно быть, счастлива в этом мире та высокая особа, что приказала построить этот храм. А в грядущем рождении судьба больше прежнего будет благоволить к ней!¹³ Я преклонилась перед Буддой и на время забылась в почтительной молитве. Покинув храм, направилась на запад, к столице. И хотя подходила к ней все ближе и ближе, казалось, что до сих пор я пребывала где-то далеко в горах... Как удивительно это было!

В то время стояла Пятая луна, более десяти дней которой уже остались в прошлом. Солнце ждало просвета в небесах — он должен был появиться с прекращением раннего летнего дождя, накрапывавшего последние несколько дней. И неожиданно озарившие все вокруг яркие лучи заходящего солнца показались мне чем-то необыкновенным. Даже кукушка пела так, словно звала за собой. «Это тот провожатый, который будет рядом со мной, когда пойду я по горной тропе, покинув этот мир навсегда», — подумала я, продолжая прислушиваться к голосу кукушки¹⁴ —

Отикаэри	«Если вернешься вновь [в эти края]
Катарау нараба	И споешь,
Хототогису	Кукушка,
Сидэ но ямадзи но	По горной дороге посмертной
Сирубэ томо нарэ	Стань провожатым моим» ¹⁵ .

Я окинула взглядом простиравшиеся вокруг дали — нет ли где людей и селений... Лишь море зеленых ростков риса, что представились мне созревшими колосьями, шелестящими на осеннем ветру¹⁶, окружало меня. «Как далеко, должно быть, отклонился мой путь от того, что ведет к столице», — спохватилась я. Тут вдалеке показался гребень старой-престарой крыши какой-то усадьбы, покрытой корой кипариса.

«Что за люди изволят там жить?» — взволнованно думала я, не сводя глаз с усадьбы. Шаг за шагом приблизилась к ней. Глинобитный забор в некоторых местах был разрушен. Верхняя часть ворот, да и все остальные постройки, обветшали. Непохоже, чтобы здесь кто-то жил... На вид усадьба — ее главные покои, примыкающие помещения и связывающие их галереи — была довольно скромной. В саду ее буйно разрослись травы. Словно блистательный Гэндзи, пробиралась я сквозь высокий чернобыльник, смахивая росу одеждами¹⁷. Войдя в главные во-

рота и оглядевшись вокруг, я обнаружила, что сад перед передними покоями был необыкновенно большой: повсюду рос Усский бамбук, высилась изгородь из цветов унохана — как раз, чтобы в ее тени могла спрятаться кукушка¹⁸. Казалось, что усадьба находится где-то далеко в горах... Среди пышной растительности в саду можно было разглядеть и летние травы, но срок их цветения еще не настал. Лишь гвоздики и розы были в цвету — любованием ими наполнило меня самыми радостными чувствами. Чудесный вид молодых вишневых деревьев рядом с навесом дома, которые, как подумалось мне, превратятся в небольшую рощу в период бурного цветения, вызвал восторг в моем сердце.

К югу от главных покоев между колоннами было помещение, отгороженное ослепительно белыми раздвижными дверями. «Не устроено ли там место для молитвы?»¹⁹ — предположила я. От беспрестанного воскуривания благовоний в молельне все вокруг было окутано дымкой запахов. Они были необыкновенно приятными²⁰. «Сам Будда, должно быть, обитает здесь!» — радостно подумала я. С корзинкой, полной цветов, на руке и соломенной шляпой за спиной я приблизилась к веранде. Тут вдруг из юго-восточной части покоев, где между колоннами находилось огороженное помещение с поднятыми бамбуковыми занавесями, чуть слышно полились восхитительные звуки *кото*. Исполнение было превосходное, [мне сразу захотелось увидеть, что там происходит]. И тут очаровательный молодой женский голосок обратился ко мне:

— Как трогательно! Тяжело снести глазам ваш облик... Поистине глубокой мудростью и верой исполнено сердце дожившей до столь почтенных лет, той, что изволила встать на Путь духовный! Меж тем вы кажетесь мне еще более очаровательной, чем Оно-но Комати²¹ с бамбуковой корзинкой на руке.

— Мудрость и вера ваша, должно быть, превосходят набожность принца, преданно служившего мудрецу-отшельнику Асита²², — послышался еще один голос.

И три-четыре молодые девушки примерно одного возраста показались на веранде. Они были одеты в кимоно из простого шелка разных цветов, которые, как казалось, уже потускнели из-за долгой носки... На фоне старинного поместья, исполнен-

ного духом божественного, девушки выглядели добродушными и очень приветливыми.

— Как интересно было бы узнать о вашем прошлом! — дружелюбно воскликнули они в один голос.

— Прошу вас, не пугайтесь при виде моей непримечательной наружности... Несмотря на столь юные годы, вы очень учтивы и добры ко мне. А причиной этому, возможно, служит то, что сердца ваши так близки к Будде, который здесь повсюду... В молодости ничем не отличалась я от своих сверстников. И если начну рассказывать о своем прошлом, боюсь, вы не станете и слушать меня... О прожитых годах сохранилось у меня много разных воспоминаний, которые вы могли бы послушать и собрать воедино, — очаровательно-трогательных, любопытных, диковинных...²³, но все это давно в прошлом и память уж не та... Стоит ли припоминать то, что не имеет никакой ценности? — сказала я в ответ.

— Но именно об этом мы и хотели бы услышать! Перед лицом Будды расскажите²⁴ о том, что случилось с вами в минувшие годы. Поведайте о вашем времени все те истории, что удалось собрать вам, не утаив ни капли! — просили девушки.

По правде говоря, я и сама была не прочь немного окунуться в прошлое и, положив на веранду корзину и шляпу, расположилась поудобнее, оперевшись о перила.

— Доводилось мне исполнять не только привычные для всех прочих людей обязанности... С шестнадцати или семнадцати лет, когда была я еще ничтожным человеком, начала прислуживать Кита-но Мандокоро, матери Ко:камон Ин²⁵. Бывала иногда и во дворце, во времена правления государей Сануки-но Ин и Коноэ-но Ин²⁶. Когда Кита-но Мандокоро не стало²⁷, я должна была перейти в услужение к [ее дочери] Нё:ин. Однако намного больше хотелось мне собирать цветы, затерявшись в дымке тумана, окутавшего Девятикратную обитель, и любоваться месяцем с высоких облаков²⁸. Когда на престол вступил император Госиракава Ин и будущий правитель Нидзё: Ин²⁹ стал называться наследным принцем, я еще не принадлежала к числу тех особ, что постоянно прислуживали в высочайших покоях. Но как-то само собой я привыкла к жизни во дворце настолько, что превратилась в опытную придворную даму, и относиться ко мне стали как к равной. Прислуживала я вплоть до

времени правления государей Рокудзё: Ин³⁰ и Такакура Ин³¹. Когда на волосы мои, подобные водорослям³², было уже неприятно смотреть, я остригла их и, уединившись в горном селении, стала проводить время за чтением глав [сутры]³³. Сегодня на рассвете я покинула свою хижину и до встречи с вами бродила, словно во сне, сбившись с пути... — рассказала я и достала из мешочка для сутр, что висел у меня на шее, книгу³⁴.

Когда я начала читать им, девушки поинтересовались:

— Как удастся вам разглядеть что-нибудь в такой темноте?

— Чтение этой книги стало моим обыкновением, теперь даже ночью могу я прочесть любой отрывок из нее без запинки, — ответила я и начала цитировать строфы из заключительной части главы «Уловка» «Лотосовой сутры»³⁵, временами то повышая, то понижая голос.

Девушки не ожидали ничего подобного и были чрезвычайно удивлены тому, что им пришлось услышать.

— Приблизьтесь к нам, чтобы мы могли послушать вас! — воскликнули они и поманили меня к себе на веранду.

— Но моя наружность способна вызвать лишь отвращение. Мне, право, неловко перед вами... Хотя можно ли назвать это причиной, достаточной для того, чтобы отказать вам, в чьих сердцах «Лотосовая сутра», похоже, вызывает настоящий трепет?³⁶ Будда, должно быть, нашет на меня кару за такое деяние, — сказала я и поднялась на веранду.

— Если верно это и в отношении вас³⁷, просим, подойдите сюда, — промолвили девушки и велели пройти к ним через галерею, что соединялась с главными воротами усадьбы.

Для меня расстелили циновку и усадили на нее.

— По милости десяти женщин-расэцу³⁸ мне было позволено появиться в этих покоях³⁹. Уповаю же на то, чтобы [величие «Лотосовой сутры»] озарило следующую мою жизнь еще ярче! — сказала я и продолжила чтение.

— Даже среди буддийских священников мало кто может возглашать сутры в такой манере! — восхищались молодые особы, к которым присоединились дамы постарше. Так образовался круг из семи-восьми женщин.

— Проведем за беседой всю ночь, любуясь этой восхитительной луной! — пожелали они.

Закончив читать одну из глав сутры, я произнесла:

— Искоренять зло и порождать добро⁴⁰. Давайте прервемся и отдохнем! — перебирая четки, предложила я и прилегла на циновку.

Но окружавшие меня собеседницы не расходились, они принялись обсуждать всякие пустяки⁴¹, а затем вспоминать примеры хороших и дурных деяний из «Лотосовой сутры». Каждая спешила поделиться своими рассуждениями о цветах, алых листьях клена, луне, снеге. Они показались мне особенно любопытными, поэтому я продолжала лежать молча и внимательно слушать окружавших меня девушек. Теперь в их кругу было трое или четверо молодых особ, продолжавших тихо вести свой разговор.

— И все же, с чем в этом мире вам было бы расстаться труднее всего? Пусть каждая из вас откроет то, что у нее на душе! — пожелала одна из дам.

[То, с чем трудно расстаться. Луна]

— Когда любуюсь цветами и осенней багряной листвой, радуюсь луне и снегу, то кажется мне, я не нашла бы сил, чтобы покинуть этот мир. Всякий человек, вероятно, испытывает подобное чувство — не станет исключением и тот, кто не замечает изысканных вещей, и тот, кто обладает утонченным вкусом. Самый незначительный человек, сердце которого не знало глубоких чувств, следует по тому же «пути»⁴². Сравнится ли с чем-либо в этом мире сияние луны? Лик молодого месяца, что светит так неуверенно, едва появившись на вечернем небосклоне, чьи очертания поблекнут на рассвете, — не сыскать ничего прекраснее его лунной ночью, в какой бы час вы не взглянули на небо и где бы ни находились. Весной и летом, а еще сильнее — осенью и зимой, луна, что озаряет темень ночи, дарит свет сердцам, утратившим радость сильных чувств, и заставляет позабыть о телесном облике, далеком от совершенства. Стоит лишь обратить взгляд на луну, и мысли уносятся вдаль — в неведомые страны — Корею и Китай⁴³, пытаюсь постичь неизвестные дела прошлого, нынешнего и грядущего. Оттого неудивительным кажется и то, что О:сию: отправился навестить Тайандо:⁴⁴, а супруга Сё:си, сердце которой наполнил лунный свет, поднялась в облака⁴⁵. Вероятно, и у нас есть немало схожих историй⁴⁶ из прошлого и настоящего о том, как сердца

людские пленило лунное сияние. Следует мне возносить молитвы луне, ведь служит она воплощением бодхисаттвы Сэйси⁴⁷, что указывает дорогу тем, кто сбился с пути, переходя из темноты в темноту⁴⁸.

— Как только мог сохраниться этот свет в мире бесчисленных пороков, знаменующих о «конце Закона»?⁴⁹ Исходящее от луны сияние даровано самим Буддой, верным своему обещанию прошлого⁵⁰. Но даже столь чудесное явление способно оставить сердце равнодушным, если созерцать его в одиночестве, без того, кто разделил бы радость возвышенных чувств. Нестерпимая тоска охватывает душу при взгляде на луну, рождающую океан безответных переживаний.

[Письма]

— И как до сих пор существование подобных вещей не прервалось в этом мире? Они восхитительны! А обладают столь необычайной силой над душой, конечно, письма! Не раз, должно быть, встретишь те же рассуждения в «Записках у изголовья»⁵¹. Так стоит ли вновь упоминать о чарующей природе писем?! Лишь бросишь взгляд на одно из тех посланий, что начертаны живущим в дальних краях человеком, не искавшим оттого и встреч взаимных уж много лет подряд, и посещает вмиг трепетное чувство его присутствия подле тебя. Когда бы был он и правда рядом, навряд ли душу свою без остатка излил в проникновенном разговоре. Другое дело — письма... Наполненные разными подробностями и самыми тонкими душевными волнениями, они заставляют сердце биться сильнее от радости и восхищения. Переписка с таким человеком подчас нисколько не уступает свиданиям с ним.

— В дни, когда сердце сжимается от тоски, стоит только взглянуть на письмо от близкого в прошлом человека⁵² и строки, начертанные им, перенесут тебя в то время и, оживив дорогие воспоминания, рассеют грусть в одно мгновение. Еще сильнее трогают душу послания тех, кого уж нет в этом мире. Летят годы, но память жива. И кажется, что письма эти только что вышли из-под кисти, на которой еще не успела высохнуть тушь. Что за дивное чувство!

— Как скоротечны переживания, что дарят нам встречи! Увы, после расставания от них не остается и следа... Письма же

способны передать тончайших аромат прошлого и сохранить его вопреки неумолимому течению времени, остановить которое не под силу никому из нас. Какое изумительное свойство!

— Разве сумели бы мы рассказать будущим поколениям о делах, что вершились в славные годы Энги и Тэнряку⁵³, о событиях, что происходили в неведомых Китае и Индии, или о свершениях нашего времени, не будь знаков для записи оных? Едва ли найдется что-либо более замечательное, чем они!

[Сны]

— Вряд ли кто-либо воспел бы сны с таким же чувством... Привыкли мы судить о них как о ненадежных эфемерных видениях. Меж тем сновидения наши полны неповторимого очарования! В мире грез не будет столь суров заставы страж⁵⁴, что преградил путь влюбленному кавалеру, разлучив его с дамой сердца на долгие годы. Оживут в них и милые сердцу воспоминания о том, как хаживал он, бывало, к ней той дорогой⁵⁵. Лишь в снах предстанет перед нами, словно наяву⁵⁶, образ любимого человека, что покинул этот мир навсегда. Строки, сложенные Дзё:то:мон Ин: «Слезы роняю, не зная сна...»⁵⁷, безмерно трогательны.

[Слезы]

— Не следует, должно быть, предаваться размышлениям о том, что пленяет сердца наши утонченной прелестью своей в этом мире...⁵⁸ И все же, удастся разве сыскать что-либо более проникновенное, чем слезы? Способны смягчить они не знающего сострадания воина⁵⁹ и обнажить чувства человека, что таит он в своей душе⁶⁰. Не сможет проронить ни слезинки лишь тот, чей облик телесный будто бы говорит, что движим он сильными чувствами, но черствое сердце при этом остается холодным. Не душа ли того, кого так легко растрогать до слез, открыта истинным порывам чувств? Быть может, это наивно, но, вероятно, сердце именно такого человека способно постичь очарование вещей. Сопровождая государя Тэйдзи⁶¹, Кинтада⁶² сложил: «Но уже оттого, что вижу я, как вы плачете, я исполнен печали»⁶³. Как это естественно!

[Будда Амида]

— Наверное, не стоит говорить об этом вновь, но величием, которое только может вообразить человек, принадлежащий этому миру, исполнен, без сомнения, будда Амида! ⁶⁴ Не нужно лишний раз упоминать и том, что вознесение молитв будде Амида — истинное благодеяние, которое не останется без воздаяния⁶⁵. Когда произношу я «Слава будде Амида!», сердце мое переполняют радостные светлые чувства. Если разжег кто-то злобу в вашей душе, если мир представляется враждебно-жестоким, зависть властвует над сердцем или же очарование вещей глубоко взволновало его — что бы ни случилось с вами, мечтающими в такие минуты лишь укротить бушующие чувства, молитва эта уймёт пожар страстей и вернет душе покой. Так ли думают остальные? Мне кажется, что других людей посещают те же самые чувства, когда вторят они: «Слава будде Амида!» Как трогательны они и необычайно прелестны в этот момент!

— «Кавалер по имени Сазмон-но Ками Киммицу⁶⁶ прознал как-то, что возлюбленная его, одна придворная дама, которую он щедро одаривал своим вниманием, втайне отдала свое сердце другому. Повстречав ту даму случайно, кавалер ни словом не обмолвился с ней об их прежней пылкой связи, но поддержал лишь короткую беседу о последних дворцовых событиях. После чего произнес несколько раз: «Слава будде Амида!» Что деяния моего прошлого и будущего⁶⁷ по сравнению с жизнью столь глубокой души человека? Когда услышала я эту историю, холодные капли пота покрыли мою спину от стыда», — рассказ этот передала мне одна дама... Как важно, должно быть, возносить молитвы Будде ради нашего будущего рождения...

[«Лотосовая сутра»]

— Когда размышляю я вновь и вновь о том, что дарует истинную милость и воздаяние за дела мои, мысль моя обращается к благой «Сутре лотоса». Ничто не может сравниться с ней! Какими бы увлекательными и притягательными ни казались повести с картинками⁶⁸, я начинаю скучать за их чтением, когда беру в руки свитки второй или третий раз. Слушая же главы «Лотосовой сутры», я всякий раз испытываю благоговение и

восторг. Мне кажется, что я слышу эти слова впервые. Что за чудесные трепетные мгновения! «Нет ни двух, ни трех Колесниц», — говорится в «Сутре лотоса»⁶⁹, возвещающей также о том, что эта священная книга — «самая главная» из всех⁷⁰. Возможно, я не скажу вам ничего нового, но... Поскольку появилась «Лотосовая сутра» в далеком прошлом, найдутся, очевидно, и те, кто не согласится с этим. Между тем, именно эта священная книга открыла истину о том, что рождение наше в человеческом облике — [счастливая бесценная] случайность⁷¹. Так от чего же не находим мы ни единой строчки из «Сутры лотоса» в таком замечательном произведении, как «Повесть о Гэндзи»?! Быть может, оно незаконченное или неполное, и в тех частях, что не попали в него, есть хотя бы краткие отрывки [из благой сутры]...⁷² Думается, что в «Повести о Гэндзи» это главное, но единственное упущение.

Услышав это, одна из сидевших в кругу молодых особ промолвила:

— Неужели Мурасаки Сикибу не читала и не декламировала время от времени «Лотосовую сутру»?

— Ну что тут сказать... Весьма печально... Даже такие недостойные люди, как мы, непременно делаем это ради обретения благополучия в грядущем рождении. Ведь тот, кто по воле случая послушает меня, непременно решит, что я — легковесное создание, не знавшее истинных чувств. Оттого я испытываю всякий раз стремление обращаться к «Лотосовой сутре», твердить ее неустанно, пусть даже принуждая себя. Как такая женщина, как Мурасаки Сикибу, могла поступать по-другому?

— Но в действительности вера ее была необычайно глубокой, беспрестанно думала она о том, что станет с ней после смерти. Денно и ночью возносила она молитвы Будде, считая, что душе не должно излишне заботиться о делах этого мира⁷³.

[«Гэндзи моногатари»]

— И все-таки поистине необыкновенным представляется появление «Повести о Гэндзи»... Кажется, что создание ее в наш век было предопределено еще в прошлой жизни. И правда, она будто явилась благодаря вознесению молитв Будде⁷⁴. После «Гэндзи» сочинять повести, должно быть, стало намного проще. Возможно, из-под чьей-либо кисти выйдет произведение, кото-

рое превзойдет «Повесть о Гэндзи», ведь его создатель будет уже знаком с ней. Однако творцом такой великолепной повести, как «Гэндзи», стал человек, знавший лишь несколько произведений — «Уцухо», «Такэтори», «Сумиёси»⁷⁵. Едва ли такая повесть могла принадлежать кисти человека посредственного...

И снова послышался тот же молодой голосок:

— А я до сих пор не читала повести... Как это досадно! Не могли бы вы рассказать о ней?! А я внимательно послушаю...

— Возможно ли пересказать столь длинное произведение по памяти?⁷⁶ Лишь вновь вчитавшись в его строки, я, пожалуй, поведала бы вам о нем.

Но девушка просила, не скрывая своего любопытства:

— Как бы там ни было, прошу вас, расскажите о нем в этот вечер!

— И действительно, беседа о повести, должно быть, скрасит наш вечер и избавит от скуки, — согласились остальные дамы.

[Главы «Гэндзи моногатари»]

— Какая из глав повести вызывает у вас восхищение, пленяет сердце утонченной прелестью?

— Не найти, должно быть, в «Повести о Гэндзи» более прекрасной главы, чем «Павильон павлоний». Начиная со слов «При каком же Государе то было?..⁷⁷ вплоть до рассказа о совершении обряда Покрытия главы Гэндзи⁷⁸, вся она — ее содержание и манера повествования — проникнута печальным очарованием.

— Кажется, немало весьма интересных мест есть в главе «Дерево-метла», в той части, где герои дождливым вечером обсуждают дам⁷⁹.

— Глава «Вечерний лик»⁸⁰, наполняющая сердце сочувствием, вероятно, самая волнующая из всех.

— Главы «Праздник алых листьев»⁸¹ и «Праздник цветов»⁸² каждая по-своему восхищают утонченной красотой и глубиной, невозможно подобрать слова, чтобы описать их.

— Полна интереса и глава «Мальвы»⁸³, что пленяет особым очарованием.

— Сцена отправления в Исэ в главе «Священное дерево сакаки» исполнена изящества и обаяния⁸⁴. Чрезвычайно волнителен момент, когда Фудзицубо изволила постричься в монахини после кончины Государя-инока⁸⁵.

— Не может не взволновать сердце глава под названием «Сума». Описание отъезда Гэндзи из столицы⁸⁶, его жизни в тех местах, где он изволил останавливаться во время путешествия, особенно проникновенно.

— В главе «Акаси»⁸⁷ Гэндзи изволил переправиться из одной бухты в другую, а затем оставил и последнюю, чтобы направиться в столицу. Покидая бухту Акаси, он так сложил:

Мияко идэси	«Когда-то весной
Хару но нагэки ни	Покидал я столицу, но, право,
Оторамэ я	Даже тогда
Тоси фуру ура о	Так не сжималось сердце,
Вакарэнуку аки	Как в этот осенний день» ⁸⁸ .

Уезжая тогда из столицы, Гэндзи, очевидно, был уверен, что это не навсегда. Он не сомневался, что вернется обратно, и эти мысли, должно быть, согревали его душу. «Но доведется ли вновь увидеть этот край, бухту Акаси?» — Гэндзи, вероятно, понял, что такого случая больше не представится, оттого и не мог долго отвести глаз от всего, что стало милым ему в этой стороне. Как это естественно!

— Особым очарованием проникнута глава «В зарослях полыни»⁸⁹.

— Переживания Мурасаки в главе «Утренний лик»⁹⁰ достойны искреннего сожаления...

— В семнадцатой книге⁹¹ захватывают и вызывают восторг такие главы, как «Первая песня»⁹² и «Бабочки»⁹³.

— В описании сцены утра после урагана в главе «Пронизывающий поля»⁹⁴ немало чарующих моментов. Она полна изящества и интереса.

— Глава «Листья глициний»⁹⁵, повествующая о том, как сбылись чаяния героев, безмерно радует сердце.

— В первой и второй частях главы «Первая зелень»⁹⁶ рассказывается о череде волнительных событий, но даже, невзирая на это, в столь объемной главе имеются очень любопытные места.

— Невыразимо печальна в главе под названием «Дуб» сцена кончины Уэмон-но Ками⁹⁷.

— Главы «Великий закон»⁹⁸ и «Кудесник-даос»⁹⁹, состоящие сплошь из грустных происшествий, оставляют осадок горечи в душе.

— Главы, раскрывающие историю в Удзи¹⁰⁰, обликом отличны от главы «Ладья на волнах»¹⁰¹. Выделяются они также мане-

рой повествования и многим другим... Между тем, рассказ о Нака-но Кими и ее старшей сестре, покинувшей мир, исполнен глубокой печали.

[Изысканно-утонченные женщины]

— А каких героинь повести вы назвали бы самыми изысканно-утонченными дамами? — поинтересовалась у своих собеседниц все та же молодая особа.

— Кирицубо-но Ко:и¹⁰², Фудзицубо-но Мия¹⁰³. Задумчивая Аои-но Уэ¹⁰⁴. Без сомнения, Мурасаки-но Уэ¹⁰⁵. Изысканной красотой и утонченностью восхищает также дама по имени Акаси¹⁰⁶.

[Обаятельные женщины]

— Редким обаянием отличается Обородзукиё-но Найси-но Ками¹⁰⁷. Ведь это из-за нее Гэндзи вынужден был оставить столицу. Какой волнующий момент! Не менее трогательна сцена, когда Государь изволил спросить: «Кто же является причиной ваших слез?»¹⁰⁸ Асагао-но Мия¹⁰⁹, как кажется, присуща твердость характера. Несмотря на глубокие чувства, которые питал к ней Гэндзи, она так и не приняла его ухаживаний. Поразительно, как такая обаятельная особа могла оказаться столь непреклонной!

— Такой же неуступчивой предстает Уцусэми¹¹⁰, однако жестокосердие этой дамы характеризует ее лишь с дурной стороны. Не в меньшей степени способствует этому и то, что после принятия пострига она оказалась в числе тех дам...¹¹¹

— Одни говорят, что Уцусэми никогда всерьез не веряла свою судьбу Гэндзи, другие, что она полностью доверилась ему. Что же произошло на самом деле?

— В главе «Дерево-метла» сказано, что Уцусэми решила не полагаться на Гэндзи¹¹². Но иногда, вероятно, встречаются люди, ошибочно толкующие эту часть повести...

— Удивительным обаянием обладает старшая из сестриц, живших в Удзи!¹¹³ Среди прислужниц очень мила Тю:дзё:, что служила у госпожи Рокудзё:-но Миясудокоро.

[Приятные женщины]

— Ханатирусато¹¹⁴ — приятная дама. Она не отличалась красотой, но ее между тем жаловали в кругу тех особ, что почи-

тались красавицами. В обществе у нее была репутация дамы, нисколько не уступавшей этим благородным женщинам. Ханатурсато взяла на себя воспитание выделявшегося степенным нравом Дайсё:¹¹⁵ заменив ему мать. Этот поступок заслуживает одобрения.

— Так она стала воспитывать этого рассудительного юного господина, не так ли? Но как получилось, что приемной матерью сына такой блестящей дамы как Аои-но Уэ должна была стать столь неприглядная особа?! — возразила одна из собеседниц так сердито, что окружавшие ее девушки не смогли удержаться от смеха.

— Если скажу, что Суэцумухана¹¹⁶ тоже кажется мне милой дамой, вы, очевидно, станете осуждать меня... Однако ее твердая решимость не принимать предложение Дайни и во что бы то ни стало дожидаться Гэндзи¹¹⁷, не покидая родного поместья, пусть даже смерть ее настигнет там, безмерно волнует сердце... А появление Гэндзи, устремившегося к ней через густой кустарник и сложившего такие строки: «Осталось ли прежним сердце твое в зарослях буйной полыни...»¹¹⁸, делает эту госпожу особенно привлекательной среди других знатных особ. Едва ли возможно предположить, чтобы приключилась столь поразительная история даже с самой незаурядной, начиная с облика телесного, дамой... То, что случилось это с такой женщиной, как Суэцумухана, кажется даже более невероятным, чем если бы она стала Буддой!

— Госпожа Рокудзё:-но Миясудокоро, несмотря на то, что подчинена была власти злого духа, наводящего страх на окружающих¹¹⁹, представляется человеком утонченным, изысканным и приятным.

— Как мила вечно задумчивая Тю:гу:¹²⁰, дочь Рокудзё:-но Миясудокоро! Ее непременно следовало бы назвать в числе самых изящных дам повести... Однако я должна признать, что, возможно из зависти, мне не нравится чрезмерная забота о ней министра Гэндзи...

— К приятным дамам следует причислить и Тамакадзура-но Химэгими¹²¹. Все в ней на удивление-прекрасно — облик, черты лица и нрав... А не знавшая границ забота о ней двух министров¹²², каждый из которых достиг такого высокого положения в обществе, — это истинная благодать. Когда носила она

звание Распорядительницы женских покоев, своим покровительством ее удостоил государь Рэйдзэй. Должно быть, для нее лучше всего было бы стать госпожой северных покоев дома принца Хё:букё:-но Мия¹²³, питавшего к этой особе пылкие чувства в течение многих лет. Однако она стала супругой весьма неприятного господина Хигэкуро-но Дайсё: и, оказавшись под его неусыпным надзором¹²⁴, была лишена возможности видаться со своим приемным отцом, который всегда так чутко заботился о ней. Как грустно и досадно! Довольно странно, но она, кажется, совсем непохожа на Ю:гао. Едва ли из уст последней мы могли бы услышать подобные слова, произнесенные горделивой, отличающейся твердым характером Тамакадзура: «Не бывало в нашем мире такой отцовской любви...»¹²⁵ Ко всему прочему, с переездом на Цукуси, думается, ее положение в обществе стало заметно низким... Но несмотря на все это, большей частью она проявляла самые приятные стороны своей натуры.

[Женщины, достойные сожаления]

— Мурасаки-но Уэ — дама, вызывающая сочувствие. Стремившаяся всегда быть благосклонной к людям, она, к сожалению, была окружена самыми завистливыми из них... Все они порождают чувство неприязни — начиная с ее отца и заканчивая старым монахом¹²⁶. Холодность была свойственна и ее отношениям с приемной матерью, излишняя враждебность которой, должно быть, была связана с тем положением, которое удалось обрести Мурасаки¹²⁷.

— Искреннего сожаления достойна также Ю:гао. Ее дочь — блестящая, но в то же время ничем не напоминающая свою мать особа! Но даже если бы у нее не было такой дочери, это не могло бы умалять ее собственных достоинств. О дамах, подобных Ю:гао, вероятно, помнят и независимо от того, оставили ли они после себя след, покинув этот мир¹²⁸, или нет...

— Супругу степенного господина Дайсё:¹²⁹ Фудзи-но Ураба-но Кими¹³⁰, никак не назовешь утонченной дамой, однако, с юных лет Дайсё: привязался к этой несчастной госпоже, пробудившей в нем глубокое чувство.

— Сочувствием переполняет сердце образ Нака-но Кими из Удзи...¹³¹ Вначале так и подумать о ней было нельзя, но когда принц Хё:букё:-но Мия стал зятем господина Дайсё:¹³², ее тер-

зания, превратившиеся в настоящую пытку, породили чувство жалости к ней... К тому же, всякий раз, когда читаешь сложенную ею песню: «Ужель аромат случайный им может грозить разлукой?»¹³³, совершенно невозможно удержаться от слез!

— О принцессе Оннасан-но Мия¹³⁴ можно также сказать, что она производит жалкое впечатление... Горечь наполняет сердце, когда произносит она: «Хочешь, наверное, чтоб мои рукава промокли...», «Так говорят: «Дождись же луны...»¹³⁵ Ее легкомысленные и излишне игривые речи оставляют неприятный осадок в душе. Подобные ей дамы кажутся милыми именно оттого, что ведут себя по-детски непосредственно, не таясь открытости своего сердца... То, что в руки к министру попало то досадное письмо¹³⁶, — не что иное, как проявление этих душевных качеств... Когда узнала она о том, что супругу стало известно о тайной ее связи, ей непременно следовало настоять на прекращении их встреч, даже несмотря на то, что Гэндзи не стремился оставить ее. Но Третья принцесса не переставала окутывать его сетями обольстительных слов, пробуждая в нем еще большую привязанность, что привело к тем печальным событиям...¹³⁷

— Тэнараи-но Кими¹³⁸, иначе и не скажешь, — весьма отталкивающая особа... Бесконечно терзаемая гнетущими мыслями, она так сложила:

Канэ но ото но	«Звон колокольный,
Таюру хибики ни	С моими стенаньями слившись,
Нэ о созтэ	До тебя долетит,
Ва га ё цукину то	И ты узнаешь: к концу
Кими ни цутаэ ё	Подошел мой срок в этом мире».

Она бросилась в реку... Какой невыразимо печальный поступок!¹³⁹

Узнав о ее связи с принцем Хё:букё:, Дайсё: Каору изволил написать к ней:

Нами коюру	«До сих пор я не знал,
Коро томо сирадэ	Что давно захлестнули волны
Суэ но мацу	Сосну на вершине.
Мацураму то номи	Верил я, что она и теперь
Омоикэру кана	Стоит, меня поджидая...» ¹⁴⁰

Однако дама, проявив несвойственное ей упорство, вернула послание обратно, приписав: «Вероятно, это письмо попало ко мне по ошибке...»¹⁴¹.

[Мужчины]

И вновь та же девушка¹⁴² спросила у своих собеседниц:

— Кого бы вы могли выделить среди мужчин-героев повести?

— Бессмысленно вновь стараться перечислить все хорошие и дурные поступки министра Гэндзи, потому не станем и говорить об этом, хотя, с другой стороны, надо признать, что моментов, когда он мог бы поступить иначе, было достаточно много...

Прежде всего скажу о нем и министре О:утияма...¹⁴³ С юных лет они с Гэндзи были неразлучны и доверяли друг другу свои помыслы. Говорит об этом и их беседа дождливым вечером¹⁴⁴, и сложенная министром песня:

Моротомо ни	«Вместе с тобой
О:утияма о	Покидали Дворцовую гору,
Идэцурэдо	Но не знаю, когда
Юку ката мисэну	От меня ты скрылась украдкой,
Идзаёи но цуки	Луна шестнадцатой ночи!» ¹⁴⁵

А также тот случай, когда он перепугал Гэндзи, выхватив свой меч на глазах у Гэн Найси-но Сукэ¹⁴⁶. Пожалуй, не стоит вспоминать все похожие случаи до единого... Более всего о глубине чувств министра к своему другу мы узнаем, когда он изволил навестить Гэндзи в его временном пристанище в Сума, не взирая на шумиху, которая поднялась в мире вокруг его имени¹⁴⁷. Сколько бы времени не прошло, разве возможно позабыть такое? А вот Гэндзи поступил дурно, взяв на воспитание приемную дочь, особенно не задумываясь о последствиях¹⁴⁸. Возникшее между ней и дочерью министра соперничество производит крайне отталкивающее впечатление. Во время выставки-конкурса картин команда последней потерпела поражение, ведь тогда их соперники предъявили два свитка с видами Сума...¹⁴⁹ Это не может вызвать ничего, кроме досады.

— К тому же, когда Гэндзи отправился в Сума, он не взял с собой Мурасаки-но Уэ, сердце которой разрывалось от тоски... Должно быть, он намеревался всецело посвятить себя духовному очищению, но при этом, став зятем Вступившего на Путь из Акаси¹⁵⁰, отдался музицированию на *кото*, присоединившись к монаху, игравшему на *бива*. Кажется, ничто не тревожило его сердце...

— Когда Гэндзи, казалось, остыл к бесчисленным любовным похождениям и остепенился, будучи уже далеко не молодым человеком, он вновь вернулся к прежнему образу жизни — взял в супруги принцессу Оннасан-но Мия, как будто бы был еще юношей¹⁵¹. Неподобающее поведение... Прознал он о ее тайной связи с Уэмон-но Ками, который страшно опасался гнева Гэндзи и не смел показаться перед ним. Но тот все же заставил его явиться к себе. Разговаривая с Уэмон-но Ками, Гэндзи, словно насмехаясь, в конце концов погубил его своим презрительным отношением¹⁵². Какое неслыханное бессердечие! Для человека его положения ему не достаёт сдержанности...

— Принц Хё:букё:-но Мия¹⁵³, похоже, не слишком задумывался над тем, благородны или дурны его поступки. Между тем, среди многочисленных братьев особенно тесная связь у министра Гэндзи была именно с принцем Хё:букё:¹⁵⁴, которого призывал он прежде других, дабы испросить совета по какому бы то ни было делу. Это говорит о его утонченной натуре. А то, что не сумел он завоевать сердце Тамакадзура¹⁵⁵ — о его излишней робости.

— Министр О:утияма — очень хороший человек. Его визит к Гэндзи в Сума — поистине замечательный поступок. Жалость просыпается к степенному господину, которого министр заставил страдать своим отказом, однако на это у него были причины, понятные каждому из нас...¹⁵⁶ Сердце его вскоре смягчилось, от былой неуступчивости не осталось и следа, он дал свое согласие¹⁵⁷, что характеризует министра как чрезвычайно великодушного человека.

— Благодетель Дайсё:¹⁵⁸ не по годам разборчив¹⁵⁹, обычно это не свойственно молодым людям... Но, несмотря на недостаток юношеской пылкости, в том, что касается таких качеств, как преданность и сдержанность, он явно превосходит министра¹⁶⁰. Ни одно из различных предложений не нашло отклика в его сердце¹⁶¹, Дайсё: терпеливо продолжал ждать, когда ему будет позволено навещать госпожу Фудзи-но Ураба¹⁶². Редко встретишь такого преданного человека! Думается, что даже женщине было бы не под силу выдержать столь долгое ожидание... Оправдывая сложившееся о себе мнение, Дайсё: вел жизнь верного супруга, однако, став старше, ни с того, ни с сего принялся вдруг наносить визиты госпоже Отиба, чем запят-

нал имя преданного мужа¹⁶³. Кто бы мог подумать, что Дайсё: так переменится?!

— Касиваги-но Уэмон-но Ками вначале представляется очень хорошим человеком. О том, что выделяется этот господин среди других героев повести, можно судить, начиная с отрывка, где назван он «бурным потоком, бегущим меж камней...»¹⁶⁴, до момента, когда Дайсё: получил позволение навещать Фудзи-но Ураба. Что же касается истории с принцессой Оннасан-но Мия, то его увлеченность этой особой, которая стоила ему жизни, заслуживает порицания¹⁶⁵. В одной из сцен он и Дайсё: лицезрели принцессу, однако, если последний смутился, оказавшись в таком положении, то Уэмон-но Ками, томившийся от любовной тоски, не мог отвести от госпожи глаз. Как это, право, неловко!¹⁶⁶ Поистине очарователен Дайсё:, когда мельком увидел он госпожу Мурасаки-но Уэ¹⁶⁷ и когда созерцал утром то, что оставил после себя ураган...¹⁶⁸ Сцена кончины Уэмон-но Ками проникнута глубокой, горькой печалью, в то же время его размышления о судьбе и своем месте в жизни, наполненные невыразимым отчаянием, никак нельзя назвать достойными этого господина. Как могла овладеть им такая мучительная тоска?¹⁶⁹

— Его младший брат, старший советник по имени Ко:бай¹⁷⁰ во время состязания в «закрывание рифм»¹⁷¹ исполнил песню «Высокие дюны»¹⁷², а в ту пору, когда именовали его Бэн-но Сё:сё:, — песню «Тростниковая изгородь» в главе «Листья глициний»¹⁷³, обнаружив тем самым свои выдающиеся способности. Между тем, на исходе лет, когда Гэндзи оставил этот мир, он начал кичиться своими талантами¹⁷⁴, питая зависть к Каору Дайсё:, который стал зятем Государя¹⁷⁵. Его жалобы и недовольство раздражают!¹⁷⁶

— Говорят, что молодых людей заботят лишь любовные похождения, что само по себе естественно... Однако распутный образ жизни Ниоу Хё:букё:-но Мия¹⁷⁷, выходящий за рамки дозволенного, ни в коей мере не соответствует человеку его положения... Особые отношения связывали его с госпожой Мурасаки-но Уэ, оттого и переехал он в дом на Второй линии¹⁷⁸. Как это трогательно и печально...

— У Каору Дайсё:, кажется, нет недостатков, он великолепен с самого начала и до конца... И даже если бы он был родным сыном блистательного Гэндзи¹⁷⁹, в это трудно поверить, когда

вспоминаешь о такой ненадежной особе, как его мать...¹⁸⁰ Если бы ею была Мурасаки, это, наверное, было бы так естественно...¹⁸¹ И среди героев повестей, и среди людей, живших в прошлом и окружающих нас ныне, не сыскать такого человека!

— Это, конечно, так, однако, не кажется ли вам, что ему также не достает серьезности в отношениях с теми, с кем он сблизился?¹⁸² Весьма досадно, что Укифунэ-но Мия¹⁸³ и Сумори-но Нака-но Кими¹⁸⁴ считают, будто он еще хуже, чем принц Хё:букё:...¹⁸⁵

— В том нет вины господина Дайсё:!. Причиной всему служит поведение тех женщин, помышляющих лишь о любовных наслаждениях. Сумори-но Нака-но Кими — утонченная натура, очевидно, поэтому ей представлялось, что Ниоу и Каору, которых можно уподобить вишне и сливе, — превосходят всех мужчин¹⁸⁶.

[То, что исполнено печали]

Тогда девушка¹⁸⁷ сказала:

— Теперь и мне кое-что известно о героях этой повести... А сейчас расскажите о тех ее частях, что вызывают печаль в ваших сердцах, и о тех, что кажутся особенно восхитительными и полными очарования!

— Вы, похоже, не оставите нас, пока не удовлетворите свое страстное желание узнать как можно больше... — улыбаясь, ответила одна из дам. — Глубоко трогает душу отрывок о том, как оборвалась жизнь Кирицубо-но Ко:и и Государь горько сокрушался об утрате возлюбленной. «Наверное, оттого, что воображение человека имеет предел, кисть [художника] не в силах передать [красоту] героини поэмы «Вечная печаль»¹⁸⁸. Государь же с тоской вспоминал ту, другую, что была уступчивей травы, гнущейся под напором ветра, прекраснее гвоздик, покрытых росой, — такую кроткую и нежную госпожу, рядом с которой тускнели даже цветы и пение птиц не казалось столь сладостным...

Тадзунэюку	«Будь у меня
Мабороси мо гана	Даос, готовый отправиться
Цутэнитэмо	На поиски мидой,
Тама но арика о	Я хотя б от него узнал,
Соко то сирубэку	Где душа ее обитает», —

так сложил Государь и, не смыкая глаз, [долго] смотрел куда-то вдаль, пока не угас сиротливый фонарь»¹⁸⁹, — примерно так го-

ворится в повести¹⁹⁰. По одному только этому отрывку можно судить, насколько хороши все шестьдесят глав произведения...¹⁹¹

— Также сильно волнует сердце сцена кончины Ю:гао. Небо затянулось тучами, налетел холодный ветер... Одолеваемый горькими думами Гэндзи, всматриваясь вдаль, сложил:

Миси хито но	«Почудилось вдруг:
Кэбури о кумо то	То не туча вдали, а дым
Нагамурэба	От костра погребального...
Ю:бэ но сора мо	И таким неожиданно близким
Мучумасики кана	Ночное покажется небо» ¹⁹² .

«Так, самые длинные ночи...»¹⁹³ — изволил добавить он.

— Смерть Аои-но Уэ безмерно печальна. В ночь свершения погребальных обрядов скорбь министра, ее отца, словно блуждавшего во мраке отчаяния¹⁹⁴, кажется такой естественной... Облачаясь в серое платье, Гэндзи думал: «Если бы я ушел из жизни прежде нее, одежды на ней были бы темнее...» и вслух произнес:

Кагири арэба	«Обычай велит,
Усудзумигоромо	Чтобы светлым было мое
Асакэрэдо	Одеяние скорби.
Намида дзо содэ о	Но слезы в два омута темных
Фути то насикэру	Превратили мои рукава...» ¹⁹⁵

— А в той сцене, когда подул пронизывающий ветер и внезапно хлынул ливень, борясь со слезами, он сказал, будто бы про себя: «Дождем ли, облаком ныне стала она — не знаю...»¹⁹⁶ К нему пришел То:-но Тю:дзё:, и Гэндзи так сложил:

Миси хито но	«Та, что рядом была,
Амэ то нариниси	Стала тучей, и льется на землю
Кумоисазэ	Нескончаемый дождь.
Итодо сигурэ ни	Никогда не бывало столь мрачным
Какикуруасу кана	Небо в пору осенних ливней...» ¹⁹⁷

Сердце его сжалось от тоски, когда увидел он, как горько плачет та миловидная девочка, платье которой было темнее траурных одеяний дам... Она была любимицей госпожи, покинувшей мир¹⁹⁸, и потому Гэндзи, стараясь успокоить девочку, пообещал ей: «Положись на меня, я о тебе позабочусь». От этих слов бедняжка заплакала пуще прежнего... Как печально! После того, как дни траура по усопшей подошли к концу, Гэндзи из-

волил покинуть дом ушедшей супруги. Очень грустно, что дамы, прислуживавшие ей все эти годы, также нехотя оставили его, решив: «Уедем ненадолго...»¹⁹⁹ Все в этой главе²⁰⁰ трогательно-печально — и та сцена, когда министр не смог сдержать слезы, бросив взгляд на листы, исписанные упражнявшимся в каллиграфии Гэндзи...²⁰¹

— Так же сильно заставляет биться сердце сцена расставания перед отъездом Гэндзи в Сума. Он пришел в дом, где жила Аои-но Уэ, чтобы попрощаться.

Торибэяма	«С горы Торибэ
Мозси кэбури мо	Поднялась струйка дыма к небу.
Магау я то	Может быть, этот дым
Ама но сио яку	Мне удастся увидеть опять
Урами ни дзо юку	У залива, где соль добывают», ²⁰² —

произнес Гэндзи.

— Причесываясь перед зеркалом и вглядываясь в свое отражение, он заметил, что сильно похудел, и черты его стали еще более утонченными. «Неужели я и в самом деле такой худой, как в этом зеркале?» — удивился он и сложил:

Ми ва какутэ	«Пусть меня самого
Сасуразну томо	Ждут долгие годы скитаний,
Кими га атари	Рядом с тобой
Сарану кагами но	Останется зеркало это,
Кагэ ва ханарэдзи	А в нем — отражение мое» ²⁰³ .

Глазами, полными слез, посмотрела на него Мурасаки-но Уэ и ответила:

Вакарутомо	«Когда бы со мной
Кагэ дани томару	В дни разлуки твое отражение
Моно нараба	Остаться могло,
Кагами о митэ мо	Я бы, в зеркало это глядя,
Нагусаминамаси	Забывала о горе своем» ²⁰⁴ .

— Оказавшись у Нижнего святилища Камо, Гэндзи произнес, прощаясь с божеством:

Укиё оба	«Так, настала пора
Има дзо вакаруру	С горестным миром расстаться.
Тодомараму	Имя свое
На оба тадасу но	Вверив богу Тадасу ²⁰⁵ ,
Ками ни макаэтэ	Отправляюсь в далекий путь...» ²⁰⁶

— На рассвете, когда Гэндзи покидал свой дом, Мурасаки-но Уэ изволила сложить:

Осикарану	«Мне жизни не жаль,
Иноти ни каэтэ	Отдала бы ее без сомнений,
Мэ но маэ но	Когда б этой ценой
Вакарэ о сибаси	Могла хоть на миг отдалить
Тодомэтэ сикана	Грозящую нам разлуку» ²⁰⁷ .

Слишком вызывающие строки!²⁰⁸

— Вот Ханатирусато, дама, которую никак не отнесешь к числу посредственных особ, изволила сложить такую песню:

Цукикагэ но	«Знаю, слишком узки
Ядорэру содэ ва	Мои рукава, приютившие
Сэбакутомо	Сиянье луны,
Томэтэ мо мибая	И все же о том лишь мечтаю,
Акану хикари о	Как подольше его удержать» ²⁰⁹ .

— Наконец, Гэндзи достиг бухты Сума... Глядя на волны, что, ударяясь о берег, стремились вернуться обратно, он вспомнил строки: «О, как завидно мне волнам тем...»²¹⁰ А потом произнес:

Нагамуру сора ва	«Но разве теперь над нами
Онадзи кумои ни	Не та же обитель туч?» ²¹¹

— И снова, когда подул осенний ветер, навевающий тревожные мысли, и морские волны, о которых наместник западных земель Юкихира сказал: «Нипочем им любые заставы...»²¹², казалось, шумели совсем рядом, Гэндзи изволил сочинить:

Коивабитэ	«Чудится мне
Наку нэ ни магау	Чей-то плачущий голос далекий
Уранами ва	В плеске волны.
Омоу ката ёри	Не оттуда ли дует ветер,
Кадзэ я фукураму	Куда мои думы стремятся?» ²¹³

— А когда затосковал он по прошлой своей жизни в столице и вспомнил, как в Пятнадцатую ночь Восьмой луны²¹⁴ веселятся во дворце и повсюду любуются луной, произнес, не отрывая глаз от лунного лика: «Сердце мое со старым другом — за две тысячи ли...»²¹⁵

— «Наверное, у Южного дворца уже расцвели вишни...» — подумалось как-то Гэндзи, а перед мысленным взором его предстало прошлогоднее празднество цветов, облик отца и Государя, изволившего прочесть стихотворение²¹⁶:

Ицу то нау	«Я и раньше с тоской
О:миябито но	Вспоминал изящных придворных,
Коисики ни	Так могу ль не вздыхать
Сакура кадзасиси	В этот день, когда люди в столице
Кё: ва киникэри	Украшают себя цветами?» ²¹⁷

— Немало волнующих сцен связано также с приездом господина О:утияма в Сума. Он и Гэндзи слагали песни и обменивались китайскими стихами, полными горечи от предстоящей разлуки²¹⁸.

— В Акаси Гэндзи изволил написать госпоже из дома на Второй линии²¹⁹ послание, более длинное, чем обыкновенно...

Сиосио то	«Из глаз моих слезы
Мадзу дзо накаруру	Текут бесконечным потоком.
Карисомэ ни	Напрасно рыбак
Мирумэ ва ама но	Обрести утешенье пытался,
Сусами нарэдомо	Мимоходом сорвав встреч-траву».

Она же ответила ему:

Уранаку мо	«Ты поклялся, и я
Таномикэру кана	Ждала, простодушно надеясь,
Тигириси о	Что и вправду волне
Мацу ёри нами ва	Никогда захлестнуть не удастся
Коздзи моно дзо то	Сосну на вершине горы...»

Какой печально-трогательный момент!²²⁰

— Смерть Касиваги-но Уэмон-но Ками никого не может оставить равнодушным... Он решил отправить письмо Третьей принцессе, но руки его дрожали, и перенести на бумагу все свои мысли он не сумел.

Има ва тотэ	«Ждать недолго уже —
Мозму кэбури мо	От костра погребального к небу
Мусубоорэ	Вознесет дымок.
Тазну оmoi но	Ужель и тогда не угаснет
Нао я нокораму	Пламя моей любви?» —

написал он и добавил: «Разве я не в праве рассчитывать хотя бы на участие? Одно ваше слово принесло бы моему сердцу покой, осветило бы кромешный мрак, на блуждание в котором я обрек себя»²²¹. Ответ принцессы был таким:

Татисоитэ	«Вместе с тобой
Киэясинамаси	Я желала б из мира исчезнуть.
Уки кото о	Люди тогда бы,

Оmoi мидаруру
Кэбури курабэ ни

Струйки дыма сравнив, увидели,
Кому больше пришлось страдать».

Она также приписала: «Неужели вы думаете, что я задержусь здесь надолго?»²²² Такое отношение принцессы к Уэмон-но Ками вызывает отвращение!

— На министра, отца его²²³, нахлынули воспоминания об ушедшем сыне... Он поднял глаза к небу, которое, затянувшись к вечеру тучами, стало зеленовато-серым. Только сейчас заметил он, что с вишен уже осыпались цветы, и так изволил сложить:

Коно сита но
Сидзуку ни нурэтэ
Сакасама ни
Касуми но коромо
Китару хару кана

«Под деревьями
Стою, от капли промокший.
Этой весной
Разве мой подошел черед
Облачаться в платье из дымки?»²²⁴

Невыразимо печальные строки!

— Не стоит и говорить, насколько тяжела утрата Мурасаки-но Уэ... Степенный господин Ю:гири, вглядываясь в безжизненные черты лежавшей перед ним госпожи, произнес:

Инисиз но
Аки но ю:бэ но
Коисики ни
Има ва то мизси
Акэгурэ но юмэ

«Вспоминаю с тоской
Далекий осенний вечер,
И мучительный сон,
Увиденный в час предрассветный,
Час последней разлуки...»²²⁵

Должно быть, ему вспомнилось, как созерцал он ее образ в тот день, когда налетел «пронизывающий поля» ветер²²⁶.

— В главе «Кудесник-даос» рассказывается, как Гэндзи услышал голоса прислужниц: «Смотрите, сколько выпало снегу...» И досадные события того дня, когда тоже шел снег²²⁷, встали перед его мысленным взором. Чудилось ему, что это происходит сейчас... И сердце его сдавила мучительная тоска.

Укиё ни ва
Юкикизнаму то
Омоэдомо
Оmoi но хока ни
Варэ дзо ходо фуру

«Когда бы я мог,
Этот горестный мир покинув,
Исчезнуть-растаять.
Но, видно, мне жить суждено,
Хоть и к другому стремился...»²²⁸ -

произнес он.

— Убранство простых покоев казалось теперь Гэндзи таким унылым, и это было естественно... Его взгляд блуждал по ним, и грусть все сильнее проникала в его сердце.

Има ва тотэ	«Боюсь, без меня
Арасия хатэму	Быстро придет в запустенье
Накибито но	Весенний сад.
Кокоро тодомэси	А ведь когда-то так дорог
Хару но какинэ о	Был он сердцу ушедшей...» ²²⁹ -

сложил Гэндзи.

— А когда он принялся рвать письма госпожи, чтобы потом использовать бумагу для переписывания сутр, то сложил такую песню:

Какицумэтэ	«Что толку смотреть
Миру мо канасики	Теперь на травы морские?
Моσιοгуса	Пусть и они
Онадзи кумои но	Легким дымком вознесутся
Кэмури то мо нарэ	Туда же, к обители туч...» ²³⁰

Вся глава «Кудесник-даос» состоит из таких печальных сцен...

— Грустью наполняет сердце сцена кончины старшей из сестриц, живших в Удзи. Каору Дайсё: не изменил цвет своего платья, ибо связан был ограничениями в проявлениях скорби²³¹. Взглянув на черные одеяния дам, пользовавшихся особой благосклонностью ушедшей, он сказал:

Курэнаи ни	«Не тщетно ли
Оцуру намида но	Кроваво-алые слезы
Каинаки ва	Льются из глаз?
Катами но иро о	Окрасить им не удастся
Сомэнунарикэри	Платье в памятный цвет...»

Приподняв изголовье, он слушал звон колокола, доносившегося из горного храма. «Вот и этот день на исходе...»²³² — С горечью подумал он. — О, если бы она ожила!»²³³

— Каору присел на камни у ручья и долго был не в силах сдвинуться с места. Тогда он сложил:

Тазхатэну	«Светлые струи,
Симидзу ни надо ка	Как и прежде, бегут по саду,
Накихито но	Только вот почему
Омокагэ ода ни	Не сумели они сохранить
Тодомэдзарикуэму	Лица тех, кто ушел навсегда?» ²³⁴

Зависть и одновременно глубокую печаль пробуждают эти слова. Думается, тем, кого любили так горячо при жизни, и после смерти уготована лучшая участь.

[То, что вызывает восхищение]

— Восхитительна сцена, когда Гэндзи, покидая на рассвете тайно посещаемую им госпожу Рокудзё:, не смог устоять перед искушением и задержать у перил в углу галереи прислужницу Тю:дзё:, что вышла проводить его:

Саку хана ни	«Не хотел бы прослыть
Уцуру тё: на о	Я до новых цветов охотником,
Цуцумэдомо	И все ж не могу
Орадэ сугиуки	Сегодня мимо пройти,
Кэса но асагао	Не сорвав тебя, «утренний лик»...

«Что же прикажете мне делать?» — спросил Гэндзи и взял Тю:дзё: за руку. Она же ответила ему так, будто слова его относились к ее госпоже:

Асагири но	«Не дождавшись, пока
Харэма мо матану	Туман рассеется утренний,
Кэсики нитэ	Спешишь ты уйти.
Хана ни кокоро о	Похоже, что к здешним цветам
Томэну то дзо миру	Сердце твое равнодушно» ²³⁵ .

Замечательные строки!

— И еще. Когда проходил как-то раз Гэндзи мимо ворот дома одной из своих тайных возлюбленных, то велел сопровождавшему его приближенному, что обладал чудным голосом, несколько раз произнести:

Асаборакэ	«Когда на заре
Кири тацу сора но	Блуждаю в густом тумане,
Маёи ни мо	Даже тогда
Сугиукарикэру	Мимо ворот твоих,
Имо га кадо кана	Увы, не могу пройти».

К ним выслали миловидную служанку:

Татитомари	«Если даже туман
Кири но магаки но	Тебе помешать не смог
Сугиуку ва	Мой дом отыскать,
Куса но тодзаси ни	Разве путь преградит тебе
Савариси мо сэдзи	Этот замок из трав?» ²³⁶

— Пленяет своей прелестью и глава «Праздник цветов». В ней встречаются поистине очаровательные сцены, начиная с той, когда Обородзукё произнесла: «Луна в призрачной дымке — что может сравниться с ней?..»²³⁷

— А после того, как Государь изволил удалиться в горы, и Гэндзи вновь навестил эту даму спустя долгое время, он, боявшийся оказаться замеченным, так сложил:

Сидзумиси мо	«Не забыть никогда,
Васурэну моно о	Как тонул я в пучине бедствий,
Коридзума ни	Но, увы, тот урок,
Ми мо нагэцубэки	Видно, даром прошел, я готов
Ядо но фудзинами	Снова броситься в волны глициний» ²³⁸ .

До чего восхитительный отрывок!

— Удивительна сцена отправления принцессы в Исэ! Она исполнена благоговения.

Акацуки но	«В предутренний час,
Вакарэ ва ицумо	В час разлуки всегда выпадает
Цуюкэки о	Обильно роса.
Кова ё ни сирану	Но прежде таким печальным
Аки но сора канна	Не бывало осеннее небо...»

Отрывок, начинающийся со слов: «Дул холодный ветер; тоскливо, словно понимая, что происходит, звенели сверчки...»²³⁹, также необычайно хорош.

— Не могут не восхищать строки: «Никто до самого Исэ не спросит...»²⁴⁰

— Неповторимым своеобразием отличается рассказ о жизни Гэндзи в изгнании. Но мы уже немного говорили об этом ранее...

— А отрывок о том, как Гэндзи проезжал мимо усадьбы принца Хитати... «Как будто я уже видел когда-то эти деревья!» — подумалось ему. Он вышел из экипажа, Корэмицу шел впереди, расчищая дорогу. «Полынь вся в росе», — эти слова Корэмицу пробудили в Гэндзи воспоминания, и он с грустью сказал:

Тадзунэтэ мо	«Я пришел сюда сам,
Варэ косо товамэ	Чтоб узнать, осталось ли прежним
Мити мо наку	Сердце твое
Фуаки ёмоги но	В зарослях буйной полыни,
Мото но кокорю о	Заглушившей тропинки в лесу».

Они вошли в усадьбу, Корэмицу продолжал идти впереди, страхивая росу²⁴¹. Разве можно подобрать слова, чтобы выразить всю пленительность этой сцены?

— Как трогателен момент, когда утром после урагана благонаправный господин Дайсё: по просьбе Гэндзи отправляется про-

ведать дам! Среди них особым обаянием выделяются особы, прислуживающие госпоже Тю:гу:²⁴². Вызывает умиление также отрывок о том, как Дайсё: попросил у прислужниц маленькой госпожи²⁴³ тушечницу и бумагу, желая написать послание. Сомневаясь, может ли он позволить себе воспользоваться той тушечницей, которую ему принесли, Дайсё: решает, что так уж стесняться, должно быть, нет особой причины...²⁴⁴ А все потому, видно, что страстные чувства владели им тогда без остатка.

Кадзэ саваги	«Ветер бушует,
Муракумо маёу	Тучи блуждают по небу,
Ю:бэ ни мо	Но и сегодня
Васуруу ма наку	Не забываю тебя я,
Васураэну кими	Да и могу ли забыть?» -

Привязав письмо к стеблю мисканта, он распорядился о том, куда его следует доставить²⁴⁵. До чего трогательно!

— Много восхитительных мест есть и в главах, что посвящены истории в Удзи. Однако если станем говорить лишь о них, беседа эта наскучит нам.

[То, что рождает жалость]

— Искренняя жалость просыпается к Мурасаки-но Уэ, когда Гэндзи покидает ее в главе «Сума».

— Чувство неловкости одолевает и тогда, когда читаешь в главе «Юная дева» обращенные к самой себе слова Кумои-но Кари, в мужа которой судьба уготовила обладателя лишь Шестого ранга²⁴⁶: «Сквозь туман пробираются гуси. Точно также и я...»²⁴⁷ «Откройте же! Нет ли там госпожи Дзидзю:-но Кими²⁴⁸?» — призывал Кумои-но Кари степенный господин, слышавший эти ее слова.

— В главе «Первая зелень» вызывает сожаление такая сцена. В предрассветный час Мурасаки-но Уэ лежит в одиночестве, ее мокрые рукава застыли от холода. Приблизившись к покоям супруги, Гэндзи постучал по решетке, однако, дамы, притворившись спящими, открыли не сразу²⁴⁹.

— Увидев вновь Нака-но Кими из Удзи, Каору Дайсё: так сложил:

Итадзура ни	«Напрасно, увы,
Вакэцуру мити но	Я с таким трудом пробирался
Цуюсигэми	По росистой тропе.

Мукаси обоюру	Гляжу на осеннее небо,
Аки но сора кана	А в сердце — тоска о прошлом...» ²⁵⁰

Но в то утро вернулся принц Хё:букё:... Он уловил подозрительный запах, что впитался в кожу супруги, которая предпочла не давать никаких объяснений. Тогда принц, полный негодования, сказал ей:

Мата хито ни	«Кто-то другой
Нарэкэру содэ но	Твоих рукавов коснулся,
Уцури ка о	Чужой аромат
Ва га ми ни симэтэ	Вдыхаю, и горькой обидой
Урамицуру кана	Полнится сердце».

Нака-но Кими ответила:

Минарэнuru	«Верила я:
Нака но коромо то	Твои рукава с моими
Таномэси о	Навеки сплелись...
Кабакари нитэ я	Ужель аромат случайный
Какэханарэнаму	Им может грозить разлукой?»

И заплакала...²⁵¹ Как же горько всякий раз при этом делается на душе!

[То, что производит неприятное впечатление]

— Неприятное впечатление производит признание Гэндзи, который сблизился с Акаси-но Кими тогда, как Мурасаки-но Уэ не смогла отправиться с ним в Сума. Он рассказал ей о той связи, хотя она и не просила об этом...²⁵² «Далеко уплывает ладья...» — произнесла она с обидой в голосе, когда Гэндзи показал ей лишь обертку от письма...²⁵³

— Неприязнь вызывает и его поступок во время выставки-конкурса картин — Гэндзи достал два свитка с видами Сума, которые он скрывал до этого от людских глаз²⁵⁴.

— Есть в повести и такие строки:

Хитори итэ	«Чем в столице одной
Нагамэси ёри ва	Изнывать от тоски неизбывной,
Ама но суму	Предпочла бы сама
Ката о какутэ дзо	Рисовать этот дикий край,
Мирубэкарикэру	Где у моря живут рыбаки.

Право, мне бы не было так одиноко...» — эти слова Мурасаки²⁵⁵, несомненно, можно было бы отнести и к тем отрывкам, что рождают жалость.

— Отталкивает от Гэндзи и то, что он связал себя обязательствами с Третьей принцессой, заставив страдать Мурасаки-но Уэ.

— А также то, что в первый день Нового года, отправившись с поздравлениями в женские покои, он решил остаться у госпожи Акаси, хотя и опасался навлечь на себя упреки других дам в самом начале года...²⁵⁶

— Как жаль, что в отношениях Гэндзи и министра О:утияма не осталось прежней теплоты...²⁵⁷

— Тамакадзура-но Кими стала госпожой северных покоев дома Хигэкуро-но Дайсё:. Действительно неприятно...²⁵⁸

— Удручает поворот событий в главе «Вечерний туман»... Дни Миясудокоро²⁵⁹ были сочтены. Она написала такое послание:

Оминаэси	«Что для тебя
Сиоруру нобэ о	Этот луг, где блекнет напрасно
Идзуко тотэ	Цвет девичьей красоты?
Хитоё бакари но	На одну недолгую ночь
Ядо о карикэму	Ты нашел себе здесь приют...»

Рокусисукусэ-но Уэ²⁶⁰ спрятала письмо, оттого и промедлили с ответом...²⁶¹

— Разочаровываешься в благонравном господине Дайсё:.. Он перевез в свой дом госпожу Отиба и сделал ее женой наравне с первой супругой²⁶².

[То, от чего приходишь в изумление]

— Невероятной представляется история о том, как Ю:гао оказалась во власти злого духа²⁶³.

— Министр, отец Обородзукиё-но Найси, обнаружил глубокой дождливой ночью в покоях своей дочери Гэндзи...²⁶⁴

— По вине Третьей принцессы на глаза Гэндзи попало послание Уэмон-но Ками...²⁶⁵

— Смятение охватывает и в тот момент, когда становится известно об исчезновении Тэнараи-но Кими... Если бы она достигла своей цели, бросившись в реку, то, стало быть, такова ее участь, но более жутким кажется как раз то, что ее, преследуемую злыми духами, обнаружили и спасли паломники, направлявшиеся в храм Хакусэ²⁶⁶.

— Отыскали бы мы еще отрывки — и те, что наполняют наши сердца восхищением, и те, что способны растрогать печальным очарованием, если бы обратились к самой повести. Трудно припомнить их все, опираясь лишь на память... Так поговорим же о повести за ее чтением в самое ближайшее время! Ведь когда касаешься только части произведения, разговор непременно оказывается самым поверхностным...

[«Сагоромо моногатари»]

— А какие из повестей, считаете вы, превосходят прочие и какие не достойны внимания? Прошу, расскажите!

— Перечислить их все по памяти также совсем непросто... — робко ответил кто-то.

— На второе место после «Повести о Гэндзи» ставят «Сагоромо»²⁶⁷. С самого начала — со слов: «Весна юных лет...»²⁶⁸ — «Повесть о Сагоромо» пленяет изяществом слога и кажется превосходным произведением. Между тем, рассматривая отдельные ее части, мы, пожалуй, не найдем отрывков, которые глубоко запали бы нам в душу. Более того, слишком много в ней и такого, без чего, думается, лучше было бы обойтись...

[Герои «Сагоромо моногатари»]

— Принцессе Иппон-но Мия не достает чувствительности и внешней привлекательности, однако, благородство и изысканность манер — несомненные ее достоинства. Если появляется в повести подобная героиня, то живет она в мире своих грез или же становится на путь религиозного подвижничества, что очень даже неплохо...²⁶⁹

— И принцесса Оннани-но Мия становится монахиней. Еще один очень радостный момент в повести! После того, как Иппон-но Мия стала супругой Сагоромо, он написал Второй принцессе:

Омоики я	«Думал ли я,
Мугура но кадо о	Что пройдя мимо этих ворот,
Юкисугитэ	Затерявшихся средь зелени буйной,
Куса но макура ни	Ту подушку из трав
Табинэсэму то ва	Сделаю приютом своим...» ²⁷⁰

Ответить на письмо изволил Государь:

Фурусато ва	«Жилище родное
Асадзи га хара то	Превратилось
Нарихатэтэ	В поле из высоких трав.
Муси но нэ сигэки	Повсюду звенят насекомые...
Аки ни дзо арамаси	Неужели осень пришла?!

Но сейчас так радостно на душе!»²⁷¹ Восхитительное послание!

— Как жаль госпожу О:мия²⁷², покинувшую этот мир... Разве может найтись человек, способный остаться равнодушным к тому, что произошло?²⁷³ Особенно трогают душу ее переживания [из-за дочери, ради которой] она готова была в один миг изменить свою жизнь. Горькой печалью исполнена сложенная ею песня:

Кумои мадэ	«Дотянись до
Оиноборанаму	Обители туч,
Танэ макиси	О, молодая сосна на вершине!
Хито мо тадзунэну	Хоть давший жизнь тебе
Минэ но вакамацу	Не стремится тебя навестить...» ²⁷⁴

Кажется естественным, что Вторая принцесса без колебаний решила отказаться от всего мирского...

— Принцессе Гэндзи-но Мия присуще особое очарование, но при этом глубокую симпатию эта дама не вызывает. Несколько задумчивая, она скорее достойна сожаления...

— Жалостью наполняет сердце и образ госпожи Митисибя²⁷⁵. Когда произносит она: «Будут ли высоки воды завтра...»²⁷⁶ или слагает песню:

Ама но то о	«Ушла нехотя я,
Ясураи ни косо	Отворив небесные врата», -
Идэси ка то	Если спросят тебя обо мне,
Ю:цугэдори ё	О, петух,
Товаба катаэ ё	Передай тому эти слова» ²⁷⁷ .

Печалью пронизаны и такие строки госпожи:

Хаяки сэ но	«Когда окажусь я
Соко но микудзу то	На дне среди сора морского,
Нариники то	Влекомого течением быстрым,
О:ги но кадзэ но	Хотела бы, чтоб ветер от веера моего
Фуки мо цутаэ ё	До него донесся...» ²⁷⁸

— А как волнительна сцена, связанная с записями, что были сделаны в Токива!²⁷⁹ Прекрасно все же быть горячо любимой таким человеком... От тревоги замирает сердце и становится

не по себе от той первой встречи, во время поездки в одном экипаже с монахом²⁸⁰. Но особенно грустно делается, когда узнаешь о событиях, приключившихся после этого — слуга Сагоромо обманом увозит госпожу. Незавидная ей выпала доля... Если бы жизнь ее не оборвалась так скоро, хотелось бы увидеть истинную глубину чувств, что испытывал к ней Сагоромо. Что ни говори, связь эта рождает самые грустные переживания...

[То, что кажется неуместным]

— Сцена, когда к Дайсё:²⁸¹ спускается Небожитель, очарованный его игрой на флейте.

— Явление бодхисаттвы Фугэн в храме Кокава²⁸².

— Отрывок о том, как божество святилища Камо отправило принцессе Гэндзи-но Мия письмо... Сны²⁸³, конечно, говорят нам о том, что случится в будущем, но это уж слишком чудная история...

— И о том, как в храме жрицы поднялся шум...²⁸⁴

— Но более всего досаду и удивление вызывает восхождение на престол Дайсё:... Есть в мире выдающиеся люди, которые обладают глубокой мудростью и талантами, но могут ли они заставить землю сотрястись шесть раз?²⁸⁵ Совершенно ужасно и неправдоподобно... Неуместным кажется даже присвоение Гэндзи титула отрекшегося Государя!²⁸⁶ Хотя он все же был принцем крови, и государь-монах Рэйдзэй Ин, узнавший о своем истинном происхождении²⁸⁷, обходился с ним очень почтительно. Потому считать это таким уж большим недостатком [произведения]²⁸⁸, очевидно, не стоит. Бывало, что и простого человека удостоивали положения удалившегося от дел Государя, однако здесь²⁸⁹ мы видим несколько надуманную ситуацию и простое подражание, оставляющее очень неприятное впечатление. Ведь Сагоромо не был сыном Государя, он приходился покойному Императору внуком, унаследовавшим имя от своего отца, министра. Крайне удивительное повествование! Созданное дамой, которая не отличается глубокой рассудительностью, оно совершенно не оправдывает ожидания... Даже министру был пожалован титул удалившегося от дел Государя, и величать его стали Хорикава Ин²⁹⁰. Среди повестей, считающихся сплошным вымыслом, эта занимает исключительное место...

[«Ёру-но Нэдзамэ»]

— В повести «Нэдзамэ»²⁹¹ мы также не найдем отрывков, которым отдали бы особое предпочтение. И хотя нет в ней ничего такого, что мы непременно назвали бы восхитительным, чувствуется, что вышла она из-под кисти человека, вложившего в него свою душу. Проникновенно рассказывает она об одной героине, не исчезающей из центра повествования с самого его начала. Редко встретишь произведение, способное так взволновать сердце.

[Сцены «Ёру-но Нэдзамэ»]

— Есть ли в этой повести отрывки, за чтением которых немало отдыхаешь душой? К тем же сценам, что порождают чувство беспокойства и держат в напряжении, глубоко проникая в сердце, относится, к примеру, эпизод, когда герой неожиданно обнаруживает, что допустил оплошность²⁹². Он так изумлен, что даже сердце, кажется, вот-вот выпрыгнет у него из груди... Ему доставляют такое послание:

Когі казри	«Когда направлял ты обратно
Онадзи минато ни	В гавань
Ёру фунэ но	Лодку свою,
Нагиса о сорэ то	Разве не ведал,
Сирадзу я арикэму	Что к тому же берегу пристанет она?» ²⁹³

— И еще... Когда эти события получили огласку²⁹⁴, Нака-но Уэ, помышлявшая о переезде в Хиросава, так сложила:

Тати мо и мо	«Крылом к крылу
Ханэ о нарабэси	Держалась вместе всегда
Муратори но	Та стая птиц.
Какару вакарэ о	Думала ли я,
Омоикакэки я	Что грозит им такая разлука?!» ²⁹⁵

— А когда снежной ночью герой прибыл в Хиросава²⁹⁶, и, ничего не добившись, со скверными чувствами и удрученным видом готов был повернуть обратно, прислужница Сё:дзё:²⁹⁷ произнесла, чтобы утешить его:

Мэгуриаваму	«Не стоит ждать
Ори о мо матадзу	Случайной встречи,
Кагири то я	Она не повторится вновь...» —
Омоихацубэки	Сомненья эти прогнать должен ты
Фуо но ё но цуки	Под этой зимней луной!»

Он сложил в ответ:

Коёи дани	«Даже в этот вечер
Какэханарэтару	Далека та луна,
Цуки о митэ	К которой мой взор устремлен...
Мата я ва аваму	Так стоит ли ждать новой встречи,
Мэгуриау ё о	Кто знает, возможна ль она?»

— Не покидали его и подозрения о том, что к героине не равнодушен Мия-но Тю:дзё:²⁹⁸, также отчаянно пытавшийся добиться свидания с ней.

— А та встреча героев незадолго до переезда Нака-но Уэ к Ои Кампаку...²⁹⁹ Избежать ее героиня была не в силах. Она робко прятала лицо за одеждами, когда Тю:нагон говорил ей о Химэгими³⁰⁰. Невыразимо грустный момент... Опустив подробности, напомним лишь еще об одной сцене — герой покидает дом Нака-но Уэ с первыми лучами солнца.

— Или такой отрывок. После того, как Ои Кампаку перевез ее в свой дом, она пребывала в весьма дурном расположении духа... Не в силах утешить ее, он в смятении отправился в Хиросава, к министру, чтобы испросить совета. Вступивший на Путь³⁰¹ также счел [ее поведение] никуда не годным и направил к ней Сайсё:-но Тю:дзё:³⁰², чтобы тот пристыдил ее. Подняв голову, она сосредоточенно внимала его словам. Однако чувствуя себя не в праве сказать что-либо в ответ, уклонилась от этого разговора, дабы избавиться от ощущения полной беспомощности. Какой трогательной она кажется, когда пытается скрыть лицо за руками...

— Когда Дайсё: стал отлучаться к принцессе Оннаити-но Мия³⁰³, Анэ-но Уэ написала ему:

Таэнубэки	«Не может быть у клятв твоих
Тигири ни каэтэ	Силы прежней...
Осикарану	[А если так], не жаль мне
Иноти о кё: ни	Жизни своей,
Кагиритэ сикана	Готова сегодня же расстаться с ней!» ³⁰⁴

Слезы неудержимым потоком льются из глаз ее, пробуждая искреннюю жалость.

— Уэмон-но Ками³⁰⁵ изволил навестить [Масако] и так сложить:

Самэгатаки	«Трудно воспрянуть ото сна
Цунэ ни цунэ наки	В этом мире,

Ё нарэдомо	Где все преходяще.
Мада ито какару	Однако никогда до сих пор
Юмэ о косо минэ	Не видел я подобного сна...

Масако ответил:

Какэтэ дани	«Отчего не допускал я
Омовадзарики я	Даже мысль,
Ходо мо наку	Что в миг один
Какару юмэдзи ни	Могу сбиться с пути,
Маёубэси то ва	Пребывая в этом сне?..»

— Кроме того, Масако сложил, узнав о том, что Уэмон-но Ка-ми стал монахом:

Корэ ва уки	«Признаю,
Юмэ о самасу то	Известие это
Иинагара	Пробудило меня ото сна,
Нао мо уцуцу но	Хотя сердце и ныне противится
Кокоти косо сэнэ	Назвать произошедшее явью...» ³⁰⁶

Необычайно печальные строки!

— Однако куда более неожиданной кажется связь между принцессой Оннасан-но Мия и Масако... Когда Государь запретил ему являться ко двору, он не находил себе места и, встретившись с Тю:нагон-но Кими³⁰⁷, передал принцессе письмо:

Фукихарау	«Опасаясь, буря эта
Араси ни вабитэ	Не даст удержаться мне на ногах.
Асадзиу ни	Не пожалеет она и росу,
Цую нокорадзи то	Что покрыла траву», —
Кими ни цутаэ ё	Госпоже передайте!»

Тю:нагон-но Кими [вернулась с таким ответом]:

Араси фуку	«Хотя разыгралась буря,
Асадзи га суэ ни	Заставив исчезнуть
Оку цую но	Росу, покрывшую
Киэкаэритэ мо	Кончики стеблей,
Ицу ка васурэму	Разве когда-нибудь позабуду тебя?» ³⁰⁸

— И вот, когда положение исправилось³⁰⁹, и герои встретились вновь, Масако произнес:

Нагарауру	«Отчего поселилось во мне
Иноти о надо тэ	Отвращение к жизни своей,
Итоикэму	Что, казалось, долгою лет обернется?
Какару ю:бэ мо	Ведь те [счастливые] вечера случились,
Арэба арикэри	Потому лишь, что жив был тогда...»

Принцесса изволила ответить:

Кизнокору	«Продлись и мое существование
Ми мо цуки мо сэдзу	Так же долго, не встретив конца,
Урамэсики	Пробудила б я жалость в тебе,
Араба мата уки	И тревожные времена
Ори мо косо арэ	Поглотили б нас вновь...»

Бесконечно очаровательные и в то же время грустные слова!

[Герои, вызывающие восхищение]

— Первая принцесса³¹⁰ прекрасна — и обликом, и нравом!

— Не откажешь в доброте сердечной и Нака-но Уэ. Между тем, отношения ее с Дайсё: вызывают глубокое сожаление — герои обменялись клятвами, предавшись запретной страсти. Между ней и Анэ-но Уэ была настолько прочная связь, что сестры понимали друг друга с полуслова, однако младшая сторонилась старшей. Хотя, может быть, Нака-но Уэ питала к своей сестре другие чувства... Она твердо решила не писать в ответ ни единой строчки, но, когда судьба свела ее с тем несравненным господином после переезда в поместье Кампаку³¹¹, ей стоило большого труда превозмочь себя. Зная, что время от времени должна отправлять слугу обратно с ответом, она могла бы и не удержаться от сочинения слишком пылакого послания. «Как горько сделалось бы, если после этого исчезли бы все следы [присутствия его в моей жизни]», — так размышляла она беспрестанно. И мысли эти столь естественны!

— Постепенно она стала покоряться желаниям министра³¹². Отношения с Анэ-но Уэ улучшились. Вполне понятно, почему после этого она осознала, что поддерживать связь с Дайсё: будет все труднее и труднее... Когда Вступивший на Путь изволил дать министру согласие [на брак со своей дочерью], охваченный гневом Дайсё: готов был выкрасть Нака-но Уэ, воспользовавшись своим даром красноречия. Душа ее рвалась на части... Скорбные мысли овладели ею настолько, что, казалось, жизнь ее вот-вот оборвется. Но сильная духом Нака-но Уэ не поддавалась увещаниям Дайсё:, она устроила так, чтобы ни он, ни она сама не вызывали новые пересуды в их только что поухищем окружении. И героиня, наконец, почувствовала умиротворение. Поведение, свойственное поистине благородной даме! Ей следовало с самого начала привести мысли в порядок

и успокоиться. Унять свой стыд, чувствовать который заставили ее злоба и нападки со стороны кормилицы Бэн-но Мэното и старшего брата Сэмон-но Ками³¹³. Прекратить душевные терзания, которые рождала в ней Анэ-но Уэ и тянувшийся за сестрами шлейф сплетен.

— По всему видно, Нака-но Уэ принадлежала, конечно, к самым благородным особам! При этом она не стремилась ответить на чувства потерявшего из-за нее голову человека, который в растерянности не знал, как ему поступить... Она оставалась решительной и неприступной. Когда же начинала чувствовать, что интерес к ней вот-вот угаснет, готова была, вероятно, показать свою привязанность.

Кагири тотэ	«Стремится к концу
Омоитаэ юку	И наша связь
Ё но нака ни	В этом мире...
Надо намида си мо	Так почему слезам, что роняешь ты,
Цукисэдзаруаму	Не видно конца?»

На слова эти был такой ответ:

Кими ва са ва	«Вот так ты
Кагири то оmoi	Решил ограничить
Тазунари	Срок любви нашей.
Хитори я моно о	А мне остается в одиноких раздумьях
Омоисугосаму	Дни свои коротать...» ³¹⁴

Она, как будто, стремилась наполнить свою жизнь еще большей печалью...

— Это не так... Мысли героини были устремлены лишь к Вака Кампаку³¹⁵, к которому она чувствовала, вероятно, безграничную привязанность. С самого начала она знала, что их связь очень зыбкая, но в то же время совсем не поверхностная... Мне кажутся ее метания естественными, однако, есть, похоже, люди, которые и впрямь считают, что некоторые поступки Нака-но Уэ достойны лишь упреков. Они совершенно не понимают героиню!

— А как восхитителен герой по имени Сайсё:-но Тю:дзё:! Старший брат его, Эмон-но Ками, явился как-то к Нака-но Уэ с письмом от господина Дайсё:³¹⁶ и стал требовать от нее, подходя все ближе и ближе: «Должно быть, вы изволите дать ответ сегодня же...» Бесконечно радуют сердце слова Тю:дзё:, который заявил на это: «Даже если вы не напишите ответное пись-

мо именно сегодня...» Во всем, не только в этом, герой этот проявлял множество тонких душевных свойств.

[То, что внушает неприязнь]

— Отвратительны словесные нападки Эмон-но Ками и Бэн-но Мэното...³¹⁷

— От государыни О:мия³¹⁸ отталкивает ее не ведавшая границ решимость...

— И еще... Когда Кисаи-но Мия³¹⁹ была удостоена сана императрицы и наследный принц³²⁰ возведен на престол, Нака-но Уэ бесцеремонно произнесла:

Нэдзамэ сэси	«То, что в прошлом осталось,
Мукаси но кого мо	Обрывавшее сон мой,
Васуарэтэ	Позабылось...
Кё: но мадои ни	И вот, устремляется сердце
Юку кокуро кана	К тем, кто рядом со мной в этот день!» ³²¹

До чего неприятно!³²²

— А когда Кампаку изволил сказать: «Из-за меня связь эта причиняет лишь боль...», вмешался Дайсё:-но Уэ, так сложивший:

Мусасино но	«Равнина Мусаси –
Юэ номинарадзу	Не одна лишь причина
Эда фукаки	Пышных ветвей у деревьев...
Корэ мо тигири но	И это тоже
Ару то косо мирэ	Глубокой связью предопределено!»

Строки, вызывающие сильную неприязнь!³²³

— Весьма отталкивающее впечатление производит Нака-но Уэ. А мысли господина, что Уэмон-но Ками-но Уэ следует сказать также о том, каким образом [обстояли дела], вгоняют в краску³²⁴.

— Или вот еще... Нака-но Уэ исчезла, и Уэмон-но Ками сделался монахом... После этого Уэмон-но Ками-но Уэ, которую называли теперь Таи-но Кими, стал опекать господин. Даже забота о его сыне вызывала у нее отторжение — она вела себя, как хотела, не стесняясь собственной ревности³²⁵. Именно это заставляет отворачиваться от нее. Из дочерей своих ее особенно лелеял отец, министр, человек удивительно доброго нрава. Вот и изумляешься случившемуся — должно быть, столь досадные вещи предопределены судьбой...

— Неприязнь просыпается и к Кампаку³²⁶, которого также следовало бы отнести к перечисленным героям. Прежде других, повстречав Нака-но Уэ и проникшись к ней сильным чувством, он, однако, не считал эту связь глубокой, а свои редкие встречи с ней — наивысшим счастьем и подарком судьбы. Кампаку очень огорчает, когда язвит Нака-но Уэ, доверившись пустым слухам³²⁷. Тем самым он погрузил героиню в бездну горьких размышлений... Он ненадолго явился к ней в ту пору, когда она находилась в очистительном затворничестве после кончины государя-монаха Судзаку Ин, и стал пристрастно расспрашивать ее о письме, будто бы написанном ею в ответ на послание удалившегося от дел Государя³²⁸. Это пробудило в ней воспоминания о прошлом³²⁹, следов которого уж не было в ее нынешней жизни...

— Что ни говори, а его неспособность исторгнуть ее из своих мыслей в равной степени характеризует его как человека ни на что не годного...

[Недостатки]

— А теперь о весомых недостатках, которые, несомненно, имеются в этой повести. Героине, похоже, суждено было возвратиться к жизни³³⁰ — предопределено это было ее прошлым рождением, а потому здесь ничего и не скажешь... Однако даже после случившегося, когда господин³³¹ обнаружил ее, она не признавала, каким сильным потрясением явился ее поступок, который, как ей казалось, был лишь заурядным, неприметным действием в череде событий... Конечно, хлопотать за своих детей необходимо, но скрываться вот так — когда уж нет больше ставшего столь [близким] человека³³², а судьба и вовсе перестала благоволить тебе — очень уж дурно... Позднее, терзаемая мыслями о произошедшем с Масако, она даже написала послание Государю-монаху, что не может не вызвать сочувствие:

Тагуинаку	«От той, что ненавистна,
Укими о итои	Тяготам которой сравненья не сыскать,
Сутэси ма ни	Отказалась я.
Кими о мо ё о мо	Быть может, и Вы тем временем
Сомукиниси кана	Отвернулись от мира?..» —

такие волнующие строки сочинила она³³³.

— Если бы она совсем исчезла и не давала знать о себе министру, он расстался бы с жизнью — таков, наверное, был бы исход его переживаний... Когда и ему стало все известно³³⁴, он не нашел новость поразительной, выбивающейся из течения обыденной жизни. Беседуя с Нака-но Уэ, он плакал и смеялся, будто примеров случившемуся было уже немало в этом мире. Поведение этого героя ошеломляет и сбивает с толку...

[«Мицу-но Хамамацу»]

— А вот повесть «Мицу-но Хамамацу»³³⁵ не снискала, похоже, такого расположения, каким пользуются в мире «Нэдзамэ» и «Са-горомо», но, несмотря на это, все в ней мне кажется необычным, начиная с содержания и манеры повествования. Есть в этом произведении и то, что глубоко волнует сердце, и то, что притягивает своей утонченностью. Быть может, тому, кто сочиняет повести, следовало бы обратить внимание на эти особенности «Мицу-но Хамамацу». Повесть эта свежа по замыслу, стихи хороши, а Средний советник, человек чуткой души, изображен таким — взять, к примеру, его нрав — каким хочется его себе представлять; еще более восхищаешься, когда обнаруживаешь, что он, похоже, ни в чем не уступает Каору Дайсё:³³⁶

[Герои «Мицу-но Хамамацу»]

— В то утро, когда Средний советник увидел во сне своего отца, родившегося в новой жизни в Китае в облике принца, к нему явился Сайсё:-но Тю:дзё: и так сложил:

Хитори симо	«В одиночестве рассветы встречать
Акасадзи то омоу	Не придется мне, в том уверенность была...
Токо но уэ ни	Но до ложа моего
Омои мо какэну	Неожиданно донесся
Нами-но ото ка на	Шум волн...»

Описание событий, следующих за этой сценой, вплоть до отъезда главного героя в Китай, превосходно!³³⁷

— В Китае во время торжественной трапезы, что была устроена в Пятнадцатый день Восьмой луны, Государь изволил предложить: «Пусть твой слух усадят звуки кин Коёкэн-но Ки-саки!³³⁸» Оставив без ответа слова государя, Тю:нагон выпрямился — его движения были воплощением изящества — и рит-

мично постукивая дощечкой³³⁹ и веером, запел «Благословенье»³⁴⁰. Правитель смотрел то на Коёкэн-но Кисаки, то на Среднего советника, любуясь обоими, — она была первой красавицей страны, а он, наверняка, — одним из самых выдающихся людей Японии — и размышлял: «Кажется, будто перед взором моим предстал лик луны и засияло солнце, что сошлись вместе... Как прекрасно и волнующе видеть такое!» Поистине великолепная, чарующая сцена!³⁴¹

— Весьма волнующей обернулась история с Го-но Кими, дочерью Великого министра... И не скажешь, что она сгорала от переполнявших ее чувств, когда провожала Среднего советника, поднявшись с ложа, поигрывая веером и сверкая драгоценными камнями украшений, закрепленных в волосах. Между тем, сожалея о будущей разлуке с Советником, намеревавшимся вернуться на родину, она сложила такие трогательно-печальные строки:

Катами дзо то	«Всякую ночь провожу,
Куруру ёгото ни	Созерцая лунный лик,
Нагамэтэ мо	Напоминающий мне о тебе.
Нагусамамэ я ва	Но разве смогу утешиться
Накаба нару цуки	Лишь половинкой луны?!» ³⁴²

Добравшись до Цукуси, Тю:нагон написал ей:

Аварэ ика ни	«Неизбывна печаль моя!
Идзурэ но ё ни ка	В какой теперь стороне
Мэгуриаитэ	Повстречаю случайно тебя?
Ариси ариакэ но	Полубуемся ли вместе предрассветной луной,
Цуки о мирубэки	Как бывало когда-то?..» ³⁴³

Стоит только представить, что испытывала Го-но Кими в ожидании этого послания, как сердце наполняется глубокой печалью...

— По-настоящему грустно делается вот от какой ее песни:

Конно ё ни мо	«По тому, кого не сыскать уж
Арану хито косо	В этом краю,
Коисикэрэ	Тоскую я...
Тама но кандзаси	Роскошные украшения
Нани ни ка ва сэму	Что могут сделать для меня?!»

Сложив песню, она остригла волосы, приняла постриг и затворилась далеко в горах³⁴⁴. Глубина ее душевных движений восторгает!

— Тайсё:-но Химэгими не назовешь сдержанной и глубоко-мысленной, но сложенные ею строки рождают в душе искреннее сочувствие:

Ика ни ситэ	«Что мне делать?
Ика ни ка субэки	Как следует поступить?
Нагэкиваби	Оставляю этот горестный мир —
Сомукэба канаси	Тоска поглотит,
Сумэба урамэси	Останусь — досада на судьбу одолеет...»

Какарэтомо	«Не для того ласкали [родители]
Надэдзарикуму о	Волосы мои...
Мубатама но	Словно черные ягоды тута,
Ва га куроками но	Их остриженные черные кончики
Согидзуэ дзо уки	Нагоняют печаль!»

Она остригла волосы, приняв монашеский облик...³⁴⁵ Безмерно грустно!

— [Образ] Дайни-но Мусумэ вызывает жалость, когда она произносит: «Волнуемая ветром листва *кудзу*»³⁴⁶ или слагает песню:

Тигириси о	«Не позабыть
Кокоро хитоцу ни	Сердцу моему
Васурэнэба	Кляtv, что дали мы друг другу!
Икага ва субэки	Но что теперь в наших руках?..
Сидзу но одамаки	Лишь пряжи клубок из минувшего...» ³⁴⁷

«Взял бы я тебя с собой, чтобы вместе скрыться от глаз людских!» — воскликнул Тю:нагон, и она кивнула головой в знак согласия³⁴⁸. Такое поведение этой простодушной молодой особы вызывает умиление.

— Не в меньшей степени достойна жалости и Ёсино-но Химэгими... Похищенная принцем Сикибукё: она в отчаянии взмолилась, не зная, что еще предпринять: «Извольте сообщить Среднему советнику...» Сочувствием полнится сердце, потрясенное этими событиями³⁴⁹. Также печальны ее слова:

Сидэ но яма	«Томясь от тоски,
Коивабицуцу дзо	Из гор страны мертвых
Каэри коси	Сумела вернуться я,
Тадзунэму хито о	Пока ожидала того,
Мацу то сэси ма ни	Кто мог навестить меня...» ³⁵⁰

[То, что лишено правдоподобия]

— Повесть эта и в самом деле замечательная — все в ней складывается так, как предполагаешь. Между тем, встречаются и места, наводящие на мысль: «Ах, лучше бы этого не было...»

— Повествование о том, как Средний советник узнает о новом рождении Сикибукё:-но Мия³⁵¹ в облике китайского принца и получает подтверждение тому во сне, до рассказа о его путешествии в Китай — превосходно! Но оказывается, что мать принца, Ко:ё:кэн-но Кисаки, — никто иная, как наложница самого государя — и это при том, что рождена она японкой и приходится старшей сестрой Ёсино-но Кими. Такое чрезмерное смешение в одно китайского и японского лишено правдоподобия.

— Или вот еще... Средний советник заслуживает самых лестных слов как человек рассудительный, разборчивый в своих связях, однако, ни одна из них не переросла у него в настоящий крепкий союз. Где бы ночь не застала его, он проводил ее в одиночестве — исход, не приносящий ничего, кроме разочарования. Слишком неправдоподобным кажется отрывок о том, как он вдруг услышал голос с неба, возвестивший ему: «Ко:ё:кэн-но Кисаки родилась к новой жизни на небесах То:ритэн»³⁵², а сон героя, из которого он узнал о том, что она теперь находится в утробе Ёсино-но Кими³⁵³, нарушает всякий порядок вещей. Пребывание на небесах То:ритэн должно длиться весьма долго, так как же подобная перемена могла случиться столь скоро? Все это как-то нелепо...

— Если повесть дурна с самого начала, недостатки этого рода остаются незамеченными, однако это произведение превосходно, потому и на слабые его места обращаешь такое внимание.

[«Тамамо»]

— А что вы скажете о «Тамамо»?³⁵⁴

— Пожалуй, нет в этой повести особенно проникновенных, запоминающихся мест. В то же время строки, открывающие ее: «Родители отчитывали меня за похождения, но...», как-то западают в сердце, и возникает непреодолимое желание узнать, о чем же это произведение...

— Чрезвычайно волнующим в этом сочинении оказывается образ Ёмоги-но Мия. Получив впоследствии должность Найси-

но Ками, она прислуживала и бывшему министру³⁵⁵; ее неспокойное рассеянное поведение причиняет досаду. Преимущественно изображена она человеком самых лучших качеств, между тем, вначале нрав ее и происхождение описаны туманно, что вызывает неприязнь... Очень жалкими кажутся монах Нори-но Си, Микосиба и другие герои, перечислять которых не хочется. И вообще, характер главных действующих лиц этой повести сильно отталкивает.

— Думаю, к такой особе, как Нё:го, которая произнесла: «Нет никого, кто в ожидании томился бы у той сосны на скале...»³⁵⁶, это не относится.

[«Торикаэбая»]

— А вот манера повествования «Торикаэбая»³⁵⁷ дурна, есть пугающие отрывки, а также сцены, оставляющие ощущение сплошного преувеличения, но все же замысел этой повести представляется довольно-таки необычным. В ней присутствуют и на удивление трогательные места. Стихи весьма хороши.

— Впечатляет образ Ён-но Кими³⁵⁸. Эту героиню хочется видеть именно такой — во всем безупречной дамой.

— Притягателен также образ Найси-но Ками, особенно после того, как [персонаж] этот становится мужчиной³⁵⁹.

— Ближе к концу повести появляется много других действующих лиц — это дети героев. Молодые придворные остались как-то в государевом дворце на время очистительного затворничества, собралось много людей, которые принялись рассуждать о повестях. Их разговор вызывает в памяти беседу дождливым вечером³⁶⁰, что довольно удивительно и странно. Надо сказать, что подражание оказывается ущербным и выглядит нелепо...

— Кажется, что поведение женщины-Среднего советника полностью отвечает роли, между тем, распустив мужской пучок волос, она рождает ребенка!.. Описание ее ежемесячных недомоганий также отвратительно...

— Глубокая печаль матери Ён-но Кими, когда Тю:дзё: сделался монахом, не может не вызвать участия. Особенно когда мы видим его в то снежное утро облаченного в соломенный плащ...³⁶¹

— Возвращение к жизни женщины—Среднего советника после того, как она оказалась в руках смерти, — чрезвычайно пугающая сцена. Наводит страх и кажется неправдоподобным также отрывок о том, как перед ней в зеркале предстали все события [ее будущей жизни]³⁶².

[«Какурэмино»]

— Или вот еще «Какурэмино»³⁶³, повесть довольно любопытного содержания... Есть в ней места, определенно заслуживающие внимания, но при этом наберется слишком много мест, вызывающих недоумение. Язык ее старомоден и, может, оттого, что стихи плохи, ставят ее в один ряд с «Торикаэбая», сочинением, явно превосходящим эту повесть, которую сейчас уже почти и не читают... В ней, очевидно, можно было бы отыскать проникновенные, необычные, пробуждающие неподдельный интерес сцены, иными словами, — разные моменты, составляющие ее достоинство, но при всем этом не удастся, как ни печально, встретить в данной повести присущие только ей особенности. «Има Торикаэбая»³⁶⁴ — действительно замечательное произведение, увидевшее свет в нашем веке. Вот бы нашелся человек, из-под кисти которого вышла бы повесть под названием «Има Какурэмино»... Ведь есть сейчас, похоже, люди, способные создавать повести, полные своеобразия. Я прочла немало таких произведений, что стали появляться как раз в последнее время; если сравнить их со старыми повестями, то новые куда глубже и интереснее...

[«Има Торикаэбая»]

— Это верно. Я прочла много повестей, начиная с «Уцухо»³⁶⁵, что были созданы до «Повести о Гэндзи», и все они включают совсем немного заслуживающих внимания мест. То, что повести эти устарели и кажутся нынче старомодными, — естественный ход вещей; их язык и песни не представляют из себя ничего особенного. Должно быть, оттого это, что слуху их создателей уже недоступно было изящество слога «Манъё:сю»³⁶⁶.

— Отчего это так?.. И только что упомянутая вами повесть «Има Торикаэбая» превосходит свой старый образец!³⁶⁷ Всякое подражание, как известно, непременно уступает оригиналу, но

это новое произведение никак не назовешь второсортным и безынтересным. Неплохи язык и поэзия. И нет, похоже, ничего особенно пугающего.

— В исходной повести положение, сложившееся вокруг женщины-Среднего советника, вызывает сильное неприятие, в этом же произведении все разрешается самым благополучным образом. Не чувствуется никакой неловкости и в том, что герои меняются местами, но рождается ощущение, что событиям этим предreshено было свершиться так, а не иначе. Положение, в котором оказалась женщина-Средний советник, причиняло ей ужасную досаду; героиня эта, наравне с которой и Найси-но Ками представляется замечательным персонажем, достойна искреннего сочувствия.

— Очень умело написаны сцены, в которых Средний советник становится женщиной и рождает ребенка, а Распорядительница женских покоев становится мужчиной³⁶⁸. В старой повести оба героя исчезали в никуда, а затем появлялись вновь, и это было весьма неубедительно. В этом же сочинении они предстают перед нами, поменявшись местами и приняв свой изначальный облик; развязка подобных событий и должна была, как кажется, произойти именно таким образом.

— Ён-но Кими здесь — неприятная особа³⁶⁹. С виду она кроткая и милая... Сложив такие строки:

Хару но ё мо	«Даже ночью весенней
Миру варэкара но	Лишь взгляну на луну,
Цуки нарэба	Шлет небо ответ
Кокородзукуси но	На посланье печали —
Кагэ то нарикэри	Облака над землей» ³⁷⁰ ,

она все думала, каким может стать для нее будущее. И, несмотря на то, что рядом с собой имела такого степенного человека, чье сердце было неизменно к ней, печальные думы терзали ее неотступно. Она поддалась беспокойству, совершенно неуместному в ее положении. Чрезвычайно печальны строки ее песни:

Уэ ни киру	«Ночные одежды
Саё но коромо но	Мужу к лицу.
Содэ ёри мо	Но больше
Хито сирэну оба	О ком не знают люди,
Тада ни я ва кикиу	Рада слышать» ³⁷¹ .

— А вот Мия-но Сайсё: — настоящий неудачник. Зачем страстно стремиться к тому, чтобы казаться всем утонченным любовником, нисколько не понимая всю глубину подобных вещей?...³⁷² Очень дурно он поступил, когда, скрыв от глаз людских женщину-Среднего советника³⁷³ и успокоившись, вообразил, что теперь все будет идти по его желанию. Но сокрытие от всего мира особы в таком положении имело для него, похоже, самые неожиданные последствия³⁷⁴, а ведь он должен был их предвидеть!

— Кроме того, после этого, когда Найси-но Ками, приняв свой истинный облик мужчины, показала при дворе, Ён-но Кими, будучи женщиной, произнесла: «Мне кажется, что — ты другой...»³⁷⁵, однако, Мия-но Сайсё:, встретившись с ним глазами, так и не распознал в нем другого человека³⁷⁶. Действительно, к этому и добавить нечего... Если припомнить его манеру держаться, станет понятно, что она не отличается от спокойного и выдержанного поведения Распорядительницы женских покоев из Живописного дворца ³⁷⁷. И как Сайсё: не увидел, что он не обнаруживает тех черт, которые должны соответствовать его теперешнему положению?

— Более того, когда жизнь Сайсё: изменилась — его супругой стала Ёсино-но Нака-но Кими³⁷⁸, он рассеянно бродил по дому, не подозревая, что тот как-то связан со всеми теми горестями, которые так и не покинули его сердце³⁷⁹. Как же сильно не достает ему душевной глубины!

[«Кокоро такаки»]

— Повесть «Кокоро такаки»³⁸⁰ и ее героиня То:гу:-но Сэндзи принадлежат временам давно минувшим с точки зрения людей нашего века. И, правда, язык ее устарел, поэзия дурна, однако, название этой повести известно многим. Автор ее задумал рассказать о том, как необыкновенное счастье выпало на долю человека, которого ничто не выделяло из числа прочих людей³⁸¹. Но героиня, ставшая предметом помыслов и воздыханий Наследного принца, перестала прислуживать ему и связала себя клятвами с известным ветреником Внутренним министром. Такой поворот событий лишен всякого интереса. И вот, когда дочь ее была представлена ко двору на исходе правления взошедшего на престол наследного принца, словно во сне они по-

встречались вновь. Неизбежное расставание героев, сохранивших трепетное чувство друг к другу, необычайно волнует сердце, наполняя его печалью.

[«Асакура», «Кавагири»]

— Примерно о том же³⁸² рассказывают нам повести «Асакура»³⁸³ и «Кавагири»³⁸⁴. Начало повести «Асакура» очень волнующее; в надежде на то, что и окончание ее будет проникнуто тем же изяществом, наталкиваешься вдруг на сцену: «Госпожа Хорикава родила на свет ребенка Кумодэ...»³⁸⁵ И вот уже это произведение, содержание которого сразу покажется избитым, начинает вызывать отталкивающие чувства. Отклик в душе находят отрывки о том, как разминулись экипажи героев³⁸⁶ и как героиня скрылась от всех в Исияма³⁸⁷.

[«Ива уцу нами»]

— Или вот еще повесть под названием «Ива уцу нами»³⁸⁸ — ничем не примечательное сочинение, язык которого устарел. Но [есть в нем одна сцена]... Сё:сё: взглянул на одежды цвета хризантем³⁸⁹, в которые была облачена придворная дама, обманутая Дайсё:, и произнес:

Ироиро но	«Видел я
Хана о оритэ ва	Всякие цветы —
Миюрэдомо	Украшение нарядов,
Хитори кiku ни ва	Но от одиночества даже хризантемы,
Каинакарикэри	Боюсь, не смогут спасти вас...» ³⁹⁰

Слова эти запали ей глубоко в душу, и вот, когда она стала наложницей Государя, а затем его супругой-императрицей и переживала самое счастливое время своей жизни, дама по имени Сазмон-но Ками³⁹¹, одетая в похожее платье цвета хризантем, передала бывшему Сайсё: такое послание:

Кiku но хана	«Хризантемы —
Каи ару ори мо	Украшение платья моего,
Арикэру о	Доказали силу свою!
Саси мо надо ка ва	Так отчаянно бранили их
Иикутасикэму	Напрасно вы...»

Радостно делается на душе от этих слов!

— Еще одна любопытная сцена. По случаю рождения Вакамия³⁹² к Императрице прибыл тот самый Сё:сё:, сопровождавший охранительный меч³⁹³. Дайсё:, находившийся подле героини, принял у него меч, и когда их взгляды встретились, они улыбнулись друг другу. И хотя повесть эта довольно заунывна, мотив свершившейся мести доставляет чувство радостного удовлетворения.

[«Ама-но карумо»]

— Что до современных повестей, то «Ама-но карумо»³⁹⁴, к примеру, не назовешь таким произведением, которое, обладая притягательной силой, всецело завладевает сердцем, но, с другой стороны, манера повествования этого сочинения, во многом подражающая стилю «Ёцуги»³⁹⁵, выделяет его из прочих. В нем есть места, более проникновенные, чем в других повестях.

— Когда Куро:до-но Сё:сё:³⁹⁶ по поручению Государя является во дворец Итидзё: Ин³⁹⁷, в западной части которого обитали Гонтю:нагон³⁹⁸ и Тю:дзё:, имевший Третий ранг³⁹⁹, нам открываются разные стороны их бытия в том дворце, — и каждая из них по-своему интересна. Среди этих сцен особенно восхищает та, где Гон Тю:нагон, тихо играя на *бива*, изволит напевать еле слышным голосом: «Переходя из темноты в темноту, люди никогда не слышали имени Будды...»⁴⁰⁰

— Не может не растрогать сцена кончины Адзэти-но Дайнагон-но Уэ⁴⁰¹...

— А образ Го:дзидзю:-но Найси-но Ками⁴⁰², рассудительной, глубокомысленной особы, внушает симпатию.

— Необычайно трогает сердце встреча Старшего советника с девочкой-служанкой по имени Сонотама во время его восхождения на гору⁴⁰³.

— И вот, после того, как он сделался монахом, Императрица-мать, наблюдавшая за тем, как падает снег, произнесла: «И обитель моего ребенка, наверное, погребена в снегу...»⁴⁰⁴ В то время во дворец ее пожаловал Дайсё:⁴⁰⁵, чтобы убрать выпавший снег, и, очутившись на половине Сайгу:⁴⁰⁶, был принят Вакагими⁴⁰⁷ за отца; мать же своей ребенок назвал Сайгу:. «И, правда, запутаться недолго!..» — смеясь, сказал на это Кампаку⁴⁰⁸, но смех его тут же обернулся слезами. Какая трогатель-

но-печальная сцена! Неудивительно, что Дайсё: закрыл лицо рукавами...

— Досадно, что этот Старший советник так и не обзавелся Госпожой северных покоев⁴⁰⁹. И ведь не предполагаешь даже, что этим закончится! Имел бы он супругу благородного происхождения, которая не рождала бы в нем недовольство, то, наверняка, заставил страдать ее своим уходом в монахи... Это, конечно, неприятно, зато повесть стала бы чуть более волнующей.

— Обидно и то, что Тю:гу:⁴¹⁰ даже не помышляла о том, чтобы последовать зову своих чувств; Старший советник тоже оказался не на высоте... Их сердца бились как одно, и они признались в этом друг другу. Она не отвечала на его письма, но, надо полагать, сердце ее было безутешно...

— С другой стороны, Кампаку и Дайсё: — оба сделали хозяйками своих северных покоев красивых женщин⁴¹¹, которые по естеству своему не были ветреными и своенравными. Хотя они были настоящими красавицами, как и подобает государевым сестрам, они никогда не раздумывали над тем, как бы воспользоваться своим положением. Есть в этом что-то, наводящее скуку...

— А как много было изготовлено изображений Будды — только бы Тю:гу: благополучно разрешилась от бремени⁴¹². Как-то неправдоподобно это...

— Но по сравнению со всеми другими сценами этой повести, самой нелепой стоит признать ту, где Гонтю:нагон становится буддой прямо в нынешнем своем рождении. Перестаешь к судьбе этого героя питать сочувствие, которым наполнилось сердце с того самого времени, когда он решил отвернуться от мирской жизни. Отрывок этот производит жалкое впечатление — он даже хуже, чем сцена из «Нэдзамэ» с притворной смертью Нака-но Кими⁴¹³.

[«Суэба-но цую»]

— «Суэба-но цую»⁴¹⁴ и «Ама-но карумо» считаются повестями одного сорта, между тем, язык первого из них, похоже, не представляет из себя ничего особенного...

— Не устаешь восхищаться образом Государыни-матери⁴¹⁵ — ее манерами поведения и внутренним миром. Все, что связано с этой героиней, исполнено изящества и редкого обаяния.

— Среди тех, кто окружал Государыню-мать, непременно стоит назвать очаровательного Гэндзи-но Тю:дзё:⁴¹⁶. Когда Сайсё:-но Тю:дзё:, оправившись от болезни, явился во дворец и встретил там Гэндзи-но Тю:дзё:, то лишь мельком взглянул на него, поклонился и пошел дальше. Что за отвратительное обращение? Пускай даже это проделки злого духа, но то, как разом изменились все чувства и мысли Сайсё:-но Тю:дзё:, ошеломляет и разочаровывает.

— Не менее удивительна и печальна сцена, когда в день Нового года, после смерти Дайсё:⁴¹⁷ те, кто прислуживал ему, явились ко двору облаченные в черные, как смоль, траурные одежды.

— Есть, кажется, в этой повести и смешные сцены. К примеру, о том, как один мудрый уважаемый монах напился и потерял голову. Еще более замечательным представляется отрывок, когда Сайсё:-но Тю:дзё:, позабывший о том, что с ним было, возвращается на службу.

— Саки-но Кампаку-но Дайсё:⁴¹⁸ не питал ни к чему особого интереса, близкие отношения поддерживал лишь с То:гу-но Нё:го и Куро:до-но Сё:сё:. Незавидна была бы судьба женщины, связавшей с ним свою жизнь.

[«Цую-но ядори»]

— Не так уж плохи язык и поэзия «Цую-но ядори»⁴¹⁹, одной из старых повестей. Правда, слишком уж многих ее героев настигает смерть. Это дурное предзнаменование...

— Жалость просыпается к дочери Дайни. В самое сердце проникают ее слова: «Ветер от взмахов веера принесет мне весть о тебе...»⁴²⁰

— Задумчивая Хатидзё: оставляет хорошее впечатление. А вот дама по имени Итидзё:-но Уэ по какой-то причине вызывает неприязненные чувства⁴²¹.

— Полон очарования отрывок о Высочайшем выезде в О:харано⁴²²: Кампаку-но Уэ с возвышения наблюдала за процессией, Нидзё:-но Уэ в это время была в экипаже, а придворные дамы из свиты государыни не спускали глаз с многочисленных повозок, продолжавших свое движение друг за другом.

— Когда Хё:букё:-но Мия совершал в одиночестве поминальный обряд по усопшему отцу, министру, ему доставили такое послание⁴²³:

Омоияру	«Не высыхает даже
Содэ дани цую мо	Роса на рукавах того,
Кавакану ни	Кто безутешен,
Кутия синураму	Придут в негодность
Кими га тамото ва	И твои рукава...»

Весьма необычные по такому случаю строки!

[«Микава ни сакэру»]

— В повести «Микава ни сакэру»⁴²⁴ хороши стихи.

— Дама по имени То:гу:-но Сэндзи так сложила:

Уки ни мата	К печали моей вновь
Цураса о соэтэ	Испытания добавитъ
Нагэкэ то я	Торопишься ты...
Са номи ва икага	Но почему лишь об этом
Моно ва омоваму	Все мысли твои? ⁴²⁵

Помимо этой песни, в повести есть еще много замечательных стихотворений.

— А госпожа Микусигэ достойна искреннего сочувствия...⁴²⁶

[«Удзи-но каванами»]

— В «Удзи-но каванами»⁴²⁷ недостатков нет, кроме того, что повесть эта во многом явилась подражанием «Ама-но карумо».

— Дайсё:, навещавший Соти-но Нака-но Кими, снежным утром столкнулся с ее служанкой и сказал ей: «Вместе с этим снегом исчезну и я!»⁴²⁸ Такие речи вызывают лишь раздражение...

— Радует сердце место, когда Дайсё: узнает о том, что Дайсё:-но Уэ⁴²⁹ собралась уйти в монахини. Смерть его — печальный эпизод повести.

— Кроме того, образ Бывшей жрицы святилища Исэ далек от совершенства: до конца своих дней она так и не отличилась каким-либо заметным поступком...

— Анэгими тоже вызывает сильную неприязнь. Она стала Госпожой северных покоев Сикибукё:-но Мия; посчитала, что поступит замечательно, если отдаст во дворец в качестве Нё:-го⁴³⁰ Ототохимэгими⁴³¹, которую воспитывала как своего ребенка, — так она надеялась обрести собственное счастье.

— Особа по имени Сайгу:-но Химэгими держится так, будто во всем ей удастся быть одной из лучших. Именно это от нее и отталкивает. Позже ее стали называть Кита-но Мандокоро⁴³².

— Очень жаль Нака-но Кими! Между тем, героине этой радуется сердце, когда она становится матерью такого славного ребенка.

【«Кома мукаэ»】

— А для такой повести, как «Кома мукаэ»⁴³³, в которой изящная манера повествования сочетается с ярким содержанием, конец совсем невыразительный.

— Восхищает великодушие Дайсё:. Люди склонны доверять словам, но сколько бы они не облекали в них свои намерения, во что бы то ни стало следовать сказанному удавалось им редко — и в нынешние, и в давние времена. Тем больше восторженных чувств вызывает Дайсё:, который до последнего оставался верен клятвам, данным вначале. Однажды снежной ночью ему привиделось во сне нечто, испугавшее его, он проснулся и направился к своей даме, однако, найдя ее жалкой и беспомощной, пожелал вернуться обратно. Эта сцена причиняет настоящее огорчение...

— Сверх этого, вовсе нежелательными представляются перемены в жизни Мия-но Химэгими: положение ее изменилось, и в приемные дочери ее взял Адзэти-но Дайнагон.

【«Одаэ-но нума»】

— Считается, что сочинение «Одаэ-но нума»⁴³⁴ имеет слишком много общего с нынешними повестями, хотя в нем заметны и многочисленные описания чувств героев — их движения души составляют суть произведения.

— Мия-но Дайсё: — очень хороший человек. И его главная супруга, Госпожа северных покоев, — замечательный человек: она не проявляет никаких дурных качеств. Весьма примечательно место, где Мия-но Дайсё:, услышав одну историю о Сикибукё:-но Накамусумэ, поведал ее Доно-но Дайсё:. Забавно и то, как последний, смеясь, сказал на услышанное: «Не вижу в этом ничего радостного...»

— К покоям Синсайсё:-но Кими, у которой в то время был Сан-но Мия, явился Тю:нагон-но Тю:дзё:, который сказал с трепетом в душе: «Всех слов любви не хватит мне...»⁴³⁵ Смешное получилось положение... Еще одна трогательно-печальная

сцена: тот же человек, покинув дворец вместе с Сан-но Мия, произнес нараспев такие строки: «Но чтобы в грядущем было вспомнить о чем...»⁴³⁶

[«Хацуюки»]

— Среди повестей нет числа и таким, которые повестями-то не назовешь, и таким, что составляют гордость лишь их создателей; если продолжим мы говорить о них в той же манере, должно быть, ночь пролетит, а потом вновь сгустятся сумерки... Обратитесь лучше к сочинению под названием «Хацуюки»⁴³⁷. О повестях в нем сказано немало.

[«Укинами», «Мацура-но Мия»]

— И мне попадалось на глаза множество повестей, появившихся совсем недавно, — вопреки ожиданиям, и сюжетом, и манерой повествования они значительно превосходят старые произведения и производят впечатление выдающихся сочинений, и все же нет среди них таких, которые можно было бы поставить рядом с «Нэдзамэ», «Сагоромо», «Хамамацу».

— Возьмем, к примеру, такую повесть, как «Укинами»⁴³⁸, написал ее, говорят, Таканобу⁴³⁹. Это — очень проникновенно написанная повесть, которая непременно находит отклик в душе, но даже она не приносит ожидаемого удовлетворения, и язык ее по какой-то причине далек от искусного.

— Говорят также, велико число произведений, созданных Тэйка-но Сё:сё:⁴⁴⁰; на повести они похожи лишь своим обликом, ибо [содержание их], судя по всему, лишено правдоподобия. Повесть под названием «Мацура-но Мия»⁴⁴¹ вся проникнута изяществом «Манъё:сю:», читаешь ее и приходит такое чувство, какое появляется за чтением «Уцухо». Глупым сердцам и не постичь, видно, всей утонченности этого сочинения.

[Повести нынешнего века]

— Все повести нынешнего века рассказывают о временах давно ушедших государей, и некоторые их места, например, явление небесной девы в «Сагоромо»⁴⁴² или притворная смерть в «Нэдзамэ»⁴⁴³, сейчас представляются некоторым преувеличением. Они намеренно написаны так, чтобы внушать трепет,

потому и не обошлись без надуманных, очевидно неправдоподобных сцен.

— Повести «Ариаке-но вакарэ»⁴⁴⁴, «Юмэгатари»⁴⁴⁵, «Намидзи-но Химэгими»⁴⁴⁶ и «Асадзигавара-но Найси-но Ками»⁴⁴⁷ написаны очень складно, язык их не режет слух, и кажется, будто эти произведения по-настоящему хороши, однако, вчитываясь глубже, обнаруживаешь, что есть в них и довольно отталкивающие места, которые сводят весь интерес на нет. Поистине досадное открытие!

[«Исэ моногатари», «Ямато моногатари»]

Послышался голос той молодой особы⁴⁴⁸:

— Думаю об этих повестях и не вижу в них ничего, кроме вымысла, — все они зиждутся на придуманных событиях. Давайте, наконец, поговорим о том, что имело место в действительности! Вот «Исэ моногатари»⁴⁴⁹ и «Ямато моногатари»⁴⁵⁰, повествующих, как я слышала, о том, что было, — превосходные сочинения. Скажите и о них несколько слов!

— Повесть, которую называют «Исэ моногатари», создана была для того лишь, чтобы запечатлеть похождения сладострастного Нарихира. И кто в обществе не знает о таких произведениях, как «Исэ» и «Ямато», — будь то человек, занимающий высокое положение или низкое, хотя бы отчасти разумеющий суть вещей? Потому не станем устраивать подробное их обсуждение. Герой «Исэ» на берегу реки Сумида вопрошает у «птицы столицы»⁴⁵¹ о своей возлюбленной, говорит о любви к ней у «восьми мостов»⁴⁵² — не было, похоже, уголка, куда бы он ни заглянул во время своих походов вдали от столицы.

— У «Ямато моногатари» примерно схожее содержание, поэтому не будем останавливаться на этой повести, к тому же, всякий знаком с нею. Чтобы узнать, плохи или хороши ее стихотворения, обратитесь к «Кокинсю:». В это собрание должны быть включены песни, признанные лучшими.

[Поэтические собрания]

— А какие из собраний, старых или новых — неважно, наиболее выдающиеся, примечательные сборники поэзии? — поинтересовалась тогда та же дама.

— Считается, среди сочинений, что названы были собраниями избранных стихотворений, вряд ли отыщутся такие, которые не заслуживали бы данного наименования, и все же...

— Например, такое собрание, как «Манъё:сю:»⁴⁵³... И душа, и слова ее песен кажутся чуждыми. Вместе с тем, поэт Кунимото⁴⁵⁴ говорил о ней: «Основой для стихов своих сделал я «Манъё:сю:».

— Говорят, песни былых времен особенно хороши, но, что ни говори, наибольшее восхищение рождает стихотворения «Кокин»⁴⁵⁵. Стремление выделить лучшие и худшие среди них — очень уж опасная затея. Если даже допустить, что составители этого собрания поместили в него посредственные стихи по недоразумению своему, то неужели государь не обнаружил бы их и не осудил виноватых?..

— К антологии «Госэн»⁴⁵⁶, стихотворения которой проникнуты духом божественного, , простые сердца наши остаются безучастными...

— Есть еще, вроде бы, такие собрания, как «Сю:исю:» и «Сю:исё:»⁴⁵⁷. «Которая составлена была по повелению Государя и зовется императорской антологией?» — спросил кто-то у Тэйка-но Сё:сё:. Ответ его был очень подробный, среди прочего он сказал: «Составление сборников этих — дело рук людей давних времен, но, как видим мы, собрание «Сю:исё:» сильно уступает «Сю:исю:»...» Также заметил он: «Антологии начиная «Манъё:сю:» до «Сэндзайсю:»⁴⁵⁸ включительно получили название «Восьми собраний»⁴⁵⁹. Тэйка-но Сё:сё: обстоятельно рассказал о них.

— Кажется, песни «Госю:и»⁴⁶⁰ считаются хорошими... «Собрание это лучшее старых антологий», — так говорят о нем люди, но как можно уподобить его «Кокин»?

— Вспомните «Кингёкюсю:»⁴⁶¹ — собрание, составленное Сидзё:но Дайнагон-но Кинто:, включившим в него стихотворения из трех антологий. Надо признать, что песни ее превосходны, поскольку сложены в них воедино душа, слова и форма!

— Кроме того, некоторые люди высоко ценят собрание «Кинъё:сю:»⁴⁶². Однако мне трудно согласиться с этим... Возможно, оттого, что далеко не все стихотворения того времени мне удалось прочесть. К тому же, мало в этом сборнике достойных внимания особенностей, чтобы сейчас обращаться к нему.

В обществе, должно быть, думают так же. Да и песен в «Киньёсю:» помещено не так уж и много...⁴⁶³

— Кроме этих антологий, есть, я слышала, и много домашних собраний поэзии⁴⁶⁴.

— Неплохими, похоже, считаются в свете такие сборники, как «Каэнсу»⁴⁶⁵ и «Косэнсу»⁴⁶⁶. И все же, не сомнительно ли содержание антологий, источником появления которых не являлся указ Государя? Я не придаю таким собраниям особого значения.

— С другой стороны, оценка подобных антологий непременно зависит и от личности тех, кто составил их.

— «Гэнсон»⁴⁶⁷ и «Гэккэсу»⁴⁶⁸ производят впечатление замечательных собраний, однако утонченными их стихотворения никак не назовешь.

— Может быть, это не стоит вашего внимания, но имеется еще антология, озаглавленная «Нарасу»⁴⁶⁹. Сама я до сих пор не видала ее, однако круг тем сборника, кажется, довольно ограничен. Песни таких собраний не способны тронуть мое сердце, даже душа их...

— Об антологии «Гёкувасу»⁴⁷⁰ известно, что собрана она была в седьмой год Кэнкю:⁴⁷¹. Говорить о составителе этого собрания и других вещах, связанных с ним, думаю, не наше дело, не так ли?

— Между тем, состоит оно из одних лишь стихотворений на заданную тему. Должно быть, собрание такое оказывается весьма кстати, если написание песни требует особой срочности.

— Есть и такие сборники стихотворений на темы, определенные заранее, которые антологиями не являются⁴⁷². К ним относятся, например, «Хорикава Ин хякусю»⁴⁷³, «Син Ин хякусю»⁴⁷⁴, из недавно составленных — собрание «Хякусю»⁴⁷⁵, появившееся в ту пору, когда господина Кудзё: звали еще Садайсё:⁴⁷⁶. Должно быть, когда читаешь эти сборники, песни их чрезвычайно легко проникают в сердце... Оказывается, среди них есть очень красивые стихотворения.

— Ах, если бы только у меня была возможность стать кем-то, вроде Вступившего на Путь, обладателя Третьего ранга⁴⁷⁷, и составить поэтическое собрание!.. Антология «Сэндзайсю:» — плод трудов именно этого человека, поэтому стихотворения ее необычайно изящны. Вместе с тем, в собрании этом нашлось место и для большого числа песен, о которых не скажешь то же

самое, — не оттого ли, что составитель был слишком стеснен [высоким] статусом их сочинителей?

— Думаю, вы согласитесь с тем, что в пору «конца Закона»⁴⁷⁸, когда все вокруг приходит в упадок, лишь этот Путь⁴⁷⁹ не обрывается, словно горное эхо, и не исчезает, подобно сору с хурмы. И, действительно, даже мои уши, которым не дано верно оценивать услышанное, могут распознать те редкие превосходные стихотворения... Если бы составитель, собирая антологию, не смешивал последние с песнями, которые выбирает он, то большего и желать было бы нечего!

— Да, это было бы восхитительно, вот только досаднее удела женщины в том предприятии ничего и не сыскать... С давних пор многие из них, питая любовь к прекрасному, стремились постичь Путь [поэзии], однако ни одной женщине до сего дня так и не было доверено составление антологии. Очень обидно!

— Вовсе необязательно придавать такое значение составлению поэтических сборников. Мурасаки Сикибу создала «Повесть о Гэндзи», Сэй Сё:нагон — «Записки у изголовья», а все те повести, о которых мы говорили ранее, — разве появились они не благодаря таланту многих женщин? Лично я отнесла бы эти творения к вещам, с которыми трудно расстаться.

— Ах, почему я не одна из тех женщин, способных создать сочинение, что сохранится в веках? Возможно, уединенная жизнь принцесс и главных жен не располагает к сочинительству, но придворным дамам, которые привыкли бывать в обществе, где все их хорошо знают, остаться [на этом поприще] никем не замеченными и закончить дни свои, не написав достойных сочинений и песен, — должно быть невероятно досадно...

— Таких творений, похоже, появилось совсем немного с давних времен, в отличие от бесталанных песен, которые помещались в поэтические собрания, — стихотворения женщин попадали в них с большим трудом. Более того, мы знаем пока слишком мало примеров, когда бы [женщины] создавали произведения и песни, язык которых сохранил бы их имена в веках. Вероятно, такие случаи действительно редки...

[Женщины]

— И все же, кого из них вы бы назвали? — осведомилась у своих собеседниц молодая особа. — Вспомните имена женщин,

принадлежавших нынешнему или прежнему веку, изящество и утонченность которых были их естественной чертой. Вот бы оказаться похожей, пусть даже совсем немного, на одну из них!

— Негоже подражать другим людям, не то окажешься на краю бездны... — промолвил и засмеялся кто-то в ответ.

[Оно-но Комати]

— Найти пример изысканно-утонченной, обаятельной дамы среди нё:го и кисаки⁴⁸⁰, что снискала известность благодаря своим сочинениям, — трудновыполнимая задача. Еще сложнее, разумеется, найти такую женщину среди представительниц менее благородного сословия.

— И все же с давних пор многие дамы, почитая прекрасное, складывали песни. Меж ними Оно-но Комати⁴⁸¹ заслужила, похоже, наибольшее восхищение: начиная с внешнего облика, поведения и душевных качеств, — все в ней излучало обаяние.

Иро миэдэ	«Цветок, что увядает
Уцуроу моно ва	[невидимый глазу], —
Ё-но нака-но	это цветок [любви]
Хито но кокоро-но	в сердце человека
Хана ни дзо арикэру	в этом [бренном] мире... ⁴⁸²

Вабинурэба	В горестях моих
Ми о укикуса-но	я подобна травам морским,
Нэ-о тазтэ	что плывут без корней, —
Сасоу мидзу араба	позовет меня течение —
Инаму то дзо омоу	и я поплыву... ⁴⁸³

Омоицуцу	В любовным думах
Нурэба я хито-но	сквозь сон
Миэцураму	явился мне милый —
Юмэ то сирисэба	если бы знала я, что то лишь сон,
Самэдзарамаси о	никогда бы не просыпалась! ⁴⁸⁴ » —

так сложила она. Трогает до слез одна только мысль о том, что подобные стихотворения принадлежат женщине...⁴⁸⁵

— На склоне лет пришлось пережить ей тяжелое, неприятное время. Оказывался ли кто-нибудь, помимо нее, в столь бедственном положении?..

— Со временем узнаешь, как непостоянен этот мир, и печалью наполняется сердце... После ее смерти появилась песня:

Акикадзэ-но	«Как подует осенний ветер, -
Фуку таби гото-ни	Боль в глазах не дает мне покоя.
Анамэ анамэ	Видно, не только в поле,
Оно то ва ивадзи	Но и в глазах моих
Сусуки оикэри	Вырос мискант...»

Читаешь эти строки и слышишь, как [ветер волнует] растущий в широком поле мискант. Один человек, что сорвал и выбросил этот цветок, когда одолевали его грустные думы, услышал той ночью во сне голос: «Сей череп — женщины по имени Оно-но Комати. Всякий раз, когда ветер колеблет мискант, глазам моим делается больно. Его больше нет, он сорван — какое облегчение! В знак благодарности я помогу тебе стать превосходным поэтом...»⁴⁸⁶

— А правду ли говорят, будто Митинобу-но Тю:дзё: и есть тот человек, который видел этот сон?⁴⁸⁷

— С кем, кроме нее, могло случиться подобное?.. Как хотела бы я быть такой — чтобы и цвет, и аромат проникли в мое сердце!⁴⁸⁸

[Сэй Сё:нагон]

— И все же, редко, наверное, появляются среди нас женщины, которые всецело отдают себя этому занятию, почувствовав однажды чрезмерную увлеченность им...

— Дочь Хигаки⁴⁸⁹, Сэй Сё:нагон⁴⁹⁰, служившую при дворе во время правления Итидзё: Ин⁴⁹¹, когда Нака-но Кампаку⁴⁹² только пришел к власти и Ко:тайго:гу:⁴⁹³ стала главным предметом сердечной страсти Государя, признавали самой блистательной придворной дамой. Подтверждение тому — создание ею такого сочинения, как «Записки у изголовья»⁴⁹⁴, и я не думаю, что есть необходимость упоминать какие-либо детали, [которые могут дополнить его].

— А вот талант к поэтическому творчеству дочь Мотосукэ⁴⁹⁵, ставшая столь великолепной придворной дамой, так и не обнаружила, не правда ли? В антологию «Госю:и» помещено лишь несколько ее стихотворений...⁴⁹⁶ Впрочем, она сама хорошо осознала свои способности, оттого и не пыталась проявлять себя в поэзии, испросив на то разрешение⁴⁹⁷. Можно ли чем-то другим объяснить совсем небольшое число оставленных ею песен?

— «Записки у изголовья» — словно зеркало ее души, они необычайно интересны! В этом сочинении есть очень увлекатель-

ные, превосходные сюжеты, очаровывающие своим печально- пленительным тоном. Но, пожалуй, среди всех заметок особенно хороши те, в которых запечатлено обаяние Государыни⁴⁹⁸, достигшее в ту пору наивысшего расцвета — император выделил ее и окружил своей любовью. Описание тех событий [получилось у нее настолько живым, что иногда пробегает холодок], заставляющий шевелиться волосы на теле... Между тем, мы не найдем у нее ни слова о том, что связано с ослаблением власти господина Кампаку, его смертью⁴⁹⁹, а также потерей своей должности Ути-но Отодо⁵⁰⁰. Это лишний раз свидетельствует о том, какое преданное сердце было у Сэй Сё:нагон. Может быть, оттого, что надежных покровителей у нее не осталось, она покинула она столицу, сопровождаемая ребенком кормилицы, с тем, чтобы поселиться в далекой провинции⁵⁰¹. Кто-то видел ее там — она вышла из дома высушить одежду, приговаривая при этом: «Ох, не забыть мне облик придворных в но:си⁵⁰², те картины прошлого...» На ней была простая одежда, головным убором ей служил кусок старой материи — до чего печальное зрелище!.. Должно быть, прошлая жизнь действительно казалась ей тогда всего милее...

[Ко Сикибу-но Найси]

— Ко Сикибу-но Найси⁵⁰³ — одна из самых ярких женщин своего времени. Вы упомянули Сэй Сё:нагон... Но все, что связано с Ко Сикибу, и даже краткость ее жизни, также рождает во мне самые трепетные чувства. Государыня щедро одаривала ее своей любовью, заботилась о ней: жаловала одежды до конца дней ее — может ли что-то еще служить признанием истинных заслуг на придворной службе?⁵⁰⁴ Видно, судьба такая была уготована ей еще в прошлом рождении. Пленив сердца многих мужчин, она обращалась с ними так, что те начинали мучиться от досады. Горячо любимая господином О:нидзё:⁵⁰⁵, она дала жизнь сыновьям, в будущем — почитаемым монахам⁵⁰⁶, после чего покинула этот мир. Ко Сикибу-но Найси прожила интересную, замечательную жизнь!

— Что касается ее способностей к стихосложению, то тут, по общему признанию, она уступала Идзуми Сикибу. Вместе с тем, принадлежит ей такая песня, сложенная, когда она была очень больна и находилась при смерти:

Ика ни Сэму	«Как поступить должна я?
Ику бэки ката мо	Неведомо мне
Омо:эдзу	Ни жизни направленье,
Оя ни сакидацу	Ни путь тот, на который вступаю я
Мити о сиранэба	Прежде родителей своих...» ⁵⁰⁷

В тот раз она смогла оправиться от болезни, не так ли? Ко Сикибу-но Найси, кажется, распознала, как прекрасен Путь поэзии. Вот что написала она Садаёри-но Тю:нагон⁵⁰⁸:

О:эяма	«Оттого, что далека
Икуно но мити но	Ведущая в Икуно дорога,
То:кэрэба	Что пролегает вдоль горы О:э,
Мада фуми мо мидзу	Писем пока не видала я,
Ама но хасидатэ	И на небесную переправу не ступала
	нога моя...»

Осмелюсь предположить, что строки эти явились самым лучшим ответом в ее положении...⁵⁰⁹

[Идзуми Сикибу]

— А когда задумываешься над тем, сколько песен сложила Идзуми Сикибу⁵¹⁰, понимаешь, что такая женщина — поистине настоящая редкость... Нрав и поведение Идзуми Сикибу не позволяют назвать ее утонченной особой. И не подумаешь даже, что такие стихи вышли из-под ее кисти. Должно быть, подобный талант предопределен был ее прошлой жизнью. Не мог он проявиться в течение одного лишь нынешнего рождения...

— Среди песен ее особенно трогает сердце та, что сочинила она в Кибунэ⁵¹¹, где провела много ночей, забытая Ясумаса⁵¹²:

Моно оmozба	«В сердце тоска...
Сава но хотару мо	Гляжу — светлячки над рекою,
Ва га ми ёри	А мнится — душа,
Акугаридзуру	Драгоценным камнем сверкая,
Тама ка то дзо миру	Вдаль уносится, тело покинув» ⁵¹³ .

Ответом ей были замечательные строки:

Окуяма-ни	«В горной глуши
Тагиритэ оцуру	Водопад бурлит, рассыпая
Такицусэ-ни	Драгоценные брызги.
Тама тиру бакари	Слез не роняй, не стоит
Моно на оmoi со	Такой предаваться тоске» ⁵¹⁴ .

— Или вот еще. После того как Ко Сикибу-но Найси покинула мир, государыня изволила отдать ей придворное платье. Увидев на нем надпись «Ко Сикибу-но Найси», она сложила:

Моротомо-ни	«Твоя бренная плоть
Кокэ-но сита-ни ва	Давно подо мхом истлела.
Кутидзу ситэ	Непогребенным
Удзуморэну на-о	Осталось лишь имя, печально
Миру дзо канасики	Теперь смотреть на него» ⁵¹⁵ .

— Глубины души достигают слова ее песни:

Томэокитэ	«Нас оставив, ушла.
Тарэ-о аварэ то	И о ком же теперь печалится,
Омоураму	Тоскует о ком?
Ко ва масарураму	Ах, всегда нам дороже дети,
Ко ва масарикэри	И она теперь, верно, о детях...» ⁵¹⁶

— Также направила она внуку, некоему монаху, печально-трогательное послание:

Оя-но оя то	«Считаешь, я –
Омовамасикаба	Родня родителям твоим,
Тоитэмаси	Приди-ка навести!
Вага ко-но ко-ни ва	А если нет, дети мои –
Арану нарикэри	Вовсе не дети были мне...» ⁵¹⁷

— Вот что написала она святому из Сёся:

Кураки ёри	«Из тьмы выходя,
Кураки Мити-ни дзо	В тьму погружаюсь, блуждаю
Иринубэки	Неверными тропами.
Харука-ни тэрасэ	Освети же мне путь, далекая
Яма-но ха-но цуки	Луна над горной вершиной» ⁵¹⁸ .

Святой не стал сочинять ответное послание, но отправил ей облачение священнослужителя. Она одела его, когда приблизился час ее смерти. Может быть, благодаря этому, как говорят люди, грешная душа ее очистилась в ином мире. Зависть переполняет сердце!

[Мия-но Сэндзи]

— Необычайно мила Мия-но Сэндзи!⁵¹⁹ Тот, в ком нет стремления, будь то мужчина или женщина, открыть людям мир своих чувств, рассказать в обществе о переживаниях, таящихся в сердце, — жалкий человек, скрывающий свою истинную сущность.

— Вот какую песню сложила Мия-но Сэндзи, когда Садаёри-но Тю:нагон⁵²⁰ стал появляться у нее значительно реже:

Харубару то	«Позабыл о ручейке своем любимый...
Но нака-ни миюру	Скрылся он от глаз его
Васурэ мидзу	В далеких полях.
Тазма тазма-о	За разлукой разлука,
Нагэку коро кана	И сердце точит печаль» ⁵²¹ .

— Когда Садаёри совсем перестал навещать ее, она прознала как-то, что он собирается посетить святилище Камо. И хотя его паломничество никак не касалось ее, она также отправилась туда, испытывая непреодолимое желание взглянуть на него еще раз. Увидев Садаёри, она произнесла:

Ёсо нитэ мо	«Гляжу на тебя
Миру-ни кокоро ва	Со стороны,
Нагусамадэ	Но сердце беспокойно...
Тати косо масарэ	Выше прежнего вздымаются
Камо-но кава нами	Волны реки Камо...» ⁵²²

И слезы потоком хлынули из глаз ее...

— Эта бесконечно проникновенная песня также принадлежит ей:

Коисиса-о	«Любовную пытку
Синоби мо аэдзу	Не в силах выдержать я;
Уцусэми-но	Как цикада скорлупку,
Уцусгокоро мо	Мой рассудок
Наку нариникэри	Покинул меня...» ⁵²³

Кому незнакомы подобные переживания? Вместе с тем, редка и слишком горька, должно быть, любовь, что приводит к потере рассудка...

— Не скажите... Примеров таких было довольно много с давних времен. В строках песен Акадзомэ⁵²⁴: «Ждать в столице осталась тебя...»⁵²⁵ и Исэ-но Таю⁵²⁶: «Встретиться трудно с тобой у вод моря О:ми...»⁵²⁷ чувства те же выражены по-разному, но с особой силой!

[Исэ-но Миясудокоро]

— Поистине великолепной, известной и утонченной была Исэ-но Миясудокоро⁵²⁸. Удастся ли еще отыскать подобную ей женщину среди благородных дам времен прошлых и нынешних?

— Говорят, она предпочла уединенную, скромную жизнь, когда государь-иннок Кампё: изволил отвернуться от всего мирского⁵²⁹. Ее беспримерное поведение достойно восхищения!⁵³⁰ Но вот, величественно-строгий сад стал наводить на нее уныние — [опавшие лепестки сакуры] сделали его белоснежным, то тут, то там виднелись островки мха, бамбуковые занавеси кое-где таили повреждения... И когда государь Энги⁵³¹ через своего посланника Корэхира-но Тю:дзё:⁵³² повелел ей незамедлительно сочинить песню, которая украсила бы ширму для церемонии надевания хакама юному принцу⁵³³, она так сложила:

Тири тирадзу	«Желаешь знать,
Кикамахосики ни	Сошли иль нет соцветья...
Фурусато но	Вот бы и моего края
Хана митэ каэру	Цветы
Хито мо аранаму	Удостоил кто взглядом!» ⁵³⁴

И преподнесла свое стихотворение императору. Замечательны и душа стихотворения, и слова его!

[Хё:э-но Найси]

— Но следует ли нам непременно ограничивать круг самых прекрасных занятий только стихосложением, сочинением повестей да развитием вкуса [к словесному творчеству]? Так ли прекрасен Путь поэзии, что лишь его одного достаточно? Передать [чувства] способно и *кото*, что оживает, по общему убеждению, именно в руках женщины, извлекающей из него трогательно-печальные милые сердцу звуки. И весьма огорчительно признавать, что уши наши давно привыкли к той грубой и далекой от совершенства игре, которую демонстрируют начинающие придворные дамы и девочки-прислужницы невысокого происхождения...

— Мало кто играет сейчас на *бива*, так уж повелось... Еще реже выпадает случай насладиться исполнением женщины, познавшей все премудрости игры на этом инструменте. Ах, какое это удовольствие — погрузиться в тончайшие переживания, рождаемые звучанием *бива*.

— А господин Хакуга Третьего ранга⁵³⁵, рассказывают, отправился на Заставу свиданий, где много ночей учился мастерству игры на лютне *бива* у Сэнимаро⁵³⁶. Какой необычный и примечательный случай! Славилась своим исполнением на *бива*

и особа, которую называли Хё:э-но Найси⁵³⁷. При государе Мураками⁵³⁸ во время состязаний по борьбе сумо жалована ей была знаменитая лютя «Гэндзё:»⁵³⁹. Чарующие звуки инструмента были слышны до самых ворот Ё:мэймон. «Даже такой господин, как Хакуга Третьего ранга, не сумел бы так искусно сыграть...» — хвалили исполнение Хё:э-но Найси бывшие при тех событиях люди. А если учесть, что то была женщина, история эта покажется почти невероятной...⁵⁴⁰

— Да, много было примеров в прошлом, немало их и в настоящем, когда кто-либо, отличившись в стихосложении, удостоивался восторженной похвалы. Игра на *бива* крайне редко вызывает схожие чувства, но если уж появляется настоящий мастер, то он непременно игрой своей рождает зависть окружающих...

[Мурасаки Сикибу]

Так и вели свою беседу окружавшие меня дамы — высказывали разные мнения, которые позволяли мне заглянуть в сердце каждой из них. Разговор у них получался довольно любопытный, и о сие я не помышляла, напротив — внимательно следила за его течением, лежа на своей циновке. Частенько мне хотелось вставить и свое слово, но добавить к сказанному что-то новое не удавалось, поэтому, стараясь даже не шевелиться, я делала вид, что сплю...

— Но музыка перестает существовать для нас после смерти — век ее ограничен нынешним нашим рождением. Будущие поколения эпохи «конца Закона» не станут слушать ее, передавать потомкам, и это печально... Сейчас среди мужчин и женщин музыкантов много — настоящих мастеров игры на духовых и струнных инструментах, однако будет ли жива их музыка в пору «конца Закона»? Но если слагаешь песни или пишешь китайские стихи, и имя твое значится под ними, когда бы не обратился к ним читатель вновь, пусть даже через сто или тысячу лет, его непременно посетит трепетное чувство присутствия сочинителя подле него. Это необычайно трогательно! Поэтому следует оставить после себя такое сочинение — даже если это будет всего одно слово, существование которого не ограничится веком «конца Закона».

— Наверное, я повторюсь, если скажу, что зависть переполняет меня, когда вспоминаю об этом благословенном случае. Великая жрица святилища Камо⁵⁴¹ обратилась как-то к Дзё:то:мон Ин с такими словами: «Ах, как хотела бы я иметь повесть, способную развеять тоску моих дней!» Тогда Дзё:то:мон Ин призвала к себе Мурасаки Сикибу⁵⁴² и повелела: «Преподнеси нам какую-нибудь повесть». — «Что же у меня может быть интересного? Разве только сочинить что-нибудь новое...» — ответила Мурасаки. «Сочини же!» — распорядилась государыня. Мурасаки повиновалась, так появилась повесть «Гэндзи». Воистину знаменательное событие!

— Говорят также, что повесть эту написала она, когда жила еще в отчем доме и не состояла на придворной службе, именно поэтому и оказалась в услужении у Государыни и получила прозвище Мурасаки Сикибу⁵⁴³. Хотелось бы знать, что из этого правда...

— В ее «Дневнике» сказано так: «Когда я только начала служить при дворе, все придворные считали меня застенчивой, утонченной особой, чужающейся их общества. А я-то была еще совсем неопытной, рассеяно выполняла свои обязанности. Да что там говорить, даже иероглиф «единица» толком написать не могла... [Прознав это], стали они удивляться на мой счет: «Вот уж не ожидали!»⁵⁴⁴

— Господин⁵⁴⁵ в ее рассказах предстает перед нами человеком замечательным во всех отношениях. И то, что она не позволяла себе обнаружить привязанность к нему и не вела себя развязно, характеризует ее с самой лучшей стороны. Кроме того, преисполненная глубоким почтением и восхищением, повествует она о событиях, связанных с Ко:тайго:гу:⁵⁴⁶. Открывается нам в том, с какой любовью и преданностью служила государыне, как невероятно добр был к ней Господин. Даже и не подумаешь, что признания эти принадлежат человеку застенчивому... С другой стороны, нрав тех⁵⁴⁷, кому служила она, мог быть всему причиной.

[Ко:го:гу:]

— А кто, на ваш взгляд, прекрасней — Ко:го:гу:⁵⁴⁸ или Дзё:то:мон Ин⁵⁴⁹?

— Ко:го:гу: была очень хороша собой! И император сильно полюбил ее. Вот какие проникновенные печальные строки сложила она, умирая:

Сиру хито мо	«Какой беспомощной
Наки вакарэдзи-ни	Кажусь себе я
Има ва то тэ	В этот миг!
Кокоробосоку мо	В последний путь должна отправиться
Омоитацу канна	Туда, где никого не знаю я...» ⁵⁵⁰

Ё мо сугара	«Если не предал забвению ты
Тигириси кото о	Клятву в любви своей,
Васурэдзу ва	Что дал мне той ночью,
Коиму намида но	На цвет твоих слез хотела б взглянуть я —
Иро дзо юкасики	Слезы любви ли это?..» ⁵⁵¹

Невозможно представить, как тронут был, наверное, государь, когда позже прочитал эти песни...

— Ночью после ее похорон пошел снег, и Император изволил сложить очень красивое стихотворение:

Нобэ мадэ ни	«Туда, где пылает
Кокоро хитоцу ва	Костер погребальный,
Каёэдомо	Отправилось лишь сердце мое,
Ва га миюки то ва	И я повстречал тебя снежной ночью,
Сирадзу я арураму	Но об этом не знает никто...» ⁵⁵²

После ее смерти сам Государь не мог сомкнуть глаз и встретил рассвет в горестных думах — поистине прекрасна его глубокая привязанность к Ко:го:гу:.

— Когда из жизни ушел господин Нака-но Кампаку, и Ути-но Отодо⁵⁵³ был вынужден оставить столицу, семья регента утратила бывшее влияние. Положение Ко:го:гу: после этого стало совсем безнадежным. В то время посетил ее некий То:-но Тю:дзё:⁵⁵⁴. Бамбуковую штору с одной стороны приподнял ветер, и он смог заглянуть в глубину покоев: семь или восемь совсем молоденьких миловидных придворных дам, как и прежде, со всем великолепием прислуживали ей, облачившись в полное придворное одеяние. На них были платья разные цветов, шлейфы, китайские накидки. «Стоит ли сейчас демонстрировать свою душевную утонченность?» — подумал То:-но Тю:дзё:, пораженный тем, как неуместно выглядела представшая перед ним картина. Сад перед дворцом зарос высокой травой. «Почему вы не велите срезать траву?» — спросил он. Кто-то ответил

ему, вероятно, это была Сайсё:-но Кими⁵⁵⁵: «Государыня желает любоваться росой...» Трудно было усомниться в том, что в жизни ее что-то изменилось...⁵⁵⁶

[Дзё:то:мон Ин]

— А вот достоинства и недостатки Дзё:то:мон Ин, пожалуй, не следует делать предметом нашего любопытства. Примешься вспоминать времена истинного процветания, прежде всего назовешь ее век, на которой нам не стоит распространять наши досужие рассуждения.

— Притом, что познала она вершины счастья за свою необычайно долгую жизнь⁵⁵⁷ и пришлось пережить ей многих государей⁵⁵⁸, смерть которых глубоко ранила ее сердце. Всякий раз из-под кисти ее выходила очень трогательная песня — творение человека чуткой души.

— Так, на смерть императора-монаха Итидзё: Ин она изволила сложить удивительно проникновенное стихотворение:

Ау кото мо	«Тебя уже нет,
Има ва накинэ но	Лишь слезы бесплодные льются.
Юмэ нарадэ	О, если б не сон,
Ицука ва кими-о	Когда бы еще довелось
Мата ва мирубэки	Встретить тебя?» ⁵⁵⁹

— Печальным очарованием исполнены строки ее песни, что послужили ответом Акимото-но Тю:нагон⁵⁶⁰: «Не смог бы все равно от мира отказаться дважды...»⁵⁶¹

— Прислуживали ей самые блестящие женщины — безмерно утонченные великолепные особы!

— Немало изысканных придворных дам, питавших любовь к прекрасному, служило и в свите ее младшей сестры, Государыни-матери из дворца Бива⁵⁶². В их числе была и Ямато-но Сэндзи⁵⁶³. Дамы эти временами, как никто другой, нарушали все запреты, позволяя себе выставлять [края] одежды на всеобщее обозрение⁵⁶⁴. Они переписывали по главам сутры, молясь о душах усопших, совершали и другие удивительные дела...

— В услужении у Дзё:то:мон Ин были известные дамы, имена которых уже вписаны [в историю], однако они не стремились поразить взоры людей, да и сама Государыня в разных ситуациях вела себя осмотрительно, подчеркивая тем самым свое величие и проявляя душевную глубину.

[Дайсай Ин]

— Слышали мы много о принцессах крови, что жили в прежние времена, но, говорят, среди них особенно выделялась великолепная Дайсай Ин⁵⁶⁵. Нет ничего удивительного в том, что особы из императорского рода, которым удалось достичь такого же благополучия, как и нынешней Государыне⁵⁶⁶, вели яркую изысканную жизнь, как и свойственно утонченным натурам. Дайсай Ин же обитала там, куда ей редко наносили визиты, в тени вековых сосен доносился до нее лишь шум течения реки Арису. Безмятежное существование Великой жрицы, которое ничто не нарушало, благодаря ее осторожности, рождает самые восторженные чувства!

— В ту пору Дайсай Ин была еще молода, и подобная жизнь весьма обыкновенна для жрицы. Когда, постарев, она сильно ослабла, и век ее был на исходе, те, кто навещался к ней все прошлые годы, совсем перестали бывать у нее; реже стали наносить визиты и те, кто навещал ее в последнее время, — вот как встретила жрица свою старость. Как-то в лунную ночь, после десятого дня девятой луны четверо или пятеро придворных возвращались из храма Уринъин⁵⁶⁷, где возносили молитвы будде Амида. Ворота в главное строение храма, [в котором находилась жрица], были приоткрыты. Через них они неслышно и проникли в святилище, задумав незаметно осмотреть его убранство, издавна славившееся своим изяществом. Вокруг не было ни души — тишина и покой. На траве, что заглушила сад перед покоем жрицы, блестела в лунном свете роса. Звенели насекомые, тихо журчала вода. Явившихся сюда обдувал ветер с холмов Фунаока. Когда этот прохладный ветерок немного приподнял скрывавшие покои занавеску, оттуда повеяло необыкновенно приятным ароматом благовоний. «А вдруг жрица все еще любит луну, не опустив решетку?» — подумали они, изумленные и восхищенные происходящим. Из глубины покоев до них доносились едва уловимые звуки *кото*. Неудивительно, что все услышанное и увиденное придворными показалось им невероятным.

— Обидно было бы не объявить о своем присутствии и не рассказать прислужницам жрицы о том, свидетелями чего они только что стали. Отправившись к ним, придворные застали нескольких дам, служивших у жрицы долгие годы. Их беседа очень заинтересовала гостей, и они решили присоединиться к

ним и вместе помузицировать на *кото*. На рассвете они покинули храм и вернулись во дворец, поведав его обитателям о чудесно проведенной ночи⁵⁶⁸.

— Когда знатная особа находится на вершине благополучия, ее дом днем и ночью полон людей: частые гости в нем и придворные, и члены императорского дома. Понятно, что чрезмерная осмотрительность хозяина в таком случае неуместна...

[Оно-но Ко:тайго:гу:]

— А императрица-мать Оно-но Ко:тайго:гу:⁵⁶⁹, дочь господина О:нидзё:⁵⁷⁰ и внучка Старшего советника Кинто:, изволила уединиться ото всех, порвав с мирской жизнью. Однажды снежным утром к ней неожиданно пожаловал государь-иннок Сиракава Ин⁵⁷¹. На снегу еще не было видно ни одного следа. Императрица тихо читала сутры в зале для возглашения священных книг. Из-за занавесей главных покоев выглядывали края лишь десяти платьев, они были разрезаны посередине так, чтобы создать впечатление, будто рукава двадцати дам показались из-за шторы⁵⁷². Государь не стал покидать экипаж, оставившийся у входа, и тогда две девочки-служанки, одетые в *кадзами*⁵⁷³, наполнили серебряные бутылочки сакэ и преподнесли их императору с золотыми чарками на подносе из серебра; в качестве закуски подали цитрусовые. Более великолепной сцены и вообразить нельзя! Сомневаюсь, что прием этот был бы устроен лучше, если бы Императрица обо всем позаботилась заранее... Мало кто мог так искусно принять столь высокого гостя, неожиданно пожаловавшего с визитом. Да и в наши дни подобное умение — большая редкость.

Я лежала, прислушиваясь к беседе дам, и гадала, о чем зайдет их разговор дальше. Та особа⁵⁷⁴ заметила:

— До сих пор мы обсуждали лишь женщин. Вот и ночь на исходе... О мужчинах же не сказали ни слова. Мне кажется, это нехорошо...

— И в самом деле, а ведь и о мужчинах, что жили прежде, и о тех из них, что принадлежат нынешнему веку, можно было бы рассказать так много интересного! Если вы согласны со мной, почему бы нам не поговорить сперва об императорах? Для начала обратимся к «Ёцуги»⁵⁷⁵ и «О:кагами»⁵⁷⁶. Можем ли мы добавить что-нибудь к тому, что сказано в этих сочинениях?

Комментарии к переводу

¹ *Восемьдесят три года...* (八十あまり三年, Ясодзи амари митосэ) — Возраст главной героини выбран неслучайно. По мнению исследователей памятника, автор произведения следует традиции и использует выражение «ясодзи амари митосэ» в качестве цитаты, самым ранним источником которой является поэтическое собрание «Хакуси-но мондзю:» (白氏文集, «Собрание сочинений господина Хаку», 845 г., Хаку (кит. Бо) — китайский поэт Бо Лэтянь (Бо Цзюйи)) [Мумё:дзо:си. Подготовка издания Кубоки Тэцуо. Серия Симпэн нихон котэн бунгаку дзэнсю: (新編日本古典文学全集, «Новое издание полного собрания японской классической литературы»), Токио, 1999, Т. 40, С. 173, прим. 1]. Упоминания именно о таком возрасте некоторых персонажей встречаются потом и в ряде других произведений разных жанров, созданных в эпоху Хэйан (794–1192). Например, в поэтической антологии «Вакан ро:эйсю:» (和漢朗詠集, «Собрание японских и китайских стихотворений для декламации», составлено в 1013 г. Фудзивара-но Кинто: 藤原公任 (966–1041)), исторических повествованиях «Эйга моногатари» (栄花物語, «Повесть о процветании», XI в.), «О:кагами» (大鏡, «Великое Зерцало», XI в.). Как считают японские исследователи, старцы и старухи (окина 翁 или омина 嬬), от имени которых ведется рассказ в исторических сочинениях жанра *кагами* («зерцало»), являются наследниками рассказчицы или рассказчика из «Кодзики» (古事記, «Записи о деяниях древности», 712 г.) Хиэда-но Арэ. Ученые даже выстраивают в жанре *кагами* линию преемственности старцев-рассказчиков, с которыми, в частности, ассоциируется сам образ зеркала (подробнее об этом: Дьяконова Е. М. Старцы-рассказчики в «исторических повествованиях» эпох Хэйан и Камакура (XI–XIV вв.) // История и культура Японии. — М.: Институт востоковедения РАН, 2001, С. 211–234). Образ старцев-рассказчиков использовался авторами многих исторических произведений (например, 150-летняя старуха Аямэ в «Имакагами» (今鏡, «Нынешнее Зерцало», ок. 1180 г.)) как гарант истинности того, о чем повествуется в произведении, т.к. возраст считался мерилем мудрости, опыта и знаний. Старая монахиня в «Записках без названия», которая является прежде всего слушательницей, делает возможной саму ситуацию «исследования» повестей молодыми девушками, судьей суждений которых она негласно выступает.

² ...но [счастливой] случайности была рождена в человеческом облике (たまたま人と生まれたる思い出に, Таматама хито то мумарэтару омоидэ ни) — Облик, который принимает человек после перерождения, рассматривается в буддизме как следствие поступков, совершенных им в предыдущей жизни. Принять вновь человеческий облик крайне сложно, поэтому автор пишет о «счастливой случайности» этого события. Это оговаривается, например, в «Сутре о великом уходе в нирвану» (大

般涅槃經, Дайханнэхангё:), в главе «Продолжительность жизни» (壽命, Дзюмё:). А в сборнике буддийских *сэцува* «Сясэкисю:» (沙石集, «Собрание песка и камней», между 1279 и 1283 гг.) встречается похожее высказывание: «Позабыв о том, что рожден был в человеческом облике...» (人間二生レテ、思出モナクシテ, Нингэн ни умарэтэ, омоидэ мо накуситэ) (свиток II) [Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё: («Записки без названия»: комментарии и материалы), Мумё:дзо:си риндоккай (общество по изучению «Записок без названия»), Осака, 2004, С. 2, прим. 3].

³ ... после смерти моей не останется ничего, что стало бы напоминанием обо мне (後の世の形見にすばかりのことなくてやみなむ, Ноти но ё но катами ни субакари но кото накутэ яминаму) — Некоторые комментаторы памятника усматривают здесь переключку с отрывком из «Гэндзи моногатари» (源氏物語, «Повесть о Гэндзи»), глава «Мабороси» (幻, «Кудесник-даос»): «И тем не менее тушь ничуть не поблекла, словно только что легла на бумагу. Так, эти строки могли остаться «памятью верной еще на тысячу лет» (ただ今のやうなる墨つきなど、げに千年の形見にしつべかりけるを, Тадаима но ё:нару суми цукинадо, гэнни сэннэн но катами ни сицубэкарикэру о). В этой цитате содержится аллюзия на *танка* неизвестного автора из поэтической антологии «Кокинвакарокудзё:» (古今和歌六帖, «Шесть тетрадей старых и новых японских песен»), № 34225. [Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 2, прим. 4; Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи моногатари). В 4-х книгах. Пер. с яп. Т. А. Соколовой-Делюсиной. М., 1991–93. Кн. 3, С. 210, Приложение: С. 168, № 366].

В приведенных примерах мы встречаем труднопереводимое понятие *катами* 形見, состоящее из двух иероглифов — *ката* 形 — «облик», «форма» и *ми* 見 — «видение». Получается, что речь идет о видении некоего облика, в данном случае (в отрывке из «Записок без названия») облика умершего человека. Как указывает Л. М. Ермакова, слово *катами* несет в себе значение «памятка», «памятная вещь», т. е. означает предмет, «глядя на который можно вспомнить образ ушедшего» [Ермакова Л. М. Становление японской поэтической традиции (ритуально-мифологический аспект). М., 1991, С. 362]. *Катами*, например, мог стать для живых людей предмет, на который смотрел покинувший мир человек. Такой предмет как бы запечатлевает облик смотревшего и затем служит «своеобразным носителем этого человека или его ипостаси, если на этот предмет взглянуть снова» [Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей: Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. М., 1995, С. 378]. В качестве подобных предметов могли выступать растения, одежда умершего, зеркала, а также места сакрального пространства, которыми были, в частности, горы (обладали свойствами *катами* изначально, а потому не требовали предварительного созерцания их покойным).

⁴ ...остригла волосы и окрасила одежды (髪を剃り、衣を染めて, Ками о сори, коромо о сомэтэ) — То есть приняла монашеский постриг. Такое выражение часто встречается в японской художественной литературе средних веков для обозначения обряда посвящения в буддийские монахи.

⁵ ...не высыхают края рукавов простой монашеской одежды (苔の袂 乾くよなき, Кокэ но тамото каваку ё наки) — Исследователи памятника предполагают, что в этой фразе может содержаться намек на стихотворение Хэндзё: из поэтической антологии «Кокинвакасю:» (古今和歌集, «Собрание старых и новых песен Японии», 905 г.). Свиток XVI, Песни скорби, № 847:

Мина хито ва	Все нынче
Хана но коромо ни	надели наряды,
Нарину нари	окрашенные в тона [вешних] цветов, —
Кокэ но тамото ё	о рукава мои [цвета] мха, [болотного] цвета!
Каваки дани сэ ё	Не пора ли и вам просохнуть!

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 173, прим. 8; Кокинвакасю: Собрание старых и новых песен Японии. Пер. со старояпонск. и предисл. А. Долина. М., 1995, Т. 2, С. 336 (здесь и далее из антологии приводится параллельный, подстрочный перевод стихотворений)].

Слово *кокэ* (苔, «мох») означает здесь простую бедную одежду буддийского монаха, которая приобрела от старости «цвет мха».

Хэндзё: 遍昭 (816–890) — мирское имя — Ёсиминэ-но Мунэсада 良岑宗貞. Один из «шести бессмертных поэтов» (см. прим. 21). Внук императора Камму 桓武 (737–806, правил с 781 по 806). С 844 по 850 год занимал различные должности при дворе. Принял постриг после смерти императора Ниммё: 仁明 (810–850, правил с 833 по 850 г.) и в дальнейшем занимал важные посты в буддийской церковной иерархии. Имел духовный ранг *со:дзё*: 僧正, второй по значимости в буддийской иерархии Японии того времени. Ему, одному из немногих, было разрешено въезжать в паланкине в ворота императорского дворца. В 860-е годы основал монастырь Гангё:дзи 元慶寺 в Кадзан и служил там настоятелем. В литературе иногда упоминается как «архиепископ Кадзан». Сочинял стихотворения как лирического, так и юмористического характера.

⁶ Видеть свое отражение в зеркале стало уж совсем невыносимо — с годами «являет оно взору все более снега и белогривых волн» (いよいよ頭の雪積もり、面の浪も畳みて、いとど見まうくなりゆく鏡の影も, Ийёё касира но юкицумори, омотэ но нами мо татамитэ, итодо мимауку нариюку кагами но кагэ мо) — Вероятно, цитата из предисловия Ки-но Цураюки 紀貫之 (?–945) к «Кокинвакасю:»: «...скорбели они о том, что с каждым годом отражение в зеркале являет взору все более снега и белогривых волн» (年ごとに、鏡の影に見ゆる雪と浪とをなげき, Тосигото ни, кагами но кагэ ни миюру юки то нами то о нагэки). А также, возможно, намек на его стихотворение под названием «Река Камия» из того же собрания (свиток X, Названия, № 460):

Мубатама но	Не так ли побелели,
Вага куроками я	меня окраску,
Тоси курэтэ	и мои волосы, черные [как ягоды тут], —
Кагами но кагэ ни	падают белые хлопья снега,
Фурэру сираюки	отраженные в зеркале...

[Mumyo:zo:shi. Introduction and Translation by Michele Marra // Monumenta Nipponica, 1984, XXXIX:2 (p. 129–145), 3 (p. 281–305), 4 (p. 409–434); XXXIX:2, С. 129, прим. 29; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 173, прим. 10; Кокинвакасю: , 1995, Т. 2, С. 209–210].

⁷ Район Химугасияма (Хигасияма) 東山 был в ту пору пригородом Киото. Там располагались многочисленные храмы и поместья аристократов.

⁸...*решила остановиться на ночлег там, куда приведут меня ноги* (いづくにても行きとまらむところに寄り臥しなむと思いて, Идзуку нитэ мо юкитомараму токоро ни ёрифусинаму то омоитэ) — Исследователи памятника считают, что в этой фразе содержится аллюзия на стихотворение неизвестного автора, включенного в антологию «Кокинвакасю:» (свитки XVII–XVIII, Разные песни, № 987):

Ё но нака ва	В этом мире
Идзурэ ка саситэ	какое пристанище
Вага нарамү	выбрать мне для себя?
Юкитомару о дзо	Случайный ночлег в пути
Ядо то садамуру	и будет моим приютом...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 174, прим. 1; Кокинвакасю:, 1995, Т. 3, С. 139].

⁹ *Три мира, пребывающие в вечном непостоянстве, подобны полыхающему дому в огне* (三界無安、猶如火宅, Сангаи муан, ю:нэ катаку) — Монахиня вспоминает знаменитую притчу из «Лотосовой сутры» о том, как Будда спас детей из горящего дома (глава III). Преходящий, ненадежный мир уподобляется в ней полыхающему в огне дому. В буддийской космографии *сангай* (букв. «три мира») означает три ступени состояния, на которых пребывают живые существа: 1) *ёккай* (欲界, «мир желаний»). Находящийся на этой ступени переполнен желаниями и стремлениями, подразделяющимися на два типа — плотские желания и желание есть и пить; 2) *сикикай* (色界, «мир плоти»). «Носители» желаний на этой ступени «успокаиваются», однако, «остатки чувственного», принадлежащего к первой категории, еще имеют место в этом «мире». Они обеспечивают восприятие форм вещей. Название этой ступени переводят иногда как «мир форм»; 3) *мусикикай* (無色界, «мир без плоти»). Все «чувственное» в этом «мире» полностью «успокоено», но и на этой высшей стадии функционируют так называемые «волнующие дхармы», поэтому все «три состояния» относятся к эмпирическому, скоропреходящему бытию, выход из которого — главная цель буддиста [Подробнее: Игнатович А. Н. Буддизм в Японии. Очерк ранней истории, М., 1987, С. 212–213; Три учения указывают и направляют (Санго: сиики). / Перевод со старояпонского, комментариев и исследование Н. Н. Трубниковой, М., 2005, С. 429, 444–446].

¹⁰ *Храм Сайсё:ко:ин* 最勝光院 — буддийский храм, который был расположен рядом с современным храмом Нандзэндзи 南禅寺. Построен в 1173 году для принявшей постриг Кэнсюнмон Ин 建春門院 (1142–1176)

(Тайра-но Сигэко 平滋子), супруги императора Госиракава 後白河 (1127–1192, правил с 1155 по 1158 г.) и матери императора Такакура 高倉 (1161–1181, правил с 1168 по 1180 г.).

¹¹ ...таков и рай Чистой земли будды Амида (浄土もかくこそ, Дзё:до мо каку косо). Культ будды Амида (阿弥陀仏, санскр. Амитабха) стал распространяться в Японии еще в VIII веке и приобрел заметное влияние к середине X века в рамках школы Тэндай. Идейной базой амидаизма служило учение, оформившееся в V–VI веках в Китае и получившее название по имени главного будды этого течения — Амиды. В XII веке амидаизм в Японии стал самостоятельным религиозным течением (в частности, в связи с распространением идей о начале эпохи «конца Закона» (см. прим. 49) и «изначального просветления» (*хонгакү*)), в границах которого возникло несколько школ (Дзё:досю:, Дзё:досинсю:, Дзисю:, Хоккёсю:). Цель адепта амидаизма — возрождение после смерти в раю будды Амида, в его Чистой земле 浄土 (дзё:до, санскр. Сукхавати), которая рассматривалась как особое пространство, расположенное далеко на Западе, на расстоянии миллиардов миров от погрязшего в пороках нашего мира, расположенного на Юге и являющегося «нечистой» землей. Амидаисты проповедовали упрощенный ритуал, так называемый «короткий путь к спасению», заключающийся в произнесении имени будды Амида, сакральной молитвенной формулы, заимствованной из санскрита: «Наму Амида буцу» (南無阿弥陀仏, «Слава будде Амида!»). Рождение в Чистой земле будды Амида означало прекращение страданий, составляющих земное существование человека. [Подробнее об этом: Игнатович, 1987, С. 154; Главева Д. Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М., 2003, С. 103–110; Иэнага Сабуро, История японской культуры, перевод с яп. Б. В. Поспелова, М., 1972, С. 105–111].

¹² *Восхитительные картины на дверях* — Изображения на раздвижных дверях в храме Сайсё:ко:ин принадлежали кисти Фудзивара-но Таканобу 藤原隆信 (1142–1205). Спустя 54 года после строительства, летом 1226 г., храм был уничтожен в результате поджога. Как свидетельствуют некоторые записи Фудзивара-но Тэйка 藤原定家 (1162–1241), сделанные им в дневнике «Мэйгэцуки» (明月記, «Записки при полной луне», вел с 1180 по 1235 г.), внутреннее убранство этого храма действительно отличалось роскошью и изысканностью.

¹³ Монахиня размышляет здесь о судьбе принявшей постриг Кэнсюнмон Ин 建春門院, по велению которой был построен храм Сайсё:ко:ин (см. прим. 10).

¹⁴ *Голос кукушки* — Образы птиц часто встречаются в творчестве создателей классических японских стихотворений *вака*. Их считали медиаторами между миром живых и мертвых, через них обращались к ушедшим из жизни близким людям. После смерти человека именно птицы, как полагали, выполняли роль проводников в иной мир. «Хототогису» (時鳥, «кукушка») нередко называли также *сидэ но таоса* (死出の田長, «повели-

тель полей мира мертвых»). Кукушка — неотъемлемый персонаж любовных *танка*; ее «плач» олицетворяет несчастную любовь. «Хототогису» может восприниматься также как символ ветрености, небрежного исполнения человеком своих социальных обязанностей. Император Тоба 鳥羽 (1103–1156, правил с 1107 по 1123 г.) писал в своем стихотворении, включенном в седьмую императорскую поэтическую антологию «Сэндзайвакасю» (千載和歌集, «Собрание японских песен за тысячу лет», 1188 г., Песни скорби, № 582):

Цунэ ёри мо	Ты приветлива,
Муцумадзика кана	Как никогда,
Хототогису	Кукушка,
Сидэ но ямадзи но	Ведь знаю, по горной дороге посмертной
Томо то омоэба	Провожатым будешь моим.

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 175, прим. 12]

¹⁵ Прототипом для этого стихотворения послужила *танка* Тайкэнмон Ин Хорикава 待賢門院堀河, включенная в собрание «Сингосэнвакасю» (新後選和歌集, «Новое второе собрание японских песен», 1303 г., свиток XIX, № 1556). По-японски она звучит практически идентично:

Коно ё нитэ
Катараюкаму
Хототогису
Сидэ но ямадзи но
Сирубэ томо нарэ

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 175, прим. 13].

Возможно, есть здесь и перекличка с отрывком из «Записок из кельи» (方丈記, «Хо:дзё:ки», 1212 г.) Камо-но Тё:мэй: «Летом — слушаешь кукушку... Всякий раз, как перекликаешься с нею, как будто заключаешь уговор о встрече там, на горных тропах в стране потусторонней» (夏は時鳥を聞く。語らうごとに死出の山路を契る、なづかひ хототогису о кики。カタраう готови сидэ но ямадзи о тигиру) [Мумё:дзо:си: тую:сяку то сирё:, 2004, С. 4, прим. 18; Камо-но Тё:мэй:. Записки из кельи. Предисловие, перевод и примечания Н. И. Конрада / Исэ моногатари, М., 1979, С. 223].

¹⁶ *Море зеленых ростков риса, что представились мне созревшими колосьями, шелестящими на осеннем ветру...* (稻葉そよがむ秋風思ひやらるる早苗, Инаба соёгаму акикадзэ омоиярауру санаэ) — Цитата из стихотворения неизвестного автора, включенное в «Кокинвакасю» (свиток IV–V, Осенние песни, № 172):

Кинофу косо	Только вчера будто
Санаэ торисика	высаживали ростки риса,
Ицу но ма ни	и вот незаметно [прошло время] –
Инаба соёгитэ	листья на рисовых колосьях
Акикадзэ но фуку	шелестят под осенним ветром...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 175, прим. 14; Кокинвакасю:, 1995, Т. 1, С. 210].

¹⁷ *Словно блистательный Гэндзи, пробиралась я сквозь высокий чернобыльник, смахивая росу одеждами* (光源氏の露分けたまひけむ蓬も所得顔なる中を分けつつ, Хикаругэндзи но цюу вакэтаманкэму ёмоги мо токорозгао нару нака о вакэцуцу) — Намек на отрывок из «Гэндзи моногатари», глава «Ёмогиу» (蓬生, «В зарослях полыни»): «Тут Корэмицу говорит:

— Вы вряд ли сможете пройти, ведь полынь вся в росе. Не изволите ли подождать, пока я стряхну ее...

— Я пришел сюда сам, / Чтoб узнать, осталось ли прежним / Сердце твоё / В зарослях буйной полыни, / Заглушившей тропинки в саду, — произносит Гэндзи, ни к кому не обращаясь...» (惟光も、「さらにえ分けさせたまふまじき蓬の露けさになむはべる。露すこし払はせてなむ入らせたまふべき」と聞こゆれば、「たづねてもわれこそとはめ道もなく深き蓬のものと心を」と独りごちて, Корэмицу мо, сараниэ вакэсасэтамаумадзики ёмоги но цуюкэса ни наму хабэру. Цюу сукоси хараваэсэтэнаму ирасэтамаубэки то кикюрэба, тадзунэтэ мо варэ косо товамэ мити мо наку фукаки ёмоги но мото но кокуро о то хиториготитэ) [Мумё:дзо:си: тью:сяку о сирё:, 2004, С. 4, прим. 4; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 299].

¹⁸ ...изгородь из цветов унохана — как раз, чтобы в ее тени могла спрятаться кукушка (卯の花垣根など、まことにほととぎす陰に隠れぬべし, У но хана гакинэ надо, макото ни хототогису кагэ ни какурэнубэси) — Как предполагают комментаторы памятника, монахиня, вероятно, цитирует отрывок из *танка* поэта Хитомаро из восьмой императорской антологии «Синкокинвакасю:» (新古今和歌集, «Новое собрание старых и новых песен Японии», 1203 г.). Свиток III, Песни лета, № 190:

Наку коэ о	Хотя и скрылась ты,
Эява синобану	Кукушка,
Хототогису	Среди цветов унохана,
Хацуу но хана но	Но неужели сможешь утерпеть
Кагэ ни какурэтэ	И не запеть?

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 176, прим. 3; Синкокинсю: Японская поэтическая антология XIII века: В 2 т. Т. 1, Пер. с яп., предисл. и коммент. И. А. Бороиной, М., 2000, С. 89].

Унохана — *Deutzia crenata*. Кустарник, на котором ранним летом распускаются гроздья белых цветов.

¹⁹ *Место для молитвы* — В тексте памятника — *дзибуцудо*: 持仏堂. Под этим словом обычно подразумевают отдельное строение, моельню, где установлена статуя Будды. В данном случае речь идет о части жилого помещения.

²⁰ ...все вокруг было окутано дымкой запахов. Они были необыкновенно приятными (けふたきまで煙り満ちて、名香の香などかうばし, Кэбутаки мадэ куюримититэ, мё:го: но ка надо ко:баси) — Возможно, содержится намек на отрывок из «Гэндзи моногатари» (глава «Агэмаки» 総角, «Тройной узел»): «В покоях пахло священными курениями (名香のいと香ばしく匂ひて, Мё:го: но ито ко:басику ниоитэ), к ним примешивался аромат бадьяна, и Тью:нагон, более других людей почитающий Будду, не-

вольно смутился» [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 5, прим. 12; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, С. 8].

²¹ *Поэтесса Оно-но Комати* 小野小町 (ок. 833–857) принадлежала к эпохе *роккасэн* (六歌仙, «Шести бессмертных» гениев японской поэзии, живших в IX веке). Среди остальных «поэтов-магов» Ки-но Цураюки в предисловии к «Кокинвакасю:» называет Хэндзё: 遍昭, Аривару-но Нарихира 在原業平 (см. прим. 54), Фунъя-но Ясухидэ 文屋康秀, Кисэн 喜撰, О:томо-но Куронуси 大友黒主. Также см. прим. 481.

²² *Принц, преданно служивший мудрецу-отшельнику Асита* (阿私仙 に仕えけむ太子, Асисэн ни цукаэкэму тайси) — речь идет о принце Сидхартха, который отправился за отшельником Асита, обещавшим поведать ему о «Лотосовой сутре». Эта история описана в главе «Дэвадатта» 提婆達多 «Лотосовой сутры»: «В то время был святой Асита. / [Он] пришел к великому царю и сказал: / «У меня есть Чудесная Дхарма, / Которая редко встречается в мире. / Если [ты] способен следовать [ей], / Я воистину поведаю тебе [о ней]». / У царя, услышавшего слова святого, / Родилась в сердце великая радость, / [Он] тотчас же последовал за святым, Прислуживая [ему] во всем...» [Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы. Сутра о постижении деяний бодхисаттвы Всеобъемлющая мудрость (далее — Лотосовая сутра)]. Издание подготовил А. Н. Игнатович. М., 1998, гл. XIII].

²³ *О прожитых годах сохранилось у меня много разных воспоминаний, которые вы могли бы послушать и собрать воедино, — очаровательно-трогательных, любопытных, диковинных...* (ただ年の積もりには、あはれにも、をかしくも、めづらしくも、さまざまおぼしめされぬべきことを聞きつめてはべりしかども、Тада тоси но цумори ни ва, аварэ ни мо, окасику мо, мэдзурасику мо, самадзама обосимэсарэнубэки кото о кикицумэтэ хабэриси ка домо) — Исследователи усматривают здесь возможный намек на отрывок из «Гэндзи моногатари», глава «Асагао» (朝顔, «Утренний лик»): «За прошедшие годы он (Гэндзи. — Ю. Г.) многое познал, изведал все оттенки человеческих чувств, и жизненный опыт его стал куда богаче прежнего» (ものを深く思し知り、世の人の、とあるかかふけちめ聞き集めたまひて、モノ о фукаку обосисири, ё но хито но, тоару какару кэ-зимэ мо кикицумэтамаитэ) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 6, прим. 3; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 60].

²⁴ *Перед ликом Будды расскажите...* (この仏の御前にて懺悔したまえ, Коно буцу но омаэ нитэ сангэситамаэ). Буквально эту фразу можно перевести как: «Извольте произнести исповедь пред ликом этого Будды...» Девушки добиваются от своей собеседницы рассказа в привычной для нее как монахини форме — исповеди, с тем, чтобы она не отвила отказом, а ее повествование было правдивым и полным.

Комментаторы также находят здесь намек на слова старца Сигэки из «О:кагами»: «Сидя на этом месте, решаюсь все вам рассказывать, но, признаюсь, что до сих пор, видно, не превозмог грех своей юности —

приверженность «всему прекрасному». Сегодня хочу исповедаться в сем храме (今日、この伽藍にて、懺悔つかうまつりてむとなり, Kē:, коно гаран нитэ, сангэцукау мацуритэму то нари)» (речь идет о храме Уринъин (см. прим. 567), где старцы ведут свой рассказ) [Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 6, прим. 4; О:кагами — Великое зеркало. Пер с древне-яп., исследование и коммент. Е. М. Дьяконовой. СПб., 2000, С. 167].

²⁵ *Ко:камон Ин* 皇嘉門院 (далее в тексте памятника названа Нё:ин 女院; такой титул давался принявшим постриг императрицам) — монашеское имя Фудзивара-но Масако 藤原聖子 (1123–1182), супруги императора Сутоку 崇徳 (1119–1164, правил с 1123 по 1141 г.). Ее мать — Фудзивара-но Мунэко 藤原宗子. В тексте памятника она названа Кита-но Мандокоро 北政所, почтительным именем жены регента или канцлера (*кампаку* 関白, *сэссё:* 摂政). *Мандокоро* — корпус чиновников в резиденции регента или канцлера. Главная супруга, игравшая важную роль в управлении резиденцией, называлась, таким образом, Кита-но Мандокоро.

²⁶ Именем *Сануки-но Ин* 讃岐院 здесь назван император Сутоку 崇徳 (см. прим. 25) — по названию места, где он был захоронен. Сутоку был одним из трех сыновей императора Тоба 鳥羽 (1103–1156, правил с 1107 по 1123 г.). Два брата Сутоку — императоры Коноэ 近衛 и Госиракава 後白河, правившие соответственно с 1141 по 1155 и с 1155 по 1158 г.

²⁷ *Кита-но Мандокоро* 北政所 (Фудзивара-но Мунэко 藤原宗子) умерла в сентябре 1155 г.

²⁸ Однако намного больше хотелось мне собирать цветы, затеявшись в дымке тумана, окутавшего Девятикратную обитель, и любоваться месяцем с высоких облаков (なほ九重の霞の迷いに花をもてあそび、雲の上にて月をも眺めまほしき心, Нао коконоэ но касуми но маёи ни хана о мотэасоби, кумо но уэ нитэ цуки о мо нагамэмахосики кокоро) — Эпитеты *коконоэ но...* (九重の, «девятикратный») и *кумо но уэ нитэ* (雲の上にて, «над облаками») относятся к императорскому дворцу. Иными словами, монахиня говорит, что осталась в императорском дворце и не стала служить в свите Ко:камон Ин (Нё:ин).

²⁹ *Император Нидзё: Ин* 二条院 (1143–1165, правил с 1158 по 1165 г.) был старшим сыном Госиракава (см. прим. 26). Был наследным принцем (東宮, *то:гу:*) в период правления своего отца. Принца крови, будущего императора, называли так в связи с тем, что жил он в Восточном, или Весеннем, павильоне императорского дворца. Согласно китайской традиции, восток связывался с образом весны и временем роста.

³⁰ *Император Рокудзё: Ин* 六条院 (1164–1176, правил с 1165 по 1168 г.) — сын Нидзё (см. прим. 29).

³¹ Император Такакура Ин 高倉院 (1161–1181, правил с 1168 по 1180 г.) сменил на престоле своего племянника Рокудзё:, был младшим сыном Госиракава и братом Нидзё:.

³² Волосы, подобные водорослям (つくも髪, цукумогами) — Предположительно, намек на стихотворение из произведения «Исэ моногатари» (伊勢物語, «Повесть из Исэ», 920-е гг.(?), 62-й дан): «До ста лет — / одного лишь не хватает! / Водоросли-кудри... (百年に一年たらぬつくも髪, Момотосэ ни хитотосэ тарану цукумогами) / Облик этот предо мною, — / видно из любви ко мне. Цукумогами — поэтический образ побелевших волос старого человека. Цукумо — водоросли, которые, как считается, напоминают волосы старца. Слово цукумогами нередко записывали как 九十九髪 [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 7, прим. 17; Кубоки Тэцую, 1999, С. 179, прим. 17; Исэ моногатари, Перевод, статья и примечания Н. И. Конрада, М., 1979, С. 86].

³³ Главы [сутры] — В тексте памятника — *итибу* 一部. Имеется в виду «Лотосовая сутра» (法華經, «Хоккэкё:») или «Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы» (妙法蓮華經, «Мё:хо:рэнгэкё:», санскр. «Саддхарма-пундарика-сутра»), как полагают, была составлена в Индии в I — начале II века, т.е. в первый период формирования корпуса сутр махаяны, ведущего направления буддизма. Наибольшую популярность она приобрела, однако, не в Индии, а в Китае (школа Тяньтай) и Японии (школы Тэндай, Хоккэ и Дзэн). Считается, что в «Лотосовой сутре» содержится последний цикл проповедей, которые произнес Будда Шакьямуни перед погружением в нирвану. Многие школы буддизма рассматривают ее как средоточие сути буддизма и считают символом своей веры. До настоящего времени дошло три перевода сутры на китайский язык, наиболее распространенный и известный из которых был сделан в 406 году Кумарадживой (344–413). В его переводе «Лотосовая сутра» состоит из 27 глав (7 частей). В Японии она стала известна сразу после проникновения буддизма на острова. «Лотосовая сутра» была объявлена одной из трех «сутр, защищающих страну», что означало признание её исключительной роли. Ее авторитет и известность возросли в IX в. Глава одной из ведущих школ хэйанского буддизма Тэндай (японский преемник китайской школы Тяньтай) — Сайтё: (767–822) распространял дополненный вариант сутры. Один из основных идеологов этой китайской буддийской школы — Чжии (538–597) добавил к переводу Кумараживы главу «Дэвадатта» (гл. XII), доведя таким образом число глав «Лотосовой сутры» до 28 (8 частей). «Хоккэкё:» — распространенное сокращение названия «Лотосовой сутры», употребляемое безотносительно конкретной версии ее перевода на китайский язык.

³⁴ ...достала из мешочка для сутр, что висел у меня на шее, книгу (首に掛けたる経袋より冊子経取り出でて, Куби ни какэтару кё:букуро ёри со:сикё: ториидэтэ) — имеется в виду «Лотосовая сутра». «Со:сикё:» 冊子経 означает «сброшюрованная сутра». В отличие от большинства дру-

гих рукописей, которые хранились в свитках (巻物, *макимоно*), листы сутр часто сшивали в книги.

³⁵ ...начала цитировать строфы из заключительной части главы «Уловка» «Лотосовой сутры» — Монахиня произносит длинное стихотворение «гэ» 偈 (санскр. *гитха*; в сутрах — стихи, в которых повторяется то, о чем говорится в прозаических частях текста сутры; буддийское песнопение) из главы II «Лотосовой сутры» под названием «Хо:бэн» (方便, санскр. *упая*, «Уловка»; в сутрах этим словом обозначается комплекс средств — разные учения, методы проповедей, с помощью которых Будда ведет разных по способностям и находящихся в неодинаковых условиях живых существ). В данной главе, как полагают, отражена суть «вводных проповедей» «Лотосовой сутры». Буддийские сутры принято делить на три функциональные части — *дзёбун* («вводная часть»), *сёсюбун* («часть, раскрывающая истинную суть») и *рудзубун* («часть для распространения»). Главы «вводной части» обычно посвящены описанию намечающейся проповеди Будды Шакьямуни (в каком месте она будет проводиться, кто на ней будет присутствовать, ее основное содержание и т. д.), что и отражено в заключающем «Уловку» стихотворении, которое начинается со слов: «Есть бхикишу и бхикишуни, переполненные надменностью...» (санскр. *бхикишу*, яп. *бикү* 比丘 — досл. «нищенствующий», буддийский монах). [Подробнее: Лотосовая сутра, 1998, предисловие, гл. III].

³⁶ ...в чьих сердцах «Лотосовая сутра», похоже, вызывает настоящий трепет (法華經にところを置きたてまつりたまはむを, Хоккэкё: ни тогоро о окитатэ мацуритамаваму о) — исследователи памятника усматривают в этой фразе перекачку со словами левого министра Токихира, о котором рассказывается в одной из глав 2-го свитка «О:кагами»: «Божество ты, или принадлежишь сему миру, — но сегодня ты непременно мне покоришься» (今日、神となりたまへりとも、この世には、我に所置きたまふべし, Кё:, ками то нариламаэритомо, коно ё ни ва, варэ ни тогоро окитамаубэси) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 8, прим. 7; О:кагами, 2000, Свиток II, С. 66].

³⁷ Если верно это и в отношении вас... — Очевидно, молодые женщины в свою очередь намекают на отношение монахини к «Лотосовой сутре».

³⁸ Десять женщин-расэцу (十羅刹, дзю:расэцу) — Расэцу (санскр. *ракшаса*) изначально называли злых духов, которые пожирают человеческую плоть, летают по небу и очень быстро передвигаются по земле. Согласно буддийской мифологии, женщина-ракшаса («мать демонов сыновей») пожирала детей других живых существ, пока Будда Шакьямуни тайно не увел от нее пять сотен ее собственных детей. После этого она обратилась в буддийскую веру. Они и десять других женщин-ракшас дали обет защищать тех, кто проповедует учение Будды, о чем свидетельствует глава XXVI «Лотосовой сутры», озагла-

ленная «Дхарани» 陀羅尼: «Эти десять женщин-ракшас, а также мать демонов сыновей вместе с сыновьями и сопровождающими подошли к Будде. Обратившись к Будде, [они] хором сказали: «Почитаемый в Мирах! Мы также желаем охранять тех, кто декламирует Сутру о Цветке Дхармы, получили [ее] и хранят, и устранять [их] беды...» [Лотосовая сутра, 1998, гл. XXVI].

³⁹ ...мне было позволено появиться в этих покоях (殿上許されはべりにたり, Тэндзё: юрсарэ хабэринитари) — Говоря об усадьбе, в которой случайно очутилась монахиня, она, очевидно, намекает также на парадные покои (殿上, тэндзё:) одного из строений императорского дворцового комплекса — Дворца Чистоты и Прохлады (清涼殿, Сэйрё:дэн), в котором она была принята на придворную службу [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 180, прим. 3; Марра, 1984, XXXIX:2, С. 133, прим. 55].

⁴⁰ *Искоренять зло и породить добро* (滅罪生善, Мэцудзаисё:дзэн) — слова, которые обычно произносят после чтения буддийских сутр. Эта молитвенная формула призывает верующих к тому, чтобы они искупили грехи, совершенные ими в прошлом и настоящем, дабы обрести лучшую судьбу в следующей жизни.

⁴¹ ...они принялись обсуждать всякие пустяки (さまざまのそぞろ言ども言ひ, Самадзама но содзорогото домо ии) — Похожие слова есть и у Мурасаки Сикибу, в «Дневнике» (XI в.) писательницы: «Занималась «Повестью» и находила утешение в бесконечных разговорах о том о сем» (ただこれをさまざまにあへしらひ、そぞろごとにつれづれをば慰めつつ, Тада корэ о самадзама ни асирай, содзорогото ни цурэдзурэ оба нагусамэцуцу) [Мумё:дзо:си: тую:сяку то сирё:, 2004, С. 10, прим. 1; Мурасаки Сикибу. Дневник. Пер. с япон. А. Н. Мещерякова, СПб.: Азбука, 2000, С. 81].

⁴² ...следует по тому же «пути» (かやうの道ばかりにこそはべらめ, Каё: но мити бакари ни косо хабэрамэ). Буквально эту фразу можно перевести как: «...вероятно, идут только по этому пути». Автор имеет в виду «путь чувственности», воспевающей красоты этого мира — цветы, осеннюю листву, луну, снег и т. д.

⁴³ Указанные в тексте памятника географические названия *Кома* 高麗 и *Морокоси* 唐土 — старые наименования Кореи и Китая.

⁴⁴ *О:сию: отправился навестить Тайандо:* — ссылка на историю, встречающуюся в нескольких произведениях — китайской династийной хронике «Цзинь-шу» 晉書 (яп. «Синдзё», «Летопись Цзинь») и сборнике сэцува «Кара моногатари» 唐物語. Она повествует о том, как в прекрасную лунную ночь О:сию: 王子猷 (кит. Ван Цзыю) отправился к своему другу Тайандо: 戴安道 (кит. Дай Аньдао), чтобы вместе полюбоваться великолепной луной.

⁴⁵ ...супруга Сё:си, сердце которой наполнил лунный свет, поднялась в облака — Эта история также встречается в «Кара моногатари». Дочь китайского императора Чжоугуна 穆公, очарованная игрой музы-

канта Сё:си 簫子 (кит. Сяо Цзы) на флейте, становится его женой. Не обращая внимания на насмешки со стороны окружающих, она вместе с мужем принимается играть на флейте, созерцая лик луны. Феникс услышал прекрасные звуки их игры и забрал супружескую пару с собой на небеса.

⁴⁶ *Вероятно, и у нас есть немало схожих историй* (この世にも。。。多くはべるめり, Коно ё ни мо ... о:ку хабэрумэри) — т. е. в японской литературе (в Японии). Исследователи предполагают, что автор, в частности, ссылается на «Такэтори моногатари» (竹取物語, «Повесть о старике Такэтори», ок. 960 г.), рассказывающую о девочке по имени Кагуяхимэ, найденной стариком в колечке бамбука. Она была рождена в Лунном царстве и изгнана на Землю за провинность. В конце повести лунные жители прилетают за Кагуяхимэ, и она возвращается на родину.

⁴⁷ *Бодхисаттва Сэйси* (勢至菩薩, санскр. Махастхамапрапта) вместе с богиней милосердия Каннон (Кандзэон 観世音菩薩, санскр. Авалокитешвара) являются «сопровождающими» бодхисаттвами будды Амида. Считается, что луна — воплощение Сэйси, а солнце — Каннон.

⁴⁸ *...переходя из темноты в темноту* (暗きより暗きに迷はむ, Кураки ёри кураки ни маёваму) — Очевидно, намек на отрывок из «Лотосовой сутры» (глава «Сравнение с призрачным городом» 化城喩: «В долгие ночи удлинялись пути зла, / Уменьшалось количество богов. / Переходя из темноты в темноту, / Люди никогда не слышали имени будды» [Лотосовая сутра, 1998, гл. VII]. Этот же отрывок служит прообразом знаменитого стихотворения из поэтической антологии «Сю:ивакасю:», принадлежащего кисти одной из самых гениальных поэтесс хэйанской литературы Идзуми Сикибу 和泉式部 (拾遺和歌集, «Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии», конец X в., свиток XX, Песни скорби, № 1342):

Кураки ёри	Из тьмы выхода,
Кураки мити ни дзо	В тьму погружаюсь, блуждая
Иринубэки	Зыбкими тропами.
Харука ни тэрасэ	Освети же мне путь, далекая
Яма но ха но цуки	Луна над горной вершиной.

[Идзуми Сикибу. Собрание стихотворений. Дневник / Пер. с яп. Т. Соколовой-Делюсиной. СПб., 2004, С. 128].

⁴⁹ *...мир «конца Закона»* (末の世, суэ но ё) — Буддийское учение должно пройти три этапа: 1) период «Совершенного закона» 正法 (яп. Сё:бо:, санскр. Саддхарма) — первая тысяча лет после смерти будды Шакьямуни, когда Учение процветает и пользуется всеобщим признанием и уважением, строго соблюдается монастырский устав; 2) время «Подобия Закона» 像法 (яп. Дзо:бо:, санскр. Пратитупадхарма) — истинная вера приходит в упадок, но основывается множество храмов; 3) период «Последнего конца закона» 末法 (яп. Маппо:, санскр. Пасчимадхарма) — распространяются пороки, в мире не остается и следа от истинного

буддийского учения [Горегляд В. Н. Дневники и эссе в японской литературе X–XIII вв. М., 1975., С. 151]. В Японии считалось, что период «конца Дхармы (Закона) будды» начался в 1052 году. Эта мысль изложена, в частности, в историческом сочинении «Фусо: рьякки» (扶桑略記, «Краткая история Японии»), написанном между 1094 и 1169 гг. буддийским монахом Ко:эном (ум. в 1169 г.) из школы Тэндай.

В «Гэндзи моногатари» мы находим сходные размышления героев повести о веке «конца Закона». Например, в главе «Вакамурасаки» (若紫, «Юная Мурасаки») говорится: «Даже сам настоятель отирал слезы, приговаривая:

— Подумать только, человек столь редкостной красоты родился в стране Солнца в пору зополучного Конца Закона! Хотел бы я знать, что послужило тому причиной?» (僧都も、「あはれ、何の契りにて、かかる御さまながら、いとむつかしき日本の末の世に生まれたまへらむと見るに、いとなむ悲しき」とて、目おしのぐひたまふ、Со:дзу мо, аварэ, нани но тигири нитэ, какару о:наса нагара, ито муцукасики хиномото но суэ но ё ни мумарэтама-эраму то миру ни, ито наму канасики тотэ, мэ осиногоитамау) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 11, прим. 10; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 95].

⁵⁰ Будда, верный своему обещанию прошлого. — Будда Амида явил «сопровождающего» его бодхисаттву Сэйси в сиянии луны. Сэйси направляет людей по пути буддийского учения, освещая им дорогу.

⁵¹ «Записки у изголовья» («Макура-но со:си» 枕草子) — одно из самых замечательных и оригинальных произведений классической японской литературы (X в.), относящихся к жанру *дзуйхицу* («вслед за кистью»). Этот термин переводят чаще всего как «эссе», хотя условность такого перевода очевидна. Принцип сочинений этого жанра, к которым ближе всего стоят записные книжки и дневники писателей, — свобода писания, не имеющего заранее созданного плана и не соблюдающего сюжетной канвы. Жанр этот «получил свое название не по объекту изображения, а по методу порождения текста» [Мещеряков А. Н. Древняя Япония: культура и текст. М., 1991, С. 149, 150]. В «Записках у изголовья» 306 несвязанных между собой отрывков (*данов*). Это — эскизы, философские размышления, бытовые и любовные сценки.

Автор — Сэй Сё:нагон 清少納言 (964/966–?). Создание этого произведения целиком связано с придворной службой Сэй Сё:нагон в свите императрицы Тэйси (Садако) 定子, в которой она получила место около 991 г. и где прослужила почти десять лет. Многочисленные даны ее сочинения — это кадры из придворной жизни; Сэй Сё:нагон представляется «художником» аристократического общества эпохи Хэйан: она рисует картины из придворной жизни, детальные портреты людей, обобщая вместе с тем каноны данной культуры. Также см. прим. 490.

⁵² В дни, когда сердце сжимается от тоски, стоит только взглянуть на письмо от близкого в прошлом человека (つれづれなる折、昔の人の文見いでたるは、Цурэдзурэ нару ори, мукаси но хито но фуми миидэ-

тару ва) — Похожая фраза есть и в главе «Мабороси» (幻, «Кудесник-даос») «Гэндзи моногатари»: «Невозможно оставаться безучастным, глядя на знаки, начертанные человеком, давно покинувшим мир...» (過ぎにし人の跡と見るはあはれなるを, Сугиниси хито но ато то миру ва аварэна-ру о) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 12, прим. 6; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 211].

⁵³ Годы *Энги* 延喜 (901–922) — годы правления императора Дайго 醍醐 (885–930, правил с 897 по 930 г.), годы *Тэнряку* 天曆 (947–956) — годы правления императора Мураками 村上 (926–967, правил с 946 по 967 г.). X век впоследствии будет назван «золотым веком» императорского правления. Поэтические сочинения и прозу в этот период начинают писать на японском языке, в живописи китайские сюжеты сменяются японскими, буддийская скульптура приобретает характерный японский стиль и т. д. В предисловии к поэтической антологии «Сэн-дзайвакасю:» читаем такие строки: «В священные годы Энги свет увидело собрание «Кокинсю:», а в мудрые годы Тэнряку — «Госэнсю:» (延喜のひじりの御世には古今集を選ばれ、天曆のかしこき御時には、後選集を集めたまひき、Энги но хидзири но миё ни ва кокинсю: о эрабарэ, тэнряку но касикокки о:нтоки ни ва, госэнсю: о адумэтамаики) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 12–13, прим. 7].

⁵⁴ ...заставы страж (関守, сэкимори) — намек на стихотворение из «Исэ моногатари». В 5-ом дане произведения главный герой и, как считает традиция, ее автор, прославленный поэт Ариваро-но Нарихира сетует на то, что страж, приставленный к дому его возлюбленной Фудзивара-но Ко:си 藤原高子, стал препятствием для их тайных встреч:

Хито сирэну	О ты, страж заставы
Ва га каёидзи но	На моей тропе,
Сэкимори ва	Неведомой людям, —
Ёиёи гото ни	Если бы каждый вечер
Ути мо нэнанаму	Ты засыпал...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 184, прим. 7; Исэ моногатари, 1979, С. 44]. Данное стихотворение включено также в антологию «Кокинвакасю:» — свитки XI–XV, Песни любви, № 632.

Ариваро-но Нарихира 在原業平 (825–880) — пятый сын принца Або 阿保, внук императора Хэйдзэй 平城 (774–824, правил с 806 по 809). Славился красотой и поэтическим талантом. Один из «шести бессмертных поэтов» «Кокинвакасю:» и героев рассказов, собранных в «Исэ моногатари». Есть также основания полагать, что Нарихира — один из возможных прототипов блистательного принца Гэндзи, героя романа Мурасаки Сикибу «Гэндзи моногатари».

⁵⁵ ...хаживал к ней той дорогой (もと来し道もたち帰ること多かり, Мото ко-си мити мо татикаэру кото о:кари) — Аллюзия на *танка* из 56-го дана «Ямато моногатари» (大和物語, «Повесть из Ямато», середина X века) о том, как Тайра-но Канэмори 平兼盛 (ум. в 990 г.), будучи в чине помощника управителя провинции Этидзэн, решил навестить свою воз-

любленную Хё:э-но кими 兵衛の君 (дочь министра Фудзивара-но Канэ-сигэ) после долгих лет разлуки:

Ю:сарэба	Наступил поздний вечер,
Мити мо миэнэдо	И не видно дороги
Фурусато ва	В родные места,
Мото коси кома ни	И вот доверился я коню,
Макасэтэ дзо юкку	На котором некогда ездил к тебе.

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 184, прим. 8; Ямато моногатари, Перевод с японского, исследование и комментарий А. М. Ермаковой, М., 1982, С. 118].

⁵⁶ *предстает перед нами, словно наяву...* (ありしなごらの面影を定かに見ること, Арисинагара но омокагэ о садака ни миру кото ва) — Исследователи [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 184, прим. 9] усматривают здесь намек на стихотворение неизвестного автора из антологии «Кокинвакасю» (свитки XI–XV, Песни любви, № 647):

Мубатама но	Та явь,
Ями но уцуцу ва	когда встретились мы ночью,
Садака нару	черной, словно ягоды тута,
Юмэ ни икура мо	была не более реальна,
Масарадзарикэри	чем те сны, [грёзы], когда душой устремляюсь к тебе...

[Кокинвакасю:, 1995, Т. 2, С. 268].

⁵⁷ *Дзё:то:мон Ин* (上東門院, Обитательница дворца у Верхних восточных ворот) — монашеское имя дочери Фудзивара-но Митинага — Фудзивара-но Сё:си (Акико) 藤原影子 (988–1074), супруги императора Итидзё: 一条 (968–1008, правил с 986 по 1011 г.) и матери императоров Гоитидзё: 後一条 (1008–1036, правил с 1016 по 1036 г.) и Госудзаку 後朱雀 (1009–1045, правил с 1036 по 1045 г.). В 1026 году постриглась в монахини, получив имя Дзё:то:мон Ин. В течение долгого времени была душой придворного «литературного салона», куда входили самые блестящие женщины того времени — Мурасаки Сикибу, Идзуми Сикибу, Ко Сикибу-но Найси, Акадзомэ Эмон, Сэки Санэмон, Исэ-но Таю: и др. Автор «Великого зеркала» пишет о старшей дочери Митинага: «Первая дочь [Дзё:то:мон Ин] во времена монаха-императора Итидзё: в возрасте двенадцати лет вошла во дворец; на другой год в двадцать пятый день второй луны второго года Тё:хо: (1000 г.), в год старшего брата металла и крысы в возрасте тринадцати лет сделалась императрицей. Когда она стала именоваться средней императрицей *тё:гу:*, то одного за другим родила двух мальчиков-принцев [Гоитидзё: и Госудзаку] — это нынешний государь и наследный принц, владелец Восточного павильона. Ее называли августейшей родительницей двух принцев, Великой императрицей-матерью *тайко:тайго:-но мия*, она — первая мать Поднебесной» [О:кагами, 2000, Свиток V, С. 138].

Стихотворение, отрывок из которого цитирует одна из героинь произведения, Дзё:то:мон Ин написала, когда скончался ее муж, им-

ператор Итидзе:. Оно помещено в антологию «Синкокинвакасю:» (свиток VIII, Песни скорби, № 811), в которую вошло пять стихотворений императрицы-монахини:

После кончины государя-инока Итидзё:, тоскуя об умершем, как-то увидела его во сне, тогда и сложила

Ау кото мо	Тебя уже нет,
Има ва накинэ но	Лишь слезы бесплодные льются.
Юмэ нарадэ	О, если б не сон,
Ицuka ва кими о	Когда бы еще довелось
Мата ва мирубэки	Встретить тебя?

В стихотворении использован двузначный образ (*какэкотабо*), строящийся на двух значениях словосочетания *има ва накинэ* いまはなきね: 1) *има ва наки* (今は無き, «сейчас нет...») и 2) *накинэ* (泣き寝, «ночи в слезах...») [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 184, прим. 12; Синкокинсю:, 2001, Т. 2, С. 28].

⁵⁸ *Не следует, должно быть, предаваться размышлениям о том, что пленяет сердца наши утонченной прелестью своей в этом мире* (あまた、世にとりていみじきことなど申すべきにはあらねど, Амата ё ни торитэ имидзики кото надо мо:субэки ни ва аранэдо) — Согласно буддийскому учению, подобные рассуждения лишь усиливают привязанность чувственных созданий к бренному, полному пороков, миру.

⁵⁹ *Способны смягчить они не знающего сострадания воина...* (情なき武士の和らぐことはべり, Насакэнаки мононофу но яварагу кото мо хабэри) — Исследователи памятника [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 185, прим. 14] предполагают, что в этой фразе содержится переключка со словами Ки-но Цураюки из предисловия к антологии «Кокинвакасю:», приписывающего те же свойства поэзии. В переводе А. А. Долина предложение, включающее эти слова, звучит так: «Не что иное, как поэзия, без усилия приводит в движение Небо и Землю, пробуждает чувства невидимых взору богов и демонов, смягчает отношения между мужчиной и женщиной, умиротворяет сердца яростных воителей» (猛き武士の心をも慰むるは、歌なり, Такэки мононофу но кокоро о мо нагусамуру ва, ута нари).

⁶⁰ *...обнажить чувства человека, что таит он в своей душе* (色ならぬ心のうちあらはすものは, Иро нарану кокоро но ути аравасу моно ва) — Возможно, аллюзия на стихотворение из антологии «Сэндзайвакасю:», Песни любви, № 688.

Иро мизну	То были слезы,
Кокоро но ходо о	Что увлажнили рукава
Сирасуру ва	И обнажили чувства
Тамото о сомуру	Того, кто прячет их
Намида нарикэри	В глубинах сердца своего.

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 185, прим. 15].

А также, вероятно, намек на *танка* Оно-но Комати из «Кокинвакасю:», Свитки XI–XV, Песни любви, № 797:

Иро миздэ	Цветок, что увядает
Уцуроу моно ва	[невидимый глазу], —
Ё но нака но	это цветок [любви]
Хито но кокоро но	в сердце человека
Хана ни дзо арикэру	в этом бренном мире...

[Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 14, прим. 2; Кокинвакасю:, 1995, Т. 2, С. 319].

⁶¹ *Тэйдзи* 亭子 — имя, которое принял император Уда 宇多 (867–931, правил с 887 по 897 г.) после отречения от престола. Однако, как предполагают исследователи, в рукописи памятника допущена ошибка, и Кинтада (см. прим. 62), скорее всего, сопровождал императора Дайго, а не Уда [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 185, прим. 17; Марра, 1984, XXXIX:2, С. 135, прим. 68].

⁶² *Кинтада* — Минамото-но Кинтада 源公忠 (889–948). Внук императора Ко:ко: 光孝 (830–887, правил с 884 по 887 г.) При дворе видных постов не занимал. Был известен как знаток изящных искусств, один из «тридцати шести бессмертных» поэтов (三十六歌仙, «сандзю:роккасэн») средневековой Японии.

⁶³ *Но уже оттого, что вижу я, как вы плачете, я исполнен печали* (泣くを見るこそあわれなりけれ, Наку о миру косо аварэнарикэрэ) — Вероятно, намек на стихотворение из 133-го дана «Ямато моногатари»: «Тот же император однажды вечером, когда луна была красива, соизволил совершать тайный обход покоев фрейлин. Спутником ему служил Кинтада. Из одних покоев, что там были, вышла красивая дама, одетая в ярко-алые одежды, она безудержно рыдала. Император послал Кинтада подойти и узнать, в чем дело, но она лишь закрывала лицо распущенными волосами и рыдала без удержу. «Отчего вы так плачете?» — спрашивал Кинтада, но ответа не было. Император тоже был весьма неприятно поражен. Тогда Кинтада:

Омоураму	О чем думаете
Кокоро но ути ва	В глубине души,
Сиранэдомо	Неведомо,
Наку о миру косо	Но уже оттого, что вижу я, как вы плачете,
Вабисикарикэрэ	Я исполнен печали —

так сложил, и император несказанно хвалил его». [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 185, прим. 18; Ямато моногатари, 1982, С. 154].

⁶⁴ *...величием ... исполнен, без сомнения, будда Амида* — Вот что пишет в своем «Дневнике» Мурасаки Сикибу о служении будде Амида: «А сейчас я буду совершенно откровенна. Что бы люди там ни говорили, а я решила все помыслы обратить к будде Амида и сутрам. Беды этого мира — лишь недолговечная роса и не должно душе заботиться ими и не стоит жалеть сил, дабы прилепиться к праведности» (いかに、今は言忌みしはべらじ。人、と言ふとも、かく言ふとも、ただ阿弥陀仏にたゆみなく、経をならひはべらむ。世の厭はしきことは、すべてつゆばかり心もとまらずなりにてはべれば、

聖にならむに、懈怠すべうもはべらず, Икани, има ва котоими сихабэрадзи. Хито, то иу томо, каку иу томо, тада амидабуцу ни таюминаку, кё: о нараи хабэраму. Ё но итои ва сикикото ва, субэтэ цюу бакари кокоро мо томарадзу нари нитэ хабэрэба, хидзири ни нараму ни, кэдаи субэумо хабэрадзу) [Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 14–15, прим. 8; Мурасаки Сикибу, 2000, С. 127].

⁶⁵ ...вознесение молитв будде Амида — истинное благодеяние, которое не останется без воздаяния (念仏の功德の要など, Нэмбуцу но куду но ё: надо). Вознесение молитвы (念仏, нэмбуцу) заключалось в произнесении речитативом сакральной фразы «Слава будде Амида!» (南無阿弥陀仏, Наму Амида буцу) — см. прим. 11. В «Макура-но со:си» (дан, посвященный травам) читаем об этом такие строки: «Он (лотос. — Ю. Г.) упоминается в притчах Сутры лотоса, цветы его подносят Будде, плоды нанизывают, как четки, — и, поминая лотос в молитвах, обретают райское блаженство в загробном мире» (妙法蓮華のたとひにも、花は仏にたてまつり、実は数珠に貫き、念仏して往生極樂の縁とすればよ, Мё:хо:рэнгэ но татои ни мо, хана ва буцу ни татэмацури, ми ва дзюдзу ни цурануки, нэмбуцу ситэ о:дзё:гокураку но мидори то сурэба ё) [Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 15, прим. 9; Сэй Сё:нагон. Записки у изголовья. Пред., пер. и коммент. В. Н. Марковой, СПб., 1999; дан 66, С. 134].

⁶⁶ Сазмон-но Ками Киммицу 左衛門督公光 — Фудзивара-но Киммицу 藤原公光 (1130–1178). С 1160 года занимал пост начальника левой привратной охраны (контролировала внешние подступы к императорскому дворцу), а также должность внештатного среднего советника (権中納言, гонтю:нагон). Был поэтом, стихи Фудзивара-но Киммицу включены в императорские антологии «Сэндзайвакасю:» (千載和歌集, «Собрание японских песен за тысячу лет», 1188 г.), «Сёкуокинвакасю:» (続古今和歌集, «Продолжение собрания старых и новых японских песен», 1265 г.) и «Гёкуё:вакасю:» (玉葉和歌集, «Собрание драгоценных листьев», 1312–1313 гг.). История про Фудзивара-но Киммицу, которую рассказывает одна из героинь «Записок без названия», больше нигде не встречается.

⁶⁷ Что деяния моего прошлого и будущего... (来し方行く先のこと, Киси ката юку саки но кото) — Возможно, содержится намек на отрывок из «Гэндзи моногатари» (глава «Акаси» 明石): «В ближних пределах не было ни одного человека, который, обладая умом, способным проникать в душу вещей и прозревать прошлое и грядущее, мог бы открыть истинные причины происшедшего» (近き世界に、ものの心を知り、来し方行く先のことうちおぼえ、とやかくやとはかばかしう悟る人もなし, Тикаки сэкаи ни, моно но кокоро о сири, киси ката юку саки но кото ўтиобоз, тоякаку я то хакабакасю сатору хито мо наси) [Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 16, прим. 19; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 246].

⁶⁸ *Какими бы увлекательными и притягательными ни казались повести с картинками* (いかにおもしろくめでたき絵物語といへど, Икани омосироку мэдэтаки эмоногатари то издо) — Тему «повестей с картинками» мы находим также в «Гэндзи моногатари» (глава «Хотару» 蛍, «Светлячки»): «В нынешнем году пора ливней продолжалась особенно долго, просвета не было ни малейшего, и изнывающие от скуки обитательницы дома на Шестой линии искали спасения в повестях с картинками» (長雨例の年よりもいたくして、晴るる方なくつれづれなれば、御方々、絵物語などのすさびにて、明かし暮らしたまふ、ナгаамэ рэи но тоси ёри мо Итаку ситэ, харуру ката наку цурэдзурэ нарэба, о:нкатагата, эмоногатари надо но сусабинитэ, акаси кураситамау). Одним из ранних примеров «повестей с картинками» является «Гэндзи моногатари эмаки» (源氏物語絵巻, «Свиток «Повести о Гэндзи»). Считается, что он принадлежит кисти Фудзивара-но Такаёси (XII в) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 16, прим. 3; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 148, 264].

⁶⁹ *Нет ни двух, ни трех Колесниц...* (無二亦無三, Муни мата мусан) — цитата из главы «Уловка» «Лотосовой сутры»: «В землях будд десяти сторон [света] / Есть только Дхарма Одной Колесницы. / Нет ни двух, ни трех [Колесниц]... (十方仏土中唯有 — 一乘法 — 無二亦無三) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 16, прим. 6; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 187, прим. 16; Лотосовая сутра, 1998, глава II].

⁷⁰ *«Сутра лотоса» — самая главная» из всех* (法華最第一, Хоккэ мотомо дайити) — цитата из главы «Учитель Дхармы» 法師品 «Лотосовой сутры»: «Мы обрели сегодня великое благо! / Царь Врачевания! / Среди всех сутр, которые я проповедовал, / [Эта Сутра] о Цветке Дхармы — самая главная!» (葉王今告汝所説諸経而於此経中法華最第一) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 16, прим. 7; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 187, прим. 17; Лотосовая сутра, 1998, глава X].

⁷¹ См. прим. 2.

⁷² ... оно незаконченное или неполное, и в тех частях, что не попали в него, есть хотя бы краткие отрывки [из благой сутры]... (何事か、作り残し書き漏らしたること、一言もはべる, Нани гото ка цукуринокоси, какимораситару кото, хитокото мо хабэру) — Комментаторы памятника отмечают, что данной фразой автор выражает иронию. Практически не было сомнений в том, что «Повесть о Гэндзи» дошла до читателя в полном объеме, но несмотря на это, к удивлению создателя «Записок без названия» она не включает ни одной цитаты из «Лотосовой сутры» [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 187, прим. 22].

⁷³ Согласно «Хо:буцую:» (宝物集, сборник буддийских рассказов сэцува, 1177–1180, автор — Тайра-но Ясуёри 平康頼), после смерти душа Мурасаки Сикибу, создавшей столь светское произведение, как «Гэндзи моногатари», отправилась в ад [Марра, 1984, XXXIX:2, С. 137, прим. 71]. Автор же «Записок без названия» в свою очередь защищает прославленную писательницу, доказывая, что неоспоримые таланты Мурасаки —

божественный дар, а сама она была глубоко религиозным человеком. Это отчасти подтверждает приводившийся ранее отрывок из «Дневника» Мурасаки Сикибу (см. прим. 64).

⁷⁴ *И правда, она будто явилась благодаря вознесению молитв Будде* (まことに、仏に申し請ひたりける験にやこそおぼゆれ、Макотони, буцу ни мо:сикоитарикэру сируси ни я косо обоюрэ) — Согласно легенде, «Повесть о Гэндзи» была написана Мурасаки Сикибу во время вознесения молитв богине Каннон в храме Исиямадэра 石山寺. Вот что сказано по этому поводу в «Какаисё:» (河海抄, одном из первых исследований «Гэндзи моногатари», ок. 1367 г.): «В то время, когда молилась она ночи напролет в храме Исиямадэра, явился ей образ той повести», (石山寺に通夜してこのことをいのり申すに折しも。。。物語の風情空にうかびたるを, Исиямадэра ни цу:яситэ коно кото о иноримо:су ни ори си мо ... моногатари фудзэи ку: ни укабитару о). Также см. прим. 543 [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 18, прим. 4; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 188, прим. 9].

⁷⁵ Автор «Записок без названия» перечисляет произведения жанра *цукури-моногатари*, которые были созданы до «Повести о Гэндзи». «Уцубо моногатари» и «Такэтори моногатари» сохранились полностью. По мнению исследователей, «Уцубо моногатари» (宇津保物語, «Повесть о дупле», между 970 и 983 г.) является одним из реальных предшественников «Гэндзи моногатари». «Такэтори моногатари» (竹取物語, «Повесть о старике Такэтори», ок. 960 г.), названная в «Повести о Гэндзи» «прародительницей всех моногатари», ставят обычно в начало исторического ряда японской художественной литературы. Авторы обоих произведений неизвестны. Оригинальный текст «Сумиёси моногатари» 住吉物語, упоминаемой также в «Повести о Гэндзи» и «Записках у изголовья», до нас не дошел. Сохранился лишь более поздний вариант произведения под названием «Фурухон сумиёси моногатари» 古本住吉物語, созданный в начале эпохи Камакура.

⁷⁶ *Возможно ли пересказать столь длинную повесть по памяти?* (さばかり多かるものを、そらにはいかか語りきこえむ, Сабакари о:кару моно о, со-ра ни ва икага катарикикоэму) — Исследователи памятника усматривают здесь намек на эпизод из «Сарасина никки» (更級日記, «Одинокая луна в Сарасина», ок. 1060 г.): «И как только сумела я проведать о существовании романов? Но вот ведь, проведала и стала мечтать лишь о том, чтобы эти книги увидеть! Днем в досужие часы, или сумерничая, сестрица, мачеха и другие женщины пересказывали отрывки из того или иного романа *моногатари*, например, о принце Гэндзи — я слушала, и интерес мой все более разгорался. Разве могли они по памяти рассказывать столько, сколько мне бы хотелось!» (世の中に物語といふもののあんなるを、いかで思はずと思ひつつ、つれづれなるひるま、宵居などに、姉、継母などやうの人々の、その物語、かの物語、光源氏のあるやうなど、ところどころ語るを聞くに、いとどゆかしさまされど、わが思ふままに、そらにいかでかおぼえ語らむ、Е но нака ни могогатари то иу моно но аннару о, икадэ омобая то омоицуцу, цурэдзурэ нару хирума, ёии надо ни, анэ, кэибо надо ё:но хитобито но, соно

моноготари, кано моноготари, хикаругэндзи но ару ё: надо, токородо-коро катару о кики ни, итодо юкаси самасарэдо, ва га омоу мама ни, сора ни икадэ ка обоекатараму) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 18, прим. 8; Сарасина никки. Одинокая луна в Сарасина. Пер. с яп., предисл. и коммент. И. В. Мельниковой. СПб., 1999, С. 41].

⁷⁷ *При каком же Государе то было?.. Много дам разных званий служило тогда во Дворце...* (いづれの御時にか、女御、更衣あまたさぶらひたまひける, Идзурэ но о:нтоки ни ка, нё:го, ко:и амата сабураитамаикэру) — с этих слов начинается первая глава «Повести о Гэндзи» — «Павильон Павлоний» (桐壺, «Кирицубо») [Мурасаки Сикибу, 1991-93, кн. 1, С. 7; Нихон котэн бунгаку тайкэй, далее — НКБТ (日本古典文学大系, «Полное собрание японской классической литературы»), Токио, 1958. Т. 14. С. 27-51].

⁷⁸ *Обряд Покрытия главы Гэндзи* (源氏初元結, Гэндзи хацумотоюи) — В завершающей части главы «Павильон Павлоний» описывается обряд Покрытия главы, знаменующий совершеннолетие Гэндзи: «Досадно было менять отроческий облик Гэндзи, но мальчик достиг уже двенадцати лет, настала пора совершить обряд Покрытия главы» (この君の御童姿、いと変へまうと思せど、十二にて御元服したまふ, Коно кими но о:нварава сугата, ито казмауку обосэдо, дзю:ни нитэ гогэмпуку ситамау). Главное действие обряда Покрытия главы состояло в надевании головного убора *каммури* 冠. После совершения обряда мальчик считался взрослым, вместо детского имени *варавана*, ему присваивали взрослое — *имина* [Мурасаки Сикибу, 1991-93, кн. 1, С. 18, Приложение, С. 73].

⁷⁹ *Глава «Дерево-метла»* (帚木, «Хахакиги»): Мурасаки Сикибу, 1991-93, кн. 1, С. 22-38; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 55-86.

⁸⁰ *Глава «Вечерний лик»* (夕顔, «Ю:гао»): Мурасаки Сикибу, 1991-93, кн. 1, С. 56-83; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 121-174.

⁸¹ *Глава «Праздник алых листьев»* (紅葉賀, «Момидзи-но га»): Мурасаки Сикибу, 1991-93, кн. 1, С. 132-148; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 269-299.

⁸² *Глава «Праздник цветов»* (花宴, «Хана-но эн»): Мурасаки Сикибу, 1991-93, кн. 1, С. 149-156; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 301-313.

⁸³ *Глава «Мальвы»* (葵, «Аои»): Мурасаки Сикибу, 1991-93, кн. 1, С. 157-183; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 315-364.

⁸⁴ *Отправление в Исэ в главе «Священное дерево сакаки»...* (「賢木」、伊勢の御出で立ち, Сакаки, исэ но оидэтати) — речь идет о переезде жрицы Исэ (дочери Рокудзё:-но Миясудокоро — см. прим. 120) из Священной обители на равнине Сага, где она проходила очищение, в святилище Исэ. С ней также отправляется Рокудзё:-но Миясудокоро, которая стремится избавиться от привязанности к Гэндзи [Мурасаки Сикибу, 1991-93, кн. 1, С. 185-190; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 367-374].

⁸⁵ *Фудзицубо изволила постричься в монахини после кончины Государя-инока* (院隠れさせたまひて後、藤壺の宮、さま変えたまふ, Ин какурэсасэ-

тамаитэ ноти, фудзицубо но мия, самакаэтамау) — после смерти императора Кирицубо, отца Гэндзи, государыня-супруга Фудзицубо заявила о намерении принять постриг [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 205–208; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 394–409].

⁸⁶ *Отъезд Гэндзи из столицы* (京を出でたまふ, Мияко о идэтамау) — Главный герой повести решает покинуть столицу, т. к. навлек на себя немилость двора. В качестве цели путешествия он выбирает Сума, считавшуюся «глухой, безотраднo унылой местностью». Глава «Сума» 須磨: Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 217–243; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 11–30.

⁸⁷ *Глава «Акаси»* 明石: Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 244–268; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 57–97.

⁸⁸ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 265; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 92.

⁸⁹ *Глава «В зарослях полыни»* (蓬生, Ёмогиу): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 289–302; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 135–160.

⁹⁰ *Глава «Утренний лик»* (朝顔, «Асагао»): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 51–63; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 247–270.

⁹¹ *В семнадцатой книге...* (十七の並びの中に, Дзю:сити но нараби но нака ни) — Имеется в виду старое деление «Гэндзи моногатари» на 37 книг. В семнадцатую книгу входили десять глав, в том числе «Первая песня» и «Бабочки».

⁹² *Глава «Первая песня»* (初音, «Хацунэ»): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 119–127; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 375–391.

⁹³ *Глава «Бабочки»* (胡蝶, «Котё:»): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 128–140; НКБТ, Т. 15, 1958, С. 393–415.

⁹⁴ *Глава «Пронизывающий поля»* (野分, «Новаки»): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 169–179; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 43–64.

⁹⁵ *Глава «Листья глициний»* (藤裏葉, «Фудзи-но ураба»): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 240–254; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 181–207.

⁹⁶ *Глава «Первая зелень»* (若菜, «Вакана»): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 3–108; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 209–418.

⁹⁷ *Уэмон-но Ками* 右衛門督 — начальник правой привратной охраны императорского дворца Касиваги, главный герой одноименной главы «Дуб» (柏木, «Касиваги»), старший сын То:но Тю:дзё: (см. прим. 143): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 109–130; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 28–36.

⁹⁸ *Глава «Великий закон»* (御法, «Минорй»): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 189–199; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 171–191.

⁹⁹ *Глава «Кудесник-даос»* (幻, «Мабороси»): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 200–212; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 193–216.

¹⁰⁰ *Главы, раскрывающие историю в Удзи...* — речь идет о четырех главах «Гэндзи моногатари» — «Девы у моста» (橋姫, «Хасихимэ»), «Под деревом сии» (椎本, «Сиигамото»), «Тройной узел» (総角, «Агэмаки») и «Побеги папоротника» (早蕨, «Савараби»), повествующих о жизни двух сестер, дочерях Восьмого принца (сын императора Кирицубо, брат Гэндзи), в усадьбе, располагавшейся в Удзи. Старшая из сестер, О:ки-ми, умерла в Удзи, не выдержав переживаний, вызванных несчастной любовью, младшая, Нака-но Кими, переехала в столицу, став супругой принца Хё:букё: (Ниоу) [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 254–295; кн. 4, С. 3–57].

¹⁰¹ *Глава «Ладья на волнах»* (浮舟, «Укифунэ»): Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, С. 137–174; НКБТ, 1958, Т. 18, С. 199–274.

¹⁰² *Кирицубо-но Ко:и* 桐壺の更衣 — наложница императора Кирицубо, мать Гэндзи.

¹⁰³ *Фудзицубо-но Мия* 藤壺の宮 — наложница императора Кирицубо, мать императора Рэйдзэй.

¹⁰⁴ *Аои-но Уэ* 葵の上 — супруга Гэндзи, мать Ю:гири.

¹⁰⁵ *Мурасаки-но Уэ* 紫の上 — дочь принца Хё:букё: (Сикибукё:), воспитанница, затем супруга Гэндзи.

¹⁰⁶ *Акаси* 明石 — дочь монаха, бывшего правителя Акаси; возлюбленная Гэндзи.

¹⁰⁷ *Обородзукё-но Найси-но Ками* 朧月夜の尚侍 — дочь Правого министра, придворная дама императора Судзаку. Обородзукё была тайной возлюбленной Гэндзи. Ее отец разоблачил влюбленных [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Священное дерево сакаки», С. 210–212; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 410], из-за чего Гэндзи навлек на себя немилость двора и был вынужден покинуть на время столицу.

¹⁰⁸ *Кто же является причиной ваших слез?* (いかなる方に落つる涙にか, Иканару ката ни оцуру намида ни ка) — Речь идет о сцене беседы Обородзукё и императора Судзаку, упомянувшего уехавшего из столицы Гэндзи. Увидев, как его собеседница горько плачет, он спросил у нее: «Вот и теперь — кого вы оплакиваете?» (さりや。いづれに落つるにか, Сари я. Идзурэ ни оцуру ни ка) [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Сума», С. 233; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 36–38].

¹⁰⁹ *Асагао-но Мия* 朝顔の宮 — дочь принца Момодзоно; была жрицей святилища Камо.

¹¹⁰ *Уцусэми* 空蟬 — супруга правителя Иё. Гэндзи провел с ней ночь [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 42–43], после чего безуспешно пытался добиться внимания этой замужней, а потому не осмеливавшейся поддаться своему чувству, дамы [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, главы «Дерево-метла» и «Пустая скорлупка цикады»].

¹¹¹ ...после принятия пострига она оказалась в числе тех дам (後に尼姿にて交らひあたる, Ноти ни амасугата нитэ мадзираиитару) — После смерти мужа Уцусэми постриглась в монахини, однако, в числе других дам жила в доме опекавшего ее Гэндзи.

¹¹² В конце главы «Дерево-метла» есть, в частности, такие строки: «Она говорила весьма уверенно, но про себя думала: «О, когда б не решена была еще моя участь, когда бы я по-прежнему жила в своем старом доме, где витает дух ушедшего отца, с каким радостным волнением ждала бы я встреч с ним, пусть даже и были бы они крайне редки. Теперь же у меня нет иного выхода. Пусть думает, что я дерзка, самонадеянна, я найду в себе силы...» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 47].

¹¹³ См. прим. 100.

¹¹⁴ Ханатирусато 花散里 — сестра нё:го Рэйкэйдэн, возлюбленная Гэндзи.

¹¹⁵ Ханатирусато взяла на себя воспитание выделявшегося степенным нравом Дайсё:... (まめ人の大将、子にしなどせられたるが, Мамэбито но дайсё:, ко ниси надо сэраэтару га) — Речь идет о сыне Гэндзи и Аои — Ю:гири. После смерти Аои его приемной матерью стала Ханатирусато [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Юная дева», С. 64–93; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 271–325].

¹¹⁶ Суэцумухана 末摘花 — дочь принца Хитати, возлюбленная Гэндзи.

¹¹⁷ ...ее твердая решимость не принимать предложение Дайни и во что бы то ни стало дожидаться Гэндзи... (大士の誘ふにも心強く靡か。。。つひに待ちつけて, Дайни но сасоу ни мо кокородзуюэку набикадэ ... цуи ни татицукэтэ) — Суэцумухана отказалась от настойчивого предложения своей тетки — супруги Дадзай-но Дайни — пойти в услужение к ее дочерям и перебраться с ними в провинцию. Она решила дожидаться возвращения Гэндзи из изгнания в своем поместье, превратившемся в обнищавшее и неухоженное жилище после смерти ее отца [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «В зарослях полыни»].

¹¹⁸ Осталось ли прежним сердце твое в зарослях буйной полыни... (深き蓬のもとを, Фукаки ёмоги но мото но кокоро о). Об этом отрывке из «Гэндзи моногатари» шла речь ранее — см. прим. 17.

¹¹⁹ Рокудзё:-но Миясудокоро 六条御息所 — одна из возлюбленных Гэндзи. Эпизоды о явлении злого духа, вселившегося в Рокудзё:-но Миясудокоро, описаны, в частности, в главах «Вечерний лик», «Мальвы», «Первая зелень» «Повести о Гэндзи» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, 3].

¹²⁰ Тю:гу: 中宮 — Акиконому Тю:гу: 秋好中宮, дочь Рокудзё:-но Миясудокоро. Была жрицей Исэ, после смерти матери стала императрицей-супругой государя Рэйдзэй, благодаря стараниям Гэндзи (была его воспитанницей).

121 *Тамакадзура-но Химэгими* 玉鬘の姫君 — дочь Ю:гао и То:-но Тю:дзэ:, приемная дочь Гэндзи.

122 ...*забота о ней двух министров* — речь идет о родном отце Тамакадзура — То:-но Тю:дзэ: и приемном — Гэндзи.

123 *Хё:букё:-но Мия* 兵部卿宮 — принц Хё:букё: (Хотару) — сын императора Кирицубо, младший брат Гэндзи. Должность Распорядительницы женских покоев (尚侍, Найси-но Ками), которую занимала Тамакадзура-но Химэгими, являлась высшей женской должностью при императорском дворе, определенной кодексами Рицурё:. Ее могли занимать одновременно две женщины.

124 ...*стала супругой Хигэкуро-но Дайсё: и оказалась под его неусыпным надзором...* — Эти события нашли отражение в главе «Кипарисовый столб» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 205–227]. Хигэкуро, сначала поклонник, а затем супруг Тамакадзура, носил звание командующего правой императорской охраной (Удайсё:).

125 *Не бывало в нашем мире такой отцовской любви...* (この世にかかろ親の心は, Коно ё ни какару оя но кокоро ва) — речь идет о сцене, описанной в главе «Светлячки»: Гэндзи, беседуя со своей приемной дочерью Тамакадзура о повестях, упрекает ее в дочерней непочтительности. Тамакадзура в ответ намекает ему на то, что его любовь превосходит отцовскую:

Фуруки то о	Пытаюсь и я
Тадзунурэдо гэни	Отыскать тому в прошлом примеры.
Накарикэри	Не бывало, ты прав,
Коно ё ни какару	До сих пор никогда в нашем мире
Оя но кокоро ва	Такой отцовской любви...

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 150].

126 *Старый монах* — монах Со:дзу, брат бабки Мурасаки.

127 Речь идет об отношениях Мурасаки, рано потерявшей родную мать, с ее приемной матерью, госпожой северных покоев дома ее отца — принца Хё:букё: (Сикибукё:). Под «положением, которое удалось обрести Мурасаки», автор «Записок без названия» подразумевает тот факт, что она стала супругой Гэндзи [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 195, прим. 20; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Сума»].

128 ...*оставили ли они после себя след, покинув этот мир...* — В тексте памятника — *атокаата* 跡形 («след»). Комментаторы памятника предполагают, что под этим словом подразумевается рождение ребенка, в случае Ю:гао — дочери Тамакадзура [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 195]. События, связанные с Ю:гао, являвшейся возлюбленной То:-но тю:дзэ:, а затем Гэндзи, описаны в главе «Вечерний лик».

129 *Господин Дайсё:* — Ю:гири (см. прим. 115).

¹³⁰ *Фудзи-но Ураба-но Кими* 藤裏葉の君 — Кумои-но Кари 雲居雁, дочь То:-но Тю:дзё:, брата Аои; возлюбленная, а затем супруга Ю:гири.

¹³¹ *Нака-но Кими из Удзи* — см. прим. 100.

¹³² *Хё:букё:-но Мия стал зятем господина Дайсё:*, то есть принц Хё:букё: (Ниоу) сделал дочь Ю:гири, Року-но Мия, своей второй супругой.

¹³³ *Ужель аромат случайный им может грозить разлукой?* (かばかりにてやかけ離れなむ, Кабакари нитэ я какэханарэнаму) — речь идет об эпизоде, когда муж Нака-но Кими, принц Ниоу, наносит визит своей супруге, у которой до этого побывал Каору (см. прим. 175). Почувствовав подозрительный аромат, впитавшийся в кожу Нака-но Кими, принц упрекнул жену:

Мата хито ни	Кто-то другой
Нарэкэру содэ но	Твоих рукавов коснулся,
Уцури ка о	Чужой аромат
Ва га ми ни симэтэ	Вдыхаю, и горькой обидой
Урамицуру кана	Полнится сердце.
На что она ответила ему:	
Минарэнuru	Верила я:
Нака но коромо то	Твои рукава с моими
Таномэси о	Навеки сплелись...
Кабакари нитэ я	Ужель аромат случайный
Какэханарэнаму	Им может грозить разлукой?

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, гл. «Плющ», С. 80; НКБТ, 1958, Т. 18, С. 76–78].

¹³⁴ *Оннасан-но Мия* 女三の宮 — третья принцесса, дочь императора Судзаку, супруга Гэндзи.

¹³⁵ *Хочешь, наверное, чтоб мои рукава промокли...* (袖濡らせとやひぐらしの, Содэ нурасэ то я хигураси но); *Так говорят: «Дождись же луны»* (月待ちても、と言ふなるものを, Цуки матитэмэ, то иу нару моно о) — автор памятника цитирует обращенные к Гэндзи слова Оннасан-но Мия, которая не хочет отпускать в предрассветный час решившего покинуть ее супруга:

Ю:цую ни	Хочешь, наверное,
Содэ нурасэ то я	Чтоб мои рукава промокли
Хигураси но	От вечерней росы,
Наку о кикикику	Потому и уходишь, едва
Окитэ юкураму	В саду зазвенели цикады...

Второй отрывок является цитатой из стихотворения, помещенного в антологию «Манъё:сю:» (свиток IV, № 709):

Ю:ями ва	Во мраке ночном
Мити тадзутадзуси	Неразличимы дороги.
Цуки матитэ	Так дождись же луны
Имасэ ва га сэко	И тогда уходи, любимый,
Соно ма ни мо миму	А пока побудь рядом со мной.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Первая зелень 2», С. 95; Приложение, С. 160, № 313: НКБТ, 1958, Т. 16, С. 397].

¹³⁶ ...в руки к министру попало то досадное письмо — имеется в виду отрывок из главы «Первая зелень 2», рассказывающий о том, как из-за крайней неосмотрительности Оннасан-но Мия Гэндзи случайно обнаружил любовное письмо Уэмон-но Ками (Касиваги), адресованное его супруге [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Первая зелень 2», С. 95–97].

¹³⁷ ...что привело к тем печальным событиям — автор, вероятно, указывает здесь на то обстоятельство, что обнаружение Гэндзи письма Касиваги и разоблачение его тайной связи с возлюбленной им Третьей принцессой, с которой он не имел возможности более встречаться, заставило его страдать и вызвало недомогание, от которого Касиваги и скончался [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 197, прим. 14; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Дуб»].

¹³⁸ Тэнараи-но Кими 手習ひの君 — Укифунэ 浮舟, побочная дочь Восьмого принца.

¹³⁹ Чувствуя себя виноватой перед принцем Хё:букё: (Нию) и Дайсё: (Каору), возлюбленной которых она являлась, Укифуэ, не имевшая сил превозмочь страдания, решила покончить с собой. Процитированное в памятнике стихотворение она написала своей матери перед тем, как броситься в реку [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, гл. «Ладья в волнах», С. 174]. Девушка была найдена и спасена монахом Со:дзу [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, гл. «Упражняясь в каллиграфии», С. 205–242].

¹⁴⁰ Образ *танка* заимствован из стихотворения неизвестного автора, включенного в антологию «Кокинвакасю:» (свиток XX, Песни из собрания палаты песен, № 1093):

Кими о окитэ	Если бы я
Адаси кокоро о	когда-нибудь разлюбил,
Ва га матаба	изгнал тебя из сердца, —
Суэ но мацуяма	верно, поднялась бы в море волна,
Нами мо кознаму	что перехлестнула бы через гору Суэномацу...

[Кокинвакасю:, 1995, Т. 3, С. 184; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, гл. «Ладья в волнах», С. 166; Приложение, С. 133, № 141].

¹⁴¹ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, гл. «Ладья в волнах», С. 167; НКБТ, 1958, Т. 18, С. 273, 278.

¹⁴² ...та же девушка — в тексте памятника — *рэй-но хито* 例の人. Исследователи памятника полагают, что речь идет об уже задававшей ранее вопросы «молодой девушке» *вакаки хито* 若き人, которая в «Записках без названия» играет роль дамы, определяющей своими вопросами ход и направление беседы женщин [Катаока Тосихиро. Мумё:дзо:си но ко:дзо:, сэнсю:хё: о мэгуттэ (Композиция «Записок без названия», вокруг критики

поэтических антологий) // Моногатари бунгаку но хомбун то ко:дзо: (Текст и композиция произведений повествовательной литературы), Осака, 1997, С. 92–93; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 203, прим. 18].

¹⁴³ *Министр О:утияма* 大内山の大臣 (О:утияма-но Отодо) — в начале повести известен как То:-но Тю:дзё:, сын Левого министра, брат Аои, первой супруги Гэндзи.

¹⁴⁴ *Беседа дождливым вечером* — речь идет об обсуждении героями дам, имевшем место в главе «Дерево-метла» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 23–40].

¹⁴⁵ Данным стихотворением, в котором под Дворцовой горой подразумевается императорский дворец, а под луной — Гэндзи, То:-но Тю:дзё: выражает упрек своему другу, который, не сказав ему о том, куда направляется, тайком пошел к Суэцумухана. То:-но Тю:дзё: проследил за Гэндзи, после чего друзья вместе отправились в дом Левого министра [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Шафран», С. 115].

¹⁴⁶ ...случай, когда он перепугал Гэндзи, выхватив свой меч на глазах у Гэн Найси-но Сукэ (源典侍のもとにて太刀抜きて脅しきこえし, Гэн найси но сукэ но мото нитэ тати нукитэ одосикикоэси) — Имеется в виду эпизод, описанный в главе «Праздник алых листьев». То:-но Тю:дзё:, желавший уличить внешне невозмутимого Гэндзи в том, что у него есть тайны, прознал, что он навещает немолодую известную своей сластолюбивой натурой даму Гэн Найси-но Сукэ, и решил пошутить над другом. Выследив любовников, То:-но Тю:дзё: инсценировал нападение на Гэндзи, выхватив меч и набросившись на него [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 143–146].

¹⁴⁷ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Сума», С. 240–242.

¹⁴⁸ *Гэндзи поступил дурно, взяв на воспитание приемную дочь, особенно не задумываясь о последствиях* — Речь идет о воспитаннице Гэндзи Акиконому (см. прим. 120). С помощью Гэндзи она стала супругой императора Рэйдзэй, оставив ни с чем также претендовавшую на это положение дочь То:-но Тю:дзё:.

¹⁴⁹ *Ведь тогда их соперники предъявили два свитка с видами Сума...* — Эти картины, сыгравшие решающую роль в определении победителя состязания, были написаны Гэндзи во время его пребывания в изгнании в Сума [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Сопоставление картин», С. 7–18; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 171–185].

¹⁵⁰ ...став зятем Вступившего на Путь из Акаси — имеется в виду связь Гэндзи с дочерью монаха — госпожой Акаси [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Акаси»].

¹⁵¹ *Взял в супруги принцессу Оннасан-но Мия, как будто бы был еще юношей* — Когда Оннасан-но Мия стала супругой Гэндзи, ей было около 15 лет, ему — за 40.

¹⁵² См. прим. 137; Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Первая зелень 2», С. 103–106; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 409–418.

¹⁵³ *Принц Хё:букё:-но Мия* — См. прим. 123.

¹⁵⁴ *Среди многочисленных братьев особенно тесная связь у министра Гэндзи была именно с принцем Хё:букё:* (源氏の大臣の御はらからいと多かる中に、とりわき御仲よくて、Гэндзи но отодо но онхаракара ито о:кару накани, ториваки о:ннака ёкутэ) — В главе «Бабочки» есть, в частности, такие слова: «Ни с кем из своих многочисленных братьев я не был так близок в детстве, как с принцем Хё:букё:, — сказал он (Гэндзи. — Ю. Г.). — У нас не было тайн друг от друга» (はやより隔つることなう、あまたの親王たちの御中に、この君をなむ、かたみに取り分きて思ひしに、Хаё: ёри хэдацуру котонау, амата но микотати но о:ннака ни, коно кими о наму, катами ни торивакитэ омоиси ни) [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, 133].

¹⁵⁵ *Не сумел он завоевать сердце Тамакадзура...* — Об этих событиях рассказывается в главе «Кипарисовый столб» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 205–227].

¹⁵⁶ Автор памятника обращается здесь к истории взаимоотношений сына Гэндзи — Ю:гири и дочери То:-но Тю:дзё: — Кумои-но Кари (см. прим. 130). Фразой «на это у него были причины, понятные каждому из нас» автор, очевидно, хочет сказать, что запрет То:-но Тю:дзё: продолжать Ю:гири отношения с его дочерью объясняется надеждой отца девушки на то, что она станет супругой императора. Эти события описаны в главе «Юная дева» «Повести о Гэндзи» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 64–93; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 290–297].

¹⁵⁷ *Сердце его вскоре смягчилось, от былой неуступчивости не осталось и следа, он дал свое согласие ...* — Об этом мы читаем в главе «Листья глициний» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 240–254; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 181–207].

¹⁵⁸ *Благонравный Дайсё:* — См. прим. 115.

¹⁵⁹ *...не по годам разборчив* — комментаторы памятника, исходя из содержания последующих фраз, предполагают, что автор «Записок без названия» говорит здесь о разборчивости Ю:гири в любовных связях [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 200, прим. 6].

¹⁶⁰ *...превосходит министра* — т. е. своего отца Гэндзи.

¹⁶¹ *Ни одно из различных предложений не нашло отклика в его сердце* — речь, очевидно, идет о выборе главной супруги среди возможных претенденток на эту роль [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 200, прим. 9; Марра, 1984, XXXIX:2, С. 144]. Ими были, в частности, дочери Правого министра и принца Накацукаса [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Ветка сливы», С. 238].

¹⁶² Дайсё: терпеливо продолжал ждать, когда ему будет позволено навещать госпожу Фудзи-но Ураба — См. прим. 130, 156, 157.

¹⁶³ Госпожа Отиба 落葉 — принцесса с Первой линии, Вторая принцесса, дочь императора Судзаку, вдова Касиваги. Об истории Ю:гири и Отиба повествуется в главе «Вечерний туман» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 151–188; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 95–169].

¹⁶⁴ Бурный поток, бегущий меж камней... — В тексте памятника: ива мору тю:дзё: 岩漏る中将 — автор произведения имеет в виду стихотворение, написанное Касиваги для Тамакадзура, в котором под «бурным потоком» он подразумевает себя:

Омоутомо	Я томлюсь от любви,
Кими ва сирадзина	Но как ты узнаешь об этом?
Вакикаэри	Бурный поток
Ива мору мидзу ни	Бежит меж камней, вскипая,
Ироси миэнэба	Но никто не видит его...

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Бабочки», С. 134; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 403].

В конце той же главы «Повести о Гэндзи» мы читаем: «А Утю:дзё: из дома министра Двора, тот самый, что написал когда-то о «бурном потоке», узнав от Мируко, что госпоже не запрещено читать его письма, был будто бы вне себя от радости и, не подозревая о существующей меж ними связи, принялся с воодушевлением осыпать ее упреками и с утра до вечера бродил возле ее покоев» (この岩漏る中将も、大臣の御許しを見てこそ、かたよりにほの聞きて、まことの筋をば知らず、ただひとへにうれしくて、おりたち恨みきこえまどひありくめり, Коно ива мору тю:дзё: мо, отодо но о:нюриси о митэ косо, катаёри ни оно кикитэ, макото но судзи оба сирадзу, тада хито э ни урзисикутэ, оритати урами кикоз мадои арикумэрэ) [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Бабочки», С. 140].

¹⁶⁵ См. прим. 136, 137.

¹⁶⁶ Речь идет об эпизоде, описанном в главе «Первая зелень 1». Ю:гири и Касиваги среди многих других приехали в дом на Шестой линии, к Гэндзи, который перевез к тому времени к себе Третью принцессу (Он-насан-но Мия). Молодые люди играли в мяч, после чего присели на ступени, недалеко от покоев принцессы. Неожиданно выбежавшая из покоев кошка натянула шнурок занавеса, который, поднявшись, позволил Ю:гири и Касиваги увидеть находившихся за ним дам. Среди них была и принцесса, которая стояла, выпрямившись во весь рост, что считалось грубым нарушением этикета [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 52–53; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 301–304].

¹⁶⁷ ...когда мельком увидел он госпожу Мурасаки-но Уэ — Автор произведения намекает, очевидно, на следующий отрывок из повести: «Из-за того, что дул такой сильный ветер, ширмы были сложены и прислонены к стене, поэтому ничто не помешало его взору проникнуть в передние покои и остановиться на сидящей там женщине. Это могла

быть только госпожа. Благородно-изящная, словно излучающая чудесное сияние, она показалась юноше прекрасной цветущей вишней, вдруг возникшей перед взором из предутреннего тумана. Он стоял, не в силах оторвать глаз от этого чудесного видения, чувствуя, что и на его лицо лег отсвет ее несравненной, чарующей красоты» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Пронизывающий поля», С. 170].

¹⁶⁸ ...когда созерцал утром то, что оставил после себя ураган — Вероятно, речь идет о следующем эпизоде из главы «Пронизывающий поля»: «Призвав слуг и распорядившись, чтобы они привели все в порядок, Тю:дзё: (т. е. Ю:гири. — Ю. Г.) перешел в Южные покои, но там еще не поднимали решеток. Прислонившись к перилам, юноша окинул взором сад: многие деревья были вырваны с корнем, на земле лежали сломанные ветки. О цветах нечего было и говорить — повсюду валялись куски коры, осколки черепицы, части развалившихся ширм, сломанные подставки для цветов... Вот первые робкие солнечные лучи осветили тревожно затихший сад, и на листьях заблестала роса. Взглянув на небо, затянутое унылым туманом, юноша почувствовал, что по щекам его потекли беспричинные слезы, и, украдкой смахнув их, покашлял, извещая о своем приходе» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 172–173].

¹⁶⁹ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, глава «Дуб», С. 109–130.

¹⁷⁰ Его младший брат, старший советник по имени Ко:бай (その弟の紅梅大納言といふ人, Соно отото но ко:бай дайнагон то иу хито) — сын То:но Тю:дзё:, младший брат Касиваги.

¹⁷¹ Состязание в «закрывание рифм» (韻塞, инфутаги) — игра, которая в эпоху Хэйан пользовалась популярностью среди мужчин-аристократов. В старинном китайском стихотворении закрывалась часть рифмообразующих иероглифов, которые нужно было отгадать. Проигравшие устраивали пир для победителей [Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 322].

¹⁷² Исполнил песню «Высокие дюны» (高砂, такасаго) — автор «Записок без названия» пишет о сцене игры в «закрывание рифм» из главы «Священное дерево сакаки», когда Ко:бай, которому было тогда около 8–9 лет, вызвал всеобщее восхищение, исполнив народную песню «Высокие дюны» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 209; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 408]:

Высокие дюны,
Высокие дюны,
Высокие дюны.
На самой высокой вершине
Белым камнем сверкает
Драгоценная камелия,
Рядом с ней — драгоценная ива.
Как бы их получить?

Са-му...

И тебя, камелия, и тебя, ива.

И белый шнурок, и цветной шнурок –

На вешалку для платья я повешу оба.

Драгоценная ива.

Ах, но что же это?

Слишком поспешило сердце мое.

Лилии в саду.

Са...

Лилии в саду

Утром расцвели,

Первые цветы.

Вот бы мне взглянуть

На нежные лилии.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 98–99].

¹⁷³ ...когда именовали его Бэн-но Сё:сё: — песню «Тростниковая изгородь» в главе «Листья глициний» — Т. с. в то время Ко:бай носил звание младшего военачальника и служил в Ревизионной канцелярии (弁少将, бэн-но сё:сё:). Народную песню «Тростниковая изгородь» (芦垣, асигаки) Ко:бай исполнил, когда То:-но тю:дзё: принимал у себя дома Ю:гири [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 244; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 189]:

Тростниковую изгородь, изгородь из хвороста,

Изгородь из хвороста раздвинув,

Через нее я перелез,

Перелез с драгоценной ношей.

Только кто же

Выследил меня?

Только кто же,

Только кто же

Обо всем об этом

Нашему отцу

Рассказал тайком?

Верно, это младшая невестка

Из нашего дома,

Именитого дома,

Младшая невестка

Нашему отцу

Рассказала тайком.

С небес далеких

Боги — и они,

Боги — и они

Это подтвердят.

Ничего не говорила я отцу.

Корни у осоки

Не особенно,
 Не особенно приятные речи
 Слышу я,
 Слышу я, да.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 103].

¹⁷⁴ ...кичиться своими талантами — Такое отношение к Ко:баю автор памятника выражает с помощью пословицы — *Тори наки сима но ко:мори* (鳥なき島の蝙蝠, «На безрыбье и рак рыба»).

¹⁷⁵ *Каору Дайсё*, который стал зятем Государя (薰大将の帝の御婿になりましたまふ, Каору дайсё: но микадо но омуко ни наритамау) — Т. е. сын Оннасан-но Мия и Касиваги (официально Гэндзи) — Каору стал супругом дочери императора Киндзё: и нё:го Рэйкэйдэн — Второй принцессы (принцессы из павильона Глициний).

¹⁷⁶ *Его жалобы и недовольство раздражают!* — В главе «Плющ» есть, в частности, такой отрывок: «Адзэти-но Дайнагон (Ко:бай. — Ю. Г.), полагавший, что выбор Государя падет на него, с трудом скрывал досаду. Когда-то он питал нежные чувства к матери Второй принцессы, нё:го Фудзицубо, и даже после того, как ее отдали во Дворец, продолжал обмениваться с ней письмами. Со временем его внимание обратилось на дочь, и он неоднократно намекал на свое желание, однако нё:го даже не уведомила о том Государя, немало уязвив тем самым самолюбие Адзэти-но Дайнагона.

— Несомненно, Дайсё: (Каору. — Ю. Г.) — человек особой судьбы, — недовольно ворчал он, — но прилично ли Государю проявлять столь преувеличенную заботу о зяте? Где это видано, чтобы простой поданный чувствовал себя как дома в Девятивратной обители, рядом с высочайшими покоями? Посмотрите, ведь с ним обращаются как с самым почетным гостем!» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, С. 97–98].

¹⁷⁷ *Ниоу Хё:букё:-но Мия* 匂兵部卿宮 — сын императора Киндзё: и императрицы Акаси, Третий принц, внук Гэндзи.

¹⁷⁸ *Особые отношения связывали его с госпожой Мурасаки-но Уэ, от того и переехал он в дом на Второй линии* — Мурасаки воспитала мать Ниоу — Акаси (дочь Гэндзи и госпожи Акаси), ставшую супругой государя, а сам Ниоу был ее любимцем. После смерти Мурасаки Ниоу стал жить в ее доме на Второй линии [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Принц Благоуханный» С. 214; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 217–232].

¹⁷⁹ *И даже если бы он был родным сыном блистательного Гэндзи* — автор памятника намекает на тот факт, что настоящим отцом Каору был не Гэндзи, а Касиваги, состоявший в тайной связи с супругой Гэндзи — Оннасан-но Мия, родившей от Касиваги сына.

¹⁸⁰ *В это трудно поверить, когда вспоминаешь о такой ненадежной особе как его мать...* — отрицательную характеристику Оннасан-но Мия см. в разделе «Женщины, достойные сожаления».

¹⁸¹ Если бы ею была Мурасаки, это, наверное, было бы так естественно — Автор «Записок без названия», очевидно, считает, что, если бы матерью Каору была идеальная во всем Мурасаки, то всем было бы понятно, от кого Каору унаследовал свои лучшие качества.

¹⁸² Ему также не достаёт серьёзности в отношениях с теми, с кем он сблизился — Исходя из смысла следующего предложения, можно, вероятно, сказать, что здесь содержится скрытое сравнение полной любовных похождений жизни Ниоу и Каору.

¹⁸³ Укифунэ-но Мия — см. прим. 138, 139.

¹⁸⁴ Сумори-но Нака-но Кими 巢守の中の君 — Комментаторы памятника предполагают, что речь идет о второй дочери Восьмого принца — Нака-но Кими (см. прим. 100, 133). В главе «Девы у моста» есть ее стихотворение, в котором присутствует слово *сумори*:

Наку наку мо	Сам ослепнув от слез,
Ханэ утикисуру	Ты укрыл нас крылом надежным.
Кими наку ва	Без тебя никогда
Варэ дзо сумори ни	Не увидели бы света
Нари ва хатэмаси	Беспомощные птенцы.

Есть также предположение, что Нака-но Кими была главной героиней утерянной главы «Сумори» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Девы у моста», С. 257; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 202, прим. 13; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 33, прим. 9].

¹⁸⁵ Хё:букё:-но Мия — т. е. принц Ниоу.

¹⁸⁶ Исследователи памятника говорят о двусмысленности данного отрывка «Записок без названия» — в одном месте Нака-но Кими критикует Ниоу и Каору, а в другом — превозносит их достоинства [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 203, прим. 16, 17].

¹⁸⁷ См. прим. 142.

¹⁸⁸ Героиня поэмы «Вечная печаль» — Ян Гуйфэй. Она была наложницей китайского императора танской династии Сюаньцзуна (713–755); их любви поэт Бо Цзюйи (772–846) посвятил поэму «Вечная печаль».

¹⁸⁹ ...пока не угас сиротливый фонарь (ともし火をかかげ尽くして, Томосиби о какагэцукуситэ) — В поэме «Вечная печаль» есть такие строки: «К ночи в сумрачных залах огни светлячков на него навевали печаль, / И уже сиротливый фонарь угасал, сон же все не смежал ему век» [перевод Эйдлина Л. З. / Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 305].

¹⁹⁰ Примерно так говорится в повести — Приведенный выше одной из дам отрывок из «Повести о Гэндзи» (Наверное, оттого, что изображение человека имеет предел, кисть [художника] не в силах передать [красоту] героини поэмы «Вечная печаль». Государь же с тоской вспоминал ту, другую, что была уступчивей травы, гнушейся под на-

пором ветра, прекраснее гвоздик, покрытых росой, — такую кроткую и нежную госпожу, рядом с которой тускнели даже цветы и пение птиц не казалось столь сладостным ... Так сложил государь и, не смыкая глаз, [долго] смотрел куда-то вдаль, пока не угас сиротливый фонарь (長恨歌の女も、思ひし限りあれば、筆及ばざりけむ。尾花の風に靡きたるよりもなよびかに、撫子の露に濡れたるよりもらうたくなつかしかりし御さまは、花、鳥にも音にもよそぶべき方ぞなき。。。とて、ともし火をかかげ尽くして、眠ることなく眺めおはします, Тё:гонка но онна мо, омоиси кагири арэба, фудэ оёбадзарикэму. Оба-на но кадзэ ни набикитару ёри мо наёби ка ни, надэсико но цую ни нурэтару ёри мо ро:таку нацукасикариси о:нсам ва, хана, тори ни мо нэ ни мо ёсоубэки ката дзо наки ... тотэ, томосиб о какагэцукуситэ, нэбуру кото наку нагамэовасимасу)) является неточной цитатой из главы «Павильон Павлоний». Император Кирицубо рассматривает свитки с картинами к поэме «Вечная печаль» и вспоминает о покинувший мир наложнице Кирицубо (см. прим. 102): «На картине лицо Ян Гуйфэй кажется каким-то бесцветным. Как ни славен художник, ее изобразивший, видно, существует все же предел для кисти. Ее сравнивали с цветами фузун на озере Тайи, с ивами Вэйянских дворцов, а здесь привлекает внимание прежде всего великолепие наряда. Государь вспоминает ту, другую, такую кроткую, нежную, — о да, рядом с ней тускнели даже цветы и пение птиц не казалось столь сладостным ... Переносясь мысленно в жилище ушедшей, Государь бодрствовал, пока не угас сиротливый фонарь (絵に描ける楊貴妃の容貌は、いみじき絵師といへども、筆限りありければいとにほひ少なし。大波芙蓉未央柳は、げに通ひたりし容貌を、唐めいたる装ひはうるはしうこそありけめ、なつかしうらうたげなりしを思し出づるに、花鳥の色にも音にもよそぶべき方ぞなき。。。思し召しやりつつ、灯火をかかげ尽くして起きおはします。Э ни какэру ё:кихи но катати ва, имидзики эси то издомо, фудэ кагири арикэрэба ито ниои сукунаси. Тайэки но фуё: биё: но янаги мо, гэни каёитариси катати о, кара мэитару ёсои ва урувасю: косо арикэмэ, нацукасю: ро:тагэ нарис о обосидзур ни, хана тори но иро ни мо нэ ни мо ёсоубэки ката дзо наки ... Обосимэсиярицуцу, томосиб о какагэцукуситэ окиовасимасу) [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 14].

¹⁹¹ *Все шестьдесят глав произведения* (六十巻は皆、рокудзю: кан ва мина) — В действительности, «Повесть о Гэндзи» состоит из 54 глав. Комментаторы дают два возможных объяснения появлению в памятник цифры 60, встречающейся также в других произведениях, где речь идет о количестве глав «Гэндзи моногатари» («Нынешнее Зерцало», «Одинокая луна в Сарасина»): 1) вместе с утерянными главами их общее число равнялось 60; 2) имеется в виду рукопись повести, в которой главы в конце эпохи Хэйан были сгруппированы так, чтобы их число соответствовало количеству свитков трех священных книг, почитавшихся школой Тэндай: «Хоккэ гэнги» 法華玄義, «Хоккэ монку» 法華文句, «Макасикан» 摩訶止観. А оно как раз равнялось 60 [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 204, прим. 5; *Кавасима Кинүз, Нисидзава Масадзи. Синтё:*

мумё:дзо:си (Новые комментарии к «Запискам без названия»), Токио, 1986, С. 37, прим. 2; Марра, 1984, XXXIX:3, С. 281, прим. 127].

¹⁹² Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Вечерний лик», С. 79; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 169.

¹⁹³ *Так, самые длинные ночи...* (まさに長き夜, Маса ни нагаки ё) — Цитата из стихотворения Бо Цзюйи «Прислушиваюсь к стуку ночного валька»:

Чья жена, вздыхая тоскливо, отбивает осенью шелк?
Скуден лунный свет, и пронзителен ветер, печальны удары валька.
Ночи Восьмой и Девятой лун — самые длинные ночи.
Сто раз ударил и тысячу раз — ни на миг не смолкает валец.
Останешься здесь до зари его слушать — побелеет твоя голова.
Ведь каждый удар валька добавляет одну белую нить.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 310–311].

¹⁹⁴ ...словно блуждавшего во мраке отчаяния (闇に迷ひたまへる, Ями ни маёитамаэру) — Возможно, намек на стихотворение Фудзивара-но Канэсукэ из антологии «Госэнвакасю:» (№ 1103):

Хито но син но	Сердце родительское
Кокоро ва ями ни	Не во мраке как будто, и все же,
Аранэдомо	Видно, всем суждено
Ко о омоу мити ни	Блуждать от тревоги к тревоге
Мадоинуру кана	В постоянных думах о детях.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Мальвы», С. 170; Приложение, С. 111; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 204, прим. 13].

¹⁹⁵ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 171; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 341.

¹⁹⁶ *Дождем ли, облаком ныне стала она — не знаю...* (雨となり雲とやなり
にけむ、今は知らず, Амэ то нари кумо то я нариникэму, има ва сирадзу) —
Цитата из стихотворения Лю Юйси (772–842) «Есть о чем вздыхать»:

Когда впервые увидел ее в башне Тайных желаний,
На весенние ивы в Учане был похож ее гибкий стан.
Наши встречи, улыбки наши мимолетным сном промелькнули,
Дождем ли, облаком ныне стала она — не знаю.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 173, 320].

¹⁹⁷ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 174.

¹⁹⁸ *Она была любимицей госпожи, покинувшей мир* — речь идет о девочке-сироте по имени Атэки [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 176; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 346–349].

¹⁹⁹ ...*решив: «Уедем ненадолго...*» — некоторые прислужницы скончавшейся Аои отправились на некоторое время в родные дома, но затем должны были вернуться, так как Гэндзи поручил им заботиться о

своем сыне — Ю:гири [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 178; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 354].

²⁰⁰ Имеется в виду глава «Мальвы».

²⁰¹ *Министр не смог сдержать слезы, бросив взгляд на листы, исписанные упражнявшимся в каллиграфии Гэндзи* — Речь идет об отце Аои и следующей сцене из «Повести о Гэндзи»: «Перед занавесом разбросаны принадлежности для письма. Подняв исписанные почерком Гэндзи листки бумаги, министр разглядывает их, отирая глаза, и нетрудно предположить, что некоторые молодые дамы, на него глядя, улыбаются сквозь слезы. Строки из чувствительных старинных стихов, китайских и японских, небрежно начертанные разными знаками — и скорописными и уставными... «Какой прекрасный почерк!» — возведя глаза к небу, восхищается министр. Может ли он не жалеть, что отныне Гэндзи станет ему чужим?» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 177; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 352–353].

²⁰² Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Сума», С. 219; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 16.

²⁰³ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 221; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 20.

²⁰⁴ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 221–222; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 20.

²⁰⁵ *Бог Тадасу* ただすの神 — синтоистское божество, обитавшее, как считалось, в роще *Тадасу-но мори* 糺の森, возле Нижнего святилища Камо. Вынужденный отправиться в изгнание Гэндзи обращается именно к этому божеству, имя которого означает «исправлять», «приводить в порядок» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 323; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 207, прим. 13].

²⁰⁶ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 225; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 26.

²⁰⁷ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 227; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 29.

²⁰⁸ *Слишком вызывающие строки!* (いと人わろけれ, Ито хито варокэ-рэ) — Негативная оценка стихотворения Мурасаки автором «Записок без названия», вероятно, связана с излишне эмоциональным и откровенным содержанием этой *танка* [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 207, прим. 15; Марра, 1984, XXXIX:3, С. 283, прим. 136].

²⁰⁹ Сравнивая два стихотворения Мурасаки и Ханатирусато, автор памятника, очевидно, отдает предпочтение *танка* Ханатирусато, указывая на ее более сдержанный тон [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 222; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 22; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 207, прим. 16].

²¹⁰ *О, как завидно мне волнам тем...* (うらやまし, Ураямаси) — отрывок из *танка* 7-го дана Исэ моногатари: «В давние времена жил кавалер. Невмоготу стало ему жить в столице, и ушел он на Восток. Идя

вдоль побережья между Овари и Исэ, он, глядя, как встают все в белой пене волны, так сложил:

Итодосику	«Все дальше за собою
Сугиюку ката но	Страну ту оставляешь, -
Коисики ни	И все милей она.
Ураямасику мо	О, как завидно мне волнам тем,
Казру нами кана	Что вспять идут».

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 207, прим. 20; Исэ моногатари, 1979, С. 45].

Данное стихотворение Аривара-но Нарихира включено также в антологию «Госэнвакасю:», № 1353.

²¹¹ Имеется в виду отрывок из следующего стихотворения Гэндзи:

Фурусато о	Родная земля
Минэ но касуми ва	Осталась за горной грядой,
Хэдацурэдо	В дымке исчезла.
Нэмуру сора ва	Но разве теперь над нами
Онадзи кумои ка	Не та же обитель туч?

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 228; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 30;

Кубоки Тэцуо, 1999, С. 207, прим. 21].

²¹² ...о которых наместник западных земель Юкихира сказал: «Нипочем им любые заставы... (行平の帥の、関吹き越ゆる), Юкихира но соти но, сэки фукикоюру) — Речь идет о стихотворении Аривара-но Юкихира 在原行平 (818–893, брат Аривара-но Нарихира (см. прим. 21, 54), который был одно время наместником западных земель (大宰帥, Дадзай-но Соти), т. е. управителем Цукуси (совр. Кю:сю:)) из антологии «Сёкуокинвакасю:» 続古今和歌集, № 876:

Сложил, когда находился в стране Цу, в месте под названием Сума:

Табибито ва	У странников вдруг
Тамото судзусику	Рукава холодными стали.
Нариникэри	Из бухты Сума –
Сэки фукикоюру	Нипочем любые заставы ему –
Сума но уракадзэ	Ветер морской налетел.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 130; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 208, прим. 2].

²¹³ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 234.

²¹⁴ Пятнадцатая ночь Восьмой луны — В эту ночь придворные аристократы по обычаю устраивали праздник, во время которого любовались лунной (月見, цукими), услаждали слух музыкой, слагали стихи.

²¹⁵ Сердце мое со старым другом — за две тысячи ли... (二千里の外故人の心, Нисэн ри но хока кодзин но кокоро) — цитата из стихотворения Бо Цзюйи «На Пятнадцатую ночь Восьмой луны остаюсь один в покоях императора и, глядя на луну, вспоминаю Юаня Девятого»:

Серебряные башни, золотые ворота тают-тают в ночи.
Ночью один о тебе вспоминаю здесь в павильоне Ханьлинь.

В небо Пятнадцатой ночи выплыв, ярко сияет луна.
Сердце мое со старым другом — за две тысячи ли.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 235, 324].

²¹⁶ *Государь, изволивший прочесть стихотворение* — Император Судзаку (в тексте памятника — Ути-но Уэ 内裏の上) процитировал *танка* Гэндзи. В «Повести о Гэндзи» об этом сказано: «Перед его (Гэндзи. — Ю. Г.) глазами вставала изящная фигура Государя, изволившего прочесть вслух сложенные им, Гэндзи, стихи...» (内裏の上のいと清らになまめいて、わが作れる句を誦じたまひしも、思ひ出できこえたまふ、Ути но уэ но ито киёра ни намамэитэ, ва га цукурэру ку о дзундзитамаисимо, омоидэ кикозэтамау) [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 240; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 208, прим. 9].

²¹⁷ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 240; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 48–49.

²¹⁸ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 240–242.

²¹⁹ *Госпожа из дома на Второй линии* (二条院, Нидзё:ин) — Мурасаки.

²²⁰ В этом послании Гэндзи упоминает о своих прошлых изменах, ранивших Мурасаки, и признается, что неверен ей и сейчас (речь идет о его связи с дочерью Вступившего на Путь, дамой по имени Акаси) [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Акаси», С. 260; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 85].

²²¹ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Дуб», С. 110.

²²² Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 112–113; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 13–17.

²²³ *Министр, отец его...* (父大臣, титиотодо) — То:-но Тю:дзё: (см. прим. 143).

²²⁴ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 128; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 48.

²²⁵ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Великий закон», С. 197; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 189.

²²⁶ См. прим. 167.

²²⁷ *И досадные события того дня, когда тоже шел снег...* — Речь идет об эпизоде, описанном в главе «Первая зелень 1», когда Гэндзи, возвратившийся от Третьей принцессы, был тепло принят Мурасаки, сумевшей скрыть свои переживания. Вот что об этом сказано в главе «Кудесник-даос»: «Многие дамы прислуживали в доме долгие годы и, разумеется, знали немало. Они рассказывали Гэндзи о том, как грустила и сетовала на судьбу госпожа, когда в дом на Шестой линии переехала Третья принцесса. Пусть она притворялась спокойной и безмятежной, нельзя было не видеть, что она страдает... А как ласково госпожа встретила его в то утро после метели, когда он, дожидаясь,

пока ему откроют, едва не окоченел от холода... Только вот рукава ее промокли от слез, и она прятала их, стараясь, чтобы он ни о чем не догадался» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 201].

²²⁸ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Кудесник-даос», С. 201–202.

²²⁹ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 204; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 197–202.

²³⁰ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 211; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 215. В итоге Гэндзи велел не разорвать, а сжечь все письма Мурасаки.

²³¹ ...связан был ограничениями в проявлениях скорби — Каору не имел права носить траур, т.к. О:кими не была его супругой.

²³² *Вот и этот день на исходе...*(今日も暮れぬ, Кё: мо курэну) — аллюзия на *танка* неизвестного автора из антологии «Сю:ивакасю:», № 1329:

Ямадэра но	На закате звонит
Ириан но канэ но	Колокол в горном храме
Коз гото ни	Каждый раз об одном:
Кё: мо курэну то	«Вот и этот день на исходе».
Кику дзо канасики	И печально сжимается сердце.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 135; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 212, прим. 3].

²³³ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, гл. «Тройной узел», С. 43–44; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 465.

²³⁴ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, гл. «Беседка», С. 129; НКБТ, 1958, Т. 18, С. 184.

²³⁵ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Вечерний лик», С. 62; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 133.

²³⁶ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Юная Мурасаки», С. 105; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 219.

²³⁷ *Луна в призрачной дымке — что может сравниться с ней?..* (朧月夜にしくものぞなき, Обородзукиё ни сику моно дзо наки) — Цитата из *танка* О:э-но Тисато 大江千里 (см. прим. 524) из «Собрания О:э-но Тисато» (大江千里集, О:э-но Тисато сю:):

Тэри мо сэдзу	Светит неярко,
Кумори мо хатэну	Но за тучами не скрывается
Хару но ё но	Ночью весенней
Обородзукиё ни	Луна в призрачной дымке –
Сику моно дзо наки	Что может сравниться с ней?

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Праздник цветов», С. 151; Приложение, С. 122; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 213, прим. 19; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 305].

²³⁸ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Первая зелень 1», С. 30; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 263.

²³⁹ См. прим. 84. *Дул холодный ветер; тоскливо, словно понимая, что происходит, звенели сверчки...* (松虫の鳴き交はしたる、折知り顔なり, Мацумуси но наки каваситару, ори сиригао нари) — имеется в виду сцена прощания Гэндзи и Рокудзё: но Миясудокоро: «Взяв ее руку в свои, Гэндзи долго сидел, оттягивая миг расставания, нежные черты его казались нежнее обычного. Дул холодный ветер; тоскливо, словно понимая, что происходит, звенели сверчки. Право, и тому, чью душу не омрачает никакая печаль, стало бы грустно, а что говорить о Гэндзи и миясудокоро? Их чувства были в таком смятении, что они не могли вымолвить ни слова, хотя, казалось бы...» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Священное дерево сакаки», С. 187; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 371].

²⁴⁰ *Никто до самого Исэ не спросит...* (伊勢まで誰か, Исэ мадэ тарэ ка) — отрывок из стихотворения Рокудзё: но Миясудокоро, которое стало ответом на *танка* Гэндзи, написанную при следующих обстоятельствах: «Выехали уже в сумерках, а когда со Второй линии свернули на большую дорогу Тоин, невольно оказались перед домом Дайсё: (Гэндзи. — Ю. Г.), и он, растрогавшись, послал им вослед письмо, привязав его к ветке дерева сакаки:

Фурисутэтэ	Оставив меня,
Кё: ва юкутомо	Ты в путь отправляешься дальний
Судзукагава	По реке Судзука.
Ясосэ но нами ни	Ужели твоих рукавов не коснутся
Содэ ва нурэдзи я	Восемь десятков волн?

Было уже совсем темно, да и суматоха царила изрядная, поэтому ответили ему только на следующий день, с другой стороны заставы:

Судзукагава	Восемь десятков
Ясосэ но нами ни	Волн на реке Судзука
Нурэнурэдзу	Моих рукавов
Исэ мадэ тарэ ка	Коснутся ли, нет ли — никто
Омоиокосэму	До самого Исэ не спросит...

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, С. 189–190; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 375; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 44, прим. 9].

²⁴¹ См. прим. 17.

²⁴² *Госпожа Тю:гу:* — см. прим. 120. Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Пронизывающий поля», С. 171–174; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 50.

²⁴³ *Маленькая госпожа* — дочь Гэндзи и госпожи Акаси.

²⁴⁴ *Дайсё: решает, что так уж стесняться, должно быть, нет особой причины...* — Ю:гири берет в расчет то положение, которое занимает мать маленькой госпожи — обительница Северных покоев, госпожа Акаси: «О, эта (тушечница. — Ю. Г.) слишком хороша... Могу ли я позволить себе... — говорит он, но, вспомнив о низком звании гос-

пожи из Северных покоев, решает, как видно, что стесняться особенно нечего, и принимается за письма» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 178].

²⁴⁵ Он распорядился о том, куда его следует доставить — Из текста «Гэндзи моногатари» неясно, кто был адресатом данного письма. Предполагается, что им являлась возлюбленная Ю:гири — Кумои-но Кари. Комментаторы «Записок без названия» считают, что высказывание их автора — «А все потому, видно, что страстные чувства владели им тогда без остатка» — указывает также на его отношение к истории любви Ю:гири и Кумои-но Кари [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 178; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 61; Кубоки Тэцую, 1999, С. 215, прим. 20].

²⁴⁶ ...в мужа которой судьба уготовила обладателя лишь Шестого ранга (六位宿世をはしたなめられて, Рокуи сукусэ о хаситанамэрарэтэ) — Речь идет о Ю:гири, который назван в «Записках без названия» степенным, благонравным, рассудительным господином (まめ人, мамэбито). В то время ему было около 14 лет, а Кумои-но Кари — около 16. Гэндзи предполагал присвоить сыну Четвертый ранг, но потом передумал, решив, что он еще слишком молод для столь раннего возвышения.

²⁴⁷ Сквозь туман пробираются гуси. Точно также и я... (雲みの雁も我がごとや, Кумои но кари мо ва га гото я) — Кумои-но кари произносит отрывок из следующего стихотворения, источник цитирования которого не установлен:

Кирифукаки	В обители туч
Кумои но кари мо	Сквозь туман пробираются гуси.
Ва га гото я	Точно также и я...
Харэсэдзу моно но	Ни на миг не светлеет небо,
Канасикарураму	И печали — не видно конца.

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Юная дева», С. 77; Приложение, С. 141; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 298].

²⁴⁸ Госпожа Дзидзю:-но Кими 侍従の君 — В тексте «Повести о Гэндзи» — Кодзидзю: 小侍従 — дочь кормилицы Кумои-но Кари.

²⁴⁹ См. прим. 227. Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Первая зелья 1», С. 24; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 251.

²⁵⁰ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 4, гл. «Плющ», С. 78–79.

²⁵¹ См. прим. 133.

²⁵² Об этом эпизоде шла речь ранее, в разделе «То, что исполнено печали» (см. прим. 220). В прозаической части послания Гэндзи есть также такие строки: «Поверьте, даже теперь не могу я без боли вспоминать, как уязвляя Ваше сердце своими невольными изменами. Но, увы, и здесь привиделся мне какой-то странный сон, которому, впрочем, я не склонен придавать большого значения. Это непрощеное при-

знание должно убедить Вас в моей искренности» [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Акаси», С. 260].

²⁵³ *«Далеко уплывает ладья...»* — произнесла она с обидой в голосе, когда Гэндзи показал ей лишь обертку от письма... (浦より遠に漕ぐ舟の) と厭はれて、文の上包みばかり見せたること, Ура ёри оти ни когу фунэ но то итоварэтэ, фуми но уवादзугуми бакари мисэтару кото) — Сцена из главы «У прибрежных буйков»: Мурасаки почувствовала укол ревности, когда увидела на обертке письма от госпожи Акаси ее благородный изысканный почерк. Она произносит отрывок из стихотворения из антологии «Кокинвакарокудзё», № 32742:

Микумано но	Залив Кумано
Ура ёри оти ни	Позади оставляя, далеко
Когу фунэ но	Уплывает ладья.
Варэ оба ёсо ни	И ты, меня оставляя,
Хэдатэцуру кана	Уходишь все дальше, дальше...

[Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «У прибрежных буйков», С. 277; Приложение, С. 134; Кубоки Тэцую, 1999, С. 217, прим. 25; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 114].

²⁵⁴ См. прим. 149.

²⁵⁵ ... эти слова Мурасаки — Так одна из главных героинь повести выражает свое сожаление тем, что Гэндзи не показывал ей рисунки, привезенные из Сума [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Сопоставление картин», С. 11; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 177].

²⁵⁶ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Первая песня», С. 123; НКБТ, 1958, Т. 15, С. 383.

²⁵⁷ О причинах ухудшения отношений Гэндзи и То:-но Тю:дзё: шла речь в разделе «Мужчины». См. также прим. 148.

²⁵⁸ Этого события героини «Записок без названия» касались в разделе «Приятные женщины». См. также прим. 124.

²⁵⁹ *Миясудокоро* 御息所 — мать принцессы с Первой линии (Отиба).

²⁶⁰ *Рокусисукусэ-но Уэ* 六位宿世の上 — супруга Ю:гири, Кумои-но Кари.

²⁶¹ ...оттого и промедлили с ответом... — Письмо, написанное Миясудокоро, предназначалось Ю:гири. Увидев, как он читает послание от матери Отиба, за которой ухаживал Ю:гири, Кумои-но Кари из ревности вырвала его из рук супруга. Лишь на следующий день он смог прочесть его и написать ответ [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, гл. «Вечерний туман», С. 163–166; НКБТ, 1958, Т. 17, С. 119].

²⁶² Т. е. с Кумои-но Кари [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 3, С. 176–179].

²⁶³ Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 1, гл. «Вечерний лик», С. 69–71; НКБТ, 1958, Т. 14, С. 149.

²⁶⁴ См. прим. 107.

²⁶⁵ См. прим. 136.

²⁶⁶ См. прим. 139.

²⁶⁷ *Сагоромо* 狭衣 — Речь идет о произведении «Сагоромо моногатари» (狭衣物語, «Повесть о Сагоромо»), созданном около 1080 года. Повесть была известна также под другими названиями, в частности, «Сагоромо», что нашло отражение, например, в «Записках без названия». Авторство памятника точно не установлено. Наиболее вероятной создательницей его считается Рокудзё: Сайин Байси Найсинно:но Сэндзи 六条斎院媒子内親王宣旨, служившая в свите принцессы Байси (1039–1096, четвертая дочь императора Госудзаку), известной покровительницы словесности.

«Повесть о Сагоромо», состоящая из четырех частей, во многом построена на мотивах «Гэндзи моногатари», образы ее героинь навеяны рядом персонажей творения Мурасаки Сикибу, однако такое отсутствие оригинальности художественного произведения не считалось его недостатком. Напротив, умелое цитирование или намеков на источник признавались особым мастерством сочинителя, который должен был быть хорошо знаком с литературной традицией. Несомненными достоинствами «Повести о Сагоромо», ставшей в свою очередь для создателей *цукури-моногатари* одним из образцов для подражания, являются сложная композиционная схема, изящные переходы от прозаической к поэтической речи (произведение включает более двухсот пятистиший из японских антологий, а также стихотворения Бо Цзюйи), тонкое вплетение в сюжет сказочных мотивов и др.

Главный герой повести Сагоромо, сын брата императора (Сага Ин 嵯峨院), министра по имени Хорикава, влюбляется в дочь покойного государя, свою двоюродную сестру, что воспитывалась в одном с ним дворце, — принцессу Гэндзи-но Мия 源氏宮. Он ослеплен ее красотой, все его помыслы обращены к принцессе, однако с детских лет окружающие воспринимали их лишь как брата и сестру. Однажды в Пятую луну, когда Сагоромо играл на флейте, к нему спустился Небесный отрок, очарованный его исполнением и возжелавший забрать его с собой. Но этому не суждено было случиться: император отговорил Сагоромо, ибо мечтал видеть этого красивого и талантливого юношу супругом своей горячо любимой дочери, принцессы Оннани-но Мия 女二宮. Сагоромо не спешит принять это предложение, он открывает свои чувства Гэндзи-но Мия, но она не отвечает ему взаимностью, а напротив, испугавшись, избегает с ним встреч. Между тем, судьба сталкивает главного героя с принцессой Асукаи 飛鳥井, чуть было не похищенной и увезенной монахом монастыря Ниннадзи 仁和寺, но спасенной Сагоромо. Он начинает посещать ее, не рассказывая при этом о том, кем является, заставляя девушку втайне сильно переживать. Асукаи забеременела, но была обманута и разлучена с возлюбленным стараниями кормилицы Сагоромо. По пути на Цукуси (совр. Кю:сю:), куда

отправила ее кормилица, она решает покончить с собой. Девушка выпрыгнула из лодки, но была спасена. Тем временем Сагоромо, ставший уже старшим советником, как-то раз увидел отвергнутую им поначалу принцессу Оннани-но Мия и был поражен ее красотой. Их тайная связь также обернулась беременностью для принцессы. Когда ребенок появился на свет, во избежание пересудов было объявлено, что матерью его является императрица, а отцом — император. Однако, увидев Сагоромо и поняв, кто настоящий отец младенца, государыня, не снеся переживаний, умирает. Принцесса отказывается от мирской жизни и принимает постриг. Сагоромо узнает, что Гэндзи-но Мия станет жрицей святилища Камо, и спешит вновь признаться ей в любви, но, как и прежде, получает отказ. Отчаявшийся герой отправляется в храм Кокавадэра, где случайно встречается брата Асукаи, от которого узнает, что его бывшая возлюбленная жива. Но Сагоромо не успевает найти ее — ему сообщают, что принцесса недавно умерла, а их ребенка взяла к себе принцесса Иппон-но Мия —一品宮 (дочь экс-императора Итидзё: Ин —一条院). Желая лишь увидеть дочь, Сагоромо тайком прокрадывается к принцессе, но об этом становится известно, и, чтобы не допустить распространения слухов, он вынужден связать себя с ней узами брака. Однако между супругами нет взаимной привязанности, более того, когда принцесса узнает об истинной причине появления в ее покоях Сагоромо, она отдаляется от него. Герой в третий раз является к ставшей уже жрицей Гэндзи-но Мия, но вновь не добивается взаимности. Тот же исход у его встречи с Оннани-но Мия, которая отказывается поддерживать отношения с Сагоромо, памятуя о пережитых из-за него несчастьях. Его начинает преследовать мысль о необходимости отречения от мирской жизни, что мешает сделать ему отец, узнавший о намерении сына от божества Камо-но Ками, явившегося ему во сне. Сагоромо тем временем узнает о существовании дамы по имени Ариакэ-но Кими 在明君, очень похожей на Гэндзи-но Мия, он перевозит ее к себе, вызвав тем самым недовольство своей первой супруги Иппон-но Мия. К государю является во сне прародительница императорского рода Аматаэрасу О:миками, заявившая о том, что следующим правителем страны должен стать не ребенок, отцом которого он считается, а настоящий его родитель. Таким образом, Сагоромо становится императором, Ариакэ-но Кими — императрицей. Однако в скором времени главный герой удаляется от мирской суеты [Кавасима Кинүз, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 167–168; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 179–180; Катаока Тосихиро, Мумё:дзо:си тю:сяку (IV), Сагоромо моногатари хё: («Записки без названия»: комментарии (IV), Критика «Повести о Сагоромо») // Бунрин, № 23, 1988, С. 119–132; Горегляд В. Н. Японская литература VII–XVI вв., СПб, 2001, С. 171–173; Хрестоматия по истории японской литературы: В 2 т. Составл. Торопыгиной М. В. и Маранджян К. Г., СПб., 2001, Т. 1, С. 47].

²⁶⁸ Весна юных лет не задерживается ни на миг, вот и половина Третьей луны уже осталась в прошлом... (少年の春は惜めども留まらぬもの

нарикеэрэба, сангацу мо накаба сугину) — С этих слов, которые в свою очередь являются намеком на одно из стихотворений Бо Цзюйи, начинается «Повесть о Сагоромо» [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 220, прим. 5; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 50, прим. 4].

269 *Принцесса Иппон-но Мия* 一品宮 — дочь императора Итидзё:, супруга Сагоромо (см. прим. 267), отвергшая в конце повести предложение мужа стать императрицей.

270 *Принцесса Оннани-но Мия, Вторая принцесса* 女二宮 — дочь императора Сага. Родила ребенка от Сагоромо, но так и не стала его женой (см. прим. 267). После смерти своей матери, императрицы, постриглась в монахини и тяжело заболела, не выдержав переживаний по вине Сагоромо, настаивавшего на том, чтобы она стала его супругой. После пострига Оннани-но Мия главный герой сделал своей женой принцессу Иппон-но Мия, но на следующее утро после этого отправил первое послание, о котором идет речь в «Записках без названия», не супруге, а Второй принцессе. Образы пятистишия имеют следующие значения: «ворота, затерявшиеся среди буйной зелени» (むぐらの門, *мигура но кадо*) — дом Второй принцессы, который пришел в запустение после ее ухода в монахини; «подушка из трав» (草の枕, *куса но макура*) — ставшая супругой Сагоромо принцесса Иппон-но Мия [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 220–221, прим. 13, 15, 16; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 51; Сагоромо моногатари, НКБТ, Токио, 1965, Т. 79, С. 276–277].

271 *Но сейчас так радостно на душе!* (今こそうれしく, Има косо урэси-ку) — Император поздравляет таким образом Сагоромо с женитьбой.

272 *Госпожа Омия* 大宮 — императрица, мать принцессы Оннани-но Мия.

273 *...к тому, что произошло* — имеется в виду ситуация, когда императрица соглашается объявить ребенка Оннани-но Мия, отец которого ей поначалу неизвестен, своим собственным.

274 Императрица, узнавшая, что Сагоромо — отец ребенка ее дочери, в своем стихотворении сетует на то, что он даже не пытается увидеться с ним. «Молодая сосна на вершине» (峰の若松, Минэ но вакамацу) и «посадивший семья» (種蒔きし人, Танэ макиси хито) — соответственно младенец и его отец Сагоромо [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 221, прим. 23; НКБТ, 1965, Т. 79, С. 159].

275 *Госпожа Митисиба* 道芝 — принцесса Асукаи (см. прим. 267). Такое прозвище она получила, благодаря одному из адресованных ей пятистиший Сагоромо:

Тадзунубэки
Куса но хара саз
Симогарэгэ
Тарэ ни товамаси
Митисиба но цую

Даже трава на полях,
Что должен был найти я,
От холодов увяла.
Покрыла роса и ту траву у дороги,
О которой хотел бы справиться я...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 222, прим. 4; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 52, прим. 3].

²⁷⁶ *Будут ли высоки воды завтра...* (明日は淵世瀬に, Асу ва футисэ ни) — Строки из стихотворения Асукаи, написавшей его в ответ на послание Сагоромо. В тот вечер главный герой не мог навестить свою возлюбленную, так как находился в очистительном затворничестве:

Ватаранаму	Если поднимутся воды,
Мидзу масаринаба	Пересечь которые мечтаю я,
Асукагава	Узнать бы,
Асу ва футисэ ни	Как высоки они будут завтра
Нари мо косо сурэ	В реке Асука...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 222, прим. 5; Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 51, прим. 7; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 52, прим. 4].

²⁷⁷ Асукаи сложила это стихотворение, адресованное Сагоромо, когда поняла, что жестоко обманута кормилицей, разлучившей влюбленных.

²⁷⁸ Перед тем, как выпрыгнуть из лодки, чтобы утопиться, Асукаи написала на своем веере эту песню. Девушка просит («Хотела бы, чтоб ветер от веера моего до него донесся»), чтобы ее возлюбленному Сагоромо передали о том, что с ней произошло [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 222, прим. 7; НКБТ, 1965, Т. 79, С. 97, 115].

²⁷⁹ *Записи, что были сделаны в Токива* (常盤にての手習ひ, Токива нитэ но тэннараи) — Речь идет о дневнике Асукаи, который девушка вела в Токива, после принятия пострига. В сцене, упоминаемой в «Записках без названия», Сагоромо, ставший императором, находит записки уже покойной Асукаи. Чтение дневника бывшей возлюбленной трогает его до слез [НКБТ, 1965, Т. 79, С. 456–461].

²⁸⁰ Имеется в виду знакомство Асукаи и Сагоромо. Все трое — главный герой, принцесса и увезший ее монах — ехали в одном экипаже [НКБТ, 1965, Т. 79, С. 65–72].

²⁸¹ *Дайсё*: 大將 — Сагоромо. Небожитель (天人, тэннин) — в тексте «Сагоромо моногатари» — Небесный отрок (天稚御子, Амэвакамико) — спустился к главному герою, чтобы забрать его с собой, когда тот в пятый день пятой луны играл для императора на флейте во время музыкального праздника [НКБТ, 1965, Т. 79, С. 46–47].

²⁸² *Явление бодхисаттвы Фугэн в храме Кокава* (粉河にて普賢の現れたまへる, Кокава нитэ фугэн но араварэтамаэру) — Бодхисаттва Фугэн явился Сагоромо, когда главный герой читал «Лотосовую сутру» в храме Кокавадэра, что в провинции Кии. Бодхисаттва Фугэн (бодхисаттва Всеобъемлющая Мудрость) призван являться тем, кто неустанно читает, декламирует сутру и размышляет о ней. Вот что сказано об этом в «Лотосовой сутре», в главе «Воодушевление бодхисаттвы Всеобъемлю-

шая Мудрость» 普賢菩薩勸発: «Если такой человек идет, стоит, читает [или] декламирует эту Сутру, [я] тотчас воссяду на белого слона-царя с шестью бивнями и вместе с великими бодхисаттвами направлюсь в то место, выявлю мое тело, буду делать [этому человеку] подношения, защищать, охранять и успокаивать [его]. А также, чтобы сделать подношения Сутре о Цветке Дхармы. Если такой человек сидит и размышляет об этой Сутре, я также в то же мгновение воссяду на белого слона-царя с шестью бивнями и появлюсь перед этим человеком» [НКБТ, 1965, Т. 79, С. 209; Лотосовая сутра, 1998, гл. XXVIII].

²⁸³ В данном случае под сном, связанным с божеством святилища Камо и принцессой Гэндзи-но Мия, очевидно, имеется в виду сновидение отца Сагоромо, в котором ему явился монах святилища, настаивавший на том, чтобы именно принцесса стала следующей жрицей [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 223, прим. 18; НКБТ, 1965, Т. 79, С. 194].

²⁸⁴ *В храме жрицы поднялся шум...* (斎院の御神殿鳴りたること, Сайин но онко:доно наритару кото) — имеется в виду эпизод, рассказывающий о визите Сагоромо к Гэндзи-но Мия, ставшей к тому моменту жрицей. Когда Сагоромо принялся играть ей на *кото*, в храме послышались возгласы, восхваляющие достоинства главного героя [НКБТ, 1965, Т. 79, С. 335].

²⁸⁵ *Могут ли они заставить землю сотрястись шесть раз?* (大地六反振動することやはあるべき, Даити рокухэн синдо: суру кото я ва арубэ-ки) — Упоминание об этом благоприятном предзнаменовании мы находим в главе «Дэвадатта» 提婆達多 «Лотосовой сутры»: «Неисчислимые живые существа, услышав Дхарму, постигли [ее], просветлились и достигли [ступени] невозвращения. Неисчислимые живые существа получили предсказание [о достижении] Пути. Мир без замутнений сотрясся шесть раз, и [после этого] три тысячи живых существ в мире саха [стали] пребывать на ступени невозвращения, у трех тысяч живых существ пробудились мысли о бодхи и [они] получили предсказания». В данном случае автор «Записок без названия» намекает, вероятно, на то, что такое предзнаменование, сулящее стране процветание при правлении того или иного императора, не может иметь место в том случае, если государем стал не прямой потомок императора и, следовательно, главной богини синтоистского пантеона Аматэрасу, пусть даже этот человек очень мудрый и талантливый. Сагоромо являлся племянником императора Сага, а его отец был лишь министром [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 223, прим. 22; Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 54, прим. 19; Лотосовая сутра, 1998, гл. XII; НКБТ, 1965, Т. 79, С. 335].

²⁸⁶ *Присвоение Гэндзи титула отрекшегося Государя* (源氏の、院になりたる, Гэндзи но, ин ни наритару) — Об этом говорится в главе «Листья глициний» «Повести о Гэндзи»: «Осенью министра повысили в ранге, правившая его положение к положению отрекшегося Государя, ему были пожалованы новые владения и соответственно увеличены годо-

вое жалование и вознаграждения». Т. о. Гэндзи получил ранг и положение, которые имели экс-императоры (Дайдзё:тэнно: 太上天皇) [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, С. 250; НКБТ, 1958, Т. 16, С. 270].

²⁸⁷ *Государь-монах Рэйдзэй Ин, узнавший о своем истинном происхождении* (我が御身のありさまを聞きあらはして, Ва га омми но арисама о ки-киараваситэ) — То есть узнавший о том, что настоящий отец его не император Киришубо, а Гэндзи [Мурасаки Сикибу, 1991–93, кн. 2, гл. «Тающее облако», С. 43–44].

²⁸⁸ Т. е. недостатком «Гэндзи моногатари».

²⁸⁹ Т. е. в «Сагоромо моногатари».

²⁹⁰ В связи с интронизацией Сагоромо его родители получили соответствующие титулы.

²⁹¹ *Нэдзамэ 寝覚* — «Ёру-но Нэдзамэ» 夜の寝覚 (другие названия: «Нэдзамэ», «Нэдзамэ моногатари» 寝覚物語, «Ёва-но Нэдзамэ» 夜半の寝覚); название повести может переводиться по-разному: «Пробуждение в полночь», «Нэдзамэ ночью», «Нэдзамэ в полночь», «Повесть о Нэдзамэ» (мы будем придерживаться последнего варианта перевода). Произведение было написано во второй половине XI века (возможно, между 1045 и 1068 гг.). Его автор неизвестен, но чаще всего повесть приписывают создательнице дневника «Сарасина никки» — Сугавара-но Такасуэ-но Мусумэ (菅原孝標女, дочь Сугавара-но Такасуэ, 1008–?). Основанием для этого служит колофон Фудзивара-но Тэйка к его копии «Сарасина никки»: «Дневник дочери Сугавара-но Такасуэ, наместника провинции Хитати ... Произведения «Ёва-но Нэдзамэ», «Оммицу-но Хамамацу», «Мидзукара кюю», «Асакура» и др. созданы человеком, написавшим этот дневник» (常陸守菅原孝標女の日記也。。。夜半の寝覚・御津の浜松・自ら悔ゆる・朝倉などは、この日記の人の作られたるとぞ, Хитатиками но сугавара но такасуэ но мусумэ но никки нари... Ёва но нэдзамэ, оммицу но хамамацу, мидзукара кюю, асакура надо ва, коно никки но хито но цукурарэтару то дзо) [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 224]. В дошедшем до нас варианте «Повесть о Нэдзамэ» состоит из пяти свитков, однако первоначально она включала более одиннадцати частей. Некоторые исследователи полагают, что в ней было не менее двадцати глав [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 224, прим. 8]. Общее содержание утерянных частей (главы между второй и третьей, а также после пятой части) восстанавливается, в частности, благодаря наличию отдельных цитат из произведения и его «критике» в «Записках без названия».

Главная героиня повести — Нэдзамэ (Нака-но Уэ 中上, Нака-но Кими 中君, Нэдзамэ-но Кими 寝覚君), девушка редкой красоты, дочь принца крови, ставшего великим министром (О:киотодо 太政大臣, Хиросава-но Ню:до: 広沢入道). У министра осталось четверо детей от двух покинувших мир жен, среди которых вторая дочь Нэдзамэ — самая любимая. Когда ей было 13 лет, в пятнадцатую ночь восьмой луны к ней явился небожитель, чтобы передать девушке секреты игры на би-

ва, к которой у нее был особый талант. На следующий год в тот же день урок повторился. Нэдзамэ овладела игрой на *бива* в совершенстве, между тем во время последнего посещения небожитель предсказал, что жизнь готовит талантливой девушке немало бед. Чтобы уберечь Нэдзамэ, отец отправляет ее в загородный дом. Но по стечению обстоятельств она проводит ночь с оказавшимся в той местности Отокогими 男君 (Тю:нагон 中納言, Дайсё: 大將, Кампаку 関白), влюбившимся в нее с первого взгляда и очарованным ее игрой на *бива*. Красавица не ведала о том, что Отокогими — жених ее старшей сестры О:кими 大君 (Анэ-но Уэ 姉上). В неведении был и ее возлюбленный. Нэдзамэ забеременела, и, когда открылась правда, молодые люди были вне себя от сердечных терзаний. Героиня тайне родила девочку (Исияма Химэ-гими 石山姫君), которую взял на воспитание отец Отокогими. Нэдзамэ тем временем нашла приют у своего отца, принявшего постриг. Но тайное стало явным, О:кими, с которой у Нэдзамэ были теплые доверительные отношения, была сильно удручена случившимся, ее же младшую сестру неотступно мучили угрызения совести. Старший из ее братьев (Саэмон-но Ками 左衛門督) и кормилица (Бэн-но Мэното 弁乳母) также отвернулись от нее, и лишь младший брат (Сайсё:-но Тю:дзё: 幸相中将) никогда не отказывал ей в поддержке.

Далее следует утерянная часть произведения, в которой рассказывается о браке Нэдзамэ с крупным чиновником средних лет, который потом был назначен регентом (Ои Кампаку 老関白). Однако до свадьбы девушка поддавалась соблазну и вновь провела ночь с прежним возлюбленным. Результатом этого явилась новая беременность главной героини. У нее рождается мальчик (Масако まさこ). Но Ои Кампаку, несмотря ни на что, не покидает Нэдзамэ, а напротив, окружает ее заботой. Отокогими тем временем обзаводится еще одной супругой (Он-найти-но Мия 女一宮), вызвав тем самым сильную ревность со стороны О:кими, которая в конце концов умирает, не снеся страданий. Муж Нэдзамэ тоже умирает, поручив Отокогими заботиться о своей супруге. Последний изо всех сил пытается добиться сближения с ней, но красавица, не взирая на глубокое чувство к нему, так и не решается покинуть дом своего ушедшего мужа. Любви Нэдзамэ пытается добиться и император, а она вместо себя устраивает на придворную службу дочь покойного супруга. Притязания государя и ревность Отокогими никак не дают героини обрести душевный покой хотя бы на время. Кроме того, ее сын, Масако (к тому времени Тю:дзё: 中将), влюбляется в принцессу Оннасан-но Мия 女三宮, дочь экс-императора Рэйдзэй, который был против этой связи. В конце концов Масако навлекает на себя его немилость и изгнание. Чтобы спасти сына, Нэдзамэ исчезает и инсценирует свою смерть. Сраженный горем император забывает о своей обиде, и, когда оказывается, что героиня жива, он на радостях прощает ее сына. Превратности судьбы преследовали Нэдзамэ до конца ее дней. В преклонном возрасте она принимает постриг [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 169–170; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 183–184; Ии Харуки, Ёру-но нэдзамэ санъицу бубун-но фуку-

гэн («Восстановление утерянных частей «Повести о Нэдзамэ») // Моногарати-но тэнкай то вака сирё:, Токио, 2003, С. 456-476; Горегляд, 2001, С. 167-169; Хрестоматия по истории японской литературы, 2001, Т. 1, С. 47; частичный перевод на англ. яз — Carol Hochstedler, tr., The Tale of Nezame: Part Three of Yowa no Nezame Monogatari, Cornell University East Asia Papers, No. 22, 1979].

²⁹² *Эпизод, когда герой неожиданно обнаруживает, что допустил оплошность* — Т. е. когда Отокогими узнает, что на самом деле провел ночь с Нэдзамэ, родной сестрой своей невесты О:кими, а не с дочерью хозяина поместья, дамой по имени Синсё:сё:-но Кими 新少将の君, как он думал прежде.

²⁹³ Письмо Синсё:сё:-но Кими к Отокогими, в котором она намекает ему, с кем он в действительности провел ту ночь, а также дает понять, что в одном с ними поместье живет особа, которую он ошибочно принял за нее [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 225, прим. 13, 14; Ёру-но Нэдзамэ, НКБТ, Токио, 1964, Т. 78, С. 84].

²⁹⁴ *Эти события получили огласку* — О том, что Нака-но Уэ (Нэдзамэ) разделила ложе с Отокогими и втайне родила от него ребенка.

²⁹⁵ После того, как распространились слухи о том, что произошло между Нэдзамэ и Отокогими, героиня решает покинуть дом страдавшей от ревности сестры О:кими и перебраться к отрекшемуся от мирской жизни отцу в Хиросава. В своем стихотворении Нэдзамэ оплакивает предстоящую разлуку с сестрой, осознавая, что ее роковая ошибка оставила в прошлом их некогда доверительные отношения [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 225, прим. 15, 16, 17; НКБТ, 1964, Т. 78, С. 180].

²⁹⁶ *Снежной ночью герой прибыл в Хиросава* — Отокогими приехал в Хиросава специально, чтобы навестить Нэдзамэ, но так и не повидавшись со своей возлюбленной, негодуя, вернулся обратно.

²⁹⁷ Сё:дзё: 少将 — дама, прислуживавшая Нэдзамэ.

²⁹⁸ *Мия-но Тю:дзё: 宮中将* (Сикибукё:мия-но Тю:дзё: 式部卿宮中将) действительно был влюблен в Нэдзамэ и отправился навестить ее в Хиросава [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 226, прим. 2; НКБТ, 1964, Т. 78, С. 178].

²⁹⁹ Далее следуют размышления дам об утерянной части «Повести о Нэдзамэ», располагавшейся между современными второй и третьей главами произведения. Супруг Нэдзамэ Ои Кампаку (老閑白, Старый регент) назван так автором для того, чтобы позже не возникло путаницы между ним и Отокогими, получившим это звание. Последнего для удобства дамы будут называть Вака Кампаку (若閑白, Молодой регент).

³⁰⁰ Т. е. Отокогими говорил об их общей дочери Исияма Химэгими 石山姫君.

³⁰¹ *Министр; Вступивший на Путь* — отец Нэдзамэ.

³⁰² Сайсё:-но Тю:дзё: 宰相中将 — младший из братьев Нэдзамэ. В данном случае, по велению отца, он должен сыграть роль того, кто проведет назидательную беседу с героиней. Но в целом, исходя из общего содержания повести, Сайсё:-но Тю:дзё: отличался мягким отношением к сестре и всегда ее поддерживал, в отличие от старшего брата Саэмон-но Ками 左衛門督 (см. прим. 291).

³⁰³ Принцесса Оннаити-но Мия 女一宮 — дочь экс-императора Судзакү 朱雀院. Отокогими начинает ухаживать за ней и делает ее своей второй супругой после того, как отказавшая ему Нэдзамэ становится женой Он Кампаку.

³⁰⁴ Танка Анэ-но Уэ (О:кими), старшей сестры Нэдзамэ, раздосадованной тем, что ее супруг Отокогими, смилившийся, казалось бы, с окончанием романа с ее младшей сестрой, нашел другой объект сердечной страсти. Пятистишие Анэ-но Уэ служит ответом на следующее стихотворение неверного мужа:

Ёси я кими	Не властно время
Нагаки тигири ва	Над клятвами,
Таэсэдзи о	Что связали меня с тобой.
Иноти номи косо	И только жизни время
Садамэгатакэрэ	Не дано устанавливать нам:..

[Кубоки Тэцүо, 1999, С. 227, прим. 16].

³⁰⁵ Уэмон-но Ками 右衛門督 — Мия-но Тю:дзё: 宮中将 (см. прим. 298).

³⁰⁶ До конца непонятно, о каком эпизоде из повести идет речь. Исследователи полагают, что Мия-но Тю:дзё: и Масако (сын Нэдзамэ от Отокогими) говорят об исчезновении главной героини, причиной которому послужило то, что экс-император Рэйдзэй наложил опалу на Масако, вступившего в связь с его дочерью, принцессой Оннасан-но Мия (см. прим. 291). Нэдзамэ исчезла из дворца государя Рэйдзэй, и все, включая ее сына, считали героиню мертвой. Пропажа возлюбленной повлияла, в частности, на решение Мия-но Тю:дзё: принять постриг [Кубоки Тэцүо, 1999, С. 227, прим. 17].

³⁰⁷ Тю:нагон-но Кими 中納言の君 — дама, прислуживавшая Третьей принцессе.

³⁰⁸ Поэтический образ «буря» (嵐, *араси*) означает в *танка* влюбленных гнев отца Оннасан-но Мия — императора Рэйдзэй, а «роса» (露, *цүо*) — очевидно, ставшую недоступной для Масако принцессу.

³⁰⁹ Когда положение исправилось (事も直りて, кото домо наоритэ) — император позволил Масако вернуться во дворец (после того, как Нэдзамэ разыграла собственную смерть, испугав родных и поклонников своей красоты, к которым принадлежал и удалившийся государь Рэйдзэй) и не стал более противиться отношениям с ним своей дочери. Однако, судя по тону заключительного в этом разделе «Записок без на-

звания» стихотворения Третьей принцессы, она все еще тревожится за будущее и не верит в свое счастье с Масако.

³¹⁰ *Первая принцесса* 女一宮 — см. прим. 303.

³¹¹ ...судьба свела ее с тем несравненным господином (たとしへなき人の御さま, татосизнаки хито но о:нсама) после переезда в поместье Кампаку — речь идет об отрывке из утраченной части произведения, поэтому трудно точно установить, о каком персонаже говорит одна из дам — об Отокогими (Дайсё:), которого невозможно было превзойти в искренности чувств, или об Ои Кампаку, отличавшемся особой преданностью Нэдзамэ (в данном случае он назван просто Кампаку). Исходя из контекста, исследователи склоняются к тому, что здесь имеется в виду новое свидание героини с Отокогими и его любовные письма к Нэдзамэ. Правила этикета требовали от нее хотя бы изредка отвечать на его послания, но Нэдзамэ не могла в письме к мужу своей старшей сестры даже вскользь намекнуть на свои чувства, т.к. рисковала оборвать их связь навсегда в случае, если такое компрометирующее письмо вдруг было бы найдено. Она обошлась написанием нейтрального послания, в котором не было слов любви [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 229, прим. 13; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 59, прим. 11; Марра, 1984, XXXIX:3, С. 299, прим. 196].

³¹² *Министр* (大臣, отодо) — Супруг Нэдзамэ Ои Кампаку.

³¹³ *Кормилица Бэн-но Мэното* 弁の乳母 и старший брат Нэдзамэ — Сазмон-но Ками 左衛門督 — см. прим. 291.

³¹⁴ Первое стихотворение принадлежит Отокогими, второе — Нэдзамэ.

³¹⁵ *Вака Кампаку* (若関白, молодой регент) — см. прим. 299.

³¹⁶ *Господин Дайсё:* 大將殿 — Содержание контекста позволяет предположить, что господином Дайсё: назван здесь будущий на тот момент супруг главной героини — Ои Кампаку, который имел тогда звание Старшего военачальника (Дайсё: 大將) [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 231, прим. 23; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 61, прим. 7].

³¹⁷ *Отвертительны словесные нападки Эмон-но Ками и Бэн-но Мэното* (憎きこと、衛門督、弁の乳母などのもの言ひ、Никуки кото, эмон но ками, бэн но мэното надо но моноии) — имеется в виду неприязненное отношение и критика кормилицы и старшего брата Нэдзамэ в адрес главной героини. Об этом шла речь также несколько ранее, в разделе «Герои, вызывающие восхищение».

³¹⁸ *Государыня О:мия* 大宮 — мать императора Рэйдзэй и принцессы Оннаити-но Мия. Дамы говорят о решимости и действиях государыни-матери, стремившейся навсегда разлучить Нэдзамэ и Отокогими, супругой которого стала ее дочь, Первая принцесса.

³¹⁹ *Кисаи-но Мия* 後の宮 — вероятно, дочь Нэдзамэ и Отокогими — Исияма Химэгими 石山姫君 [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 232, прим. 1; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 61, прим. 11].

³²⁰ *Наследный принц* — вероятно, сын экс-императора Рэйдзэй и дочери супруга Нэдзамэ, Ои Кампаку.

³²¹ В заключительной части сохранившейся пятой главы произведения есть, в частности, такие сроки, принадлежащие главной героине: «Нет мира, в котором придет конец моим полночным пробуждениям...» (夜の寝覚め絶ゆる世なくとぞ, Ёру но нэдзамэ таюру ё нау то дзо). Возможно, они также послужили темой для подобных высказываний одной из обсуждающих повести дам [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 232, прим. 2; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 61, прим. 12].

³²² *До чего неприятно!* (いと憎し, Ито нукуси) — Нэдзамэ, обрадованной чередой радостных событий (в том числе стремительному возвышению родной дочери) после пережитых ею долгих испытаний, не удалось сдержать переполнявшие ее эмоции, как было положено в ходе столь торжественной церемонии. Упомянутый дамами эпизод с интронизацией содержится, очевидно, в самом конце утерянной части произведения, рассказывающей о супружеской жизни Ои Кампаку и Нэдзамэ [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 232, прим. 2, 3; Марра, 1984, XXXIX:3, С. 300, прим. 200; Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 59, прим. 11].

³²³ Смысл процитированного отрывка восстановить не удастся, т. к. он, очевидно, был частью одной из не сохранившихся частей памятника. Исследователи предполагают, что Кампаку здесь является Отокогими, сетующий на не складывающиеся отношения с главной героиней. В роли Дайсё: могут выступать: 1) младший брат Нэдзамэ — Сайсё:-но Тю:дзё:, 2) сын Нэдзамэ и Отокогими — Масако, 3) младший брат Отокогими. Все они в ходе развития сюжета произведения получают звание Дайсё:.

Прототипом для стихотворения послужила *танка* неизвестного поэта из антологии «Кокинвакасю:» (свитки XVII–XVIII, Разные песни, № 867):

Мурасаки-но	Единственный цветок воробейник
Хито мото юэ ни	На равнине Мусаси
Мусасино-но	Заставляет меня
Куса ва минагара	С печалью смотреть
Аварэ то дзо миру	И на все прочие травы...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 232, прим. 6, 7; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 61, прим. 13, 14, С. 62, прим. 1; Кокинвакасю:, 1995, Т. 3, С. 98].

³²⁴ Еще один эпизод из утерянной части «Записок без названия». Господин — это, вероятно, Отокогими. Уэмон-но Ками-но Уэ 右衛門督の上 — супруга Мия-но Тю:дзё: (см. прим. 298, 305), являвшаяся второй

дочерью Ои Кампаку и приходившаяся, соответственно, приемной дочерью Нэдзамэ.

Мия-но Тю:дзё:, пылавший тайной страстью к Нэдзамэ, совершив роковую ошибку, перепутав главную героиню со второй дочерью Ои Кампаку. Проведя с девушкой ночь, молодой человек вынужден был сделать ее своей женой. Между тем, отец возлагал большие надежды на свою талантливую дочь. Ожидалось, что Уэмон-но Ками-но Уэ станет супругой самого императора. С тех пор ее неотступно преследовало чувство, будто ей была уготована такая несчастная судьба [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 232, прим. 8].

325 Как говорилось ранее, на решение Мия-но Тю:дзё: принять постриг действительно повлияло таинственное исчезновение Нэдзамэ (см. прим. 306). О его жене, Уэмон-но Ками-но Уэ, стал заботиться Отокогими, и она в конце концов стала его возлюбленной. Ей надлежало ухаживать за сыном Отокогими — Масако.

326 *Кампаку* 関白 — Отокогими.

327 ...*доверившись пустым слухам* (はかなき一言につけて, Хаканаки хитокото-ни цукэтэ) — предположительно, в этом утерянном отрывке «Повести о Нэдзамэ» может идти речь о слухах, утверждающих, будто бы Нэдзамэ и императора Рэйдзэй связывали близкие отношения [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 233, прим. 19; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 63, прим. 9].

328 *Удалившийся от дел Государь* (院, ин) — экс-император Рэйдзэй Ин (см. прим. 327). Он был сыном императора Судзаку Ин.

329 *Воспоминания о прошлом* (昔思ひ, Мукаси оmoi) — исследователи памятника предполагают, что речь здесь идет о воспоминаниях Нэдзамэ, связанных с умершим к тому времени Ои Кампаку, который, в отличие от Отокогими, всегда терпимо относился к другим связям героини, в том числе к ее отношениям с Отокогими, и не верил сплетням. Нэдзамэ очень ценила за это Ои Кампаку, о чем говорится в дошедшей до нас пятой главе произведения, рассказывающей также об упоминанном дамами «Записок без названия» визите Отокогими к главной героине [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 233, прим. 20; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 63, прим. 14; НКБТ, 1965, Т. 79, С. 396–400].

330 Речь идет об эпизоде с исчезновением Нэдзамэ, которая притворилась мертвой, чтобы спасти от опалы своего сына Масако, а затем «воскресла».

331 *Господин* (殿, тоно) — Отокогими.

332 ...*уж нет больше ставшего столь [близким] человека* (さばかりなりにし身の果て, Сабакари нариниси ми но хатэ) — предположительно, речь идет об умершем к тому времени супруге Нэдзамэ — Ои Кампаку [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 234, прим. 3].

³³³ В дошедших до нас частях памятника процитированную дамами «Мумё:дзо:си» песню мы не находим. Возможно, она явилась ответным посланием на письмо экс-императора Рэйдзэй. Можно также предположить, что к этому моменту и государь, и Нэдзамэ приняли постриг, и истолковать в этом ключе стихотворение главной героини [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 234, прим. 7; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 63, прим. 21].

³³⁴ Т. е. Отокогими (назван в этом отрывке министром (大臣, *отодо*) узнал о том, что Нэдзамэ жива и здорова.

³³⁵ *Мицу-но Хамамацу* (みつの浜松, «Сосны на побережье Мицу») — повесть второй половины XI века, более известная под названием «Хамамацу Тю:нагон моногатари» (浜松中納言物語, «Повесть о советнике Хамамацу»). Данное произведение также приписывают автору дневника «Сарасина никки» — Сугавара-но Такасуэ-но Мусумэ (菅原孝標女, дочь Сугавара-но Такасуэ, 1008–?) на основании того же колофона Фудзивара-но Тэйка к его копии «Сарасина никки» (см. прим. 291).

Первоначально повесть включала в себя шесть частей, две из которых (первая и последняя) были утрачены к середине XVI в. Два списка заключительной части были обретены вновь в 30-е гг. XX в., но первая так и не была найдена. Существует также мнение, что в дошедшем до нас виде повести не достает две главы (первой и третьей (глава между дошедшими до нас первой и второй)) [Мацумото Хироко, Хамамацу тю:нагон моногатари но гэнсаку кэйтай ни кансуру ко:сацу («Исследование структуры исходного текста «Повести о советнике Хамамацу») // Нихон бунгаку кэнкю: сирё: сё:сё, Хэйантё: моногатари IV, Нихон кэнкю: сирё: канко:кай, Токио, 1980]. Помимо «Мумё:дзо:си», источниками для восстановления содержания утраченных глав являются также «Сю:и хякубан утаавасэ» 拾遺百番歌合 (1219 г., одна из частей поэтического турнира, проведенного Фудзивара-но Тэйка, — «Тэйка моногатари ни хякубан утаавасэ» 定家物語 二百番歌合, в котором сто стихотворений из «Повести о Гэндзи» «соперничали» сто *танка* из других повестей) и «Фуё-вакасю:» (風葉和歌集, «Собрание японских песен ветра и листвы», 1271 г.; поэтический сборник содержит 1410 стихотворений из 198 повестей). В первом памятнике мы находим 15 *танка*, две из которых были частью утраченной первой главы «Повести о советнике Хамамацу», во втором — 29, из них пять стихотворений — из недошедшей первой главы.

Местом действия повести является не только Япония, но и Китай; сюжет произведения даже по современным меркам кажется довольно запутанным, усложненным. Цели его развития служат многочисленные сновидения главных героев, а также буддийская идея о реинкарнациях. Являясь, как и все позднехэйанские *моногатари*, во многом подражением «Повести о Гэндзи» (бросается в глаза сходство образов ряда персонажей), данное произведение при этом имеет свои характерные особенности: 1) сложные, порой фантастические сюжетные ходы делают повесть «нереалистичной» (まことしからぬこと, макото сикарану кото) в глазах современников, нацеленных на узнавание привычных им си-

туаций, обычно находящихся в фокусе повестей. Сны в ней подчас далекого от реальности содержания являются продолжением событий, происходящих наяву, и наоборот; 2) произведение нацелено прежде всего на описание истории личной жизни героев, в которой придворная жизнь, жизнь аристократии не становится фоном для такого повествования. Подобная «выхваченность» этих историй из общего течения жизни аристократов, ежегодных церемоний и т.д., недостаток в описании социального роста героев (чин главного героя — советника — остается неизменным на протяжении всей повести), слишком частое обращение к идее перерождения лишают действие произведения временной динамики; автор освобождает себя от упорядочивания соотношения объективного времени и внутреннего времени произведения, он, в частности, не отображает изменения временных координат своих персонажей на временной шкале общества, что также способствует, по мнению современников произведения, отходу от установок на «реалистичность» хэйанских *моногатари*.

Главный герой повести, Средний советник (Тю:нагон 中納言), — красивый молодой человек, сын высокородного аристократа (Сикибукё: — но Мия 式部卿宮). Он был привязан к отцу, однако рано потерял своего родителя; его мать (Кита-но Ката 北の方) вышла замуж вторично, за Командующего левой императорской гвардией (Садайсё: 左大将), отца очаровательных девочек — Тайсё: — но Кими 大将の君 и Нака-но Кими 中の君. Дети подросли, и однажды, когда Тю:нагон навещал приемного отца в его поместье, ему украдкой удалось понаблюдать за сдлавшейся настоящей красавицей Тайсё: — но Кими. Он начал тайно посещать старшую из сестер, несмотря на то, что отец прочил ее в жены принцу Сикибукё:, возлагая на нее большие надежды. Приблизительно восемь лет прошло после смерти родного отца Советника, и вот до главного героя доходит новость о том, что его любимый родитель, по которому он так тоскует, родился к новой жизни в Китае в облике третьего сына китайского императора (Морокосу-но Синно: 唐土の親王). Вскоре он получает подтверждение волнующей новости во сне. Полный решимости встретиться с отцом в его новом облике, советник получает при дворе разрешение на трехлетнюю поездку в Китай и после долгих прощаний с родными и Тайсё: — но Кими отправляется в путь. Между тем, отец его возлюбленной узнает об их тайной связи и вместо нее выдает замуж за принца Сикибукё: ее младшую сестру, Нака-но Кими. Через некоторое время после отъезда Советника Тайсё: — но Кими понимает, что ждет ребенка от него и, чтобы избежать позора, решает принять постриг.

В Китае советник находит своего отца, жившего там в облике семилетнего принца. Он сражен красотой императрицы, его матери (Ко:ё:кэн-но Кисаки 河陽県の后), наложницы императора, которая оказалась дочерью китайского посла к японскому двору и японки. Плодом их запретной связи явилось рождение ребенка, мальчика Вакагими 若君. Чтобы сохранить содеянное в тайне, Ко:ё:кэн-но Кисаки отдает ребенка Советнику, а сама постригается в монахини. Она также переда-

ет с Советником письмо для своей матери (Ёсино-но Амагими 吉野の尼君), которая живет в Японии в горах Ёсино с ее единоутробной сестрой (Ёсино-но Химэгими 吉野の姫君).

Вернувшись с сыном на родину, герой узнает о том, что после его отъезда Тайсё:-но Кими родила ему девочку (Химэгими 姫君) и отвернулась от мирской жизни. Советника охватило отчаяние, он дает клятву ни с кем не связывать себя узами семейной жизни. Он поначалу отказался от отношений с дочерью Дайни (Дайни-но Мусумэ 大貳のむすめ), родители которой специально организовали их встречу в надежде на то, что они станут супругами. Видя нерешительность Советника, родители поспешно выдали ее за Эмон-но Ками 衛門督. Советник начинает посещать уже замужнюю Дайни-но Мусумэ, у них рождается ребенок, которого Эмон-но Ками принимает за своего. Герой между тем не может забыть красавицу Ко:ё:кэн-но Кисаки и едет в Ёсино, чтобы позаботиться о ее родных.

При нем умерла мать Ко:ё:кэн-но Кисаки, монахиня, поручив советнику присматривать за Ёсино-но Химэгими. Он перевозит ее в столицу и живет с ней как брат с сестрой, ибо молодая девушка дала обет не вступать в связь с мужчиной до 20 лет, т. к. в противном случае, как было предсказано монахом, ее ждет несчастье. Однажды ночью голос с небес поведал Советнику, что Ко:ё:кэн-но Кисаки, скончавшись в Китае от тяжелой болезни, вновь родилась к вечной жизни. В то время Советник отправляется с Ёсино-но Химэгими в храм Киёмидзудэра, чтобы избавить ее от недомогания. В пути он вынужден ночевать в отдалении от нее, т. к. определенное направление было для него запретным в ту ночь. Ситуацией воспользовался сластолюбивый принц Сикибукё: (муж Нака-но Кими и данный герой, носящие в повести одинаковые имена, — разные персонажи), который выследил Ёсино-но Химэгими и выкрал ее. Однако принц был с ней недолго — недомогание девушки обострилось, и он вынужден был вернуть ее Советнику. К главному герою является во сне Ко:ё:кэн-но Кисаки, которая сообщает возлюбленному о том, что в новом рождении она предстанет в облике ребенка своей сестры. Со временем выясняется, что Ёсино-но Химэгими беременна, а из Китая приходят вести, подтверждающие кончину наложницы китайского государя и сообщающие о том, что Морокоси-но Синно: стал новым императором [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 170–171; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 181–182; Катаока Тосихиро, Мумё:дзо:си тю:сяку (VI), Хамамацу тю:нагон моногатари хё: («Записки без названия»: комментарии (VI), Критика «Повести о советнике Хамамацу») // Бунрин, № 30, 1996, С. 59–71; Ногути Мотохиро, Хамамацу тю:нагон рон (О «Повести о советнике Хамамацу») // О:тё: кана бунгаку ронко:, Токио, 2002, С. 311–319; Горегляд В. Н., 2001, С. 169–171; Хрестоматия по истории японской литературы, 2001, Т. 1, С. 47; перевод на англ. яз.: A Tale of Eleven-Century Japan: Hamamatsu Chu:nagon Monogatari / Intro. and Transl. by T. H. Rolich. Princeton, 1983].

³³⁶ *Каору Дайсё*: 薫大将 — один из персонажей «Повести о Гэндзи», сын Оннасан-но Мия и Касиваги (официально Гэндзи). Лестную характеристику, которые дают дамы «Записок без названия» этому герою, см. в заключительной части одного из разделов («Мужчины»), посвященных «критике» «Гэндзи моногатари».

³³⁷ Данный отрывок «Хамамацу Тю:нагон моногатари» (со сцены визита Сайсё:-но Тю:дзё: к Советнику до сцены отбытия главного героя в Китай) является частью утерянной первой главы повести. Ввиду отсутствия необходимого контекста суть процитированного одной из дам стихотворения уловить трудно. Зашедший рано утром к советнику Сайсё:-но Тю:дзё:, очевидно, приходился герою близким другом. Вот что сказано в «Фуёвакасю:» непосредственно перед этим стихотворением, попавшим из недошедшей главы памятника в эту антологию: «[Стихотворение] Сайсё:-но Тю:дзё:, которое он прочитал ранним утром в доме Среднего советника после того, как увидел последнего отдавшимся почтительному чтению сутр, за которым он, видимо, и провел всю ночь» (中納言のもとに、暁、立ち寄りてはべりけるに、いみじく尊く経を読みすましてみ明かしつるにやと見えければ詠める宰相中将, Тю:нагон но мото ни, акацуки, татигэритэ хабэрикэру ни, имидзiku то:току кё: о ёмисумаситэ иакасицуру ни я то миэкэрэба ёмэру сайсё:-но тю:дзё:) [цит. по: Кубоки Тэцуо, 1999, С. 322]. Есть предположение, что озвученная Сайсё:-но тю:дзё: *танка* выражает реакцию возлюбленной советника, Тайсё:-но Кими, на его скорый отъезд из страны. Соответственно, «шум волн» (波の音, нами-но ото) может символизировать морское путешествие героя в Китай, разлучающее влюбленных [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 235, прим. 16; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 64, прим. 9; Ролич, 1983, С. 17].

³³⁸ *Кин(цзинь) 琴* — струнный щипковый музыкальный инструмент, китайское *кото*. Коёкэн-но Кисаки — любимая наложница императора.

³³⁹ *Дощечка (笏, сяку)* — атрибут чиновника, наименование которого происходит от названия меры длины (размер дощечки равнялся одному сяку (30,3 см). Первоначально сяку использовалась придворными служащими для записей; на одной из ее сторон была наклеена бумага. Позднее она стала частью официального облачения и образа средневековых чиновников.

³⁴⁰ «Благословенье» (あな尊, Анато:то) — народная японская песня:

Анато:то	Благословенье!
Кё:-но то:тоса я	День сегодняшний благословенный, эй-я!
Инисизэ мо	В давние времена,
Харэ	Харэ!
Инисизэ мо	В давние времена
Каку я арикэму я	Бывали ли такие? Эй-я!
Кё:-но то:тоса	День сегодняшний благословенный,
Аварэ	Аварэ!

Сокоёсия

Сокоёсия...

Кё:-но то:тоса

День сегодняшний благословенный...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 236, прим. 2; Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 101]

³⁴¹ Дамы вспоминают, пересказывают и хвалят одну из сцен современной первой главы (второй после утерянной части) «Повести о советнике Хамамацу». Император Китая устроил пир в честь Советника, который спустя три года пребывания на китайской земле готовился вернуться на родину в Японию [Ролич, 1983, Глава 1, С. 90–91; НКБТ, 1964, Т. 77, С. 199].

³⁴² Речь идет о нескольких сценах с участием Го-но Кими 五の君, пятой дочери Великого министра (一の大臣, Ити-но Отодо) Китая. Девушка была страстно влюблена в советника Хамамацу; любовная тоска завладела ею настолько, что она слегла и не поднималась с постели. Первая из сцен, упомянутых дамами «Мумё:дзо:си», рассказывает о кратком визите Советника к больной Го-но Кими. На проверку девушка оказалась не такой уж больной, ее хандра была вызвана любовным томлением юного сердца, а в скором времени недомогание и вовсе отступило [Ролич, 1983, Глава 1, С. 72].

Второй эпизод повествует о последнем посещении Советником поместья министра перед отъездом в Японию. Он вспомнил о милом послании Го-но Кими и решил тайно навестить ее. Тю:нагон застал сестер, третью, четвертую и пятую дочерей министра, музицирующими в павильоне на островке одного из прудов поместья. Го-но Кими играла на *бива*, и хотя никто, по мнению героя, не мог превзойти игру Коё:кэн-но Кисаки, он отметил про себя великолепное исполнение девушек и, в особенности, — Го-но Кими. Советник присоединился к ним, принявшись играть на флейте. А на рассвете перед расставанием прошептал Го-но Кими:

Хи-но мото я

Когда в Стране восходящего солнца

Яма ёри идэму

Из-за гор покажется луна,

Цуки митэмо

Взгляну на нее,

Мацу дзо коёи ва

Но прежде другого — вечер этот

Коисикарубэки

Непременно с трепетом вспомню...

Растроганная девушка под звуки *бива* произнесла в ответ процитированное дамами «Записок без названия» стихотворение [Ролич, 1983, Глава 1, С. 99–100; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 65–66, прим. 19; НКБТ, 1964, Т. 77, С. 215].

³⁴³ Это послание советника Хамамацу Го-но Кими написано им после того, как он покинул Китай и достиг Японии (о-ва Кю:сю:, старое название — Цукуси) [Ролич, 1983, Глава 2, С. 115; НКБТ, 1964, Т. 77, С. 237].

³⁴⁴ Дамы коснулись окончания повести, в котором пересказывается содержание письма, полученного советником из Китая от дочери Дай-ни и подтверждающего истинность событий, о которых ему стало из-

вестно до этого из сновидения. Дайни-но Мусумэ писала, что Ко:ё:кэн-но Кисаки скончалась, император был безутешен; он отрекся от престола и принял постриг. Новым правителем стал Третий принц, Морокоси-но Синно:. Ожидалось, что государыней-супругой станет Го-но Кими, но Пятая дочь Великого министра решила уйти в монахи. Перед постригом она написала процитированное дамами стихотворение, в котором призналась, что до сих пор ее чувства к советнику Хамамацу (この世にもあらぬ人, коно ё ни мо арану хито) не угасли, и даже самый высокий титул, украшения для волос (玉のかんざし, тама но кандзаси), какие носит императрица, не смогут ее утешить [Ролич, 1983, Глава 5, С. 240; НКБТ, 1964, Т. 77, С. 440].

³⁴⁵ История взаимоотношений главного героя и Тайсё:-но Кими (Тайсё:-но Химэгими 大将の姫君), а также ее решение стать монахиней после отъезда возлюбленного в Китай — часть содержания первой утерянной главы «Хамамацу Тю:нагон моногатари» (см. прим. 335). Два ее стихотворения также находились в этой части и восстанавливаются благодаря тексту «Мумё:дзо:си». Прообразом первого из них, согласно предположению исследователей этих памятников, служит *танка* поэтессы Идзуми Сикибу из ее поэтического собрания «Идзуми Сикибу сю:» 和泉式部集, № 429:

Ика ни сэму	Что же мне делать?
Ика ни ка субэки	На что решиться — не знаю...
Ё-но нака о	Таков этот мир:
Сомукэба канаси	Порвешь с ним — печаль одолеет,
Сумэба сумиуси	А жить в нем — лишь множить обиды...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 237, прим. 14; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 66, прим. 5; перевод Т. Соколовой-Делюсиной — Идзуми Сикибу, 2004, Разное, С. 126].

³⁴⁶ С дочерью Дадзай-но Дайни (см. прим. 335), старшего управляющего Цукуси, главный герой повстречался по пути на родину из Китая. Встреча состоялась в доме Дадзай-но Дайни, в котором советник остановился, добравшись до Цукуси. Отец подослал дочь к Советнику под видом служанки, которая должна была помассировать ему ноги. И хотя герой был против ее присутствия, в его сердце была лишь Ко:ё:кэн-но Кисаки, она провела ночь в его покоях. Найдя наутро молодую девушку весьма привлекательной и утонченной, Советник сразу догадался о ее истинном происхождении. Очарованный ее чистой, юной красотой, он произнес перед тем, как покинуть девушку:

Юмэюмэ ё	Никогда
Сита хау кудзу-но	Той листвы <i>кудзу</i> ,
Ситаба ёни	Что стелется по земле,
Цую васурэдзи то	Не забыть мне...
Омоу бакари дзо	Все мысли обращаются к ней!

Дайни-но Мусумэ сложила в ответ следующее стихотворение, часть которого и цитируют дамы в «Записках без названия» («Волнуемая ветром листва *кудзу*» — 葛の下葉の下風の, Кудзу но ситаба но ситакадзэ но):

Васурэдзу ва	Если и впрямь не забудешь ты,
Кудзу-но ситаба-но	Какой предстает скрытая сторона
Ситакадзэ-но	Листвы <i>кудзу</i> ,
Урамину ходо-ни	Обнаженная ветром,
Ото-о кикасэ ё	Дай знать мне об этом!

Кудзу 葛 — одно из названий виноградной лозы, цветущей багряно-алыми цветами. Обратная сторона листьев этого растения имеет белый цвет. Этот образ советник Хамамацу связывает с Дайни-но Мусумэ, которая в ответном послании играет с двусмысленным образом слова *урами* — 恨み (досада, сожаление) / 裏見 (вид оборотной стороны чего-либо) [Ролич, 1983, Глава 2, С. 109–111; НКБТ, 1964, Т. 77, С. 230; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 237, прим. 17].

³⁴⁷ Стихотворение Дайни-но Мусумэ из третьей части «Повести о советнике Хамамацу». Таким образом, эта героиня ответила на послание советника, написанное им после того, как Тю:нагон неожиданно узнал о браке Дайни-но Мусумэ (перебравшейся к тому времени в столицу) и Эмон-но Ками. Этот брак разрушил как надежды девушки, искренне любившей героя, так и чаяния самого героя, который желал беспрепятственно время от времени посещать свою старую знакомую. Пытаясь выведать нынешнее настроение дочери Дайни, он написал ей:

Курикаэси	Вновь и вновь,
Нао каэситэ мо	Возвращаются к тебе
Омоидэ ё	Мысли мои...
Каку каварэто ва	Даже под натиском таких перемен
Тигирадзариси-о	Наша связь нерушима!

[Ролич, 1983, Глава 3, С. 149; НКБТ, 1964, Т. 77, С. 291; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 238, прим. 1].

Танка Дайни-но Мусумэ содержит в себе аллюзию на стихотворение из 31-го дана «Исэ моногатари»:

Инисизэ-но	Ах, если б вновь
Сидзу-но одамаки	С пряжей клубок тот
Курикаэси	Минувшего нам намотать!
Мукаси-о има-ни	Если б ушедшее
Насу ёси мо гана	Вновь нынешним стало!

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 238, прим. 1; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 67, прим. 9; Исэ моногатари, 1979, С. 66].

³⁴⁸ Пока муж Дайни-но Мусумэ отсутствовал, Советник тайно проник к ней и провел ночь с этой замужней дамой. Вот как автор повести описывает сцену прощания влюбленных: «Увез бы я тебя с собой немедленно, и мы бы спрятались ото всех... Что бы ты сказала на это?» — спросил он. Она робко кивнула головой и придвинулась к нему чуть ближе, пробудив глубокое умиление» (「いざ、やがて率て隠してむ。いかにおぼすべき」とのたまへば、ほのかにうちうなづきて、今少しなびきよいたる、いとらうたく、Идза, ягатэ итэакуситэму. Икани обосубэки то но тамаэба, хонокани

утиунадзукитэ, има сукоси набикиёритару, ито ро:таку) [Ролич, 1983, Глава 3, С. 150–152; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 238, прим. 2].

³⁴⁹ См. прим. 335 [Ролич, 1983, Глава 5, С. 219–223; НКБТ, 1964, Т. 77, С. 407].

³⁵⁰ Стихотворение Ёсино-но Химэгими, адресованное главному герою. Принц Сикибукё: освободил девушку, и она находилась подле своего покровителя — советника Хамамацу, ее здоровью больше ничего не угрожало. Советник был очень тронут, узнав, что его подопечная напрямую попросила принца послать за ним. В то же время в словах девушки звучит также упрек Советнику, который мог вызволить ее из плена раньше. Исследователи памятника указывают, что в одном из его списков вместо 訪ねむ人 (*тадзунэму хито*, «человек, который, возможно, навестит») встречается 訪ねぬ人 (*тадзунэну хито*, «человек, который не навестит»). В этом варианте получается, что пострадавшая Ёсино-но Химэгими хочет сказать, что она ожидала того, кто сам так и не навестил ее, пока она не попросила об этом [Ролич, 1983, Глава 5, С. 232; НКБТ, 1964, Т. 77, С. 426; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 238, прим. 6].

³⁵¹ Сикибукё:-но Мия 式部卿宮 — отец советника Хамамацу.

³⁵² Ко:ё:кэн-но Кисаки родилась к новой жизни на небесах То:ритэн (河陽県后、たう利天に生まれたる, Коё:кэн-но Кисаки, то:ритэн ни мумарэтару) — то есть на вершине горы Сумеру (яп. Сю:мисэн 須弥山), которая, согласно древнеиндийским космологическим представлениям, являлась центром мира и была окружена семью кругами гор, между которыми разлиты благоуханные воды. За седьмым кругом находится океан с соленой водой, в котором располагаются острова, четыре континента, в том числе и Джамбудвипа (на юге), где проживал человеческий род. На вершине горы Сумеру находится дворец бога Индры. Считалось, что жизнь человека, которому после смерти посчастливилось родиться в центре мироздания, длится не менее тысячи лет. В соответствующем отрывке «Повести о советнике Хамамацу», включенном в ее четвертую часть, нет слова То:ритэн, которое используют дамы «Записок без названия», цитирующие это место по памяти. В повести мы читаем: «Когда он пристально глядел на лик луны, то услышал голос с небес: «Связь Коё:кэн-но Кисаки с этим миром нынче оборвалась и родилась она к новой жизни на небесах» (月の顔つくづくと眺むるに、空に声の限り聞こえて、河陽県后、今ぞこの世の縁尽きて、天に生まれたまひぬる)と聞こゆ, Цуки но као цукудзуку то нагамуру ни, сора ни коэ но кагирикоэтэ, коё:кэн-но кисаки, има дзо коно ё но эн цукитэ, тэн ни мумарэтамаинуру то кикою) [Ролич, 1983, Глава 4, С. 202; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 239, прим. 12].

³⁵³ См. прим. 335 [Ролич, 1983, Глава 5, С. 217–218; НКБТ, 1964, Т. 77, С. 402].

³⁵⁴ Тамамо 玉藻 — Утерьянная повесть, созданная в середине XI века. Считается, что вышла она из-под кисти Рокудзё: Сайин Байси Най-

синно:-но Сэндзи 六条斎院媒子内親王宣旨, сочинившей также «Повесть о Сагоромо» (см. прим. 267). В третий год Тэнги (1055 г.) принцесса Байси устроила между своими придворными литературное состязание, в центре которого были повести («Рокудзё: Сайин моногатариавасэ» 六条斎院物語合). В ходе турнира в числе восемнадцати произведений этого жанра была упомянута недавно появившаяся повесть под названием «Тамамо-ни асобо Гондайнагон» 玉藻に遊ぶ権大納言. Очевидно, об этом памятнике и говорят дамы «Записок без названия». Тринадцать стихотворений из этого утраченного произведения включены в поэтический сборник «Фуёвакасю:». Известно, что на том турнире «состязались» повести небольшого объема, а также и то, что в фокус «критиков» «Мумё:дзо:си» попадали лишь крупные повести. Данный факт позволяет предположить, что первоначально «Тамамо» была небольшой повестью, а после турнира была расширена ее автором.

Опираясь на скудную информацию, которую мы получаем об этой повести из «Мумё:дзо:си» и «Фуёвакасю:», можно сказать, что главным ее героем является Гондайнагон (権大納言, внештатный старший советник), дослужившийся до регента (kamпаку 関白). Первой его возлюбленной стала Ёмоги-но Мия 蓬の宮, образ которой имеет сходство с Суэцумухана из «Повести о Гэндзи» — имея высокое происхождение (из императорского рода), она вела уединенную жизнь, не блистая при дворе. Старший советник полюбил ее с первого взгляда, однако потом исчез из ее жизни. Вторая их встреча состоялась при дворе, куда Ёмоги-но Мия явилась в должности Найси-но Ками. Ею увлекся экс-император Судзаку Ин 朱雀院. Однако позже она приняла решение постричься в монахини. Мы также узнаем о связи Советника с дочерью императора-монаха Итидзё: Ин 一条院 — Оннаити-но Мия 女一宮 из упоминания о том, что главный герой тайно послал ей письмо, на которое ответил ее отец. Возлюбленными Старшего советника были также Иппон-но Мия 一品宮 (дочь удалившегося от дел государя Рэйдзэй Ин 冷泉院), То:гу-но Хаханё:го 春宮の母女御. Помимо перечисленных персонажей, в повести действуют также Саэмон-но Ками 左衛門督, Нори-но Си 法の師 и др. [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 173–174; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 187].

³⁵⁵ Бывший министр (もとの大臣, *мото но отодо*) — Вероятно, речь идет о главном герое, который по ходу развития сюжета произведения становится регентом. Служба Ёмоги-но Мия при дворе в качестве Найси-но Ками (Распорядительницы женских покоев) свела вновь бывших любовников (см. прим. 354).

³⁵⁶ Антология «Фуёвакасю:» помогает нам восстановить данный эпизод «Тамамо». Дамы приводят отрывок из ответного послания То:гу-но Хаханё:го главному герою произведения, который написал ей:

Ивао ни о:ру	О, эта сосна,
Мацу ходо ва	Что растет на скале!..
Ответ То:гу-но Хаханё:го:	

Тигирики то	Клятвы наши
Варэ ва васурэдзу	Не забыла я,
Омоутомо	Все думы мои о тебе,
Ивао-ни о:руру	Но нет никого, кто в ожидании томился бы
Мацу хито мо арадзи	У той сосны на скале...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 240–241, прим. 12; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 70, прим. 1].

³⁵⁷ *Торикаэбая* とりかへばや — не сохранившаяся до наших дней повесть «Торикаэбая моногатари» («Ах, если бы переменить!»,) созданная в конце XI века. Это сочинение из ряда так называемых произведений «с переодеваниями» стало прототипом для одной из немногих дошедших повестей этого периода, названной в «Мумё:дзо:си» «Има Торикаэбая» 今とりかへばや (см. прим. 364) — «современная», «новая» повесть, в отличие от «старой» версии «Торикаэбая». В основе сюжета обеих повестей одна идея: в семье Левого министра двое детей, рожденных разными супругами, — мальчик и девочка; они невероятно красивы и очень похожи друг на друга; по мере их взросления у девочки проявляются наклонности мальчика, а у мальчика — наклонности девочки; не в силах что-либо с этим поделать, отец решает, что мальчик появится при дворе в женском облике (со временем становится Найси-но Ками 尚侍), а девочка — в мужском (дослуживается до чина Среднего советника (Тю:нагон 中納言)). В остальном сюжет двух произведений под одним названием можно назвать частично схожим. Об этом мы можем судить хотя бы по нескольким замечаниям в адрес первой не дошедшей до нас версии «Торикаэбая» в «Записках без названия», которые дают возможность выявить некоторые особенности построения данного сочинения.

Персонажи «Мумё:дзо:си» заняты перечислением различных героев и некоторых сцен, из которого становится ясно, что в «старой» повести были действующие лица и отрывки, отсутствующие в «новой» версии. Например, в прежней «Торикаэбая» была сцена, где придворные, собравшись во дворце, разговаривают о повестях. Она сравнивается в «Записках без названия» с одной из сцен из «Повести о Гэндзи». Еще один из эпизодов, не нашедших отражение в «современной» версии, — судьба главной героини отражается в магическом зеркале.

Важные в сюжетном плане различия: 1) в «старом» произведении героя умирает, а затем возрождается; 2) по-разному решается проблема с переменной пола: в «Има Торикаэбая» герои просто меняются местами, а в «старой» версии они исчезают, а затем неожиданно появляются вновь ниоткуда, оставляя ощущение неестественности развития сюжета.

В поэтических сборниках мы находим несколько стихотворений из утерянной первой версии повести: шесть — в «Сю:и хякубан утаавасэ» и двенадцать — в «Фуёвакасю:» [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 174–175; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 185–186; Катаока Тосихиро, Мумё:дзо:си тю:сяку (V), Торикаэбая моногатари хё:

(«Записки без названия»: комментарии (V), Критика повести «Ах, если бы переменить!») // Бунрин, № 29, 1995, С. 59–68].

³⁵⁸ Ён-но Кими 四の君 — одна из центральных героинь обеих версий «Торикаэбая». В «Има Торикаэбая моногатари» Четвертая принцесса — дочь Правого министра, на которой «женится» Средний советник, являющийся на самом деле женщиной. Замужняя принцесса имела связь с Сайсё:но Тю:дзё:, наградившим ее ребенком. В конце концов, когда брат (Найси-но Ками) и сестра (Тю:нагон) меняются местами, Ён-но Кими оказывается супругой настоящего мужчины, выступавшего прежде в роли женщины, Распорядительницы женских покоев.

³⁵⁹ Очевидно, имеется в виду отрывок «старой» версии «Торикаэбая», где Найси-но Ками, переодетый женщиной молодой человек, исчезает, а затем вновь появляется перед читателем уже в своем «естественном» облики — в качестве мужчины.

³⁶⁰ *Беседа дождливым вечером* (雨夜の品定め, амаё но синасадамэ) — одна из дам «Мумё:дзо:си» сравнивает дискуссию о *моногатари* героев «Торикаэбая» (такой сцены нет в дошедшей «Има Торикаэбая моногатари») с обсуждением дам персонажами «Повести о Гэндзи» в главе «Дерево-метла» (см. прим. 79, 144).

³⁶¹ Эпизод, отсутствующий в «Има Торикаэбая моногатари». Особую сложность для толкования представляет здесь начало первого предложения: 四の君の母中將の法師になりたる, Ён но кими-но хаха тю:дзё:-но хо:си-ни наритару. Мы склонны опираться в своем переводе на комментарии исследователя Катаока Тосихиро [Мумё:дзо:си тю:сяку (V), Торикаэбая моногатари хё: // Бунрин, № 29, 1995, С. 64–67], обосновывающего версию о том, что в монахи постригся именно Тю:дзё:, который мог приходиться сыном матери Ён-но Кими и, соответственно, братом Четвертой принцессе.

³⁶² Две упомянутые дамами «Мумё:дзо:си» сцены — воскрешение главной героини и отражение в магическом зеркале ее судьбы — мы не находим в «новой» версии произведения, хотя мотив предсказания судьбы в «Има Торикаэбая» остается.

³⁶³ *Какурэмино* (隠れ蓑, «Соломенный плащ-невидимка») — Утраченная повесть, название которой встречается в разных произведениях, в том числе «Макура-но со:си» 枕草子, «Сю:ивакасю:» 拾遺和歌集, «Сагоромо моногатари» 狭衣物語, «Ёру-но Нэдзамэ» 夜の寝覚, «Мацура-но Мия моногатари» 松浦宮物語, «Ариакэ-но вакарэ» 有明の別 и др. На основании упоминания повести «Какурэмино» в сочинении «Какаисё:» 河海抄 в ряду таких произведений, как «Такэтори моногатари» 竹取物語 и «Уцубо моногатари» 宇津保物語 (竹とり・うつば・かくれみのなどの古物語は。。。, Такэтори, уцубо, какурэмино но надо но фурумоногатари ва), исследователи делают вывод о том, что она была создана до «Повести о Гэндзи». Дамы в «Записках без названия» сосредоточены прежде всего на обсуждении позд-

нехэйанских повестей и, по мнению Катаока Тосихиро, обращение к «Какурэмино» между «критикой» новой и старой версий «Торикаэбая моногатари» служит лишь для того, чтобы прояснить роль появляющихся новых версий старых произведений. На это указывает и то, что дамы не касаются ни отдельных отрывков, ни основных действующих лиц «Какурэмино» [Катаока Тосихиро, Мумё:дзо:си тю:сяку (V), Торикаэбая моногатари хё: // Бунрин, № 29, 1995, С. 68–72].

Сюжет повести разворачивается вокруг любовных приключений главного героя, на которые он отваживается, становясь невидимым благодаря соломенному плащу-невидимке. «Фуёвакасю:» цитирует из данной повести 11 стихотворений с небольшими комментариями. В частности, из них мы узнаем имена главных героев и один из эпизодов произведения. Как считают некоторые его исследователи, оно содержит элемент пародии на нравы аристократического общества тех времен [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 185]. Садайсё: 左大將 (Тю:дзё: 中將, Тю:нагон 中納言) решает спасти бывшую жрицу святилища Исэ — Саки-но Сайгу: 前斎宮, которую преследовал влюбленный в нее Дайни 大弐. Облачившись в свой волшебный плащ и став невидимым для окружающих, он выдал себя за богиню Аматаэрасу и заговорил с Дайни и его жертвой. Изгнав испуганного Дайни из святилища, Садайсё: взял женщину за руку и начал нашептывать ей на ухо что-то от имени Будды. Несмотря на свою изобретательность, больших побед на любовном фронте главному герою добиться не удалось [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 175].

³⁶⁴ *Има Торикаэбая* 今とりかへばや — сохранившаяся до наших дней «современная» версия повести «Торикаэбая моногатари», утерянная «старая» версия которой была написана в конце XI века (см. прим. 357). Вероятное время создания «Има Торикаэбая моногатари» — между 1115 и 1170 годами. Автор этого сочинения неизвестен. В настоящее время оно, в зависимости от списка, известно в редакции из трех или четырех частей (русский перевод «Има Торикаэбая моногатари» включает четыре части).

Обе версии произведения построены на идее принадлежности главных героев «не к тому» полу. Их отец, представитель высшей аристократии, на момент рождения детей занимал две должности — Гондайнагон (権大納言, внештатный старший советник) и Дайсё: (大將, старший военачальник). Невероятно красивых и очень похожих друг на друга мальчика (Вакагими) и девочку (Химэгими) родили ему разные супруги (одна — дочь секретаря Государственного совета из рода Минамото, другая — дочь Среднего советника из рода Фудзивара). В связи с тем, что у мальчика проявились наклонности девочки, а у девочки наклонности мальчика, отец, когда подошло время представить детей ко двору, отправил сына на придворную службу в женском облике, а дочь — в мужском. Глава знатного семейства уповал на то, что все как-нибудь со временем разрешится, но перед тем, как это случилось, его детям пришлось претерпеть немало трагикомических событий.

Девочка, переодетая мальчиком и ничем не отличающаяся от него по поведению, получает свою первую должность при дворе, становясь Дзидзю: 侍従, затем, в момент смены императора, она получает должность Тюдзё: 中将 и Третий ранг. В это же время ее отец становится Левым министром (*садайдзин*, 左大臣) и регентом (*кампаку* 関白). К шестнадцати годам псевдомальчик совмещает должности Сазмон-но Ками (左衛門督, командующий левой гвардией) и Гонтю:нагон (権中納言, внештатный средний советник). Химэгими становится «мужем» Ён-но Кими, дочери Правого министра. Наступает момент, когда она физически уже больше не в состоянии следовать избранной роли, — героиня вместе со своей «женой» обе забеременевают от одного мужчины, Сайсё:-но Тю:дзё: 宰相中将 (сын Министра церемоний). Единственный выход — поменяться местами со своим братом Вакагими, который к тому времени дослужился в своей женской ипостаси до должности Распорядительницы женских покоев (Найси-но Ками 尚侍). Для этого брат и сестра отправляются в Ёсино, откуда возвращаются, поменявшись ролями.

Вакагими продолжает головокружительную карьеру Химэгими — становится Удайсё: (右大将, командующий правой государевой гвардией), затем Найдайдзин (内大臣, внутренний министр). Тем временем его сестра делается возлюбленной самого императора, рождает ему сына, который назначается наследником престола. Государь жалует Химэгими титул *нё:го* (女御, высочайшая наложница), после чего она становится императрицей. Эти события сыграли важную роль и в дальнейшей карьере Вакагими — главный герой дослуживается до должностей Садайдзин и Кампаку. Его личная жизнь не ограничивается полученным в «наследство» от сестры браком с Ён-но Кими; он берет в жены также еще одну знатную особу — дочь принца Ёсино.

Таким образом, в отличие от «старой» версии «Торикаэбая моногатари» в новой наблюдается привнесение большей логичности в сюжет произведения, найден выход из ситуации с беременной женщиной-Советником — герои меняются местами (в первой версии они исчезают и появляются ниоткуда) и сюжет повести продолжает развиваться естественным образом [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 171–172; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 180–181; Катаока Тосихиро, Мумё:дзо:си тю:сяку (V), Торикаэбая моногатари хё: // Бунрин, № 29, 1995, С. 73–90; Горегляд В. Н., 2001, С. 173–174; Хрестоматия по истории японской литературы, 2001, Т.1, С. 47–48; перевод на русск. яз.: Торикаэбая моногатари, или Путаница / Пер. с яп., вступ. ст. М. Торопыгиной. — СПб.: Гиперион, 2003].

³⁶⁵ *Уцухо* うつほ — повесть «Уцубо моногатари» 宇津保物語 (см. прим. 75).

³⁶⁶ *Манъё:сю:* (万葉集, «Собрание мириад листьев») — собрание поэзии древности и эпохи Нара (710–794), созданное во второй половине VIII в. Составитель ее неизвестен, однако с большой вероятностью работу по составлению этого сборника, оказавшего огромное влияние на

последующее развитие японской литературы, приписывают О:томо-но Якамоти 大伴家持 (717–785).

Поэтическая антология состоит из 20 свитков, различных по размеру, содержанию и организации поэтического материала. В корпус «Манъё:сю:», ставшей первой антологией японоязычной поэзии, дошедшей до наших дней, входит около 4520 стихотворений (в зависимости от списка памятника) — 4200 в жанре *танка* (短歌, короткая песня), 260 *нагаута* (長歌, длинная песня) и 60 *сэдо:ка* (旋頭歌, песня с повторяющимся началом).

³⁶⁷ То есть свой прототип, старую версию произведения под тем же названием, написанного в конце XI века.

³⁶⁸ Ториказэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 3, глава 6 (С. 187–189); часть 3, глава 13 (С. 200–204).

³⁶⁹ По сравнению с приятным во всех отношениях образом Ён-но Кими (см. прим. 358) из старого произведения, который дамы «Записок без названия» охарактеризовали так: «Впечатляет образ Ён-но Кими. Эту героиню хочется видеть именно такой — во всем безупречной дамой» (四の君こそいみじけれ。あらまほしくよき人にてはべり, Ён но кими косо имидзикэрэ. Арамахосику ёки хито нитэ хабэри).

³⁷⁰ Четвертая принцесса произнесла эти строки, когда одна любовалась луной, печалась, что ее «мужа» (женщины-Советника) нет рядом. В тот момент за ней тайно наблюдал Сайсё:, который, ответив на ее грустные слова, завладел супругой своего «друга» Советника [Ториказэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 1, глава 13 (С. 88)].

³⁷¹ Строки письма, написанного Ён-но Кими своему тайному любовнику Сайсё:. Четвертая принцесса признается, что ее любовь к нему намного сильнее, чем к «супругу». Последний был рядом с Сайсё:, когда ему доставили это послание. Советник выхватил его, но, прочитав и узнав автора, сделал вид, что текст письма неразборчив [Ториказэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 2, глава 21 (С. 173–174)].

³⁷² Дамы, вероятно, намекают на стремление Сайсё: одновременно и в равной степени любить и заботиться сразу о двух женщинах — Четвертой принцессе и Химэгими (женщине-Советнике), которые были обе беременны от него. Не скрывая ничего от Химэгими, он добился лишь обратного эффекта — женщина сильно переживала, но скрывала свои страдания, а разродившись, покинула отца своего ребенка. О любовных неудачах Сайсё: до встречи с младшей принцессой Ёсино (см. прим. 378) в повести сказано так: «Хотя он знал многих женщин, все они оставили его, уже долгое время свои дни и ночи он проводил в одиночестве...» [Ториказэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 4, глава 29 (С. 321)]. А вот мысли императора о его сластолюбивой натуре: «Сайсё: такой легкомысленный и ненадежный, истории вроде той, с дочерью Удайдзина (Ён-но Кими. — Ю. Г.), случались с ним нередко,

а глубокого чувства он бежит, поэтому, видно, Садайдзин (отец Химэгими и Вакагими. — Ю. Г.) отверг его» [Торикаэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 4, глава 43 (С. 343)].

³⁷³ Беременную Химэгими Сайсё: вывез из столицы и спрятал в своей усадьбе в Удзи, где случилось ее внешнее возвращение к естественному женскому облику. В столице же считали, что Советник, расстроенный предательством жены Ён-но Кими, изменившей ему с его другом Сайсё:, укрылся на время в Ёсино.

Стараясь преданно заботиться о Химэгими, Сайсё:, тем не менее, слишком часто уезжал, чтобы навестить свою возлюбленную Четвертую принцессу. Подавляя ревность, Химэгими пробыла в Удзи до родов, после которых в отсутствие Сайсё: оставила его усадьбу, чтобы отправиться с братом Вакагими к принцу Ёсино [Торикаэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 3, главы 5, 6 (С. 186–189), 10 (С. 194–196), 16 (С. 209–210), 20–23 (С. 216–224), 31 (С. 236–237)].

³⁷⁴ Сайсё: был уверен, что Химэгими после переезда в его усадьбу никуда от него не денется, но она уехала из его поместья в Ёсино.

³⁷⁵ Женское чутье подсказывало Ён-но Кими, что место ее мужа, Среднего советника, наконец-то возвратившегося в столицу, занял другой человек, лишь внешностью похожий на прежнего супруга. Персонажи «Записок без названия» цитируют строки из ее стихотворения, обращенного к изменившемуся Вакагими:

Миси мама-но	Мне кажется,
Ариси сорэ томо	Что ты — другой,
Обозну ва	Не тот, что был со мной.
Вага ми я арану	Быть может, я не та?
Хито я каварэру	Иль ты та изменился?

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 245, прим. 19; Торикаэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 3, глава 42 (С. 259–260)].

³⁷⁶ Узнав о том, что Средний советник вернулся в столицу и был во дворце, Сайсё:, с которым Химэгими оставила рожденного от него ребенка, решил, что это переодетая мужчиной, как и раньше, Химэгими. Встретившись с Советником лицом к лицу, он не догадался, что брат с сестрой поменялись местами и перед ним теперь Вакагими [Торикаэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 3, глава 43 (С. 260–262)].

³⁷⁷ Одна из дам «Мумё:дзо:си» стремится подчеркнуть, что непривыкший пока к своей новой роли Вакагими продолжает вести себя как женщина, Найси-но Ками, жизнью которой он вынужден был жить очень долго. Наметанный, казалось бы, глаз Сайсё:, знавшего истинную Химэгими, которая привыкла вести себя как мужчина, не должен был ошибиться.

Распорядительница женских покоев жила не в Живописном дворце (Рэйкэйдэн 麗景殿), как сообщает нам один из персонажей «Мумё:дзо:си», а в Сверкающем дворце (Сэнъё:дэн 宣耀殿), на что указыва-

ет следующий отрывок из «Има Ториказэбая моногатари», некоторые словосочетания из которого цитирует данный персонаж (размышления Сайсё: о Химэгими и ее реакция на его вторжение к ней): «Распорядительница женских покоев из Сверкающего дворца несравненно хороша, и с ней можно будет чувствовать себя свободно, тогда как с Ён-но Кими всегда необходима осторожность ... Но будучи от природы спокойной и выдержанной, она не выказала никакого волнения» (宣耀殿の尚侍はしも、限りなくおかしくて、人に心をはかる振舞ひは思ひのどめられなんかし。。。つきずきしく心深くひきつつみて、動きをだにし給べくもあらず、сэнъё:дэн но найси но ками ва си мо, кагиринаку окасё:тэ, хито ни кокоро о каруру фурумаи ва омоинодомэрэрэнан каси ... цукидзукисику кокоро фукаки хикицуцумитэ, угоки о дани ситамабэку мо арадзу) [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 74, прим. 10; Ториказэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 2, глава 4 (С. 137)].

³⁷⁸ Ёсино-но Нака-но Кими 吉野の中の君 — младшая дочь принца Ёсино, который после продолжительного пребывания в Китае, где он овладел сакральным даром предвидения, вернулся на родину с двумя дочерьми и поселился в Ёсино. Когда Вакагими решил сделать хозяйкой своей усадьбы на Второй линии вторую жену, старшую принцессу Ёсино, он перевез туда обеих сестер. Тем временем Сайсё: неотступно преследовал Вакагими, видя в ней свою Деву из Удзи (Химэгими), однако через некоторое время все-таки понял, что имеет дело с женщиной («Хотя находясь на некотором отдалении его нельзя было отличить от Химэгими, но при разговоре с ним — когда Сайсё: оказался так близко, он смотрелся настоящим мужчиной. ... Уже совсем рассвело, небо было чистым, и Сайсё: внимательно рассматривал его лицо. И тут он вдруг заметил следы усов. «Боги! Кто это? Если это не она, куда она пропала?» ... Он понял, что прежний Советник и Советник нынешний — лица разные» [Ториказэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 4, глава 28, 29 (С. 316–317)]). Сайсё: был безутешен, мучая себя вопросом, куда же исчезла мать его сына. Эта загадка так и осталась для него неразгаданной; его возлюбленная оказалась теперь на недостижимом расстоянии, став супругой самого императора. А Вакагими устроил знакомство Сайсё: с младшей принцессой Ёсино, которая стала в итоге его женой и которой он доверил воспитание рожденного Химэгими ребенка.

³⁷⁹ Речь идет об особняке Вакагими на Второй линии, куда стал вхож Сайсё: после того, как породнился с хозяином, взяв в жены младшую принцессу Ёсино (он навещал свою супругу, обитавшую в этом доме). Под горестями Сайсё: дама из «Записок без названия» подразумевает его тоску по бесследно исчезнувшей Химэгими. Виновица его переживаний имела прямое отношение к усадьбе своего брата, ибо именно там Химэгима родила сына императора. Находясь в том же доме, Сайсё: и не подозревал, что роженицей является та, которая своим бегством причинила ему страдания, узнав прежде и от него, что такое пренебрежение со стороны любимого человека. Вот что мы чи-

таем в конце заключительной 4-й части повести: «В седьмую луну Химэгими призналась государю, что она на пятом месяце беременности и покинула дворец. Вакагими был счастлив. Химэгими, снова, будучи в положении, вспоминала о своем первенце. Тогда она была так расстрепана и беспомощна, ей пришлось скрыться — оставить общество и все свои дела, она проводила свои дни в печали, Сайсё: пренебрегал ею и ей пришлось превратиться в Деву Удзи. Ничего этого забыть она не могла. Теперь Сайсё: породнился с Вакагими и, как только Вакагими возвращался домой, тут же появлялся Сайсё:, он бродил по дому, непринужденно беседуя с тамошними дамами» [Торикаэбая моногатари, или Путаница, 2003, часть 4, глава 34, 29 (С. 329–330)].

³⁸⁰ *Кокоро такаки* 心高き — название этой утерянной повести встречается в поэтических антологиях «Вакаирохасю:» 和歌色葉集, «Сю:и хякубан утаавасэ» 拾遺百番歌合 и «Фуёвакасю:» 風葉和歌集, две последние из которых содержат по 10 стихотворений из «Кокоро такаки». В дневнике Фудзивара-но Тэйка «Мэйгэцуки» 明月記 мы находим другое ее название — «Кокоро такаки То:гу:-но Сэндзи» 心高き東宮宣旨, а в «Записках без названия» в качестве альтернативного названия фигурирует вторая часть последней версии — «То:гу:-но Сэндзи» 東宮宣旨. Автор произведения точно неизвестен, но, основываясь на подписи создателя одного из стихотворений из этого сочинения, помещенных в антологию «Сю:и хякубан утаавасэ», исследователи в качестве предположения называют имя Нидзё: Тайко:тайго:гу:-но Дайни 二条太皇太后宮大式.

Повесть рассказывает о судьбе То:гу:-но Сэндзи 東宮宣旨, прислуживавшей Наследному принцу (То:гу: 東宮), восплававшему к ней любовью. Чувство было взаимным, однако обменявшись клятвами раньше с более расторопным Внештатным средним советником (Гонтю:нагон 権中納言), она скрылась с глаз принца. Вскоре ее муж увлекся собой по имени Итидзё: Саки-но Сайин 一条前斎院, оставив супругу наедине с подозрениями. Об измене Советника ей сообщает сам принц, который вскоре после этого становится императором Рэйдзэй. Советник со временем назначается на должность Внутреннего министра (Найдайдзин 内大臣). У него с Сэндзи подрастает дочь, которая была представлена ко двору и поступила на придворную службу, когда период правления Рэйдзэй подходил к концу. Тогда и состоялась еще одна короткая встреча продолжавших испытывать к друг другу нежные чувства Сэндзи и императора [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 175–176; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 186].

³⁸¹ Имеется в виду главная героиня повести — То:гу:-но Сэндзи, которую осчастливил сам Наследный принц, избрав ее предметом своей сердечной страсти.

³⁸² *Примерно о том же...* (かやうの筋のもの, Каё: но судзи но моно) — Сравнивая содержание повестей «Асакура» и «Кавагири» с сюжетом произведения, которые дамы обсуждали перед этим — «Кокоро татаки», они, вероятно, говорят об одной общей идее, которая их объеди-

няют: герои почти сразу обретают настоящее счастье в любви, но, не оценив его должным образом, поддаются искушению поддерживать другие отношения на стороне [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 247, прим. 9].

³⁸³ *Асакура* 朝倉 — утерянная повесть, авторство которой на основании колофона Фудзивара-но Тэйка к его копии «Сарасина никки» (см. прим. 291) приписывают создательнице дневника «Сарасина никки» — Сугавара-но Такасуэ-но Мусумэ (菅原孝標女, дочь Сугавара-но Такасуэ, 1008–?). В «Сю:и хякубан утаавасэ» встречается 13 стихотворений из «Асакура», в «Фуёвакасю» — 19 стихотворений, которые помогают нам частично восстановить содержание произведения.

Его главная героиня, Асакура-но Химэгими 朝倉の姫君, — дочь бывшего Управителя Микава (Саки-но Микава-но Ками 前三河守). Девушка становится супругой Тю:дзё: 中将 (впоследствии Гонтю:нагон 権中納言, Найдайдзин 内大臣 и Кампаку 関白) и живет с обожающим ее мужем в Сиракава 白河. В результате романа на стороне с Сикибукё:но Мия 式部卿宮 героиня рождает от него девочку. Возможно, по этой причине она вдруг бесследно исчезает из дома своего мужа. Решив покончить с собой, она бросается в реку, но ее спасают и привозят в храм Исияма 石山寺. Ее муж, до которого дошли слухи о случившемся, также отправляется в этот храм, однако не находит там любимую жену, так и не отозвавшуюся на его призывы. Ее дочь тем временем воспитывается в столице и спустя годы становится императрицей. Сама Асакура-но Химэгими, возвратившись во дворец, прислуживала императрице-матери и стала носить имя Ко:тайго:гу:-но Дайнагон 皇太后宮大納言. Там она вновь повстречала своего супруга в чине Кампаку, наладив отношения, они стали жить, как и прежде, одной счастливой семьей [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 176; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 184].

³⁸⁴ *Кавагири* 川霧 — не дошедшая до нас повесть, автор которой неизвестен. Сочинение посвящено истории любви Внутреннего министра (Найдайдзин 内大臣), полюбившего девушку, обитавшую в горном селении. Ею оказалась скрывавшаяся от общества Синсайсё: 新宰相 (Синтю:нагон 新中納言), прислуживавшая императрице [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 176–177; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 185].

³⁸⁵ *Госпожа Хорикава родила на свет ребенка Кумодэ...* (くもでが子を堀河殿の生みたるぞかし, Кумодэ га ко-о хорикавадоно-но мумитару дзо каси) — подробности данного эпизода повести «Асакура» восстановить не удастся. Исследователи памятника предполагают, что Кумодэ — это имя мужчины незнатного происхождения, а Хорикавадоно — дамы из аристократического семейства. Таким образом, в повести рассказывается также история запретной связи аристократки и простолюдина, плодом и доказательством существования которой явился родившийся

у них ребенок [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 247, прим. 10; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 76, прим. 2].

³⁸⁶ *Разминувшись экипажи героев* (車にて行きちがふ, Курума нитэ юки-тигау) — Это произошло, когда Асакура-но Химэгими спешно покинула усадьбу мужа, который в это время направлялся к дому. Хотя они и ехали навстречу друг другу, их экипажи по пути разминувшись.

³⁸⁷ *Героиня скрылась ото всех в Исияма* (石山に籠りたるほど, Исияма ни коморитару ходо) — Асакура-но Химэгими, оказавшаяся в храме Исияма после неудачной попытки самоубийства, решила на время скрыться там от людских глаз.

³⁸⁸ *Ива уцу нами* (岩打つ波, «Волны, бьющиеся о скалы») — Исследователи предполагают, что название этой несохранившейся повести заимствовано его неизвестным автором из стихотворения Минамото-но Сигэюки 源重之 (помещено в антологию «Сикасю:» 詞花集, песни любви, № 211), в котором имеется такая строчка. В антологию «Фуё-вакасю:» включено четыре стихотворения из этого произведения.

Его главную героиню в течение длительного времени навещал ее возлюбленный Дайсё: 大将 (позже Найдайдзин 内大臣), который однажды ночью нарушил свое обещание и не явился на свидание. Причиной тому стали дошедшие до Дайсё: слухи о том, что героиня вот-вот станет наложницей императора Судзаку 朱雀帝. Расценив такой шаг возлюбленного как предательство, она вознамерилась в действительности достичь такого статуса и, став сначала нё:го 女御, была назначена и императрицей, родив наследника престола. Увидевший мельком ослепительную государыню Дайсё: глубоко раскаялся в том, что когда-то обидел ее [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 176; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 185].

³⁸⁹ *Одежды цвета хризантем* (装束、菊の色々となる, Сё:дзоку, кiku но ироиро то нару) — светло-коричневое платье на зеленой подкладке. Носится осенью.

³⁹⁰ Младший военачальник Сё:сё: 少将, человек из близкого окружения возлюбленного главной героини Дайсё:, застал ее в неприятной для женщины ситуации — она оделась в нарядное платье, чтобы встретить любовника, но так и не дождалась его. Сё:сё:, очевидно, знал подоплеку сложившейся ситуации (Дайсё: намеренно не явился на свидание) и откровенно высмеял оскорбленную героиню.

³⁹¹ *Сазмон-но Ками* 左衛門督 — очевидно, одна из придворных дам, прислуживавших императрице [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 247, прим. 19; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 77, прим. 12].

³⁹² *Вакамия* 若宮 — сын главной героини и императора.

³⁹³ *Охранительный меч* (Михакаси 御佩刀) — знак принадлежности ребенка к императорскому семейству. Когда у императора родился сын, он жаловал ему охранительный меч.

³⁹⁴ *Ама-но карумо* (海人の刈藻, «Водоросли, что срезают рыбаки») — утерянное произведение, автор которого неизвестен. Исследователи предполагают, что его название — это строчка из *танка* Фудзивара-но Наоико 藤原直子, помещенное в антологию «Кокинвакасю:» (Песни любви, № 807):

Ама-но кару	Словно мошки,
Мо-ни суму Муси-но	Что живут в водорослях,
Варэ кара то	Которые срезают рыбаки,
Ото-о косо накамэ	Я рыдаю в голос: «Сам виноват!» —
Ё оба урамиdzi	И не виню мир...

[Кубоки Тэцую, 1999, С. 247, прим. 5; Кокинвакасю:, 1995, Т. 2, С. 322].

Повесть послужила прототипом для дошедшей до нас новой версии произведения под тем же названием. «Критика» «Мумё:дзо:си» посвящена первой версии повести; из осуждения дам становится понятно, что сюжет переделанного сочинения не слишком отличается от его оригинала. При этом большая часть стихотворений из старой версии, включенных в антологию «Сю:и хякубан утаавасэ» (3 *танка*) и «Фуёва-касю:» (4 *танка*), в новой не обнаруживаются.

Произведение рассказывает о несчастной любви Внештатного среднего советника 権中納言 (позже Внештатный старший советник 権大納言). Этот сановник полюбил одну из наложниц императора — Фудзичубо 藤壺 (позже Средняя императрица Тю:гу: 中宮). Главный герой впервые увидел ее во дворце и смог потом навещать ее, когда она временно жила у родных. Результатом этой связи явилась беременность героини. Воспитание родившегося у нее ребенка взяла на себя императрица-мать О:мия 大宮 (Итидзё: Кита-но Ката 一条北の方), ставшая в свое время приемной матерью и для главного героя. Не беря никого в жены он помышлял только о своей возлюбленной Фудзичубо, которая стала вести себя с ним очень холодно. Не в силах сносить подобное отношение, он решил не появляться в обществе. Во сне ему явился монах, убедивший его в том, что ему следует отказаться от мирской жизни. Передав через придворную даму Го:дзидзю: 院 Найси 江侍從の内侍 прощальное письмо для Фудзичубо, он поднялся на гору Хиэй, где принял монашество. При жизни этот человек стал буддой [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 178; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004; С. 184; Кубоки Тэцую, 1999, С. 247, прим. 5].

³⁹⁵ *Ёцуги* 世継 («Повесть о преемственности поколений») — другое название исторической повести «Эйга моногатари» (栄花物語, «Повесть о процветании»). Это сочинение было составлено приблизительно в 1092 году, его автор (авторы) неизвестны, состоит из 40 свитков, охватывает период более 200 лет: от правления императора Уда 宇多

(867–931, правил с 887 по 897 г.) до первых лет правления императора Хорикава 堀河 (1079–1107, правил с 1086 по 1107 г.).

³⁹⁶ Куро:до-но Сё:сё: 蔵人少将 — младший военачальник, служивший в императорском архиве; сын Адзэти-но Дайнагон 按察大納言.

³⁹⁷ Итидзё: Ин 一条院 — приходился дядей главному герою произведения (см. прим. 399), взявшим на воспитание своего племянника, оставшегося без родителей.

³⁹⁸ Гонтю:нагон 権中納言 — старший брат главного героя, позже Старший военачальник (Дайсё: 大將). Также воспитывался под покровительством императора-инока Итидзё: Ин.

³⁹⁹ Тю:дзё:, имевший Третий ранг (三位中将, Самми-но Тю:дзё:) — главный герой повести «Ама-но карумо», младший брат Внештатного среднего советника, позже Гондайнагон 権大納言. О жизни братьев во дворце экс-императора Итидзё: Ин рассказывается в первой части дошедшей новой версии сочинения, где есть, в частности, упоминание о том, что в западной части дворца жил Гонтю:нагон, Тю:дзё: же занимал его восточную часть [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 78, прим. 1]. Визит Куро:до-но Сё:сё: к ним также описан в первой части сохранившейся повести.

⁴⁰⁰ Переходя из темноты в темноту, люди никогда не слышали имени будды... (從冥入於冥氷不聞仏名, Дзюмё:ню:омё:ё:фумонбуцумё:) — см. прим. 48.

⁴⁰¹ Адзэти-но Дайнагон-но Уэ 按察大納言の上 — супруга старшего советника Адзэти-но Дайнагон, мать главной героини — Фудзицубо. Сцена ее смерти описана во второй части новой версии повести.

⁴⁰² Го:дзидзю:-но Найдзи 江侍従の内侍 — дочь управителя О:ми 近江守. Была назначена Распорядительницей женских покоев и нё:бо: (придворной дамой) императрицы. С главным героем ее связывал мимолетный роман.

⁴⁰³ Данного эпизода нет в сохранившейся версии повести. Скорее всего, имеется в виду служанка Го:дзидзю: [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 249, прим. 13], которая встретила главного героя (к тому времени Внештатному старшему советнику) по пути в храм, где он принял постриг.

⁴⁰⁴ И обитель моего ребенка, наверное, погребена в снегу... (我が子の墓とは埋もれぬらむ, Ва га ко но мото ва удзуморэнураму) — строчка из стихотворения, которая не встречается в переделанной повести. Императрица-мать (О:мия 大宮), супруга экс-императора Итидзё: Ин, тоскует о своем приемном сыне — главном герое, покинувшем их, чтобы стать монахом.

405 *Дайсё*: 大将 — старший брат главного героя (в прошлом Внештатный средний советник). После пострига брата он часто навещал их приемную мать О:мия.

406 *Сайгу*: 斎宮 — родная дочь императрицы-матери и Итидзё: Ин, бывшая жрица, которая жила теперь с матерью в ее дворце.

407 *Вакагими* 若君 — ребенок главного героя и Фудзицубо, которого сразу после рождения взяла на воспитание О:мия, никогда не говорившая ему, кто его настоящие родители.

408 *Кампаку* 関白 — младший брат О:мия. Сцена с Вакагими, которую вспомнили дамы, имеется в четвертой главе новой повести.

409 *Не обзавелся Госпожой северных покоев* — То есть не обзавелся главной супругой, которая должна была проживать вместе с ним, занимая в его поместье отдельные покои в северной части (Кита-но Ката 北の方).

410 *Тю:гу*: 中宮 — главная героиня повести Фудзицубо, третья дочь Адзэти-но Дайнагон. Родив в тайне ребенка от главного героя и отдавшись от последнего, стала наложницей, а затем и супругой императора Рэйдзэй.

411 Кампаку и Дайсё: были женаты на старших сестрах Фудзицубо: первый на О:кими 大君, второй — на Нака-но Кими 中の君.

412 В четвертой части новой повести рассказывается, как Кампаку и императрица-мать повелели изготовить огромное количество статуэток Будды, чтобы Фудзицубо, беременная ребенком императора Рэйдзэй, благополучно разрешилась от бремени. Роды оказались очень трудными.

413 См. прим. 291.

414 *Суэба-но цую* (末葉の露, «Роса на листьях, окаймляющих ветви») — утерянное произведение, известное также под названием «Суэба-но цую Дайсё:» 末葉の露大将. Десять стихотворений из этой повести дошли до наших дней благодаря включению трех из них в антологию «Сю:и хякубан утаавасэ», девяти — в «Фуёвакасю:» (две *танка* повторяются). Сюжет сочинения удастся восстановить лишь отчасти.

В центре повести — трагическая судьба любовных отношений Сайсё:-но Тю:дзё: 幸相中将 (позже Дайсё: 大将, Удайдзин 右大臣) и Химэгими 姫君 (позже Ко:тайго:гу: 皇太后宮). Главные герои повстречали и полюбили друг друга еще в юном возрасте. Но Химэгими неожиданно исчезает в неизвестном направлении. Герой, сильно тосковавший по своей возлюбленной, вдруг резко меняется в своем поведении. Кажется, что виной тому злой дух, вселившийся в Сайсё:-но Тю:дзё:. Жизнь Химэгими тем временем складывается более, чем благополучно: она поступает на придворную службу и становится супругой нынешнего императора, а затем и матерью будущего государя. Что касается глав-

ного героя, то он позже, вероятно, совмещал две должности — Старшего военачальника и Правого министра. На это указывает одно из стихотворений антологии «Сю:и хякубан утаавасэ» (№ 394), взятое из «Суэба-но цую». Подписано оно именем Удайсё: 右大将 и создано главным героем незадолго до собственной смерти:

Ицу но хи ка	В один из дней
Кари но хакадзэ ни	Покину этот мир...
Сасоварэтэ	Исчезну подобно росе на листе,
Суэба но цую но	Что сдует ветер,
Киэхахацубэки	Поднявшийся от взмахов гусиных крыльев...

Предпоследняя строчка стихотворения (суэба но цую но), очевидно, и была выбрана автором в качестве названия повести. После смерти Удайсё: в центре повествования оказывается жизнь главной героини [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 178; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 186; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 251, прим. 10, С. 334].

⁴¹⁵ *Государыня-мать* (Ко:тайго:гу: 皇太后宮) — главная героиня повести, в прошлом возлюбленная Сайсё:-но Тю:дзё:, главного мужского персонажа произведения.

⁴¹⁶ *Гэндзи-но Тю:дзё:* 源中将 — вероятно, кто-то из окружения Ко:тайго:гу:. Точно установить не удастся.

⁴¹⁷ *Дайсё:* 大将 — предположительно, главный герой повести, совмещавший позже две должности (см. прим. 414). В пользу версии о том, что Дайсё: — главный герой, говорит и второе название данного произведения — «Суэба-но цую Дайсё:».

⁴¹⁸ *Саки-но Кампаку-но Дайсё:* 前関白大将 — место данного персонажа в повести из имеющегося контекста не устанавливается.

⁴¹⁹ *Цую-но ядори* (露の宿り, «Пристанище росы») — несохранившаяся повесть, в названии которой угадывается главный ее мотив — брэнности человеческого бытия, скоротечности человеческой жизни. Большинство ее героев рано умирают, на что обращают внимание дамы «Мумё:дзо:си», несколько персонажей решают отвернуться от мирской жизни, приняв постриг.

Содержание произведения восстановить по имеющимся о нем данным (десять *танка* в поэтических антологиях) практически невозможно. Есть лишь отрывочная информация об именах некоторых его действующих лиц. Эпизоды же повести, которые упоминаются в «Записках без названия», прокомментировать не удастся.

Известные нам главные мужские персонажи повести — Гонтю:нагон 権中納言 (позже Гондайнагон 権大納言), Хё:букё:-но Мия 兵部卿宮, Итидзё: Ин 一条院; женские — Дайни-но Онна 大貳の女 (Дайни-но Мусумэ 大貳娘), Найси-но Ками 尚侍, Сайгу: 斎宮 и др. Любовные отношения связывали Гондайнагона и Дайни-но Онна, но главные герои вынуждены были расстаться. Повесть рассказывает о смерти Внештатного старшего советника; неожиданном решении Хё:букё:-но Мия уй-

ти в монахи [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 178; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 187].

⁴²⁰ Дайни-но Мусумэ, возлюбленная главного героя, была разлучена с ним. Она вынуждена была отправиться вместе с отцом на Цукуси (совр. Кю:сю:). Возможно, одна из дам «Мумё:дзо:си» цитирует часть прощального стихотворения дочери Дайни к Советнику, а упомянутый в нем всер — подарок Советника покидающей его любимой [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 252, прим. 7, 8].

⁴²¹ *Хатидзё:-но Хито* 八条の人, *Итидзё:-но Уэ* 一条の上 — вероятно, женские персонажи повести; кроме имен, больше о них ничего неизвестно.

⁴²² *Высочайший выезд в О:харано* (О:харано гё:ко: 大原野行幸) — вероятно, выезд императора со свитой на охоту. О:харано расположено к северо-востоку от столицы.

⁴²³ В тексте «Мумё:дзо:си» в качестве отца Хё:букё:-но Мия, принадлежащего к императорскому роду, указан Титиотодо 父大臣, что не может не вызывать сомнения. Возможно, героини «Записок без названия» перепутали Хё:букё:-но Мия с Внештатным средним советником 権中納言. Что касается автора стихотворного послания, то им, вероятно, является Тю:дзё:-но Найси 中将内侍. Этим именем подписана похожая *танка*, которую мы находим в антологии «Фуёвакасю:» (№ 677) [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 253, прим. 13, С. 335; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 82, прим. 23].

⁴²⁴ *Микава ни сакэру* (三河に咲ける, «Цветы, что распускаются в Микава») — утерянная повесть, название для которой было взято автором, предположительно, из старого стихотворения, которое можно, в частности, встретить в сочинении «Кигосё:» 綺語抄 (№ 296):

Асякумо	Как странно...
Токоротагаэ-ни	Должно быть, попал я
Миюру кана	Совсем не туда, куда держал свой путь.
Микава ни сакэру	Подобно цветам Симоцукэ,
Симоцукэ-но хана	Что распускаются в Микава.

Повесть, общее содержание которой восстанавливается по стихотворениям и комментариям к ним в антологиях «Сю:и хякубан утаавасэ» (15 *танка*) и «Фуёвакасю:» (12 *танка*), рассказывает о любовных похождениях Внештатного старшего советника (Гондайнагон 権大納言). Главный герой постоянно попадает в нелепые ситуации, так как ошибается то местом свидания со своей дамой сердца (*токоротагаэ* 所違え), то возлюбленную путает с кем-то другим (*хитотигаэ* 人違い). Так, ухаживая за Сё:ко:дэн-но Нё:го 承香殿女御 (позже Ко:тайго: 皇太后), с которой он обменялся клятвами, не зная, кто она такая, Гондайнагон вступил «по ошибке» в отношения по меньшей мере с тремя женщинами — Тю:нагон-но Кими 中納言の君, Микусигэдоно 御匣殿 и То:гу:-но Сэндзи 東宮の宣旨. Большая часть повести посвящена рассказу о раз-

витии отношений между главным героем и Микусигэдоно [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 179; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 187; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 253, прим. 14].

⁴²⁵ Автор *танка*, То:гу:-но Сэндзи, — одна из возлюбленных главного героя, ставшая по ходу повествования Распорядительницей женских покоев. Данным стихотворением Сэндзи ответила на обидные слова Советника, сказанные им в ее адрес.

⁴²⁶ *Госпожа Микусигэ* (Микусигэдоно 御匣殿) — хранительница Высочайшего ларца (полное название придворного звания — Микусигэдоно-но бэтто 御匣殿別当). Такое звание получали придворные дамы высших рангов. Началом отношений этой героини с Гондайнагоном стала ночь, которую он провел с ней, приняв ее за другую даму. Судьба ее впоследствии сложилась трагично: забеременев и родив ребенка от главного героя, Микусигэдоно скончалась.

⁴²⁷ *Удзи-но каванами* (宇治の川波, «Волны реки Удзи») — несохранившееся произведение, повествующее, как мы узнаем из «Мумё:дзо:си» и «Фуёвакасю:» (содержит 4 *танка* из «Удзи-но каванами»), о жизни сестер вельмож, живших в Удзи, главным образом о судьбе средней из сестер — Нака-но Кими 中の君. У Соти-но Мия 帥宮 было три дочери, вместе с отцом они поселились в Удзи. Старшая, О:кими 大君 (Анэгими 姉君), стала главной супругой Сикибукё:-но Мия 式部卿宮 и, неохотно покинув отчий дом, переехала с мужем в столицу. Нака-но Кими полюбилась Дайсё: 大將, который, однако, не рассматривал серьезно их отношения. Главная жена Дайсё:, узнавшая о его увлечении, решила принять постриг, не смутив особенно этим поступком своего мужа. Не получают развития и отношения Дайсё: и Нака-но Кими. Стремящаяся улучшить свое положение в обществе О:кими, после смерти отца Соти-но Мия устраивает Нака-но Кими на придворную службу. Со временем она становится одной из наложниц императора и матерью его ребенка. Из «Мумё:дзо:си» мы узнаем о существовании в этой повести еще нескольких женских персонажей — Бывшей жрицы (Саки-но Сайгу: 前斎宮) и Сайгу:-но Химэгими 斎宮の姫君, предположительно, ее дочери. О последней известно только то, что она вышла замуж за Кампаку [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 179; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 185].

⁴²⁸ *Вместе с этим снегом исчезну и я!* (この雪とともに消えはべりぬるぞ, Коно юки то томо ни кизэхабэринуру дзо) — персонажи «Записок без названия» подметили схожесть сюжета повестей «Удзи-но каванами» и «Ама-но карумо». Возможно, этой фразой Дайсё: намекает на свое желание в будущем принять постриг. Главный герой «Ама-но карумо» стал монахом [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 253, прим. 22].

⁴²⁹ *Дайсё:-но Уэ* 大將の上 — главная супруга Дайсё:.

⁴³⁰ *Нё:го* 女御 — наложница императора. Звание это возникло в конце VIII — начале IX в. Сначала *нё:го* выбирались среди дочерей придворных сравнительно невысоких рангов (четвертого или пятого), к концу IX в. положение *нё:го* упрочилось, их стали выбирать среди дочерей аристократов не ниже третьего ранга (принцесс крови, дочерей принцев крови и великих министров). При наличии влиятельного покровителя (отец, брат, дядя) *нё:го* могла стать императрицей-супругой, особенно, если у нее рождался сын [Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 66].

⁴³¹ *Ототохимэгими* 妹姫君 — одна из младших сестер Анэгими — Нака-но Кими.

⁴³² *Кита-но Мандокоро* 北政所 — То есть Сайгу:-но Химэгими (возможно, дочь Саки-но Сайгу: или самая младшая из дочерей Соти-но Мия) вышла замуж за регента или канцлера (кампаку 関白, сэссё: 摂政). Именно так называли супругу этого крупного сановника (см. прим. 25).

⁴³³ *Кома мукаэ* 駒迎え — утерянное произведение, о содержании и главных героях которого известно очень мало. От него осталось только одно стихотворение, которое можно обнаружить в антологии «Фуёвакасю:»; оно, к сожалению, не проливает свет на сюжет повести. «Записки без названия» оказываются единственным источником некоторой информации о ее главном герое. Им является старший военачальник Дайсё:, положительный персонаж, преданный до конца одной женщине, с которой он обменялся любовными клятвами. Дамы «Мумё:дзо:си» называют также имя женского персонажа — Мия-но Химэгими 宮の姫君; ее роль в сочинении неясна, можно лишь предположить, что она не является главной героиней «Кома мукаэ», возлюбленной Дайсё: [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 180; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 186].

⁴³⁴ *Одаэ-но нума* 緒絶えの沼 — повесть, от которой, помимо упоминания нескольких сцен в «Записках без названия», сохранились лишь стихотворения (16 танка в «Фуёвакасю:»). Сюжет произведения составляет развитие отношений внутри любовного треугольника. Три главных героя — это дама по имени Синсайсё:-но Кими 新宰相の君 (Найси-но Ками 尚侍) и два ее кавалера — Сан-но Мия 三の宮 (То:гу: 東宮) и Тю:нагон-но Тю:дзё: 中納言中将. Среди других героев повести, имена которых встречаются в «Фуёвакасю:» и «Мумё:дзо:си», — Мия-но Дайсё: 宮の大將 (позже Садайдзин 左大臣) и его супруга Кита-но Ката 北の方, Сикибукё:-но Накамусумэ 式部卿の中娘, Доно-но Дайсё: 殿大將 и др. Кроме имен, ничего определенного о них сказать нельзя [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 180; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 187].

⁴³⁵ Предыстория данной сцены такова: главная героиня и Тю:нагон-но Тю:дзё: провели вместе одну ночь во дворце (видимо, в покоях Синсайсё:-но Кими), не назвав друг другу своих имен, после чего рас-

стались, условившись о новой встрече. Пока Синсайсё:-но Кими, покинув на время дворец, жила с родными, ее тайно навещил Сан-но Мия, поклявшийся ей в любви. Когда дама вернулась во дворец и принимала у себя нового любовника, к ней пришел Тю:нагон-но Тю:дзё:, не забывший, в отличие от нее, об их уговоре. Поняв, что не сможет проникнуть в ее покои, он произнес: «Всех слов любви не хватит мне...» (恋しなどはおろか, Коиси надо ва орока) и удалился.

⁴³⁶ Но чтобы в грядущем было вспомнить о чем... (この世の外の思ひ出でも, Коно ё но хока но оmoiидэ ни мо) — Исследователи памятника полагают, что слова эти взяты автором повести из следующего стихотворения поэтессы Идзуми Сикибу (имеется в «Собрании стихотворений Идзуми Сикибу» («Идзуми Сикибу сю:» 和泉式部集) и в антологии «Госю:ивакасю:» 後拾遺和歌集, Песни любви, № 763):

Арадзараму	Из этого мира
Коно ё-но хока-но	Я уйду, но чтобы в грядущем
Омоидэ-ни	Было вспомнить о чем,
Има хитотаби-но	Хотя бы еще одну встречу
Ау кото мо гана	На прощанье мне подари

[Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 85, прим. 16; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 256, прим. 3; Идзуми Сикибу, 2004, Любовь, С. 78].

⁴³⁷ *Хацуюки* (初雪, «Первый снег») — сочинение, от которого осталось лишь название. Согласно «Мумё:дзо:си», помимо прочего, в нем обсуждались также произведения жанра *цукури-моноготари*. В «Эйга моногатари» (см. прим. 395) нам попадаетеся такая строчка: «А что до облика придворных дам, то он в той повести «Хацуюки» великолепен, начиная с тех особ, что пожаловали к Нё:годоно» (女房の有様ども、かの初雪の物語の女御殿に参りこみし人々よりも、これはめでたし, Нё:бо: но арисама до-мо, кано хацуюки но моногатари но нё:годоно ни маирикомиси хито-бито ёри мо, корэ ва мэдэтаси). Если речь в этом историческом сочинении идет об обсуждаемой в «Записках без названия» повести, то она была создана до «Эйга моногатари» (примерно до 1090 г.) [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 180; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 187; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 256, прим. 8].

⁴³⁸ *Укинами* うきなみ — утраченное произведение, автором которого, согласно «Мумё:дзо:си», может являться Фудзивара-но Таканобу (см. прим. 439). Антология «Фуёвакасю» содержит 17 *танка* из данной повести.

Ее главный герой — Внештатный средний советник (Гонтю:нагон 権中納言), о любовных похождениях которого и рассказывает автор произведения. Главным образом — о связи Советника с дамой по имени Фудзитю:нагон-но Онна 藤中納言女, которую он с какого-то времени стал навещать все реже и реже. За это время главный герой тайно поклялся в любви императрице (Ко:го:-но Мия 皇后宮), провел ночь с Соти-но Мия-но Онна 帥宮女. Таким образом, главная героиня решила заключить союз с другим мужчиной [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 181; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 185].

⁴³⁹ *Таканобу* 隆信 — поэт и художник (см. прим. 12) Фудзивара-но Таканобу 藤原隆信 (1142–1205), сын Дочери Фудзивара-но Тикатада 藤原親忠 (при дворе имела прозвище Бифукумон Ин Кага 美福門院加賀) от первого брака с Фудзивара-но Тамэцунэ 藤原為経. Во втором браке с Фудзивара-но Сюдзэй 藤原俊成 (1114–1204), она родила Фудзивара-но Тэйка 藤原定家. Таким образом, Таканобу и крупнейший японский текстолог, литературовед и поэт XIII века Тэйка — единоутробные братья. Помимо повести «Укинами», Фудзивара-но Таканобу написал историческое сочинение «Ияёцуги» (いよ世継, «Дополнение к Ёцуги», до нашего времени не сохранилось), которое в предисловии к «Масукагами» (増鏡, «Ясное зеркало») было поставлено в один ряд с такими историческими повествованиями, как «Мидзукагами» (水鏡, «Водяное зеркало»), «О:кагами» (大鏡, «Великое зеркало») и «Имакагами» (今鏡, «Нынешнее Зерцало»). «Ияёцуги» охватывает период с 1184 по 1198 г.

⁴⁴⁰ *Тэйка-но Сё:сё:* 定家少将 — имеется в виду крупнейший филолог того времени Фудзивара-но Тэйка. В звании младшего военачальника (сё:сё: 少将) Тэйка прослужил 12 лет — с 1189 по 1201 г.

⁴⁴¹ *Мацура-но Мия* 松浦宮 — одна из немногих повестей, дошедших до наших дней. Авторство ее приписывают Фудзивара-но Тэйка, создана она была в 80-х годах XII века (ок. 1185 г.). Повесть состоит из трех частей.

Время действия произведения совпадает с периодом пребывания двора в столице Фудзивара (служила резиденцией правителей Ямато в 694–710 гг.). Обладающий и умом, и красотой главный герой сочинения, Татибана-но Удзитада 橘氏忠, гонимый мыслями о несчастной любви к принцессе Каннаби-но Ко:дзё 神奈備の皇女, отправляется в качестве государева посланника в Китай, где добивается расположения императора и обменивается клятвами с его младшей сестрой — Имото-но Каё:ко:сю 妹の華陽公主. Она обучает своего возлюбленного секретам игры на *кото* особых мелодий, открывает ему тайну перерождения вновь в человеческом облике, но вскоре покидает мир. В государстве тем временем после смерти императора вспыхивает мятеж, который помогает подавить и снова восстановить мир главный герой повести. Он встречает необыкновенной красоты женщину, с которой начинает встречаться, не зная, кто она такая. Незадолго до отъезда на родину выясняется, что возлюбленная его — вдова-императрица. Она рассказывает ему, что и он, и она — посланники неба, которым суждено было родиться среди людей и связать свои судьбы, в частности, для того, чтобы восстановить мир в стране. На память о себе государыня преподносит герою зеркало в маленькой коробочке. Возвратившись в Японию, Удзитада вновь встречает переродившуюся и оказавшуюся в стране Каё:ко:сю. Они живут вместе, но Удзитада продолжает хранить в памяти образ императрицы: открывая подаренное ею зеркальце, он видит в нем ее отражение, а прижимая его к себе, чувствует ее аромат [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 172; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 183; *Мисуми Ё:ити.*

Мацура-но Мия моногатари-но ито о мэгуттэ (Вокруг замысла повести «Мацура-но Мия») // *Мисуми Ё.ити*. Моногатари-но хэмбо:, Токио, 1996, С. 53–73; *Ии Харуки*. Мумё:дзо:си-но то:даи моногатари хё: то Мацура-но Мия моногатари (Критика повестей той эпохи в «Записках без названия» и повесть «Мацура-но Мия») // *Ии Харуки*. Моногатари-но тэнкай то вака сирё:, Токио, 2003, С. 493–496; *Фукадзава То:ру*. Модэру сё:сэцу тоситэ-но Мацура-но Мия моногатари (повесть «Мацура-но Мия» как образец произведений жанра сё:сэцу) // *Ии Харуки*. Дзикогэнкю: тэкисуто-но кэифугаку, Токио, 2002, С. 218–266; *Тоёсима Хидэно:.* Мацура-но Мия моногатари-но ко:дзо: то Мумё:дзо:си-но хё:-гэн (Структура повести «Мацура-но Мия» и язык критики «Записок без названия» // *Тоёсима Хидэно:.* Моногатари си кэнкю:, Токио, 1994, С. 318–333;); перевод на англ. яз.: *Lammers, Wayne P.* The Tale of Matsura: Fujiwara Teika's Experiment in Fiction. Ann Arbor, Mich.: Center for Japanese Studies, U. of Michigan, 1992].

⁴⁴² Небесная дева в «Сагоромо» (「狭衣」の天の乙女, Сагоромо но ама но отомэ) — когда дамы «Мумё:дзо:си» обсуждали «То, что кажется неуместным» в «Сагоромо моногатари», они упоминали отрывок о том, как к главному герою спустился Небожитель (天人の天降りたること, Тэннин но амакударитару кото; см. прим. 281). В тексте «Сагоромо моногатари» он назван Небесным отроком (天稚御子, Амэвакамико). Исследователи предполагают, что дамы имеют в виду именно эту сцену, но вместо Амэвакамико использовали слово Ама-но Отомэ [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 258, прим. 18].

⁴⁴³ См. прим. 291.

⁴⁴⁴ *Ариаке-но вакарэ* (有明の別れ, «Расставание на рассвете») — сохранившееся повесть второй половины XII века, автор которой неизвестен. Включает три части.

В повести обыгрывается популярный в классической средневековой литературе Японии мотив «с переодеваниями». У Левого министра (Садайдзин 左大臣) рождается девочка Химэгими 姫君, которая по велению божеств вступает во взрослую жизнь, переодевшись мужчиной (Онна-но Удайсё: 女右大将). Героиня наделена необыкновенным талантом к музыке и знает, как сделаться невидимой, — с помощью плаща-невидимки. У нее есть младшая сестра (Имо:то-но Химэгими 妹の姫君), которая была представлена ко двору. Требование императора ввести ее в число его наложниц смутило отца девушек. Тем временем Онна-но Удайсё:, облачившись в свой волшебный плащ, видит, как ее дядя Командующий левой охраной (Одзи-но Садайсё: 叔父左大将) тайно навещает дочь своей супруги от ее первого брака Тай-но Уэ 対の上. С помощью плаща узнает она и о других тайных связях аристократов, которые сильно разочаровывают ее. Беременную в результате запретной связи с отчимом Тай-но Уэ отсылают в дом отца главной героини, которая, будучи по облику мужчиной, принимает ее как свою жену. Император, проявлявший повышенный интерес к Онна-но Удайсё:,

вскрывает правду об ее истинной сущности, после чего следует пылкий обмен любовными клятвами. Государь требует, чтобы она стала его *нэ:го*, и тогда ее отец решает объявить о смерти мужчины Удайсё: и посылает героиню к императору, выдав ее за младшую сестру Имото-но Химэгими. Она становится матерью наследника престола и императрицей-супругой [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 173; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 178; перевод на англ. яз.: Khan, Robert Omar. *Ariake no Wakare: Genre, Gender, and Genealogy in a Late Twelfth-century Monogatari*. Ph.D. dissertation, University of British Columbia, Vancouver, Canada, 1998].

⁴⁴⁵ *Юмзгатари* 夢語り — утраченное произведение, название которого, помимо «Мумё:дзо:си», встречается также в антологии «Фуёваксю:» (5 *танка*). Автор неизвестен.

Из имеющихся данных удастся узнать лишь о трех действующих лицах повести — Кампаку 関白, Кампаку-но Онна 関白女 и Сайсё:но Тю:дзё: 宰相の中將. Кто кому кем приходится, точно сказать нельзя. После смерти героини Кампаку (возможно, ее отец) сильно переживал и решил принять постриг, но сразу осуществить задуманное ему помешали обстоятельства. Позже во сне он получает совет и вовсе отказаться от этой идеи, и в будущем становится регентом. О Сайсё:но Тю:дзё: мы знаем только то, что он был сослан в Корею за преступление, которого не совершал [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 181; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 187; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 258, прим. 22].

⁴⁴⁶ *Намидзи-но Химэгими* 波路の姫君 — о существовании этой утерянной повести мы узнаем лишь из «Записок без названия». То есть, кроме названия, другой информации о данном сочинении не имеется.

⁴⁴⁷ *Асадзигавара-но Найси-но Kami* 浅茅が原の尚侍 — упоминание о существовании повести с таким названием встречается только в «Мумё:дзо:си». О ее содержании и главных героях ничего неизвестно. До наших дней дошла одна часть повести «Асадзигацу» 浅茅が露, но исследователи сходятся во мнении, что это — два разных произведения [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 181; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 184].

⁴⁴⁸ *Голос той молодой особы* (例の若き声にて, Рэй-но вакаки коз нигэ) — см. прим. 142.

⁴⁴⁹ *Исэ моногатари* (伊勢物語, «Повесть из Исэ») — второе из двух самых ранних произведений японской повествовательной литературы (следует за сочинением «Такэтори моногатари»), появившееся в начале X века. «Повесть из Исэ» относится к жанру *ута-моногатари* (произведение художественной литературы, состоящее из большого числа миниатюр (*данов*), которые образованы одним или несколькими стихотворениями, перемежающимися с прозой). Авторство данной повести приписывается ее главному герою — известному поэту и художнику

Аривара-но Нарихира (см. прим. 21, 54). Сочинение состоит, в зависимости от списка, от 125 до 143 *данов* и до 209 *танка* в них.

⁴⁵⁰ *Ямато моногатари* (大和物語, «Повесть из Ямато») — произведение середины X века жанра *ута-моногатари*, принадлежащее неизвестному автору. Современное издание включает 173 миниатюры, каждая из которых содержит одно или несколько стихотворений.

⁴⁵¹ *На берегу реки Сумида вопрошает у «птицы столицы»* (隅田川のほとりにて都鳥に言問ひ, Сумидагава но хотори нитэ миякодори ни кото-тои) — данный эпизод имеет место в 8-м *дане* «Повести из Исэ»: «И опять они шли, шли, и вот, промеж двух провинций: Мусаси и Симоса — была река очень большая. Называют ее река Сумида. На берегу ее они столпились и, размышляя: «Ах, как далеко зашли мы», отчаянию предались, но перевозчик закричал: «Скорей садись в лодку. Уж темнеет...» и, усевшись, стали переезжать. В унынии все, ведь не было ни одного из них, у кого б не оставалась в столице та, кого любил он. И вот в это время белые птицы с клювом и ножками красными, величиной с бекаса, носились над водой и рыбу ловили. В столице таких птиц было не видно, и никто из них не знал их. Спросили перевозчика. — «Да, это же «птица столицы», — ответил тот, и, слыша это, кавалер сложил:

На ниси оваба	«Если ты такова же,
Идза кототоваму	как и имя твоё, о «птица столицы», —
Миякодори	то вот я спрошу:
Ва га омо: хито ва	жива или нет
Ари я наси я то	та, что в думах моих?»

И в лодке все пролила слезы» [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 258, прим. 4; Исэ моногатари, 1979, С. 47–48].

⁴⁵² *Говорит о любви к ней у «восьми мостов»* (八橋のわたりにて慣れにし妻を恋ひたる, Яцухаси но ватари нитэ нарэниси цума о коитару) — намек на отрывок из того же *дана* «Исэ моногатари»: «Вот достигли они провинции Микава, того места, что зовут «восемь мостов». Зовут то место «восемь мостов» потому, что воды, как лапки паука, текут раздельно, и восемь бревен перекинута через них; вот и называют оттого «восемь мостов». У этого болота в тени деревьев они сошли с коней и стали есть сушеный рис свой. На болоте во всей красе цвели цветы лилий. Видя это, один из них сказал: «Вот, слово «лилия» возьмем и, букву каждую началом строчки сделав, воспоем в стихах настроение нашего пути». Сказал он так, и кавалер стихи сложил:

Карагоромо	«Любимую мою в одеждах
Кицуцу нарэниси	Изящных там, в столице,
Цума сиарэба	Любя оставил...»
Харубару кинуру	И думаю с тоской, насколько
Таби о си дзо омо:	Я от нее далек...»

Так сложил он, и все пролила слезы на свой сушеный рис, так что тот разбух от влаги»

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 258, прим. 5, 6; Исэ моногатари, 1979, С. 46–47].

⁴⁵³ *Мангё:сю*: (万葉集, «Собрание мириад листьев») — см. прим. 366.

⁴⁵⁴ *Кунимото* 国基 — поэт Цумори-но Кунимото 津守国基 (1023–1102), жрец храма Сумиёсидзиндзя 住吉神社.

⁴⁵⁵ *Кокин* 古今 — антология «Кокинвакасю:» (古今和歌集, «Собрание старых и новых песен Японии»), составленная в 905 году по распоряжению императора Дайго 醍醐 (885–930, правил с 897 по 930 г.) и явившаяся первой в ряду 21-го поэтического сборника, собранного по императорскому повелению (二十一代集, *нидзю:итидайсю:*). Работу над составлением первой императорской антологии (勅撰集, *тёкусэнсю:*) возглавил поэт и филолог Ки-но Цураюки; войти в нее должны были старинные песни, не включенные в «Мангё:сю:», а также стихотворения самих членов редакционного комитета. Сначала собрание получило название «Продолжение «Мангё:сю:», которое, однако, не закрепилось за ним; читатель узнал его как «Собрание старых и новых песен Японии». Состоит оно из 20 свитков, включает около 1100 стихотворений и два предисловия — на китайском языке Ки-но Ёсимоти и на японском главного редактора Ки-но Цураюки, который попытался ответить в своем введении на вопрос, что такое японская поэзия и рассмотреть ее развитие.

Авторами большинства стихотворений антологии являются неизвестные поэты, число указанных участников собрания — 124 человека, из которых четыре поэта — составители сборника (Ки-но Цураюки — 95 *танка*, Осикоти-но Мицунэ — 55, Ки-но Томонори — 45, Мибу-но Тадаминэ — 30). Императорское семейство представили в «Кокинсю:» восемь поэтов (15 *танка*).

Во многом новая антология явилась образцом и для поэтов, и для теоретиков поэзии, и для составителей последующих поэтических собраний. Новизна наблюдается, в частности, в распределении поэтического материала, который группировался в отдельные книги (свитки) по темам: песни Весны, Лета, Осени, Зимы, Славословия и др. Этот принцип составления поэтического сборника, отличающий «Кокинсю:» от «Мангё:сю:», мы встречаем впервые в истории японской поэзии.

В первой императорской антологии побеждает стихотворная форма *танка*, вытеснившая другие формы поэзии: *сэдо:ка* — 4, *нагаута* — 5, *танка* — 1091 [Горегляд, 2001, С. 129–137].

⁴⁵⁶ *Госэн* 後撰 — вторая императорская антология «Госэнвакасю:» (後撰和歌集, «Позднее составленное собрание песен Японии»). Инициатором формирования данного поэтического сборника стал император Мураками 村上 (926–967, правил с 946 по 967 г.). Антология «Госэнвакасю:» увидела свет между 953 и 958 гг., составили ее поэты О.накатоми-но Ёсинобу (921–991), Киёвара-но Мотосукэ (908–990), Минамото-но Ситагау, Ки-но Токифуми и Саканоуэ-но Мотики (?–?), поместив-

шие в собрание около 1400 стихотворений (в зависимости от списка памятника) приблизительно 220 поэтов конца IX — начала X века. Из числа стихотворений с указанным авторством больше всего песен принадлежит составителю предшествующей императорской антологии Ки-но Цураюки (81), имя поэта Исэ значится под 70 стихотворениями, Осикоти-но Мицунэ и Фудзивара-но Канэсукэ — под 23 поэтическими творениями. Деление всего массива стихотворений на 20 свитков по темам выполнено в соответствии с заложенными «Кокинсю:» традициями.

К особенностям сборника «Госэнсю:» относится жанр включенных в него стихотворений — все они представляют из себя *танка*, много в ней «парных» *танка* — стихотворных посланий и ответов на них, а также имеются обширные прозаические вступления к песням, что сближает вторую императорскую антологию с сочинениями жанра *ута-моногатари* [Горегляд, 2001, С. 191–193].

⁴⁵⁷ *Сю:исю:* 拾遺集 и *Сю:исё:* 拾遺抄 — данные поэтические собрания связаны с именем поэта и известного арбитра стихотворных состязаний — Фудзивара-но Кинто: 藤原公任 (966–1041), который оставил, в частности, личное поэтическое собрание «Кинто: сю:» 公任集, поместив в него 560 своих песен, и трактат о поэтическом искусстве «Синсэн дзуй-но:» (新撰髓腦, «Сущность поэзии. [Руководство], вновь составленное»). По указанию императора Кадзан 花山 (968–1008, правил с 984 по 986 г.), большого ценителя поэзии, Кинто: где-то между 996 и 999 гг. составляет собрание в 10 свитках из 590 стихотворений, назвав его «Сю:исё:» («Извлечения стихотворений, не вошедших в прежние антологии»). Основой для данного сборника послужили два стихотворных турнира, проводившихся в 985 и 986 годах.

Предполагается, что стихотворения именно этой антологии, не входившие ранее в другие официальные сборники, стали в свою очередь базой для составления третьего императорского собрания «Сю:ивака-сю:» («Собрание японских песен, не вошедших в прежние антологии»; сокращенно — «Сю:исю:»). Формировал ее, возможно, сам экс-император Кадзан приблизительно в 1005 году. «Сю:исю:» состоит из 20 книг, в которые помещено порядка 1350 стихотворений.

Песни принадлежат поэтам разные эпох (от «Манъё:сю:» до «Госэн-сю:»): Какиномото-но Хитомаро (104 стихотворения), Ки-но Цураюки (104), О:накатоми-но Ёсинобу (59), Киёвара-но Мотосукэ (48), Мибу-но Тадаминэ, Фудзивара-но Кинто:, монах Эгё: и мн. др.

Принцип составления повторяет две первые императорские антологии. Четыре раздела «Сю:исю:» — это стихотворения о временах года, отдельные рубрики — песни о любви, разлуке, назаниях и пр. В раздел «Разные песни» включены не только стихотворения в жанре *танка*, но и песни *сэдо:ка*, *нагаута*.

Третью официальную антологию выделяет количественное превосходство образов старинной поэзии.

Дамы «Записок без названия» избегают собственных оценок этих двух поэтических собраний, ссылаясь лишь на точку зрения Фудзивара-но Тэйка, который считает, что «Сю:исё:» значительно уступает третьей императорской антологии «Сю:исю:». Между тем, если обратиться к трактату по теории стиха крупного поэта своего времени Фудзивара-но Сюдзэй (1114–1204) «Корай фу:тайсё:» (古来風抄, «Выборки о поэтических стилях, пришедших от древности», 1197), то в нем мы встретим противоположное общеразделяемое мнение: «Собрание это («Сю:исё:») и сейчас читают в обществе с удовольствием, тогда как к «Сю:исю:» интерес несколько ослаб» (世の人これ(=「抄」)を今少しもてあそぶほどに、「拾遺集」はあいなく少しおされにけるなるべし, Ё но хито корэ о има сукоси мотэасобу нодо ни, сю:исю: ва аинаку сукоси осарэникэру нару бэси); «Что до поэтических стилей современных поэтов, то во многом последнее, должно быть, обращалось к песням «Сю:исё:» (近き世の人の歌よむ風跡、多くはただ「拾遺抄」の歌をこひねがふならべし, Тикаки ё но хито но ута ёму фу:таи, о:ку ва тада сю:исё: но ута о коинэгау нару бэси). Таким образом, антология «Сю:исё:», согласно Сюдзэй, ставилась общественным мнением выше «Сю:исю:», и автор написанных позже данного трактата «Записок без названия», очевидно, знакомый с отстаиваемой в нем позицией, устами Тэйка высказывает свою, не совпадающую с общими настроениями мысль. С подобной знаковой ситуацией мы сталкивались в «Мумё:дзо:си» и ранее, во время «критики» повестей [Катаока Тосихиро. Мумё:дзо:си но ко:дзо:, сэнсю:хё: о мэгуттэ (Композиция «Записок без названия», вокруг критики поэтических антологий) // Моногатари бунгаку но хомбун то ко:дзо: (Текст и композиция произведений повествовательной литературы), Осака, 1997, С. 95–96; Горегляд, 2001, С. 194–195].

⁴⁵⁸ *Сэндзайсю*: 千載集 — седьмая императорская антология японской поэзии «Сэндзайвакасю:» («Собрание японских песен за тысячу лет»; сокращенно — «Сэндзайсю:»). Создавалось в беспокойное время междоусобных сражений Фудзивара-но Сюдзэй по указанию экс-императора Госиракава 後白河 (1127–1192, правил с 1155 по 1158 г.). В антологию, законченную к 1188 году, вошло 1285 стихотворений 387 поэтов; открывалось собрание из 20 свитков предисловием составителя. В седьмую официальную антологию были помещены стихи, написанные за последние два века, не входившие ни в один из последних трех императорских сборников. Сюдзэй был представлен в ней 36 *танка*, на первом месте по количеству стихотворений оказался поэт Минамото-но Тосиёри (1055(?)–1129) — 52 *танка*, кисти бывшего государя, не особо увлекавшегося сочинением стихотворений в жанре *танка*, принадлежало всего шесть поэтических творений этой формы. В целом, в «Сэндзайсю:» были помещены стихи поэтов разной социальной принадлежности и поэтических школ.

Предполагается, что основа седьмой антологии — это частное собрание самого составителя «Сангодайсю:» (三五代集, «Собрание стихотворений за 35 эр правления»), а также песни из иных частных сбор-

ников, сформированных после середины XII века, или поэтических со-
стояний того же времени.

В способе группирования стихотворений по темам Сюдзэй следо-
вал традиции «Кокинсю:». Дополнением к ней можно назвать включе-
ние в собрание таких новых разделов для императорских антологий,
как «Учение Будды» и «Небесные и земные боги». В ней нашли место,
помимо *танка*, стихотворения разных форм: *нагаута*, *сэдо:ка*, *орику*
折句, *буцумэйка* 物名歌 [Горегляд, 2001, С. 327–329].

⁴⁵⁹ *Восемь собраний* 八代集 — в настоящее время название «восемь
собраний» объединяет первые поэтические сборники с «Кокинсю:» до
«Синкокинсю:» (新古今和歌集, «Новое собрание старых и новых песен
Японии», 1203 г.), собранные по непосредственному указанию импе-
ратора. Высказывание Фудзивара-но Тэйка относится ко времени до
составления «Синкокинсю:», когда первая японоязычная антология
«Манъё:сю:» считалась одной из восьми императорских антологий.

⁴⁶⁰ *Госю:и* 後拾遺 — четвертая императорская антология «Госю:ива-
касю:» (後拾遺和歌集, «Позднее составленное собрание японских песен,
не вошедших в прежние антологии»; сокращенно — «Госю:исю:»). Со-
ставитель — Фудзивара-но Мититоси 藤原通俊 (1047–1099).

Создание четвертой официальной антологии претерпело много эта-
пов. Император Сиракава 白河 (1053–1129, правил с 1072 по 1086 г.)
распорядился начать работу по составлению «Госю:исю:» в 1075 году,
однако Фудзивара-но Мититоси приступил к ней лишь через девять
лет, в 1084 году. Два года у него ушло на то, чтобы собрать поэтиче-
ский материал и подготовить проект собрания. В 1086 г. составитель
представил его на высочайший суд, но тот год стал временем отрече-
ния Сиракава от престола, и только в 1088 г. новая антология была
окончательно утверждена экс-императором.

Как и предыдущие императорские сборники поэзии, она состояла из
20 свитков, которые включали 1218 стихотворений. Творения поэтов-
участников «Кокинсю:» и «Госэнсю:» в новом собрании не нашлось места.
Составитель «Госю:исю:» отдал предпочтение стихотворениям поэтов-
современников, а также поместил в антологии немало песен, принадле-
жавших поэтессам [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 189].

⁴⁶¹ *Кингёкюсю:* (金玉集, «Собрание золота и драгоценностей») — част-
ное собрание, составленное Фудзивара-но Кинто: в 1007 году. Собирая
«Кингёкюсю:», Кинто: преследовал цель соединить в одном сборнике
самые лучшие стихотворения того времени. Для этого он взял три пер-
вые императорские антологии — «Кокинсю:», «Госэнсю:» и «Сю:исю:» —
и выбрал около 70 шедевров для сборника с показательным названием
«Собрание золота и драгоценностей». «Кингёкюсю:» имел шесть разде-
лов — четыре из них посвящены временам года, за ними следовали
«Песни любви» и «Разные песни».

Что касается поэта и автора поэтологических трактатов Фудзивара-
но Кинто:, которого дамы «Записок без названия» называют Сидзё:-но

Дайнагон-но Кинто: 四条大納言公任, то Внештатным старшим советником он стал в 1009 году, а дом его располагался на Четвертой линии, что и отражено в приведенном дамами имени [Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 188, 189].

⁴⁶² *Кинъё:сю:* (金葉集, «Собрание золотых листьев») — пятая императорская антология, созданная, как и четвертая, по указу государя Сиракава, который к тому времени стал императором-иноком. Ее составитель — Минамото-но Сюнрай 源俊頼 (1055–1129), работавший над собранием около двух лет, с 1124 по 1127 гг.

Дамы говорят, что у «Кинъё:сю:» «хорошая репутация среди некоторых людей» (「金葉集」、よしと思へる人もはべる, Кинъё:сю:, ёси то оmozру хито мо хабэру). К ним, в частности, можно отнести Фудзивара-но Сюдзэй, который пишет в своем трактате «Корай фу:тайсё:»: «Когда составителем антологии, такой, как «Собрание золотых листьев», выступает поэт такого уровня, то все песни ее оказываются замечательными» (金葉集は、撰者のさほどの歌人に侍れば、歌どももみなよろしくは侍るを, Кинъё:сю: ва, сэнься но саходо но кадзин ни хабэрэба, ута домо мо мина ёросику ва хабэру о) [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 261, прим. 14].

⁴⁶³ *Песен помещено не так уж и много* (いたく多くもはべらず, Итаку о:ку мо хабэрадзу) — имеется в виду тот факт, что для императорской антологии (все четыре предшествовавшие официальные сборники поэзии содержали по 20 свитков) число стихотворений «Кинъё:сю:» совсем невелико. Пятая антология стала первым императорским поэтическим собранием, состоявшем всего из десяти книг.

⁴⁶⁴ *Домашние собрания поэзии* (Сикасю: 私歌集, в тексте памятника — Изиз ни эрабэру сю: 家々に撰べる集) — в отличие от *тёкусэнсю:*, т.е. официальных, составленных по прямому указанию императора антологий, *сикасю:*, или частные, неофициальные антологии, могли быть собраны в любое время самыми разными людьми — от провинциальных чиновников до управителей страны. Первые подобные собрания увидели свет в эпоху «до Манъё:сю:». Домашние сборники О:томо 大伴 и некоторых других старинных родов в качестве отдельных частей вошли в первую японоязычную антологию. Частное собрание могло иметь форму личного поэтического сборника, стихи для которого отбирались самим поэтом. В такую антологию попадали стихотворения, сочиненные ее составителем по разным поводам (при переписке с друзьями, во время поэтических состязаний, по повелению императора во время загородной поездки и мн. др.), песни, иногда и не принадлежавшие автору собрания (полученные им во время переписки, услышанные случайно и т.д.). Также *сикасю:* могли быть собраны не самими авторами включенных в них песен, а кем-то из потомков или учеников поэтов. Иногда такие антологии, снабженные пространными прозаическими введениями к тому или иному стихотворению, принимали вид стихотворно-прозаической повести *ута-моногатари*, дневника или путевых заметок [Горегляд, 2001, С. 128].

⁴⁶⁵ *Каэнсу* 歌苑集 — домашняя антология «Каэнсю:», составленная Сюнтэ (1113–?) около 1117 года. «Каэнсю:» не дошла до наших дней, но некоторые стихотворения из этого собрания известны благодаря включению их в домашний сборник конца эпохи Камакура «Фубоку-вакасю:» 夫木和歌抄.

⁴⁶⁶ *Косэнсу* 今選集 — частное поэтическое собрание «Косэнсю:», которое имеет также название «Кэнсё:хо:си саммакисё:» 顕昭法師三卷抄. Составитель — Фудзивара-но Кэнсё: 藤原顕昭 (?–?). Автор данной антологии называют также поэта Фудзивара-но Киёсукэ 藤原清輔 (1104–1177). Работа по ее созданию длилась несколько лет, с 1165 по 1167 гг. В итоге в сборник вошли 216 стихотворений, размещившихся по шести разделам (времена года, «Песни любви», «Смесь»). Написание этих песен относится ко времени с правления императора Сутоку 崇徳 (1119–1164, правил с 1123 по 1141 г.) по период пребывания у власти государя Нидзё: 二条 (1143–1165, правил с 1158 по 1165 г.).

⁴⁶⁷ *Гэнсон* 現存 — утраченное домашнее собрание «Гэнсонвакасю:» 現存和歌集, собранное До:ин 道因 (Фудзивара-но Ацуёри 藤原敦頼, 1040–?).

⁴⁶⁸ *Гэккэсу* 月詣集 — имеется в виду частное собрание Камо-но Сигэясу 賀茂重保 (1119–1191) — «Цукимо:дэвакасю:» 月詣和歌集, составленное им в 1182 году. Изначально включало предисловие и 1200 стихотворений, размещенных в 12 свитках; несколько книг (8-я и 11-я) до нас не дошли. Ядром антологии составитель сделал стихотворения поэтов, посещавших ежемесячно святилище Камо, а также поместил в нее песни некоторых поэтических турниров.

⁴⁶⁹ *Нарасу* 奈良集 — утерянная домашняя антология «Нарасю:». Подробности ее создания неизвестны. Возможно, она была собрана в Нара. Исследователи предполагают, что критика дамами отсутствия разнообразия тем в антологии указывает на то, что собраны в ней были стихотворения поэтов-монахов, посвященные одной тематике; самих участников антологии также было немного [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 261, прим. 22, 23].

⁴⁷⁰ *Гёкувасу* 玉和集 — скорее всего, речь идет об утраченной частной антологии «Гёкукасю:» 玉花集. Данные о ней также утеряны; предположительно, ее составителем является Тосисада 俊貞.

⁴⁷¹ Седьмой год Кэнкю: 建久七年 — 1196 год.

⁴⁷² Вероятно, речь идет о количестве стихотворений, которое позволяет назвать какой-либо поэтический сборник антологией. Если официальные антологии включали, как правило, 20 свитков, в которые помещалось более тысячи стихотворений, то сборники, которые персонажи «Мумё:дзо:си» перечисляют ниже, состояли из ста стихотворений (одного свитка).

473 *Хорикава Ин хякусю* 堀河院百首 — поэтический сборник, составленный под патронажем императора Хорикава 堀河 (1079–1107, правил с 1086 по 1107 г.) в годы Ко:ва 康和 (1099–1104). В него вошли сто стихотворений шестнадцати поэтов на общие темы. «Хорикава Ин хякусю» — один из первых образцов подобных сборников, оказавший большое влияние на последующие собрания ста стихотворений на заданные темы.

474 *Син Ин хякусю* 新院百首 — имеется в виду сборник «Кю:ан хякусю» (久安百首, «Сто стихотворений годов Кю:ан», 1150 г.), созданию которого покровительствовал император Сутоку. В данный сборник были включены, в частности, стихотворения Фудзивара-но Сюдзэй.

475 *Хякусю* 百首 — речь идет о собрании стихотворений «Роппякубан утаавасэ» 六百番歌合, созданном на основе состоявшегося в 1193 году одноименного поэтического турнира. Состязанием, судьей которого был Фудзивара-но Сюдзэй, руководил поэт Фудзивара (Кудзё:)-но Ёсицунэ 藤原(九条)良経 (1169–1206).

476 *Господина Кудзё: звали еще Садайсё:* (九条殿の左大將と申しはべりし, Кудзё:доно но садайсё: то мо:сихабэриси) — дамы «Записок без названия» говорят о Фудзивара (Кудзё:)-но Ёсицунэ — поэте и придворном чиновнике, занимавшем высокие государственные посты (канцлера сэссё: 摂政 и великого министра дайдзё:дайдзин 太政大臣). Кроме сочинения стихотворений вака, был знаменит в каллиграфии, поэзии на китайском языке, живописи. Его стихотворением открывается восьмая императорская антология «Синкокинсю:», в которую было помещено 78 его песен. Фудзивара-но Ёсицунэ оставил личный поэтический сборник под названием «Акисино гэссэйсю:» (秋篠月清集, «Собрание светлой луны в Акисино»). Пост командующего левой охраной (садайсё: 左大將) он занимал с 1189 по 1198 год. Сборник «Роппякубан утаавасэ» имеет также название «Садайсё:ка хякусю утаавасэ» 左大將家百首歌合.

477 *Вступивший на Путь, обладатель Третьего ранга* (三位入道, самминю:до:) — Фудзивара-но Сюдзэй (см. прим. 439, 457, 458). На придворной службе выдающийся поэт дослужился до Третьего ранга (1166 г.), но в 1176 году тяжело заболел, оставил службу и решил принять постриг. Монашеским именем Фудзивара-но Сюдзэй стало Сякуа.

478 *Пора «конца Закона»* — см. прим. 49.

479 *...лишь этот Путь* (この道ばかり, коно мити бакари) — Путь поэзии, поэтическое творчество.

480 *Нё:го* 女御 и *Кисаки* 后 — *Нё:го* — наложница императора (см. прим. 431). *Кисаки* (кисаи 后, ко:го: 皇后) — императрица-супруга, значавшаяся из числа нё:го.

⁴⁸¹ Оно-но Комати 小野小町 — поэтесса, одна из «шести бессмертных поэтов» (см. прим. 21). О Комати создано огромное количество легенд, она часто выступала в качестве литературного персонажа. Ее стихотворения отличаются изяществом, богаты метафорами и омонимическими рядами, расширяющими возможности *танка*. В антологию «Кокинсю:» было помещено 18 стихотворений этой красавицы-поэтессы. Ее личный поэтический сборник «Комати сю:» (小町集, «Собрание стихотворений Комати») состоит из 110 стихотворений.

⁴⁸² Кокинвакасю:, 1995, Т. 2, Свиток XV, Песни любви, № 797, С. 318–319.

⁴⁸³ К данному стихотворению Оно-но Комати имеется такое прозаическое вступление, объясняющее его происхождение: «Когда Фунъя-но Ясухидэ был назначен секретарем управы третьего ранга в Микаву, он послал Комати письмо: «Не желаете ли приехать поглядеть наши края?» Она же ответила ему песней» (文屋康秀が三河掾になりて、県見にはえ出でたたじやと言ひやれりける返り事に詠める, Фунъя но ясухидэ га микава но дзё: ни наритэ, агатами ни хазидэтатадзи я то инярэрикэру ка-эрикото ни ёмэру). [Кокинвакасю:, 1995, Т. 3, Свиток XVIII, Разные песни, № 938, С. 123–124; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 265, прим. 11].

⁴⁸⁴ Кокинвакасю:, 1995, Т. 2, Свиток XII, Песни любви, № 552, С. 239.

⁴⁸⁵ *Трогает до слез одна только мысль о том, что подобные стихотворения принадлежат женщине...* (女の歌はかやうにこそとおぼえて、そぞろに涙ぐましくこそ, Онна но ута ва каё: ни косо то обоэтэ, содзоро ни на-мида гумасику косо). Отмечая особенности поэзии Комати, Ки-но Цураюки пишет в предисловии к «Кокинсю:» следующее: «Оно-но Комати подобна жившей в стародавние времена принцессе Сото:ри (легендарная красавица древности, принцесса крови. — Ю. Г.). В песнях ее много чувства, но мало силы. Словно запечатленное в стихах томление благородной дамы. Впрочем, от женских стихов силы ожидать, пожалуй, и не следует» (小野小町は古への衣通姫の流なり。哀れるなやうにて強からず。いはばよき女の悩めるところあるに似たり。強からぬは女の歌なればなるべし, Оно но комати ва инисизэ но сото:рихимэ но рю: нари. Аварэ нару ё: нитэ цуё-карадзу. Иваба ёки онна но наямэру токоро ару ни нитари. Цуёкарану ва онна но ута нарэба нарубэси) [Кокинвакасю:, 1995, Предисловие Ки-но Цураюки; Кубоки Тэцуо, 1999, С. 265, прим. 13].

⁴⁸⁶ Эта легенда, главным героем которой является Аривара-но Нарихира, нашла отражение, в частности, в поэтологическом сочинении Камо-но Тё:мэй «Мумё:сё:» (無名抄, «Заметки без заглавия», после 1211 г.). Прославленный поэт Аривара-но Нарихира, отправившийся как-то в восточные провинции, наткнулся там на человеческий череп, заговоривший с ним. Когда на следующее утро поэт взглянул на череп, то увидел, что из глазницы его растет мискант. Череп этот будто бы принадлежал Оно-но Комати, последние годы которой прошли в том месте.

⁴⁸⁷ *Митинобу-но Тю:дзё*: 道信中将 — поэт Фудзивара-но Митинобу 藤原道信 (972–994), один из «тридцати шести бессмертных поэтов». Оставил личный сборник стихотворений «Митинобу сю:» 藤原集. Согласно легенде, не Фудзивара-но Митинобу, как предполагает одна из дам «Записок без названия», а Аривару-но Нарихира слышал во сне голос, исходящий от черепа Оно-но Комати.

⁴⁸⁸ ...чтобы и цвет, и аромат проникли в мое сердце!.. (色をも香をも、心に染む, Иро о мо, ка о мо, кокоро ни симу) — исследователи памятника усматривают в этих словах аллюзию на стихотворение Ки-но Томонори 紀友則, помещенное в антологию «Кокинсю:», Свитки I, II, Весенние песни, № 38:

Отломив ветку цветущей сливы, послал ее другу

Кими нарадэ	О, кому же еще
Тарэ ни ка мисэму	я мог бы отправить сегодня
Умэ но хана	ветку сливы в цвету?!
Иро о мо ка о мо	Ведь и цветом, и ароматом
Сиру хито дзо сиру	насладится лишь посвященный!..

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 266, прим. 6; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 94, прим. 7; Кокинвакасю:, 2001, С. 66].

⁴⁸⁹ *Хигаки* 檜垣 — поэтесса X века Хигаки-но О:на 檜垣姫, годы жизни которой неизвестны. Жила на Кю:сю:, оставила личное поэтическое собрание «Хигаки-но О:на сю:» 檜垣姫集.

⁴⁹⁰ *Сэй Сё:нагон* 清少納言 (964/966–?) — автор знаменитых «Записок без названия», блистала своим умом в свите императрицы Тэйси. Редкая ученость, остроумие и наблюдательность Сэй Сё:нагон вызывала у некоторых придворных дам зависть и раздражение. Вот как пишет о своей современнице Мурасаки Сикибу в своем «Дневнике»: «Лицо Сэй Сё:нагон всегда выражает самонадеянность. С умным видом уснащает она свои писания иероглифами, но если взглядеться повнимательнее, то окажется, что они весьма далеки от совершенства. Люди, тешащие себя мыслью, что они лучше других, непременно окажутся хуже их и кончат плохо, а тот, кто мнит себя изысканным и намеренно выказывает свою привязанность к изящному даже в самую неподходящую минуту, перестает быть самим собой и выглядит неискренним. Как может судьба оказаться к ним благосклонной?» [Мурасаки Сикибу. Дневник, 2000, С. 121].

Сэй Сё:нагон была дочерью поэта Киёвара-но Мотосукэ 清原元輔 (908–990) (один из пяти составителей антологии «Госэнвакасю:» и «тридцати шести бессмертных поэтов»): *Сэй* — китайское чтение первого иероглифа имени Киёвара, *Сё:нагон* — придворный чин (младший советник). Персонажи «Мумё:дзо:си» утверждают, что мать писательницы — Хигаки-но О:на, однако, это всего лишь предположение. Автор «Записок без названия» исходит, вероятно, из упоминания в ряде источников («Ямато моногатари», «Госэнвакасю:», «Хигаки-но О:насю:») о том, что, Киёвара-но Мотосукэ имел якобы связь с Хигаки-но

О:на, когда занимал должность управителя провинции Хиго (Хиго-но ками 肥後守).

Родилась Сэй Сё:нагон примерно в 964–966 гг., жила в провинции Суо (центральная часть Японии), управителем которой был в то время ее отец. В 978 г. семья вернулась в столицу, где через несколько лет писательница стала женой Татибана-но Норимицу, управителя провинции Сурута. У них родился сын, но брак оказался недолгим, как и второй брак Сэй Сё:нагон с Фудзивара-но Санэтако. С 993 по 1001 г. она служила при дворе в свите императрицы Тэйси. Когда Тэйси умерла, Сэй Сё:нагон ушла с придворной службы и вышла замуж за Фудзивара-но Мунэё, управителя провинции Сэтцу, который вскоре скончался. Его вдова вернулась в столицу, постриглась в монахини и последние годы жизни провела в бедности и одиночестве [Хрестоматия по истории японской литературы, 2001, Т. 1, С. 25–26].

⁴⁹¹ *Итидзё: Ин* 一条院 — император Итидзё: (968–1008, правил с 986 по 1011 г.), сын Энъю: 円融 (959–991, правил с 969 по 984).

⁴⁹² *Нака-но Кампаку* 中関白 — Фудзивара-но Мититака 藤原道隆 (953–995). Стал регентом (*кампаку* 関白) в 990 году. Отец императрицы Тэйси.

⁴⁹³ *Ко:тайго:гу*: 皇太后宮 — скорее всего, имеется в виду не императрица-мать *ко:тайго:*, а императрица-супруга *ко:го*: 皇后, т. е. Тэйси, супруга императора Итидзё:, дочь Фудзивара-но Мититака.

⁴⁹⁴ «Записки у изголовья» — см. прим. 51.

⁴⁹⁵ *Мотосукэ* 元輔 — героини «Мумё:дзо:си» подчеркивают здесь, что отцом Сэй Сё:нагон был прославленный поэт Киёвара-но Мотосукэ (см. прим. 490), на фоне поэтического наследия которого стихотворения его дочери выглядят не в лучшем свете.

⁴⁹⁶ В четвертую императорскую антологию «Госю:ивакасю:» 後拾遺和歌集 (см. прим. 460) было включено лишь два стихотворения, подписанных именем Сэй Сё:нагон.

⁴⁹⁷ *Испросив на то разрешение* (申し言ひて, Мо:сикоитэ) — т. е. Сэй Сё:нагон попросила императрицу Тэйси не поручать ей сочинение стихотворных посланий. Вот как пишет об этом сама писательница в своих «Записках без названия»:

«Два дня спустя мы стали вспоминать нашу поездку.

— А вкусные были побеги папоротника! Помните? Господин Акинобу еще говорил, что собирал их собственными руками, — сказала госпожа Сайсё:.

Государыня услышала нас.

— Так вот что осталось у вас в памяти! — воскликнула она со смехом.

Императрица взяла листок бумаги, какой попался под руку, и набросала последнюю строфу танки:

Папоротник молодой —
Вот что в памяти живет.

— А теперь сочини первую строфу, — повелела императрица.

Воодушевленная ее стихами, я написала:

Голосу кукушки
Для чего внимала ты
В странствии напрасном?

— Неужели, Сё:нагон, — весело заметила императрица, — тебе не совестно помянуть кукушку хоть единым словом? Ведь у вас, кажется, другие вкусы.

— Как, государыня? — воскликнула я в сильном смущении. — Отныне я никогда больше не буду писать стихов. Если каждый раз, когда нужно сочинять ответные стихи, вы будете поручать это мне, то, право, не знаю, смогу ли я оставаться на службе у вас. Разумеется, сосчитать слоги в песне — дело нехитрое. Я сумею, коли на то пошло, весною сложить стихи о зиме, а осенью о цветущей сливе. В семье моей было много прославленных поэтов, и сама я слагаю стихи, пожалуй, несколько лучше, чем другие. Люди говорят: «Сегодня Сэй Сё:нагон сочинила прекрасные стихи. Но чему здесь удивляться, ведь она дочь поэта». Беда в том, что настоящего таланта у меня нет. И если б я, слишком возомнив о себе, старалась быть первой в поэтических состязаниях, то лишь покрыла бы позором память моих предков.

Я с полной искренностью открыла свою душу, но государыня только улыбнулась:

— Хорошо, будь по-твоему. Отныне я не стану больше тебя приневоливать.

— От сердца отлегло. Теперь я могу оставить поэзию, — сказала я в ответ.

[Сэй Сё:нагон. Записки у изголовья, 1999; дан 99, С. 216–218].

⁴⁹⁸ *Государыня* (Мия 宮) — императрица Тэйси.

⁴⁹⁹ *Смерть господина Кампаку* (関白殿失せさせたまひ, Кампакудоно усэсасэтамай) — речь идет о кончине отца Тэйси, регента Фудзивара-но Мититака в 995 году. Его дочери было тогда 20 лет.

⁵⁰⁰ *Ути-но Отодо* 内大臣 — старший брат Тэйси — Фудзивара-но Корэтика 藤原伊周 (974–1010), который в 996 году был смещен с должности Внутреннего министра и отправлен на Цукуси в чине управителя (*цукуси-но соти* 筑紫の帥) в результате действий устремившегося к власти Фудзивара-но Митинага 藤原道長 (966–1027). Пострадал также и младший брат Тэйси, средний советник Фудзивара-но Такаиз 藤原隆家; он был отправлен из столицы в провинцию Тадзима 但馬.

Ситуация разворачивалась следующим образом. Фудзивара-но Канэиз (929–990) обеспечил себе и своим сыновьям (Мититака, Митиканэ и Митинага) верховное положение в государстве (его младшая дочь Сэнси в 980 г. родила императору Энью первенца, будущего государя Итидзё:, при котором Канэиз стал регентом). После смерти Канэиз в 990 году Мититака, к которому перешло звание регента, а затем канцлера, отдал в покой императора Итидзё: свою дочь Тэйси, сделал супругой наследного принца свою вторую дочь и назначил сына Корэтика внутренним министром. Однако в 995 году Мититака неожиданно умер. Скончался и Митиканэ. Таким образом, Митинага остался один, подавил сопротивление Корэтика и захватил власть на три десятилетия. В 999 году он отдал во дворец старшую дочь Сё:си (см. прим. 57). Тогда же у ее соперницы Тэйси родился сын, первенец императора Итидзё:, но, поскольку поддержки при дворе она лишилась (отец Мититака и дядя Митиканэ умерли, братья Корэтика и Такаиэ были изгнаны из столицы), ей пришлось покинуть дворец (к тому моменту Митинага сумел настроить против нее и императрицу-мать Сэнси, и императора Итидзё:) и стать монахиней. Императрицей-супругой была объявлена Сё:си.

⁵⁰¹ По некоторым данным, последние годы Сэй Сё:нагон прошли в провинции Ава 阿波.

⁵⁰² *Но:си* 直衣 — повседневная одежда сановников высших рангов. Состояла из верхнего платья и шаровар, приспособленных у шиколотки шнурами [см. Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 106–107].

⁵⁰³ *Ко Сикибу-но Найси* 小式部内侍 (996/998–1025) — поэтесса, дочь прославленной Идзуми Сикибу, рожденная ею в первом браке с Татибана-но Митисада 橘道貞. Идзуми Сикибу и Татибана-но Митисада связали себя брачными узами между 996 и 999 гг. Идзуми Сикибу уехала с мужем в провинцию Идзуми, куда он был назначен управителем (оставался в этой должности до 1002–1003 гг.). Там, в промежутке между 996–998 гг. у них родилась дочь, получившая позже прозвище Ко Сикибу-но Найси. Ее поэтическое творчество было связано с придворной службой в свите императрицы Сё:си (см. прим. 57), куда вместе с матерью она поступила в 1009 году.

Первым мужем Ко Сикибу-но Найси был сын Фудзивара-но Митинага, канцлер Норимити 藤原教通 (997–1075). У них родился сын. Второй брак поэтесса заключила с Фудзивара-но Киннари 藤原公成, которому она тоже родила сына и умерла родами в 1025 году. Было ей тогда всего 27 или 28 лет. Стихотворения Ко Сикибу-но Найси есть во всех поэтических антологиях после «Госю:исо:».

В поэтическом сборнике ее матери «Идзуми Сикибу сю:» мы находим немало стихотворений, проникнутых глубокой скорбью по умершей дочери. Вот одно из них:

После того как этот мир покинула Ко Сикибу, я отдала в монастырь свою любимую шкатулку, чтобы заплатить за чтение сутр...

«Тоскую, люблю» —

О, если б могла ты услышать

Мой отчаянный зов...

Бью в колокол снова и снова

Не в силах забыть и на миг...

[Идзуми Сикибу, 2004, Разное, С. 120]

⁵⁰⁴ Императрица Сё:си принимала активное участие в судьбе Ко Сикибу-но Найси еще и потому, что их связывали тесные родственные узы — молодая поэтесса приходилась женой ее брату, и дети ее были племянниками императрицы. Когда Ко Сикибу скончалась, Сё:си не могла не разделять горе ее матери, Идзуми Сикибу, которая также отразила это в своем поэтическом сборнике:

Прислуживая при дворе, Ко Сикибу-но Найси часто надевала парадное платье с узором из листьев хаги в каплях росы. Когда она покинула этот мир, государыня Дзё:то:мон Ин изволила попросить у меня это платье, и я преподнесла ей его, сопроводив такой песней...

Непрочна роса.

Но видишь — сверкает, как прежде,

На листьях хаги.

С чем же сравнить угасшую

В одно мгновение жизнь?

Государыня ответила:

Могла ли я думать,

Что останется нам на память

Лишь эта роса

На рукавах. Ах, никогда

Им теперь не просохнуть...

[Идзуми Сикибу, 2004, Разное, С. 121]

⁵⁰⁵ *Господин О:нидзё*: 大一条殿 — первый муж Ко Сикибу-но Найси — Фудзивара-но Норимити (см. прим. 503).

⁵⁰⁶ *Почитаемые монахи* (やむごとなき僧, Ямуготонаки со:) — первенец Ко Сикибу от Фудзивара-но Норимити стал в будущем монахом Дзё:эн 静円 (1016–1074). Второй сын поэтессы и Фудзивара-но Киннари — монахом Райнин 頼仁 (1025–?).

⁵⁰⁷ Данное стихотворение Ко Сикибу-но Найси встречается, в частности, в сборнике прозы *эцува* «Коконтёмондзю:» (古今著聞集, «Собрание старого и нового, известного и услышанного»), составленном в 1254 году придворным чиновником Татибана-но Нарисуэ 橘成季 (ум. в 1272 г.). Этот сборник построен по образцу императорских поэтических антологий, две трети *эцува* относятся к эпохе Хэйан и проникнуты духом ностальгии по минувшему, при этом многие сюжеты заим-

ствованы из хэйанских дневников. Часто «Коконтёмондзю:» называют «последним сборником *сэцува* в аристократической традиции» [Горе-гляд, 2001, С. 268].

Во второй строке стихотворения Ко Сикибу-но Найси использует омонимическую метафору глагола «ику» 行く (*ику*, «идти») ассоциируется с 生く (*ику*, «жить»).

⁵⁰⁸ Садаёри-но Тю:нагон 定頼中納言 — сын известного поэта Фудзивара-но Кинто: — Фудзивара-но Садаёри 藤原定頼 (995–1045). Также был поэтом.

⁵⁰⁹ Во время отсутствия матери Ко Сикибу-но Найси, Идзуми Сикибу, находившейся с супругом в провинции Танго 丹後, в столице было устроено поэтическое состязание. Представленные Ко Сикибу стихотворения вызвали подозрения у советника Садаёри: является ли их автором она или ее мать, к которой Ко Сикибу направила слуг, чтобы получить *танка*. Девушка немедленно осадил Садаёри, усомнившегося в ее поэтическом таланте, остроумным стихотворением, которое процитировали дамы «Записок без названия». Использованные ею в песне топонимы — «Икуно» 生野 и «гора О:э» 大江山 — находились в провинции Танго, где в тот момент жила Идзуми Сикибу. Это стихотворение также можно обнаружить в сборнике «Коконтёмондзю:» [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 269, прим. 18; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 98–99, прим. 6].

⁵¹⁰ Идзуми Сикибу 和泉式部 (979(?)–1030(?)) — почитается одним из трех гениев хэйанской литературы наряду с Сэй Сё:нагон и Мурасаки Сикибу и одной из самых красивых женщин своего времени. Вокруг имени прославленной поэтессы наслоилось большое количество легенд, псевдофактов и сплетен благодаря той роли, которую она сыграла в общественной и культурной жизни своей эпохи. Примерами довольно вольной интерпретации некоторых фактов ее биографии могут служить повести из сборника «Стародавние повести» («Кондзяку моногатари» 今昔物語, XI в.) и несколько *отогидзоси* — новелл XIV–XVI вв., одна из которых даже объявляет поэтессу дочерью знаменитой писательницы Мурасаки Сикибу, почти сверстницы ее [Горегляд, 1975, С. 86]. Идзуми Сикибу прославилась своим поэтическим талантом, а события ее бурной личной жизни, привлекавшие внимание хэйанского аристократического общества, часто служили основой для литературных сюжетов в последующие века. Ее великолепные стихотворения в жанре *танка* включались в различные поэтические антологии. До наших дней дошло около полутора тысяч ее *танка* и прозаический «Дневник Идзуми Сикибу» («Идзуми Сикибу никки» 和泉式部日記). Вот как пишет о ее поэтическом таланте Мурасаки Сикибу в своем «Дневнике», допуская, однако, и некоторые колкости: «... кисть ее обладает легкостью и настолько искусна, что самые заурядные слова приобретают блеск. Ее стихи превосходны. Ее знание старых песен и суждения относительно стихов далеки от совершенства, однако в ее собственных стихах всегда есть что-то необыч-

ное и чарующее... Стихи у нее рождаются естественно — такова она» [Мурасаки Сикибу, 2000, С. 120].

Исследователи биографии Идзуми Сикибу отмечают, что из источников, появившихся при жизни писательницы и позволяющих узнать какие-либо подробности ее судьбы, можно назвать лишь: 1) «Записки канцлера Мидо:» («Мидо: кампаку ки» 御堂関白記) — многотомный дневник Фудзивара-но Митинага. В одной из записей, от 9 февраля 1018 года, Митинага называет писательницу Ко Сикибу 江式部 (Ко — японизированное китайское чтение иероглифа 江, входящего вторым компонентом в фамилию О:э 大江, которую носил ее отец); 2) «Собрание стихотворений Акадзомэ Эмон» («Акадзомэ Эмон сю:» 赤染衛門集). Поэтесса Акадзомэ Эмон, будучи женой дяди Идзуми Сикибу по отцу, известного ученого и поэта О:э Масахира 大江匡衡 (952–1012), была связана с ней дружескими отношениями. В сборнике стихов Акадзомэ Эмон присутствует *танка*, предваренная словами, среди которых встречается имя «Дочери Масамунэ» (то есть пятистишие было обращено к ней), а за стихотворением следует ответ, автор которого обозначен как «ее старшая сестра, Идзуми Сикибу». Стихотворение это, адресованное дочери О:э-но Масамунэ, написал Фудзивара-но Такатика, сын Акадзомэ Эмон и О:э Масахира; 3) Третья императорская антология «Сю:ивакасю:», в которую было включено знаменитое стихотворение Идзуми Сикибу «Кураки ёри...», обозначенное как творение «Сикибу, дочери Масамунэ» (Масамунэ га мусумэ Сикибу) [The Izumi Shikibu Diary, A Romance of the Heian Court, Translated with an Introduction by Edwin A. Cranston, Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts, 1969, С. 6; Гоперляд, 1975, С. 86].

Таким образом, Идзуми Сикибу — дочь О:э-но Масамунэ 大江雅致, чиновника, значительную часть жизни проводившего в разных провинциях на должности управителя, иногда приезжавшего в столицу встретиться со своими придворными покровителями и несколько лет послужить в невысокой должности при дворе. Род О:э славился своей ученостью. Особенно большой известностью во времена Идзуми Сикибу пользовался О:э-но Масахира. Точная дата рождения писательницы неизвестна, разными исследователями называется 966, 968, 974, 977 и 979 год как возможный год ее рождения. Год смерти — также лишь предположение: считают, что это 1030 год, поскольку позднее ее имя перестает фигурировать на поэтических турнирах. Детское имя Идзуми — Омотомаро 御許丸. А позднее, когда ее отец служил некоторое время в столичном Ведомстве церемоний (Сикибусё: 式部省) в должности Сикибу-но сукэ, она получила прозвище Сикибу, дочь Масамунэ. Ее семья относилась к средней аристократии и была связана с двором императрицы Сё:си (Масако) 昌子, супруги экс-императора Рэйдзэй (950–1011, правил с 967 по 969), который к моменту рождения Идзуми Сикибу уже отрекся от престола и потерял свое влияние. О:э-но Масамунэ занимал также в столице пост старшего канцелярского чиновника в свите Сё:си, а затем — управителя провинции Этидзэн.

Мать Идзуми Сикибу была дочерью управителя провинции Эттю, Тайра-но Ясухира 平保衡. Она также состояла на службе в свите Сё:си, по одной из версий, была кормилицей императрицы. Именем ее служил титул Сукэ-но Найси. Таким образом, Идзуми Сикибу росла при дворе и, очевидно, была вхожа во дворец Сё:си.

Предположительно между 996 и 999 гг. поэтесса вышла замуж за знакомого своего отца, Татибана-но Митисада. На момент заключения брака Митисада было около 30 лет, а Сикибу — 18 или 19. В 999 году ее супруг был назначен управителем провинции Идзуми, после чего дочь Масамунэ стали называть Идзуми Сикибу и подписывать этим именем ее *танка* в поэтических антологиях. У них родилась дочь, известная под именем Ко Сикибу-но Найси (см. прим. 503). Параллельно Митисада имел пост при дворе Сё:си, но, пока он находился в провинции, его резиденцию в столице занимал Масамунэ. И потому Идзуми, которая через несколько лет после пребывания вдалеке от столицы возвратилась обратно, стала жить, очевидно, вместе с отцом в этой резиденции.

Перед тем, как она отправилась со своим мужем на его новое место службы, тяжело заболела Сё:си, которая в конце 999 г. переехала из своего дворца в дом Татибана-но Митисада, где умерла в январе 1000 г. Здесь ее часто навещал принц Тамэтака (977–1002), сын Рэйдзэй и его второй супруги, дочери Фудзивара-но Канзэй — Тё:си (Юкико) 超子 (у них было трое сыновей — принцы Иясада, Тамэтака и Ацумити; Тё:си умерла рано (982 г.) и, по некоторым сведениям, два младших принца воспитывались в доме принцессы Сё:си). Вероятно, Идзуми Сикибу вступила в любовную связь с Тамэтака после смерти Сё:си. После чего она больше уже не возвращалась к Митисада, с которым окончательный разрыв произошел где-то в 1004 году, когда он уехал на новое место службы — в провинцию Муцу. Реакция родителей Идзуми на ее связь с принцем Тамэтака была, очевидно, достаточно резкой. Некоторые из стихотворений указывают на ее переживания, связанные с временной разлукой с родителями [Крэнстон, 1969, С. 11].

Если верить свидетельствам современников, Тамэтака «был таким пылким любовником, что не обращал внимания даже на свирепствовавшую в то время эпидемию чумы и пробирался к дому Идзуми по улицам, заваленным разлагающимися трупами» [Кин Д. Странники в веках. М., 1996, С. 32]. Очевидно, Принц заразился одной из болезней, распространившихся в то время, и в 1002 г. в возрасте 25 лет неожиданно скончался. Жена Принца ушла в монахини, а Идзуми Сикибу облачилась в траурные одежды, которые по обычаям тех времен не снимала в течение года. Перед самым истечением этого срока (летом 1003 г.) у нее завязывается переписка с принцем Ацумити (981–1007), который смог добиться ее любви. Весьма скандальное поведение имевшего довольно высокое положение в обществе Ацумити (младший брат наследника престола, будущего императора Сандзё: (976–1017, правил с 1011 по 1016)), который оставил одну из своих жен (среднюю дочь Фудзивара-но Наритоки (941–995)), был связан с женщиной, имевшей

отношение к преждевременной кончине Тамэтака, беспрестанно делало его (как и Идзуми) мишенью для придворных сплетней. В «О:кагами» повествуется о том, как во время праздника Камо (1005 г.) принц Ацумити демонстративно поместил Идзуми в задней части своей кареты, так что ее длинное платье выплеснулось наружу. А широкая красная бумажная лента, означавшая «удаление от скверны», приколотая к ее юбке-хакама, свисала до самой земли. Эта картина привлекла больше внимания, чем сама праздничная процессия [О:кагами, 2000, Свиток IV, С. 120].

Кульминацией «Дневника Идзуми Сикибу» является запись о том, что Ацумити тайно поселяет ее в своем доме к великому огорчению его первой жены, которая, узнав о случившемся, объявила о своем намерении отправиться в родительский дом. Идзуми оставалась в доме принца до самой его смерти, которая неожиданно последовала после короткой болезни в 1007 г. В то время ему было 27 лет, а Идзуми около 29. После его смерти поэтесса излила горечь своей потери во многих своих стихотворениях (до наших дней дошло 122 *танка*, которые она посвятила принцу в тот период).

В начале 1009 г. Идзуми с дочерью Ко Сикибу была принята в свиту императрицы Сё:си (см. прим. 57), дочери Фудзивара-но Митинага, который собрал вокруг Сё:си самых блестящих женщин того времени. Очевидно, к Идзуми Сикибу со временем пришло умиротворение, она стала находить удовольствие в придворной жизни, писала много стихов. Именно в эти годы появился ее «Дневник». Примерно через три-четыре года она вышла замуж за Фудзивара-но Ясумаса 藤原保昌 (958–1036), которому покровительствовал Митинага (Ясумаса был его домоуправителем), и уехала с ним по месту его службы — в провинцию Танго (Ясумаса последовательно занимал должность управителя в провинциях Хиго, Ямато, Танго и Сэтцу). О двух последних десятилетиях жизни поэтессы почти ничего неизвестно. Как долго она была в браке с Ясумаса, с которым в итоге разошлась, точно неясно, но, исходя из содержания одного из отрывков «Эйга моногатари», можно сделать вывод о том, что в 1027 г. она еще была его женой [Крэнстон, 1969, С. 17]. Сам Ясумаса дожил до 79 лет и умер в 1036 году. Стихотворений, написанных на его смерть Идзуми Сикибу нет, поэтому, скорее всего, поэтесса умерла раньше.

⁵¹¹ *Кибунэ* 貴船 — местность к северо-западу от Киото, где располагался синтоистский храм Кибунэдзиндзя 貴船神社.

⁵¹² *Ясумаса* 保昌 — Фудзивара-но Ясумаса, последний муж Идзуми Сикибу (см. прим. 510).

⁵¹³ Идзуми Сикибу, 2004, Разное, С. 112. Прозаическим вступлением к данному стихотворению служит следующая запись: «Однажды, когда меня забыл один человек, я отправилась в Кибунэ и, увидев светячков, летающих над рекой Митараси, сложила...» (男に忘れられて侍りけるころ、貴船に参りて、御手洗川に蛍の飛び侍りけるを見て詠める、オトoko ни васуруарэтэ хабэрикэру

коро, кибунэ ни маиритэ, митарасигава ни хотару но тобихабэрикэру о митэ ёмэру) [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 270, прим. 5]. Оно помещено также в сборники *сэцува* «Коконтёмондзю:», «Дзиккинсё:» 十訓抄 и др.

⁵¹⁴ Идзуми Сикибу, 2004, Разное, С. 112. Это стихотворение трактуется традицией как ответ, данный Идзуми Сикибу богом Кибунэ. В «Госю:исю:» встречаем такую запись: «Эта песня — ответ бога Кибунэ. Говорят, будто прозвучал он в ушах Идзуми Сикибу мужским голосом» (この歌は貴船の明神の御返しなり。男の声にて和泉式部が耳聞こえけるとなむ言ひ伝へたる, Коно ута ва кибунэ но мё:дзин но оказэси нари. Отоко но коз нитэ идзуми сикибу га мими кикокэру то наму иицутаэтару) [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 270, прим. 6].

⁵¹⁵ Идзуми Сикибу, 2004, Разное, С. 121. Помимо «Идзуми Сикибу сю:», данное стихотворение можно также обнаружить в антологии «Кингё:сю:», № 660 (см. прим. 462).

⁵¹⁶ Идзуми Сикибу, 2004, Разное, С. 122. Стихотворение, помещенное также в антологию «Госю:исю:», № 568, предваряют слова: «После того как скончалась Ко Сикибу-но Найси, увидела внуков и сложила...» (小式部内侍亡くなりて、むまごどもの侍りけるを見て詠み侍りける, Ко сикибу но найси наку наритэ, мумаго домо но хабэрикэру о митэ ёмихабэрикэру) [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 271, прим. 10].

⁵¹⁷ Данное стихотворение, возможно, не принадлежит Идзуми Сикибу. Оно включено в собрание «Сю:исю:», № 545, где подписано именем матери Минамото-но Сигэюки (Минамото-но Сигэюки-но Хаха 源重之母). Также оно встречается в личном собрании Минамото-но Сигэюки — «Минамото-но Сигэюки сю:» 源重之集.

⁵¹⁸ Это стихотворение (см. прим. 48) Идзуми Сикибу послала монаху Сё:ку: Сё:нин 性空上人 (917(?)–1007), основавшему в местности Харима на горе Сёсядзан 書写山 монастырь секты Тэндай, Энкё:дзи 円教寺. Стихи Сё:ку: Сё:нин, или как его еще называли, отшельника из Харима, есть во многих поэтических сборниках.

⁵¹⁹ *Мия-но Сэндзи* 宮の宣旨 — дочь Тайра-но Корэнака 平惟仲, автор небольшого количества *танка*. Годы ее жизни неизвестны. Была придворной дамой в свите принцессы Кэнси 妍子 (см. прим. 562), супруги императора Сандзё: 三条 (976–1017, правил с 1011 по 1016). Первым ее мужем стал Митимаса 道雅, помощник наследника престола (*то:гу:но сукэ* 東宮亮). Ему она родила сына и дочь. Однако супруги расстались, после чего Мия-но Сэндзи поступила на службу к императрице Кэнси. В «О:кагами» о ней сказано следующее: «Что до дочери [Корэнака], то по неизвестной причине она тайком бежала [из дома мужа], явилась ко двору нынешней императрицы-супруги *ко:тайго:* [Кэнси] и служила под именем Ямато-но Сэндзи. Стало быть, нельзя доверять жене, хоть и прожил с ней долгие годы. Вот такие-то и обманывают мужей, выставляя их на посмешище» [О:кагами, 2000, Свиток IV,

С. 129]. При дворе она знакомится с Фудзивара-но Норитада 藤原義忠, управителем Ямато, становится его женой и рождает ему сына. Называть ее стали Ямато-но Сэндзи 大和の宣旨. Также она известна под именем Миарэ-но Сэндзи 御荒の宣旨, которое мы встречаем в сборнике *сэцува* «Кохонсэцувасю:» 古本説話集, в исторической повести «Эйга моногатари» 栄花物語 и в других сочинениях. В частности, в «Кохонсэцувасю:» про нее сказано следующее: «Придворная дама императрицы-супруги во время правления Сандзё: Ин, ныне — императрицы-матери. Ее также называли Ямато-но Сэндзи» (三条院の御時の后、皇太后宮と申したるが女房なり。大和の宣旨とも申しけり, Сандзё: ин но о:нтоки но кисаки, ко:тайго:гу: то мо:ситару га нё:бо: нари. Ямато но сэндзи томо мо:си-кэри). В «Мумё:дзо:си» она названа Мия-но Сэндзи. Возможно, это сокращение от ее звания — Ко:тайго:гу:- но Сэндзи 皇太后宮の宣旨 → 宮の宣旨 (Мия-но Сэндзи) [Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 183–184].

⁵²⁰ *Садаёри-но Тю:нагон* 定頼中納言 — см. прим. 508, 509.

⁵²¹ Это стихотворение Мия-но Сэндзи помещено в антологию «Госю:исю:», № 735. Также оно встречается в сборнике «Кохонсэцувасю:».

⁵²² Данное пятистишие имеется в «Кохонсэцувасю:».

⁵²³ *Танка* включена в собрание «Госю:исю:», № 809 и сборник «Кохонсэцувасю:».

⁵²⁴ *Акадзомэ* 赤染 — поэтесса Акадзомэ Эмон 赤染衛門 (957(?)–1054(?)), придворная дама свиты Дзё:то:мон Ин (см. прим. 57). Отец — Акадзомэ-но Токимоти 赤染時用. Вначале прислуживала супруге Фудзивара-но Митинага, затем была назначена нё:бо: его дочери — Дзё:то:мон Ин. Ее придворное прозвище состоит из родовой фамилии и части служебного звания ее отца — Сазмон-но Ками 左衛門督. Выйдя замуж за ученого и поэта О:э-но Масахира, Акадзомэ Эмон породнилась с известным своей ученостью и достижениями в поэтическом творчестве родом О:э 大江 (среди предков семьи был О:э-но Тисато 大江千里, один из ведущих поэтов «Кокинвакасю:») и стала, ко всему прочему, женой дяди своей приятельницы Идзуми Сикибу по отцу (см. прим. 510). Вот как Идзуми Сикибу пишет в своем «Дневнике» об Акадзомэ Эмон: «Супруга управителя земли Тамба известна в окружении государыни и Митинага под именем Масахира Эмон. Ничем особенным она не выделяется, но стихи ее отличает настоящий вкус, и она не считает нужным складывать их по любому поводу — только потому, что ее считают за сочинительницу. Насколько я знаю, все ее стихи весьма хороши — даже вещи, сочиненные по самому пустяковому поводу. С грустью и сожалением думаю я о тех, кто почитает себя искусным стихотворцем, а на самом деле не может толком соединить третью строку с четвертой и грешит безвкусием» [Мурасаки Сикибу. Дневник, 2000, С. 120]. Стихотворения Акадзомэ Эмон составили ее частный сборник «Акадзомэ Эмон сю:» 赤染衛門集. Кроме этого, боль-

шинство исследователей «Эйга моногатари» приписывают ей создание первых тридцати книг этого исторического повествования [подробнее об этом: Горегляд, 2001, С. 183–184].

⁵²⁵ *Ждать в столице осталась тебя...* (まつとはとまる人や言ひけむ, Мацу то ва томару хито я иикэму) — строки из стихотворения Акадзомэ Эмон, помещенного в ее личное поэтическое собрание «Акадзомэ Эмон сю:», № 83:

На о кики ни	Та, что призывает
Нагаисинубэси	Имя твоё,
Сумиёси но	Ждать в столице осталась тебя;
Мацу то ва томару	Разлучили надолго нас
Хито я иикэму	Сосны Сумиёси.

Эта *танка* поэтессы послужила ответом на послание ее супруга О:э-но Масахира, который находился в тот момент в провинции Сэтцу. В стихотворении Акадзомэ Эмон использует старое название этой провинции — Сумиёси, намекая на местопребывание мужа. Слово «мацу» まつ может быть прочитано как «сосна» 松 и «ждать» 待つ [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 272–273, прим. 12; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 102, прим. 3].

⁵²⁶ *Исэ-но Таю:* 伊勢大輔 (987(?)–1063(?)) — поэтесса, одна из блистательных фрейлин свиты Дзё:то:мон Ин (см. прим. 57). Отцом ее был О:на-катоми-но Сукэтика 大中臣輔親, мужем — Такакина-но Наринобу 高階成順. Ее стихотворения помещены в известные антологии, имеется также личный сборник «Исэ-но Таю: сю:» (伊勢大輔集, «Собрание Исэ-но Таю:»).

⁵²⁷ *Встретиться трудно с тобой у вод моря О:ми...* (近江の海にかたからめ, О:ми но уми ни катакарамэ) — строки из стихотворения Исэ-но Таю:, адресованного мужу Такакина-но Наринобу, уединившемуся в храме Исияма:

Мирумэ косо	Встретиться
О:ми но уми ни	Трудно с тобой
Катакарамэ	У вод моря О:ми...
Фуки дани каэ э	Пусть хоть ветер, что дует из Сига,
Сига но уракадзэ	Принесет мне весть о тебе.

Храм Исияма, где пребывал супруг Исэ-но Таю:, располагается в провинции Сига 志賀, где находится озеро Бива, названное поэтессой в своем пятистишии морем О:ми 近江の海. Данное стихотворение помещено в антологию «Госю:исю:», № 717 [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 273, прим. 14; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 102, прим. 4].

⁵²⁸ *Исэ-но Миясудокоро* 伊勢の御息所 (877(?)–940(?)) — поэтесса, одна из числа «тридцати шести бессмертных поэтов». Дочь Фудзивара-но Цугикагэ 藤原継隆, который был управителем Исэ с 885 по 890 г.; так возникло прозвище поэтессы — Исэ. Служила при дворе императрицы Онси 温子, супруги императора Уда 宇多 (867–931, правил с 887 по 897 г.). После драматического романа с Фудзивара-но Накахира 藤原仲

平, стала наложницей императора Уда, которому родила сына, принца Юкиакира 行明 (926–948). Этим объясняется наличие в ее прозвище звания *миясудокоро*, «служительницы императорской опочивальни». Так называли *нэ:го*, имевших детей императорской крови и пользовавшихся особым расположением государя. После отречения Уда от престола у Исэ-но Миясудокоро завязалась новая любовная связь с четвертым сыном Уда — принцем Ацуёси 敦慶親王, от которого поэтесса родила дочь. Ряд ее стихотворений (22) вошли в первую императорскую антологию «Кокинсю:» и другие официальные поэтические собрания. Также стихи поэтессы составили ее личный сборник «Исэ сю:» (伊勢集, «Собрание Исэ»).

⁵²⁹ *Государь-инок Кампё: изволил отвернуться от всего мирского* (寛平法皇世をそむかせおはしまして, Кампё: хо:о: ё о сомукасэ овасимаситэ) — имеется в виду император Уда, годы правления (887–897) которого практически совпали с годами под девизом Кампё: (889–898). Уда отрекся от престола в 897 году и принял постриг двумя годами позже — в 899 году.

⁵³⁰ В «О:кагами» есть такой отрывок, передающий настроение Исэ во время описываемых событий: «[Я], старец, не буду так многословен, как господин [Ёцуги]. Может быть, это и покажется повторением, но могу рассказать о том, что помню необыкновенно ясно, — о всех событиях, [что произошли], когда отрекались от престола Кампё: [Уда] и Энги [Дайго]. Люди говорят, что песня госпожи Исэ, написанная тогда на стене покоев Кокидэн, была исполнена печального очарования.

Вот расстаемся с ними,
И не сожалеет никто
Из этих придворных ста рангов.
Но что я не увижу их больше —
Все же как-то печально».

Это стихотворение Исэ-но Миясудокоро написала, когда Уда отрекся от престола, и придворные вслед за ним покидали дворец [О:кагами, 2000, Свиток VI, С. 167, 252, прим. 23].

⁵³¹ *Государь Энги* — так именовали императора Дайго, сына Уда, поскольку годы его правления (897–930) частично совпали с годами под девизом Энги (901–923).

⁵³² *Корэхира-но Тю:дзё:* 伊衡中将 — Фудзивара-но Корэхира 藤原伊衡 (876–938), третий сын поэта «Кокинсю:» Тосиюки. Занимал небольшие должности при дворе, был известным поэтом. Должность второго военачальника *тю:дзё:* 中将 занимал с 926 по 934 г.

⁵³³ *Церемония надевания хакама юному принцу* — обряд надевания *хакама* (*хакамаги* 袴着) — широкие штаны, неременный атрибут мужской и женской одежды в эпоху Хэйан — совершался, когда ребенку исполнялось 3–4 года. Главная роль в этой церемонии отводилась завязывающему пояс (*косию* 腰結). Если в *хакама* облачали

принца или принцессу, роль завязывающего пояс выполнял сам император. *Хакама* для обряда присылали самые знатные родственники [Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 73].

⁵³⁴ Это пятистишие Исэ-но Миясудокоро вошло в поэтическое собрание «Сю:ивакасю:», № 49. Также оно встречается в частном собрании поэтессы «Исэ сю:» и в сборнике «Кингёкусю:».

⁵³⁵ *Господин Хакуга Третьего ранга* (博雅三位, Хакуга-но самми) — Минамото-но Хиромаса 源博雅 (918–980) — сын принца Кацуакира 克明親王, внук императора Дайго. Известный музыкант.

⁵³⁶ *Сэмимаро* 蟬丸 — прославившийся своей игрой на *бива* слепой музыкант. Годы жизни неизвестны. Традиция считает, что был он сыном императора Уда, по другой версии — прислуживал принцу Ацуми 敦実親王, восьмому сыну Уда, который также был известным знатоком игры на *бива*. Согласно легенде, Минамото-но Хиромаса провел у Сэмимаро, который жил неподалеку от Заставы свиданий (не раз воспевавшаяся в стихах Застава свиданий (*О:сака-но сэки* 逢坂関) находилась на границе провинций О:ми и Ямасиро), много времени, чтобы обучиться секретам игры на лютне *бива*.

⁵³⁷ *Хё:э-но Найси* 兵衛内侍 — придворная дама, как полагают, свиты Дзё:то:мон Ин. Годы жизни неизвестны. Судя по прозвищу, Хё:э-но Найси могла быть одной из распорядительниц женских покоев императорского дворца, т.е. служить в Отделении дворцовых прислужниц (*найси-но цукаса* 内侍司). Также встречается такое ее прозвище, как Хё:э-но Мё:бу 兵衛命婦. *Мё:бу* называли дам Четвертого или Пятого рангов.

⁵³⁸ *При государе Мураками* (村上の御時, Мураками но о:нтоки) — император Мураками правил с 946 по 967 г.

⁵³⁹ *Лютня «Гэндзё:»* 玄上 — именной музыкальный инструмент, передававшийся по наследству и входивший в число сокровищ императорской семьи.

⁵⁴⁰ Эта история описана в «О:кагами», Великий министр Митинага, часть II, [История старых времен]. Правда, главным героем ее в этом историческом сочинении является не Хё:э-но Найси, а некий ее родственник — Хё:э-но Найси-но Госин 兵衛内侍の御親:

«[Ёцуги] сказал:

— Ах, если бы сегодня смог взять ее (свою жену. — Ю. Г.) с собой, она рассказала бы такие вещи, которые поразили бы воображение дам. Поскольку ее покровителем был родитель распорядительницы Хё:э-но *Найси*, она часто навещала дом распорядительницы *найси*.

Некто спросил:

— Кем он был?

— Знаменитым музыкантом — играл на лютне *бива*. Во время состязаний по борьбе был награжден знаменитым *бива* под названием

«Гэндзё» и в августейшем присутствии сыграл «Волны на озере Цинхай». Как это было прекрасно! Даже такой господин, как Хакуга Третьего ранга, не сумел бы так искусно сыграть, а того слышно было до самых ворот Сё:мэймон (я подошел клевой Музыкальной зале и наслаждался). До времени Тэнрюку [Мураками] подобные представления устраивались с истинным великолепием» [О:кагами, 2000, Свиток VI, С. 174]. Если дамы «Мумё:дзо:си» упоминают ворота Ё:мэймон (陽明門, одни из восточных ворот Большого императорского дворцового комплекса Дайдайри 大内裏), то старец Ёцуги «Великого зеркала» — ворота Сё:мэймон (承明門, центральные ворота императорского дворцового комплекса Дайри 内裏).

⁵⁴¹ Великая жрица святилища Камо (Дайсай Ин 大斎院) — дочь императора Мураками, принцесса Сэнси 撰子 (964–1035) (см. прим. 565).

⁵⁴² *Мурасаки Сикибу* 紫式部 (978(?)–1014(?)) — величайшая писательница эпохи Хэйан, автор «Повести о Гэндзи». Настоящее имя ее, как и имена других выдающихся женщин японского средневековья, нам неизвестно. Мурасаки Сикибу — лишь прозвище. *Сикибу*(сё:) означает «департамент церемоний», ведомство, в котором в 984–986 гг. служил отец писательницы. *Мурасаки* — одна из героинь «Гэндзи моногатари», в честь которой стали называть автора повести ее современники. Под этим именем писательница появляется на страницах «Эйга моногатари», там же встречается ее более раннее прозвище — То: Сикибу 藤式部 (То: 藤 — китайское чтение первого иероглифа фамилии Фудзивара 藤原).

О жизни Мурасаки Сикибу мы можем узнать лишь из нескольких источников — «Собрания стихотворений Мурасаки Сикибу» («Мурасаки Сикибу касю:» 紫式部歌集), составленного самим автором, и «Дневника Мурасаки Сикибу» («Мурасаки Сикибу никки» 紫式部日記), охватывающего период ее службы при дворе.

Год рождения писательницы точно не установлен, это может быть 978, 970 или 973 год. Первая половина ее жизни пришлось на то время, когда у власти был Фудзивара-но Канэиз и его старший сын Фудзивара-но Мититака, вторая — совпала с единоличным правлением Фудзивара-но Митинага (см. прим. 500). Среди предков Мурасаки Сикибу есть прославленные поэты: прадед писательницы Фудзивара-но Канэсукэ 藤原兼輔 (877–933), один из «тридцати шести бессмертных поэтов» (55 его стихотворений помещены в различные известные антологии), дед Фудзивара-но Масатада и дядя Фудзивара-но Тамэёри (считается, что он оказал наибольшее влияние на Мурасаки). Наивысший рассвет этого семейства пришелся на времена правления императора Дайго (900–927), наложницей которого была дочь Канэсукэ. Впоследствии члены семьи больше никогда не поднимались так высоко — чаще всего мужчины служили в провинции и не имели рангов, выше Четвертого. Но литературные традиции продолжали поддерживаться — сыном Канэсукэ, Масатада, и внуками — Тамэёри и Тамэтоки.

Второй внук Канэсукуэ, Фудзивара-но Тамэтоки 藤原為時, литератор и ученый, и приходился отцом Мурасаки Сикибу. Служил при дворе императора Кадзан, получил должность в Ведомстве церемоний и звание *куродо* (звание придворных шестого ранга (низшим был восьмой, высшим — первый)). После отречения Кадзан от престола (986 г.) был лишен придворных званий и лишь в 996 году с трудом добился назначения на должность управителя провинции Этидзэн. Через четыре года вернулся в столицу, долго был без должности, пока в 1008 году не получил звание *куродо*. В 1011 году Тамэтоки был назначен управителем провинции Этиго. В 1014 году вернулся в столицу, отказался от должности и принял постриг в монастыре Миидэра. Год его смерти неизвестен. О матери писательницы — дочери Фудзивара-но Тамэнобу 藤原為信 — известно совсем мало. Вероятно, она умерла, когда Мурасаки была еще маленькой девочкой. У нее были две сестры и брат Нобунори. В своем «Дневнике» писательница рассказывает о полученном ею образовании, которое отличалось от обычного женского образования тех времен углубленным изучением китайской литературы: «Когда мой брат, делопроизводитель ведомства церемоний, был еще мальчиком и учился чтению, я приноровилась слушать его. Места, где он запинался или же забывал, я помнила на удивление хорошо, и отец, отдававший книгам все свое сердце, постоянно досадовал: «Какая жалость! Была бы ты мальчиком!» [Мурасаки Сикибу. Дневник, 2000, С. 126].

Детство Мурасаки Сикибу совпало с лучшими годами в карьере ее отца, когда тот служил в Ведомстве церемоний при императоре Кадзан. В провинцию Этидзэн, куда он был назначен после отречения Кадзан от престола, Тамэтоки отправился вместе со своей дочерью. Ее брат Нобунори остался в столице, так как проходил курс обучения. Мурасаки посвятила этому путешествию цикл стихотворений. Однако провинциальная жизнь не пришлась ей по душе, и в 998 году она одна вернулась в столицу, где вскоре вышла замуж за Фудзивара-но Нобутака 藤原宣孝. Он, в то время управитель провинции Тикудзэн, был гораздо старше своей супруги, не раз состоял до того в браке и имел немало детей от предыдущих жен. У них родилась дочь. В провинции Ямасиро и Уса, куда был позже назначен Нобутака, он ездил один, оставляя свою семью в столице. Однако брак Мурасаки оказался недолгим — из Уса Нобутака вернулся в 1000 году, успешно служил при дворе, но весной 1001 года неожиданно скончался. Следующие несколько лет создательница «Повести о Гэндзи» прожила уединенно, а в конце 1005 года (по другим данным — в 1006 или 1007 г.) поступила на придворную службу, став фрейлиной императрицы Дзё:то:мон Ин, дочери Фудзивара-но Митинага — Сё:си (Акико). В «Дневнике» Мурасаки Сикибу довольно подробно описала жизнь двора Сё:си и свое существование в этом мире в 1008–1010 гг. В записях, относящихся к 1008 году, имеется первое упоминание ее прозвища — Мурасаки. В целом они позволяют предположить, что к 1008 году была написана часть «Гэндзи моногатари».

О последних годах жизни писательницы почти нет никаких сведений. Известно, что ее отец в 1011 году вместе с сыном Нобутори отправился в Этиго, где Нобутори умер. В столицу Тамэтоки вернулся в 1014 году, а в 1016 принял постриг. Последние упоминания о Мурасаки и ее последние стихи относятся к 1014 году. Ее дочь, Кэнси, стала поэтессой, известной под прозвищем Дайни-но самми. Она оставила нам личное поэтическое собрание «Дайни-но самми сю:», ее стихотворения — часть многих антологий. По некоторым сведениям, Кэнси была кормилицей принца Такахито, будущего императора Горэйдзэй (1025–1068, правил с 1045 по 1068 г.) [Подробная биография Мурасаки Сикибу: Мурасаки Сикибу, 1991–93, Приложение, С. 16–31].

⁵⁴³ Героини «Записок без названия» высказывают несколько версий появления «Повести о Гэндзи». Согласно первой из них, Мурасаки Сикибу приступила к сочинению своей повести после того, как ушла с придворной службы. Легенда говорит о том, что, получив от Дзё:то:мон Ин соответствующий приказ, писательница уединилась в монастыре Исияма и там, любуясь луной, исчезающей за горными вершинами, начала писать главы «Сума» и «Акаси» (см. прим. 74).

Согласно второй версии, предъявленной дамами «Мумё:дзо:си», Мурасаки сочинила «Гэндзи моногатари» до поступления на службу во дворец, ее повесть стала широко известна в придворных кругах. Придя в свиту Дзё:то:мон Ин, писательница уже имела авторитет во дворце, а называть ее стали в честь полюбившейся придворным героини повести — юной Мурасаки. Возможно, именно создание «Гэндзи» обеспечило Мурасаки место в свите дочери Фудзивара-но Митинага. Последний, стараясь всячески усилить влияние Дзё:то:мон Ин, собирал в ее покоях самое лучшее — от утвари до прислуживающих дам нё:бо:. Растущая популярность повести, вероятно, повлияла на желание Митинага видеть в окружении своей дочери ее талантливого автора. Кроме того, Митинага знал отца Мурасаки и, очевидно, был также наслышан о том, что писательница неплохо разбирается в китайской классике и в этом могла бы стать наставницей Дзё:то:мон Ин. О занятиях с императрицей-супругой китайской литературой Мурасаки написала в своем «Дневнике».

Большинство исследователей «Повести о Гэндзи» сходятся во мнении, что Мурасаки начала писать ее после смерти мужа Фудзивара-но Нобутака, то есть около 1001 г. Вероятно, первыми главами стали истории о женщинах среднего сословия («Пустая скорлупка цикады», «Вечерний лик» и др.). Оказавшись на придворной службе, Мурасаки Сикибу продолжила свой труд — круг персонажей произведения расширился, изменилось его место действия. Точно неизвестно, когда она закончила свое сочинение, может быть, в 1008 году. На это косвенно указывает одна из записей в ее «Дневнике», где говорится о чтении «Повести о Гэндзи» в присутствии императора Итидзё:. То есть тогда уже существовал либо полный текст произведения, либо большая часть его.

⁵⁴⁴ Данный отрывок не является точной цитатой из «Дневника Мурасаки Сикибу», дамы «Записок без названия» скорее коротко пересказывают небольшой фрагмент из заключительной части данного сочинения писательницы. Он подтверждает последнюю из приведенных в предыдущем примечании версий о времени создания «Повести о Гэндзи» — часть произведения была написана Мурасаки до поступления на службу во дворец, где оно стало широко известным, поэтому писательницу, когда та появилась при дворе, воспринимали именно как создательницу «Гэндзи моногатари», даму очень утонченную, хотя и немного высокомерную. Вот как выглядит данный отрывок, пересказанный дамами «Записок без названия», в самом «Дневнике»:

«... люди совсем не по праву считают меня застенчивой. Бывало, я не могла избежать их общества и старалась избежать их колкостей — и не потому, что застенчива, а потому, что считаю такие разговоры безвкусными. Потому и прослыла глуповатой.

А теперь они говорят: «Вот уж не ожидали! Никто ее не любил. Все думали, что она тщеславна, холодна, без ума от собственной повести, заносчива, чуть что — возглашает стихи, других за людей не считает, злословит. Но стоит приглядеться и увидишь — на самом деле она совсем иная и на удивление кротка!»

... Однако я то и дело слышала, как люди повторяли: «Даже мужчинам ученость счастья не приносит», и я перестала учиться. Даже иероглиф «единица» толком написать не могу. Так и получилось, что выросла я совсем неграмотной. Что же до книг, которые я когда-то читала, то я совсем забросила их. И все же до меня продолжали доходить обидные мне слова и, беспокоясь о том, что же подумают люди, услышавшие их, я стала делать непонимающее лицо даже при виде написанного на ширме» [Мурасаки Сикибу. Дневник, 2000, С. 124, 126–127].

⁵⁴⁵ *Господин* — имеется в виду Фудзивара-но Митинага, отец Дзё:то:мон Ин.

⁵⁴⁶ *Ко:тайго:гу*: 皇太后宮 — так названа лишь в этом эпизоде дочь Фудзивара-но Митинага; во всех остальных случаях дамы «Мумё:дзо:си» называют ее Дзё:то:мон Ин.

⁵⁴⁷ Речь идет о Дзё:то:мон Ин и Фудзивара-но Митинага.

⁵⁴⁸ *Ко:го:гу*: 皇后宮 — Фудзивара-но Тэйси (Садако) 藤原定子 (977–1000), дочь Фудзивара-но Мититака, первая супруга императора Итидзё:. О судьбе Тэйси, государыни-супруги Итидзё: см. прим. 500. Когда в императорском дворце в качестве наложницы *нё:го:* появилась дочь Фудзивара-но Митинага — Сё:си, образовалось две свиты, состоявшие из самых блистательных женщин того времени — У Сё:си после 1007

года служили Мурасаки Сикибу, Идзуми Сикибу, Исэ и др., а у Тэйси — Сэй Сё:нагон и др. Однако, звезда Тэйси окончательно угасла, когда она родила первенца императору Итидзё: — принца Асуясу. Этот наследник престола ставил власть Митинага, продвигавшего свою дочь Сё:си, под удар. Пользуясь тем, что Тэйси была лишена поддержки братьев, Митинага сумел настроить против нее императрицу-мать и от части самого императора Итидзё:. В результате Тэйси удалась из дворца и, как пишет ее фрейлина Сэй Сё:нагон в «Записках у изголовья», «императрица больше не посещала государя и поселилась в Малом дворце на Втором проспекте» [Сэй Сё:нагон, 1999; дан 143, С. 297]. В конце концов ее принудили принять постриг. И хотя супруг ее, император Итидзё:, не захотел с ней окончательно расстаться, с тех пор она попала в немилость. Ко всем несчастьям Тэйси прибавилось и то, что сгорел ее дворец. В итоге ей пришлось искать приюта то в чужом доме, то в разных служебных постройках. Об этом много говорится в «Записках у изголовья». Опальная императрица стала поэтическим образом печальной отверженной красоты. В конце 1000 г. она умерла родами, оставив троих малолетних детей, которых разобрали родственники. Тэйси прожила всего 24 года.

⁵⁴⁹ Дзё:то:мон Ин — см. прим. 57.

⁵⁵⁰ Данное стихотворение Тэйси было помещено в антологию «Госю:исю:», № 537.

⁵⁵¹ «Госю:исю:», № 536.

⁵⁵² «Госю:исю:», № 543. В четвертой строке стихотворения император Итидзё: использует омонимическую метафору слова «миюки» みゆき: 御幸 (миюки, «высочайший выезд») и 深雪 (миюки, «обильно выпавший снег»).

⁵⁵³ Нака-но Кампаку, Ути-но Отодо — см. прим. 492, 500.

⁵⁵⁴ То:-но Тю:дзё: 頭中将 — героини «Мумё:дзо:си» точно не помнят ни имя, ни должность этого человека, употребляя выражение «некий То:-но Тю:дзё:» (頭中将それがし, то но тю:дзё: сорэгаси). Так называлась должность главного архивариуса, служившего одновременно в личной императорской охране. Между тем, Сэй Сё:нагон, пересказавшая историю этого визита в «Записках у изголовья», называет неожиданного гостя Утю:дзё: (右中将, второй командующий правой государевой охраной). Им является Минамото-но Цунэфуса 源経房 (969–1013), получивший указанную должность в 996 году.

⁵⁵⁵ Сайсё:-но Кими 宰相の君 — дочь Фудзивара-но Сигэсукэ 藤原重輔, придворная дама свиты Тэйси. Продолжала прислуживать императрице и после того, как та была вынуждена покинуть императорский дворец.

⁵⁵⁶ После посещения императрицы Тэйси Минамото-но Цунэфуса заглянул к Сэй Сё:нагон, которая в то время из-за сплетен вокруг нее о том, что она якобы примкнула к врагам императрицы, воздерживалась от визитов к ней. В «Записках у изголовья» писательница изложила со слов Цунэфуса то, как выглядело это его посещение Тэйси. Возможно, источником данной истории для автора «Записок без названия» послужили именно записи Сэй Сё:нагон:

«Меня посетил второй начальник Правой гвардии Цунэфуса и стал беседовать со мной о том, что делается в свете.

— Сегодня я был у государыни. Все так красиво и так печально у нее во дворце! Придворные дамы прислуживают ей, как в былые дни, в полном придворном одеянии. Шлейфы, китайские накидки — словом, весь наряд — строго соответствует времени года. Штора с одной стороны была приподнята, и я мог заглянуть в глубину покоев. Восемь или девять фрейлин сидели там в церемониальных позах. На них были накидки цвета увядших листьев, бледно-лиловые шлейфы и платья блеклых оттенков астры сион и осенних хаги.

Высокие травы заглушили сад перед дворцом.

«Почему вы не велите срезать траву?» — спросил я.

Кто-то ответил мне (я узнал голос госпожи Сайсё:): «Государыня желает любоваться на осенние росы...»

«Сколько в этом душевной тонкости!» — подумал я с восхищением».

[Сэй Сё:нагон, 1999; дан 143, С. 298].

⁵⁵⁷ Дзё:то:мон Ин прожила 87 лет.

⁵⁵⁸ Дзё:то:мон Ин пережила своего супруга — императора Итидзё:, взшедшего за ним на престол — Сандзё: (сын императора Рэйдзэй), своих сыновей — Гоитидзё: и Госудзаку, внуков (сыновей Госудзаку) — Горэйдзэй (1025–1068, правил с 1045 по 1068) и Госандзё: (1034–1073, правил с 1068 по 1072).

⁵⁵⁹ См. прим. 57.

⁵⁶⁰ Акимото-но Тю:нагон 顕基中納言 — Минамото-но Акимото 源顕基 (1000–1047), сын старшего советника Минамото-но Тосиката 源俊賢. Об отце Акимото и его сыне Сукэцуна есть упоминания в «О:кагами» [О:кагами, 2000, Свиток III, С. 114–116]. Акимото был приближенным императора Гоитидзё:, должность Среднего советника получил в 1035 году, однако, после смерти в следующем году Гоитидзё: принял постриг.

Дзё:то:мон Ин отвечает на следующее *танка* Акимото, которая включена в антологию «Госю:исю:», № 1029:

Когда скончался государь-инок Гоитидзё:, ощутив бренность всего мирского, он стал монахом и уединился в Ёкава. Спрошенный Дзё:то:мон Ин о случившемся ответил

Ё о сутэтэ	Отказался от мира,
Ядо о идэниси	Оставил свой дом —
Ми нарэдомо	Вот кем я стал,
Нао коисики ва	Но все же привязанность
Мукаси нарэкэри	К прошлому осталась при мне...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 280, прим. 8; Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 109, прим. 5].

⁵⁶¹ *Не смог бы все равно от мира отказаться дважды...* (世は二度はそむかざらまし, Ё ва футатаби ва сомукадзарамаси) — автор «Мумё:дзо:си» цитирует отрывок из стихотворения Дзё:то:мон Ин, следующего в «Го-сю:исю:» (№ 1030) как ответное послание за *танка* Минамото-но Акимото:

Токи но ма мо	И если б даже время
Коисики кото но	Ослабило
Нагусамаба	Привязанность твою,
Ё ва футатаби мо	Не смог все равно
Сомукадзарамаси	От мира отказаться дважды...

[Кубоки Тэцуо, 1999, С. 280-281, прим. 9; Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 109, прим. 5].

⁵⁶² *Ее младшая сестра, Государыня-мать из дворца Бива* (をとうとの枇杷殿の皇太后宮, Ото:то но бива доно но ко:тайго:гу:) — Фудзивара-но Кэнси 妍子 (994–1027), вторая дочь Фудзивара-но Митинага, супруга императора Сандзё: 三条 (976–1017, правил с 1011 по 1016). Средней императрицей *тю:гу:* стала в 1012 году, императрицей-матерью *ко:тайго:* — в 1018 году. Кэнси не пользовалась влиянием при дворе, так как родила всего одну дочь, принцессу Тэйси 禎子 (Ё:мэймон Ин 陽明門院) (1013–1094). Тэйси была известной поэтессой, наложницей императора Госудзаку, матерью императора Госандзё:. В «Великом зеркале» вслед за авторской характеристикой Дзё:то:мон Ин имеется и информация об остальных дочерях Фудзивара-но Митинага, в том числе и Кэнси: «Следующая дочь называлась главной распорядительницей [Отделения дворцовых прислужниц] *найси-но кан*, она вошла во дворец монаха-императора Сандзё: в его бытность наследным принцем, владельцем Восточного павильона. Когда принц принял императорский сан, она стала называться средней императрицей *тю:гу:*, ей было девятнадцать лет. Так, на другой год в двадцать шестой день седьмой луны второго года Тё:ва (1013 г.), в год младшего брата воды и быка она родила дочь-принцессу [Ё:мэймон Ин], и та в возрасте всего лишь трех-четырёх лет удостоилась Первого ранга, и сейчас жива. В наше время сию августейшую родительницу императрицу называют матерью-императрицей *ко:тайго:-но мия*, она живет во дворце Бива» [О:кагами, 2000, Свиток V, С. 138–139].

Месторасположение резиденции Кэнси, дворца Бива, точно неизвестно. Название этого дворца произошло от деревьев *бива* (мушмула японская), которые росли на его территории. В разное время в нем жили Фуюцуги, Нагара, Мотоцунэ, Канэхира, Накахира, Ацутада и Митинага. При Митинага дворец Бива являлся временной резиденцией императоров Итидзё:, Сандзё: и его супруги Кэнси. Сгорел в 1028 году.

⁵⁶³ *Ямато-но Сэндзи* 大和の宣旨 — см. прим. 519.

⁵⁶⁴ Исследователи памятника предполагают, что речь здесь может идти о конкретном случае — праздновании Нового года (1025 г.) в резиденции Кэнси. Этот роскошно устроенный праздник описан в «Эйга моногатари». На нем *ко:тайго:* Кэнси и ее прислужницы демонстрировали свои многослойные наряды, не взирая на установленные в одежде ограничения [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 281, прим. 15; Мумё:дзо:си: тю:сяку то сирё:, 2004, С. 109-110, прим. 7]. В другом историческом сочинении «О:кагами» мы также находим подтверждения словам автора «Мумё:дзо:си» о поведении на людях второй дочери Митинага: «В паланкине, что несли на руках, находились четыре императрицы. Впереди, у входа, сидела Великая императрица-мать *тайго:* [Дзё:то:мон Ин]; она и императрица-мать *ко:тайго:* [Кэнси] позволили только рукам немного показаться [из-под занавески]. Изумительно, как волосы императрицы Бивадоно [Кэнси], выплеснувшись [из паланкина], распустились далеко по земле!» [О:кагами, 2000, Свиток V, С. 161]. Забываясь о том, как бы предстать на публике в самом лучшем свете, иногда переходя установленные границы, сестры явно соперничали друг с другом: «Не знаю ничего о замечательных событиях старины, но с тех пор, как себя помню, самым необыкновенным событием был Большой прием по поводу Великого Очищения монаха-императора Сандзё:, на прием были приглашены Великая императрица *тайго:* [Дзё:то:мон Ин] и императрица-супруга *ко:тайго:-но мия* [Кэнси] в экипажах со свитами. Но козырьке экипажа Великой императрицы *тайго:* [Дзё:то:мон Ин] висела коробочка с благовониями: ароматный дымок окутал все вокруг, и как красиво смотрелась одна сторона большого проспекта Нидзё:, погруженная в благовонную дымку. Нынче таких зрелищ не случается! Ёцуги согласился:

— Да-да. Сколько сил тратили две [сестры императрицы], соперничая друг с другом!» [О:кагами, 2000, Свиток VI, С. 185].

⁵⁶⁵ *Дайсай Ин* 大斎院 — десятая дочь императора Мураками и его супруги Анси 安子 — поэтесса Сэнси 選子 (964-1-35). Незамужняя Сэнси в 975 году в возрасте двенадцати лет стала жрицей святилища Камо и оставалась ею на протяжении пяти императорских правлений (Энью, Кадзан, Итидзё:, Сандзё: и Гоитидзё:) до 1031 года, хотя обычно после восшествия на престол нового императора выбирали и новую жрицу. Поскольку Сэнси смогла так надолго сохранить свое положение неизменным, ее стали называть Великой жрицей святилища Камо (Дайсай Ин). Жрица этого святилища играла главенствующую роль во

время крупнейшего в году праздника Камо, праздника Мальв (Аои мацури), который приходился на средний день петуха в четвертой луне. Главным событием праздника была процессия в честь бога Вакэикадзути-но микото 別雷命, двигавшаяся из императорского дворца по проспекту Итидзё: к святилищу Верхнее Камо на северо-восток от столицы. В процессии принимала участие жрица Камо, ее возглавлял посланец императора, чиновник высокого ранга.

Будучи жрицей, Сэнси славилась и своим поэтическим талантом, создала «литературный салон», участницы которого общались с талантливыми придворными дамами свит императриц Тэйси и Сё:си. О яркой жизни жрицы может свидетельствовать следующий отрывок из «Великого зеркала»: «Принцесса, после рождения которой опочила [Анси], [Сэнси], — это нынешняя жрица святилища Камо *сай ин*. Многие принцессы были великими жрицами, но сия особенно долго сохраняла свое [положение в мире] неизменным... А еще не чуждалась она славы мирской. Церемония Трех дней, начиная с церемонии Очищения, и выездные экипажи, и важные господа и прочее — все это было необыкновенно изысканно и ярко» [О:кагами, 2000, Свиток III, С. 91]. Она оставила нам «Собрание стихотворений Дайсай Ин» («Дайсай Ин гёсю:» 大斎院御集).

В последние годы своей жизни Сэнси, жрица синтоистского святилища, стала активным адептом буддизма. В «О:кагами» мы читаем: «Хотя в прежние времена верховные жрицы святилища Исэ *сайгу*: и верховные жрицы святилища Камо *сай ин* не произносили слов «Будда», «сутры» и прочих, сия принцесса [Сэнси] даже почитала Закон Будды и по утрам возносила молитвы. За примером недалеко ходить: в сегодняшнюю церемонию разъяснения в сем храме она, конечно же, изволила внести лепту. Поскольку она долгие годы служила богам-ками, я задаюсь вопросом, почему она так поступала? Озадачила она меня, когда в день праздника Камо вместе с собравшимися во множестве людьми на проспекте Итидзё: дала обет, что станет бодхисаттвой, — «это уже слишком!» подумал я» [О:кагами, 2000, Свиток III, С. 91]. Согласно «Энгисики» (延喜式, «Установления годов Энги», 927 г.) слова «Будда», «сутры» и другие буддийские термины являлись словами-табу, которые запрещалось употреблять верховным жрицам синтоистских святилищ Исэ и Камо [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 281, прим. 20; Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 199; Кавасима Кинуэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 186].

⁵⁶⁶ *Нынешняя Государыня* (今の時の后, Има но токи но кисаки) — в 1200 году, когда приблизительно были написаны «Записки без названия», страной правил император Цутимикадо 土御門 (на престоле с 1198 по 1210 г.). Его супругой являлась принцесса Рэйси 麗子 (1185–1243), дочь Фудзивара-но Ёридзанэ 藤原頼実 (1155–1225). Ее монашеское имя — Иммэймон Ин (陰明門院, Обитательница дворца у Ворот скрытого света).

⁵⁶⁷ *Храм Урингын* (雨林院, Храм облачного леса) — буддийских храм секты Тэндай, находившийся в предместье столицы Мурасакино, в

Отаги провинции Ямасиро (нынешний район Китаку города Киото). Перед тем, как стать храмом, являлся резиденцией императора Дзюна 淳和 (786–840, правил с 823 по 833 г.) и назывался Мурасакиноин.

⁵⁶⁸ Описание данного эпизода из жизни Великой жрицы храма Камо встречается также в крупнейшем произведении прозы *сэцува* «Кондзяку моногатари» (今昔物語, «Стародавние повести», XII в.), свиток 19.

⁵⁶⁹ *Оно-но Ко:тайго:гу*: 小野の皇太后宮 — Фудзивара-но Канси 藤原敏子 (1021–1102), третья дочь Фудзивара-но Норимити 藤原教通 (997–1075) (см. прим. 503). Матерью ее была дочь Фудзивара-но Кинто: (см. прим. 457, 461), таким образом, Канси приходилась внучкой известному поэту и автору поэтологических трактатов. В возрасте 26 лет она поступила на службу в императорский дворец и на следующий год (1048 г.) стала высочайшей наложницей императора Горэйдзэй (1025–1068, правил с 1045 по 1068 г.). Ее дальнейшему продвижению способствовало значительное повышение в должности отца Фудзивара-но Норимити, который в 1066 году стал регентом. Таким образом, через два года Канси получила звание императрицы-супруги *ко:го:* и уже после смерти августейшего супруга (в 1074 г.) — звание императрицы-матери *ко:тайго:гу:*. Тремя годами позже она решила принять постриг и уединиться в Оно 小野, поэтому ее и стали позже называть Императрицей-матерью из Оно (Оно-но Ко:тайго:гу:). Канси прожила долгую жизнь, скончавшись в возрасте 82 лет [Кубоки Тэцуо, 1999, С. 284, прим. 1; Мумё:дзо:си: тью:сяку то сирё:, 2004, С. 203; Кавасима Кинүэ, Нисидзава Масадзи, 1986, С. 187].

⁵⁷⁰ *Господин О:нидзё*: 大内条殿 — см. прим. 505.

⁵⁷¹ *Государь-инок Сиракава Ин* 白河院 — годы жизни — 1053–1129; правил с 1072 по 1086 г.

⁵⁷² *Рукава двадцати дам показались из-за шторы* (袖二十出だして, Содэ нидзю: идэдаситэ) — таким образом Оно-но Ко:тайго:гу: создала впечатление, будто за занавеской находятся целых двадцать придворных дам, приготовившихся к встрече императора.

⁵⁷³ *Девочки-служанки, одетые в кадзами* (汗衫着たる童, Кадзами китару варава) — в парадных случаях девочки облачались в накидки *кадзами* из шелковой ткани или парчи с прорезями на рукавах.

⁵⁷⁴ *Та особа* (例の人, Рэй но хито) — см. прим. 142.

⁵⁷⁵ *Ёцуги* (世継, «Повесть о преемственности поколений») — см. прим. 395.

⁵⁷⁶ *О:кагами* (大鏡, «Великое Зерцало») — наиболее известное произведение жанра *рэкиси моногатари* (исторические повествования), составленное приблизительно в 1119 году. Состоит из шести свитков (в зависимости от списка памятника), охватывает период с 850 по 1025 г. Повествование ведется от лица двух старцев — Оякэ-но Ёцуги и На-

цуяма-но Сигэки, которые встретились в храме Уринъин (см. прим. 567) перед началом проповеди (о роли старцев-рассказчиков см. прим. 1). Они вспоминают о минувших днях, о временах, которые, казалось, никто не может помнить.

Первая часть сочинения рассказывает о встрече старцев; приводится список императоров от Монтоку 文徳 (правил с 850 по 858) до Гоитидзё: 後一条 (правил с 1016 по 1036) с кратким разбором их правлений. Последующие три свитка описывают знаменитых деятелей из рода Фудзивара, пятая часть полностью посвящена Фудзивара-но Митинага. Шестой свиток — это разнообразные «истории старых времен»: об обмене поэтическими посланиями, об охоте, церемониях, праздниках и мн. др., — словом о событиях, свидетелями которых стали старцы.

Представление об идеале женской красоты в Японии периода Хэйан

О. Витязева

Исследователь, пытающийся воссоздать картину бытовой истории прошлого, сталкивается с определенными трудностями. Они нередко связаны с отсутствием источника информации: вещественного (например, археологические артефакты), изобразительного, словесного (фольклор, письменные памятники), конвенционального (условные обозначения графическими знаками, например, ноты, математические формулы), поведенческого (обычаи, обряды) или звукового¹. Получается, что под понятие «исторический источник» попадают все объекты, непосредственно отражающие исторический процесс и дающие возможность изучать прошлое человеческого общества, то есть всё созданное человеком, а также результаты его взаимодействия с окружающей средой, предметы материальной культуры, памятники письменности, обычаи, обряды и т. д. «По общему убеждению исследователей, без источника история невозможна. Ее нередко характеризуют как область знания, изучающую исторические свидетельства прошлого. На основе информации, полученной в результате аналитической работы с источником, историк создает собственный образ прошлого»².

Немаловажно и то, что в разные исторические эпохи критерии оценки источников различались. Например, довольно долго бытовало представление, что источниками могут служить только письменные памятники, в связи с этим считалось, что история какого-либо народа может начинаться только с момента появления письменных свидетельств.

---

¹ Шмидт С. О. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Источниковедение. Проблемные лекции. Под ред. О. М. Медушевской. М., 2005, с. 278–291

² Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. История исторического знания. М., 2004, с. 33

Безусловно, у каждого типа исторического источника, в том числе и письменного, есть свои преимущества и свои недостатки, что связано, например, с выбранным периодом изучения или степенью сохранности (наличия) того или иного памятника. Однако только при грамотном сочетании материалов нескольких типов источников (словесных, изобразительных, поведенческих и т. д.) может получиться наиболее точная, «объемная» картина прошлого. С. О. Шмидт в своей статье отмечает, что «для большинства людей в течение всей их жизни именно памятники художественной литературы и искусства вообще остаются основными источниками запечатлевшихся в сознании сведений конкретно-исторического характера, особенно о событиях и людях отдаленных эпох и о каждодневной жизни того времени». ³ Поскольку именно «литература дает возможность узнать, как одевались, что ели и пили в стародавние времена. В свою очередь, зная это, можно сулить о самых различных сторонах жизни людей»⁴. Для изучения бытовой истории литературные памятники — «это как бы нейтральное отображение явлений каждодневного обихода, причем таких, которые, как правило, просто не фиксировались в традиционном наборе письменных исторических источников». ⁵ Вот, что говорит по этому поводу известная писательница, автор самого прославленного японского средневекового романа «Повесть о Гэндзи» Мурасаки Сикибу (вторая половина X — первая половина XI в.): «Не будь их (романов), что знали бы мы о том, как жили люди в прошлом, начиная с века богов и до наших дней? В исторических книгах вроде «Анналов Японии» мы находим только одну сторону действительности, а в романах правдиво и достоверно повествуется о самых разных вещах...»⁶.

Памятники же изобразительного искусства могут быть классифицированы и как вещественные источники, однако, поскольку они несут дополнительную культурно-историческую ин-

---

³ Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Источниковедение. Указ. соч., с. 383–399.

⁴ Кабанов В. В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997, с. 339–340

⁵ Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Источниковедение. Указ. соч., с. 394

⁶ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи моногатари). В 4 т. М., 1991, т. 2, с. 54

формацию, давая визуальное представление об определенном явлении, их выделяют в отдельный подкласс⁷.

Пытаясь воссоздать облик прекрасной дамы эпохи Хэйан (794–1192) мы попытались использовать материалы как письменных, так и изобразительных источников. К важнейшим памятникам письменной культуры относятся: «Уцухо моногатари»⁸, «Гэндзи моногатари»⁹, «Мурасаки сикибу никки»¹⁰, «Торикаэбая моногатари»¹¹, «Макура-но соси»¹², «Кагэро никки»¹³ и «Син саругаку»¹⁴ ки¹⁵, где содержится богатейший пласт ин-

---

⁷ Шмидт С. О. Источниковая база исторической науки и классификация исторических источников // Источниковедение. Указ. соч., с. 291.

⁸ «Уцухо моногатари» (Повесть о дупле) — произведение второй половины X века. Автор неизвестен. Перевод на рус. яз. см.: Повесть о дупле (Уцухо моногатари). В 2 т. Пер. с япон. В. И. Сисаури. Под ред. В. Н. Горегляда. СПб.–М., 2004.

⁹ «Гэндзи моногатари» (Повесть о Гэндзи) — произведение, созданное на рубеже X–XI вв. Автор — придворная дама, известная под именем Мурасаки Сикибу. Перевод на рус. яз. см.: *Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи* (Гэндзи моногатари). В 4 т. Пер. с япон. Т. Соколовой-Делюсиной. М., 1991.

¹⁰ Мурасаки Сикибу никки (Дневник Мурасаки Сикибу) — произведение дневникового жанра начала XI в. Перевод на рус. яз. см.: *Мурасаки Сикибу. Дневник*. Пер. с япон. А. Н. Мещерякова // Японские средневековые дневники. СПб., 2001.

¹¹ Торикаэбая моногатари (Путаница) — роман, созданный неизвестным автором во второй половине XII в. на основе уже существовавшего произведения XI в. со схожим сюжетом и таким же названием. Перевод на рус. яз. см.: Торикаэбая моногатари (Путаница). Пер. с япон. М. Торопыгиной. М., 2003.

¹² Макура-но соси (Записки у изголовья) — произведение жанра эссе, написанное в конце X в. придворной дамой, известной под именем Сэй Сёнагон. Перевод на рус. яз. см.: *Сэй Сёнагон. Записки у изголовья*. Пер. с япон. В. Марковой. СПб., 1999.

¹³ Кагэро никки (Дневник эфемерной жизни) — произведение второй половины X в. Автор дневника известна по имени отца (дочь Томоясу — Томоясу-но мусумэ) или сына (Мать Митицуна — Митицуна-но хаха). Перевод на рус. яз. см.: Дневник эфемерной жизни. Пер. с япон. В. Н. Горегляда // Японские средневековые дневники. СПб., 2001.

¹⁴ *Саругаку* (сангаку) — буквально означает «различные представления». Японские исследователи считают, что в обоих вариантах написания слова *саругаку* (猿楽、申楽) первый иероглиф употреблен фонетически, и не несет смысловой нагрузки (*сару* в переводе с японского означает «обезьяна»). Традиция *саругаку* пришла в Японию из Китая, где этим термином обозначались различные виды театрально-цирко-

формации о придворной жизни и этикете, дается детальное описание женского костюма, типов тканей и расцветок, причёски и макияжа, повседневных занятий и увлечений, обстановки усадьбы и даже еды. В источниках есть много эпизодов, связанных с обрядами жизненного цикла, встречаются упоминания, где молодые придворные делятся своими мыслями о женской красоте (что очень ценно для нашего исследования), о манерах, о воспитании детей, о необходимости и ценности образования. «Син саругаку ки» дает представление о двух противоположностях канона красоты, сложившихся в придворной среде в период Хэйан. Представление об «идеальной красоте» — жесткий каркас определенных требований к внешности дамы, ее воспитанию и обучению, ее моральному облику. На контрасте приводится описание «безобразных» черт, выходящих за рамки стандартов красоты того времени.

Ценным дополнением являются картины *эмакимоно*¹⁶, дающие возможность более наглядно представить то, что в словесном описании было не совсем ясным, либо просто опущено (за ненадобностью прописывать общеизвестные истины).

Чтобы с наименьшими погрешностями воссоздать облик хэйанской красавицы нужно иметь в виду и особый динамич-

---

вого искусства, и прижилась, слившись со схожими по характеру собственно японскими театральными элементами религиозных обрядов и народных игр.

¹⁵ Син саругаку ки (Новые записи о *саругаку*) — произведение второй половины XI в. Автором считается Фудзивара Акихира (989?–1066). Повествование в «Новых записях о *саругаку*» ведется о семье вымышленного героя, пришедшей полюбоваться на театральные представления бродячих мимов — *саругаку*, включавшие акробатику, клоунаду, жонглирование, танцы, фокусы, фарсовые сценки. Автор «Син саругаку ки» подробно описывает не только само действо, но и каждого члена семьи, городские кварталы и ремесла. Публикацию текста см.: Фудзивара Акихира. Син саругаку ки (Новые записи о *саругаку*). Под ред. Кавагути Хисао. Токио, 1985.

¹⁶ *Эмакимоно* — повести в картинках, где каллиграфически выполненный текст сочетается с рисунками-иллюстрациями. Первоначально такие иллюстрированные свитки создавались на сюжеты буддийских сутр и агиографических произведений, но в XI–XII вв. резко возрастает число *эмакимоно* на темы различных произведений светской литературы, таких как: «Гэндзи моногатари», «Уэсуги моногатари», «Отикубо моногатари», «Такэтори моногатари», «Исэ моногатари» и т. д.)

ный тип формирования японской культуры, «развивавшейся в пределах великой восточно-азиатской культурной сферы — достаточно близко от ее центра, которым был Китай, чтобы испытывать подавляющее его влияние, и достаточно изолировано от него, чтобы не потерять свою самобытность»¹⁷.

Возьмем для примера особенность перехода в Японии от нарративной традиции к письменной культуре. Считается, что заимствование письменности из Китая было связано с историческими процессами, которые впоследствии переориентировали и ускорили развитие древнеяпонской культуры. Однако следует оговориться, что заимствование китайской письменности привело к разрыву между устной речью и письмом, поскольку говорили японцы на родном языке, а писали на «иностранном».

Итак, заимствовав на определенном историческом этапе иероглифическую систему китайского письма, японцы в дальнейшем, уже усвоив это письмо, не могли использовать его в неизменном виде. Так, вначале изобретается определенная система значков (*окотэн*), с помощью которой можно было читать китайские тексты, затем способ смешанного идеографо-фонетического употребления иероглифов — *манъёгана*. Новую эру в истории японской письменности связывают с именем буддийского монаха Кукая (774–835), которому приписывают создание одной из систем японского слогового письма. Т. е., заимствовав систему письма, не соответствующую грамматическому строю своего языка, японцы впоследствии дополнили её собственными силлабическими азбуками.

Подобным образом японцы действовали во многих областях: заимствуя «заморские» тенденции, творчески преображали их, следуя своим собственным традициям. И постепенно «неподходящее» отмирало, все, что считалось необходимым — сохранялось, становясь основой для дальнейшего развития. Благотворное влияние материковой культуры, несомненно, способствовало бурному развитию молодой японской культуры. Государственное устройство Китая, его наука, литература и искусство служили эталонами для молодого японского государства. Столицы строятся по образцу столичных китайских градов Лоян и Чанъань, на основе опыта материковой цивилизации выраба-

---

¹⁷ Горегляд В. Н. Японская литература VIII–XVI вв. СПб., 2001, с. 9.

тываются собственные жизненные модели, формируется новое мировоззрение и миропонимание. Однако в определенный момент становятся все более явными противоречия заимствованной из Китая общественной системы и комплекса традиционных социокультурных форм. Японская культура пытается найти собственные культурные ориентиры.

Одним из таких ориентиров стало формирование собственных эстетических канонов. Безусловно, выработка идеала красоты происходила под сильным воздействием эстетического образца китайской культуры, однако нельзя не отметить определенной эклектичности заимствованного образа. Так, например, в период Вэй (220–265 гг. н. э.) был характерен тип красавицы, схожей чертами с легендарной феей реки Ло, описанной Цао Чжи¹⁸ (пер. Черкасского Л. Е.): «Как вспугнутый лебедь парит, с летящим драконом изяществом схожа. Хризантемы осенней прекрасней она, сосна весенняя ей сродни. Похожа на месяц — легкое облачко ее от очей скрывает. Порхает-порхает, точно снежинки, влекомые вихрем, влекомые долгим ветром. Издалека глядишь на нее — ярка, как солнце, встающее в утренней дымке; ближе она подойдет — вод прозрачных чистый и скромный житель — лотос. Не худа, не полна, сложена по законам гармонии; плечи, будто точеная статуя; статная; нежно-тонкая талия; стройная шея ее грациозно-изящная; ясная, свет излучающая кожа, — ей ли нужна помада! Аромата пудры не знает; прическа-туча высока-высока; слегка, изящно очерчены брови. Губы алеют; горят белизною ровные зубы; улыбается — ямочки на щеках; в зрачках золотистые искры. Манеры ее — чудо: нетороплива, стыдливо-целомудренна, сдержана в меру. Как нежна, благородна как! Необычен наряд — неземной, особый облик ее подобен картине. Тонкое платье переливается и свежестью блещет; больно для глаз сияние драгоценных сережек. Убор головной — золото с перьями зимородка; жемчужинок рой озаряет гибкое ее тело. «Дорога длинна-длинна» — название узорных туфель; накидка легка; шелк, словно туманная дымка»¹⁹ (иллюстр. 1).

---

¹⁸ Цао Чжи (192–232), китайский поэт. Поэзия Цао Чжи воспекает идеальный образ «совершенного человека», отличающегося благородством мыслей и дел, широтой устремлений, прямотою и нравственной чистотой.

¹⁹ Цао Чжи. Фея реки Ло. СПб., 2000, с. 233–234.

Самые ранние из сохранившихся до нас типы женской красоты древнего Китая, запечатленные на горизонтальных свитках, принадлежат кисти Гу Кайчжи²⁰ (иллюстр. 2). Они являются нам образ женственности того времени: мягкие, изящные позы, тонкие фигуры, полные грации, окутанные легкими, струящимися тканями, облегающими силуэт. Хрупкие, невесомые, словно небесные феи, с точеным овалом лица. Описания таких красавиц часто встречаются в произведениях периода Шести династий (III–VI в н. э.).

Живописные полотна, созданные в период Тан (618–907), наоборот, выделяются жизнеутверждающей красотой и полнокровностью образов. Чжоу Фан²¹ запечатлел знатных дам, одетых по последней моде, с высокими прическами, дородных, неторопливо-изящных в своих движениях, с ликом, «что полная луна», с пышной грудью, тонкой талией и тяжелыми бедрами (иллюстр. 3, 4). Такая манера изображения присуща и фресковым картинам Танского периода, украшавшим могильные склепы, а также скульптурным фигурам трехцветной керамики (иллюстр. 5). Существует версия, что такой эталон женской красоты ведет начало с известной романтической истории, героями которой были танский император Сюань-цзун и его любимая наложница Ян Гу-фэй, отличавшаяся пышностью телесных форм.

Знаменитая красавица изображена на свитке Чжоу Фана после купания в одном из павильонов дворца (иллюстр. 6). Подробно выписано ее прозрачное покрывало, прикрывающее изнеженное тело, сложная прическа-туча, изящные черты лица и намек улыбки. Хотя этот образ и был несколько осовременен копиистом, однако не вышел за рамки танского канона красоты.

Образ прекрасной девы, запечатленный в китайской лирике древности и раннего средневековья, как и художественные образы, не был однотипным, он изменялся с появлением новых эстетических идеалов. Поэты воспевали образ женщины земной, затем на смену пришел образ женщины — «прекрасной дамы», каждым движением которой любителю поэт, и, наконец,

---

²⁰ Гу Кайчжи (344–406), мастер портретной и жанровой живописи, один из первых теоретиков китайского искусства.

²¹ Чжоу Фан (вторая половина VIII в. — начало IX в.?) — художник эпохи Тан, известный мастер женского портрета.

женщины-феи, любовного идеала, воспоминания, сна, недоступного в жизни²². Они же говорили о моральных качествах, которыми должна обладать дама. Так, например, в песнях «Шицзина»²³ основное внимание обращается на нравственные достоинства жены: верность мужу, умение вести домашнее хозяйство и соблюдать необходимые церемонии и т. д. В «Жизнеописаниях образцовых матерей» Лю Сяна разъясняются обязанности супруги: она должна «уметь приготовить пять яств, подать на стол вино и соус, ухаживать за свекром и свекровью, шить одежду». Отдельно подчеркивается, что «женщина поступает не как ей вздумается, а следует трем установлениям: в молодости слушаться отца и мать, выйдя замуж, слушаться мужа, а после его смерти — сына. Так требует этикет»²⁴. Жена, не следующая этим установлениям, не могла оставаться в доме мужа. Позднее подобные конфуцианские догмы были перенесены и на японскую почву, приняты и переосмыслены в соответствии с собственными традициями.

В IV–VII веках Япония поддерживала оживленные культурные и торговые отношения с государствами Корейского полуострова. Оттуда везли в Японию шелка, предметы культа и домашнего обихода. Вполне закономерно, что был воспринят и соответствующий эталон красоты. На сохранившихся фрагментах гобелена с изображением Рая (Тэндзюоку мандала) (иллюстр. 7), вытканного мастерами китайского и корейского происхождения, проживающими в Японии, можно увидеть людей, одетых в корейское придворное платье того времени. Костюм, в который облачен принц Умаядо (более известный под именем Сётоку-тайси) на знаменитом посмертном портрете, должен быть скорее корейского типа²⁵, однако на изображении перед нами (иллюстр. 8), возможно, более поздняя «реконструкция» художника периода Нара, сделанная уже под влиянием китайской модели.

---

²² Кравцова М. Е. Красавица — женский образ в китайской лирике (поэзия древности и раннего средневековья) // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983, с. 153–162

²³ Шицзин — Книга песен, созданных в XI–VI вв. до н. э., отбор и редакция приписывается Конфуцию.

²⁴ Лю Сян. Жизнеописания знаменитых женщин // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6.

²⁵ Воробьев М. В. Корея до второй трети VII века. СПб., 1997, с. 303.

В 1972 году в центральной Японии (префектура Нара) было обнаружено захоронение Такамацу-дзука. Согласно одной из распространенных гипотез, Такамацу-дзука является усыпальницей одного из сыновей государя Тэмму (672–686), однако для нашего исследования более важны сохранившиеся в гробнице фрески, на которых представлены придворные дамы конца VII — начала VIII веков.²⁶ Фигуры изображены в костюмах, сходных с одеянием фигур на гобелене. Любопытно также, что фрески кургана Такамацу-дзука имеют много общего с фресками кургана Сасали и Санъёнчхон, с настенной росписью гробницы Сусин-на и Токхва-ри²⁷, расположенных на территории древнекорейского государства Когурё²⁸. Однако пропорции и позы придворных дам явно соответствуют канонам танской живописи — круглые овалы лиц с полными щеками, удлиненные узкие глаза, маленький рот с пухлыми губами (иллюстр. 9).

Возможно, таким образом менялось представление о красоте в Японии: сначала за идеал был принят корейский образец, когда же усилилось влияние китайской цивилизации, изменились современные каноны и были «скорректированы» каноны прошлого. В период Нара японцы с таким же энтузиазмом, как прежде корейскую, приняли китайскую культуру и государственное устройство. Административные и придворные обычаи и костюм были приведены в соответствие с континентальными образцами (иллюстр. 10). Однако необходимо помнить, что заимствование материковой культуры не было единовременным (а продолжалось на протяжении долгого периода) и целостным (и китайская, и корейская культура постоянно обновлялись). Нельзя также сказать, что японцы слепо копировали чужие традиции, поскольку «прижилось» только то, что не вступило в конфликт с местными социо-культурными ценностями и моральными устоями.

---

²⁶ Нихон си соран (Общее изложение истории Японии), Токио, 2003. с. 36.

²⁷ Наибольший интерес представляет изображение закрытого экипажа с тентом, запряженного волом, и молодой госпожи, стоящей рядом с экипажем. Над и под этим изображением прорисованы четыре женщины-сопровождающие. Интересно также, что все перечисленные захоронения относятся к V–VI вв. и расположены на территории одного государства — Когурё.

²⁸ Воробьев М. В. Указ. соч., с. 300.

В период Хэйан шло активное освоение и переосмысление полученных знаний. Япония в этот период как бы обратилась внутрь себя, политическая стабильность дала возможность обнаружить свою «эстетическую идентичность», способствовала выработке собственных эстетических идеалов и величайшему художественному расцвету.

Говоря об эстетическом каноне, сформировавшемся в этот период, нельзя не отметить, что он был достаточно «объемным», т. е. включал в себя не только внешние проявления красоты (описания нарядов, причесок, косметики), но и «внутренние» — набор определенных морально-этических качеств.

В эпоху Хэйан основные формы японского костюма изменяются (иллюстр. 11), они постепенно отдаляются от китайских образцов, приобретая свободную складчатую форму с множеством заломов и многослойность (придворный костюм назывался *дзю:ни хитозэ* — платье двенадцати слоев), что делало его довольно массивным (иллюстр. 12). Ткани в костюме тщательно подбирались по цвету, фактуре и орнаменту согласно социальному положению, придворному этикету, времени года, торжественному случаю и т. д. Материалы отличала приглушенность, нежность оттенков, предпочтение стало отдаваться мелким растительным и геометрическим орнаментам, поскольку крупный узор терялся в многочисленных складках.

Из хэйанских источников явствует, что существовали различные виды костюма: кроме парадного платья были также домашние и ночные одеяния, дорожные, траурные платья и одежда для принявших постриг дам. Все они различались количеством слоев (надетых одно на другое платьев), расцветкой (например, траурные одеяния были только темных цветов: серого, коричневого, синего) и орнаментом.

Одежда была многофункциональна: она служила определенным статусным показателем, указывая на принадлежность дамы к сословию и рангу. По костюму хэйанской дамы можно было определить семейное положение дамы и ее статус внутри семьи, судить о ее благосостоянии, равно как и о ее вкусе — все зависело от подбора тканей, расцветок и узора. Однако цветовая гамма наряда красноречиво говорила не только о вкусе, но и о возрасте дамы. Например, яркие исподние одежды носили молодые дамы, дамы же в возрасте облачались в более темные,

пурпурные тона. Знатные дамы пропитывали свою одежду различными ароматами, для чего воскуривались специальные благовония, хранившиеся в горшочках.

Большинство описаний в литературных источниках также делает акцент на красоте и ухоженности волос. Еще встречается изображение высоких танских причесок (иллюстр. 13): «В пространстве, образованном занавесками, небольшой светильник ярко освещал ее как бы прозрачную кожу, и я подумала, что когда густые волосы государыни завязаны на затылке, это делает ее еще привлекательнее»²⁹. «Волосы по торжественному случаю были красиво забраны наверх — точь-в-точь как на китайской картине»³⁰. Однако подобные описания эпизодичны.

Складывается впечатление, что в этот период формируется новый эталон — длинные волосы. В «Макура-но соси», например, сказано: «Пряди разметанных волос льются по полу волнами — с первого взгляда можно понять, какие они длинные»³¹. Предпочтение явно отдается густым прямым волосам, а курчавые относятся к разряду того, «что считается претенциозно пошлым»³². «Густые пряди волос льются на одежду из блестящего шелка и рассыпаются свободными волнами, не оскорбляя глаз своим беспорядком»³³ (иллюстр. 14).

Можно с уверенностью сказать, что волосы были предметом гордости хэйанских аристократок. «Блестящие, заботливо причесанные волосы девушки были подрезаны на концах, и, словно ровные метелки полевого мисканта, падали до самых пят, закрывая подол»³⁴. «Занавес касается ее волос, ниспадающих блестящими прядями... сколь прекрасны эти волосы — густые вплоть до самых кончиков...»³⁵.

Надо отметить, что длина волос была также своеобразным показателем социального статуса. Так, обычно придворные дамы носили длинные волосы, чуть длиннее собственного роста. Однако если дама удалялась от мирской суеты, становясь мо-

---

²⁹ Мурасаки Сикибу. Дневник. Указ. соч., с. 415.

³⁰ Там же, с. 420.

³¹ Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. Указ. соч., с. 45.

³² Там же, с. 175.

³³ Там же, с. 213.

³⁴ Там же, с. 212.

³⁵ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 1, с. 104.

нахиной, то волосы ей довольно коротко остригали: «Госпожа Оомия тщательнее обыкновенного уложила подстриженные по-монашески волосы»³⁶. Волосы стригли не только уходящим от мира дамам. Девочкам регулярно подравнивали концы волос, для чего специально выбирался благоприятный день³⁷.

Не всех хэйанских аристократок природа наделила густыми волосами, у некоторых они начинали выпадать с возрастом³⁸, после рождения ребенка или после длительной болезни³⁹. Для придания волосам густоты широко использовались накладки (шиньоны), причем накладка, сделанная из собственных волос, считалась довольно дорогим подарком⁴⁰. Природный черный цвет волос дамы умело подчеркивали светлыми нарядами. Вот как описывает это Мурасаки Сикибу: «Я окинула взглядом придворных дам в белоснежных одеждах, сгрудившихся перед государыней, и отчетливое сочетание черного с белым напомнило мне превосходный рисунок тушью — темные волосы на белых одеждах»⁴¹.

Как видно из вышеприведенного ухода за волосами уделялось много времени. Немалая его часть — мытью, сушке (сушили волосы обычно лежа, расстелив волосы на полу) и расчесыванию. «Она лежала, раскинув мокрые пряди вокруг себя. Сошли они медленно, но не сбивались, не путались, а струились красивыми волнами»⁴².

Причесывать собственные длинные волосы, очевидно, было не под силу самим дамам, а, возможно, это занятие просто не соответствовало этикету, эту функцию брали на себя кормилицы, фрейлины или даже монахини: «Госпожу всегда причесывала монахиня, она попыталась распустить их сама, что оказалось довольно трудной задачей»⁴³.

Расчесывание волос можно, пожалуй, назвать своеобразным ритуалом, поскольку волосы причесывали даже умершим да-

---

³⁶ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 2, с. 74.

³⁷ Там же, т. 1, с. 162.

³⁸ Сэй Сёнагон. Указ. соч., с. 191.

³⁹ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 4, с. 228.

⁴⁰ Там же, т. 1, с. 296.

⁴¹ Мурасаки Сикибу. Дневник. Указ. соч., с. 410.

⁴² Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 3, с. 93.

⁴³ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 4, с. 228.

мам. «Совершая последние обряды, дамы расчесывали волосы ушедшей»⁴⁴.

В литературных источниках мы находим много описаний прекрасной дамы, вот такое, например, встречается в дневнике Мурасаки Сикибу: «Ее (госпожи Сэйсё) облик и движения — безупречны, рост — точно такой, какой нужно, полнота — в меру, черты лица — правильные, цвет кожи — красивый.

Дайнагон очень невелика ростом, можно сказать — мелковатая; кожа — белая и гладкая, тело — округлое. Одета она всегда превосходно. Волосы ее на три *сун*⁴⁵ превышают рост и ниспадают на пол; они так красивы и ухожены. И лицо ее тоже очень красиво; держится она с приятностью, говорить с ней — одно удовольствие. Госпожа Сэндзи также невелика ростом, но очень стройна. Волосы ее красивы и очень ухожены, перекрывая рост на целый *сяку*⁴⁶. Словом, она так хороша, что в ее присутствии чувствуешь собственную неловкость.

Госпожа Сайсе, дочь Китано, носящего третий ранг, — полноватая, но очень ладно скроена, хороша собой, и на губах ее играет приятная улыбка. Хотя поначалу она кажется чересчур яркой, сердцем она мягка и приятна, чем и повергает в смущение.

Мия-но найси также очень привлекательна. Рост ее точно такой, какой нужно. Она выглядит особенно хорошо, когда сидит, и облик ее несет на себе отпечаток времени нынешнего. Форма головы, волосы, лоб создают вкупе впечатление красоты и чрезвычайного обаяния. Она естественна, добра сердцем, не дает повода к недоверию и во всем может служить примером для подражания.

Госпожа Сикибу приходится ей младшей сестрой. Она слишком полна. Кожа ее выделяется белизной, а черты лица — весьма правильные. Волосы красивы — будто покрыты лаком, однако, видимо, не столько длинные, поскольку ко двору она является в парике. Ее чуть полноватое сложение производит весьма благоприятное впечатление. Глаза и лоб — особенно красивы, а улыбка исполнена обаяния.

Из молодых дам почитаются красивыми Кодая и Гэн сикибу. Кодая — невелика ростом и обладает внешностью во вкусе

⁴⁴ Там же, т. 4, с. 43

⁴⁵ *Сун* — мера длины, равная приблизительно 3,03 см.

⁴⁶ *Сяку* — мера длины, равная 10 *сун*, т. е. 30,3 см.

дня нынешнего; волосы у нее — будто покрыты лаком. Раньше, правда, они были еще гуще и превышали рост на целый сяку, но теперь поредели. Лицо ее — с острыми чертами и очень привлекательно. Внешность ее такова, что изъяна не сыщешь»⁴⁷.

Нельзя не отметить, что подобные описания весьма расплывчаты, кажется, что автор еще сам не определился, что считать привлекательным, а что — нет. Интересно, что редко упоминаются черты лица или отдельные его части, превалирует общее впечатление. Возможно, это связано с принятым в тот период этикетом, согласно которому знатные дамы должны были укрывать свои лица от взглядов посторонних мужчин, что и повлияло на минимизацию передачи женских лиц⁴⁸. Это же закономерно и для живописи периода Хэйан. Изображенные на свитках-эмаки дамы приблизительно одинакового типа: лица мягкой грушевидной формы, сужающейся книзу, широкие брови, узкие черточки глаз, аккуратный нос и рот. В парадном наряде они похожи на стаю бабочек: маленькая головка на пестром фоне свободных одеяний-крыльев. Неправдоподобно длинные прямые распущенные волосы мягко струятся по складкам облачений. Порой кажется, что дамы утопают в собственных нарядах (иллюстр. 16, 17, 18).

Немаловажной деталью в образе дамы была косметика. Чаще всего использовали белила, румяна, краску для бровей и помаду. Белила накладывали в несколько слоев, которые образовывали своеобразную маску. Так описывает это Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья»: «На девушках были надеты зеленые шлейфы с густо окрашенной нижней каймой, китайские накидки, длинные ленты стелются сзади вдоль шлейфа, концы шарфа падают с плеч, лица густо набелены».⁴⁹

Однако подобная маска была недолговечной, если дама, например, расчувствовавшись, начинала плакать, то слезы смывали белила, что, очевидно, портило внешний вид. Или если дама от смущения слишком сильно прижимала рукав к лицу, то «белила осыпались кусками, испещрив и шлейф и китайскую накидку, а лицо становилось пятнистым».

---

⁴⁷ *Мурасаки Сикибу*. Дневник. Указ. соч., с. 444–445.

⁴⁸ *Обороя Хисаси*. О:тё: то кидзоку (Императорские династии и аристократия). Токио, 1991, с. 165.

⁴⁹ *Сэй Сёнагон*. Указ. соч., с. 129.

Белила использовались всеми дамами, особенно теми, кто пытался скрыть свой возраст. Но иногда результат получался прямо противоположный: «Дамы покрыли лица толстым слоем румян и белил, отчего примириться с их безобразной наружностью стало еще труднее. Они прикрывают волосами щеки, не подозревая, какое жалкое зрелище являют собой сзади, злоупотребляют красками»⁵⁰.

Таким образом, получается, что косметика выполняла не только эстетическую, но и «защитную» функции, скрывая истинную внешность дамы от чужих глаз (недаром для этих же целей использовался веер или рукав). Использование дамой косметики являлось показателем ее аристократического происхождения. Наконец, за толстым слоем пудры можно было скрыть свой возраст или некоторые недостатки⁵¹.

Дамы, видимо, тщательно ухаживали за кожей, так как использование белил, вероятно, приводило к сухости и быстрому ее увяданию. Однако сведений о каких-либо косметических средствах в источниках встречается мало.

Считается, что хэйанские дамы выщипывали брови и вместо них на лбу наносились две широкие черты, что хорошо видно на свитках эмакимоно. Последним штрихом была помада: «Она наложила на губы ярко-алую помаду, тщательно причесалась и принарядилась».⁵²

Если попытаться представить образ дамы, внешность которой была только что описана, то он покажется, возможно, слишком ярким: белое лицо, оттененное черными волосами, ярко-алые губы, начерченные брови. Но если принять во внимание, что в традиционном японском доме никогда не бывает прямых лучей света и все погружено в полумрак, то, возможно, эти броские акценты становились более мягкими.

В «Новых записях о саругаку», составленных прославленным ученым мужем Фудзивара-но Акихира (989?–1066), автор рассуждает, какие характерные идеальные черты должны быть присущи аристократке. Он отображает не только черты внешнего облика, но и «внутреннюю красоту» — определенные мо-

---

⁵⁰ *Мурасаки Сикибу*. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 4, с. 24.

⁵¹ Там же, т. 2, с. 165.

⁵² *Мурасаки Сикибу*. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 2, с. 165.

рально-этические каноны, нормы, которым должна следовать дама. Он также в некоторой назидательной манере дает «антипод» красоты, т.е. те черты характера, манеры поведения, которых дамы должны во что бы то ни стало избегать. Вот как он представляет красавицу, которая в его повествовании называется Двенадцатой госпожой:

«У Двенадцатой госпожи есть пять [высокопоставленных] возлюбленных: ближний государев слуга, глава государственной канцелярии, старший судебный чин, служащий государственной канцелярии и помощник начальника левой управы по охране дворцовых врат.

Один из них посылает ей с нарочным письма, прикрепленные к ветке сливы, другой посылает стихи, написанные на лепестках „сакуры“. [Иными словами], любовные письма в ее адрес текут рекой.

Какой же ее внешний облик?

Декоративные шпильки для волос, сделанные из перьев зимородка, прекрасно гармонируют с волосами. Фигура ее, облаченная в прекрасные одеяния, обворожительна. Она источает бесконечное обаяние: и когда невзначай вздрогнут ее прекрасные, словно лепестки лотоса, веки и, когда тень улыбки появляется на ее лице. Ее брови вразлет, выкрашенные в темно-синий цвет, слегка изгибаются, и на лицо нисходит успокоение. Кажется, что все обаяние мира заключено в этой девушке. Госпожа не накладывает белил и румян, у нее от природы белоснежная кожа и легкий румянец. Ее влажные губы блестят, как спелые красные плоды. Светящаяся кожа сверкает белизной, словно снег. Красота белых пухлых ручек может сравниться с благородным сиянием яшмы. Ровные белоснежные зубы будто сделаны из раковин, привезенных из южных морей. Говорит она немного, но в ее словах есть особая манера — говорить только о важном. Голос у нее тихий. Слова — понятны. Ее одежды — от легких накидок до расшитых узорами одеяний — благоухают благородными ароматами орхидеи и мускуса. Она не выпускает из рук зеркальца, сделанного наподобие [раскрывшегося хвоста] фазана.

Девушка прилежна в обучении, старательно прописывает знаки письмом, известным под названием „следы птичьих лапок“.

Поскольку она со строгостью воспитывалась во внутренних покоях, подальше от чужих глаз, то никто о ней ничего толком не знал. Но слухи о ее красоте стали быстро распространяться в Поднебесной. И хотя она и жила в

дальних покоях, [которые недоступны постороннему взгляду], красота ее стала эталоном во всем мире.

Говорят, что если бы она была рождена во времена правления [китайского] императора Сюань-цзуна, то ее красоте, несомненно, приревновала бы сама Ян Гу-фэй, если бы она жила во время царствования [китайского] императора У-ди, то, несомненно, затмила бы красотой Ли Фу-жэнь»⁵³.

Нельзя сказать, что Фудзивара Акихира дал изображение внешнего облика конкретной красавицы, перед нами дама, прекрасная своей юностью и свежестью, но в его описании присутствует несколько «отсылок» на известные китайские каноны красоты: Ли Фу-жэнь, наложницу ханьского императора У-ди, и Ян Гу-фэй, знаменитую красавицу эпохи Тан, наложницу императора Сюань-цзуна. А как уже говорилось выше, эталоны красоты в Китае не были монолитны и изменялись с течением времени.

Описание век, уподобляемых лепесткам лотоса, бровей взлет, белоснежной от природы кожи, сравнимой с благородным сиянием яшмы, ровных белоснежных зубов — очень сходно с образом феи реки Ло (т. е. канона периода Вэй (III в. н. э.)). Таким образом, автор обращает читателя к некоему собирательному типу. Получается, что японский идеал вобрал в себя черты ханьского, вэйского и танского эталонов красоты.

«Тихий приятный голос» и «манера говорить только о важном» так же относились к одной из добродетелей, которой должна обладать дама-аристократка. Вот как описывает Сэй Сёнагон мнение одного из аристократов, То-но бэн, относительно женской привлекательности: «По мне, пусть у дамы будут косые глаза, брови шириной во весь лоб, нос приплюснут, если у нее приятный ротик, круглый подбородок и красивая шея, да голос не оскорбляет ушей»⁵⁴.

Благоухающая ароматами одежда — тоже дань китайской традиции. Благовония появились в Японии еще в VI веке, а к IX веку стали главным предметом роскоши, импортируемым из Китая. Они использовались в разных сферах: ими пропитывали одежды и воскуривали в помещениях, а также использовали в

---

⁵³ Фудзивара Акихира. Указ. соч., с. 160–161.

⁵⁴ Сэй Сёнагон. Указ. соч., с. 60.

религиозных целях и для участия в турнирах по составлению ароматов.

Фудзивара Акихира пишет, что госпожа «жила в дальних по-коях, [которые недоступны постороннему взгляду]», тем не менее, «красота ее стала эталоном во всем мире». Закономерен вопрос, каким же образом распространились слухи о ее красоте и совершенстве, если с самого рождения и по достижении брачного возраста юная девушка воспитывалась «за пологом» в доме родителей, которые пеклись о ней неустанно? Никто не знает о ней ничего, только молва о ее достоинствах, распространяясь, волнует сердца⁵⁵. Причем, как считает Мурасаки Сикибу, «домашние обычно замалчивают ее недостатки и, украшая достоинства, превозносят их повсюду»⁵⁶.

Дабы действительно соответствовать идеалам, дама должна была с детства совершенствоваться в игре на музыкальных инструментах, каллиграфии, поэзии, живописи, умении к месту и со вкусом подобрать ткани и узор для наряда, в составлении ароматов и многом другом. Вот как описывает наставления отца дочери Сэй Сёнагон в «Записках у изголовья»: «Прежде всего, упражняй свою руку в письме, затем научись играть на семиструнной цитре так хорошо, чтобы никто не мог сравниться с тобой. Но наипаче всего потрудись прилежно заучить на память все двадцать томов «Кокинсю»⁵⁷.

Умение выразить свои чувства и настроение в каллиграфии прививалось девушкам еще с юных лет. Обучение велось по прописям, составленным наставником, а нередко отцом девушки; так же существовал набор своеобразных «современных прописей»⁵⁸, изучение которых было обязательно. В то время были популярны прописи школы Фудзивара Юкинари, известного каллиграфа из плеяды «Сансэки»⁵⁹ — «Три лучшие кисти». Возможно, под прописями понимаются рукописи текстов поэтических антологий «Кокинсю», исполненные кистью Юкинари, которые стали считаться классическими образцами каллиграфии.

---

⁵⁵ Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 1, с. 23.

⁵⁶ Там же, т. 1, с. 23.

⁵⁷ Сэй Сёнагон. Указ. соч., с. 22.

⁵⁸ Там же, с. 110.

⁵⁹ В эту плеяду помимо Фудзивара Юкинари входили также Оно Тофу и Фудзивара Сукэмаса.

Представляется, что именно это имеет в виду автор «Новых записей о саругаку», говоря о том, что Двенадцатая госпожа прилежна в учении и старательно прописывает знаки письмом, известным под названием «следы птичьих лапок» (речь идет о хирагане и катакане).

Обучение каллиграфии было призвано развить творческое начало и выработать свой собственный неповторимый стиль. Простое копирование считалось признаком бесталанности. Ритм, скорость нанесения черт, тональность туши, пространственная композиция — в каждом случае это был экспромт. Сложившийся стиль письма — это комбинация мастерства и воображения, умения меняться в зависимости от настроения и способности выразить в нем часть собственного мироощущения.

С раннего детства девочек также обучали игре на различных музыкальных инструментах: *бива*⁶⁰, *кото*⁶¹ и флейте. Музыка была не только развлечением, она создавала настроение. Изящество и мелодичность привлекали так же, как каллиграфический почерк или удачное стихотворение, а запоминающаяся манера игры могла стать мерилom симпатии или антипатии в отношении дамы. Многими исследователями отмечается, что музыка для аристократии периода Хэйан была большим, чем просто приятное время препровождение. Игра на музыкальных инструментах — это особое состояние духа, когда звуки идут от сердца, когда граница реального и нереального постепенно исчезает, оставляя ощущение эфемерности и зыбкости существования. Так, один из персонажей «Повести о дупле» говорит о том, что значит для него игра на кото: «Весной проникать мыслью в пение соловья, в горы, окутанные легкой дымкой, в ароматы цветов. В начале лета думать о крике кукушки в ночи, о блеске утренней зари, о роще звезд, сияющей на небе. Осенью думать о дожде, о яркой луне в небесах, о цикадах, стрекодящих на разные голоса, о шуме ветра, о небе, виднеющемся сквозь покрытые багряными листьями ветви клена. Зимой —

---

⁶⁰ *Бива* — четырехструнный музыкальный инструмент, похожий на лютию.

⁶¹ *Кото* — щипковый струнный инструмент. Различают несколько видов *кото*: *кото* «со», *кото* «кин» (или китайское *кото*) и японское *кото* — все они схожи внешне за исключением количества струн и напоминают гусли.

об изменчивых облаках, о птицах и зверях; глядя при блеске утра на покрытый снегом сад, представлять высокие горные пики, ощущать течение воды на дне чистых прудов. Глубоко чувствующим сердцем и высокой мыслью объять разнообразные вещи. Следя за их изменениями, познать изменчивость всего сущего. Задуматься, как выразить все это в звуках кото. И таким образом проникнуть благодаря музыке в суть тысячи вещей»⁶².

Музыка в понимании японцев того времени — поэтична, а поэзия — музыкальна, они единое целое в мире печального очарования вещей. «Музыка — это то, чем святые приводили в движение Небо и Землю, прокладывали путь к божествам, успокаивали народ и создали правильные эмоции»⁶³, — написано в «Истории династии Хань». «Без всяких усилий движет она Небом и Землю; пленяет даже богов и демонов, незримых нашему глазу; утончает союз мужчин и женщин; смягчает сердца суровых воинов...»,⁶⁴ — вторит Ки-но Цураюки в предисловии к «Кокинсю», «Собранию старых и новых японских песен», когда пишет о силе слова, стиха, песни.

Любопытна причина столь пристального внимания к заучиванию стихотворений. Любая антология — это не только сборник стихотворений в нашем понимании, для аристократии периода Хэйан — это своеобразный «разговорник», хранилище множества устоявшихся эпитетов и метафор. Знание поэтических антологий служило не только мерилom образованности, оно было необходимо, чтобы разговаривать, писать, сочинять на понятном всем «языке чувств и образов».

Умение быстро вспомнить какое-либо стихотворение из антологий на определенную тему, то есть эрудированность дамы, ценилось не меньше, чем умение подобрать наряд. Государь или государыня могли в любой момент попросить придворных дам написать «старинную танку, любую, что вспомнится»⁶⁵. Императрица положила перед собой тетрадь со стихами из

---

⁶² *Повесть о дупле*. Указ. соч., т. 2, с. 413–414.

⁶³ Хань шу (История династии Хань). Сост. Бань Гу. Пекин, 1975, том 4, с. 1039.

⁶⁴ Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках. Л., 1927, с. 94.

⁶⁵ *Сэй Сёнагон*. Указ. соч., с. 18.

«Кокинсю». Прочитав вслух начало танки, она спрашивала, какой у нее конец. Некоторые песни мы денно и ночью твердили наизусть, так почему же теперь путались и все забывали?»⁶⁶. Нелестно высказывание Сэй Сёнагон об одной из дам: «Госпожа Сайсё помнила от силы с десяток стихотворений...Скажешь ли, что она знаток поэзии?»⁶⁷ Но есть и примеры, когда дама с достоинством выдерживала испытание на быстроту ума: «Государь снова начал испытание. Но не успеет он дочитать танку до конца, как госпожа Сэнтёдэн уже дает точный ответ, не ошибившись ни в одном слове»⁶⁸. Идеал, к которому должны были стремиться все дамы: не только помнить наизусть все двадцать свитков «Кокинсю», но и уметь использовать сложившиеся в ней поэтические образы в своих собственных стихах.

Китайской литературе аристократок периода Хэйан, как правило, не обучали. «Женщина, постигшая все тонкости Трех историй и Пяти книг, в моих глазах скорее проигрывает в привлекательности. Правда, я не могу сказать, что предпочел бы иметь дело с особой, не получившей вовсе никакого образования. Женщин не принято обучать наукам»⁶⁹.

Тем не менее, обладая сообразительностью, некоторые дамы тайно осваивали и «истинные знаки» (иероглифы), но недопустимым считалось перегружать ими свои письма, особенно обращенные к женщине же.

Возможность хоть краешком глаза увидеть даму, столь строго воспитывавшуюся в «дальних покоях», представлялась придворным аристократам, например, во время синтоистских и буддистских празднеств, когда придворные отправлялись взглянуть на торжественную процессию из экипажа⁷⁰; в усадьбе через двери галереи, по неосторожности оказавшиеся незакрытыми; через неплотно задвинутые скользящие двери-сёдзи; или даже в просветах решетки. Хотя во внутренних покоях ставились занавесы и ширмы, дама прятала лицо за веером, а в помещениях павильонов всегда царил полумрак, все же иногда молодым людям улыбалась удача, и удавалось увидеть очертан-

---

⁶⁶ Там же, с. 21.

⁶⁷ Сэй Сёнагон. Указ. соч., с. 23.

⁶⁸ Там же, с. 23.

⁶⁹ Мурсаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 1, с. 37.

⁷⁰ Сэй Сёнагон. Указ. соч., с. 41.

ния дамы или многоцветные края одежд, выглядывающие из-под занавеса⁷¹. Звуки *кото* или *бива*, прочитанное вслух стихотворение, ответ на любовное послание, аромат благовоний, даже случайно выбившийся из-под занавеса подол платья — это немного и создавало образ прекрасной дамы. Как видно из приведенных примеров, внешней привлекательности вовсе не отводилось лидирующее место.

В качестве противоположности идеалу красоты Фудзивара Акихира приводит образ Тринадцатой госпожи:

«Среди всех девушек — эта самая неотесанная деревенщина. Груба, как простолюдинка. Она некрасива собой и, в общем, не то, что следовало бы выставлять напоказ. У нее скверный характер, и о муже она совсем не заботится.

Если взглянуть на нее, [увидим]: волосы растрепаны, лоб слишком узкий, зубы торчат в разные стороны, подбородок [слишком] вытянут. Мочки ушей обвисли. Челюсть тяжеловата, скулы выдаются, а книзу сужаются «клинышком». Зубы неровные, расположены на большом расстоянии друг от друга. Болтает без умолку. Переносица кривая. Голос неприятен и гнусав. Сзади у нее горб, спереди грудь выпячена. Живот выпирает, как у лягушки. Ходит она неуверенной походкой, припадая на одну ногу, отчего походка ее похожа на крокодилию. Кожа вся шероховатая, как у акулы или сома.

Шея у нее короткая, к тому же ворот *кимono* [постоянно] велик. Ростом она высока, а потому юбка-*мо* [всегда] слишком коротка. От нее дурно пахнет, а по всему одеянию скачут блохи. Руки, огромные, как медвежьи лапы, похожи на грабли. Крупные плоские ступни напоминают мотыгу. Напудрится — и ее лицо становится похоже на лисью морду. Чрезмерно нарумяненные щеки выглядят как седалище у бабуина. При всем этом она до крайности распутна, завязывает отношения с мужчинами без разбора. Она еще и ревнива, да и душа ее особенно ни к чему не лежит. Ни ткать, ни шить она не умеет. Жить по средствам и вести хозяйство также не способна. Все сбережения, что имела — спустила на ветер. [Одно странно]: таких дам все же по ночам посещают мужчины»⁷².

Этот отрывок довольно показателен в самой манере изложения, автор использует весьма изящный прием, говоря матема-

⁷¹ Там же, с. 75.

⁷² Фудзивара Акихира. Указ. соч., с. 168–171.

тическим языком, доказательства от противного: довольно просто изменить суть описания с «минуса» на «плюс», чтобы получить эталон хэйанской дамы.

Само понятие аристократки периода Хэйан тождественно наличию художественного вкуса и тонкости чувств, умению создать собственный облик, проникнутый подлинным очарованием. Соответственно, дама должна была обладать определенными навыками. Например, одной из обязанностей замужней дамы являлась забота об одеянии мужа и сына⁷³, она должна была заниматься воспитанием детей, обучением их каллиграфии, стихосложению, рисованию, музицированию и т. д.

Управление усадьбой и подготовка к всевозможным празднествам и церемониям утвари, одежды, угощения, подарков, настройка музыкальных инструментов для предстоящего вечера — также находились в ведении супруги⁷⁴.

Дама должна была уметь вести хозяйство. Финансовое положение семьи играло немаловажную роль, поскольку от этого зависела судьба детей. Известен случай, когда один знатный чиновник переложил финансовое бремя по содержанию семьи на жену, и она оставила его: «Я вышла замуж за знатного человека, но всех здесь, начиная с себя самой, я одеваю на те деньги, которые зарабатываю торговлей. Подыщу-ка я себе более подходящего мужа, — и Токумати покинула дом Такамото»⁷⁵. Т. е. дама была финансово независима и не желала тратить деньги попусту. Или противоположный случай, когда вдова Левого министра всего, не зная меры, за несколько месяцев потратила все имеющиеся средства на возлюбленного. «Поступлений у дамы не было никаких. Она продавала и шкатулки для гребней, и поля, а деньги тратила без счета. И хоть было ее богатство огромным, но, в конце концов, вдова обеднела»⁷⁶.

Неэтичным и неэстетичным считались в женщине непреклонность, недовольство, чрезмерная ученость, непокорность⁷⁷, мстительность и особенно — ревность⁷⁸. Даме должна быть

---

⁷³ Повесть о дупле. Указ. соч., т. 2, с. 94.

⁷⁴ Там же, т. 1, с. 253, 269, 89.

⁷⁵ Повесть о дупле. Указ. соч., т. 1, с. 149.

⁷⁶ Там же, т. 1, с. 103.

⁷⁷ *Мурасаки Сикибу*. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 2, с. 6.

⁷⁸ *Сэй Сёнагон*. Указ. соч., с. 181.

присуща хрупкость, нежность и кротость⁷⁹. В романе «Путаница», к примеру, мы встречаем эпизод, где перечисляются достоинства девушка аристократического происхождения: она должна быть «слабой, милой, покорной, игривой, трогательной, мягкой, податливой»⁸⁰.

Однако если говорить о нормативно-правовых моментах, то эпоха Хэйан стала периодом, когда нормативная база, действовавшая в период Нара, столкнулась с определенными трудностями: китайская правовая традиция, заимствованная с материка, вступила в «конфликт» с привычными нормами обычного права. С одной стороны, существовал кодекс законов «Тайхорё», составленный в начале VIII века. Сохранившиеся статьи свода указывают на то, что они были заимствованы в практически неизменном виде из танского Китая. Например, в «Тайхорё» указывается семь причин, по которым мужчина имел право развестись с женой: если она бездетна, развратна, непослушна свекру или свекрови, если много сплетничает, если воровата, ревнива или больна дурной болезнью⁸¹. И нарушение этих брачных норм каралось в соответствии с танскими правовыми нормами: в зависимости от тяжести нарушения, например, ссылкой на принудительные работы, или сотней ударов тяжелыми палками⁸². С другой стороны, существовали собственные правовые традиции, в основе которых лежала социальная форма контроля. «Императорский рескрипт гласит: «Верный муж и преданная жена пользуются нашими милостями»⁸³, — пишет Отомо Якамоти одному из своих подчиненных, пожелавшему жениться повторно.

Вышесказанное позволяет с определенной долей уверенности утверждать, что в период Хэйан происходит оформление придворного эстетического идеала, которому были присущи определенные особенности. Дама-аристократка должна была обладать художественным вкусом, тонкостью чувств и умением

---

⁷⁹ *Мурасаки Сикибу*. Повесть о Гэндзи. Указ. соч., т. 1, с. 109.

⁸⁰ *Путаница*. Указ. соч., с. 52.

⁸¹ Свод законов Тайхорё 702–718. М., 1985, том 1, статья 28.

⁸² Мангёсю. Пер. с япон. и комментарии А. Е. Глускиной, М., 1972, т. 3, с. 370.

⁸³ Рицурё (уголовные и гражданские законы). Под ред. Иноуэ Мицу-сада и др. Токио, 1994, с. 564.

создать собственный облик. Немаловажное (но отнюдь не первостепенное) значение придавалось внешнему виду. Одним из важнейших элементов облика дамы был костюм. Подбор цвета, тканей и узоров сообразно случаю, шитье нарядов, наконец, сам процесс облачения в многослойные одежды занимали много времени и требовали определенных умений. Одежда служила определенным статусным и социальным показателем, «индикатором» благосостояния и вкуса, она была символична и многофункциональна.

Не менее символичными и «говорящими» были прическа и грим. Волосы придворной дамы являлись важным дополнением ее костюма, считалось привлекательным, если волосы были черные как смоль, длинные (длиннее собственного роста), прямые и блестящие. Можно выделить следующие «правильные черты лица» хэйанской дамы: лицо овальной формы; округлый подбородок; широкий, благородно очерченный лоб; тонкий профиль; приятный рот; белые ровные зубы; легкий румянец; брови вразлет; красивая шея; трогательное, задумчивое выражение лица; белоснежная кожа; маленькие пухлые ручки.

Кроме того, в представлениях хэйанских аристократов идеальная дама была в меру образованна, научена слагать стихи, обладала прекрасным почерком и умела вести переписку, играла на музыкальных инструментах, владела искусством составления ароматов.

Следует отметить еще несколько немаловажных особенностей, имеющих непосредственную связь с формированием канона в период Хэйан. Во-первых, абсолютно очевидно, что в процессе формирования эстетического канона представители придворного общества использовали многие идеи корейской и китайской культуры. Однако следует оговориться, что ни китайский, ни корейский каноны красоты в период раннего средневековья не были устойчивы. Если в Китае в III–VI вв. доминировал образ легкой, почти эфемерной красавицы небесной девы, то VII в. идеалом стал противоположный вариант. Поэтому при заимствовании китайских идей в Японию могли проникать разновременные представления о прекрасном и безобразном.

Эта особенность делает довольно сложным понимание хэйанского эстетического идеала. С одной стороны, он многослоен, в нем присутствуют элементы китайских и корейских культур

разных эпох. С другой стороны, хэйанский идеал красоты является собой нечто сформировавшееся, имеющее свои законы и находящееся под воздействием жизненного уклада придворного общества.

Таким образом, Японская культура периода Хэйан представляет собой гетерогенную по происхождению и сложную по позиции многослойную систему, многочисленные элементы которой, находясь в органическом взаимодействии, образуют различные подсистемы.

Общеизвестно, что период Хэйан — время блестящей культуры. Её характерная особенность по сравнению с предыдущими (VII–VIII вв.) и последующими (XVI — начало XVII вв. и вторая половина XIX в.) эпохами состояла в самостоятельном развитии, свободном от постоянного влияния континентальной культуры. IX–XI вв. — это период, когда иноземные заимствования, которые стимулировали развитие японской культуры, были переработаны с учетом местных многовековых традиций. В результате была создана возвышенная культура хэйанского двора (япон.: *отё бунка*), являющаяся важнейшим компонентом самобытной национальной культуры (япон.: *кокуфу бунка*).

Еще одной специфической чертой хэйанской культуры была ее динамичность. Во многом это объясняется ее синкретизмом, ведь ни у одной идеологической системы не было монопольной власти. Придворное общество в целом, и соответственно, каждый его представитель (за исключением разве что служителей культа), отдавая предпочтение буддизму, принимали и синто, и конфуцианство, и систему *инь-ян* и другие автохтонные или заимствованные из Китая системы. Все эти системы и образующие их подсистемы находились по отношению друг к другу в постоянном движении. Элементы, преобладавшие в IX в., в середине X в. уходили на второй план. При этом эта динамичная многоуровневая система не разваливалась и до определенного времени пребывала в гармонии — единстве многообразия.

Иллюстрации

Илл. 1. Гу Кайчжи. Фея реки Ло

Илл. 2. Гу Кайчжи. Наставница поучает придворных дам

Илл. 3. Чжоу Хан. Придворные дамы с прическами, украшенными цветами

Илл. 4. Чжоу Хан. Сцена из придворной жизни

Илл. 5. Керамика.
Придворная дама. VIII в.

Илл. 6. Чжоу Фан. Ян Гу-фэй
после купания (780-810)

Илл. 7. Тэндзюкоку мандала. Деталь вышивки на шелке. 623 г.

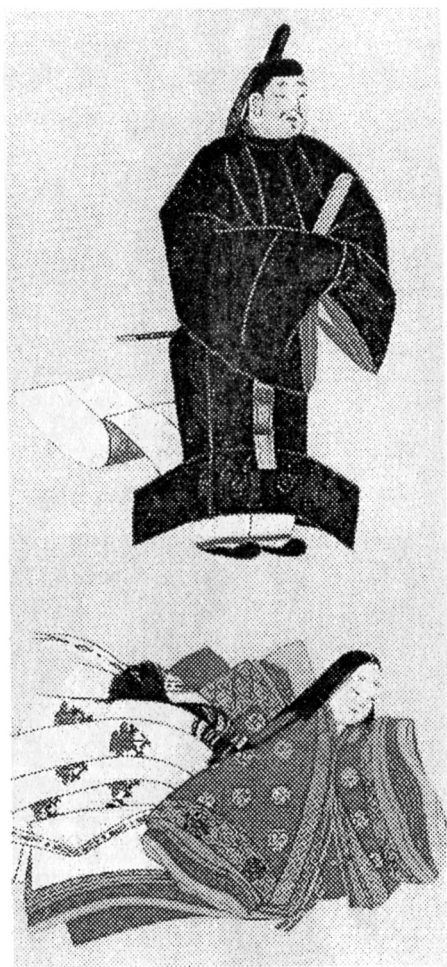
Илл. 8. Принц Сётоку

Илл. 9. Фреска с изображением придворных дам. Такамацу дзука

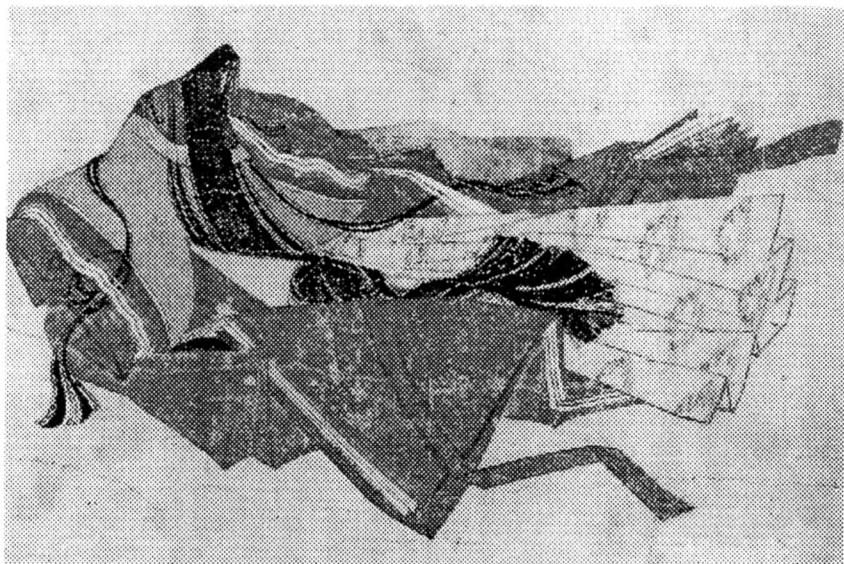

Илл. 10. Костюм придворной дамы и государственного чиновника эпохи Нара

Илл. 11. Костюм эпохи Хэйан

Илл. 12. Костюм эпохи Хэйан

Илл. 13. Иллюстрация к «Манъёсю»

Илл. 14. Гэндзи моногатари эмаки

Книги *хинагата* как источник для изучения орнаментики кимоно

А. А. Дулина

Время наивысшего расцвета японской моды, развития японского кимоно пришлось на эпоху Эдо (1603–1867 гг.). Богатство текстильной продукции и разнообразие орнаментики свидетельствовали о формировании новой по своим художественным формам и содержанию культуры, достигшей расцвета в период Гэнроку (1688–1704 гг.). Именно тогда появились специальные книги *хинагата*¹, которые составлялись мастерами кимоно. Книги-ксилографы представляли собой небольшие брошюры, страницы которых были гравюрами.

Создание первых *хинагата* относится к 1661–1673 гг. Они продавались в розницу, что приносило определенную прибыль их авторам. Уже к 1666 году было продано около 200 книг. Создание книг *хинагата* продолжалось на протяжении 150 лет, но с наступлением эпохи Мэйдзи (1868–1912 гг.) интерес к ним постепенно угас. В настоящее время сохранилось 120 книг *хинагата*, благодаря которым можно проследить историю развития декора на кимоно, выявить цикличность моды. В последнее время мастера кимоно вновь стали обращаться к старым книгам *хинагата*. На их основе современные авторы создают новые орнаменты и декоры кимоно.

Обратимся к этимологии слова *хинагата*. Оно происходит от сочетания двух иероглифов: *хина* 雛 и *ката/гата* 形, которые буквально означают «образец, модель». Слово *хина* означает «кукла, что-то небольшое и драгоценное» и связывается с праздником кукол *хинамацури*¹. Подобно тому, как маленькие куклы *хина* моделируют императорскую чету с их двором, так и буклеты *хина* представляют отображение реальных предметов — кимоно.

---

¹ Хасимото Сумико. Кимоно-но рэкиси (История кимоно). Токио: Кавадэ Сёбо: Синся, 2005, с. 79.

Существует легенда о появлении первой книги *хинагата*, которая описана в книге «Охинагата Мандзёсю»² («Высокаяⁱⁱ книга *хинагата* десяти тысяч женских образов», 1673–1684 гг.): «Китайский император разводил при дворе бабочек, из коконов которых производили шелк для одежды. В Японии дочь и сын богини *Аматэрасу* тоже держали таких насекомых. Они делали одежду для богини *Аматэрасу*. В то время жена императора Итидзё была превосходным чтецом японских песен. Она очень хотела возродить забытые традиции и вещи, утраченные временем. Императрица попросила своих помощниц копировать орнаменты с подаренных ей *косодэ*ⁱⁱⁱ на бумагу. Так появились первые *хинагата*»³. Поскольку достоверных источников, подтверждающих подлинность описанной легенды, не существует, вопрос об истории создания первой книги *хинагата* остается открытым.

Первое время авторы не указывали своих имен на книгах *хинагата*, поскольку большинство из них были людьми низших социальных условий. Часто в послесловии можно встретить такую фразу: «Мне стыдно писать имя на своей *хинагата*. Не стоит она таких высоких песен»⁴. Однако со временем книги перестали быть анонимными, зачастую имели двух авторов, которые создавали не только орнаменты к кимоно, но и комментарии к ним.

Были и такие *хинагата*, где один человек был художником орнаментов и одновременно автором комментариев, а другой — занимался «вписыванием и компоновкой» этих узоров в форму кимоно, каждый раз создавая уникальный декор. Подобные книги *хинагата* были редкостью, но имели большой спрос в кругу издателей. Возможно, их популярность обусловлена, прежде всего, широким разнообразием орнаментов, которые мастер создавал буквально из 5–6 узоров, его умением сочетать элементы, до того времени никогда не сочетаемые.

---

² Охинагата Мандзёсю: (Высокая книга *хинагата* десяти тысяч женских образов) // Косодэ монё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 29.

³ Там же, с. 29.

⁴ Мэйсё хинаката (Книга *хинагата* с видами достопримечательностей) // Косодэ монё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 2. Токио, 1975, с. 23.

Подробнее остановимся на типологии книг *хинагата*. Они подразделяются на различные роды и виды⁵. Существует деление книг по авторам — создателям орнаментов, по типам описаний, сопровождающих рисунки, и комментариев. Например, *хинагата*-путеводитель по орнаментике или *хинагата* как каталог представленных в ней декоров кимоно с прилагаемым списком возможных цветовых оттенков для тканей. Наиболее общей классификацией *хинагата* является время написания книги.

Структура построения книг *хинагата* одинакова: авторское вступление, эскизы орнаментов кимоно с дополнительными к ним комментариями и заключительные слова автора о книге в целом.

Во вступлении автор рассказывает либо легенду о появлении того или иного рисунка, либо описывает современную ему среду формирования орнаментов кимоно, либо начинает лирическое повествование с зарисовками окружающей его природы, времени года, своего настроения.

Например, вступление к *хинагата* «Тоси-но хана» («Цветы молодости», 1691 г.) автор начинает с таких строк: «Мужчина — это неприступная гора, / женщина — это цветы, растущие у подножия этой горы. / Эти цветы от ветра качаются так же, как волнуется сердце. / Это волнение передают рукава на *косодэ*. / В зимнее время цветы камелии сазанквы и нарциссы^{iv} срезают и связывают в пучок. / Кто-то спросил — что это? Это роса — был ответ»⁶. Примечательно то, что весь комментарий к этой книге *хинагата* написан в поэтической форме *нагаута*.

Чаще всего встречаются вступления с объяснением назначения самих книг *хинагата*. В то время не существовало книг с описаниями правил изготовления кимоно, расположения орнамента на ткани, методов окраски или вышивки узоров. Более того, у мастеров кимоно возникала путаница в том, где окажется орнаментируемая часть кимоно: спина или правая пола кимоно (по правилам одевания кимоно правая пола остается закрытой левой половиной, поэтому основная часть декора правой

---

⁵ Эдо-но фассёнбук: хинагата (Журналы мод эпохи Эдо: *хинагата*) // *Уцукусии кимоно* № 211 (Красивое кимоно). Токио, 2005, март, с. 42–43.

⁶ Тоси-но хана (Цветы молодости) // *Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй* (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 2. Токио, 1975, с. 5.

полы всегда сокрыта от взгляда и только при ходьбе нижняя часть полы чуть приоткрывается).

Приведем пример такого вступления, написанного в книге «Рю:фу:эхон охинагата»⁷ («Великая книга *хинагата* с иллюстрациями направлений в моде», 1684–1688 гг.): «Подобных книг, где нет описания правил, что одеть наверх, а что вниз [где левая или где правая пола кимоно] было много. Обычно не написано, где будет линия отреза для левой или правой полы кимоно и не ясно, где окажется орнамент — спереди или сзади. Например, узор правой полы оказывается на спине, или узор с рукава оказывается спереди под левой половиной. Почти не было книг, где есть объяснения о расположении орнамента, поэтому мастера изготавливали книги с объяснениями. Хочу написать более подробную книгу с объяснениями, которые были бы самым сокровенным»⁸.

Эскизы орнаментов помещены в условную форму *косодэ*, с целью схематично показать расположение декора на всей плоскости платья *косодэ*. Новый живописный стиль, в котором изображали кимоно как холст с узорами, был находкой для мастеров кимоно. Необходимо отметить, что несмотря на излишнюю насыщенность декора мелкими орнаментальными деталями, каждая его отдельно взятая часть была мастерски выписана.

Нередко автор выносил на отдельную страницу интересный ему узор, чтобы детально показать все его особенности. Более того, есть книги *хинагата*, в которых мастер дает свой комментарий к вынесенным узорам. Объяснения написаны в краткой форме: «Вне времени написанные алые осенние листья клена (*момидзи*), когда нет цветов, похожи на зимние цветы»⁹.

Существуют книги *хинагата*, где рядом с эскизом орнамента, заключенного в форму *косодэ*, изображена девушка в этом *косодэ* (см. рис. 1). Такого рода книги называются «Косодэ-но

---

⁷ Рю:фу:эхон охинагата (Великая книга *хинагата* с иллюстрациями направлений в моде) // *Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй* (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 35.

⁸ Там же.

⁹ *Косодэ-но сугатами хинагата* (Книга *хинагата* — зеркало с отражением *косодэ*) // *Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй* (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 49.

сугатами хинагата»¹⁰ («Книга *хинагата* — зеркало с отражением платья *косодэ*», первая из них датируется 1684–1703 гг.). Цель автора заключалась в том, чтобы наглядно продемонстрировать пластику орнамента. Образ и фантазия становятся одним целым в кимоно. По словам мастера Моригути Како, «главное в орнаменте — цветение цветов как цветение девушки, отражение ее женственности».

Довольно часто авторы книг *хинагата* обращаются к памятникам литературы предшествующих эпох таким, как «Кодзики» («Записи о деяниях древности», VIII в.), «Манъё:сю:» («Собрание мириад листьев», VIII в.), «Исэ моногатари» (начало X в.), антологии «Хякунин иссю» («Сто стихотворений ста поэтов», XIII в.), составленной Фудзивара-но Тэйка, роману «Гэндзи моногатари» («Повесть о принце Гэндзи», XI в.).

Одним из примеров является книга «Симпэн хякунин иссю сё: хинагата»¹¹ («Книга *хинагата* с новой редакцией комментариев для «Ста стихотворений ста поэтов», 1692 г.). В ней автор не только пытался создать эскиз орнамента на выбранное им стихотворение *вака*, но и давал к ней свой комментарий или трактовку этой песни. «Если изображать сливу — она не пахнет, если изображать снег, то он не холодный. Нельзя отразить запах или холод кистью. Когда-то мастер Тэйка с горы Огура^v пытался собрать написанную в картинах поэзию «Хякунин иссю» и распространить ее, но каким образом можно отразить глубину стихов на картине?» — пишет автор *хинагата* «Огураяма хякусю хинагата»¹² («Книга *хинагата* «Сто стихотворений поэта с горы Огура», 1688 г.).

Комментарии к песням из «Хякунин иссю» в целом были направлены на объяснение созданного узора на *косодэ*, изображенного рядом. Мастер стремился изобразить кистью больше, чем было сказано словами песни. Но при этом обязательно что-

---

¹⁰ Там же, с. 49.

¹¹ Симпэн хякунин иссю сё: хинагата (Книга *хинагата* с новой редакцией комментариев для «Ста стихотворений ста поэтов») // *Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй* (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 2. Токио, 1975, с. 12.

¹² Огураяма хякусю хинагата (Книга *хинагата* «Сто стихотворений поэта с горы Огура») // *Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй* (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 47.

то должно остаться не высказанным, не изображенным. Мастера кимоно очень любят создавать смещенные узоры строгого орнамента с оставлением пустого пространства, которое именуется термином *ма*^{vi} (см. рис. 2). Именно для монохромной живописи характерной особенностью была эта эстетическая категория¹³. Например, художник намечает сюжетную композицию несколькими штрихами кисти, оставляя большую часть пространства бумаги или шелка пустым для свободы воображения. В XIX веке литератор Оакура Какудзо (1862–1913) в своей «Книге о чае» называет тягу японцев к *ма* «поклонением Несовершенству»¹⁴. Возможно, лучшей иллюстрацией этому может послужить то, что японцы предпочитают любоваться не полной осенней луной, а за два-три дня перед полнолунием, когда форма луны еще не выявлена до конца.

На рисунке 4 представлен орнамент, взятый из книг *хинагата* под названием «Гэндзи хинагата»¹⁵ («Книга *хинагата* по роману «Повесть о принце Гэндзи», 1687 г.). Эпоха Хэйан всегда привлекала к себе внимание мастеров кимоно. Многие мастера эпохи Эдо искали в этой эпохе «источник утонченной простоты, лирическую гармонию»¹⁶. Узоры, взятые из романа «Гэндзи моногатари», были цитатами из аристократической эпохи. Цитатами в буквальном смысле слова, потому что автор упомянутой *хинагата* приводит некоторые отрывки из текста оригинала.

Все эскизы обычно дополнены комментариями, написанными скорописью. В некоторых из них автор описывает процесс создания книг *хинагата*: «Не видно мелких цветов глицинии (*фудзи*), целиком видны ее грозди. Глядя на цветы и растения, зарисовываешь их в книги. Каждый вечер в свободное время рассматриваешь книги с друзьями. А потом передаешь их ху-

---

¹³ Григорьева Т. П. Движение красоты. Размышления о японской культуре. М.: «Восточная литература» РАН, 2005, с. 198.

¹⁴ Okakura Kakuzo. The Book of Tea. Rutland (Vt.)–Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1956, p. 4.

¹⁵ Гэндзи хинагата (Книга *хинагата* по роману «Повесть о принце Гэндзи») // Косодэ монгё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 40.

¹⁶ Ветер в соснах. Классическая поэзия танка в эпоху Эдо. Пер. с яп., коммент. А. А. Долина. СПб.: Гиперион, 1997, с. 15.

дожнику, чтобы он переносил эти рисунки в *хинагата*, которые называются «Цурэдзурэсю:и^{vii} хинагата»¹⁷ («Хрестоматия досуга» в книге *хинагата*», 1681–1688 гг.). Чтобы опровергнуть мнения о том, что книги *хинагата* создавались для развлечения, автор в комментарии писал следующее: «Если изобразить живое на безликой горе, то кажется это очень естественным»¹⁸. Так метафорично он говорил о том, что *хинагата* — это хорошо продуманные и обдуманые книги, хотя на первый взгляд они могут показаться беспорядочным набором природных зарисовок: «При создании *хинагата* мастер тщательно обдумывает все цвета и компоновку узоров, но читателю этого не заметно»¹⁹.

Есть комментарии, в которых автор предпочитает останавливаться на описании особенностей взаимодействия одного типа орнамента с другим в одной плоскости кимоно. Иногда встречаются краткие характеристики символов узоров, используемых в создании орнамента: «Сейчас популярны орнаменты, которые отражают чувства влюбленности — повозка, украшенная цветами (*ханагурума*)^{viii}, возникает интерес к обмену подарками»²⁰.

Можно встретить комментарий к *хинагата* с аргументацией того, зачем мастер вводит в декор иероглифику: «На морском берегу много песка, эти песчинки можно пересчитать, но слов намного больше, и их не счесть. В иероглифах, написанных мастером, видишь картины, которые становятся орнаментами»²¹. В обществе в период Эдо было много шутников и люби-

---

¹⁷ Цурэдзурэсю:и хинагата («Хрестоматия досуга» в книге *хинагата*) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 33.

¹⁸ Косодэ-но сугатами хинагата (Книга *хинагата* — зеркало с отражением *косодэ*) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 49.

¹⁹ Там же.

²⁰ Гэндзи хинагата (Книга *хинагата* по роману «Повесть о принце Гэндзи») // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 40.

²¹ Дзёхинагата ё:бунсё: (Записи о женских книгах *хинагата*) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 2. Токио, 1975, с. 19.

телей шарад. Декор кимоно представлял своего рода определенные ребусы (см. рис. 3). В орнаментах можно было найти игру слов, изречения из классической поэзии. Несомненно, что в эпоху Эдо носить кимоно, декорированное визуальными шарадами, было некоей игрой, которая приносила людям большое удовольствие от разгадывания и расшифровки того или иного значения узора.

Некоторые авторы приводят собственные рекомендации по окраске тканей, вышивке декора и т.д. Например, в содержании *хинагата* присутствуют такие темы, как:

- способ окраски без вышивки;
- понятия о временах года;
- безвкусная окраска;
- положительные и отрицательные моменты в окраске;
- окраска ткани для женских кимоно;
- окраска в технике *каноко-сибори*^{ix};
- окраска ткани для вечерних кимоно;
- орнаменты для *юката*^x;
- окраска в технике *Эдо-каноко сибори*^{xi} в провинции Бунго;
- окраска различными оттенками^{xii};
- кимоно центральной Японии, окраска и орнамент;
- орнамент кимоно мастера чайной церемонии;
- модные орнаменты и окраска^{xiii}.

Кроме того, встречаются такие *хинагата*, в которых ученики известных мастеров орнаментики в виде коротких заметок описывают подробную последовательность действий своих учителей-мастеров. Примером такой *хинагата* является «Юдзэн хинагата» («Книга *хинагата* мастера Юдзэн»^{xii}): «Я, к счастью, хорошо знал Миядзаки и мог хорошо обучиться у него. Так я смог создать книгу *хинагата* по наставлениям Миядзаки и распространить ее.

В моей книге есть, например, о том:

²² Имаё охинагата (Книга *хинагата* на злобу дня) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 33.

²³ Сёкоку хинагата (Книга *хинагата* японских провинций) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 35.

– как рисовать орнамент и накладывать клей *нории*, способ *кукуси*^{xiii} и соединение *кукуси* с рисованным орнаментом (без единого исправления);

– как рисовать орнамент на ткани без использования клея *нории* и соединять его с вышивкой;

– как особая краска *эногу*^{xiv} не растворяется под действием воды, она очень мягкая;

– как раньше нельзя было писать краской поверх краски, а сейчас можно;

– как во всех видах кимоно (*косодэ*, *юкатабира*) используют золотой и серебряный цвет; как изображать орнамент посредством белого цвета на *юката*, *фуросики*^{xv} и др.;

– о том, какие вещи и предметы Миядзаки Юдзэн не расписывал;

– о том, что даже стиль без поэтических клише в творчестве Юдзэна получает красивое воплощение»²⁴.

В комментариях можно встретить такие слова: «...автор все не думал, что *хинагата* станет пособием для окраски тканей для кимоно и книгой, по которой будут делать заказы. Это все равно, что учиться ездить на деревянной лошади или выдувать из флейты *сякухати*^{xvi} огонь. Поэтому жаль, что так много *хинагата* вышло по всей Японии, и все являются искусственными пособиями (ведь создавались неосознанно, просто потому, что красиво выглядит)»²⁵.

Дополнение рисунков комментариями важно не только для понимания значения того или иного орнамента, но и для формирования основ эстетики японского изобразительного искусства. Взаимодополнение текста и рисунка создает «таинственное и темное», внезапно явленное среди печалей и скорбей земного мира»²⁶ красоту, приближает к ощущению «печального очарования вещей» — *моно-но аварэ*.

---

²⁴ Юдзэн хинагата (Книга *хинагата* мастера Юдзэн) // Косодэ монё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 45.

²⁵ Гэндзи хинагата (Книга хинагата по роману «Повесть о принце Гэндзи») // Косодэ монё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 40.

²⁶ Сто стихотворений ста поэтов. Под ред. В. Н. Марковой. Спб.: «Летний сад», 1999, с. 16.

Понятие *моно-но аварэ* очень трудно для перевода. Мотоори Норинага дает свою трактовку в работе «Гэндзи моногатари тама-но огуси» («Маленький драгоценный гребень „Гэндзи моногатари“», 1796 г.): «Сначала это был возглас удивленного восхищения, невольно вырывающийся из глубины души, когда человек что-то видел, слышал или осязал... Восхищаясь луной, цветами сакуры, восклицаешь: „Ах, какие чудесные цветы! Харэ! Что за прекрасная луна!“ Так слово *аварэ* и возникло путем соединения этих двух возгласов *ах* и *харэ*. Непосредственное выражение восхищения, смешенное с удивлением, — вот в чем смысл... В более позднее время слово *аварэ* стали писать знаком „печаль“, можно подумать, что и обозначать оно стало только ощущение печали, но это не так. *Аварэ* выражает не только печаль, оно может относиться к радостному и прекрасному, к приятному и занятому — словом, ко всему, что способно исторгнуть из души возгласы *ах!* и *харэ!*»²⁷.

Посредством *аварэ* постигается смысл *моно*^{xvii} — «вещи», лишенной облика, вне ее проявления.

Другими словами, *моно-но аварэ* — это стремление души к вечным истокам вещей, к их первоосновам, желание уловить их ускользающий смысл, попытка установить связь между внешне далекими предметами, увидеть сокровенное единство мира. Мир в данном случае является объектом эстетического переживания. Он рассматривается сквозь призму *моно-но аварэ*, как совокупность символов, доступных лишь избранным, то есть тем, кому понятен смысл «печального очарования вещей».

Для примера обратимся к переводу из книги «Охинагата» («Высокая книга *хинагата*», 1691 г.), которая является первой *хинагата* с изображением орнаментов передней и задней частей кимоно. Интересно, что здесь впервые указывается на большое значение орнамента передней части кимоно и гармоничную связь обеих сторон декора: «С древних времен картины создаются для развлечения и наслаждения людей. И орнаменты, и картины спустя много столетий будут существовать и не умрут, так как созданы для развлечений, необходимых челове-

---

²⁷ Мотоори Норинага дзэнсю: (Полное собрание сочинений Мотоори Норинага). Т. 4: Гэндзи моногатари тама-но огуси (Маленький драгоценный гребень «Повести о принце Гэндзи»). Под ред. О:но Сусуму. Токио: Тикумасёбо, 1969.

ству. Если не умрут, то красоты небес и земли Японии и их очарование будут продолжаться до дальних границ с Китаем.

В *хинагата* изображают сцены не только из „Гэндзи моногатари“ и „Исэ моногатари“, но также старые песни *вака* и *танка* („Кодзики“, „Манъё:сю:“), стихотворения *хайку*. Все эти орнаменты продолжают существовать из поколения в поколение. Если посмотреть на последние *хинагата*, то можно найти *хинагата* с орнаментами на *вака* монаха Содзё Хэндзё^{xviii}, которые не подходят для кимоно. Поэтому не стоит носить такие кимоно.

Вообще говоря, о вкусах не спорят, поэтому у кого-то на кимоно орнаменты располагаются на спине, у кого-то спереди, у кого-то с обеих сторон. Более важен орнамент спереди, но он редко встречается в *хинагата*, обычно только орнамент сзади. Необходима гармония одного орнамента с другим [на спине и спереди], они должны быть связаны.

Когда я отправляюсь в путешествие, то беру с собой *хинагата*, связанные в связки по 10 книг (всего 60 книг), складываю их в коробку, но при этом я испытываю неловкость. Изо дня в день книжные магазины просят показать мои *хинагата*, и я не могу отказать, испытывая при этом чувство стыда. Поэтому мои *хинагата* публикуются. Я хочу, чтобы *хинагата* помогали людям, которые открывают их, помогали идти вглубь веков нашей истории, помогали творить»²⁸.

С появлением книг *хинагата* увеличилась вероятность встретить девушек в одинаковых кимоно. Но любопытно то, что число кимоно, декор которых выполнен точно по эскизам книг *хинагата*, сравнительно невелико.

Например, на рисунке 4 можно заметить, как узор цветения, изображенный в книге *хинагата*, заменен осенними листьями клена. Подобные изменения можно увидеть и на рисунках 5 и 6, где представлено кимоно, орнамент которого несколько отличается от эскиза книги *хинагата*. Таким образом, можно говорить о том, что книги *хинагата* переиздавались и были подвержены некоторым изменениям. Так, кимоно на представленном рисунке 5 датируется XIX веком, а книга *хинагата* на рисунке 6 с подобным орнаментом была издана еще в 1719 году.

---

²⁸ Охинагата (Высокая книга *хинагата*) // Косодэ монъё хинагата-бон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 2. Токио, 1975, с. 3.

Подобного рода сопоставления и сравнения впервые были сделаны Ивао Нагасаки, куратором отдела искусств в Токийском национальном музее. Он опубликовал в журнале «Музей: памятники искусства из Токийского Национального Музея» от 1985 года копии рисунков из книг *хинагата* эпохи Эдо²⁹.

Следует заметить, что книги *хинагата* сыграли важную роль для датировки подлинных кимоно. До этого времени только костюмы театра Но и кимоно некоторых знаменитых людей были документально описаны. Более никаких документальных записей не существовало.

Подводя итог можно сказать, что книги *хинагата* являются важным источником для изучения орнаментики кимоно. Они представляют собой неисчерпаемый материал для формирования современных орнаментов кимоно. В наши дни мастера кимоно вновь обращаются к *хинагата*. Помимо того, что создаются новые орнаменты на основе смешения различных элементов, взятых из старых *хинагата*, возникла необходимость их фиксации, в результате чего появляются новые сборники *хинагата*. Более того, в обиходе каждого мастера кимоно непременно должна быть собственная *хинагата*, эскизы орнаментов и свои комментарии к которой он первоначально в соответствии с традицией создания *хинагата* пишет тушью. В глубинном содержании образов, изображенных в книгах *хинагата*, можно уловить мысли и чувства автора, которые дают единственное, неповторимое впечатление момента, своего рода эстетическое прозрение. Такая *хинагата* является «впечатлением, которое трудно выразить словами» (дословно *ёдзё*), невысказанным чувством мастера, его глубоким эстетическим впечатлением (см. рис. 7).

---

²⁹ Iwao Nagasaki. Kosode Dress Motifs of the Middle Edo Period—Significance of Genroku Era in Kosode Motifs // Museum: Art Magazine of the Tokyo National Museum: No. 417. December 1985, p. 10, 14.

Примечания

ⁱ *Хинамацури* 雛祭り — праздник кукол, праздник девочек. Государственный праздник в Японии (3 марта). В этот день девочки наряжают кукол в традиционные платья и украшают ими один из уголков дома, выражая тем самым пожелания здоровья и счастья.

ⁱⁱ Здесь и далее в названиях книг *хинагата* присутствует гонорифический префикс *о*, выражающий почтительное отношение к книгам *хинагата*.

ⁱⁱⁱ *Косодэ* 小袖 — верхнее зимнее шелковое кимоно с короткими полами рукавов.

^{iv} Цветы камелии сазанквы и нарциссы в тексте обозначены одним словом *садзанкухасуисэн* 山茶花水仙. Думается, что подобное словообразование было необходимо автору комментария для сохранения поэтического размера *нагаута*.

^v Здесь речь идет о поэте из знатного рода Фудзивара-но Тэйка (1162–1241 гг.), который составил старинный сборник японской поэзии «Сто стихотворений ста поэтов».

^{vi} *Ма* 間 — дословно «интервал, пауза». Причем это пауза не только временная. По словам М. Гундзи: «она также связана с психологией выражения. К этому понятию паузы близко подходит то, что в японском искусстве называется *кокю* (унисон, сопереживание) или *ёхаку* (оставленное незаполненным пространство, белое пятно). Это можно было бы назвать проявлением сущности национальной специфики. Искусство паузы при этом стало со временем настолько отточенным, что фактически превратилось в способ выражения... Эта пауза выражает физиологическое осознание красоты в японском искусстве. Именно через эти паузы происходит общение между актерами и зрителями в театре Кабуки».

^{vii} Существует одноименное произведение «*Цурэдзурэгуса*» («Записки от скуки», XIV в.). Это произведение написано в особом жанре эссе (*дзуйхицу*) монахом Кэнко-хоси, который так определяет сущность этого жанра: «... когда, весь день сидя против тушечницы, без какой-либо цели записываешь всякую всячину, что приходит на ум».

^{viii} *Ханагурума* 花車 — дословно «повозка, украшенная цветами» — термин заимствован из «Повести о принце Гэндзи».

^{ix} *Каноко* 鹿の子 — узор, выполненный в техники *сибори* и состоящий из крупных белых пятен, покрывающих всю поверхность ткани. *Сибори* 絞り — технология окраски, когда орнамент создается на скрученной, жатой, собранной, завязанной узлом или гофрированной ткани.

^x *Юката* 浴衣 — сокращенное слово от *юкатабира*, которое использовалось для названия одежды, надеваемой после принятия ванны. Позднее термин *юката* стали использовать для летнего легкого однослойного хлопчатобумажного кимоно.

^{xi} *Эдо-каноко сибори* 江戸鹿の子絞り — окрашивание ткани в технике *сибори*, распространенное в Эдо.

^{xii} *Миядзаки Юдзэн* 宮崎友禅 — известный мастер эпохи Гэнроку, который занимался росписью вееров в Киото.

^{xiii} *Кукусси* 括し — старое название техники *сибори*.

^{xiv} *Эногусуи* 絵の具水 — вид краски с добавлением воды.

^{xv} *Фуросики* 風呂敷 — цветной плат для завязывания в него вещей, использовался вместо сумки.

^{xvi} *Сякухати* 尺八 — продольная бамбуковая флейта, пришедшая в Японию из Китая в период Нара (710–794 гг.).

^{xvii} *Моно* 物 — вещь, предмет.

^{xviii} *Содзё Хэндзё*: 遍照 (816–890 гг.) — один из прославленных поэтов IX века. Входит в число «шести бессмертных поэтов». Занимал различные должности при дворе императора Ниммё, пользовался его личным расположением. После смерти императора Хэндзё принял постриг и в дальнейшем занимал важнейшие посты в буддийской церковной иерархии. В 860-е гг. основал монастырь Гангёдзи в Кадзан и служил там настоятелем. О его поэзии Ки-но Цураюки в Предисловии к антологии *Кокинвакасю* («Изборник старых и новых песен Ямато», 905 г.) пишет так: «... по форме хороши его песни, но им не хватает искренности. Словно любишься красавицей на картине, попусту волнуя сердце...».

Иллюстрации

小袖の姿見

Рис. 1. Иллюстрация из книги «Косодэ-но сугатами хинагата» 小袖の姿見雛形 («Книга *хинагата* — зеркало с отражением платья *косодэ*», 1684–1703 гг.) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг *хинагата* с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 49

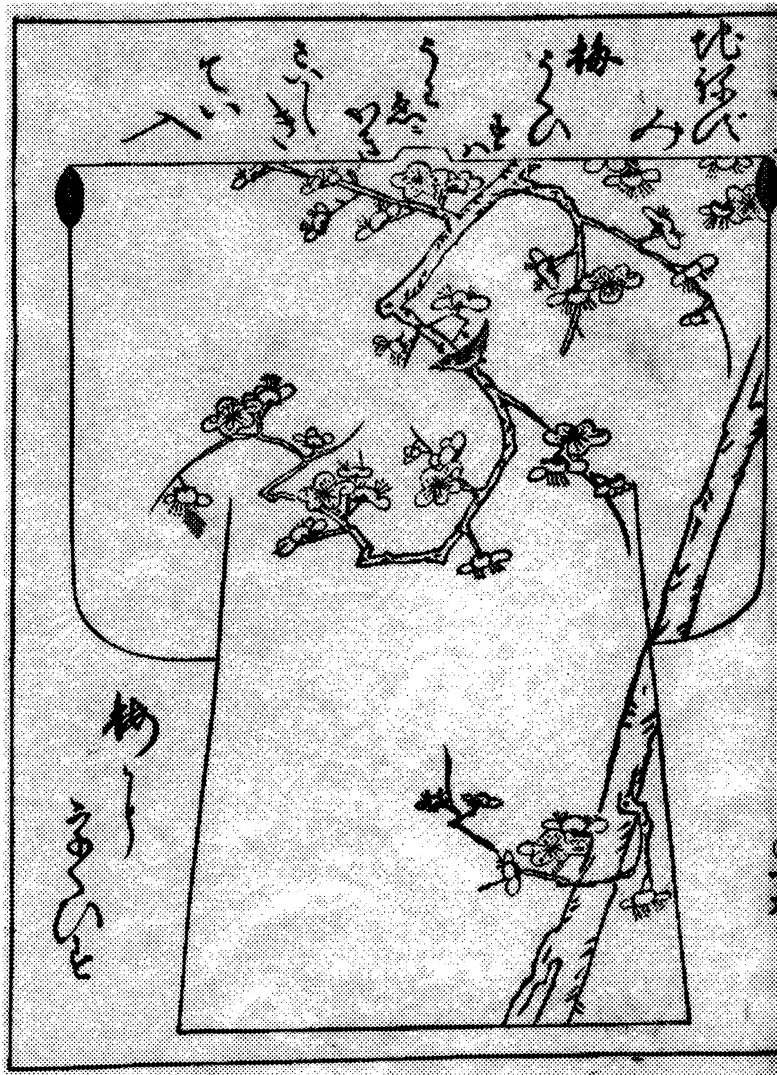

Рис. 2. Эскиз из книги «Юдзэн хинагата» 友禅雛形 («Книга хинагата мастера Юдзэн», 1688 г.) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг хинагата с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 45

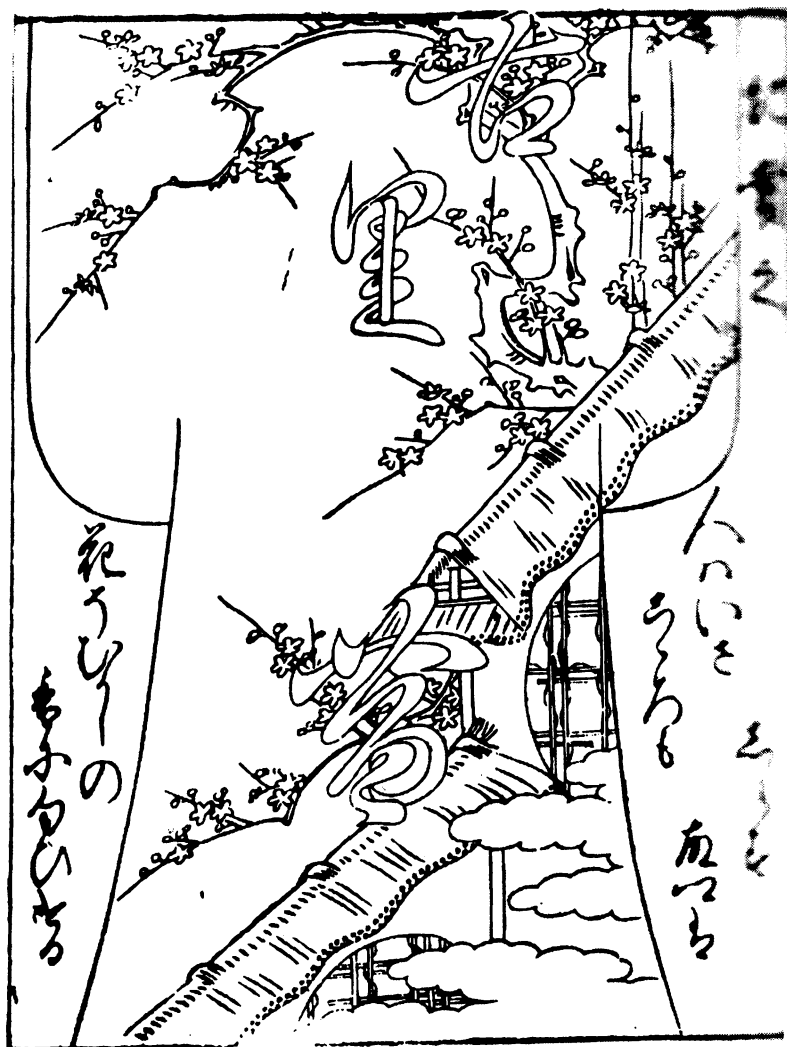

Рис. 3. Иллюстрация из книги «Огураяма хяксю хинагата»
 小倉山百首雛形 (Книга хинагата «Сто стихотворений поэта с горы Огу-
 ра», 1688 г.) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг
 хинагата с орнаментами к японской национальной одежде).
 В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 47

44

Рис. 4. Справа иллюстрация из книги «Гэндзи хинагата» 源氏ひながた («Книга хинагата по роману «Повесть о принце Гэндзи», 1687 г.) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг хинагата с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 1. Токио, 1975, с. 40. Слева изображение косодэ середины XVIII в. из коллекции Токийского национального музея, выполненного по представленному эскизу — Хасимото Сумико. Кимоно-но рэкиси (История кимоно). Токио: Кавадэ сёбо: синся, 2005, с. 44

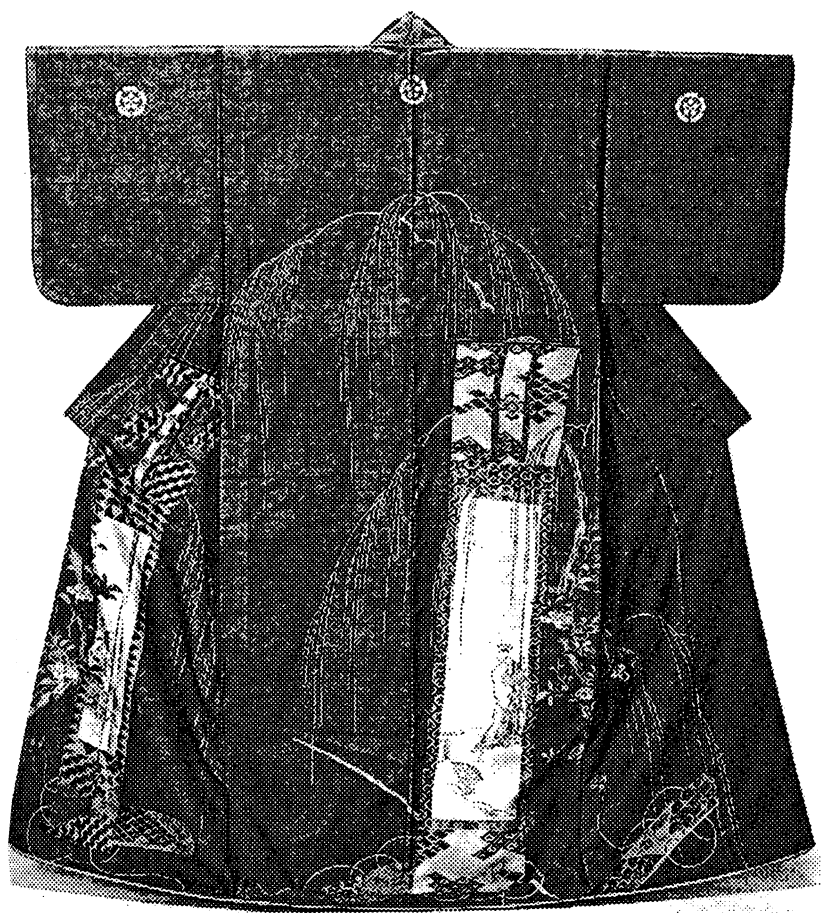

Рис. 5. Кимоно начала XIX в. из коллекции Токийского национального музея — *Хасимото Сумико*. Кимоно-но рэкиси (История кимоно).
Токио: Кавадэ сёбо: синся, 2005, с. 50

Рис. 6. Эскиз из книги «Нисикава хинагата» 西川ひながた («Книга хинагата района Восточной реки», 1719 г.) // Косодэ монъё хинагатабон сю:сэй (Сборник книг хинагата с орнаментами к японской национальной одежде). В 4 книгах. Книга 3. Токио, 1975, с. 19

Рис. 7. Эскиз из книги «Юдзэн хинагата» 友禅雛形 («Книга хинагата мастера Юдзэн», 1688 г.)

Первое жизнеописание императора Мэйдзи

Александр Мещеряков

Правление императора Мэйдзи (жил: 1852–1912, правил: 1868–1912) выдалось длинным. Настолько длинным, что ныне оно кажется более продолжительным, чем физическая длина его человеческой жизни. Это впечатление обусловлено тем, что за сорок пять лет правления Мэйдзи страна пережила поистине драматические перемены: из феодальной островной страны, расположенной на самом краю света, она превратилась в мощное государство, в полноправного игрока на империалистической карте мира. Если раньше японцы говорили об угрозе, исходившей с Запада, то после побед Японии над Китаем и Россией настало время опасаться и Японию. Всего за одно поколение страна сумела создать современную промышленность и армию. Всего за одно поколение прежний комплекс неполноценности был превращен в комплекс превосходства. Когда в 60-х годах XX века Япония начала превращаться в супермощную экономическую державу, заговорили о «японском чуде». Но на самом деле «чудо» случилось еще в правление Мэйдзи. Основа послевоенных успехов Японии была заложена именно при нем.

Время правления Мэйдзи принесло с собой решительное расширение общения, торговли, взаимодействия с миром. Япония стала узнавать мир, мир стал узнавать Японию. Мало того: японцы стали узнавать самих себя, за время правления Мэйдзи была сконструирована японская нация. Ее главным символом стал сам император Мэйдзи. Запад воспринимал его прежде всего как символ реформ и перемен. Однако в сознании японцев он был еще и хранителем древних традиций, которые «уравновешивали» вестернизацию. Канонизация образа Мэйдзи началась еще при его жизни, после его кончины идеализация стала еще заметнее. И эта «внутрияпонская канонизация» актуализировала совсем не те черты правления императора, которые становились предметом рассмотрения на Западе. Западная печать сравнивала эпоху Мэйдзи с правлением Петра Ве-

ликого или же Вильгельма I. Нельзя сказать, что японской публицистике эти оценки оказались чужды, но в их похвалах звучали и совсем другие ноты.

Доказательством этому служит одна из первых биографий Мэйдзи, опубликованных в Японии после его смерти. До сих пор она не привлекала внимание исследователей, данный перевод является первой публикацией на европейских языках.

Непосредственно перед запланированной церемонией восшествия на престол сына Мэйдзи, принца Ёсихито (император Тайсё, 1912–1926), в начале 1913 г. была опубликована книга «Основные установления относительно императорского дома» («Косицу дайтэн»), приуроченная к этому важнейшему событию. Эта объемистая книга в 840 страниц может быть названа «предкоронационным альбомом». Она была весьма дорогой и стоила 3 иены. В книге содержатся самые различные сведения относительно императорского дома: его состав, структура, ритуалы, генеалогии и др. В самом обширном разделе, где приводятся жизнеописания всех японских императоров, начиная с мифического основателя династии Дзимму, помещена и биография Мэйдзи. Она представляется нам чрезвычайно содержательной с точки зрения понимания того, какое место занимал Мэйдзи в структуре массовых представлений о верховной власти. Из этого жизнеописания хорошо видно, что для составителей книги в жизни Мэйдзи основным был не его «реформаторский», а «человеческий» облик. Японская политическая элита создавала «народное государство», государство-нацию (*nation state*). Одним из средств для достижения этой цели было приближение монарха к «народу» с помощью традиционных образов и таких образов, которые должны восприниматься как традиционные. Император должен был представлять как образцовый человек конфуцианского типа, неподражаемый образец для подражания.

Эта книга — не частное мнение ее составителей. В условиях жесткой цензуры она должна была получить одобрение на самом «верху», ее составителями являлись профессор, прежний и нынешний министры двора. То есть приводимое ниже жизнеописание следует считать установочным документом официальной культуры. Культура, рассчитанной на массовое сознание.

Жизнеописание Мэйдзи разбито составителями на несколько разделов. После каждого из них мы приводим свой краткий историко-культурный комментарий.

Император Мэйдзи (121-е правление)

Общие сведения. Прижизненное имя императора — Муцухито. Он был старшим сыном императора Комэй. Его матерью была наложница императора Накаяма Ёсико, первый ранг. Ее отцом был Накаяма Тадаёси, носивший чин кандидата в старшие советники [дзюн-дайнагон]. Император родился 20-го дня 9-й луны 5-го года девиза правления Казэй, в год старшего брата воды и крысы [1852], и был наречен принцем Сати-но Мия. В седьмой луне 1-го года Манъэн, в год старшего брата металла и обезьяны [1860], его решили назначить престолонаследником, и в 9-й луне он стал наследным принцем, 9-го дня 1-й луны 3-го года девиза Кэйю, в год младшего брата огня и зайца [1867], он получил императорские регалии. 15-го дня 1-й луны 1-го года девиза Мэйдзи в год старшего брата земли и собаки [1868] он прошел обряд посвящение во взрослые, 27-го дня 8-й луны этого же года он прошел обряд интронизации. В то время ему было 16 лет. В 12-й луне он взял в жены Итидзё Харуко. Ее детское имя — Кацуко, она была дочерью прежнего левого министра Итидзё Тадака. В тот же день она была возведена в звание императрицы. В 7-й луне был оглашен указ о переносе столицы в Токио, и замок Эдо стал императорской резиденцией. В 10-й луне император переехал туда на жительство.

В 5-й луне 6-го года [правления Мэйдзи, 1873], в год младшего брата воды и курицы, в императорском замке случился пожар, и император перебрался в отдаленный дворец Акасака [в Токио]. В этом году император перестал подводить себе брови и чернить зубы, сменил прежнюю прическу на стрижку, и его сияющий облик полностью преобразился. С тех пор он неизменно подавал народу пример в части усердия, трудолюбия и облика.

30 июля 45-го года правления он скончался от болезней, а драгоценных лет ему было 61. Еще до этого, 20 июля, было опубликовано сообщение о его тяжелой болезни, и тогда днем и ночью перед дворцом стали собираться толпы людей. Они искренне молились о выздоровлении императора, их преданность, искренность и правдивость заставляли прослезиться бо-

жества. 13 сентября в Аояма состоялась грандиозная похоронная церемония, а затем император был похоронен в гробнице на горе Фусими-Момояма в деревне Хориноути уезда Кии, что в Ямасиро.

Комментарий. Японские императоры обладали несколькими именами: детским (Сати-но Мия), взрослым (Муцухито) и помертвным (Мэйдзи). В случае с Мэйдзи впервые в японской истории посмертное имя императора совпало с девизом его правления (Мэйдзи — «светлое» или «просвещенное» правление). При жизни императора японцы обычно именовали его «нынешним императором», за границей его знали как Муцухито. Рождение будущего императора от одной из наложниц было явлением самым обычным. Японские правители были полигамны, что вызывало возмущение «просвещенных» европейцев. Под их влиянием обычай полигамии был в конце концов упразднен, и Мэйдзи стал последним императором, который обладал гаремом.

Полигамия была не только демонстрацией высоты занимаемого положения, но и жизненной необходимостью. Круг аристократических семей, из которых император имел право получать брачных партнерш, был крайне ограничен, женское бесплодие было явлением самым обыкновенным. Число наследственных заболеваний было огромно. Помимо близкородственных браков, это объясняется и крайне нездоровым образом жизни, который вели императоры и аристократия: полное отсутствие физических нагрузок, «ритуальное» пьянство. Практически любой ритуал, а императору приходилось участвовать в них каждый день, сопровождался возлияниями, что приводило в результате к алкоголизму. Алкоголиками был и сам Мэйдзи, и его отец Комэй. Все это приводило к тому, что детская смертность среди императорских и аристократических отпрысков была очень высокой, а продолжительность жизни, как правило, низкой. Комэй прожил 35 лет, Нинко (годы правления: 1817–1846) — 46, Кокаку (1780–1817) — 69, Гомомодзоно (1771–1779) — 22, Госакурамати (1763–1770) — 73, Момодзоно (1747–1762) — 21, Сакурамати (1735–1747) — 30, Накамикадо (1710–1735) — 36.

Дети императора воспитывались своей физиологической матерью в ее доме. При этом главным лицом, ответственным за воспитание, становился ее отец. Это старинное установление, напоминающее авункулат, ведет свое происхождение по край-

ней мере с VIII в. Император виделся со своими детьми крайне редко, когда те по особым церемониальным случаям посещали его во дворце. Наследный принц переселялся во дворец, как правило, после достижения совершеннолетия.

Мэйдзи родился в Киото в 1852 г., поэтому, согласно европейским нормам, в момент занятия трона ему было 15 лет. Однако согласно порядку счета, принятому в Японии, год, в который родился данный человек, засчитывался за полный. Год смерти также считался за полный. Ко дню кончины Мэйдзи исполнилось 59 лет, но биография утверждает, что он умер в возрасте 61 года.

Церемония интронизации состояла из нескольких этапов. В жизнеописании упомянут, в частности, первый из них — церемония передачи регалий. К их числу относились священное бронзовое зеркало, меч и яшма. Эти регалии должны были всегда находиться при императоре, он брал их с собой всегда, когда покидал пределы дворца больше, чем на один световой день.

После отстранения от власти последнего сёгуна Токугава Ёсинобу император Мэйдзи переехал из Киото в его замок в Эдо, который переименовали в Токио («восточная столица» — по аналогии с Киото, который называли также «западной столицей» — Сайкё). Переезд в Токио был обусловлен несколькими причинами: Токио был самым большим городом Японии и обладал наиболее развитой инфраструктурой; окружение Мэйдзи взяло решительный курс на модернизацию, а сопротивление переменам аристократической элиты в Киото было слишком велико; переезд Мэйдзи в сёгунский замок рассматривался как военный триумф. Недаром составители биографии Мэйдзи считают датой его переезда в Токио октябрь 1868 г. На самом деле Мэйдзи стал постоянно проживать там только с весны следующего года. В октябре же он только побывал там, но его «внос» (Мэйдзи тогда путешествовал в паланкине) действительно напоминал триумф над поверженным врагом. Об этом свидетельствует, в частности, такой примечательный факт. На пути к сёгунскому замку для короткого отдыха Мэйдзи остановился в буддийском храме Дзодзёдзи, где находилась одна из усыпальниц дома Токугава. Паланкин не проходил в ворота по высоте, пришлось подкапывать снизу землю. Но остановиться хотя бы на минуту в таком знаменательном месте, чтобы про-

демонстрировать, кто теперь в Токио «главный», нужно было обязательно.

Император Мэйдзи должен был служить для своих подданных примером, всем своим видом он показывал, что в стране проводятся реформы. С этой целью пришлось решительно изменить его облик. Если раньше он одевался в традиционные одежды и носил традиционную прическу, чернил зубы и выщипывал брови, то с 1873 г. ему пришлось отказаться от обычаев своих предков. Мэйдзи постригся, отрастил усы и бородку, облачился в военный мундир европейского образца. Вслед за ним и все чиновники переоделись в европейское платье.

На отца Мэйдзи, императора Комэй, подданные не имели права смотреть. Изображения императоров были также табуированы. Мэйдзи же представлял собой уже видимый подданным образец. Он совершал путешествия по стране, давал аудиенции, присутствовал на различных публичных мероприятиях. Его похороны также превратились в церемонию, в которой приняли участие миллионы японцев. Основная часть церемонии проводилась на плацу в токийском районе Аояма, где при жизни Мэйдзи имел обыкновение делать смотр войскам. В соответствии с пожеланиями Мэйдзи, его похоронили неподалеку от Киото. Под прямым влиянием российского символического опыта в Японии была принята концепция «двух столиц» (Петербурга и Москвы). Административные функции полностью исполнял Токио, но значительная часть функций церемониальных отошла к Киото. Этот город был должен продемонстрировать древность японской культуры. Раньше в похоронах императора принимали участие только самые близкие люди, об обнаружении медицинского бюллетеня, как то было в случае с Мэйдзи, не могло быть и речи. Сокрытие смерти в течение нескольких дней или даже недель было делом обычным. Теперь же «тело» императора стало видимым не только при жизни, но и после смерти.

О добродетели сыновней почтительности императора

При жизни своего отца императора Комэй император [Мэйдзи] с самого младенчества вступил на путь сыновней почтительности. После кончины отца каждый год 30-го дня 1-й луны он сам обязательно проводил заупокойные службы, каждое утро непременно поклонялся духу покойного, не упуская ни дня,

скорбел о прежнем императоре; для того чтобы покойный император мог следить за тем, как с каждым днем и месяцем правления [Мэйдзи] меняется мир, он без утайки рассказывал ему и о том, как печалят его сердце по сравнению с правлением прежнего государя [изменения к худшему], и о том, что случилось только вчера. Скучными вечерами император часто повторял: «Как мне хотелось бы удостоиться хоть слова похвалы со стороны отца, но этого не случилось — он сокрылся в облаках, о чем я и жалею всю мою жизнь, но теперь по размышлении решил, что и без похвал меня воодушевляет уже одно только то, что соприкосновение с его глубокомыслием является достаточным отцовским подарком».

Как-то раз император увидел во сне прежнего императора и сложил:

Увидел себя
Перед вскормившим меня
Родителем.
Просыпаться было
Так жаль.

Вдовствующей императрице Эйсё стало плохо 11-го января 30-го года Мэйдзи [1897 г.]. В это время сам император был простужен, а потому придворный врач предупредил его, чтобы он не покидал помещения. Однако император не послушал его, и на следующее утро в половине девятого отправился во дворец Аояма. Войдя в комнату больной, он сердечно справился о ее здоровье. В половине одиннадцатого он вернулся к себе.

Все это случилось весьма неожиданно, и император, не желая терять время, не стал вызывать сопровождение, погрузился в экипаж и спешно покинул свой дворец в сопровождении только конной охраны и нескольких знаменосцев. При этом он проезжал не по предназначенной ему широкой дороге, а ближними переулками. В шесть часов вечера была получена весть о кончине Эйсё. Хотя император ввиду простуды пребывал на своем ложе, он немедленно переоделся и покинул дворец. Ничуть не показав своего драконьего лика, он приготовился горевать.

Комментарий. Официальная версия причины смерти Комэй (годы жизни: 1831–1866, годы правления: 1847–1866) — оспа, однако существует и подозрение, что императора отравили. Он был решительным противником открытия страны и по-

тому мешал тем силам, которые рвались к власти и желали модернизации.

В этом разделе Мэйдзи предстает как образцовый конфуцианский сын, который исполняет заупокойные ритуалы и неустанно заботится о памяти отца и о своей «официальной» матери, которая получила посмертное имя Эйсё (физиологическая мать никакого участия в публичной жизни она не принимала). Японская культура настойчиво подчеркивает идею продолжения и преемственности. В связи с этим из всех семейных добродетелей она объективирует прежде всего заботу о родителях. Современный Мэйдзи европейский монарший сценарий непременно делает акцент на любви государя к жене и детям, но в жизнеописании японского императора этот момент полностью отсутствует, забота о родителях (в особенности, об отце) является всепоглощающей. «Любовь» вообще не входит в словарь японской официальной культуры. «Любовь» воспринималась как вещь весьма капризная и ненадежная, поэтому ее место занимает понятие долга и верности.

О добродетели гуманности

Император обладал огромной гуманностью, он постоянно заботился о спокойствии народа. Когда происходили природные бедствия, не случалось и дня, чтобы он не отправлял посланника на центральную метеорологическую станцию по несколько раз в день. Кроме того, во время сбора урожая его большая душа обращалась в сторону полевых работ и никогда ни на миг не отвлекалась от изучения аномальных явлений Неба и Земли. Когда свирепствовали дурные болезни, он неизменно являл глубины своего сердца и изволил говорить о том, что негоже жалеть денег на сострадательную помощь бедным и убогим, жертвам войны и раненым. Когда он слышал о том, что среди народа расцветают сострадание и доброта, его сердце переполнялось радостью.

Благодатным дождем проливалась добродетель императора на птиц и животных, на рыб и насекомых. Когда государю подносили карпов, перепелок или же угрей, он непременно осматривал их и неизменно глаголил: «Позаботьтесь о них». Его августейший пруд кишел карпами, в его августейшем саду обитало столько птах, что они вызывали раздражение. Ёсии

Томосанэ, который служил прежде заместителем министра государева двора, как-то сказал государю: «Ваше величество изволят любоваться предназначенными для съедения карпами, слушают певчих птах и жалеют их, повелевая отпускать на волю, что свидетельствует о небесной доброте Вашего величества. Однако, если подойти к делу с другой стороны, смиренные дарители предназначают их в качестве свежих яств для вашего стола, и ваше сострадание превосходит их понимание, искренние чувства подданных не находят удовлетворения, они не в состоянии оценить широту души государя, к тому же сад и пруд переполнены живыми существами, что создает невыносимые трудности для obsługi». Государь улыбнулся: «Теперь я знаю, чего желают мои подданные — они хотят, чтобы все это попало на мой стол».

После этого случая, когда ему подносили живых существ, он неизменно повторял: «Примите это». Слугам же стало еще труднее, ибо они не могли понять, что им делать. Потом они как бы невзначай доложили: «Полученное от такого-то дома приготовлено и подано на стол». И тогда император промолвил: «Хорошо!» и изволил согласиться. Этот случай ясно показывает безграничное великодушие государя.

Как-то государь совершал поездку по району Тохоку [северо-восток острова Хонсю]. Покидая свой путевой дворец в Никко, он отправился к святилищу. Когда он пребывал в управлении делами святилища, местные крестьяне преподнесли ему огромного живого оленя. Сопровождавшие государя люди подивились и немедленно объявили о том государю. Тот немало расчувствовался и щедро одарил крестьян. После же призвал придворных и велел немедленно отпустить оленя на волю. Те поняли, что оленю не быть на государевом столе в этот вечер и, получив повеление отпустить оленя, прониклись чувством, что добродетель государя и вправду достигает птиц и зверей, и проливали слезы умиления.

Один раз в месяц император обязательно отправлял своего посланника на государеву ферму в Сибую, чтобы тот осведомился, в каком состоянии пребывают коровы. Во время японо-русской войны генерал Ноги преподнес государю свинью китайской породы. Государь распорядился отправить ее на свое пастбище в Босю [восточная часть нынешней префектуры Яма-

гути] и каждый месяц осведомлялся о ее самочувствии. Особенно любил он своих лошадей, к которым относился почти как к людям. Любил он и собак, которых содержал во множестве. Собаки охраняли императора и потому могли покусать незнакомых людей. В связи с этим слугам приходилось на время аудиенции привязывать их. Во время войны 27–28 годов его правления [японо-китайская война 1894–1895 гг.], императору преподнесли доставленного из Порт-Артура китайского мопсика. При выходе императора, когда объявляли: «Государь император!», собачка всегда пробиралась меж придворных и подбегала к императору. Таким образом, гуманность императора ощущали даже малые животные.

Император всегда чутко прислушивался к пожарному колоколу, и когда раздавался его тревожный звон, он в великом беспокойстве выходил в сад и, понаблюдав за заревом на небе, немедленно осведомлялся об обстоятельствах и печаловался. В апреле 44 года Мэйдзи [1911] в [токийском районе] Ёсивара случился ужасный пожар. После того, как тогдашний министр внутренних дел любезно осмотрел место происшествия, он немедленно подробно доложил государю о разрушениях и о состоянии пострадавших. Государь воспринял это очень близко к сердцу и немедленно распорядился об оказании помощи. Узнав о том, что в том же самом месте в прошлом году случилось наводнение, он стал настойчиво расспрашивать и печалиться о несчастиях, случившихся в его земле, постоянно осведомлялся об оказанной помощи у министра двора и у придворных, безмерно горевал. Ему представляли доклады, а он отдавал приказы об оказании значительной помощи.

Комментарий. В этом разделе Мэйдзи предстает как всеоградательный правитель. Помощь пострадавшим от стихийных бедствий и эпидемий непременно входила в программу действий правителя конфуцианского типа. Японские правители древности часто оказывали такую помощь, и Мэйдзи продолжает эту традицию.

«Гуманное» отношении к животным, на что обращают столь большое внимание составители жизнеописания, имеет несколько культурных источников. Церемония отпущения на волю живых существ была принесена в Японию вместе с буддизмом. Так, именно при буддийских храмах устраивались пруды, куда

монахи отпускали купленных у торговцев рыб. Однако в правление Мэйдзи отношение власти к буддизму было достаточно настороженным (в начале правления Мэйдзи — вплоть до прямых гонений, сопровождавшихся разрушением храмов) — буддизм был учением «иностранным», мало подходил для создания государственной идеологии национального государства. Поэтому добродетель гуманного отношения к животным записывается на конфуцианский счет. Кроме того, в описании отношения Мэйдзи к животным виден и несколько сентиментальный модус поведения европейского типа. Преподнесение же «китайской свиньи» и мопсика из Порт-Артура вписывается в традиционную парадигму «культурный центр — варварская периферия», которые связаны данническими отношениями. Периферия была обязана доставлять дань, носившую, однако, не столько материальный, сколько символический характер. «Варвары» преподносят не рукотворные изделия, свидетельствующие об их искусности, а то, что рождает их земля (минералы, растения, животных). Такая дань служит признанием верховенства «центра», она еще раз подчеркивает пропасть между «культурой» и «варварством». Доставка из Китая во время японо-китайской войны именно животных (в других источниках говорится также о доставке верблюдов) тем более символична, поскольку на протяжении многих веков Китай являлся для Японии культурным донором. Авторы жизнеописания хотели сказать, что теперь Китай и Япония поменялись местами.

Соединение воедино различных культурных традиций хорошо видно и в самом начале раздела, где говорится о том, что Мэйдзи «изучал» природные аномалии. На Дальнем Востоке правитель рассматривался как гарант «правильного» хода времени, чередования сезонов, богатого урожая. Правильный ход времени он обеспечивал с помощью ритуалов. Хотя Мэйдзи действительно участвовал в исполнении таких ритуалов, в данном жизнеописании сделан акцент на научной (европейской) составляющей его поведения. Связь с природой он осуществляет через метеостанцию и научное «изучение» (кэнкю) «аномальных явлений». Этот «исследовательский» мотив получит особенно большое развитие при императоре Сёва (Хирохито), внуке Мэйдзи. Он позиционировался, в частности, как ученый академического типа, который занимался исследованием морской фауны.

Упоминание Никко во время путешествия императора на северо-восток Хонсю (1876 г.) также не случайно. В Никко находится храм, посвященный памяти основателя последнего сёгуната Токугава Иэясу. Мэйдзи свергнул династию военных правителей, но его посещение Никко должно было показать его великодушие по отношению к побежденным.

О добродетели императорской бережливости

Первоначальная смета по строительству дворца в Тиёда составляла 10 миллионов иен. Однако после того, как император осмотрел место строительства и оценил его объем, он изволил сказать: «Пусть даже в стране царит мир и народ богатеет, но только обладатель этого дворца не имеет права на это. И потому не желаю, чтобы только Наш дворец был бы таким роскошным». После этого он велел урезать расходы на строительство.

И это еще не все. При формировании ежегодного бюджета государь призывал к себе соответствующих лиц из министерства двора и заявлял, что ни в коем случае не жалеет больших расходов на ритуалы, связанные с почитанием предков и на благотворительность, но расходы на другие статьи следует сократить. Он всегда настаивал на максимальной скромности расходов двора на ежедневное пропитание, не допуская пустого роскошества и излишеств. Когда ковры во дворце изрядно поистерлись, и государю доложили о необходимости заменить их, он ответил, что это противоречит его убеждениям и все оставили, как оно было. По этой частности можно судить и об общем.

Еще одна удивительная вещь — быт государя после японо-китайской войны. После беспрецедентной победы возликовавшийся народ стал клониться к шикарной жизни, к излишествам в еде и одежде. В противоположность этому император после окончания тягот войны стал отказываться от всех развлечений, даже от лотереи и от «жарко-холодно». До войны на свой день рождения и в день основания империи устраивались пышные банкеты, а после этого вечером во внутренних покоях дворца устраивалось еще и угощение для приближенных лиц, теперь же государь отказался и от этого. Раньше по четвергам и субботам устраивались угощения, на которых присутствовали все придворные дамы, но потом это обыкновение было упразднено, все помыслы государя устремились на то, как помочь бедным.

Как известно, ежегодный бюджет императорского дома определяется на совещании парламентской бюджетной комиссии, затем поступает на рассмотрение комиссии по хозяйственным делам императорского дома, после чего решение оформляется в форме императорского указа. Однако после провозглашения указа года Босин государь, желая показать образец экономности, уменьшал свой лист довольствия на 30–40 процентов.

Комментарий. Экономность и бережливость — традиционные добродетели дальневосточного правителя. Еще в VIII в. антибуддийские настроения в Японии питались убеждением, что строительство грандиозных храмов ложится тяжелым бременем на плечи народа. Образ Мэйдзи полностью вписывается в парадигму бережливого государя — он экономит государственные средства сразу начиная после перехода власти от сёгуна, указ «года Босин» (1908) призывает к скромности в быту и экономии. Однако по сравнению с древностью в образе «экономного императора» есть и существенное отличие. Оно обусловлено той ролью «образца для поведения», которая была предписана Мэйдзи. Раньше император мог быть экономным и избегать роскоши, но он не мог играть роль образца для народа — он непосредственно контактировал только с чрезвычайно узким кругом лиц, о его поведении и деяниях «народ» не знал ничего. Теперь же он подавал всей стране публичный пример скромности в быту. Это было весьма актуально, поскольку с модернизацией и развитием капиталистических отношений разрыв между богатыми и бедными стал стремительно возрастать, что было чревато социальным недовольством.

Под «дворцом в Тиёда» имеется в виду дворец на месте бывшего сёгунского замка в Токио. Он был отстроен ко дню провозглашения конституции 1889 г. Как и во всем, что касается правления Мэйдзи, в архитектуре дворца хорошо видна присущая тому времени амбивалентность. Дворец делился на публичное и приватное пространство. Публичное пространство (тронный зал) было устроено на западный манер: ковры и заказанная в Европе мебель. Жилое пространство было целиком японским, там даже отсутствовало электрическое освещение.

О воинских добродетелях императора

Сразу после давней уже теперь реставрации император стал уделять повышенное внимание укреплению армии. В 7–8 годах эры правления Мэйдзи [1874–1875] он стал присутствовать на маневрах. Хотя у него было огромное количество дел, хотя у него почти не было свободного времени, его познания в военном деле заслуживают удивления. Если в газете или в журнале ему попадалась статья, содержащая практические сведения относительно оружия и боеприпасов, и у государя возникали неясности, он немедленно призывал к себе придворного, ответственного за военное дело, и задавал ему вопросы, которые своей глубиной приводили в изумление экспертов.

Когда государь узнал о готовящихся изменениях в уставе сухопутных войск, он призвал во дворец главного инспектора образования Осима и стал милостиво расспрашивать его. Он осмотрел все снаряжение пехотинца — винтовку, нож, ранец — и учинил им проверку. «Это нужно исправить, а это нужно сделать так-то», — распоряжался он. Находясь при полном снаряжении, он пять или шесть раз бодрым шагом обошел скаковой круг в своем саду и изволил сказать, что снаряжение следует сделать более соответствующим силам солдата. Не говоря уже о работе в ставке во время войны, даже когда в мирное время устраивались совещания командиров дивизий, император милостиво призывал их к себе и подробно расспрашивал о самых различных аспектах армейской жизни. Его суждения были всеобъемлющи, командиры дивизий доставали карты и подробно отвечали на расспросы, но тут вдруг следовал вопрос, который поворачивал дело совсем с другой стороны, что частенько повергало военных в трепет.

Поскольку император показывал такое усердие в военном деле, армия становилась с каждым годом все сильнее. Во время великих войн с Китаем и Россией благодаря огромной воинской добродетели императора был отчетливо выявлен воинский дух, национальное достоинство с каждым днем процветало все больше, Япония превратилась в перворазрядную державу. Нигде и никогда никто не правил с такими достижениями и блеском, как он. Воинские добродетели императора превозносят не только его подданные, подданные в других странах также

поют ему хвалу. Его уподобляют Александру Великому и Петру Великому, и тоже называют великим императором.

Комментарий. Официальные источники периода Мэйдзи утверждают, что император всего лишь «восстановил» военную функцию императора, которой тот был лишен при сёгунах. Однако на самом деле военная функция императора была приобретением Мэйдзи. Императоры были синтоистскими жрецами, коммуникаторами с конфуцианским Небом, но к армии они не имели никакого отношения, им запрещалось смотреть на кровь и даже произносить это слово. Они могли проявлять воинскую доблесть только до ритуала интронизации, как то было, например, с мифическим первоимператором Дзимму. Однако современные Мэйдзи европейские монархи выступали в качестве военных лидеров нации, и политическая элита Японии считала, что Мэйдзи следует последовать их примеру. После 1873 г. практически на всех публичных мероприятиях Мэйдзи появлялся в военной форме, он устраивал многочисленные смотры, присутствовал на маневрах, принимал парады. Согласно конституции, он являлся верховным главнокомандующим. Во время японо-китайской войны Мэйдзи временно перебрался в Хиросиму, чтобы у его подданных сложилось впечатление его активного участия в планировании военных операций. Но он все-таки не решился появиться на континенте — до него ни один из японских императоров никогда не покидал пределов подведомственной ему территории, которая находится под охраной синтоистских божеств.

Как и в других разделах, в военных делах Мэйдзи позиционируется как правитель, близкий к повседневным нуждам простого человека (в данном случае — солдата). Создание такого образа было общей тенденцией и для западных монархий. Однако в Европе старались создать впечатление близости монарха к народу без посредничества чиновников. Отсюда — выходы к народу, произнесение речей, общение с «простыми людьми» царственных особ. Однако для Японии это было бы чересчур смелым. Несмотря на стремительное сокращение дистанции между правителем и подданными, которая наблюдается при Мэйдзи, эта дистанция была все равно намного больше, чем на Западе. Визуализация Мэйдзи никогда не доходила до степени европейской. Изображения Мэйдзи мы не найдем ни на де-

нежных купюрах, ни на почтовых марках, ни в кадрах кинохроники, ни на изделиях промышленности. Мэйдзи был узнаваем, но он появлялся перед своими подданными реже, чем европейские монархи, поклонение его портрету в школах и учреждениях совершалось только во время общенациональных праздников. Безудержное приближение к народу чревато полным слиянием с ним и нежелательной десакрализацией. В Японии этого не случилось.

Литературные добродетели

Единственной радостью императора всю его жизнь оставалось сложение стихов. За день он мог сложить до двух-трех десятков стихотворений, а за свою жизнь он сочинил более 84 тысяч стихотворений. Покойный Такасаки Сэйфу как-то сказал: «В древности и в нынешние времена поэтов было много, но никто из них не превзошел императора». Читая стихи императора, видишь все величие его мысли и совершенство души. Только знакомясь с его поэтическим наследием, подданные Японии проникаются величием его литературной добродетельности, уясняют себе, что священное правление Мэйдзи не имеет примеров в прошлом.

Вначале сбором стихов императора занимался покойный Нисисандзё Суэтомо, потом ответственным за стихи был назначен покойный старец Ята Томонори, потом — Такасаки Сэйфу. В их задачу входило обнародование стихов императора. Однако сам государь предупреждал, что нельзя тратить на стихи время, предназначенное для управления. Поэтому, находясь на людях, он не слагал стихов. Когда же удалялся в свои покои, слагал с десятков. В каждом из них запечатлена его природа, ведающая, что происходит в Поднебесной. И в этом отношении по изяществу и силе его стихи превосходят благословенное время Хэйана. С тех пор, как английский профессор Ллойд, состоявший на службе на филологическом факультете Токийского императорского университета, по просьбе издававшейся в Нью-Йорке американской газеты «Индепендент» перевел на английский язык стихи императора, которые были разосланы многим монархам, всюду в мире признали не только его воинские достоинства, но и оценили его как великого поэта, что является радостным фактом, прибавляющим ему почитания еще больше.

Для сочинения стихов император постоянно имел при себе простой карандаш и записную книжку, куда он собственно-ручно и записывал стихи. Это составляет разительный контраст по отношению к так называемым поэтам, которые усаживаются с прямой спиной за убранном столом и сочиняют за день два или три стихотворения. Нет, император не тратил время, специально занимаясь сочинительством. Придет что-то на ум — запишет одно, потом другое; так стихи и нанизывал. Император сочинял с божественной быстротой, придворные не могли сдержатъ возгласов восхищения. Император сочинял на самые разные темы, особенно много у него стихов, посвященных делам государственным, образованию, делам военным, пяти знакам, дождям и ветрам. Каждая из этих тем постоянно занимала священные помыслы императора, каждая из них превращалась в его стихах в сокровище. Если бы проводящие в праздности свои дни поэты увидели, как среди леса дел император непрерывно сочиняет стихи, они бы умерли от позора.

По изяществу, прозрачности и глубине стихи императора находятся на недостижимой для обычных поэтов высоте. Ниже приводятся несколько стихотворений, которые должны продемонстрировать это.

Слива в полном цвету

Кони на привязи,
Люди идут и идут...
Всюду вокруг
Высыпали
Сливы цветы.

Сакура на ветру

Падает, падает
Цвет вишневый
Под ветром весенним...
Из сада чьего
Он прилетел?

Мандариновое дерево в родном саду

Вышел в сад:
Старое дерево
Вспоминает былое —
Мать,
Что вскормила меня.

Меч

На равнине Адаси
Пусть блеснет
Острый меч,
Что наточил
Настоящий мужчина...

Молитва в святилище

Божество великое
Из храма Исэ!
Оборони наш свет –
Так молюсь
О мире народном.

Комментарий. Традиция лишала японского императора многих составляющих, которые были неотъемлемой частью образа западных монархов. К таким элементам можно отнести военную функцию, функцию передвижения, функцию визуальной репрезентации и др. Функции, которые выявлены у японских императоров в более полной мере, чем это было в Европе, — образовательная и, в особенности, литературная. Ведущим жанром литературы считалась поэзия, ибо, в соответствии с китайскими представлениями, поэзия является отражением и, одновременно, источником космического порядка. Именно поэтому при дворе находился целый поэтический отдел, в котором и служили поименованные в тексте жизнеописания лица. При этом под «поэзией» понимались только «короткие песни» (танка, 31 слог), демократические хайку (17 слогов) в придворном обиходе не значились.

Японские императоры тщательно изучали стихотворную традицию и много сочиняли сами. В этом смысле образ Мэйдзи действительно соответствует традиционным представлениям о верховном правителе, который своими стихотворными упражнениями приводит страну и природу в гармоничное состояние. Другое дело, что оценка творчества Мэйдзи, которая принадлежит заведующему поэтическим отделом двора Такасаки Сэйфу (Масакадзэ, 1838–1912), выглядит несколько завышенной. Во время жизни Мэйдзи стихотворчество еще было стилем жизни, подавляющее большинство представителей политической элиты оставили потомкам свои поэтические сочинения. Тем не менее, количество стихов, о которых упоминает жизнеописание, вызывает вопросы, тем более, что большинство стихов по

загадочной причине не сохранилось. С другой стороны, выученный стихотворец сочиняет стихи в автоматическом режиме, для этого никакого «вдохновения» ему не требуется. Так что при определенных допущениях Мэйдзи вполне мог сочинить и более 80 тысяч стихотворений. При этом упоминание «простого карандаша» вместо традиционной кисти в качестве инструмента фиксации выглядит вопиющим новаторством, но император на то и император, чтобы иметь право и на это.

Автобиография Саиондзи Киммоти

Н. Овсянников

Вниманию читателя предлагается фрагмент автобиографии одного из интереснейших политиков и государственных деятелей довоенной Японии — Саиондзи Киммоти (1849–1940), двухкратного премьер-министра и ближайшего советника трёх японских императоров: Мэйдзи (1867–1912), Тайсё (1912–1926) и Сёва (1926–1989). Начав государственную карьеру 18-летним юношей на самой заре становления новой Японии, сразу после Реставрации Мэйдзи, Саиондзи на рубеже веков займёт одно из центральных мест в политической жизни страны и будет оставаться в числе лидеров японского государства практически до самой смерти в конце 1940 г.

Впрочем, говоря о Саиондзи, нельзя ограничиваться сухим перечислением его многочисленных титулов и должностей: его личность интересна даже вне того высокого положения, которое он на протяжении нескольких десятилетий занимал в политической жизни страны. Предваряя перевод его автобиографии, мне хотелось бы в большей степени обратить внимание на те качества Саиондзи, которые выделяют его среди выдающихся японских политиков начала XX века и делают уникальным, неповторимым в истории современной Японии.

Оговорюсь: я ни в малейшей мере не хотел бы преувеличивать заслуги Саиондзи как политического и государственного деятеля и, называя его интереснейшим в целой плеяде замечательных государственных деятелей первой половины XX в., я отнюдь не пытаюсь приписывать ему некую исключительную политическую роль. Ему, как и любому, было свойственны ошибки и колебания, а среди современников Саиондзи можно найти немало тех, кто в политических делах проявлял больше мужества, упорства или сноровки.

Однако несмотря на это в мире политики современной Японии Саиондзи остаётся ярчайшей и неповторимой фигурой. И, пожалуй, самой противоречивой, поскольку Саиондзи — и как

политик, и как человек — сочетал в себе не сочетаемые, казалось бы, черты и качества.

Во-первых, Саиондзи являл собой удивительный сплав японской культуры с передовым европейским образованием, соединяя в своей душе любовь к традициям страны с глубоким знанием и пониманием западного мира. Как представитель одной из древнейших семей Японии, уступавшей по знатности, пожалуй, лишь членам императорской фамилии, Саиондзи получил при императорском дворе прекрасное классическое японское образование, но, несмотря на это, с юных лет проявлял колоссальный интерес скорее к западной цивилизации. Неоднократно Саиондзи шокировал двор, крайне негативно настроенный в то время по отношению ко всему чужому, открытой демонстрацией своих взглядов.

В 1870 г. Саиондзи, давно мечтавшему о знакомстве с Западом, удалось настоять на своей отправке за границу на стажировку. Проучившись около десяти лет в Париже, а также, спустя ещё некоторое время, проведя почти столько же времени в качестве посланника в ряде европейских стран, Саиондзи был признан на Западе в качестве одного из наиболее просвящённых людей своего времени, и среди его близких друзей был, в частности, будущий президент Французской республики Жорж Клемансо. Заняв пост министра образования в 1894 г., Саиондзи в первую очередь попытался внедрить передовые западные ценности в японскую систему просвещения, сделать её более современной и либеральной. Он даже предпринял смелую попытку пересмотреть принятый ранее императорский рескрипт об образовании, пропитанный духом конфуцианской морали и крайне консервативный по своему характеру.

Во-вторых, крайне необычной представляется диаметрально противоположность политических убеждений, которые Саиондзи, тем не менее, удавалось бесконфликтно сочетать.

Саиондзи был преданнейшим монархистом: во время Реставрации Мэйдзи он лично руководил частями, принимавшими участие в боевых действиях против просёгунских войск — сначала на юго-западе, а затем на северо-востоке Хонсю. Хорошо известно, что он пользовался огромным доверием и уважением всех императоров, которым служил, а с императором Мэйдзи его связывала ещё и личная дружба.

И в то же самое время в обществе Саиондзи слыл либералом: он не стеснялся открыто выступать в защиту социалистов, откровенно, в том числе и в своей автобиографии, признавал свои симпатии к «левому лагерю». Хотя Саиондзи неоднократно и заявлял о том, что центром государственной системы должен быть именно император, он активно выступал за придание самых широких функций парламенту и всячески пытался способствовать тому, чтобы сделать двор более прозрачным и открытым.

Подобная «противоречивость» политических взглядов Саиондзи во многом предопределила и необычность его политической карьеры: как это ни парадоксально, ему удавалось оставаться «своим» и для так называемой олигархии¹, и для политических партий, т. е. сил оппозиционных правящей элите.

Саиондзи фактически был одним из тех, кто стоял у истоков демократического и партийного движения Японии. В 1880 г., по возвращении из Парижа, Саиондзи стал президентом «Тоё дзию симбун», едва ли не наиболее либеральной газеты того времени, присоединившись тем самым к охватившему всю страну оппозиционному Движению за свободу и народные права. В 1900 г. Саиондзи принимает участие в формировании Сэйюкай, крупнейшей в стране политической партии, а в 1903 г. возглавляет её и остаётся президентом партии на протяжении десяти с лишним лет, которые становятся переломными в деле утверждения партийной политики в Японии.

Однако подобное прошлое не сделало Саиондзи в глазах старой мэйдзийской элиты «чужаком», какими для них по большому счёту оставались все остальные партийные деятели. Вероятно, одна из причин этого заключалась в том, что Саиондзи, хотя и присоединился на долгое время к либералам из числа партийным политикам, никогда до конца не расставался с идеей трансцендентного, т. е. надпартийного и узкоэлитарного прав-

---

¹ Олигархией применительно к Японии второй половины XIX — начала XX вв. принято называть те силы, которые пришли к руководству страной в результате свержения Токугава и Реставрации Мэйдзи. Эту политическую элиту зачастую называют также «клановой олигархией», поскольку, за небольшими исключениями, в ней господствовали выходцы из могущественных юго-западных княжеств Тёсю и Сацума, которые сыграли ключевую роль в Реставрации, сформировавшие своего рода земляческие клики в основных органах государственной власти.

ления. И действительно, после того, как в 1912–13 гг. решением высшего руководства его включают в состав *гэнро*², чрезвычайно узкой группы пожизненных советников императора, которая формировала верхний слой политической элиты страны, Саиондзи начинает заметно остывать к политическим партиям. Впрочем, даже на этом этапе отдаления от партийных сил разрыва с партиями у Саиондзи не происходит: как известно, первое подлинное партийное правительство, образованное во главе с Хара Такаси (1856–1921) в 1918 г., в немалой степени обязано своим появлением именно поддержке Саиондзи.

Кстати, стоит отметить, что после назначения Саиондзи *гэнро* подобного доверия более не оказывалось никому, и Саиондзи, таким образом, выпала уникальная роль стать последним из *гэнро*: с 1924 г., когда умер старейший из его коллег-*гэнро*, и до собственной смерти Саиондзи оставался единственным советником императора.

В-третьих, при ближайшем знакомстве с Саиондзи не может не поражать его специфическое отношение к политике и собственному месту в ней. С одной стороны, Саиондзи был политиком, занимавшим все высшие должности в стране, от министра до пожизненного советника императора, а с другой, как по свидетельству современников, так и его собственным словам, это был человек, едва ли не полностью лишённый политических амбиций и интереса к политике как таковой.

В отличие от того же Хара Такаси, многие годы бывшего ближайшим соратником Саиондзи и действительно жившего политикой, намного больше, нежели перипетии политической борьбы, Саиондзи интересовали искусства, в которых он, как мы можем судить, был больше, чем просто любитель, и размеренное, созерцательное времяпрепровождение. Так, став в 1906 г. премьер-министром, он с несравненно большим энтузиазмом отдавался собиравшемуся у него дома литературному кружку, нежели заседаниям кабинета, которые он находил откровенно утомляющими.

Он даже не пытался скрывать, что и пост председателя Сэйюкай, и премьер-министра был для него не честью и не желанной целью, а тягостной обузой, на которую он нехотя соглашался. И в

---

² Дословно — государственный старейшина. За всю историю *гэнро* становились лишь 9 человек.

противоположность, скажем, Кацура Таро (1847–1913), также неоднократно премьер-министра того времени, который использовал малейшие возможности для усиления своей власти и влияния, Саиондзи, казалось, не дорожил властью и при первой же возможности старался избавиться от обременительных постов на вершине властной пирамиды. По его же собственным словам, в моменты кризиса он предпочитал не идти до конца, борясь за власть ли или за собственные взгляды, а уступать, «оставляя место для манёвра»³.

Вероятно, в немалой степени причина такого отношения Саиондзи заключается в его аристократическом происхождении: будучи с детства обласкан вниманием, почестями и близостью к императорскому трону, он не нуждался в том, чтобы отстаивать своё право на место в элите, как, например, Хара — «аутсайдер» с северо-востока. Более того, как высший аристократ он испытывал презрение к неизбежным интригам мира политики и не желал принимать в них участие, препоручая повседневные политические заботы своим соратникам.

Подобное равнодушие Саиондзи давало его коллегам и союзникам причину для серьёзных огорчений, а недоброжелателям — повод для иронии. Так, известный историк и публицист того времени Токутоми Сохо, относившийся к конкурирующему политическому лагерю, определил его характер тремя словами: «интеллект, леность и равнодушие»⁴. Сам Хара тоже подчас не мог скрыть раздражение пассивностью Саиондзи: в его дневниках мы можем найти массу негодующих записей, подобных следующей: «Я не раз и не два выручал Саиондзи, но ему ... не достаёт усердия и рвения, у него нет воли к власти, он ни разу не выложился полностью ради чего бы то ни было. При этом, по-моему, он даже и не ценит моих усилий. Это просто поразительно»⁵.

Причём в автобиографии Саиондзи в полной мере подтверждает критику своих современников: «Я не испытывал возмущения тем, что происходит вокруг, у меня не было каких-либо

---

³ *Кимура Цуёси* (ред.) Саиондзи Киммоти дзидэн // Дайниппон юбэнкай коданся, 1949, с. 164.

⁴ *Najita Tetsuo*. Hara Kei in the Politics of Compromise // Harvard Univ. Press, 1967, p. 18.

⁵ *Хара Кэйитиро* (ред.) Хара Такаси никки, т. 3. // Фурукава сюпан, 1965, с. 155.

стремлений или амбиций, во мне не говорило отважное желание способствовать прогрессу, и я не испытывал каких-либо иных сильных чувств. И сейчас я всё такой же. ... Возможно, меня можно назвать холодным и бесчувственным, но я не думаю, что это так. Я не иду против тенденций времени, и я не следую им»⁶.

В рамках небольшой вступительной статьи невозможно дать полную оценку подобному парадоксальному для деятеля такого уровня отношению к политике, как и невозможно в полной мере ответить на вопрос о том, что же в таком случае двигало Саиондзи все те годы, что он находился в центре политической и государственной жизни. Отчасти Саиондзи, как он сам признаёт, руководствовался желанием новых и разнообразных ощущений, которые можно было получить, находясь в авангарде политической и общественной жизни, отчасти, вероятно, любовью к эпатажу и стремлением быть в центре всеобщего внимания, а в немалой степени и чувством долга — к его покровителям и наставникам, к стране и трону.

Но одно можно сказать с уверенностью: личность Саиондзи явно выходит за рамки привычного для нас образа «классического» политика и государственного деятеля и заслуживает самого пристального внимания. Однако, несмотря на это, ни в нашей стране, ни на Западе фигура Саиондзи практически не рассматривалась, и информация о нём давалась не более чем в контексте общего развития Японии. Возможно, опубликование отрывков из автобиографии Саиондзи сможет хотя бы отчасти восполнить этот пробел в отечественной историографии и пробудить первоначальный интерес к этому незаурядному человеку.

В завершении, мне хотелось бы сказать несколько слов о том, что представляет из себя «Автобиография Саиондзи Киммоти». Стоит отметить, что источников, характеризующих деятельность и личность Саиондзи существует немало, однако подавляющее большинство из них были написаны не самим Саиондзи, а кем-либо из его современников: это и биография, написанная его коллегой по *Сэйюкай* Такэкоси Ёсабуро, и жизнеописание, составленное Кимура Цуёси, известным публицистом и историком, близко знакомым с Саиондзи, и дневники Хара Такаси, а также многотомные дневниковые записи личного секретаря Саиондзи — Харада Кумао.

---

⁶ Саиондзи Киммоти дзидэн, с. 73–74.

Однако, не отрицая значимости всех перечисленных источников, мне кажется неоспоримым, что с точки зрения изучения личности Саиондзи именно его автобиография является самым ценным материалом, поскольку в наибольшей степени отражает особенности характера и специфику мышления Саиондзи.

Большой интерес данная автобиография представляет и для изучения истории Японии в целом, поскольку Саиондзи фактически был активным участником и свидетелем целой эпохи — с конца периода правления Токугава и до начала Японией войны на Дальнем Востоке. Множество знаменательных для Японии событий относится к этому времени: и интенсивные мэйдзийские реформы, за короткое время превратившие Японию в современную, мощную мировую державу; и первый опыт строительства конституционного государства с последовавшим вслед за этим резким всплеском демократических настроений («демократия Тайсё»); и приход к власти военных, развязавших губительную многолетнюю войну.

Необходимо отметить, что автобиография Саиондзи, строго говоря, не была написана им самим. Да и вообще, изначально она задумывалась не как автобиография, а как цикл рассказов о Саиондзи. В основе «Автобиографии Саиондзи Киммоти» лежат разрозненные эссе, в которых Саиондзи повествует о некоторых этапах и событиях своей жизни, начиная с детства и заканчивая тридцатыми годами XX в. Эти рассказы-воспоминания со слов Саиондзи были записаны крупным политиком и литератором 1920–30-х гг. Коидзуми Сакутаро, занимавшим видное место в некогда руководимой Саиондзи партии Сэйюкай.

Идея написания биографической книги о Саиондзи возникла у Коидзуми ещё в 1926 г., и в течение нескольких лет после этого он посещал Саиондзи, делая подробные записи своих бесед с ним. Из-за многомесячных перерывов, вызванных как занятостью Саиондзи и Коидзуми, так и противодействием ближайшего окружения Саиондзи, эта работа заняла в общей сложности около 6 лет: последние записи были сделаны Коидзуми уже в 1933 г. Причём характер записей также несколько эволюционировал за это время. Если поначалу беседы велись в свободном стиле, без какой-либо чёткой повествовательной канвы, то постепенно Коидзуми стал придавать им форму тематических интервью, используя в качестве отправных точек для каждой

беседы главы из биографии, написанной Такэкоси Ёсабуро, и единственной работы, написанной лично Саиондзи, — «То:ан дзуйхицу»⁷, которая была издана в 1903 г.

В общей сложности автобиография насчитывает 10 глав. Впрочем, какой-либо чёткой внутренней структуры ни эти главы, ни автобиография в целом не имеют. Саиондзи очень вольно переходит от темы к теме, перемежая воспоминания о событиях своими рассуждениями на самые разные темы — от политики до искусства. При этом Саиондзи не задерживается дольше одного-двух абзацев ни на одном событии. И, что любопытно, Саиондзи явно склонен большее внимание уделять всевозможным светским курьёзам и околполитическим происшествиям, нежели останавливаться собственно на важных, рубежных политических событиях.

Но в этой-то беспорядочности и вольности повествования, на мой взгляд, и заключается главное достоинство данной книги. Дело в том, что любая биография ставит перед собой определённую цель и, что называется, «подгоняет» образ деятеля под свою концепцию. Если мы возьмём для примера книгу, написанную Такэкоси Ёсабуро, то увидим, что в ней абсолютно чётко прослеживается желание автора возвеличить своего выдающегося предшественника.

В этих же автобиографических рассказах, абсолютно свободных как по стилю, так и по содержанию, Саиондзи действительно предстаёт перед нами таким, каким он был в действительности. В беседах с Коидзуми, не будучи ограниченным никакими рамками, никакими «законами жанра», он в полной мере даёт волю и своему юмору, и свободомыслию, а также очень живо и хлётко характеризует ведущих деятелей того периода.

Долгое время эти записи рассказов-воспоминаний Саиондзи, озаглавленные Коидзуми «Дзуйхицу Саиондзи ко:» («Записывая за князем Саиондзи»), так и оставались в личном архиве Коидзуми, и как книга были изданы уже после смерти Саиондзи. В 1949 г., в связи со 100-летием со дня рождения Саиондзи, записи были собраны воедино, систематизированы, разбиты по хронологическому и тематическому принципу на главы и опубли-

---

⁷ То:ан — псевдоним Саиондзи, поэтому название книги можно перевести как «Записи То:ан».

кованы Кимура Цуёси, который и является редактором «Автобиографии Саиондзи Киммоти». Таким образом, можно сказать, что эта «автобиография» — плод усилий сразу трёх людей: непосредственно Саиондзи, а также Коидзуми и Кимура.

Наличие соавторства можно заметить и в тексте автобиографии, который изобилует вопросами, уточнениями и замечаниями как со стороны Коидзуми, так и Кимура. Сразу отмечу, что при переводе я постарался передать текст таким, каким он выглядел в японском издании, поэтому все ремарки автора и редактора, как правило, выделенные круглыми скобкам, оставлены в тексте без изменений. Те же комментарии, которые мне показалось целесообразным дать самому, я вынес за пределы исходного текста и привёл их в конце перевода.

В настоящей публикации представлен перевод пяти глав «Автобиографии Саиондзи Киммоти» — «Воспоминания о заслуженных деятелях Реставрации», «Газета “Тоё дзю”», «Период Сэйюкай», «Характеристика деятелей середины эпохи Мэйдзи» и «Став *гэнро*», в которых рассказывается о наиболее значимых и интересных этапах политической и государственной карьеры Саиондзи, а также о его отношениях с самыми влиятельными и заметными людьми той эпохи.

Воспоминания о заслуженных деятелях Реставрации

-1-

Когда я вернулся из Этиго¹, то недолгое время перед тем, как поселиться в некоем подобии общежития при Кайсэйдзё² (предшественник Токийского университета), я жил в гостинице Накамурао. Недалеко от Накамурао, на другом берегу реки находился трактир под названием «Аояги», куда заходил повеселиться Кидо³. Я тоже иногда ходил туда развлечься. Таверна Омурая потом стала преуспевать, и её тыльная часть была расширена, но в то время, когда туда ходил веселиться я, это было маленькое заведение, считавшееся второсортным даже по меркам Симбаси.

Я ходил развлекаться в разные места: Накамурао, Омурая, Хисагоя и другие.

Мой фамильный герб представляет из себя левообращённый *томоэ*⁴; он изображён на повозке из одного стихотворения в

хякунин иссю⁵. Однажды я подарил кимоно с гербом-томоэ гэйшам из Янагибаси, и одна из них особенно радовалась этому подарку. Когда я спросил её о причинах веселья, она ответила, что у неё есть два покровителя, и у обоих гербы в виде томоэ, так что с помощью этого кимоно она сможет радовать обоих. «Ого, вот это да! Ну что ж, тогда и я счастлив сверх ожидания», — ответил я и от души рассмеялся.

После того, как я вернулся из Этиго, я поступил в Кайсэйдзё в Токио — это предшественник Токийского университета, помните? — где стал учиться французскому языку. В то время начальником Кайсэйдзё был Ёдо⁶ из Тоса, мой родственник, а заместителем начальника — Акидзуки Танэтацу⁷, крупный китаевед и талантливый поэт. Во время моей учёбы в Кайсэйдзё произошёл очень смешной случай! Однажды гэйши из Янагибаси подарили мне холодных закусок из рыбы, и я отправил их в Кайсэйдзё, думая угостить других студентов, однако из посуды, в которой эти закуски лежали, выпало коллективное письмо, подписанное примерно десятью гэйшами, что вызвало среди учащихся горячие споры, и некоторые были настолько возмущены, что даже советовали мне сделать сэппуку⁸. Всё это было очень забавно.

Может быть, они считали меня добропорядочным учеником? Хотя на самом деле я был испорченным юношей, и в то время, когда я поступал в Кайсэйдзё, я был нарасхват! Омура Масудзиро⁹ также открыл в Иокогаме собственную школу и, похоже, желал меня в ней видеть, впрочем, он очень быстро изменил своё мнение и согласился на моё поступление в Кайсэйдзё, сказав: «Вам будет лучше изучать юриспруденцию, нежели становиться военным».

После возвращения из Этиго я однажды обратился с просьбой к правительству, где в то время там работал человек по имени Огимати Сандзё¹⁰. Кидо, конечно, там тоже был, но Огимати был придворным, к тому же мы с ним давно дружили, и он был очень знающим человеком, поэтому я попросил его дать мне переводы каких-либо интересных западных книг, если у него есть. Однако на это он мне сказал, что ровным счётом ничего не знает о таких вещах, хотя вы понимаете, что он вовсе не был настолько несведущим. Услышав наш разговор, Кидо сказал: «Я помогу вам», — и практически сразу же послал мне много разных книг.

Выдающихся и по-настоящему хороших книг там не было, но книг было довольно много. Кидо я знал и раньше, но это было не более чем знакомство, и близкими друзьями мы не были, однако после этого случая у нас с ним завязалась тесная дружба. В то время я обитал в Накамурао, и многие осуждали меня за это, а некоторые советовали мне найти за 500 или 1000 иен приличную старинную усадьбу, но Кидо выручил меня и отмёл всю критику, сказав, что Саиондзи-сан не престало селиться в старых помещениях, так что пусть он лучше продолжает свободно жить в Накамурао.

-2-

Возможно, Кидо возлагал на меня какие-то надежды, поскольку он часто меня хвалил, и даже написал обо мне письмо Ивакура¹¹. По словам Омура, Кидо был талантлив, но, к сожалению, очень ревнив. А Кидо в свою очередь, оценивая Омура, говорил, что он трудолюбив, но, к сожалению, не понимает общей ситуации. Мне кажется, что и тот, и другой были в какой-то степени правы.

Кидо был лёгким в общении и жизнерадостным, как студент, и у студентов он пользовался большой популярностью. Он интересовался литературой, иной раз он приглашал к себе Окухара Сэйко¹² либо кого-то ещё, и вместе они занимались стихосложением и рисованием. Кидо был довольно большим дэнди, а также он был очень добрым и отзывчивым человеком. К сожалению, период нашего общения был непродолжительным, и работать вместе нам также не приходилось, поэтому я не могу сказать, что знал его хорошо.

Омура Масудзиро же я знал близко, и даже обучался под его руководством военной науке. Когда я сообщил Омура о своём намерении поехать в Европу, то он поинтересовался — куда именно. Это было перед франко-прусской войной, и французская армия пользовалась большой славой во всём мире, в том числе и в Японии, поэтому Омура сделал поспешное предположение, что я собираюсь стать военным. «Откажитесь от этой мысли, вы совсем не подходите для военного», — предостерёг он меня. Когда же я сказал ему, что и сам никогда не желал становиться военным, а во Францию собираюсь поехать главным образом для изучения французской юридической системы, по-

сколько Франция является центром европейской цивилизации и, как я слышал, имеет развитую юридическую систему, то он всецело меня поддержал.

Возвращаюсь к предыдущей теме. Когда в районе Этиго осложнилась боевая обстановка, туда в качестве подкрепления было решено направить придворного по имени Сидзё (Такаута)¹³. Он обратился к Омура с просьбой несколько увеличить его малочисленный отряд, но Омура ответил ему с холодной усмешкой: «Если вы так боитесь, то можете никуда не ехать». Потом Сидзё сказал мне следующее: «Этот Омура просто мерзавец! Я был так взбешён, что хотел двинуть ему как следует!»

Хотя он иногда иронизировал подобным образом, за что порой его даже ненавидели, по своей натуре он был добрый человек, и даже когда приказывал что-то, то всегда самым подробным образом разъяснял свои распоряжения. Был, например, ещё такой случай. Когда княжество Тёсю подверглось нападению¹⁴, то Омура получил командование на одном из направлений, однако один человек попытался его побудить к более активным действиям, говоря, что не дело находиться всё время в безопасном месте вдали от фронта. Омура же ответил ему на это: «Ничего подобного, таковы армейские правила», — и не стал менять своей дислокации. Уже потом тот человек передал мне этот разговор, назвав Омура хвастуном.

Сайго¹⁵ очень нервничал по поводу боевой обстановки в Этиго, и даже заявил, что сам собирается отправиться туда с подкреплением, на что Омура ему заметил: «Этого делать не нужно: к тому времени, как вы туда доберётесь, ситуация нормализуется». Сайго, тем не менее, не прислушался к Омура и направился в Этиго, однако, как Омура и говорил, всё к тому моменту там действительно уже успокоилось, так что Сайго вернулся ни с чем. Это, впрочем, не более, чем одна из сплетен того времени, лично я об этом происшествии толком ничего не слышал.

В любом случае Омура был человеком, прекрасно осведомлённым в военных делах и умеющим решать большие задачи.

В то время, когда я находился Киото, готовясь к поездке в Европу, Омура также приехал в древнюю столицу и остановился в Киямати¹⁶. И когда я вечером подумывал о том, чтобы пойти навестить его, ко мне пришёл Мадэнокодзи¹⁷ и позвал гулять с

собой, сказав: «Ну, Омура можно и завтра навестить, пойдём сейчас лучше выпьем где-нибудь!» В тот же вечер на Омура было совершено покушение, он был тяжело ранен¹⁸.

От Сэйсон, приёмного сына Хиросэ Тансо, я слышал, что в то время, когда Омура был главой школы Тансо¹⁹, он сделал резкий выговор ученикам, когда те начали беспорядочно скидывать обувь.

Когда-то Омура написал: «Наказание должно быть быстрым, а награда всегда может подождать». Возможно такой подход также навёл на него нелюбовь и привёл к этой трагедии. Это был человек, хорошо разбирающийся в военной науке, и талантливый реформатор.

Про Ивакура говорили, что он хитрец и коварный человек, так что одно время репутация у него была не очень хорошая, к тому же мы с ним были разного возраста, поэтому каких-либо контактов между нами было мало, и мы впервые познакомились после того, как я стал *санъё*²⁰ и мог присутствовать вместе с ним на заседаниях правительства. Познакомившись с ним, я увидел, что он весьма надёжный человек, совсем не такой, как о нём говорят. Хотя я и сказал, что мы с ним вместе присутствовали на правительственных заседаниях, но на самом деле у нас была большая разница в возрасте, и знакомство наше длилось не долго, поэтому его истинный характер мне так и не удалось узнать.

-3-

С Окубо²¹ я лично познакомился при следующих обстоятельствах. Однажды моему знакомому из Сацума было приказано оставить государственную службу и возвращаться к себе на родину, однако сам он не хотел возвращаться, поэтому я решил помочь ему и отправился просить за него к Окубо. Когда я пришёл к нему, то Окубо, несмотря на то, что я был гораздо младше его, да и сам вопрос был малозначительным, очень чётко и подробно объяснил мне, почему того человека нужно отправить обратно. На меня очень сильное впечатление произвела его спокойная реакция; к сожалению, после этого случая напрямую встречаться с ним мне больше не приходилось. Я думаю, что он был самой значительной фигурой в правительстве Мэйдзи, хотя это всего лишь моё собственное мнение, основанное на том, что я слышал от Ито²² (Хиробуми), а также на результатах работы Окубо.

Если бы Сайго не удалился тогда в Сацума, а остался работать вместе с Окубо, то мне кажется, что мэйдзийскому правительству удалось бы добиться гораздо большего — я даже не могу сказать, насколько это повредило успешной работе. (Ремарка на полях: «Похоже, что князь Саиондзи весьма сожалеют о разрыве между Сайго и Окубо и часто изволят говорить об этом»). Я очень уважаю Окубо за то, как умело он разрешил многочисленные трудности на начальном этапе существования правительства: после того, как Сайго вернулся в Сацума, он один остался у руля правительства и собрал вокруг себя таких деятелей, как Курода²³ и Мацуката²⁴, а также других выходцев из Сацума, и даже привлёк к работе младшего брата Сайго — Цугумити²⁵.

С Сайго у нас были разные жизненные пути — я его никогда не видел, и мы ни разу даже не встречались. Однако что бы о нём ни говорили, Сайго (Такамори) был самой крупной личностью среди всех государственных деятелей из Сацума. Он заставил самого Ито (Хиробуми) подчиняться себе: ему несомненно было пресуще определённое величие.

Однажды император Мэйдзи рассказали мне о следующем случае. Когда император Мэйдзи упали с лошади и сказали, что им больно, то стоявший рядом Сайго ответил Его Величеству: «Что бы ни случилось, Вы никогда не должны жаловаться и говорить, что вам больно». Поскольку Его Величество были тогда совсем молоды, возможно, они так и не смогли до конца понять, каким человеком был Сайго, но то, что они чувствовали огромный авторитет и достоинство Сайго, не вызывает сомнения.

Если пытаться описать то время, то оно было полно всевозможных дел и трудностей — необходимо было и выстраивать гармоничные отношения между Сацума и Тёсю, и налаживать контакты с другими влиятельными крупными княжествами. Что же касается придворной знати, то даже те из них, кого называли весьма трудоспособными, были не в состоянии решить и довести до конца и одного-единственного вопроса. Это было сборище безвольных и беспомощных людей. Ивакура же можно назвать великой личностью: работая в таком окружении, он проявлял колоссальную энергию и одновременно брался за все дела сразу. Уже со времени битвы при Тоба-Фусими²⁶ Ивакура отличался поразительной решительностью.

Я думаю, что Сандзё²⁷ был по статусу выше Ивакура главным образом из-за более знатного и древнего происхождения своего рода. Похоже, что Ивакура нарочно ставил Сандзё выше себя, стремясь наладить хорошие отношения с императорским родом. Конечно же, Сандзё сам отнюдь не был посредственным человеком. Его, правда, осуждали за нерешительность, но это было во время Совета в Малом Императорском дворце²⁸. Когда было предложено пригласить укрывшегося в Осака Ёсинобу²⁹ войти в состав Дворцового Совета, то Ивакура сказал, что если Ёсинобу станет таким же *гидзё*, как и они сами, то надежды на единство не останется — я думаю, он очень сильно переживал из-за такого поворота событий. Однако Сандзё был спокоен и с величественной уверенностью сказал: «Нам не следует бояться Ёсинобу, у нас вполне хватит сил держать его под контролем». Я тоже был на том заседании и был восхищён его самообладанием и хладнокровием, поняв, что этот человек достоин уважения. После Реставрации он преданно служил императорскому роду, и свойственное Сандзё нравственное благородство делало его выше остальных людей.

-4-

После Реставрации Ивакура постепенно приобретал всё больший вес, и можно сказать, что первые проекты нового правительства были успешно реализованы в первую очередь благодаря совместной работе Ивакура и Окубо.

Ивакура также пользовался большим доверием со стороны императора. Однажды — хотя это, наверно, дворцовая тайна — Его Величество проявили повышенный интерес к новой фрейлине. Когда же это обнаружилось, то императрица были очень рассержены и, если говорить по-простому, между ними произошла семейная ссора. Тогда для примирения обеих сторон был вызван именно Ивакура, и к большому счастью, этот конфликт был улажен. По этому случаю была устроена вечеринка, и Ивакура как следует выпил. И по возвращении оттуда — так говорят, вы понимаете? — на него напали убийцы. Ивакура был атакован на улице Идзака в Акасака и, получив ранение, выпал из кареты и скатился в ров. Нападавшие решили, что Ивакура убит и скрылись, так что можно сказать, что Ивакура чудом избежал неминуемой гибели (7-й год Мэйдзи)³⁰. Это происшеств-

вие, правда, случилось в моё отсутствие, пока я был в Европе, так что лично мне о нём ничего не известно — я узнал обо всём этом от людей только по возвращении.

Спустя примерно год после того, как я приехал во Францию, Ивакура с делегацией также прибыли туда с целью пересмотра договоров³¹, так что смогли увидиться спустя долгое время, однако, насколько я помню, ни о чём серьёзном мы с ним тогда не беседовали. Когда я во второй раз отправлялся в Европу (в 15 г. Мэйдзи с целью изучения европейских конституций) в составе делегации Ито, то Ивакура по-дружески меня проводил до Иокогамы и попросил позаботиться о его сыне Томосада³² (в последствии ставшем министром двора). Уже много лет спустя Томосада мне однажды сказал: «Мой отец был очень высокомерный человек и редко провожал кого бы то ни было, даже не знаю, каким ветром его тогда в Иокогаму занесло и почему он тебе обо мне без умолку твердил?» «Действительно. Ведь это была наша с ним последняя встреча, так что может это ему внутренний голос шепнул о скорой смерти?» — ответил я.

Газета «Тоё дзю»³³

-1-

Когда я вернулся из Франции (март 13-го года Мэйдзи), дела в Японии действительно обстояли из рук вон плохо. Однажды я по какому-то делу зашёл к старому знакомому, который являлся председателем Банка Аристократии³⁴ (15-го Банка³⁵), и вручил свою визитную карточку человеку в приёмной, человек же этот, получив её, окликнул своего товарища и спросил: «Эй, а сколько ещё штук там у шефа сидит?» «Да ещё штуки 4-5 осталось,» — ответили ему. «Да? Ну тогда отнеси-ка вот эту визитку,» — сказал он. Я был просто шокирован подобным обращением с посетителями. Я правда был поражён. Даже не знаю, как это называть, грубостью или ещё как-то. На мой взгляд, это просто кошмар.

Вот ещё один случай. Пришёл ко мне бондза из какого-то храма с просьбой о пожертвовании и сказал, что, мол, деньги вы можете и не давать, но только напишите, пожалуйста, ваше имя и укажите сумму — 5 или 10 тысяч иен. «Ты же священнослужитель, и ты просишь меня, чтобы я вписал в твою книгу деньги, которых я не давал?! Ты что, собираешься потом использовать

это для мошенничества? Ах ты бессовестный!» — обругал его я, и бондза этот в испуге поспешно ретировался.

Я доглого жил за границей и не привык к подобному, так что я был и удивлён, и раздражён, но как я понимаю сейчас, это были самые обычные в обществе ситуации. Однако тогда я всей душой чувствовал, что с таким положением в обществе и с таким настроением среди людей у Японии не будет будущего.

В такое вот время я и приступил к изданию газеты «Тōё дзию». Насколько я знаю, в обществе существуют различные толки на этот счёт, но по-моему, всё было гораздо проще. Когда я вернулся из Европы, то некоторые мне советовали стать государственным служащим, а некоторые говорили, что будет лучше, наоборот, не поступать на государственную службу. Когда же я всё-таки решил пойти на государственную службу, то не знал, возьмут меня или нет, и поэтому спокойно отдыхал и веселился в своё удовольствие. Тогда-то ко мне и пришёл Мацуда Масахиса (министр юстиции в будущем кабинете Саиондзи)³⁶ — кстати говоря, когда я был во Франции, то он, приехав туда после меня, сказал, что хочет попасть в тот же университет, что и я, поэтому я ему в этом немного помог. Ну и плохая же у него память была! Так вот, он пришёл ко мне и говорит: «Я решил основать газету, и прошу тебя стать её президентом». Я ему ответил, что президентом-то стать это хорошо, но я не привык к ежедневной серьёзной работе. Однако он настойчиво убеждал меня, говоря, что я, мол, прекрасно это понимаю, но если ты выразишь желание стать президентом газеты, то её будет легче основать. «Ну что ж, раз я всё равно бездельничаю да развлекаюсь, то можно и попробовать, но поскольку одному мне будет тяжело, то прихватчу-ка я, пожалуй, Накаэ³⁷». — «Это тоже годится. Рассчитываю на тебя. Только учти: он очень непостоянный...» — «Но ведь речь идёт о его любимой литературной работе, так что вряд ли он бросит её». Вот такая между нами состоялась беседа.

После этого я посоветовался с Накаэ, и он сказал: «Если платить будут, то я готов стараться изо всех сил». Конечно, он полушутя так сказал! Впрочем, когда мы в конце-концов приступили к работе, то денег мы не получили никаких вовсе. Говорилось, что эта газета была создана по инициативе Накаэ и Мацуда, но на самом деле это не так. Что побудило Мацуда основать газету, я не знаю, но с этой идеей ко мне пришёл именно

Мацуда, а Накаэ к газете привлёк уже я. Итак, когда мы, наконец, начали издание газеты, то Накаэ стал стержнем писательской деятельности, писал для газеты также Касивада Морибуми³⁸. Мацуда же не писал совсем, поскольку литературная работа ему давалась плохо. Насколько я помню, для первого номера я также написал поздравительное слово и редакционную статью. Принимаясь писать, я полагал, что это совсем несложное занятие, однако быстро обнаружил, что кисть двигается отнюдь не так проворно, как я рассчитывал. Я упорно и мучительно работал, стремясь написать довольно большую статью, и был поражён тем, что после напечатания она оказалась крайне незначительной по объёму. Тогда я впервые осознал, что журналистом тоже быть непросто. Подкреплением мне тогда был один человек, который в то время, кажется, служил в военном министерстве: по моей просьбе он тайком писал для газеты. Я забыл его имя. Он был учеником Хиросэ Сэйсон из школы Тансо, у которого мне также в молодые годы доводилось учиться китаистике и который редактировал мои стихи. Хиросэ Сэйсон был неплохим учёным, хотя стихи он писал неважные (Ремарка Коидзуми: «Слово «тайком» не означает, что Саиондзи втихомолку выдавал сочинения этого человека за свои. Смысл заключается в том, что этот человек, будучи сотрудником Военного министерства, не имел возможности писать открыто и для газеты статьи писал по секрету, так как его об этом просил Саиондзи).

Моё участие в газете не означало, что я ревностно отстаивал народные права или же что я чувствовал сильную приверженность к газетному делу. Это было для меня скорее развлечением, не более чем возможность получить немного удовольствия. После начала издания, тем не менее, газета получила неожиданно высокие отзывы, и, насколько я слышал, на меня даже делали тайные доносы, сильно преувеличенные и совершенно нелепые, где утверждали, будто я связался с партией народных прав³⁹ и замышляю мятеж с целью свержения правительства. Таким образом в обществе начались неприятные пересуды. Тогда я из отчасти из упрямства и самолюбия, а отчасти ради забавы начал нарочно говорить и делать то, что не нравилось сторонникам правительства. Это вызвало большой резонанс, поползли разные слухи, вдобавок это также переполошило правительство, и в конечном счёте меня вызвали в министерство двора.

Министр двора в то время был Токудайдзи⁴⁰, мой старший брат, однако вызвал меня не он, а заместитель министра — Хидзиката Хисамото⁴¹. Этот Хидзиката велел мне явиться к нему, и когда я пришёл и встретился с ним, заявил мне: «Уйди с поста президента газеты, на то есть тайное волеизъявление императора», после чего он передал мне что-то вроде памятной записки, содержащей императорское волеизъявление. Поскольку тайное распоряжение императора не подразумевает возражений, то я подчинился и, взяв эту памятную записку, удалился. Позже я слышал от Иноуэ Каору⁴², что Хидзиката считал меня буяном и поэтому, когда передавал мне императорскую волю, очень волновался, не начну ли я спорить, однако, как сам Хидзиката сказал Иноуэ, я уступил неожиданно легко и, поболтав около часа о том, о сём, удалился, так что он успокоился.

-2-

Итак, хотя я тогда был вынужден подчиниться и удалиться, в душе я никак не мог успокоиться, поэтому я составил на втором этаже Ôмурая обращение к Его Высочеству императору и отправил его на имя Сандзё. Хотя императорская воля и была мне передана Хидзиката в виде памятной записки, что там точно говорилось, я не помню.

Моё обращение к императору обнаружил Такэкоси (Санса)⁴³ после того, как он был привлечён к административной работе министерства двора, и он сказал мне, что оно каким-то образом оказалось в архиве Арисугава-но Мия⁴⁴. Я думаю, что император показал моё обращение Арисугава-но Мия, желая, вероятно, чтобы тот мне что-либо мне сказал в ответ на него, однако со стороны императора на моё обращение никакой реакции не последовало. И хотя потом я часто получал у императора аудиенции, его мнение на этот счёт так и осталось загадкой.

(Слова Коидзуми: «Далее приведён текст обращения Саиондзи к императору»).

Его Святейшему и Августейшему Императорскому Величеству

Недавно по взаимному недоразумению несколько оппозиционных деятелей обратились ко мне с почтительной просьбой стать президентом газеты, и таким образом, нами была основана газета, названная «Тёё дзию симбун», о чём уже много го-

ворилось в обществе. Ваш покорный слуга стремился с помощью этого незначительного начинания принести пользу государству, однако мною было получено Ваше тайное волеизъявление с требованием оставить пост президента газеты. Я глубоко сожалею о том, что причинил Вам беспокойство. В данной ситуации, на мой взгляд, не может быть никаких возражений относительно того, чтобы незамедлительно последовать Вашему распоряжению. Тем не менее, я осмеливаюсь думать, что Ваше Высочество могут неверно понимать суть этого дела. Если я в самом деле делаю что-либо не так, то я готов всем принести свои извинения и покорно принять Вашу святую волю. Однако при тщательном размышлении над Вашим тайным повелением мне показалось, что оно допускает двоякое толкование. Говорится, что занятие журналистикой не подобает аристократии, а рассуждения о свободе приводят к ожесточению людских сердец и вредят государственной политике. Ваш покорный слуга осмеливается думать, что это совсем не так, поскольку с тех самых пор, как наше государство начало отношения с западными странами, мы переняли у них духовные и материальные ценности. И раз мы переняли основы западной духовной и материальной культуры, то почему мы не должны также следовать их примеру в области свободы слова? В течение нескольких последних лет по всей стране всё больше и больше мыслящих людей активно выступает с рассуждениями о свободе. Это полностью соответствует логике общественных процессов. Если Ваше Величество считает, что рассуждения о свободе в самом деле вредят делам государства, то почему тогда в своё время был издан императорский рескрипт с обещанием ввести конституционную систему⁴⁵? К сожалению, среди поборников свободы неизбежно будут и те, кто, не понимая подлинного смысла свободы, пойдут неправильной дорогой. Это является предметом горькой скорби и тяжких размышлений для тех, кому ясна истинная суть свободы. Но если мы уже приняли решение о введении конституционной системы и переняли принципы свободы, то должно учить и воспитывать таких людей и наставлять их на верный путь. Сейчас не следует, используя власть, исключать их из общественной жизни. На мой взгляд, в настоящее время невозможно полностью осознать ту роль, которую журналистика играет в изменении народных настроений и в формировании

общественного сознания. Если мы желаем учить и воспитывать радивалов и тем самым помочь им встать на истинный путь, то необходимо прекратить попытки их силового исключения из общественной жизни. Мы, аристократия, не должны оставаться в стороне и безучастно наблюдать за подобными процессами. Ваше Величество всё ещё считает, что журналистика вредит государственным делам? Почему к голосу аристократии не прислушиваются, а в расчёт берутся мнения лишь двух слоёв общества — военного сословия⁴⁶ и простого народа? Тогда и эти сословия надо лишить права выражать мысли. Однако ведь подобной ситуации даже невозможно вообразить. Я боюсь, что Вашему покорному слуге не удалось в данном обращении полностью выразить своё скромное мнение. Я очень прошу Ваше Величество найти немного времени среди Ваших многочисленных дел и в один из дней предоставить мне аудиенцию для того, чтобы выслушать мою позицию и позволить мне в полной мере выразить свои взгляды. Я осмелился подать Вашему Величеству это прошение после получения Вашего сурового распоряжения. Это непростительный проступок с моей стороны. Я смиренно ожидаю Вашего наказания и нижайше кланяюсь Вам в надежде, что Ваше Величество прислушается к моим словам.

30 марта 14 года Мэйдзи

Хотя я в своём обращении использовал фразы из «Сочинений восьми мудрецов»⁴⁷ и других классических китайских текстов, по стилю оно абсолютно не соответствует *камбун*. Все эти разговоры о том, что это мощное литературное сочинение, — полная ерунда (Саиондзи употребил выражение «мощное литературное сочинение», поскольку оно часто используется в его биографии и попалось ему на глаза).

Вопрос Коидзуми:

«Кроме вас, никто не смог бы обратиться к императору со словами „Прошу Ваше Величество предоставить мне аудиенцию в свободное от Ваших многочисленных дел время, с тем чтобы я лично мог изложить Вашему величеству свои соображения“. Вероятно, подобная просьба была для вас естественной с учётом вашего происхождения, а также ваших близких отношений с императором ещё с молодых лет».

Нет, подобные вещи не были редкостью. Часто бывало, что я просто приходил справиться о самочувствии Его Величества, а они подзывали меня: «Подойди-ка на минутку», — и мы непри-
нуждённо беседовали.

После того же, как я покинул газету, Мацуда написал извеще-
ние от имени редакции, а Мацудзава⁴⁸ даже распространил
обращение к единомышленникам, так что это дело наделало
много шума.

(Написанное Мацудзава обращение приводится ниже)

Милостивые государи! Президент газеты «Тōё дзию симбун»,
г-н Саиондзи Киммоти вчера, 8-го числа был вызван в Мини-
стерство двора, где ему совершенно неожиданно министром
двора было передано императорское распоряжение уйти из «Тōё
дзию симбун», и поскольку противиться приказу императора
невозможно, г-н Саиондзи в конце-концов был вынужден в тот
же день уйти с поста президента газеты. Тогда же Токудайдзи
предостерёг г-на Саиондзи, чтобы тот не показывал эту бумагу
никому, даже сотрудникам газеты, поскольку в ней на самом
деле содержалось волеизъявление императора. Это действи-
тельно очень тёмное дело. Адресат данного распоряжения был
выбран не случайно. Когда прошлой зимой основатель данной
газеты достиг договорённости с г-ном Саиондзи, то как его
родственники, так и аристократия попытались убедить его по-
кинуть газету и предлагали ему высшие государственные
должности. Тем не менее, он не прислушался к подобным речам,
отвергнув все предложения, и непреклонно следовал данному им
обещанию. Однако некоторое время назад правый министр
Ивакура, увидев объявление об издании газеты, направил к г-ну
Саиондзи человека, чтобы убедить того оставить «Тōё дзию
симбун». На это он ответил пришедшему советчику: «Правый
министр вмешивается в мою судьбу, хотя мы с ним даже не
знакомы. Это просто недопустимо! И если я покину свою
должность, то покинет ли правый министр свою?» Услышав это,
тот советчик осознал, что убедить г-на Саиондзи невозможно,
поэтому он ушёл и больше не возвращался. (Сокращено) Г-н
Саиондзи в тайне обратился к правительству и высмеял низость
их замыслов, дав аргументированный отпор их подлым по-
ползновениям. После этого он направил петицию императору, в

которой подробно изложил свой взгляд на данную проблему, написав, что он, верноподданный Киммоти, занимается журналистикой с целью исправить представления о либерализме, предотвратить презрительное отношение со стороны зарубежных стран, способствовать просвещению народа и, в конечном счёте, обеспечить вечное существование Японской империи. Вероятно, г-н Саиондзи решил с помощью данного обращения донести до императора свою позицию и переубедить его. Однако на обращение никакой реакции или ответа не последовало, а второго числа Сандзё вызвал г-на Саиондзи. Стоило же г-ну Саиондзи прийти к нему, как ему было сказано: «Уходи, оставь газету!» И в то же время он настойчиво советовал г-ну Саиондзи стать чиновником. Эти слова возмутили г-на Саиондзи, и он ушёл, вежливо отклонив подобные предложения. Впрочем, некоторое время после этого его не беспокоили, и г-н Саиондзи даже начал думать, что они отказались от своих планов. Однако восьмого числа его вызвали в министерство двора. Г-н Саиондзи рассчитывал, что в тот день ему точно удастся получить аудиенцию у императора, но в министерстве ему совершенно неожиданно вернули его обращение, а в добавок к этому министр двора лично вручил ему новое распоряжение. В нём г-н Саиондзи прочёл следующее:

«Некоторое время назад, во время образования газеты „Тоё дзию симбун“, вы заняли должность её президента. Император считает, что вам следует уйти из газеты, и я, Санэнори, сообщаю вам об этой воле императора.

Министр двора Токудайдзи Санэнори Его Превосходительству Саиондзи Киммоти, полный третий ранг».

Ознакомившись с этим распоряжением, г-н Саиондзи сильно возмутился, сказав, что в этом мире люди должны идти тем путём, который им по душе, и работать там, где считают нужным, это та свобода, которая дарована им небом. (Сокращено) Хотя сейчас под статьями в газете не стоит его имени, ни одна из этих статей и мыслей не противоречит его собственным взглядам. Можете даже не сомневаться в том, что всё это — в его сердце, всё это — его слова. Несмотря на то, что после этого случая на него свалилось много трудностей, я верю, что благодаря своей железной воле он не сломается под их тяжестью. Товарищи, пусть растёт наше негодование, пусть крепнет наша

воля, направим наши силы на то, чтобы многократно усилить нашу *Дзюто*⁴⁹! Со своей стороны я обещаю, что также не ослаблю своих усилий, не продам свою веру в справедливость ради сиюминутных выгод и не изменю своих убеждений. Возможно, ещё придёт то время, когда мы с вами будем любоваться цветами свободы и наслаждаться её сиянием. И хотя я не могу сказать точно, когда придёт это время, я верю, что оно не за горами. Будем же стараться привнести счастье в государство и свою жизнь!

Искренне ваш, Мацуда Кюсаку

Несмотря на то, что я являюсь одним из основателей газеты, данное обращение выражает только моё личное мнение и мою давнюю привязанность к г-ну Саиондзи. Прошу не рассматривать это обращение как позицию редакции.

В то время Иноуэ Коваси⁵⁰ занимал должность, кажется, секретаря кабинета; установить, что именно это была за должность, труда не составит, однако сейчас не имеет смысла этим заниматься. Похоже, что Иноуэ также кто-то попросил выразить своё мнение по этому вопросу, и совсем недавно из архива в Осака я получил проект докладной записки, составленной собственноручно Иноуэ.

(Далее следует текст данной докладной записки).

Ниже приводится моё скромное мнение.

(Ключевым моментом в данной проблеме является наличие императорского распоряжения, правильность которой не обсуждается ни при каких обстоятельствах).

Г-ном Саиондзи было получено императорское распоряжение, и если правда то, что он, как говорится в обращении Мацуда⁵¹, «оставив газету, продолжает сердцем находится с нею и участвует в ней с возросшим усердием», то г-на Саиондзи следует признать виновным в неповиновении.

Если же утверждение о том, что г-н Саиондзи после ухода из газеты участвует в ней с возросшим усердием, является ложным, то в таком случае Мацуда следует подвергнуть наказанию за неподобающее поведение (впрочем, к этой мере можно не прибегать, если Мацуда незамедлительно выступит с исчерпывающим опровержением). Перечисление же неточностей в пе-

редаче диалогов и прочих второстепенных ошибок, допущенных в данном обращении, превращается, по сути, в личные оправдания министра двора, что приводит к игнорированию ключевого момента данной проблемы.

Несмотря на то, что данное распоряжение было отдано лично императором, в странах с конституционной монархией является обязательным следовать, в соответствии с действующим на данный момент законодательством, тем приказам, которые передаются через министра двора.

В случае неподчинения императорскому распоряжению ответственность за неспособность добиться чёткого исполнения оною должен нести министр двора.

Хотя существует точка зрения, что Саиондзи, не взирая на его сочувствие газете, по закону нельзя привлечь к ответственности, так как в действительности он газету покинул, слова о его «возросшем усердии» свидетельствует о том, что на самом деле он не разорвал своих отношений с газетой, и если кто-либо выдвинет против Саиондзи обвинение за его «возросшее усердие», то не исключено, что данным вопросом придётся заняться прокуратуре. Что касается самого обращения, то поскольку оно уже написано и распространено, то существует и предлог для выдвижения обвинения.

Такэкоси назвал эту докладную записку безжалостным сочинением старого чинуши, а самого Иноуэ охарактеризовал как жестокого бюрократа (в работе г-на Такэкоси «Тōанкō»⁵²), и заявление о том, что «если Саиондзи, покинув газету, продолжает ей сочувствовать, то его следует обвинить в неповиновении, а если же это не соответствует действительности, то Мацуда виновен в неподобающем поведении», было действительно сделано в строгом соответствии с буквой закона. Однако в нём также подразумевается, что если Мацуда выступит с опровержением, то с него можно будет снять обвинения, и если не будет доказано, что Саиондзи, вне зависимости от его истинных чувств, после ухода из газеты участвует в ней с возросшим рвением, то его можно не привлекать к ответственности, поэтому данную докладную записку можно также трактовать как попытку бесконфликтного выхода из положения в соответствии с правовыми нормами. Совсем не обязательно называть такой

подход юридической жестокостью, скорее, мы имеем дело с политической позицией, демонстрирующей золотую середину между снисхождением и суровостью. (Не ясно, является ли этот абзац словами Саиондзи или же Сансин⁵³ вписал его в качестве собственного мнения).

Видимо, Такэкоси не любил Иноуэ (Коваси), он сурово критиковал его (в «Тбанкô»). Тем не менее, Иноуэ также относился к числу моих знакомых, а позднее между нами даже возникла дружба, и я часто обращался к нему за советами в юридических вопросах. Иноуэ же родом из Хиго⁵⁴, да? Он был очень чёткий человек! Кстати, ещё один человек, Такэдзоз Синъити⁵⁵ ведь тоже, насколько я помню, был из Хиго. Это был весьма эрудированный человек, обладавший к тому же поэтическим талантом. Из Хиго вообще вышло много выдающихся людей, согласны?

Позже я прослышал о том, что Мацудзава этот впал в нищету, и я попросил Токийского губернатора Мацуда — был ведь такой человек, да? (речь идёт о Мацуда Митиюки⁵⁶) — оказать ему помощь, и то ли на Хатидзёдзима⁵⁷, то ли на ещё каком-то острове ему помог не то деревенский глава, не то управляющий острова.

Утверждения о том, что «Ивакура и Сандзё, посовещавшись, пришли слёзно упрашивать» меня уйти из газеты (во «Второй биографии героев нашего времени» Итô Тию⁵⁸ и в «Биографии Саиондзи Киммоти» Сираянаги Сюко⁵⁹), — полная чушь. За спиной у меня шли разные толки, и, вероятно, моё дело много обсуждалось, но в лицо мне никто ничего не советовал и никто меня не осуждал.

-3-

Я не оставлял у себя выпуски «Тоё дзию симбун». Однако один мелкий чиновник из Министерства двора собрал их все и хранил у себя. Накагава (Кодзюро⁶⁰), который выступил посредником в данном вопросе, сказал мне, что этот человек желает получить моё каллиграфическое произведение, так что я написал ему такое произведение в обмен на номера газеты.

Потом, спустя несколько десятков лет, эта газета вновь попалась мне на глаза. Это была передовица первого номера, мне кажется, что её написал Наказ. В ней была фраза «...» (похоже, что Коидзуми не успел записать данную фразу: на этом месте в

его рукописи стоит пробел), которая мне напомнила следующий эпизод. Человеку, утверждавшему, что использование данной фразы неуместно, Накаэ ответил, что она взята из сочинения Чжуанцзы⁶¹, и в редакции разгорелись споры о том, кто из них прав. Некоторое время назад у меня попросили разрешения опубликовать эту статью (в «Полном собрании японской литературы», выпущенном издательством «Кайдзёса» для массового чтения⁶²), и я дал согласие, поскольку мне казалось, что её написал я, однако потом я засомневался, действительно ли я был автором данной статьи. Поздравление от редакции написал точно я. Я это помню, поскольку в нём я процитировал «Ши Цзин»⁶³, и кто-то надсмеялся надо мной, сказав, что «Ши Цзин» слишком устарела.

После ухода из «Тоё дзию симбун» я стал помощником *санги*⁶⁴. Это была первая моя работа в качестве государственного служащего. Возможно, меня взяли по рекомендации Ито или кого-то ещё. Сандзё, как я слышал, тогда ужасно переволновался и сказал, что Саиондзи, мол, ещё может согласиться на должность советника, но на помощника советника — вряд ли. Я же очень спокойно отнёсся к своему назначению, заметив, что и советник, и помощник советника для меня одно и то же. Впрочем, те, кто возлагали на меня большие надежды, были сильно удивлены и даже возмущены моим решением, меня критиковали за то, что я без сопротивления согласился стать чиновником класса *сёнин*⁶⁵, а некоторые даже лично приходили меня отговаривать.

Может быть, те, кто не знают меня, сочтут, что я просто не желаю мириться с поражением, но я действительно не считал, что между чиновниками класса *сёнин* и *тёкунин*⁶⁶ существует особенная разница в статусе. Поэтому в принципе у меня не возникло какого-либо недовольства. Это правда, что я иногда делал недовольный вид — забавно, но большинство людей вообще имеют склонность высказывать недовольство по любому поводу. А подобных людей радует, если и я веду себя таким же образом, так ведь? В определённом смысле подобное поведение с моей стороны можно назвать угодничеством, что не к лицу джентельмену, ну да что поделаешь — порой такие вещи случаются.

Примерно в то же время, что и моё участие в «Тоё дзию симбун», я читал лекции в Университете Мэйдзи. Я продолжал читать их некоторое время и после того, как ушёл из газеты и

поступил на государственную службу; мне кажется, я прекратил преподавание только после того, как решился вопрос с моей поездкой в Европу вместе с Ито⁶⁷. Лекции в то время я писал на французском, потом я передал рукописи в Университет, так как они хотели сохранить их на память. Хотя я думаю, мой французский в них оставляет желать лучшего.

Период Сэйюкай

- 1 -

Когда Ито создал *Сэйюкай*⁶⁸, я (примечание Кимура Цуёси: «Хотя слово „я“⁶⁹ принц употреблял очень редко, я пока оставляю всё так, как было записано») первым примчался к нему из усадьбы Мукадэя⁷⁰ в Оисо, которую снимал в то время.

Ито был очень стеснительный и имел свойство смущаться по всякому неподходящему поводу. Когда было принято решение о создании *Сэйюкай*, то заодно решили и перевести из *Дзиюто* столы, стулья, одним словом, всякое барахло; оставались там и деньги, правда, совсем незначительная сумма, но Ито сказал, что как раз денег он брать не желает, поэтому мне пришлось убеждать его, что так не годится, что с мебелью и вещами можно поступить как угодно, поскольку они ничего не стоят, но именно с деньгами необходимо вести ясную отчётность, иначе начнутся надоедливые розыски в стиле «а куда делись эти деньги?», и обязательно найдутся те, кто будет причинять беспокойство, так что именно чётко приняв деньги, мы не оставим почвы для неприятных разговоров. Ито, однако, из-за этой своей застенчивости отказался брать деньги, и в итоге потом поползли неприятные сплетни, из-за которых некоторые люди оказались в весьма затруднительном положении.

Хара⁷¹ я знал довольно неплохо, частично через Муцу⁷², а также благодаря тому, что он служил в своё время секретарём в Париже, потом я же его послал работать в Корею; позже, кстати, Иноуэ пристроил его в газету «Майнити-симбун» в Осака. Я не помню точно, когда именно мы с ним начали сближаться, но когда Ито образовывал *Сэйюкай*, я собирался включить Хара в партию в качестве члена общего отдела⁷³, однако на моё рекомендательное письмо в адрес Ито пришёл ответ, где говорилось: «Прошу вас отложить на некоторое время назначение Хара на

должность члена общего отдела», впрочем я, несмотря ни на что, незамедлительно назначил его в общий отдел.

«Я прочитал Ваше письмо от 19 числа. Я согласен в любое время включить Хара в партию, но очень прошу Вас не торопиться с назначением его на должность члена общего отдела. Пока что ещё никто из бывшей *Дзюто* не получил должности старшего члена⁷⁴ общего совета, и, как Вам известно, я нахожусь в весьма сложной ситуации; я очень боюсь, что в таких условиях, если рекомендовать одного только Хара, то будет много недовольных. Я очень ценю Ваше мнение и буду крайне благодарен, если Вы и в дальнейшем будете делиться со мной Вашими ценными мыслями.

С уважением.

Его превосходительству маркизу Саиондзи

PS: Что касается той проблемы Токийского муниципального собрания, то я считаю крайне важным как можно скорее разрешить её в Департаменте юстиции, и я очень прошу Вас посоветоваться по этому поводу с министром юстиции⁷⁵.

Пока Хара работал в Министерстве иностранных дел, мы часто вместе отдыхали в чайном доме в Симбаси. Жена Хара была гэйша низкого разряда из Симбаси, она и на *сямисэн* неважно играла, и было смешно видеть, как огромный Хара пляшет под её песни. Когда я потом говорил ему об этом, он страшно замыкался, впрочем, после того как эта гэйша вышла за Хара, она стала очень уважаемой и достойной супругой.

С Хоси⁷⁶ я близко познакомился при следующих обстоятельствах. Вернее я его знал и раньше, но когда образовывалась *Сэйюкай* я случайно оказался в том месте — где же это было? — где были также Ватанабэ Коки⁷⁷, Хоси и ещё 2–3 человека; Хоси мне тогда пожаловался, что Ито в каком-то деле нарушил данное им слово. «Раз было дано обещание, что же ты сразу, там же на месте не сказал ему об этом? А раз не сказал, то он и решил, что данное обещание можно изменить», — ответил я ему, на что он мне сказал — да я, мол, хотел немедленно именно так и поступить, да вот Ватанабэ мешкал; после этого-то случая Хоси и стал испытывать ко мне сипатию. Про него говорили, что он своенвольный и прочее, но в действительности он оказался очень

настойчивым, предусмотрительным, а также энергичным и мощным человеком. Он мог бы принести очень много пользы, как жаль, что случилось это несчастье⁷⁸.

-2-

На следующий месяц после формирования Сэйюкай Ямагата⁷⁹ распустил кабинет министров, и в данной ситуации не оставалось иного выхода, кроме как образовать 4-й кабинет Ито. Однако Ито был болен, и ему было необходимо пройти полноценное лечение, поэтому я стал временно исполняющим обязанности премьер-министра. Одним из событий этого периода стало то, что я разобрался с Ватанабэ Кунитакэ⁸⁰ (министром финансов).

Кажется, в то время у Ватанабэ было не всё в порядке с головой. Дело в том, что когда Ито организовывал кабинет, Ватанабэ очень сильно о себе возомнил и счёл, что Ито теперь будет с ним обо всём советоваться. Ито, тем не менее, с ним считался не до такой степени, — вот у Ватанабэ с головой и произошло что-то странное.

Ватанабэ, по-видимому, думал, что тогдашний министр двора Танака Мицуаки⁸¹ в качестве любезности порекомендовал Ито включить Ватанабэ в кабинет, считая что без того кабинет не состоится. Потом, однако, отношение Ватанабэ резко изменилось, из-за чего началось его отдаление от Сэйюкай, и, соответственно, продолжились также неприятности в самом кабинете, что в конце концов и привело к такой ситуации.

Когда этот кабинет ушёл в отставку (законопроект о повышении налогов прошёл Палату Представителей, но был отклонён Палатой Пэров, и хотя с помощью императорского рескрипта удалось обеспечить его прохождение через Палату Пэров, кабинет взял на себя ответственность за произошедшее), то Ватанабэ единственный не подал прошение об отставке, несмотря на то, что это сделал Ито. Я был председателем Тайного Совета⁸², и меня назначили временно исполняющим обязанности премьера. До того времени Тайный Совет и кабинет министров были очень тесно связаны друг с другом, поэтому председатель Тайного Совета посещал заседания кабинета и был равен министру, в частности, такими правами пользовался Курода. Мне также как председателю было дано особое разрешение на посещение заседаний кабинета, впрочем это отнюдь не подразу-

мевало того, что я сам сформирую кабинет. Я был всего лишь временным премьером до тех пор, пока не будет определён преемник. Тем не менее, Ватанабэ продолжал стоять на своём и единственный отказывался уходить со своего поста, поэтому я заверил Его Величество, что обязательно отправлю его в отставку, на что они с улыбкой пошутили: «В отставку-то отправишь, да стоит ли?» Тогда я сказал: «Если вы позволите, я скажу ему, что на то есть ваша воля. Ответственность я, безусловно, возьму на себя, но если возникнут сложности, я бы хотел разрешить эту проблему, сославшись на вашу волю». Его Величество изволили согласиться с моими словами, но спросили, кого я собираюсь назначить на должность министра финансов, и я ответил, что временно возьму на себя и обязанности министра финансов, и Его Величество одобрили и это. Так что я пошёл к Ватанабэ и сказал ему: «Ваше единоличное упорство мешает рассмотрению вопроса о следующем кабинете, поэтому будьте любезны подать прошение об отставке.» На это Ватанабэ спросил, кто же тогда станет министром финансов, и когда я ответил, что исполнять обязанности министра финансов буду я лично, то он, похоже, очень растерялся и сразу уступил со словами, что, мол, в таком случае я подам в отставку; таким образом дело обошлось без упоминания об императорской воле. Однако Ватанабэ оказался странным типом и написал два варианта заявления об отставке. В одном он ссылался на болезнь, а во втором — на волеизъявление императора. Он пошёл с этими заявлениями к Токудайдзи, показал их и посоветовался, какой вариант ему лучше использовать. Как мне потом сказал Токудайдзи, Ватанабэ он посоветовал остановиться на стандартном варианте. В то время я относительно свободно получал аудиенцию у императора, к тому же Его Высочество проявили большую заботу относительно формирования кабинета министров, поэтому я, не стесняясь, обо всём ему доложил.

-3-

(Слова Коидзуми) Четвёртый кабинет Ито был кратковременным: он был образован в октябре 1900 г. и ушёл в отставку в мае следующего года. Это было связано с тем, что Ямагата, недовольный тем, что Ито сформировал *Сэйюкай*, внезапно распустил кабинет, и Ито, у которого не было времени привести

Сэйюкай в полную боевую готовность, пришлось формировать новый кабинет в срочном порядке. Насколько я понимаю, Ито не стал включать вас в кабинет, а назначил председателем Тайного совета, поскольку заранее готовился к последующему развитию событий и, вероятно, дальновидно упрочивал ваше положение, не так ли? Но ведь вы уже были членом *Сэйюкай*, разве не высказывалось возражений против назначения в Тайный Совет члена политической партии?

Я не знаю, в чём заключались истинные намерения Ито, но мне кажется, что ваши предположения о его дальновидных планах несколько преувеличены. В то время Тайный Совет обладал очень большой властью, и, естественно, на это место претендовало немало людей. Что же касается Ито, то, на мой взгляд, для обеспечения работоспособности кабинета ему было необходимо сотрудничество со стороны Тайного Совета, и назначение на должность председателя никак не связанного с ним человека стало бы причиной многих осложнений. В этом плане я был самой подходящей для него кандидатурой, к тому же для участия председателя Тайного Совета в заседаниях кабинета министров уже имелся прецедент, созданный Курода. Поэтому я думаю, что приравняв меня по статусу к министру и дав мне право на участие в заседаниях кабинета, Ито разом достигал двух целей. Сейчас председателем Тайного Совета может работать даже Куратоми⁸³, но в то время, хоть я уже и не был молод, назначить на пост председателя меня, человека нового поколения, — это, можно сказать, был необычайный выбор.

Ранее был неприятный инцидент, когда Окума⁸⁴, являясь советником Тайного Совета, выдавал политической партии различные секреты. Муцу тогда поднял по этому поводу большой шум и сместил его с этой должности. Создзима Танэоми⁸⁵ в разговоре со мной высказался против моего назначения: «Поскольку ранее уже был этот случай с Окума, то будет весьма проблематично, если ваше превосходительство станет председателем Тайного Совета, продолжая являться членом *Сэйюкай*». Впрочем, я эти замечания пропустил мимо ушей, однако кто-то, я не знаю кто, может быть, Создзима, а может и нет, пошёл к обер-камергеру двора и поднял там этот вопрос, а ещё кто-то предложил спросить об этой проблеме у Ито, на что присутствовавший там Такасима (Томоносукэ)⁸⁶ с юмором сказал, что

если кто-нибудь пойдёт к Ито с таким вопросом, то тот его просто обсмеёт, — на этом тема была закрыта. «Тайный Совет — это не такая структура, куда не может войти член политической партии, всё зависит от конкретной ситуации», — спокойно говорил я тогда. Тем не менее, на самом деле, учитывая, что подобная критика действительно может иметь место, в Сэйюкай на всякий случай вычеркнули моё имя из списков партии. Хотя подобная критика была совершенно беспочвенной, мы тем самым предприняли меры на тот случай, если бы споры перешли в юридическую плоскость.

-4-

Когда Кацура⁸⁷ (во время первого кабинета Кацура Ито Хиробуми был для него очень большой помехой, поскольку одновременно являлся и *гэнро*, и председателем Сэйюкай) конфиденциально доложил императору о своей отставке и потребовал у *гэнро* определиться со следующим кабинетом⁸⁸, то между *гэнро* начались длительные дискуссии, и они долгое время не могли прийти к какому-либо решению. Так как все они были близкими приятелями с молодых лет, то казалось, что вопрос будет решён безо всякого стеснения, однако этого не происходило. Все только следили за реакцией друг друга и не могли побороть нерешительность. Я этого больше выносить не мог и твёрдо порекомендовал назначить Ито председателем Тайного Совета (было направлено письмо), и в итоге Ито был назначен на эту должность.

Не было практически никаких помех для того, чтобы я стал преемником Ито на посту председателя Сэйюкай. Были и другие желающие, предлагали, в частности, Суэмацу⁸⁹, а Мацуда сказал, что следует созвать общее собрание партии и поставить этот вопрос перед собранием, но Ито не внял подобным советам, и сказал мне: «Работай ты», — так что я согласился, ответив в том духе, что если это ваша воля, то я беру на себя обязанности председателя; после же моего вступления в должность я поручил почти все дела Мацуда и Хара. Первое время для Хара была характерна некоторая узость взглядов, и большей популярностью пользовался скорее не он, а Мацуда, однако потом ситуация изменилась.

В то время финансовые ресурсы партии были небольшими, насколько я помню, бюджет составлял около 500 тыс. иен. Я

только лишь получал уведомления от Хара и Мацуда относительно тех денег, что поступали извне в качестве пожертвований, всеми же финансовыми вопросами ведал Хара.

-5-

Я помню то время, когда я должен был принять участие в первом для себя съезде *Сэйюкай* в качестве председателя партии. На мне был белоснежный полотняный сюртук, и когда я встал на трибуну, то, как я потом слышал, многие были весьма удивлены, хотя такой стиль одежды отнюдь не был моей выдумкой. Английские чиновники и знатные купцы, приезжающие в Индию, постоянно так одеваются. Дело было в разгар лета, и в чёрном шерстяном сюртуке было невыносимо жарко, поэтому был специально сшит этот. На самом деле с белоснежным сюртуком носят красный галстук, поскольку они очень гармонично сочетаются, но так как в Японии носить красный цвет не принято, то красный галстук я повязывать не стал. Вообще-то я собирался выглядеть по последнему слову моды, но эту идею никто не поддержал, так что осуществить задуманное мне не удалось.

Я никогда не любил выступать. Я ведь вообще плохой оратор. Однако после того, как я стал председателем *Сэйюкай*, вставать на трибуну мне приходилось довольно часто. Я не готовил заранее речей и в соответствии со случаем просто излагал свои обычные мысли.

(Вопрос Коидзуми) Похоже, что во время вашего первого кабинета г-н Като⁹⁰ повёл себя очень странно, да?

Като (Такааки) я включил в кабинет с согласия Ито и, кстати, к неудовольствию Ямагата, а посредником в этом вопросе выступил Хара. Хотя Като сам был обрадован своим назначением, позже мы с ним разошлись по вопросу национализации железных дорог⁹¹.

В то время Като подал прошение об отставке, где в качестве причины указал своё несогласие с национализацией железных дорог, на это Его Высочество сказали, что подобное заявление об отставке отличается от тех, что министры подавали до этого, и тогда я ответил, что в этом нет ничего странного, поскольку намного яснее и лучше, если министр, уходя в отставку, будет не

ссылаться на болезнь, а указывать истинную причину. Это была первая отставка с указанием причины.

Военным министром в моём кабинете был Тэраути⁹², и я стал свидетелем большой ссоры между Ямагата и Тэраути по поводу передачи полномочий военного министерства Генеральному штабу. Хотя Тэраути был протеже Ямагата, он никак не желал с этим соглашаться и горячо возражал, сказав даже, что если функции военного министерства будут настолько урезаны, то он не сможет исполнять обязанности министра и подаст в отставку. Хотя тогда ссору удалось кое-как уладить, после того, как Тэраути ушёл, Ямагата высказал мне свои истинные намерения.

Ямагата сказал мне, что не желает портить отношения с Тэраути, но ведь времена меняются, и сейчас многие уже начинают поговаривать о том, чтобы назначить гражданского чиновника на должность военного министра, а если это в конце концов произойдёт, то необходимо заранее подготовиться к этому и передать все важные функции, так или иначе связанные с военными тайнами, Генштабу, поскольку посторонний человек не должен быть посвящён в военные тайны; такой вот осторожный человек был Ямагата, и так сильно он беспокоился о будущем.

Говорят, что первый кабинет Саиондзи пал либо из-за того, что Ямагата донёс императору о том случае, о котором я рассказал ранее, либо из-за того, что Ямагата обрушил кабинет, будучи недовольным чрезмерной мягкостью мер в отношении социалистов⁹³, но я не почувствовал тогда ни того, ни другого. Или, может быть, Ямагата и донёс императору, но у меня не сложилось ощущения, что это возымело какое-либо действие. С императором Мэйдзи я был близко знаком с ранних лет, к тому же мой старший брат (Токудайдзи Санэцунэ) долгое время служил императору, так что я думаю, что Его Величество скорее оказывали покровительство мне, нежели Ямагата.

(Вопрос Коидзуми) Говорят, что причина падения вашего первого кабинета заключается в том негативном донесении, которое Ямагата сделал императору, говорят также, что причиной явились интриги Кацура. Однако когда я спросил мнение Нагасима⁹⁴, зятя Кацура, относительно слухов о вашем противостоянии и соперничестве с Кацура в то время и о планах Ямагата и а по обрушению кабинета, то он ответил, что это не

соответствует тем отношениям, которые в действительности были между вами и Кацура.

Благодаря знакомству с Кацура я часто встречался с Нагасима, это был очень знающий и полезный человек. Что же касается версии об обрушении кабинета, то ... (отрицание).

Во взглядах я склоняюсь скорее к так называемому в обществе левому лагерю, и я до сих пор стою на этих позициях. Может быть, это прозвучит по-философски, но контроль за подобными мыслями (социализмом) должен осуществлять человек, прекрасно разбирающийся в общественной мысли, в противном случае верное решение принять будет невозможно. Было бы хорошо, если бы таким контролированием занимался знающий человек, но если доверить подобное занятие человеку несведущему, то это будет представлять большую опасность.

Человек, не читающий книги и не способный прочесть подлинники, не знающий личности и идей автора, не знакомый с особенностями эпохи, когда создавались эти книги, не может заниматься подобным контролированием в принципе. В то же время наряду с левыми тенденциями в обществе существуют и правые тенденции, и если не осуществлять определённый контроль за правыми тенденциями, то это приведёт к дисбалансу, поэтому здесь необходимо избрать середину; впрочем, политика невмешательства в данном случае тоже недопустима — подобный контроль необходим с политической точки зрения.

Что касается моего отношения к социализму ... ну, я считаю, что капитал необходим. Если уничтожить капитал, то экономика страны не будет развиваться, тем не менее, если сами капиталисты не будут критично оценивать свою деятельность, то сами же капиталисты и погубят капитал.

-6-

Когда я во второй раз сформировал кабинет, то я обратился к Ямагата с просьбой пересмотреть своё отношение к проблеме формирования двух новых дивизий, но поскольку Ямагата уже согласился с курсом, предложенным армией, то он оказался в таком положении, когда изменить решение было абсолютно невозможно⁹⁵.

Я не был против формирования двух новых дивизий. Речь шла лишь об отсрочке до тех пор, пока не будет полностью за-

вершено финансовое упорядочивание⁹⁶, так что сам Ямагата не возражал против подобного подхода, но так как большая часть армейских кругов уже приняла решение, то изменить ситуацию не представлялось возможным даже за счёт авторитета Ямагата.

Ямагата сказал, что если бы был жив император Мэйдзи, то он мог бы как-нибудь разрешить эту проблему, опираясь на волеизъявление Его Высочества, но раз уж так получилось, то, мол, ничего не поделаешь. Однако это была не более чем отговорка: если бы Ямагата действительно хотел решить эту проблему, то у него в то время ещё было достаточно влияния, чтобы сделать это. Позиция Кацура, в то же время, оставалась неясной⁹⁷. Ну, если говорить одним словом — это была закулисная борьба за власть. Конечно, если бы я приложил все усилия, то разрешить эту ситуацию мне было бы вполне по силам, но поскольку я предпочитаю всегда, что бы я ни делал, оставлять место для манёвра, то я не стал проявлять упорство.

В то же время и Ямагата, и Кацура отнюдь не были глупцами, чтобы вступать со мной в открытое противостояние как с явным врагом. И прежде всего они не собирались прибегать к таким неуклюжим методам, как обрушение моего кабинета с помощью вопроса расширения армии.

На самом деле я не склонен трактовать эту ситуацию в плохом смысле, я думаю, что в действительности они сами находились в сложном положении и чуть сами не обожглись на этой проблеме. После этого случая подобная ситуация возникла ещё один раз. Во время отправки войск в Сибирь я встретился в Киото с Ямагата и заявил ему о невозможности этой экспедиции, и Ямагата со мной согласился. Однако после своего возвращения в Токио, он прислал мне письмо, в котором изложил своё затруднительное положение, написав, что хотя он и пообещал предотвратить отправку войск, но по возвращении в столицу время было уже упущено, и иного выхода не оставалось, поэтому ему пришлось одобрить крупномасштабную отправку войск. Это письмо до сих пор у меня хранится.

Во время моего второго кабинета ушёл из жизни император Мэйдзи.

Император Мэйдзи был весьма косноязычен, но в его речи иногда проскальзывали замечательные выражения. Например: «Ито болезненно здоров, а Ямагата, наоборот, по-здоровому болен». Или ещё: «Когда слушаешь Ито, кажется, что сидишь на лекции по китаистике». В этих правдивых фразах заключался живой и естественный юмор Его Величества.

Однажды я посетил императора Мэйдзи в его покоях, и на его столе лежала коробка со свитком. «Вот, я дарю тебе,» — сказали Его Величество и собственной рукой пожаловали мне свиток. Это был цветной свиток, на котором была изображена фигура китайца на фоне живописного пейзажа, увы, этот свиток сгорел в моём доме в Суругадай во время землетрясения⁹⁸.

Вскоре после того, как мне неожиданно был пожалован императором Мэйдзи этот свиток, было объявлено о болезни Его Величества, так что свиток этот стал прощальным подарком — это произвело на меня глубочайшее впечатление.

Путешествуя по загранице, прежде всего по колониям, я постоянно поражался тому, как мастерски чиновники там превозносят благодетели правителей своей страны. Даже осуждая какой-либо недостаток своего правителя, они совершенно естественно приводят и его достоинства, так что тебе даже начинает хотеться встретиться с тем, о ком говорят; этого как раз совсем не умеют японцы.

Во время болезни Его Высочества Ока⁹⁹ подвергался очень суровой критике, но мне было его жаль. Примерно за год до болезни Ока в присутствии трёх человек, меня, Ямагата и Токудайдзи, сказал, что здоровье Его Высочества ослабло. Мы все трое очень заволновались, и даже поступило предложение оставить это в секрете между нами, но я убедил Ямагата и прочих в обратном, сказав, что необходимо сообщить об этом по крайней мере государственным министрам, поскольку, хотя я и являюсь премьер-министром, этот вопрос слишком важен для того, чтобы о нём не оповестить никого, кроме премьера. Таким образом об этом было сообщено министрам кабинета, а особую беседу я провёл с Утида¹⁰⁰ с тем, чтобы по возможности он постарался оградить Его Величество от беспокойств, связанных с внешнеполитическими проблемами, и хотя все государственные министры были чрезвычайно взволнованы, эта информация держалась в полном секрете вплоть до обострения болезни Его Величества.

Характеристика деятелей середины эпохи Мэйдзи

-1-

Ито (Хиробуми) в наибольшей степени проявил свои способности, когда он работал при Окубо, а в наше время, мне кажется, его сила уже шла на спад.

Кстати, он был такой проницательный человек! Та связь, которая родилась между нами в поезде, идущем в Венгрию, не прерывалась вплоть до того дня, когда Ито ушёл из жизни. Позже мне много раз доводилось выручать Ито. В сложных ситуациях я брал ответственность на себя и разрешал эти проблемы за него.

Ито был большой повеса, но вот с женщинами он, говорят, был скуповат. Взять для примера Садаяко, ну ту, что потом стала женой Фукудзава, — она была женщиной Ито ещё с того времени, когда была совсем молодой гэйшей; так вот она говорила, что Ито действительно был очень скуп и щедрым его никак не назовёшь¹⁰¹.

Я уже говорил ранее, что у Муцу с Окума были плохие отношения, и когда по какому-то вопросу между ними возникли большие разногласия, это вызвало сильное беспокойство у Иноуэ, и он решил собрать всех в Икахо для того, чтобы восстановить нормальные отношения. На ту встречу я отправился вместе с Иноуэ и Муцу, а Окума привёл с собой Асабуки Эйдзи, управляющего Мицуи. Нам удалось легко распутать все противоречия, однако потом я слышал от Муцу, что обо мне Окума сказал следующее: «Мне говорили, что Саиондзи радикал, но он даже больший радикал, чем мне говорили». Муцу тогда ужасно рассердился и сказал: «Вот поэтому мне и не нравится этот Окума! Ведь если эти слова дойдут до Ито, то вы с Ито начнёте отдаляться друг от друга». На это я рассмеялся и, напротив, предостерёг самого Муцу: «Послушай, так нельзя. Это слишком несправедливо так думать о нём». Для Муцу была характерна подобная вспыльчивость. Если человек с острым умом может благодаря своей проницательности воздействовать на лучшие струны души собеседника и донести до него своё мнение, не обижая его, то это говорит о благородстве и доброте этого человека. Такая черта была у Ёкота¹⁰², его добродетель заключалась в том, что даже если он говорил грубые и резкие вещи, на

него не сердились и не чувствовали обиды. Муцу некоторое время обучался *камбун* и в разговоре употреблял красивые и сложные обороты, поэтому речь его была весьма изыскана, у Ёкота же подобного образования почти не было, и речь его по богатству уступала Муцу, и тем не менее, в их манере говорить было что-то похожее. В Ито было что-то детское — в некоторых случаях ему была свойственна несдержанность. Муцу и других раздражало его высокомерие, Муцу даже сказал как-то, дескать, а не лучше ли мне сблизиться с Ямагата — мне кажется, он и правда обдумывал такой вариант. Иными словами, Ито был простодушный, а Ямагата — осторожный. Ито был простодушный, но великодушный, Ямагата же был неуязвим благодаря своей осторожности. Отношения между ними были довольно нестабильными — временами они то сближались, то отдалялись, но эта была не та несовместимость, что характеризовала отношения Окубо и Сайго, они доверяли друг другу вне зависимости, были ли они близки или далеки в данный момент.

Вот тот журнал — «Сэкай-но Нихон», до него под руководством Муцу издавалась газета Сунтэцу¹⁰³, но мы её видоизменили и стали выпускать этот журнал. Я не участвовал непосредственно в основании журнала, моя роль сводилась к тому, что я всецело сочувствовал и симпатизировал этому начинанию, и тогда же я сказал, что подходящим названием будет Сэкай-но Нихон¹⁰⁴, поскольку Япония обязательно должна стать страной для всего мира, а мир должен стать открытым для Японии. Все согласились с моим предложением, и это название было утверждено.

-2-

Ямагата я хорошо знал ещё со времени боевых действий в Этиго¹⁰⁵. Когда я был в Германии, Ямагата также заезжал ко мне в гости и побыл некоторое время. Ямагата встретился в Америке с Муцу (посланником) и очень высоко отзывался о нём, сказав, что Муцу — безупречный человек. Я думаю, что Ямагата поехал на Запад, поскольку наконец-то готовилось решение о назначении его премьер-министром, и чтобы подготовить его к этой должности, Ито и другие порекомендовали отправить его ознакомиться с зарубежными странами. Ямагата я хорошо знал ещё с Этиго. Главнокомандующим в Этиго сперва был я, но потом главнокомандующим стали принц Ниннадзи-но Мия¹⁰⁶, а меня

переместили в штаб. Ямагата, Курода и я были ещё в сущности подростками, да и штаб был — одно название, но Ямагата и другие самураи из княжеств не презирали меня и в разговорах были очень почтительны, может быть, это объясняется моим происхождением или тем, что я был придворным.

Ямагата на самом деле был очень влиятельный человек, и он великолепно умел поддерживать это влияние в одному ему свойственной манере.

Ямагата придерживался во взглядах так называемого в обществе правого уклона, в то время как я — левого, но этот левый уклон отнюдь не означал идей республиканского правления. Я признавал императорский род центром государственной системы и хотел только легко и непринуждённо способствовать тому, чтобы народ принимал всё большее участие в политике, так что и правые взгляды Ямагата и мои левые взгляды совпадали в том, чтобы центром осуществления государственной политики был императорский род. Несмотря на долгую историю закулисной борьбы за власть, благодаря влиянию Ямагата удавалось избежать чрезмерных осложнений и обеспечить чередование власти между Ямагата и Ито, между Кацура и мной. Те люди, которые хотели продвигаться вперёд более решительно, возможно, и были недовольны Ямагата, но это большой вопрос, хорошо ли было бы, если бы всё сложилось так, как они хотели.

(Вопрос Коидзуми) Говорят, что император пожаловал Ямагата чашечку для прополаскивания кисти, сделанную из журавлиного яйца. Вы слышали об этом?

Ито Миёдзи¹⁰⁷ сказал об этом во время обеда, устроенного двором в честь министров. Однако Его Величество возразили со словами: «Это было не журавлиное, а гусиное яйцо, и именно потому, что оно было гусиное, эта чашечка получилась изящной». В результате Миёдзи оказался в неловкой ситуации. Меня самого там не было, но Его Высочество часто говорили подобные вещи.

Курода (Киётака), как я уже ранее сказал, я тоже знал ещё с Этиго. Я не знаю, насколько он владел искусством управления государством. Его речь и манеры были очень вежливы, если он выпивал, правда, то становился буйным, но в обычной жизни это был очень спокойный человек. Я считал, что в Тайный Совет необязательно обращаться с запросами по внешнеполитическим

проблемам, поэтому когда он был председателем Тайного Совета, один такой вопрос был решён без участия Тайного Совета. В тот же вечер подручный Курода, кажется, Накамура, ну тот человек, который был и губернатором, и заместителем министра, я не помню точно, был ли это именно Накамура, — так вот этот человек пришёл и сказал, что Курода ужасно рассержен и говорит, что возмутительно решать вопросы без привлечения Тайного Совета. Когда я сказал на это, что раз он так сердится, то я сейчас же пойду к нему и как следует всё обговорю, тот человек ответил: «Будет очень неловко, если вы туда пойдёте сейчас. Дело в том, что Курода очень пьян». «Ну тогда передай ему, что я приду к нему завтра утром», — сказал я и выпроводил его. На следующее утро Накамура вновь пришёл, и я спросил его, не возмущается ли Курода, на что мне было сказано: «Нет, нисколько. Я явился к вам по поручению Курода. Меня просили передать, что будет крайне неудобно, если вы пойдёте туда, поэтому давайте оставим тот вопрос, как есть. Вчерашние резкие слова были вызваны алкоголем, так что прошу вас не беспокоиться и никуда не ходить». Таким образом всё кончилось благополучно. Вот такая черта была у Курода. Он был очень ненастойчивый и легко сдавался.

-3-

С Итагаки (Тайсукэ) мы были одного мнения относительно необходимости палаты народных депутатов, и благодаря этому мы с ним поддерживали тесные отношения. Однако в том, что касается причин признания парламентской политики, взгляды Итагаки расходились с моими, и, пожалуй, скорее были ближе к взглядам Ито. Я считал, что палату народных депутатов следует учредить, исходя из реальной необходимости, будь то политика или отношения между императорской семьёй и народом. В основе же позиции Итагаки лежал пинцип. И хотя конечный результат один, при разговоре с глазу на глаз мне стало ясно, что наше видение отправных точек различается. Тем не менее, мы были очень дружны с Итагаки!

Во время Реставрации Итагаки использовал имя Инуи Тайсукэ. Ивакура сказал, что поскольку Инуи является честным и хорошим человеком, он произведёт его в *санъё*, и я передал это решение в Тоса. Ёдо (Ямаути Ёдо, бывший *даймё* Тоса), который,

кстати, был моим родственником, принял меня и сказал: «Относительно произведения Инуи в *санъё* я выскажу своё мнение как *гидзё*¹⁰⁸: поскольку Инуи — человек с ограниченным мышлением, я бы не рекомендовал вам назначать его». Я передал его слова Ивакура, и от этой идеи отказались. Это абсолютно достоверный факт.

Когда планировалось включение Окума в кабинет Ито, я краем уха слышал, что Итагаки возражал против этого намерения Ито, но я не очень знаю, какой ситуацией было обусловлено желание Ито ввести Окума в свой кабинет (ремарка Сансин: «Вообще-то в книге «*Тёанкё*» говорится, что это были своего рода интриги со стороны Иноуэ и Ямагата»). Итагаки был довольно косноязычен, и он не отличался умением логично и красноречиво выражать мысли, тем не менее, он твёрдо отстаивал своё мнение, и речь его производила на меня хорошее впечатление.

Я помню, что однажды, возвращаясь вдвоём с Ито после просмотра *сумо* в Экоин¹⁰⁹, мы зашли выпить в Токивая, и я сказал ему: «Если вы, сделав Итагаки и Окума *одзэки*¹¹⁰, не можете ими управлять, значит, у вас нет квалификации *ёкодзуна*¹¹¹».

Прадед¹¹² Коноэ (Фумимаро¹¹³) был моим учителем чистописания, поэтому я был в дружественных отношениях и с Ацумаро¹¹⁴, и когда я отправлялся на службу в Австрию в качестве посланника, я взял его с собой в поездку (18-й год Мэйдзи).

После возвращения со стажировки он дослужился до председателя Палаты Пэров и начал постепенно сближаться с Окума, так что внешне между ним и мной, стоявшим на стороне Ито, началась конфронтация.

Этот самый Коноэ издавал журнал (Сэйсинкай) и сказал мне, чтобы я писал для этого журнала, я же решил, что обычный стиль — это скучно и попробовал писать на *камбун*. Когда я писал на *камбун*, мои сочинения вскользь просматривал Ядо (Киндзан¹¹⁵), и эту мою работу Ядо также слегка отредактировал. Я предполагал, что в журнале хотели, чтобы я написал либо о выдающихся людях древности, либо о героях и талантах нашего времени, но я, полушутя, написал о Клеопатре и Аспазии — это несколько расходилось с их ожиданиями, так что они, вероятно, были весьма удивлены.

Кацура был довольно терпеливым человеком. Он обучался в Германии военной науке, а когда вернулся в Японию, полный собственных планов относительно японской армии, то некоторое время его сильно обижало, что его идеи не претворялись в жизнь, но он, тем не менее, продолжал проявлять терпение. Если бы он был либерал, как и мы, то в политической сфере он вполне был бы в состоянии скрестить мечи с Хара. В принципе он не обладал слишком возвышенным характером, но в то же время он был способным и очень полезным человеком. Подчинить его своей власти было сложно даже для Ито. Он был ведь связан с Ямагата, а Ито включил его в свой кабинет благодаря поддержке монархиста Санномия Коан¹¹⁶.

Когда речь заходит о дипломатии, то в связи с Ито часто вспоминают Муцу, а в связи с Кацура — Комура¹¹⁷, не так ли?

Когда шли споры о том, допускать ли американские инвестиции в Манчжурскую железную дорогу или поручить её полностью Америке, то Комура (Дзютаро) — хотя и не он один — наиболее решительно возражал против этого.

Он (Комура) тоже был способный человек, но не очень сообразительный. Ну например, во время той же мирной конференции можно было давать деньги корреспондентам, и если они брали, — умело использовать это в своих целях, а Комура такую возможность упустил. Витте¹¹⁸ имел богатый опыт работы на арене Европейской и Американской дипломатии и хорошо владел различными приёмами в этой области, так что он мог умело манипулировать теми же газетными корреспондентами. Тем не менее, крупной личностью он не был, и Комура, пожалуй, как личность превосходил его. Ито действительно очень хорошо понимал характер Комура и, даже когда Комура ещё не был известен, он высоко оценивал его, отзываясь о Комура как о полезном человеке.

Недавно я перечитал работу Накаэ («Итинэн юхан»¹¹⁹), она оказалась интересной. У него очень хороший слог, но его научные познания ограничены, и он многого не понимает в общей ситуации и житейских делах. В «Итинэн юхан» говорится в том числе о гэйшах, так вот он допускает существование танцовщиц-сёгу¹²⁰, в то время как гэйши, по его мнению, — это вредное явление. В Японии и в древности были *сипабёси*¹²¹, отличавшиеся

благородством и пользовавшиеся большой известностью. Сейчас также можно найти женщин с подобными качествами, на Западе же таких много. Например, и Аспазия, и Клеопатра были прекрасными философами и политиками. И сегодня есть те, кто активно действуют в различных сферах — общественной жизни, политике, искусстве, музыке, делают себе имя и добиваются успеха — для краткости их мы можем назвать гэйшами, женщинами весёлых кварталов, а то, что Накаэ агульно назвал их паразитами, является следствием его неотёсанности и скудного кругозора. Если бы он знал о прославленных гетерах прошлого и настоящего, то, я думаю, и его рассуждения о гэйшах были бы интереснее. Я выписал следующий его отрывок.

Следует освободить всех гэйш, а также женщин, работающих в трактирах, ибо они портят нравы и представляют опасность распространения заразных болезней, такие певички сами порождают сифилис... Их работа заключается в том, чтобы прислуживать на пирушках и создавать веселье на банкетах, но мужчины изначально приглашают их с целью получения чувственных удовольствий, так что у них нет никаких причин испытывать к таким женщинам хоть каплю уважения... В нашей стране мужчины совершенно не знают, как нужно правильно относиться к женщине, именно потому, что гэйши научили их смотреть на всех женщин как на гэйш.

Что касается танцовщиц-сёги, то я хотел бы сохранить эту традицию...

Вместе с Накаэ часто вспоминают Накаи Хироси¹²². Во время моей учёбы в Париже мы встречались, однако как талант он прославился позже под псевдонимом Осю Сандзин. Как-то раз мы выпивали в кафе и вели оживлённые беседы. Накаи, охваченный сильным душевным порывом, декламировал следующий стих Кумои Тацуо¹²³:

Подобно стрекозе, смотреть способной
на нос и хвост себе одновременно,
ищу я место беспокойно,
где мой талант нашёл бы применение.

На это я усмехнулся и сказал: «Ну если смотреть на мир стрекозиными глазками величиной с горошину, которых достаточно, чтоб обозревать свой нос да хвост, то куда ни кинь взгляд, вряд ли сможешь когда-либо применить свои таланты».

Накаи сразу же покраснел и вскричал, рассердившись: «Что ты такое говоришь, мальчишка?!» Тем не менее потом мы с ним близко сдружились.

Став гэнро

-1-

В переходе Кацура на службу при дворе после кончины императора Мэйдзи свою роль сыграло мнение Ямагата Аритомо. Я не очень хорошо об этом осведомлён: со мной никто специально не советовался, да и в тех редких случаях, когда меня спрашивали, я не высказывал своего мнения и молча следил за происходящим.

Возможно, будет плохо так говорить, но Ямагата стал немного тяготиться Кацура, и хотя он не настолько тяготился им, чтобы отправить служить его во двор, создавалось впечатление, что Ямагата, тяготясь и не зная, что делать с Кацура, с почётом удалил его от себя. Так что я просто наблюдал со стороны, как Кацура переходит во двор, и определённые действия предпринял скорее тогда только, когда он двор покидал. Поскольку Кацура колебался и никак не мог решиться на переход из двора в правительство, я советовал ему покинуть дворовую службу, говоря, что в этом вопросе нечего стыдиться и робеть, что и поступление во двор, и переход в правительство определяются конкретными обстоятельствами. Я убеждал его, что и на Западе также были подобные прецеденты и аналогичные ситуации, и приводил конкретные примеры. Кацура же весьма обрадовался моим словам и сказал: «Если вы изволите говорить такие вещи, то я спокоен». Однако когда он в самом деле наконец оставил службу при дворе, произошли те ужасные беспорядки (осуждение кабинета Кацура и Движение в защиту конституционного правительства) — в той ситуации я просто не мог сказать, что именно я рекомендовал Кацура возглавить правительство, но из положения мне тогда удалось выдти, не признаваясь в этом. Для Кацура было ошибкой отправляться в поездку на Запад и оставить незащищёнными свои позиции дома: если бы он не уехал, то ничего подобного не произошло бы. Да и то, что он стал князем¹²⁴, явно было перебором и в определённой степени также пришлось не по нраву Ямагата. (Примечание на полях: «Император Мэйдзи сказал, что Кацура начал задирать нос».)

Мой уход с поста председателя *Сэйюкай* не означает такого серьёзного шага, как признание своей ответственности за то, что я, получив императорский рескрипт, не смог утихомирить в той ситуации *Сэйюкай*. Часто повторявшиеся слова о нарушении императорского рескрипта были не более чем пропагандистским шагом моих противников, на самом же деле, хоть это и был императорский рескрипт, Его Высочество не были столь уж обеспокоены этим вопросом. И хотя моя неспособность призвать к порядку *Сэйюкай* в соответствии с высочайшим повелением противоречила моим истинным намерениям, я не считал также, что в интересах императора будет насильно менять позицию Парламента и пытаться успокоить возбуждённые сердца. Да и *Сэйюкай* тоже вполне могла обойтись без меня, или даже наоборот, — без меня партии, возможно, было бы даже лучше. Как я уже говорил, я всегда перед тем, как делать что-либо, обязательно стараюсь оставить некоторое место для манёвра, у меня вообще есть такая ленивая черта: если что-либо может быть полезно, то я готов этому учиться, но если что-то не идёт мне на пользу и к тому же любой другой может справиться с этим, то я предпочитаю уйти в сторону. Таким образом я решил, что пришёл самый подходящий момент оставить пост председателя. Впрочем, в Киото я удалился уже по другой причине. Безусловно, моя отставка не была вызвана ответственностью за нарушение императорского рескрипта, я просто счёл, что настало время передать дела Хара. Ну и к тому же эта работа мне немного наскучила.

-2-

Доказательством того, что я не покидал мира политики под влиянием чувства ответственности за нарушение рескрипта, служит то, что именно я приложил главные усилия при формировании кабинета Ямамото Гоннохёэ¹²⁵.

Когда выдвигалась кандидатура Ямамото (после Кацура был сформирован 1-й кабинет Ямамото) при дворе собрались Мацуката и Ямагата. Вообще-то Иноуэ тоже должен был присоединиться, но по какой-то причине он в это время отсутствовал и не явился. Кацура тоже там присутствовал, но сказал, что раз дело касается его самого, то он лучше уйдёт, и хотя я ответил на это, что он вполне может и остаться, он всё же удалился со

словами, что очень неважно себя чувствует. Итак, когда мы собрались, то все начали переглядываться, но рта никто не открывал. Молчание нарушил я, предложив: «Как насчёт того, чтобы поручить формирование кабинета Ямамото Гоннохёэ?» Мацуката, например, на это сказал: «Ну я ранее ведь уже говорил, что хотел бы поручить формирование Ямамото... Так что я не возражаю.» Однако дальше рассуждений о том, согласится ли Ямамото или нет, дело не шло, поэтому я, понимая, впрочем, что беру на себя слишком много, сказал, что сам посоветуюсь с ним, и тем самым положил конец этой дискуссии. Затем я сразу направился к Ямамото, и когда я спросил его мнение на этот счёт, он сказал: «Это словно счастливый сон. Но даже если я соглашусь, то без поддержки со стороны Сэйюкай и, скажем, союза с ней, я не смогу принять это предложение». На это я ему ответил: «На счёт этого беспокоиться не стоит. По правде говоря, я заранее оповестил Хара и Мацуда и позвал их к себе, так что сейчас они должны ждать у меня дома. Я посоветуюсь с ними об этом». Тогда Ямамото в свою очередь сказал: «Рассчитываю на вас. Но я тоже прошу предоставить мне один вечер на размышления, а ответ я дам завтра утром», — и на этом мы расстались. Дома меня ждали Хара и Мацуда, в ходе беседы мы согласовали в общих чертах все вопросы, а на следующее утро мне позвонил Иноуэ и сказал: «Я слышал, вы рекомендовали Ямамото. У меня лично никаких возражений нет, так что прошу вас двигаться по намеченному плану». Вскоре после этого пришёл сам Ямамото, поэтому вопрос решился быстро и без осложнений.

Позже я стал единственным *гэнро*. Решая, как следует поступить в том или ином вопросе, мне необходимо выслушивать мнения различных людей, но я считаю, что при ответе на императорский запрос полную ответственность я должен брать на себя.

-3-

Во время войны в Европе я оценил то, что Ямагата ни разу не сказал о том, что победит Германия, хотя очень многие думали именно так, особенно англичане (ремарка Кимура: «Вероятно, допущена ошибка и имеются ввиду военные») как один верили в победу Германии. Он в целом очень большое внимание уделял тому, чтобы консультироваться как можно с большим числом

людей и не допускать ошибок в суждениях. Впрочем, он не любил левых, в этом ему была свойственна узость... Как же он не любил Като Такааки¹²⁶! Сейчас, однако, нет людей, которые могли бы по силе влияния сравниться с Като, говорят, он очень хорошо контролировал членов своей партии.

В обществе считается, что я решил поехать на мирную конференцию в Версаль благодаря уговорам Хара, хотя на самом деле меня убедил ехать Ямагата. Он и напрямую со мной разговаривал, чуть не плача при этом, и даже Хирата¹²⁷ посылал как посредника. Хара тоже меня уговаривал. Хара ни словом не обмолвился о том, что действует по указке Ямагата, но я прекрасно знал, что инициатива исходила от Ямагата. Возможно также, что было предложение направить Като Такааки, — хотя это всё только предположения, — но Хара не желал направлять Като, и в то же время он, вероятно, считал, что если он скажет о том, что идея послать меня принадлежала Ямагата, то это ослабит его позиции в деле выжвижения кандидатур. В любом случае он делал вид, что это исключительно его инициатива, и вдвоём с Утида они часто ко мне приходили — в то время я оставил свой дом в Суругадай и жил в гостинице «Стэйшн» — и настойчиво упраскивали ехать. Я же не желал ехать, поэтому я обратился к Утида со словами: «Ведь будет естественно, если министр иностранных дел лично поедет туда», — на что Хара в свою очередь также сказал: «Ничего не поделаешь: раз Саиондзи так говорит, то лучше будет вам поехать, г-н Утида», так что Утида оказался в крайне затруднительном положении. Ямагата тогда даже заявил мне: «Вы взяли на себя ответственность, рекомендовав Хара, так почему же вы ставите в затруднительное положение премьер-министра, которого сами же рекомендовали?» И хотя я подобным образом упорствовал, постепенно я пришёл к мысли, что было бы неплохо после большого перерыва съездить в заграничное путешествие... Нет, это не было моим достижением, я вообще для этого ничего не сделал, но если и считать это чьим-то успехом, то это был успех не Хара, а Ямагата.

Ямагата в поздние годы стал доверять Хара, и хотя изначально его отношение было иным, потом он мне часто говорил, что правительство должен во что бы то ни стало возглавлять Хара и что Хара надо дать поработать как минимум три года.

-4-

Хара был из тех, кто любит деньги. Он не был скупым — тратить деньги он тоже умел, но он любил прикасаться к ним — пересчитывать их, бережно складывать их в бумажник, совсем как мы наслаждаемся каллиграфией и живописью. Все подсчёты я поручал Хара, он тщательно учитывал даже пятиеновые расходы и, горизонтально развернув свиток пищей бумаги, усердно вписывал туда карандашом наподобие подробной большой таблицы все расходы и поступления. Хотя я ему говорил, что мне совсем не нужна такая сложная таблица, он никак не бросал это занятие. В обществе таких людей называют пунктуальными. Ходили заведомо ложные слухи, что он в личных интересах использовал поступавшие *Сэйюкай* пожертвования, но я хорошо знаю, каким человеком был Хара. Все заблуждаются на этот счёт: несмотря на любовь к деньгам он никогда не злоупотреблял ими в личных целях. Он, как и его супруга, были честны в денежных вопросах. После того, как Хара прибили¹²⁸, она пришла ко мне за советом, как поступить с деньгами, оставшимися от выборов, и по-честному передала их Такахаси¹²⁹. (Слова Коидзуми: «Г-ном Такахаси был получен 1 млн. иен»). Этого я даже не знал, я слышал только о 500 тыс. иен. Бывает, что в подобных ситуациях вдова ведёт себя иначе, переступая грань порядочности, но супруга Хара была действительно очень честной.

После того, как Хирата Тосукэ стал министром-хранителем печати, однажды он мне заявил: «Я считаю, что придворную жизнь следует как можно плотнее закрыть завесой облаков», на что я возразил следующее: «Так поступать не годится. От густых облаков наступает мрак, так что следует разогнать облака, чтобы дать дорогу свету». «Я совершенно с вами согласен», — ответил он со смущением.

-5-

В итоге был расширен доступ для прочтения лекций императору, например, Его Высочество с большим интересом выслушали лекцию Токутоми¹³⁰ перед совершением поездки на Кюсю. Когда я на днях получил аудиенцию, я спросил Его Высочество: «Как вам лекция Токутоми?» — на что они ответили: «Я всё хорошо понял, оказалось интересно». Это очень хорошее

дело — выбирать людей из как можно большего числа сфер общественной жизни для прочтения ими лекций императору.

Я думаю, что ещё никогда при дворе не собиралось такого достойного окружения, как сейчас. Макино¹³¹, конечно, склонен мешкать и колебаться, но у него за плечами большой опыт дипломатической службы, доводилось ему работать и в качестве государственного министра, так что ему можно доверять. Икки¹³² стал министром двора по моей просьбе. Он хороший министр двора. Это решительный человек с твёрдым характером. Некоторые, правда, его не любят, но он чётко разбирается в законодательстве и очень хорошо знает конституцию.

Икки и Окада¹³³ учились в университете, живя у помогавшего им Накагава Кэндзи-ро, дяди Накагава Кодзюро¹³⁴, и оба выпустились, однако, как я слышал, в науках в то время больше преуспевал именно младший брат. Хотя что было потом — мне неизвестно.

С Икки я познакомился в Германии, так что он знает и то, как обстоят дела на Западе. Ему также доводилось работать министром в партийном кабинете, поэтому естественно, что он также хорошо разбирается и в политике.

После того, как кабинет Като¹³⁵ (Томосабуро) ушёл в отставку в связи с болезнью и смертью премьер-министра, Хирата (Тосукэ) пришёл сюда (Кодзу) и передал императорский запрос относительно следующего премьера. В то время Хирата стал министром-хранителем печати, поэтому он сильно возомнил о себе и был очень уверен в своих силах. Поскольку у него уже был человек, которого он хотел выдвинуть, то он не столько даже передал мне императорскую волю, сколько сделал какой-то странный намёк. Но я перешёл в контр-наступление, спросив: «Получали ли вы, ваше превосходительство, запрос от императора относительно кандидатуры следующего премьер-министра?» Хирата смешался и, исправившись, сказал: «Нет, запрос поступил вашему превосходительству, мне лишь было поручено передать вам волю императора». Ну а раз так, то я рекомендовал Ямамото Гоннохёэ. С Хирата я даже ни разу не посоветовался. Такая уж у меня манера. Вопросы я люблю решать сам и сразу. И Ито ведь был такой же, да? Ямагата же в подобных ситуациях старался всё сделать мягко. Что до Ивакура — правда, тогда

было такое время, что говорящий начистоту часто оказывался в затруднительном положении — то он всегда разговаривал одинаково дипломатично с любой из противоборствующих сторон. Иной раз в таких случаях всё проходило благополучно, но если они все встречались вместе, то это приводило к осложнениям. В более позднее время такая черта была у Танака¹³⁶ (Гиити). У меня же подобного мастерства нет и в помине.

-6-

Что касается императорских запросов относительно государственных дел, то поскольку нынешний император отличается особым рвением, я считаю, что при решении государственных вопросов император должен давать аудиенцию не только государственным министрам, но и заместителям министров и начальникам департаментов. Я уже говорил серьёзно на эту тему с Като Такааки, — как правило, министры и прочие чиновники боятся представлять перед императором. Разумеется, в официальных вопросах распоряжениям императора надо следовать во что бы то ни стало, но в повседневных политических делах, если твоё мнение отличается от императорского, нет никаких ограничений для того, чтобы в случае несогласия, не робея, высказать Его Высочеству причину своего несогласия. Если всё время идти на попятную, говоря, что противоречить императору слишком страшно, или что ты боишься возразить Его Высочеству, то проработка государственных вопросов будет невозможной: такие вопросы можно прорабатывать только на основе дискуссии относительно того, что верно, а что ошибочно, что полезно, а что опасно. Во время Его высочества императора Мэйдзи, даже если Его Высочество высказывали противоположную точку зрения, я продолжал упорно отстаивать свою позицию, говоря, что поступать нужно так-то и так-то. Иногда мы очень горячо спорили, что называется, чуть не до ссоры, но иногда мне удавалось хорошо разъяснить свою позицию и получить согласие Его Высочества. В этом и заключается долг советника императора. Почтение подданных по отношению к государю и разделение верхов и низов не означают, что нельзя не соглашаться с мнением императора или что все во всём обязаны поступать так, как скажет император. Хотя по вопросам внешней политики заместитель министра иностранных дел

изредка предстаёт перед императором для дачи объяснений, крайне мало случаев, когда император давал аудиенцию заместителям министра или начальникам департамента в связи с общеполитическими делами. Подобное положение следует исправить.

(Слова Коидзуми) Само собой подразумевается, что в важных вопросах вы, князь, принимаете всю полноту ответственности на себя. Вот уже более десяти лет вы позволяете мне посещать вас, и во время политических осложнений я всегда внимательно наблюдал за вашим поведением, но вы ни разу за это время не допустили утечки какой-либо секретной информации, и я думаю, что если бы я сам неосмотрительно решился бы допытываться её у вас, то вы бы сделали мне резкий выговор, так что в деликатных ситуациях, требовавших осторожности, я следил за тем, чтобы не перейти грань дозволенного. Когда после смерти Като вы в качестве преемника рекомендовали Вакацуки¹³⁷, в тот же день, вскоре после того, как от вас вышел императорский посланник, я посетил вас, и вы изволили мне поведать о некоторых ваших намерениях: т. е. по завершении какого-либо дела вы иногда делились конфиденциальными подробностями, но до этого выражение вашего лица неизменно выражало полную невозмутимость. Когда готовилось назначение Танака (Гиити) премьер-министром, мы с вами ехали на поезде в Западную столицу¹³⁸, и я в то время был несколько недоволен вами, полагая, что если бы вы хоть словом обмолвились мне об этих планах, то я смог бы сразу же вернуться и способствовать беспроblemному формированию кабинета, однако сейчас я прекрасно понимаю, что думать так было ошибкой с моей стороны и что в делах исключительной государственной важности необходимо соблюдать строжайшую тайну.

(Саиондзи говорит с улыбкой) Близкие люди, вероятно, считают, что я мог бы и сказать им несколько слов в дань нашей близости, например, во время подготовки к формированию кабинета Киёура¹³⁹ Ёкота также пришёл ко мне и спросил: «Что вы решили?» «Да ничего, давай отложим это удовольствие на завтра», — ответил я ему, на что он сказал: «Да-да, я понял». В то время, когда я рекомендовал Ямамото, мой сын, который тогда

был у него секретарём, спросил: «Ну что, вы определились?» «Не говори глупостей!» — прикрикнул я на него, и он удалился в сильном смущении. (Ремарка Коидзуми: «Во время землетрясения¹⁴⁰ г-н Хатирос¹⁴¹ был приближённым императора и не имел ни секунды свободного времени. Вероятно, речь идёт о 1-м кабинете Ямамото).

Министром иностранных дел стал Утида, помните?... Внешнюю политику оценивают либо как жёсткую и прямолинейную, либо как мягкую и слабую, и таких, как я, относят именно к сторонникам мягкой и слабой политики, хотя я лично не склонен делить внешнюю политику на мягкую или жёсткую. Дипломатия — это взаимодействие с западными странами, или, иными словами, — сотрудничество с державами, поэтому, если взять для примера веер, надо быть не тем, на кого машут, а тем, кто держит рукоять веера и машет сам. Такой рукоятью в настоящее время являются Великобритания и Америка, даже если добавить к ним Францию и Германию, получится, что в центре мировой дипломатии находится маленькая группа стран, и Япония также должна войти в их число, став тем, кто сам держит веер. Когда появляется необходимость в сотрудничестве с Америкой и Англией, то подобные попытки критикуют, говоря, что наша внешняя политика следует в фарватере Америки и Англии. Конечно, бывают неприятные ситуации, когда наша дипломатия фактически подстраивается под других, но ведь для того, чтобы найти точки соприкосновения с теми центральными силами, которые господствуют в большей части мира, или для того, чтобы самим стать частью этих центральных сил, разве не нужно временами проявлять немного терпения и внешне делать некоторые уступки. До последнего времени я думал, что с помощью этого курса мы приблизились наконец к достижению данной цели, но... (Слова Коидзуми: «Здесь фраза Саиондзи обрывается, и чувствуется, что он сожалеет о том, что эта тенденция была нарушена).

Даже если хвастаться, говоря, что Япония — это лидер на Востоке и т.д., нельзя забывать, что на Востоке один только Китай имеет государство, в то время, как все остальные большие азиатские страны уже покорились своей судьбе. Я не знаю, возможно, в будущем Япония и станет лидером на Востоке, но сейчас нет оснований кичиться таким образом. Япония в дан-

ный момент расправляет крылья и встаёт в полный рост. Если говорить только о наших связях с Китаем, то мы и действительно в области экономики и торговли расправляем крылья и встаём в полный рост. Но нельзя кичливо говорить, что мы — лидеры и т. п. Я ещё раньше размышлял о том, способны ли японцы, сколько бы мы ни хвалились, сколько бы мы ни старались хвалиться, добиться такого же превосходства над китайцами, как белые люди — над чернокожими... (Здесь слова Саиондзи вновь прерываются) Мне кажется, лучше стремиться стать не лидером на Востоке, а лидером во всём мире.

Утида весьма энергичен, при этом он производит впечатление человека, серьёзно относящегося к делу. В том, что касается Манчжурии, он хорошо ладит с военными, и в дипломатии у него, несомненно, накоплен большой опыт, так что, на мой взгляд, в нынешней ситуации он подходит для занимаемой должности. Он славный парень, жаль только, научных знаний у него недостаточно. Кстати, это я ему помог, как он и хотел, перейти из Тайного Совета в Палату Пэров.

Вопрос Коидзуми: С вашей точки зрения, наверно, не только Утида но и сам князь Ито кажется слабым в науках?

Нет, это не так (смеётся).

-7-

Не попадёт ли Палата Пэров в итоге под контроль политических партий? Плохо, если какая-либо идеология станет давить над пэрами, но те, кто был назначен в Палату Пэров императорским указом по предоставлению партийного кабинета, естественным образом будут благожелательно настроены по отношению к этой политической партии. В политических же делах лучше разбираются не аристократия и крупные налогоплательщики, а именно пэры, назначаемые императорским указом из числа бывших чиновников, поэтому они как раз и образуют центральную силу в Палате Пэров. Даже если всё останется так, как сейчас, то людям, стоящим во главе правительства, при правильном подходе будет не сложно добиться гармоничных отношений с Палатой Пэров.

Что касается американского Сената, то Вашингтон¹⁴² сильнее всего сердился именно на эгоизм Верхней Палаты. Сейчас Сенат

также продолжает в значительной степени ставить в затруднение правительство, но быстро тут ничего поделать нельзя, и похоже, что к Сенату в американском правительстве относятся с такой же осторожностью, как к болезненной опухоли.

Комментарии

¹ Провинция Этиго, совр. преф. Ниигата (здесь и далее примечания переводчика).

² Институт Кайсэйдзё был основан ещё в эпоху правления сёгунов Токугава, в 1854 г. В то время Кайсэйдзё носил название Ёгакусё и выполнял преимущественно функции по сбору и анализу сведений о Западном мире и по переводу западных книг. В 1856 г. Ёгакусё переименовывается в Бансё сирабэсё, а окончательное название — Кайсэйдзё — получает в 1863 г. К тому моменту функции института значительно расширяются: фактически он выполняет исследования и подготовку современных кадров по всем основным направлениям западной науки. Существование Кайсэйдзё прекратил в 1877 г., став одной из базисных структур для формировавшегося в то время Токийского императорского ун-та.

³ Кидо Такаёси (1833–1877) — крупнейший политически и государственный деятель конца эпохи Эдо и первой половины эпохи Мэйдзи. Кидо Такаёси родился в княжестве Тёсю в семье врача и, как подавляющее большинство самураев и интеллигенции этого оппозиционного сёгуна Токугава княжества, активно поддержал движение за свержение сёгунского правительства и реставрацию власти императора. Впрочем, Кидо был не просто рядовым сторонником Реставрации Мэйдзи, а её непосредственным вдохновителем и творцом: во многом именно его усилиями была создана коалиция оппозиционных княжеств Сацума и Тёсю, и во многом благодаря его управленческим и организаторским талантам новое правительство оказалось жизнеспособно. Кидо называют одним из *Исин-но санкэцу*, т. е. одним из трёх столпов Реставрации, наряду с Окубо Тосимити (1830–1878) и Сайго Такамори (1827–1877), которые и сформировали центр новой администрации и инициировали основные реформы по модернизации государства.

⁴ Сам по себе *томоэ* — это знак, по форме напоминающий жирную запятую. Герб рода Саиондзи официально называется «трёхглавый левообращённый *томоэ*», и представляет из себя три подобные «запятые», заключённые в круг и обращённые «головками», т. е. самыми крупными частями по часовой стрелке, при этом «голова» одной «запятой» фактически упирается в «хвост» следующей, а весь рисунок, таким образом, напоминает водоворот.

⁵ *Хякунин иссю* — одна из традиционных форм составления японских поэтических анталогий, при которой от каждого автора берётся по одному стихотворению (дословно — «сто людей по одному стиху»). Хотя

всего подобных сборников было создано довольно много, наиболее известным среди них считается антология «Огура хякунин иссю», составленная крупным придворным поэтом, литератором и учёным Фудзивара-но Тэйка (1162–1241). По всей видимости, на одно из стихотворений этого сборника и ссылается Саиондзи.

⁶ Ямаути Ёдо (1827–1872) — 14-й глава княжества Тоса (совр. преф. Коти). В канун произошедшей в 1867–68 гг. реставрации императорской власти (вошедшей в историю как Реставрация Мэйдзи) Ёдо проявил двойственную позицию, пытаясь, с одной стороны, защищать благоволившее к нему правительство Токугава, а, с другой, не испортить отношения со своими могущественными соседями — княжествами Сацума и Тёсю — и не остаться в стороне от общегосударственных политических процессов. Подобная двойственность послужила причиной шутиливой поговорки, сложенной в то время про Ёдо: «выпив, ратует за императора, протрезвев, — защищает сёгуна». Во время войны с силами сёгуна Ёдо, формально поддержав проимператорские силы, отдал, тем не менее, своим войскам распоряжение соблюдать нейтралитет. Во многом именно подобный подход Ёдо обусловил второстепенное положение княжества Тоса после Реставрации. Сам Ёдо также не сыграл заметной роли в новом правительстве: примерно в течение года после Реставрации Ёдо занимает ряд должностей в администрации (например, председателя департамента внутренних дел), но уже в 1869 г. фактически покидает государственную службу, всецело отдаваясь своим любимым занятиям: выпивке, женщинам и стихосложению. Подобный образ жизни негативно сказался на здоровье Ёдо: в возрасте 46 лет он умирает от инсульта головного мозга, вызванного многолетним употреблением алкоголя.

⁷ Акидзуки Танэтацу (1833–1904) — видный чиновник и деятель просвещения конца эпохи Эдо и эпохи Мэйдзи, личный преподаватель 14-го сёгуна Токугава — Измоти (с 1863 по 1864 гг.) и императора Мэйдзи (с 1868 по 1873 гг.). В 1895 г. за активную службу в правительстве Мэйдзи и заслуги в формировании новой системы образования Акицуки назначается императорским указом в качестве депутата в Палату Пэров.

⁸ Самоубийство путём вспарывания живота.

⁹ Омура Масудзиро (1824–1869) — крупный военный и государственный деятель конца эпохи Эдо и начала эпохи Мэйдзи. Омура, будучи родом из княжества Тёсю, уже с 1860-х гг. активно выступал за реставрацию императорской власти, и в 1866 г., во время второй войны Тёсю с сёгунскими войсками, он принимает командование силами Тёсю на направлении княжества Ивами (совр. преф. Симанэ). В полной мере свой талант стратега Омура проявил во время войны *Босин* (1868–69), став одним из ключевых военачальников императорских войск на главном, Северо-восточном направлении борьбы с просёгунской коалицией княжеств. После победоносного окончания войны, окончательно утвердившего Реставрацию Мэйдзи, Омура, благодаря своим исключительным военным заслугам, занимает место в центре нового, Мэйд-

зийского правительства. Омура был несомненно одним из наиболее образованных и просвещенных людей в военной среде того времени: будучи признанным экспертом в военных науках, он считался также серьёзным учёным в таких областях, как медицина и «западные науки» (т. е. изучение западного мира). Омура часто называют отцом современных японских вооружённых сил, отчасти поскольку именно он возглавлял военное ведомство Японии сразу после Реставрации Мэйдзи (формально Омура являлся лишь заместителем главы военного ведомства при принце крови Комацу-но Мия Акихито Синно (1846–1903) в качестве номинального главы), но главное — поскольку именно Омура первым выдвинул концепцию создания единых общенациональных ВС в противовес системе, когда каждое княжество обладало своей армией. Однако начатую реформу Омура не успел довести до конца: 4 декабря 1869 г. его смертельно ранил радикал-консерватор, недовольный активной ломкой Омура самурайских порядков. Тем не менее, идею Омура о создании в Японии «крестьянского войска» (т. е. армии на основе всенародного призыва) воплотил в жизнь его преемник на посту военного лидера Японии, Ямагата Аритомо (1838–1922), и в 1873 г. в Японии была учреждена армия на основе всеобщей воинской повинности.

¹⁰ Вероятней всего, речь идёт о видном придворном вельможе и крупном государственном и политическом деятеле Огимати Сандзё Санэнару (1820–1909; после 1871 г. — Сага Санэнару). Санэнару происходил из древнего и знатного рода Огимати Сандзё, который выделялся из северной ветви рода Фудзивара на рубеже XII–XIII вв., а также был кровными узами связан с императорским родом. Огимати Сандзё, как и многие другие знатные *кугэ* периода *бакумацу* (т. е. на заре правления сёгунов Токугава), был убеждённым сторонником движения *Осэй фуко* (дословно — восстановление власти императора). Причём Огимати Сандзё являлся одним из лидеров этого движения, в частности, именно он в октябре 1867 г. передал оппозиционной коалиции Саттё (княжеств Сацума и Тёсю) тайный указ императора о свержении сёгунского правительства. Вполне естественным, таким образом, было назначение Огимати Сандзё в состав первого правительства, сформированного сразу же после Реставрации Мэйдзи, в качестве старшего советника (*идзё*) в декабре 1867 г. В дальнейшем Огимати Сандзё продолжал занимать в новой администрации различные ответственные посты (от председателя департамента внутренних дел до главы ведомства по делам просвещения), однако уже в начале 1870-х гг. наметилась тенденция постепенного отхода его от активной государственной службы.

¹¹ Ивакура Томоми (1836–1883) — крупнейший государственный деятель первой половины Мэйдзи. Ивакура, который, будучи представителем придворной аристократии, уже с 1850-х гг. активно выступал за повышение роли императорского двора в государственной жизни, был в числе главных лидеров Реставрации Мэйдзи и после разгрома сёгунских и возвращения верховного суверенитета императору был одним из тех, кто встал во главе нового правительства. Именно

Ивакура возглавил известную миссию японского правительства, посетившую в 1871–1873 гг. большинство основных западных государств и ознаменовавшую собой новую эру во взаимоотношениях Японии с внешним миром. Ивакура сыграл немаловажную роль и в принятии первой японской Конституции: отнесясь вначале отрицательно к идее внедрения конституционной системе в Японии, он, тем не менее, на рубеже 1870–80-х гг. под влиянием мощных общественных движений изменил своё отношение и начал активно способствовать разработке проекта Конституции, которая была опубликована уже спустя 6 лет после его смерти.

¹² Окухара Сэйко (1837–1913; настоящее имя Окухара Сэцуко) — известная художница эпохи Мэйдзи, особенно прославившаяся своими портретами писателей и литераторов второй половины XIX в.

¹³ Сидзё Такаута (1828–1898) — знатный придворный аристократ, а также крупный военный деятель конца эпохи Эдо и эпохи Мэйдзи. Такаута, бывший выходцем из древнего рода Сидзё, который являлся одним из ответвлений рода Северных Фудзивара и брал начало в XII в., относился к числу ярких противников сёгунского режима и являлся видным представителем широко распространённого в среде придворных аристократов движения *Сонно дзёи* (дословно — Уважение к императору и изгнание варваров), направленного на возвращение императору верховного суверенитета в вопросах внешней политики и прекращение всех связей с «варварским» Западом, угрожавшим, как утверждали активисты движения, безопасности и целостности Японии. Уже в 1858 г. Сидзё и ещё 87 единомышленников направили петицию императору с требованием пересмотреть императорское распоряжение о делегированию сёгунам внешнеполитических полномочий. В 1863 г. он снова был в составе группы 11 придворных, составивших аналогичную по содержанию петицию, и в том же году его вместе с шестью другими непримиримыми оппозиционерами выслали из Киото, лишив всех титулов. Сидзё нашёл убежище в княжестве Тёсю, где он принял прямое участие в подготовке свержения сёгуната и Реставрации Мэйдзи. Активную роль Сидзё сыграл и в непосредственных боевых действиях против сёгунских войск, в частности он возглавлял карательные силы на Юго-Западе о-ва Хонсю и на о-ве Сикоку, в провинции Муцу и др. районах. После завершения войны Сидзё избрал военную карьеру: получив в 1869 г. звание генерал-майора он последовательно назначается начальником гарнизонов в ряде крупнейших японских городов: Осака, Нагоя, Сэндай. В 1881 г. Сидзё производит в генерал-майоры. В 1884 г. император жалует ему титул графа, а в 1891 г. — маркиза, и практически сразу же Сидзё назначается в Палату Пэров созданного в 1890 г. Парламента.

¹⁴ Имеется ввиду вторая война между Тёсю и правительственными войсками сёгуната в 1866 г.

¹⁵ Сайго Такамори (1828–1877) — один из лидеров Реставрации и руководителей раннего мэйдзийского правительства, названный за свои заслуги одним из «трёх столпов Реставрации». Несмотря на то, что

во многом именно благодаря Сайго новое правительство появилось на свет, в 1873 г. Сайго покидает его и уходит в оппозицию, протестуя против отказа группы Окубо Тосимити от силового варианта решения «корейского вопроса», на котором настаивал он и его сторонники. В 1877 г. Сайго возглавил мощный самурайский мятеж на юге Кюсю, получивший в японской историографии название «Юго-западная война». После многочисленных тяжёлых боёв мятежная армия была разбита правительственными войсками, а сам Сайго покончил жизнь самоубийством в плену. Через некоторое время после смерти, однако, Сайго был реабилитирован и восстановлен в звании героя Реставрации.

¹⁶ Одна из главных улиц Киото, проходит от *годзё* (пятого городского проспекта) на юге до *нидзё* (второго проспекта) на севере.

¹⁷ По всей вероятности, имеется ввиду Мадэнокодзи Футисато (1848–1932) — заметный государственный деятель и выходец знатного аристократического рода Мадэнокодзи, ведущего своё происхождение с XIII в., от северной ветви рода Фудзивара. Футисато был старшим сыном видного придворного аристократа Мадэнокодзи Хирофуса (1824–1884), активного участника проимператорских движений *Осэй фукко* и *Сонно дзёи* в период *бакумацу*, впоследствии занимавшего ряд ответственных постов в новом правительстве (*гидзё*, председателя суда Киото, министра двора и др.) Любопытно, что судьба Футисато во многом схожа с Саиондзи, что, вероятно, может легко объяснить их дружеские отношения: являясь ровесниками, они оба также были наследниками знатных придворных родов, оба принимали непосредственное участие в реставрации императорской власти и отличились в войне с просёгунскими силами, так, Футисато во время войны *Босин* был начальником штаба карательных сил в северо-восточных провинциях Дэва и Муцу. В 1871 г., в тот же год, что и Саиондзи, Футисато отправился на обучение в Европу. В 1875 г. он возвращается со стажировки и поступает на государственную службу, сначала в Министерство по делам промышленности, строительства и инфраструктуры, а потом в Министерство двора, где впоследствии он дослужился до камергера. В 1885 г. Футисато получает титул графа, а в 1892 г. становится членом Палаты Пэров от аристократии.

¹⁸ Покушение на Омура произошло 4 сентября 1869 г., однако умер он спустя 2 месяца — 5 ноября того же года.

¹⁹ Здесь речь идёт о знаменитой школе Кангинэн и одном из её ведущих преподавателей Хиросэ Сэйсон (1819–1884). Школа Кангинэн, из которой за годы её существования (1805–1897) выпустилось около 4800 чел. была основана в городе Хида (в совр. преф. Оита) известным педагогом, крупным учёным и специалистом в области китаистики и конфуцианства Хиросэ Тансо (1782–1856), о котором также упоминает Саиондзи. В Кангинэн преподавался широкий спектр дисциплин: от конфуцианства до естественных наук и медицины. Особенностью Кангинэн было то, что в ней могли учиться на равных условиях все желающие, вне зависимости от возраста, происхождения и даже пола. Благодаря этому подходу Кангинэн стала едва ли самой крупной по

числу учащихся частной школой за всю эпоху Эдо. Сэйсон (наст. имя Яно Хандзи) был приёмным сыном Хиросэ Тансо и после смерти последнего длительное время возглавлял школу, внося важный вклад в её успешное развитие.

²⁰ Младший советник в правительстве Мэйдзи.

²¹ Окубо Тосимити (1830–1878) — один из творцов Реставрации Мэйдзи, вошедший наряду с Кидо Такаёси и Сайго Такамори в историю как один из *Исин-но санкэцу* (трёх столпов Реставрации), и крупнейшая фигура в новом правительстве Мэйдзи. Окубо был лидером т. н. фракции Сацума в японском руководстве и непосредственно принимал участие во всех важнейших мероприятиях начального этапа существования правительства Мэйдзи, таких как *хансэки хокан* (возврат земли и народа императору; 1869), введение системы префектур вместо княжеств (1871), введение всеобщей воинской повинности (1873) и т. д. В 1871 г. Окубо становится одним из руководителей миссии Ивакура Томоми, совершавшей вплоть до 1873 г. турне по западным странам. В 1873 г. Окубо основывает едва ли не самое влиятельное ведомство довоенной Японии — Министерство внутренних дел и становится его первым министром. Окубо был в числе тех, кто активно выступил против предпринятой в 1873 г. попытки организовать карательный поход в Корею (т. н. *Сэйкан-рон*), на котором настаивали его бывшие союзники по антисёгунской коалиции и соратники по государственной работе Сайго Такамори и Это Симпэй. По иронии судьбы позже Окубо придётся скрестить оружие со своими некогда близкими единомышленниками: именно Окубо возглавляет правительственные войска, подавившие мятежи поднятые Это в Сага (1874) и Сайго в Сацума (1877), в результате которых Это был казнён, а Сайго сделал *сэппуку*. На пике своей карьеры Окубо был убит радикально настроенным экс-самураем из Канадзава Симада Итиро, обвинившим его в «непатриотизме» и «мягкотелой» внешней политике.

²² Итô Хиробуми (1841–1909) — крупнейший политический и государственный деятель эпохи Мэйдзи. Итô был родом из княжества Тёсю, и после реставрации в 1867 г. власти императора, в которой он принял активное участие, он занял видное место в новом правительстве. За свои способности Итô был высоко оценен тогдашними лидерами правительства Мэйдзи, Окубо Тосимити (1830–1878) и Ивакура Томоми (1825–1883), и вскоре сам стал одной из центральных фигур в государстве. Именно Итô в 1881 г. было поручено разработать проект Конституции, и позднее он был назначен председателем специально созданного для подготовки Конституции Тайного совета при императоре, таким образом не будет преувеличением назвать Ито главным архитектором довоенной политической системы Японии. Вполне логичным выглядело и то, что именно Ито выпала честь возглавить в 1885 г. первый японский кабинет министров. В дальнейшем Ито усановит своего рода рекорд по числу раз, когда он занимал кресло премьера: он сформировал 4 кабинета (1885–88, 1892–96, 1898, 1900–01). Несмотря на то, что Итô был, пожалуй, наиболее влиятельным *гэнро* (политических

старейшин и пожизненных советников императора) и, соответственно, одним из самых авторитетных политических олигархов, постепенно он приходит к мысли о привлечении новых политических сил, которые олицетворяли стремительно укреплявшиеся в конце XIX в. политические партии, к управлению государством с целью достижения сбалансированного функционирования государственного аппарата. В начале XX в., однако, Ито попадает в определённую политическую изоляцию, и его влияние заметно снижается, поскольку его поддержка политических партий испортила его отношения с другими олигархами, а для самих партий он так и не сумел стать «своим» человеком. Однако благодаря своему авторитету, а также чрезвычайно тесным связям с императором, необыкновенно сильным доверием и уважением со стороны которого Ито пользовался, он до конца жизни занимал ведущие роли в государстве. Так, с 1905 по 1909 гг. Ито является генерал-губернатором Кореи. Считается, что убийство Ито корейским патриотом в 1909 г. стало сильным ударом для императора Мэйдзи, пережить который он так до конца и не сумел.

²³ Курода Киётака (1840–1900) — крупнейший политический и государственный деятель эпохи Мэйдзи. Курода, будучи потомственным самураем из Сацума, активно поддержал свержение режима сёгунов и стал одним из самых деятельных командиров во время войны Босин, находясь на передовой фактически с первого до последнего дня (от битвы при Тоба-Фусими в январе 1868 г. до взятия Хакодатэ в апреле 1869 г.) В правительстве Мэйдзи Курода первоначально курирует вопросы колонизации и развития Хоккайдо и Сахалина, а после смерти Окубо Тосимити в 1878 г. Курода фактически становится главой политического клана Сацума в японском руководстве. В 1887 г. Курода становится министром сельского хозяйства в 1-м кабинете Ито Хиробуми (1885–88), а в 1888 г. сам встаёт во главе правительства. Наиболее значительным событием за время премьерства Курода (апрель 1888 — октябрь 1889 г.) стало опубликование 11 февраля 1889 г. 1-й японской Конституции, известной в историографии как Конституция Мэйдзи. На следующий день после опубликования Конституции Курода выступил с исторической речью, заявив о недопустимости парламентского и партийного влияния на деятельность правительства и заложив тем самым основы политики «трансцендентности» (надпартийности) японского руководства, которая на долгие годы фактически предопределила основное содержание внутриполитической борьбы в Японии. Примерно в то же время Курода становится *гэнро* и восходит на высшую возможную ступень карьеры государственного деятеля. Хотя кабинет Курода пал в результате серьёзного скандала (неудача на переговорах с западными державами по вопросу отмены неравноправных договоров 1850-х гг. спровоцировала мощную волну критики, а министр иностранных дел Окума Сигэнобу был тяжело ранен в результате покушения националистов), сам Курода продолжает занимать высшие должности в японском руководстве: советника Тайного Совета (1889–1892), министра связи и коммуникаций (1892–1896), а с 1896 г. и

вплоть до самой смерти Курода является председателем Тайного Совета.

²⁴ Мацуката Масаёси (1835–1924) — один из творцов Реставрации и лидеров правительства Мэйдзи, а также одна из центральных фигур в политическом клане Сацума. Особым влиянием Мацуката пользовался в финансовых и деловых кругах Японии, и при формировании в 1885 г. первого японского кабинета министров более чем логичным выглядело его назначение на пост министра финансов, который он бессменно занимал вплоть до 1898 г. Дважды Мацуката сам становился премьер-министром и формировал правительство (в 1891–92 и 1896–98 гг.) и наряду с Ито, Ямагата, Курода и Иноуэ считался наиболее влиятельным среди *гэнро*.

²⁵ Сайго Цугумити (1843–1902) — крупнейший военный, политический и государственный деятель эпохи Мэйдзи, младший брат Сайго Такамори (1828–1877). На рубеже 1850–60-х гг. Цугумити — во многом под влиянием старшего брата — активно подключился к охватившему всё княжество Сацума движению *Сонно дзёи*, причём к его наиболее радикальному крылу. Цугумити, в частности, принимает участие в вооружённом столкновении между силами Сацума и Британским флотом (т. н. Англо-сацумская война августа 1863 г.) Во время битвы при Тоба-Фусими, которая положила начало войне Босин, Цугумити, сражавшийся на стороне проимператорских сил, получает тяжёлое ранение. После войны Цугумити отправляется на стажировку в Европу и по возвращении поступает на службу в военной министерство. Во время политического кризиса 1873 г. Цугумити встаёт на сторону правительства и фактически порывает отношения с Такамори, демонстративно покинувшим правительство. Более того, в 1877 г. Цугумити принимает непосредственное участие в командовании армией, разгромившей мятежные войска его старшего брата. На следующий год Цугумити, будучи уже в чине генерал-лейтенанта (с 1874 г.), впервые получает министерский портфель — сначала министра образования, а затем военного министра и министра сельского хозяйства. В 1885 г. Цугумити становится военно-морским министром в 1-м кабинете Ито Хиробуми (1885–88) и несмотря на частые смены кабинетов остаётся в должности вплоть до 1890 г. (в кабинетах Курода Киётака и 1-м кабинете Ямагата Аритомо). В 1890 г. в рамках кабинета Ямагата он переводится с поста военно-морского министра на пост министра внутренних дел, однако в мае 1891 г. подаёт в отставку в связи с покушением в городе Оцу на цесаревича Николая. Впрочем, отсутствие Цугумити в правительстве было недолгим: уже в 1893 г. Ито Хиобуми включает его в свой 2-й кабинет в качестве военно-морского министра и Цугумити удаётся сохранять этот портфель на протяжении 4 кабинетов — до 1898 г. (2-й кабинет Ито, 2-й кабинет Мацуката Масаёси, 3-й кабинет Ито, 1-й кабинет Окума Сигэнобу). За это время Цугумити производится в адмирала (1894), а также получает титул маркиза в качестве признания его вклада в победу Японии в японо-китайской войне 1894–95 гг. В 1898 г., при формировании 2-го кабинета Ямагата, Цу-

гумити в последний раз получает министрский портфель (до 1900 г.), на этот раз министра внутренних дел, и в том же году ему присваивается высшее военно-морское звание генерал-адмирала. Примерно во второй половине 1890-х гг. Цугумити причисляется к узкой когорте *гэнро* — пожизненных советников императора, что является вершиной его государственной и политической карьеры.

²⁶ 3–6 января 1868 г., первое сражение войны Босин, в ходе которого проимператорские силы наголову разгромили двигавшиеся на Киото и превосходящие по численности войска сторонников сёгуна.

²⁷ Сандзё Санэтоми (1837–1891) — крупнейший политический деятель и придворный конца периода Токугава и первой половины Мэйдзи. Будучи одним из высокопоставленных придворных, Сандзё принял самое деятельное участие в реставрации императорской власти, фактически возглавив придворную оппозицию сёгунам, и после свержения сёгуната стал одним из лидеров нового правительства. За короткий срок Сандзё прошёл путь от *гидзё*, старшего советника в правительстве (1868) до *дадзёдадзин*, председателя государственного совета (1871), причём в этой должности он оставался вплоть до 1885 г., когда в Японии была введена система кабинета министров по европейскому образцу. В первый японский кабинет (1-й кабинет Ито, 1885–1888) Сандзё вошёл в качестве министра внутренних дел, а с октября по декабрь 1889 г. (в промежутке между кабинетом Курода Киётака и Ямагата Аритомо) сам временно исполнял обязанности премьера.

²⁸ Имеется ввиду судьбоносный для Японии Совет глав крупнейших княжеств и лидеров придворной аристократии, состоявшийся 9–10 декабря 1867 г. в Малом Императорском дворце (на территории Императорского дворца в Киото) сразу после провозглашения в первой половине дня 9 декабря Указа о восстановлении императорской Власти (*осэй фукко дагорэй*). На Совете обсуждались такие ключевые вопросы, как принципы организации нового правительства и формат участия в нём экс-сёгуна. По началу на Совете возобладала точка зрения сторонников включения бывшего сёгуна в руководящий состав нового правительства — с этой инициативой выступил глава княжества Тоса Ямаути Ёдо, заявивший, что без участия сёгуна восстановление у власти малолетнего императора — не более чем бунт меньшинства. Однако в конечном счёте победила позиция сторонников полной ликвидации сёгуната и безоговорочного отстранения экс-сёгуна от власти, которую наиболее последовательно отстаивал Ивакура Томоми. Ивакура также поддержал Сайго Такамоори, командовавший отрядом дворцовой охраны, который даже пригрозил в случае дальнейшего упорства Ёдо «решить проблему одним взмахом короткого меча». Таким образом уже утром 10 декабря Совет постановил сформировать правительство без экс-сёгуна, полностью лишить того власти и конфисковать наследственные земли Токугава.

²⁹ Токугава Ёсинобу (1837–1913) — 15-й и последний сёгун из рода Токугава. Ёсинобу стал сёгуном после смерти 20 июля 1866 г. 14-го сёгуна Токугава Измоти, однако уже 9 ноября 1867 г. под давлением

оппозиции сёгунскому режиму он был вынужден подписать своё отречение от верховной власти в пользу императора. После этого Ёсинобу удалился в Осацкий замок, где попытался повлиять на судьбу нового правительства, с тем чтобы он сам, а также чиновники сёгуната могли занять в нём господствующее положение. После того как подобные попытки Ёсинобу потерпели неудачу, а также после полного поражения его сторонников в ходе войны Босин Ёсинобу смирился с потерей власти и, получив высший титул князя и солидное правительственное жалование, спокойно жил, не вмешиваясь во внутреполитические процессы.

³⁰ Имеется в виду т.н. называемый инцидент в Акаксака Куитигаидзака (Акасака Куитигаидзака-но хэн). 14 января группа недовольных и радикально настроенных экс-самураев из княжества Тоса совершила покушение на занимавшего тогда пост правого министра Ивакура Томоми и нанесла ему ранение в ногу. По всей видимости, причиной недовольства стала твёрдая позиция Ивакура относительно планов военной экспедиции в Корею (Ивакура категорически возражал против этого), вынудившая ряд правительственных лидеров перейти в оппозицию в 1873 г. В числе покинувших правительство в 1873 г. был и наиболее известный политик из Тоса — Итагаки Тайсукэ, что, возможно, объясняет состав группы, напавших на Ивакура. Через некоторое время неудавшиеся убийцы — 9 человек — были арестованы и казнены, подозреваемые пали и на самого Итагаки, однако прямых доказательств его причастности найдено не было.

³¹ Франция стала одним из пунктов посещения представительной миссии Ивакура Томоми (1871–1873), ставившей целью улучшения отношений с западными странами и сбор информации о Западе в целом. Одной из приоритетных задач миссии было также попытаться добиться пересмотра неравноправных договоров, которые были навязаны Японии западными странами в 1850-е гг. Эти договоры, известные как Ансэйские — по эре Ансэй (1854–1859), во время которой они и были заключены — предусматривали ряд унижительных для Японии положений, таких как право экстерриториальности западных граждан, лишение Японии таможенного суверенитета и др. Пересмотр договоров стал для Японии одной из главных внешнеполитических задач всей эпохи Мэйдзи, и окончательно добиться отмены дискриминационных положений Японии удалось только к 1911 г.

³² Ивакура Томосада (1851–1910) — государственный деятель эпохи Мэйдзи, 3-й сын Ивакура Томоми. Томосада был активным участником войны за свержение сёгуната, командуя карательными силами в различных проблемных районах, прежде всего в северо-восточных провинциях Дэва и Муцу. С января 1870 по май 1872 г. Томосада проходит стажировку в США и по возвращении сразу же поступает на государственную службу. В 1882 г. он, как и Саиондзи Киммоти, отправляется в Европу в составе делегации Ито, уполномоченной собрать материал для подготовки проекта японской конституции. С 1884 г. Томосада становится главой рода Ивакура и наследует высший титул князя. В

1890 г., сразу после открытия Парламента, он поступает в Палату Пэров как представитель аристократии, в 1892 г. назначается советником Тайного Совета, а с июня 1909 г. и вплоть до смерти в апреле 1910 г. занимает пост министра двора.

³³ Газета «Восточная свобода».

³⁴ Вероятно, имеется в виду Мори Мотонори (1839–1896) — 15-й (и последний) глава княжества Тёсю (1869–1871). После того как новое правительство, стремясь усилить централизацию власти, упразднило в 1871 г. княжества и ввело систему префектур, Мотонори переезжает в Токио и в 1877 г. назначается председателем государственного 15-го Банка. Со временем Мотонори получает высший титул князя, а после созыва в 1890 г. Парламента становится членом Палаты Пэров.

³⁵ 15-й Банк был учреждён по распоряжению Ивакура Томоми (1825–1883) 21 мая 1877 г. Создание банка стало возможно благодаря т. н. «упорядочиванию жалований», т. е. отмене жалований и прочих выплат знати, в качестве единовременных компенсаций за которые были выпущены государственные облигации. Данные облигации, выданные представителям аристократического сословия, и стали основным капиталом 15-го Банка, который в обществе из-за этого получил неофициальное название «Банк Аристократии». Данный банк пользовался крайне высокой репутацией и выполнял также функции своего рода «императорского банка», поскольку именно в нём хранились основные средства Министерства двора. В 1897 г., спустя ровно 20 лет после учреждения, истёк срок функционирования 15-го Банка в качестве государственного, и было произведено его акционирование.

³⁶ Мацуда Масахиса (1845–1914), один из крупнейших партийных политиков конца XIX — начала XX вв. Мацуда был одним из активистов *Дзю мункэн ундо* (мощного оппозиционного движения «За свободу и народные права») и зачинателей партийного движения в Японии. С момента создания в 1881 г. первой японской партии Дзюто (буд. Сэйюкай) возглавлял одну из её крупнейших фракций — Кюсю ха. После образования в 1900 г. Сэйюкай стал одной из центральных фигур в партии, наряду с Саиондзи Киммоти и Хара Такаси. Министр финансов в кабинете Окума Сигэнобу и Итагаки Тайсукэ (1898), министр просвещения в 4-м кабинете Ито (1900–01), министр юстиции в обоих кабинетах Саиондзи (1906–08 и 1911–12) и в 1-м кабинете Ямамото Гоннохёэ (1913–14).

³⁷ Накаэ Тёмин (1847–1901) — крупный публицист, литератор и просветитель периода Мэйдзи. Накаэ был одним из лидеров левого крыла Движения за свободу и народные права. Его прогрессивные взгляды — в частности, признание права народа на восстание — снискали ему славу «Восточного Ж. Ж. Руссо».

³⁸ Касивада Морибуми (1851–1910) — политик эпохи Мэйдзи, снискавший славу борца за народные права. Окончив в 1879 г. Кэйо гидзюку (совр. Ун-т Кэйо), Касивада вернулся в свою родную преф. Кагосима, где был избран депутатом законодательного собрания префектуры и стал его председателем. Касивада активно поддержал Движение за

свободу и народные права, а также сыграл заметную роль в развитии партийного движения в Японии: после образования Дзюто Касивада становится секретарём этой партии. На рубеже XIX–XX вв. Касивада последовательно занимает ряд ответственных постов в правительственных структурах: губернатора преф. Тиба, зам. министра образования (во 2-м кабинете Ямагата), губернатора преф. Ибараги и Ниигата. К числу заслуг Касивада следует отнести и его просветительскую деятельность: помимо активного участия в газете «Тоё дзю» он, в частности, был первым ректором 4-й Высшей школы (совр. Ун-т Канадзава).

³⁹ Таким обобщённым термином в то время называли всех, кто так или иначе принимал участие в оппозиционном правительству Движении за свободу и народные права (*Дзю мункэн ундо*) середины 1870-х — первой половины 1880-х гг.

⁴⁰ Речь идёт о Токудайдзи Санэцунэ (1839–1919). Род Токудайдзи являлся одним из древнейших в Японии и вёл происхождение от Северной ветви рода Фудзивара, от четвёртого сына Фудзивара Киндзанэ, и был тесно связан с двумя другими аристократическими родами — Саиондзи и Сандзё. Токудайдзи Санэцунэ был видным придворным сановником. За длительную службу при императоре Мэйдзи в качестве обер-камергера двора, министра двора и министра-хранителя печати ему был пожалован титул маркиза. Младший брат Санэцунэ — Киммоти был в детстве принят домом Саиондзи в качестве приёмного сына, таким образом, Санэцунэ приходился Саиондзи Киммоти родным старшим братом.

⁴¹ Хидзиката Хисасимото (1833–1918) — политический и государственный деятель. Хидзиката был родом из Тоса и в период Реставрации Мэйдзи встал на сторону антисёгунской коалиции. После реставрации Хидзиката последовательно занимал ряд высоких постов в новом правительстве: министра двора, советника двора, советника Тайного Совета, председателя государственной академии Кокугакуин (совр. Ун-т Кокугакуин) и т.д. За свои заслуги получил титул виконта.

⁴² Иноуэ Каору (1836–1915) — крупнейший политический и государственный деятель периода Мэйдзи, один из самых влиятельных, после Ито Хиробуми и Ямагата Аритомо, среди *гэнро*. Особенно сильным влияние Иноуэ Каору было в финансовых кругах (так, Иноуэ являлся высшим советником корпорации Мицуи), и он считался главным «специалистом по финансовым вопросам» среди высшего японского руководства. Одной из особенностей государственной карьеры Иноуэ было то, что он, несмотря на частое вхождение в те или иные кабинеты (министр иностранных дел в 1885–87 гг. в 1-м кабинете Ито, министр с/х и торговли в кабинете Курода Киётака в 1888–89 гг., министр внутренних дел во 2-м кабинете Ито Хиробуми в 1892–96 гг. и министр финансов в 3-м кабинете Ито в 1898 г., министр иностранных дел в 1-м кабинете Окума Сигэнобу в 1898 г.), ни разу сам не вставал во главе правительства: единственная попытка Иноуэ сформировать кабинет в 1901 г. закончилась провалом из-за противодействия Ямагата Аритомо и Кацура Таро. Иноуэ был близким соратником и личным другом Ито Хиробуми, с которым они составляли своего рода стержень граждан-

ского крыла в политическом клане Тёсю. Более того, Иноуэ был фактически единственным среди высшего политического истеблишмента Японии, кто поддерживал планы Ито по созданию политической партии как парламентской опоры правительства: с подобным предложением он выступил ещё в начале 1890-х гг.

⁴³ Такэкоси Ёсабуро (1865–1950) — журналист, историк, политик, творческий псевдоним — Санса. Окончив Кэйо гидзюку (совр. Ун-т Кэйо), Такэкоси поступает в газету «Дзидзи-симпо» и начинает журналистскую карьеру. Через некоторое время Такэкоси знакомится с крупным публицистом Токутоми Сохо (1863–1957) и начинает активно сотрудничать в издаваемой им «Кокумин-симбун». За время работы в этой газете Такэкоси пишет ряд исторических работ — «Кромвель» (1890), «Син-Ниппонси» (1891–92), в которых демонстрирует либеральные взгляды, усиливая тем самым свою репутацию оппозиционного власти обозревателя. После японо-китайской войны мнения Такэкоси и Токутоми, который всё больше склоняется во взглядах к национализму и консерватизму, расходятся, и в 1896 г. Такэкоси покидает «Кокумин-симбун». Вскоре после этого по рекомендации Саиондзи он становится ведущим журналистом в либеральном журнале «Сэкай-но Нихон», и с этого момента между ним и Саиондзи начинается тесное сближение. Так, в 1900 г., после формирования 4-го кабинета Ито (1900–1901), в котором Саиондзи занимает пост министра образования, Такэкоси получает должность секретаря Саиондзи. Это назначения становится отправной точкой карьеры Такэкоси как политика. В это же время он вступает в партию Сэйюкай, а в 1902 г. избирается депутатом Парламента от преф. Ниигата, переизбираясь в дальнейшем 5 раз подряд. После неудачи на выборах 1915 г. (на которых Сэйюкай столкнулась с серьёзным правительственным давлением) Такэкоси сосредотачивается на публицистской деятельности. Хотя из мира политики он не уходит (так, в 1922 г. он становится членом Палаты Пэров, а в 1940 г. совеником Тайного Совета) именно литературной работе он посвящает основное время. В частности, Такэкоси пишет 8-томную «Нихон кэйдзайси». Перу Такэкоси принадлежит также одна из наиболее известных биографий Саиондзи — «Тоанко» (1930).

⁴⁴ По всей видимости, речь идёт об Арисугава-но Мия Тарухито Синно (1835–95) — принце, члене императорской фамилии, который был видным политическим, государственным и военным деятелем. Род Арисугава-но Мия являлся одной из ветвей императорского рода и был основан в 1625 г. седьмым сыном императора Гоёдзэй (1571–1617) — Ёсихито Синно. Тарухито был девятым (и предпоследним) главой рода Арисугава-но Мия. Тарухито принял непосредственное участие в реставрации императорской власти в 1867 г. и сыграл значимую роль в становлении правительства Мэйдзи, в котором сразу же после его формирования занял высшую должность *сёсай* (председателя). Тарухито был главнокомандующим в ходе боевых действий против просёгунских войск на Северо-Востоке и к числу его заслуг, в частности, относится бескровное взятие замка Эдо в апреле 1868 г. После озна-

комительной поездки по Европе (1869–1870) Тарухито вновь занимает видное место в политической жизни Японии, последовательно занимая должности главы военного департамента, губернатора преф. Фукуока, председателя *Гэнроин* (аналога палаты сенаторов). В 1877 г. он возглавляет военную кампанию по подавлению мятежа Сайго Такамори (1828–1877), по иронии судьбы скрестив тем самым мечи со своим бывшим союзником и ближайшим помощником (в ходе войны *Босин* Сайго был начальником штаба Тарухито). Арисугава-но Мия Тарухито имел большое влияние на императора Мэйдзи и пользовался его колоссальным доверием, так, именно его в 1882 г. император Мэйдзи послал в Санкт-Петербург на коронацию Александра III в качестве представителя японского двора.

⁴⁵ Вероятно, имеется ввиду рескрипт 1875 г., в котором император обещал постепенное введение конституционного правления.

⁴⁶ Саиондзи использовал термин *сидзоку*, что подразумевает представителей бывшего самурайского сословия.

⁴⁷ «Сочинения восьми мудрецов» — сборник классических текстов восьми крупнейших китайских мыслителей и учёных эпохи Тан (618–907) и Сун (960–1279).

⁴⁸ Мацудзава Кюсаку (1855–87) — активист Движения за свободу и народные права. Мацудзава был сыном крестьянина из провинции Синано. Переехав в Токио, он знакомится с двумя крупными партийными деятелями, Ои Кэнтаро (1843–1922) и Мацуда Масахиса, и некоторое время обучается в основанной ими Юридической академии. Позже Мацудзава работал главным редактором в ряде либеральных изданий, в частности, «Мацумото симбун», а после основания «Гоё дзию-симбун» стал начальником типографского отдела этой газеты. Описываемое Саиондзи протестное воззвание Мацудзава послужило причиной ареста последнего. После освобождения Мацудзава некоторое время работал депутатом префектурального собрания Нагано, однако в 1887 г. он вновь попадает в тюрьму, где и умирает от туберкулёза в возрасте 33 лет.

⁴⁹ *Дзюто* (Либеральная партия) — первая полноценная политическая партия в истории Японии. Партия была образована в 1881 г., и первым её председателем стал Итагаки Тайсукэ (1837–1919). Партия просуществовала до 1898 г., и за это время стала крупнейшей в стране политической партией.

⁵⁰ Иноуэ Коваси (1843–1895) — видный чиновник и политик второй половины XIX века. Поступив в 1871 г. на службу в Министерство юстиции, Иноуэ быстро завоевывает уважение у Окубо Тосимити (1830–1878) и других руководителей правительства. В 1877 г. Иноуэ становится секретарём Великого государственного совета (*Дадзёкан* — правительственной структуры, предшествовавшей введённому в 1885 г. кабинету министров), а несколько позже к ней добавляется должность секретаря Министерства внутренних дел (вероятно, именно эти должности Иноуэ имел ввиду Саиондзи Киммоти, когда упоминал о нём в автобиографии). В 1881 г. Ито Хиробуми привлёк Иноуэ к участию в составлении кон-

ституции Мэйдзи, а в 1890 г. Иноуэ стал одним из соавторов при подготовке текста императорского рескрипта об образовании; активное участие в разработке этих двух важнейших документов стало самым заметным достижением Иноуэ как государственного деятеля. В 1890 г. Иноуэ назначается советником Тайного Совета при императоре, а в 1893 г. получает протфель министра образования во 2-м кабинете Ито Хиро-буми. Незадолго до своей смерти в 1895 г. Иноуэ получает в качестве признания за заслуги перед государством титул виконта.

⁵¹ Вероятно, Иноуэ при составлении докладной записки допустил ошибку, перепутав имена автора скандального обращения Мацудзава и основателя газеты Мацуда.

⁵² Вероятно, речь идёт о работе Такэкоси Ёсабура «Тōанкō» 1930 г. (издательство Собункаку). Имеется также издание 1933 г. под названием «Тōанкō: Саиондзи Киммоти дэн». Тоан — творческий псевдоним Саиондзи Киммоти.

⁵³ Сансин — псевдоним Коидзуми Сакутаро (1872–1937), записавшего данную беседу с Саиондзи.

⁵⁴ Княжество на территории современной преф. Кумамото.

⁵⁵ Такэдзэо Синъити (1842–1917) — дипломат, крупный китаевед, пользовавшийся авторитетом в научных кругах как Японии, так и Китая, а также доктор наук в области литературоведения и лауреат литературной премии Императорского научного общества.

⁵⁶ Мацуда Митиюки (1839–1882) — чиновник конца периода Токугава и первой половины эпохи Мэйдзи. Мацуда поддержал движение за свержение сёгуната, и после Реставрации он последовательно назначается на различные ответственные посты в новой администрации, благодаря солидному опыту государственной работы довольно быстро дослужившись до секретаря Министерства внутренних дел и *Дадзёкан* (1877). В 1879 г. Мацуда назначили губернатором Токио, и в этой должности он оставался до своей смерти. За время губернаторства Мацуда принял ряд мер по модернизации и улучшению города, так, при его активной поддержке в 1881 г. в Токио прошла 2-я Всеяпонская промышленная выставка, и примерно в это же время в Уэно был открыт ряд музеев и городской зоопарк. Скончался Мацуда на рабочем месте в возрасте 44 лет.

⁵⁷ Остров Хатидзёдзима расположен в 290 км к югу от Токио и административно входит в столичную префектуру.

⁵⁸ Имеется в виду книга политика и историка Итō Тию (1867–1938) «Кайкэцу дэн» («Биографии героев нашего времени»), выходявшая в разных редакциях и у различных издательств. Возможно под «Второй биографией» подразумевается вторая редакция книги, вышедшая в издательстве «Тюсэйдō» в 1926 г.

⁵⁹ Имеется в виду «Саиондзи Киммоти дэн» Сираянаги Сюко (1884–1950), вышедшая в 1929 г. в Токийском издательстве «Нихон хёронся».

⁶⁰ О Накагава Кодзюро см. в разделе 5 главы «Став *гэнрō*».

⁶¹ Китайский мудрец, живший предположительно в 370–301 гг. до н. э.

⁶² Вероятно, имеется в виду 63-томная «Гэндай Ниппон бунгаку дзэнсю», издававшаяся «Кайдзёся» в 1927–31 гг.

⁶³ Китайская поэтическая антология «Классика поэзии» (существуют также другие переводы названия антологии: «Книга песен» или «Книга од»), включающая 305 стихов, датируемых XI–VI вв. до н. э. «Ши Цзин» была канонизирована династией Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) как одна из «Уцзин» (пяти классик).

⁶⁴ *Санги* — государственный советник, одна из высших должностей в правительстве Мэйдзи.

⁶⁵ *Сёнин* — назначаемый императором чиновник 1-го номенклатурного ранга.

⁶⁶ *Тёкунин* — назначаемый императором чиновник высшего номенклатурного ранга.

⁶⁷ В 1882 г. Ито Хиробуми было поручено проработать проект конституции Японии. Тогда же было решено направить под его началом делегацию в турне по европейским странам с целью знакомства с европейским конституционным опытом, а Саиондзи как человек, имевший большие познания о Западе, был включён в состав делегации Ито.

⁶⁸ Торжественная церемония учреждения *Сэйюкай* прошла в гостинице «Империал» 15 сентября 1900 г. Создание *Сэйюкай* явилось логичным воплощением тех планов по созданию крупной правительственной партии, которые Ито вынашивал с начала 1890-х гг. Ито хотел объединить в рамках одной мощной партии основные сегменты политической жизни страны с тем, чтобы превратить политические партии из оппозиционной правительству силы в ответственный субъект власти, который помогал бы правительству осуществлять эффективное управление страной. Создание данной партии во главе с Ито сыграло заметную роль в деле утверждения партийной политики в довоенной Японии.

⁶⁹ В тексте было употреблено разговорное и почти не встречающееся в настоящее время слово *вагахай*, именно его, по утверждению редактора Кимура, редко использовал в речи Саиондзи.

⁷⁰ Дословно название усадьбы переводится как «Сороконожка». Такое название должно было говорить о подчёркнутой скромности владельца.

⁷¹ Хара Такаси (1856–1921) — крупнейший государственный и политический деятель начала XX в. Как политик Хара впервые громко заявил о себе в 1900 г., когда Ито Хиробуми включил его в число руководителей новообразованной *Сэйюкай*. Хара оказался чрезвычайно искусным партийным полтиком, и уже к середине 1900-х гг. он фактически становится главой партии. Благодаря умелым политическим манёврам Хара удаётся дважды (1906–08, 1911–12) добиться для Саиондзи Киммоти, председателя *Сэйюкай*, права сформировать кабинет министров, и в обоих кабинетах Хара занимает ключевой пост министра внутренних дел. В 1913 г. Хара вновь получает портфель министра внутренних дел, на этот раз в 1-м кабинете адмирала Ямамото Гоннохёэ (1913–14). В 1918 г. Хара, официально к тому времени сменивший окончательно отошедшего в 1914 г. от дел партии Саиондзи,

приводит Сэйюкай к власти и формирует первый в истории Японии подлинный партийный кабинет, просуществовавший вплоть до трагической гибели Хара в 1921 г. Несмотря на многочисленные политические компромиссы Хара с антипартийными силами и на граничащую с консерватизмом осторожность в деле осуществления политических реформ, неоспоримой представляется его огромная роль в усилении партии *Сэйюкай* и прогрессе партийной и парламентской политики в целом.

⁷² Имеется ввиду видный дипломат и государственный деятель Японии конца XIX в. Муцу Мунэмицу (1844–1897), бывший патроном и близким другом Хара.

⁷³ В тексте использован термин *сому иин*.

⁷⁴ В тексте использован термин *сэмму*.

⁷⁵ Возможно, речь идёт о разразившемся в декабре 1900 г. скандале с получением взяток членами Токийского муниципального собрания, председателем которого был Хоси Тору. Подозрения в коррупции пали и на самого Хоси, и хотя доказательств представлено не было, он был вынужден уйти с поста министра связи, чтобы не повредить репутации недвандо сформированного кабинета.

⁷⁶ Хоси Тору (1850–1901) — крупный политический деятель, один из руководителей бывшей Дзюкото и, несомненно, один из наиболее способных партийных лидеров того времени. Образование *Сэйюкай* стало возможно во многом благодаря именно его усилиям, таким образом вполне логичным выглядело включение Хоси в сформированный сразу после образования партии 4-й кабинет Ито Хиробуми в 1900 г. в качестве министра связи и коммуникаций.

⁷⁷ Ватанабэ Коки (1848–1901) — видный врач, учёный и политик эпохи Мэйдзи. В 1885 г. стал губернатором столичной префектуры Токио, а в 1888 г. — первым ректором Токийского императорского университета. В 1900 г. принял активное участие в формировании *Сэйюкай*.

⁷⁸ В 1901 г. Хоси был убит радикалом, обвинившим его в использовании «грязных политических методов».

⁷⁹ Ямагата Аритомо (1838–1922) — крупнейший политический, государственный и военный деятель, дважды возглавлявший кабинет министров (1889–91, 1898–1900). Выходец из княжества Тёсю, Ямагата активно поддерживал реставрацию Мэйдзи, после которой сразу занял заметное место в новом правительстве. Свои способности и энергию Ямагата направляет главным образом на реформирование японской армии по западному образцу, в частности, к числу его заслуг следует отнести введение воинской повинности. Таланты Ямагата не остались незамеченными: уже в 1883 г. он возглавляет министерство внутренних дел. За время пребывания в должности Ямагата проводит ещё одну важную реформу — внедряет сложную систему местного самоуправления, призванную укрепить централизованную власть и навести порядок в стране, охваченной выступлениями сторонников Движения за свободу и народные права. В это же время Ямагата становится одним из наиболее влиятельных политиков в стране. Наряду с Ито Ямагата являлся самым авторитетным из *гэнро*, а образованная им политиче-

ская группировка, в которую вошли наиболее переспективные и талантливые представители как армии, так и гражданской бюрократии, на долгое время стала едва ли не наиболее мощной политической силой в стране и во многом благодаря ней Ямагата вплоть до своей смерти оставался на первых ролях в государстве. Ямагата также можно назвать наиболее консервативным среди представителей высшего японского руководства, так, он до последнего противился усилению политических партий и настаивал на принципе «надпартийных» правительств. Борьбу с партиями Ямагата и его последователи считали одним из своих приоритетов, а сближение Ито с партийными политиками перевело того в разряд непримиримых противников Ямагата. Например, отставка 2-го кабинета Ямагата, о которой идёт речь в автобиографии, была предпринята им именно с целью затруднить Ито формирование стабильного кабинета на базе Сэйюкай.

⁸⁰ Ватанабэ Кунитакэ (1846–1919). Поддержав Реставрацию Мэйдзи, Ватанабэ сделал успешную карьеру в новом правительстве, прежде всего министерстве финансов, которое он возглавил во время 2-го кабинета Ито (1892–96). Ватанабэ стал одной из центральных фигур при создании Ито Сэйюкай, что позволило ему вновь занять пост министра финансов в 1900 г. Однако чрезмерные амбиции и самомнение Ватанабэ, как показывает Саиондзи, привели к кризису 4-го кабинета Ито и окончанию правительственной карьеры самого Ватанабэ.

⁸¹ Танака Мицуаки (1843–1939) — крупный политик и государственный деятель. Будучи самураем из Тоса, Танака принял активнейшее участие в Реставрации Мэйдзи и последовавшей за ней войне с просёгунскими войсками. После Реставрации занимал ряд ответственных постов в новом правительстве, например, в 1885 г. Танака стал главным секретарём 1-го кабинета министров Японии. С 1898 по 1909 являлся министром двора.

⁸² Тайный Совет при императоре был создан в 1888 г. для подготовки и согласования проекта Конституции. После принятия Конституции, тем не менее, Совет не был упразднён, а, напротив, стал одним из центральных государственных органов. Все ключевые вопросы внутренней и, как правило, внешней политики требовали одобрения со стороны Тайного Совета, председателем которого становились лишь наиболее опытные и авторитетные политики. Хотя на волне политической демократизации конца 1910-х — 1920-х гг. Тайный Совет несколько отошёл на второй план политической жизни, в целом же этот орган сохранял свою важнейшую роль в государственной системе вплоть до конца Второй Мировой войны.

⁸³ Куратоми Юсабуро (1853–1948), видный государственный деятель. Куратоми начал карьеру как чиновник министерства юстиции, и большая часть его карьеры как профессионального бюрократа была связана именно с юриспруденцией. Весьма успешно продвигался по служебной лестнице в системе Минюста, дойдя до поста главы департамента (1913). В марте 1914 г. был назначен императорским указом в Палату Пэров (до октября 1916 г.) В октябре 1920 г. стал советником

Тайного совета, а с декабря 1925 г. по май 1934 г. занимал должность председателя Тайного совета. В 1926 г. в качестве признания заслуг перед государством получил титул барона.

⁸⁴ Окума Сигэнобу (1838–1922) — крупнейший политический и государственный деятель, один из пионеров партийного движения Японии. После Реставрации Мэйдзи, в которой Окума принял самое активное участие, он занял видное место в новом правительстве, за сравнительно короткое время став одним из его лидеров. Однако в 1881 г. Окума, открыто сочувствовавший оппозиционному власти Движению за свободу и народные права, был вынужден покинуть правительство. Однако из политики он не уходит и в 1882 г. образует политическую партию Кайсинто, которая, несмотря на частые переименования, на протяжении всей довоенной истории Японии будет оставаться одной из двух крупнейших политических партий в стране. В качестве партийного политика Окума добился значительных успехов: дважды он назначался премьер-министром (1898, 1914–1916).

⁸⁵ Созэдзима Танэоми (1828–1905), крупный государственный деятель и политик эпохи Мэйдзи, один из руководителей правительства Мэйдзи. Среди главных карьерных достижений — пост главы внешнеполитического ведомства в 1871 г. и должность министра внутренних дел в 1892 г.

⁸⁶ Такасима Томоносукэ (1844–1916), крупный государственный и военный деятель Мэйдзи и начала Тайсё. Родом из Сацума (совр. преф. Кагосима) Такасима начал карьеру как профессиональный военный, принял активное участие в войне Босин (1868–69) на стороне антисёгунской коалиции и в подавлении мятежа Сайго Такамори (1878). В 1883 г. получил звание генерал-лейтенанта, а в 1884 г. титул виконта. Был военным министром в 1-м и 2-м кабинете Мацуката и 2-м кабинете Ито. С 1892 по 1895 и с 1899 по 1916 гг. занимал должность советника Тайного совета.

⁸⁷ Кацура Таро (1848–1913) — крупнейший политический, государственный и военный деятель эпохи Мэйдзи. Кацура принял непосредственное участие в войне с войсками просёгунской коалиции и, таким образом, после реставрации императорской власти получил возможность для успешного карьерного роста. Потомственный самурай Кацура решил продолжить военную карьеру и спустя некоторое время после реставрации Мэйдзи он отправляется в Европу для изучения западной военной системы. После возвращения в Японию Кацура поступает на службу в военное министерство и благодаря своим способностям и целеустремлённости почти сразу же заслуживает доверие и уважение Ямагата Аритомо. Под патронажем последнего Кацура стремительно продвигается по службе и к концу XIX в. становится одной из наиболее влиятельных фигур в политическом клане Тёсю и ближайшим соратником Ямагата. После японо-китайской войны, в которой Кацура командовал 3-й дивизией из Нагоя, его назначают генерал-губернатором Кореи, а в 1898 г. Кацура получает портфель военного министра в 3-м кабинете Ито Хиробуми и сохраняет этот пост до 1900 г. (3-й ка-

бинет Ито, 1-й кабинет Окума, 2-й кабинет Ямагата). В июне 1901 г. Кацура, при активной поддержке Ямагата, становится премьер-министром, что символизирует определённую смену поколений в японском истеблишменте — постепенный переход власти от старейшин *гэнро* ко «второй волне» политиков. Кацура остаётся у власти до конца 1905 г., и за это время благодаря прежде всего внешнеполитическим успехам кабинета (заключение союза с Англией в 1902 г., победа в русско-японской войне 1904–05 гг.) значительно вырастает его политический авторитет. В дальнейшем Кацура ещё дважды сформирует правительство (1908–11 и 1912–13). Хотя Кацура был одним из политических олигархов и поначалу разделял неприязненное отношение Ямагата к партиям, в отличие от многих консерваторов в японском истеблишменте Кацура в начале XX в. приходит к пониманию неизбежности политических изменений и в 1904 г. начинает тесное сотрудничество с политическими партиями, которое в январе 1913 г. увенчалось формированием собственной партии Кацура — Досикай.

⁸⁸ В середине 1903 г., на пике противоречий между кабинетом Кацура Таро и возглавляемой Ито Хиробуми крупнейшей в Парламенте партии — Сэйюкай, Кацура демонстративно подал в отставку, пытаясь с помощью этого демарша изменить политическую ситуацию в свою пользу. Император в итоге отклонил прошение Кацура об отставке, а последовавшее за этим назначение Ито на пост председателя Тайного Совета нанесло серьёзный удар по позициям Сэйюкай, поскольку вынуждало Ито покинуть пост председателя этой партии. Можно сказать, что вся эта ситуация была частью плана Кацура по ослаблению Сэйюкай.

⁸⁹ Суэмацу Кэнтё (1855–1920), близкий соратник Ито Хиробуми, видный политик и депутат нижней палаты от Сэйюкай. Карьеру Суэмацу начал как журналист и публицист, но после знакомства с Ито поступил на дипломатическую службу и постепенно начал превращаться в крупного государственного деятеля. Успешному продвижению Суэмацу в немалой степени способствовали его близкие отношения с Ито, так, он был женат на его родной дочери. Суэмацу несколько раз получал портфель государственного министра, в частности, в 1900 г. он стал министром внутренних дел в 4-м кабинете Ито. Суэмацу принял активное участие в создании Сэйюкай как член организационного комитета и в последующем играл важную роль в жизни партии, являясь членом общего отдела.

⁹⁰ Като Такааки (1860–1926) — государственный деятель, дипломат и политик начала XX в. Министр иностранных дел в 4-м кабинете Ито, 1-м кабинете Саиондзи, 3-м кабинете Кацура, 2-м кабинете Окума. Дважды премьер-министр Японии (1924–25, 1925–26). Като Такааки принадлежит особое место в политической истории: возглавляя с 1913 г. партию *Досикай* (позже *Кэнсэйкай*) — наиболее либеральную из двух крупнейших партий Японии, он внёс огромный вклад в развитие парламентаризма в довоенной Японии. Именно партия Като сыграла решающую роль в успехе 2-го Движения в защиту конституционного правительства, итогом которого стало формирование партийного ка-

бинета во главе с Като в 1924 г. и окончательное утверждение периода партийных кабинетов, а также в принятии Закона о всеобщем (мужском) избирательном праве в 1925 г.

⁹¹ Законопроект о приобретении железных дорог в государственную собственность был разработан ещё 1-м кабинетом Кацура Таро (1901–05), однако опубликован данный закон был 31 марта 1906, и его непосредственной реализацией занимался кабинет Саиондзи. Согласно этому закону государство выкупало у 17 частных компаний сеть железных дорог общей протяжённостью свыше 4500 км и переводило их в управление Железнодорожного агентства при кабинете министров. Таким образом протяжённость государственных дорог увеличивалась в 3 раза, а в ведении частных компаний остались лишь региональные транспортные ветки. Данная реформа была предпринята, с одной стороны, с целью унификации и централизации железнодорожной транспортной системы страны, а с другой, за реформу активно выступал региональный капитал, получавший в результате продажи дорог государству значительные средства.

⁹² Тэраути Масатакэ (1852–1919), один из крупнейших военных, политических и государственных деятелей конца Мэйдзи — Тайсё. Будучи одним из ближайшим соратников и приближённых Ямагата Аритомо, неоднократно становился военным министром в различных кабинетах, в 1910 г. был назначен первым генерал-губернатором Кореи, а с 1916 по 1918 гг. являлся премьер-министром Японии.

⁹³ В 1906 г. кабинет Саиондзи разрешил образование Социалистической партии Японии, за что подвергся суровой критике консервативных политиков. Эта критика усилилась после того, как власти достаточно мягко отреагировали на то, что демонстранты на одном из митингов размахивали красными флагами.

⁹⁴ Речь идёт о Нагасима Рюдзи, женатом на третьей дочери Кацура — Киёко. Нагасима был профессиональным чиновником. Окончив юридический факультет Императорского университета, он сдал квалификационный экзамен для чиновников и поступил на службу в Минфин, где в последующем дослужился до начальника отдела. Дважды занимал должность секретаря премьер-министра, в частности, в 3-м кабинете Кацура. В начале 1910-х гг. начал принимать активное участие в политике. Так, Нагасима в 1913 г. поддержал создание политической партии Кацура — Досикай.

⁹⁵ В конце 1912 г. армейские лидеры (Тэраути Масатакэ, Танака Гии-ти и прочие), недовольные негативным отношением кабинета Саиондзи к увеличению армии и отклонением своих требований направить в охваченный Синхайской революцией Китай, выступили с ультиматумом, в котором призывали кабинет сформировать две дополнительные дивизии. После отрицательного решения кабинета министр Уэхара Тайсаку в одностороннем порядке ушёл в отставку, а армейские круги пошли на демарш, отказавшись выдвигать нового кандидата на министерский пост, и спровоцировали тем самым правительственный кризис и отставку кабинета (декабрь 1912 г.). Считается, что руково-

дители вооружённых сил не могли пойти на подобный шаг без молчаливого согласия Ямагата Аритомо — наиболее авторитетного армейского лидера.

⁹⁶ Имеется ввиду сокращение административных расходов государственного аппарата.

⁹⁷ Кацура Таро, некогда способствовавший диалогу между обоими правительствами Саиондзи и армией, в данном вопросе занял выжидательную позицию и по сути никак не отреагировал на неоднократные просьбы министра внутренних дел Хара Такаси помочь в преодолении возникшей проблемы. Как можно предположить из дальнейшего развития событий, Кацура, чьи политические позиции в 1912 г. заметно пошатнулись, собирався использовать назревающий кризис для очередного прихода к власти и реализации своих политических планов, в частности, он стремился окончательно отделиться от Сэйюкай и образовать свою собственную политическую партию.

⁹⁸ Имеется ввиду Великое Кантоское землетрясение 1 сентября 1923 г., унесшее жизни свыше ста тысяч человек и почти полностью разрушившее Токио и ряд других городов центральной Японии.

⁹⁹ Личный врач императора Мэйдзи.

¹⁰⁰ Утида Косай (1865–1936) — профессиональный чиновник и дипломат. Занимал различные ответственные посты в МИДе, например, был послом в Китае, США, России. Министр иностранных дел во втором кабинете Саиондзи, кабинетах Хара и Такахаси Корэкиё, Като Томо-сабуро и Сайто Макого. Сблизившись в 1910-е гг. с партийными силами, в 1930-е гг. Утида сыграет заметную роль в милитаризации Японии, став одним из инициаторов создания Маньчжоу-го и выхода Японии из Лиги Наций.

¹⁰¹ Здесь Саиондзи вскользь касается очень интересной истории, связанной с Каваками Садаёкко (1871–1946) и Фукудзава Момосукэ (1868–1938). Садаёкко была известной Токийской красавицей, пользовавшейся особым расположением Ито, Саиондзи и других первых лиц государства. В 1894 г. Садаёкко вышла замуж за популярного актёра Каваками Отодзиро и в составе его труппы в 1899 г. приняла участие в гастролях по Сан-Франциско, где её игра получила самые высокие отклики. Театральный талант Садаёкко покорила зрителей во многих западных странах, а газеты сравнивали её с Айсидорой Дункан. Считается, что Пуччини написал «Мадам Баттерфляй», именно вдохновившись её игрой. Особую симпатию Садаёкко завоёвывала у французской публики, с любовью называвшей её «мадам Садаёкко». Садаёкко внесла заметный вклад в развитие современного японского театра, и её принято считать первой японской актрисой.

Ещё в конце 1880-х гг. Садаёкко познакомилась с Момосукэ, молодым человеком, учившимся в Кёё гидзюку (совр. ун-т Кёё). Сохранилась история, что Момосукэ, приёмный сын известного просветителя и основателя Кёё Фукудзава Юкити, спас её от нападения стаи диких собак, что и послужило началом их знакомства. После смерти Отодзиро в 1911 г. Садаёкко вновь встретила с Фукудзава Момосукэ,

ставшим к тому времени крупнейшим предпринимателем, названным «королём энергетики» Японии за строительство целого ряда электростанций. Несмотря на многолетний перерыв, их дружба возобновилась, и вплоть до смерти Фукудзава они жили вместе, то в Нагоя, пока в том районе шло строительство каскада гидроэлектростанций, то в Токио. Позже Садаякко основала собственное предприятие по выпуску первосортного шёлка на экспорт, а в 1933 г. в Гифу на её деньги был построен буддийский храм Тэйсёдзи.

¹⁰² Ёкота Сэнносукэ (1870–1925) — крупный партийный деятель. Получил прекрасное юридическое образование в Токио хогакуин, после знакомства с Хоси Тору работал при нём в качестве юриста и под его покровительством начал политическую карьеру. В 1900 г. принял деятельное участие в формировании Сэйюкай, а после стал одним из лидеров партии. С 1912 г. 5 раз избирался в палату представителей от преф. Тотиги. Работал в качестве генерального секретаря партии, а в кабинете Хара занимал одну из ключевых должностей — начальника юридического департамента. В 1924 г. был активным участником 2-го Движения за защиту конституционного правительства, в результате чего стал министром юстиции в коалиционном кабинете Като Такааки.

¹⁰³ Возможен двоякий перевод на русский — «Эпиграмма» или «Острый кинжал».

¹⁰⁴ Япония в мире.

¹⁰⁵ Имеется ввиду один из этапов войны *Босин* против просёгунских сил.

¹⁰⁶ Ниннадзи-но Мия Ёсиакира Синнô (1846–1903) — принц, член императорского рода, видный военный деятель эпохи Мэйдзи. Ёсиакира был сыном принца Фусими-но мия, а позже стал приёмным сыном императора Нинкô. После усыновления императором Ёсиакира был назначен настоятелем храма Ниннадзи, название которого по давней традиции и стало его фамилией. Во время войны против сёгунских войск принц Ниннадзи-но Мия проявил себя умелым военачальником и в дальнейшем он оставался верным военной службе, в качестве командира приняв участие в нескольких войнах и конфликтах: волнения в преф. Сага (1873), мятеж Сайго Такамори (1876), японо-китайская война (1894–95). В 1886 г. Ниннадзи-но мия стал генералом армии, а в 1897 г. получил звание маршала. Впрочем, к тому моменту он уже именовался Комацу-но Мия Акихито Синнô, поскольку в 1881 г. основал собственный род, названный Комацу (по древнему названию своего родового храма Ниннадзи).

¹⁰⁷ Ито Миёдзи (1857–1934) — видный политик и чиновник Мэйдзи, Тайсё и начала Сёва, а также близкий соратник Ито Хиробуми. К числу его заслуг относится, в частности, активное участие в составлении конституции Мэйдзи в качестве личного секретаря Ито Хиробуми. На протяжении своей карьеры занимал ответственные посты в кабинете министров, Палате Пэров, Тайном Совете и других государственных структурах.

¹⁰⁸ Старший советник в правительстве Мэйдзи.

¹⁰⁹ Известный буддийский монастырь школы Дзёдо, основанный в 1657 г. и расположенный в районе Рёгоку в Токио.

¹¹⁰ Борец высшего класса в борьбе *сумо*.

¹¹¹ Чемпион по борьбе *сумо*.

¹¹² Вероятно, речь идёт о Коноэ Тадахиро (1808–1898).

¹¹³ Коноэ Фумимаро (1891–1945) — трижды премьер-министр Японии (1937–39, 1940–41, июль 1941 — октябрь 1941). Фумимаро был протеже Саиондзи и поддерживал его мирный внешний курс. Однако в начале 1930-х гг. Фумимаро встал на сторону милитаристов и отдалился от Саиондзи. Именно во время кабинетов Фумимаро началась полномасштабная война с Китаем и Тихоокеанская война с США. В декабре 1945 г. покончил с собой, не дожидаясь официального выдвигания обвинений в военных преступлениях.

¹¹⁴ Коноэ Ацумаро (1863–1904) — отец Фумимаро, крупный государственный и политический деятель, председатель Палаты Пэров (1892–1904) и советник Тайного Совета (1903–1904). Один из главных противников политических партий и последовательный сторонник «жёсткого» внешнего курса, основой которого он считал продвижение Японии на азиатский материк. Им был создан ряд националистических организаций — Тоа добункай, Кокумин домэйкай, Тайгай коха досикай, а также одиозная Тайро досикай (Антирусская лига).

¹¹⁵ Ядо Киндзан (1849–1920) — известный поэт, писавший *канси* — стихи в китайской традиции.

¹¹⁶ Вероятно, Саиондзи имеет ввиду Санномия Ёситанэ (1843–1905), известного патриота и монархиста, с конца эпохи Токугава выступавшего за реставрацию императорской власти и принявшего активнейшее участие как в Реставрации, так и в последующих боевых действиях против сёгунских войск. После Реставрации Санномия занимал различные государственные должности, дослужившись в 1873 г. до обер-церемониймейстера двора, должности, которую он занимал до своей смерти. В 1895 г. Санномия за заслуги был пожалован титул барона. Возможно, Коан (допускается также прочтение Хироясу) было одним из имён Санномия.

¹¹⁷ Комура Дзютаро (1855–1911) — государственный деятель и дипломат второй половины эпохи Мэйдзи. Профессиональная карьера Комура началась в Минюсте, но главные его достижения связаны именно с дипломатической службой. Министр иностранных дел в 1-м и 2-м кабинетах Кацура Таро (1901–05, 1908–11). Комура был сторонник жёсткой внешней политики, прежде всего в отношении России, главной целью которой видел установление преобладающего влияния Японии в восточно-азиатском регионе. Возглавлял японскую делегацию в Портсмуте в 1905 г.

¹¹⁸ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — граф, российский государственный деятель; с 1889 г. — директор департамента железных дорог Министерства финансов, с августа 1892 г. по 1903 г. — министр финансов, с августа 1903 г. — председатель Комитета министров. В 1905 г. возглавлял русскую делегацию, подписавшую Портсмутский мирный договор России с Японией. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. — глава

Совета министров. Член Государственного совета и председатель Комитета финансов до 1915 г.

¹¹⁹ «Полтора года» (1901) — последняя работа Накаэ, его «прижизненное завещание», начатое им после того, как в 1900 г. врач вынес Накаэ вердикт, что тому не прожить более полутора лет.

¹²⁰ *Сёги* называли исполнительниц танцев и песен под музыкальный аккомпанемент.

¹²¹ *Сиравёси* — исполнительницы одноимённых танцев в XII–XIV вв.

¹²² Накаи Хироси (1838–1890) — политик и высокопоставленный чиновник. Будучи выходцем из княжества Сацума, после Реставрации Накаи занял видные посты в новом правительстве: работал губернатором преф. Сига, Киото, являлся членом *Гэнроин*. Однако прославился Накаи не только своими достижениями на государственной службе, но и стихотворным творчеством. Среди его близких друзей и почитателей были такие выдающиеся люди эпохи, как Ито Хиробуми, Иноуэ Каору, Гото Сёдзиро и другие.

¹²³ Кумои Тацую (1844–1870) — самурай и чиновник в правительстве Токугава. Кумои не принял Реставрацию Мэйдзи и поддержал сторонников сёгуна. После завершения гражданской войны и разгрома просёгунских войск Кумои попытался воздействовать на новое правительство с помощью петиций, но потерпел неудачу. Тогда Кумои собрал вокруг себя группу недовольных с целью насильственного свержения правительства Мэйдзи. План был раскрыт, и в декабре 1870 г. Кумои и 11 его товарищей были казнены. С учётом радикальных взглядов Кумои становится понятен холодный сарказм Саиондзи, преданного монархиста, в ответ на цитирование Накаи стихов Кумои.

¹²⁴ Князь (ко:) — высший титул в придворной иерархии. Лишь наиболее заслуженные государственные деятели получали этот титул, например, князем был сам Ямагата Аритомо.

¹²⁵ Ямамото Гоннохё (1852–1933) — крупнейший военный и государственный деятель конца XIX — первой половины XX вв. Будучи самураем из Сацума, Ямамото после войны Босин, в которой он принял активное участие на стороне императорских сил, выбрал карьеру офицера флота. Благодаря выдающимся способностям к концу XIX в. становится одной из центральных фигур как в Военно-морском министерстве, так и в политическом клане Сацума, а к концу эры Мэйдзи — их общепризнанным лидером. С 1898 по 1905 гг. бессменно занимал пост военно-морского министра (2-й кабинет Ямагата, 4-й кабинет Ито, 1-й кабинет Кацура), дважды (1913–14, 1923–24) вставал во главе правительства Японии. За заслуги во время русско-японской войны получил титул графа.

¹²⁶ Вероятно, неприязнь Ямагата к Като можно объяснить как «радикальной», с точки зрения Ямагата, позиции его партии, главным образом в вопросе всеобщего избирательного права, так и чрезмерной самостоятельностью Като, стремившегося исключить влияние *гэнро* на государственную политику, прежде всего дипломатию. Так, Ямагата не мог простить Като выдвижения им «21-го требования» Китаю в 1915 г.

без консультаций с ним и другими *гэнро*, что стало причиной серьёзного внешнеполитического кризиса. Под давлением Ямагата в 1915 г. Като был вынужден оставить пост министра иностранных дел.

¹²⁷ Хирата Тосукэ (1849–1925) — видный государственный деятель и политик конца XIX — начала XX вв. Являясь одной из центральных и наиболее близких к Ямагата фигур в политической группировке Ямагата, занимал такие важные посты, как глава законодательного департамента кабинета министров во 2-м кабинете Ямагата, министр торговли и с/х в 1-м кабинете Кацура, министр внутренних дел во 2-м кабинете Кацура, и т. д. В 1922 г. Хирата был назначен министром-хранителем печати, и ему был пожалован титул графа. Разделял концепцию «трансцендентности» правительств и выступал против роста влияния политических партий, для чего, в частности, использовал своё влияние в Палате Пэров, куда он был назначен в 1890 г.

¹²⁸ 4 ноября 1921 г. на Токийском вокзале Хара зарезал правый радикал, обвинивший его, в частности, в «мягкотелой» внешней политике. Известно, что Хара был сторонником «политики кооперации» между державами и внешнего курса с упором на экономическую, а не военную экспансию. Итогом этой политики было и вступление Японии в Лигу Наций, и участие в Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений, и значительное сокращение масштабов Сибирской интервенции, начатой предыдущим кабинетом.

¹²⁹ Такахаси Корэкиё (1854–1936) — крупный государственный деятель и политик. Начав карьеру чиновника в 1873 г., постепенно добился признания и в 1911 г. был назначен председателем Банка Японии. В 1913 г. Такахаси вошёл в кабинет Ямамото Гоннохёэ как министр финансов, одновременно вступив в *Сэйюкай*. Ещё за время 2-го кабинета Саиондзи (1911–12) Такахаси стал близким соратником Хара, поддержав его «позитивную» финансовую политику поощрения промышленности. Естественно поэтому, что в 1918 г. Хара включил его в свою кабинет в качестве министра финансов, а также что после смерти Хара именно Такахаси стал следующим председателем *Сэйюкай* (до 1925 г.) и возглавил новое правительство (1921–1922). В 1924 г. Такахаси, поддержавший Движение в защиту конституционного правительства, вступает в кабинет Като — на этот раз как министр торговли и с/х. В последующие годы Такахаси, пользовавшийся колоссальным влиянием в деловых кругах и большим политическим авторитетом, ещё дважды становился министром финансов: в кабинете Танака Гиити (1927–29) и Инукаи Цуёси (1931–32).

¹³⁰ Токутоми Сохо (1863–1957). Настоящее имя — Токутоми Ийтиро. Видный журналист, историк, критик, обозреватель и публицист. Токутоми, начав деятельность как либеральный журналист, постепенно меняет позицию и ко 2-й половине 1890-х гг. становится приверженцем идей о сильном государстве и одним из главных идеологов императорского абсолютизма. Подобные взгляды способствуют сближению в 1890-е гг. Токутоми с консервативными фигурами в правительстве — Ямагата и Кацура. Тогда же Токутоми возглавляет проправительственную газету «Ко-

кумин-симбун». Особые лавры Токутоми снискал в 1930-е гг., когда его идеи о сильном государстве с опором на императорскую фамилию фактически ложатся в основу идеологии пришедших к власти консервативных и милитаристских сил. В 1937 г. выходит главный исторический труд Токутоми — «Современная история японского народа», за который он получает ряд государственных премий. В 1942 г. Токутоми возглавляет «Дайниппон гэнронхо кокукай», организацию созданную в целях контролирования мыслей и мобилизации поддержки для правящего режима. За деятельность во время войны в 1945 г. Токутоми относят к категории военных преступников класса «А» и пожизненно запрещают занимать общественные должности.

¹³¹ Макино Нобуаки (1861–1949) — крупнейший политик и государственный деятель довоенной Японии, сын Окубо Тосимити. Начав в 1880 г. карьеру в министерстве иностранных дел, Макино очень успешно продвигается по должностной лестнице, и уже в 1906 г. становится министром образования в 1-м кабинете Саиондзи. Во 2-м кабинете Саиондзи Макино получает портфель министра с/х и торговли, а в 1-м кабинете Ямамото — министра иностранных дел. Успешной карьере Макино способствовали как и его незаурядные способности, так и тесные связи с Ито и Саиондзи. Эта близость во многом обусловлена их схожими взглядами на внешнюю политику. Будучи, как и Саиондзи, либералом, Макино выступал за политику мирного сотрудничества между державами и против военной экспансии. Вполне логично, что именно он стал главным помощником Саиондзи на Парижской мирной конференции. С 1921 по 1925 гг. Макино, по рекомендации Саиондзи, занимал должность министра двора, а с 1925 по 1935 гг. — министра-хранителя печати. На этих должностях Макино старался способствовать как либерализации императорского двора, так и внутренней политики в целом. Макино, получивший в 1935 г. титул графа, пользовался таким доверием и авторитетом у императора, что по одной из версий, его слова об отставке в 1935 г. вызвали слёзы у императора Сёва.

¹³² Икки Китокуро (1867–1944) — юрист, политик и государственный деятель. После окончания в 1887 г. юридического факультета Императорского ун-та поступил на службу в Министерство внутренних дел. С 1890 по 1894 гг. обучался праву в Германии. В 1902 г. стал начальником законодательного департамента в 1-м кабинете Кацура, в 1925 г. был назначен министром двора, а в 1934 г. — председателем Тайного Совета при императоре. Икки поддерживал лежавшую в основе «Демократии Тайсё» конституционную теорию Минобэ Тацукити, трактовавшую институт императора как один из органов государственной власти, в связи с чем стал одним из объектов нападок со стороны милитаристов в 1930-е гг.

¹³³ Окада Рёхэй (1864–1934) — чиновник и политик эпох Мэйдзи и Тайсё и начала эпохи Сёва, старший брат Икки Китокуро. После окончания в 1887 г. Императорского ун-та Окада поступил на службу в Министерство образования, где сделал весьма успешную карьеру и уже в 1908 г. стал заместителем министра во 2-м кабинете Кацура (1908–1911).

Получал портфель министра образования в кабинетах Тэраути Масатакэ (1916–18), Като Такааки (1924–26) и 1-м кабинете Вакацуки Рэйдзиро (1926–27). С 1904 по 1929 гг. являлся членом Палаты Пэров, а в 1929 г. был назначен советником Тайного Совета при императоре.

¹³⁴ Накагава Кодзуро (1866–1944) — племянник Накагава Кэндзиро, бывшего директором Токийской высшей педагогической школы для женщин (совр. ун-т Отяномидзу), и близкий соратник Саиондзи в вопросах национального просвещения. Как и свой дядя, Кодзуро занял видное место в истории японского образования. После окончания Токийского императорского ун-та Накагава поступает на службу в министерство образования. В 1895 г., когда Саиондзи стал министром образования во 2-м кабинете Ито, Кодзуро получает должность секретаря министра и становится правой рукой Саиондзи в деле распространения высшего образования в Японии, например, Кодзуро наряду с Саиондзи принял активнейшее участие в основании Киотосского ун-та и Японского женского ун-та. В 1900 г. Накагава Кодзуро, при поддержке Саиондзи, основывает Киотосскую юридическую школу, которая позднее получает название ун-т Рицумэйкан. В 1906 г., после формирования 1-го кабинета Саиодзи, Накагава Кодзуро возвращается в правительство, заняв должность секретаря премьер-министра. В дальнейшем Кодзуро продолжал занимать ответственные государственные посты: начальника департамента в управлении Карафутто (Сахалина), председателя банка Тайваня, пожизненного члена Палаты Пэров и т. д.

¹³⁵ Като Томосабуро (1861–1923) — адмирал флота, видный военный, государственный и политический деятель Мэйдзи и Тайсё. В 1914 г. Като стал военно-морским министром во 2-м кабинете Окума (1914–16), и сохранял этот портфель вплоть до 1922 г. (кабинеты Тэраути, Хара, Такахаси). Като был одним из наиболее либеральных представителей военного руководства Японии. Осознав изменение реалий международной жизни после 1-й мировой войны, Като поддержал политику Хара, направленную на свёртывание военной экспансии и мирную кооперацию с другими державами. Более того, Като лично возглавил японскую делегацию на Вашингтонской конференции по ограничению морских вооружений (ноябрь 1921 — февраль 1922 гг.). При этом ему удалось не только заставить различные силы в военно-морском ведомстве поддержать принятые в Вашингтоне постановления, но и убедить флот согласиться на замещение премьером Хара — гражданским лицом — поста военно-морского министра на время отсутствия Като. В 1922 г. Като становится премьер-министром Японии и остаётся в должности вплоть до смерти в 1923 г. За время правления Като удалось выполнить 2 важные задачи: провести существенное сокращение военно-морских сил и положить конец Сибирской интервенции.

¹³⁶ Танака Гиити (1864–1929) — крупный политик и государственный деятель. Танака, выходец из Тёсю и профессиональный военный, в начале XX в. становится одной из наиболее заметных фигур в военном крыле клана Тёсю. Будучи по сути одним из протеже Ямагата Аритомо,

Танака поначалу разделяет его антипартийные взгляды, однако к концу 1910-х гг. постепенно меняет свои убеждения, осознав политические партии как мощную и эффективную силу. В 1918 г. Танака входит в партийный кабинет во главе с Хара Такаси (1918–1921) как военный министр и обеспечивает лояльное отношение армии к новому правительству. В 1925 г. Танака сам становится председателем Сэйюкай, а в 1927 г. возглавляет очередное партийное правительство. Тем не менее, Танака можно назвать наиболее консервативным партийным премьером, в частности, именно при нём было принято многие реакционные законы по противодействию «опасным мыслям», а также проведены репрессии против левых политических сил. Танака также не справился с растущим произволом в поведении армии, прежде всего расквартированных на материке частей, одним из следствий которого стало убийство японскими войсками китайского генерала и фактического главы северо-восточных провинций Китая Джан Дзо Линя и резкое ухудшение как японо-китайских отношений, так и внутриазиатского климата. В 1929 г. император Сёва, серьёзно обеспокоенный усиливающимся неповиновением в войсках, лично сделал суровый выговор Танака, предопределив отставку его кабинета.

¹³⁷ Вакацуки Рэйдзиро (1866–1949) — крупный государственный деятель и политик первой половины XX в. Вакацуки был ярким представителем класса профессионального чиновничества: окончив с блеском Императорский ун-т (средний экзаменационный балл Вакацуки был 98 из 100 возможных), он поступил на службу в Минфин, где сделал очень успешную карьеру, и уже в 1912 г. стал министром финансов в 3-м кабинете Кацура Таро. Портфель министра финансов Вакацуки получает и во 2-м кабинете Окума Сигэнобу (1914–16). В это же время происходит сближение Вакацуки с политическими партиями, стремительно набиравшими силу в этот период, а именно — с *Досикай* (буд. *Кэнсэйкай* и *Минсэйто*). В 1924 г. Вакацуки в качестве одного из лидеров руководимой Като Такааки *Кэнсэйкай* активно поддержал 2-е Движение в защиту конституционного правительства, итогом которого стало формирование коалиционного кабинета, где Вакацуки занял пост министра внутренних дел. После смерти Като в 1926 г. именно Вакацуки стал его преемником как на посту премьера, так и председателя *Кэнсэйкай*. В 1927 г. Вакацуки вынужден уйти в отставку из-за разразившегося финансового и банковского кризиса, и в следующий раз кабинет он возглавляет в апреле 1931 г., сменив смертельно раненного ультра-правыми националистами премьера Хамагути Осати (1870–1931). Возглавив правительство, Вакацуки продолжает политику, начатую своим предшественником и характерную для *Минсэйто* в целом, которая была направлена на свёртывание внешней экспансии и установление гражданского контроля над армией и флотом, однако его усилия вызывают серьёзный протест различных правых и реакционных сил, что приводит к кризису и отставке кабинета уже в декабре того же года. На Токийском трибунале Вакацуки выступал как один из ключевых свидетелей по делу о преступлениях милитаристов, в частности, о Манчжурском инциденте.

¹³⁸ Имеется ввиду Киото, как противопоставление восточной столице — Токио.

¹³⁹ Киёура Кэйго (1850–1942) — крупный политик и государственный деятель, профессиональный чиновник и юрист. Выдающиеся способности Киёура были отмечены самим Ямагата Аритомо, по рекомендации которого он был уже в возрасте 34 лет назначен главой полицейского управления Японии. В дальнейшем Киёура становится одной из ключевых фигур в политической группировке Ямагата и тесные связи между ними будут в значительной степени способствовать карьерному росту Киёура. Киёура входит как министр юстиции во 2-й кабинет Мацуката (1896–98), 2-й кабинет Ямагата (1898–1900) и 1-й кабинет Кацура (1901–1906), а в 1906 г. получает должность советника Тайного Совета при императоре, председателем которого становится после смерти в 1922 г. Ямагата. Одновременно Киёура является главой крупнейшей фракции Палаты Пэров — *Кэнкюкай*. К началу 1920-х гг. Киёура становится одним из наиболее влиятельных политиков в Японии, и в 1924 г. Саиондзи рекомендует его в качестве премьер-министра. Киёура, в попытке создать «нейтральный» кабинет, комплекзует его почти исключительно членами Палаты Пэров. Этот кабинет, прозванный в обществе «привилегированным», оказался одним из самых коротких в довоенной истории Японии: он не просуществовал и 5 месяцев и был «сметён» 2-м Движением в защиту конституционного правительства, организованным крупнейшими партиями нижней палаты для борьбы с «неконституционным» правительством Киёура.

¹⁴⁰ Имеется ввиду Великое кантосское землетрясение сентября 1923 г., унесшее жизни ста с лишним тысяч человек.

¹⁴¹ Речь идёт о Саиондзи Хатиросе (1881–1946). Строго говоря, Хатиросе был сыном не Саиондзи, а Мори Мотонори (1839–1896) — *даймё* княжества Ямагути, сыгравшего заметную роль как в Реставрации Мэйдзи, так и в действительности мэйдзийского правительства и получившего в 1884 г. за заслуги высший титул — князя. В 1906 г. Хатиросе вступает в брак с незаконной дочерью Саиондзи — Син (1886–1920) и становится не только зятем Саиондзи, но и его приёмным сыном и законным наследником. Главные карьерные достижения Хатиросе связаны со службой в министерстве двора, где он занимал различные ответственные должности. После смерти Саиондзи в 1940 г. Хатиросе наследует его титул князя и становится главой рода Саиондзи.

¹⁴² Джордж Вашингтон (1732–1799) — первый президент США.

Содержание

Предисловие (А. Н. Мещеряков) .	5
<i>М. В. Грачев</i>	
Регламентация служебной деятельности японских чиновников в VII–VIII вв.: к вопросу о методах контроля государственного аппарата в древней Японии.	7
<i>Е. Б. Сахарова</i>	
Провинциальное управление в период Нара .	33
<i>А. Бачурин</i>	
Запреты на направления (<i>катаими</i>) в период Хэйан.	59
<i>М. Ю. Шабалина</i>	
Придворная карьера Фудзивара Сёси	99
<i>Л. Федянина</i>	
«Китано Тэндзин энги» как исторический источник культа Сугавара Митидзанэ	119
<i>Ю. Гвоздикова</i>	
«Мумё дзоси» («Записки без названия») .	191
<i>О. Витязева</i>	
Представление об идеале женской красоты в Японии периода Хэйан	393
<i>А. А. Дулина</i>	
Книги <i>хинагата</i> как источник для изучения орнаментики кимоно .	427
<i>А. Н. Мещеряков</i>	
Первое жизнеописание императора Мэйдзи	449
<i>Н. Овсянников</i>	
Автобиография Саиондзи Киммоти	469

Contents

Foreword (by A. Meshcheryakov) .	5
<i>M. Grachov</i>	
Job Regulations of Japanese Bureaucracy in the 7th–8th centuries: dealing with the problem of control in governmental institutions in ancient Japan .	7
<i>Ye. Sakharova</i>	
Provincial Government in Nara Japan	33
<i>A. Bachurin</i>	
Forbidden directions (<i>kataimi</i>) in Heian period .	59
<i>M. Shabalina</i>	
Court Career of Fujiwara Shoshi	99
<i>L. Fedyanina</i>	
<i>Kitano Tenjin Engi</i> and the cult of Sugawara Michizane .	119
<i>Yu. Gvozdikova</i>	
Heian novel <i>Mumyō Zōshi</i>	191
<i>O. Vityazeva</i>	
Ideal woman in Heian Japan	393
<i>A. Dulina</i>	
The <i>Hinagata</i> books as a source for studying <i>kimono</i> ornaments .	427
<i>A. Meshcheryakov</i>	
The first biography of Meiji Emperor	449
<i>N. Ovsyannikov</i>	
The Autobiography of Saionji Kinmochi	469

Summary

This volume edited by A. Meshcheryakov contains papers presented at the 8th annual conference “History and Culture of Japan” held at the Russian State University for the Humanities in February, 2006. It continues the tradition established by the previous collection of papers of the same kind (*History and Culture of Japan*, 2001, and *Political Culture of Ancient Japan*, 2006). The main feature of this volume is numerous annotated translations of primary historical and literature sources: *Kitano Tenjin Engi* (by L. Fedyanina), *Mumyō Zōshi* (by Yu. Gvozdikova), the first official biography of Meiji, Emperor (by A. Meshcheryakov), fragments of the autobiography of Saionji Kinmochi (by N. Ovsyannikov). Besides that, the authors of this volume presented papers on ancient Japanese history dealing with bureaucracy (M. Grachov) and the governing of provinces (Ye. Sakharova). Papers of A. Bachurin (on *kataimi*), M. Shabalina (on the court career of Fujiwara Shoshi) and O. Vityazeva (on the images of ideal woman) make a contribution to Heian historical and cultural studies. The paper of A. Dulina is devoted to the study of *kimono* ornaments.

История и культура традиционной Японии / Отв.
И 90 ред. А.Н. Мещеряков. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т,
2008. 558 с. (*Orientalia et Classica*: труды Института восточ-
ных культур и античности; вып. 16)
ISBN 978-5-7281-0934-1

Статьи настоящего сборника, посвященные различным аспектам истории и культуры Японии, охватывают период с древности до XX в. Характерной особенностью книги является обилие комментированных переводов памятников, многие из которых никогда не переводились на западные языки.

УДК 008.001(520)
ББК 63.3(5Япо)я43

Научное издание

**История и культура
традиционной Японии**

Ответственный редактор
А.Н. Мещеряков

Оригинал-макет подготовлен
в Институте восточных культур и античности

Компьютерная верстка
А.А. Ковалев

Подписано в печать 20.11.2007.

Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 35,5. Уч.-изд. л. 35,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 48

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993 Москва, Миусская пл., 6

